И 110/132

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ

М. Пыляева

стр + 27 вкл 30

14/2 27 вкл 33

8/5 - 88 27 вкл 20

16/5-88 27 вкл

24/5 88 27 вкл:

29/7-88 27 вкл 33

18/8 88 - 27 вкл

2/9 88 27 вкл

5/12-88 27 вкл

3/I 89 27 вкл

21/10.89 стр и вкл. все 7

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ

М. И. ПЫЛЯЕВА

А. Зубчаниновъ

ИЗДАНІЕ А. СУВОРИНА

28 вкл.
27 вкл
Не отв

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ

И
132

ф I 17
10803

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ БЫЛОЙ ЖИЗНИ СТОЛИЦЫ

М. И. ПЫЛЯЕВА

СЪ 100 ГРАВЮРАМИ

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

ф. 31. 26862.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1887

Дозволено цензурою. Спб., 23 октября 1886 г.

2007085502

ОТЪ АВТОРА.

Въ настоящей книгѣ собраны свѣдѣнія объ исторіи и жизни Петербурга въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. Источниками для нашего труда служили не одни только русскія и иностранныя сочиненія, подробно указанныя въ концѣ книги, но и изустные разсказы петербургскихъ старожиловъ.

Большая часть рисунковъ, приложенныхъ къ настоящему изданію и помѣщенныхъ въ текстѣ его, появляются въ печати въ первый разъ и воспроизведены съ рѣдкихъ оригиналовъ, принадлежащихъ П. Я. Дашкову, который любезно предоставилъ намъ возможность пользоваться его богатымъ собраніемъ гравюръ, относящихся къ бытовой исторіи Петербурга. Остальные рисунки заимствованы изъ изданныхъ А. С. Суворинымъ иллюстрированныхъ исторій Петра Великаго и Екатерины II.

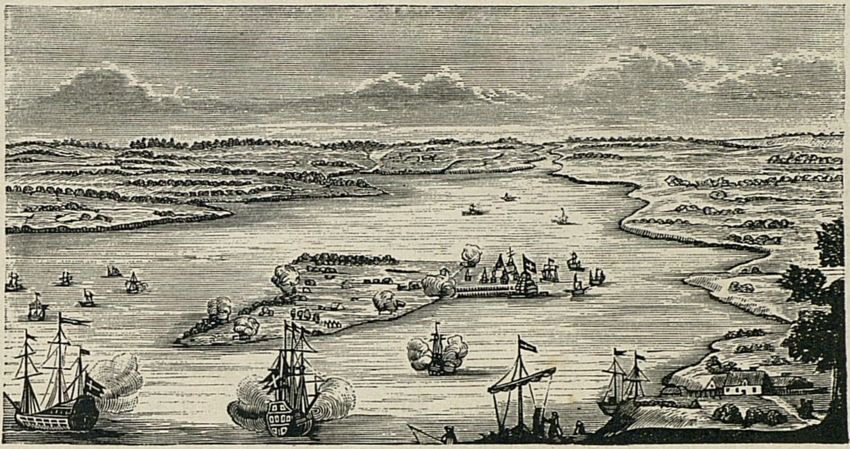
ГЛАВА I.

Петербургскій край до основанія столицы. — Ландскрона. — Новгородскіе погосты въ предѣлахъ нынѣшняго Петербургскаго уѣзда. — Дубовые лѣса на островахъ. — Прозвища первыхъ новгородскихъ поселенцевъ. — Клады. — Торговый городъ Ніеншанцъ. — Шведскія фермы въ чертѣ нынѣшней столицы. — Насильственныя мѣры противъ православія. — Племя „водь“ и идолопоклонство. — Взятіе Ніеншанца. — Плѣнные шведы. — Охта. — Основаніе Санктъ-Петербурга. — Пути и дороги къ возникающему городу. — Первыя строенія. — Усиленное заселеніе города. — Жилища поселенцевъ. — Рабочій день Петра I. — Дворцы сановниковъ царя. — Улицы. — Лѣтній садъ. — Адмиралтейство. — Первый корабль „Полтава“. — Численность Петровскаго флота. — Адмиралтейство въ послѣдующія эпохи. — Перестройка зданія адмиралтейства при Александрѣ I.

СЪ ПЕРВЫХЪ лѣтъ существованія древней Руси, мѣстность, гдѣ лежитъ теперь Петербургъ, входила въ составъ обширной Новгородской области. Лѣтописецъ Несторъ говоритъ, что по Невѣ 1) ходили новгородцы въ Варяжское море, а тамъ и до Рима. Въ 1300 году, въ самый Троицынъ день, на берега Невы приплылъ съ войскомъ и съ итальянскимъ архитекторомъ, присланнымъ отъ самого папы, шведскій маршалъ Торкель и основалъ тамъ крѣпость Ландскрона (Вѣнецъ Края) на мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Александро-Невская лавра. Такое опасное сосѣдство шведовъ сильно встревожило новгородцевъ, и не прошло года, какъ на призывъ послѣднихъ прибылъ изъ Суздаля великій князь и уничтожилъ шведское поселеніе. Въ лѣтописяхъ находимъ 2), что въ 1348 году двинулась противъ Орѣшка шведская флотилія подъ предводительствомъ короля Магнуса. Войдя въ устья Невы, король остановился на Березовомъ островѣ (нынѣшняя Петербургская сторона) и отправилъ отсюда гонцовъ въ Новгородъ о присылкѣ „философовъ“ для препирательства о вѣрѣ. Болѣе двухсотъ лѣтъ послѣ того новгородцы владѣли этою мѣстностью. Въ обыскныхъ, платежныхъ и оброчныхъ книгахъ XVI и XVII столѣтія находимъ, что вся мѣстность, лежащая узкою полосою по обѣимъ сторонамъ Невы вплоть до Финскаго залива, составляла погостъ „Спасскій“ и „Городенскій“ и была присудъ, или округъ, вѣдомства города Орѣшка (Шлиссельбурга). Всѣ же острова, составляемые протоками Невы при ея устьяхъ, у новгородцевъ носили названіе „Ѳомѣни“, отъ испорченнаго финскаго слова „tamminem“—дубовый. Вѣроятно, въ старину въ здѣшнихъ лѣсахъ дубъ составлялъ рѣдкость; на петербургскихъ же островахъ онъ встрѣчался во множествѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ еще до сего времени ростущіе на Елагиномъ и Каменномъ островахъ пятисотлѣтніе огромные дубы. Изъ книгъ новгородскихъ видно, что въ волости государевой на „Ѳомѣни“ состояло пришедшихъ въ запустѣніе 35 обжъ, или 525 десятинъ, пахатной земли.

Вотъ прозвища русскихъ жителей, обитавшихъ въ предѣлахъ нынѣшняго Петербурга: Вергуцины, Гаврилкины, Звягины, Мишкины, Омельяновы. Въ отказныхъ и обыскныхъ книгахъ 1587 года сказано: „Въ прошлыхъ годахъ орѣховскій намѣстникъ и воевода князь Богданъ Гагаринъ послалъ Будашева на государеву службу въ подъѣздъ подъ нѣмецкіе люди въ Ижерскій погостъ и тутъ взяли его въ полонъ нѣмецкіе люди Свѣйскіе“. Тамъ же написано: „Усадище, гдѣ живалъ Субота Похабный на Невѣ-рѣкѣ, на поругѣ (порогѣ), дворъ выжгли нѣмецкіе люди, какъ шли подъ Орѣшекъ“.

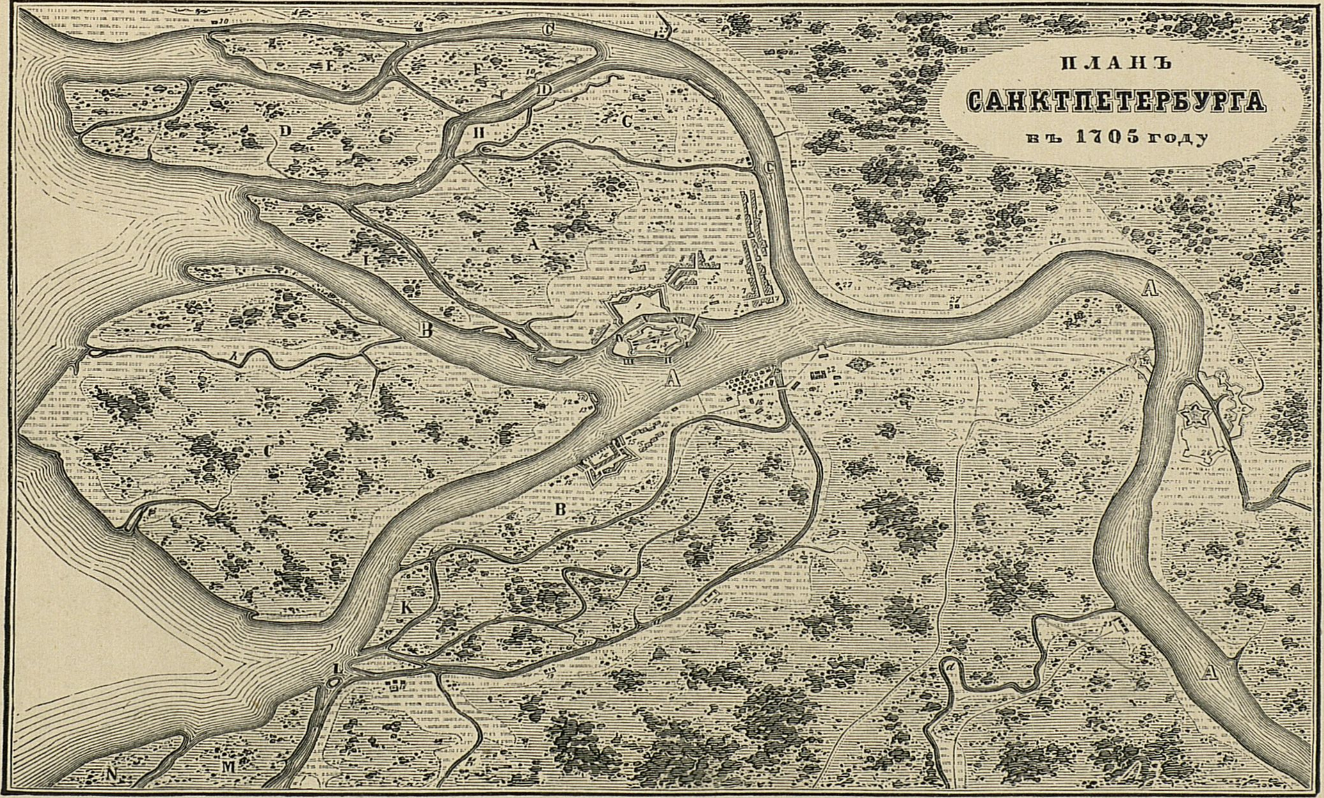
Объ исторической былой жизни этой мѣстности тоже свидѣтельствуютъ находимыя въ землѣ въ разныя времена серебряныя монеты, битыя въ VIII и XI вѣкахъ. Такъ, въ 1797 году, въ Галерной гавани вырытъ былъ котелокъ съ монетами, битыми около 780 года; одна изъ этихъ монетъ, доставленная С. М. Усову, была выбита въ правленіе третьяго халифа Аббасидовъ, Мегди. Въ 1799 году, при истокѣ Невы, найденъ былъ сосудъ съ серебряными монетами арабскими. Въ 1809 году, на берегу Ладожскаго озера рыбакъ открылъ въ землѣ цѣлую бочку серебряныхъ куфическихъ монетъ, вѣсомъ въ нѣсколько пудовъ. Вотъ какъ описывали эту находку газеты: „Крестьянинъ г-жи Бестужевой, въ 12-ти верстахъ отъ устьевъ Волхова увидѣлъ, однажды, что дерево, къ которому онъ привязывалъ свой челнокъ, вырвано бурею; желая прикрѣпить челнъ къ корнямъ дерева, онъ замѣтилъ, что земля подъ нимъ подмыта и унесена волнами; вглядываясь, онъ пораженъ былъ изумленіемъ, увидѣвъ вдругъ множество серебряныхъ монетъ; при осмотрѣ, онъ увидѣлъ, что здѣсь была закопана бочка денегъ и дерево посажено надъ нею, какъ знакъ для отысканія. Дважды долженъ былъ крестьянинъ возвращаться на своей ладьѣ для перевозки клада въ деревню. Скоро о находкѣ провѣдала земская полиція и помѣщица. Крестьянинъ долженъ былъ часть возвратить, и отдалъ семь пудовъ серебра, оставивъ, вѣроятно, при себѣ большее количество, потому что чрезъ нѣсколько лѣтъ выкупился самъ и, выкупивъ семью, переѣхалъ въ Тихвинъ, купилъ тамъ домъ и завелъ торговлю. Кладъ этотъ, къ сожалѣнію, перешелъ въ плавильные горшки“.



Первоначальный видъ Петербурга.
Съ гравюры прошлаго столѣтія Боденера.

Въ 1616 году, знаменитый шведскій полководецъ Яковъ Делагарди представилъ королю Густаву II Адольфу, что недурно было бы возобновить крѣпость на Невѣ и заложить городъ при устьѣ Охты. (Въ обыскныхъ книгахъ 1586 года говорится: „Пустошь Корабельница, верхняя Ахкуя и нижняя Ахкуя“, т. е. верхняя и нижняя Охта; пофински рѣка Охта называется Оха-іоки). Мысль Делагарди была осуществлена только послѣ утвержденія Столбовскаго договора (27-го февраля 1617 года) и вскорѣ послѣ того, въ 1632 году, шведы поставили, гдѣ находился нѣкогда русскій торговый городокъ Ніенъ, разграбленный и опустошенный въ 1521 году морскими разбойниками, новое укрѣпленіе Ніеншанцъ; русскіе называли это мѣсто „Канцы". По словамъ современниковъ, въ Ніеншанцѣ было много превосходныхъ пильныхъ заводовъ, и тамъ строились хорошіе и красивые корабли; помимо шведскаго, финскаго и нѣмецкаго прихода, въ немъ находился и православный съ церковью. Отъ Ніеншанца ходилъ паромъ на лѣвый берегъ Невы, къ лежащему здѣсь русскому селенію Спасскому, названному на шведской картѣ также „Сабиною" и находившемуся тамъ, гдѣ теперь Смольный монастырь.

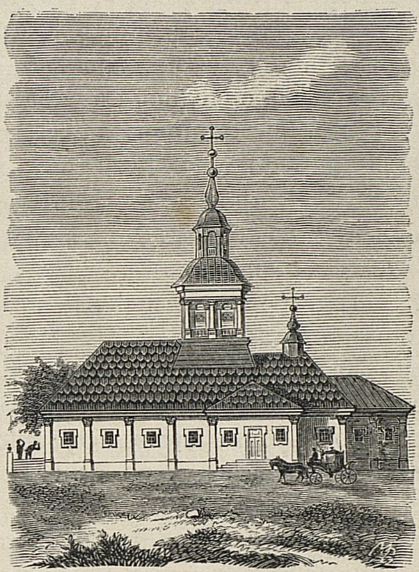
Миллеръ [3]) говоритъ: „Не одинъ Любекъ, но и Амстердамъ сталъ съ Ніеншанцемъ торги имѣть; водяной путь оттуда до Новгорода весьма къ тому способствовалъ; словомъ, помалу и россійское купечество въ Ніеншанцъ вошло и привело сіе мѣсто въ такую славу, что въ послѣдніе годы одинъ тамошній купецъ, прозванный Фризіусъ, шведскому королю Карлу XII въ началѣ войны съ Петромъ Великимъ могъ взаймы давать немалыя суммы денегъ, за чтò послѣ пожалованъ былъ дворянствомъ, и вмѣсто прежняго дано ему прозваніе Фризенгеймъ и учиненъ судьею въ Вильманстрандѣ". Ніеншанцъ вскорѣ послѣ отстройки выгорѣлъ почти до-тла. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь раскинулась столица съ ея окрестностями, по шведскому плану, составленному въ 1676 году, извѣстно около 40 населенныхъ мѣстечекъ; вотъ нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ: гдѣ теперь Невская лавра, мѣстность названа Rihtiowa; мѣстность между Невою и Мойкою носитъ имя Usadissa-saari; „Sabola" показана въ нынѣшней Рождественской части; гдѣ кладбище Волково, мѣстность названа „Antolala"; Выборгская часть Петербурга названа „Avista"; между Мойкою и Фонтанкою мѣсто названо „Peryka-saari", т. е. земля, смѣшанная съ навозомъ; старинное имя рѣки Фонтанки забыто, но есть основаніе, что имя Кеме принадлежитъ Фонтанкѣ, слово Кеме значитъ пофински крутобережье; деревня „Keme-joki" находилась до основанія Петербурга на лѣвомъ берегу Фонтанки, около теперешнихъ казармъ Измайловскаго полка; прилежащій къ Петербургской сторонѣ Аптекарскій островъ, на картѣ 1676 года, написанъ Korpi-saari и удерживаетъ посейчасъ свое древнее имя на рѣчкѣ Карповкѣ, пофински Korpi — необитаемый пустынный лѣсъ. Имя „Голодай" происходитъ отъ финскаго halawa, ивовое дерево, по новгородскимъ записямъ Голодай названъ „Галевой", Лахта пофински lahti — заливъ. На мѣстѣ нынѣшней Гагаринской пристани была


ПЛАНЪ
САНКТПЕТЕРБУРГА
въ 1705 году
A
A
A
A
B
B
C
C
C
C
D
D
E
E
H
I
K
L
M
N

Планъ Петербурга въ 1705 году.

Со снимка, приложеннаго къ „Исторіи Петра Великаго“ Устрялова.

Враловцина деревня, у Прачечнаго моста въ нынѣшнемъ Лѣтнемъ саду—Парвушина или Кононова мыѳа и т. д. Существующій теперь перевозъ отъ Смольнаго на Большую Охту остался неизмѣннымъ съ 1676 года. Извѣстно, что русскій языкъ былъ довольно распространенъ во время шведскаго владычества: король учредилъ даже въ Стокгольмѣ русскую типографію, съ цѣлью печатать и распространять между православными жителями Кареліи и Ингерманландіи лютеранскія духовныя книги



Первоначальный видъ Троицкаго собора въ Петербургѣ.

Съ гравюры прошлаго столѣтія.

частію въ русскомъ переводѣ, а частію на финскомъ языкѣ, но все же напечатанныя славянскими буквами, какъ болѣе извѣстными православному духовенству [4]). Позднѣе шведское правительство приняло насильственныя мѣры противъ православія и стало склонять насильно вступать въ лютеранскую вѣру. Всѣ эти насильственныя мѣры произвели между православнымъ народонаселеніемъ Ингерманландіи сильное неудовольствіе, особенно племя „водь“ оказало большое сопротивленіе, и многіе обратились съ жалобами къ русскому правительству, которое, путемъ дипломатическихъ сношеній, потребовало соблюденія условій мирнаго договора касательно свободы вѣры въ уступленныхъ Швеціи областяхъ [5]).

По словамъ лѣтописцевъ, въ XVI вѣкѣ въ Вотской и Ижорской землѣ многіе держались крѣпко язычества. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существовали „скверныя мольбища идольскія, поклонялись лѣсамъ, горамъ, рѣкамъ, приносили кровныя жертвы, закалали собственныхъ дѣтей“ и т. д. Новгородскій архіепископъ Макарій прилагалъ большія старанія объ истребленіи язычества; посланный имъ инокъ Илья порубилъ и сжегъ священныя рощи, потопилъ обожаемые камни и много „разорилъ злыхъ обычаевъ“,—какъ говоритъ лѣтописецъ. Въ числѣ такихъ языческихъ святыхъ мѣстъ, долго считалось мѣсто въ 10-ти верстахъ отъ Петербурга, по Рижской дорогѣ [6]), гдѣ стояла большая липа, вѣтви которой переплелись съ отраслями ближайшихъ деревъ, такъ что составляли природную бесѣдку, въ которой нерѣдко и Петръ Великій отдыхалъ. На этомъ мѣстѣ собирались ижорки на Ивановъ день и проводили ночь при большомъ огнѣ, съ плачемъ, пѣніемъ и пляской; въ концѣ собранія здѣсь сожигали бѣлаго пѣтуха, дѣлая заклинанія.

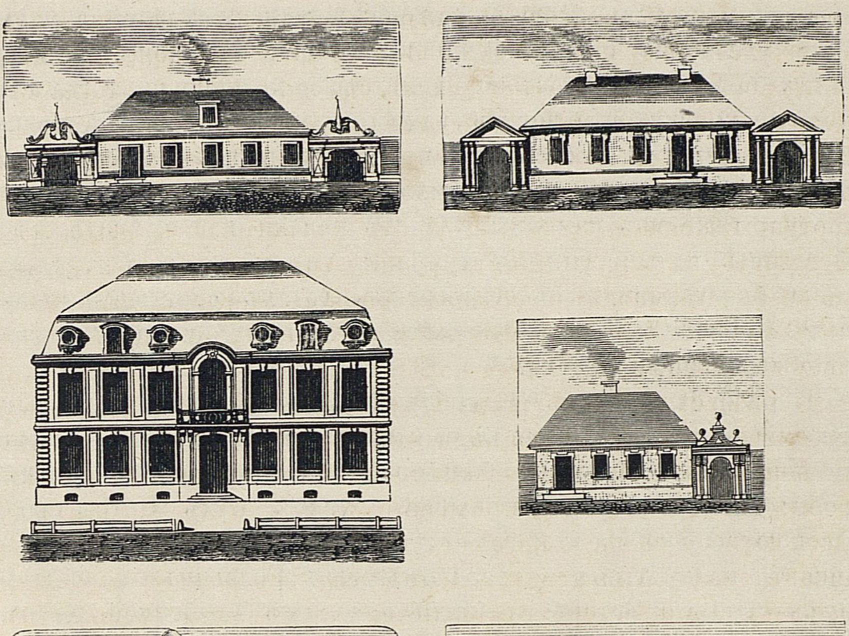
Въ апрѣлѣ 1703 года, русскія войска, подъ командой Шереметева, обложили Ніеншанцъ; самъ Петръ I принималъ участіе въ осадѣ. Городъ сдался Шереметеву 1-го мая, и былъ переименованъ Петромъ въ Шлотбургъ. Спустя 11 лѣтъ послѣ осады, ѣздилъ осматривать его нарочно мекленбургскій посланникъ Веберъ и нашелъ тамъ только нѣсколько развалинъ, глубокіе рвы, колодцы, подвальныя ямы; всѣ же строительные матеріалы изъ разрушенныхъ домовъ пошли на постройку петербургскихъ зданій. Послѣ взятія Ніеншанца большая часть жителей уведена въ плѣнъ. Незамужнія женщины, по словамъ Вебера, поступили въ услуженіе къ царицѣ и придворнымъ дамамъ и впослѣдствіи времени выданы замужъ. Въ 1714 году, поселились въ Ніеншанцѣ новые жители, высланные по указу Петра изъ другихъ городовъ Россійской имперіи. Большая часть такихъ жителей были плотники [7]). Многіе изъ нихъ завели торги лѣсные. Поселились они на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше было шведское строеніе, по берегу внизъ Невы рѣки, другіе построили себѣ дворы повыше города, на томъ мѣстѣ, гдѣ было шведское наружное крѣпостное строеніе. Слобода эта теперь Малая Охта, остатки же города Ніеншанца приходятся между Большою и Малою Охтою. Первое извѣстіе о построеніи Петербурга находимъ въ вѣдомостяхъ 1703 года [8]): „Его царское величество, по взятіи Шлотбурга, въ одной милѣ оттуда ближе къ восточному морю, на островѣ новую и зѣло угодную крѣпость построить велѣлъ, въ ней же есть шесть бастіоновъ, гдѣ работали двадцать тысячъ человѣкъ подкопщиковъ, и тое крѣпость на свое государское именованіе прозваніемъ Питербургомъ обновити указалъ". Земляными работами занимались плѣнные шведы, а также присланные изъ внутреннихъ губерній, какъ русскіе, такъ и татары, калмыки и другіе инородцы, раздѣленные на двѣ очереди: казенные рабочіе получали только пищу, а вольные и плату, по три копѣйки въ сутки. По недостатку землекопныхъ орудій и другихъ инструментовъ, большая часть работъ производилась голыми руками, и вырытую землю люди носили на себѣ въ мѣшкахъ, или даже въ полахъ платья.

Государь положилъ первый камень постройкѣ 16-го мая 1703 года, въ день св. Троицы [9]). Вотъ преданіе объ основаніи города. Петръ I, осматривая островъ, взялъ у солдата башнетъ, вырѣзалъ два дерна и, положивъ ихъ крестообразно, сказалъ: „Здѣсь быть городу"; затѣмъ, взявъ заступъ, первый началъ копать ровъ; въ это время въ воздухѣ появился орелъ и сталъ парить надъ царемъ. Когда ровъ былъ выкопанъ около двухъ аршинъ, въ него поставили ящикъ, высѣченный изъ камня; духовенство этотъ ящикъ окропило святою водою, государь поставилъ въ него золотой ковчегъ съ мощами св. апостола Андрея Первозваннаго; послѣ того царь покрылъ ящикъ каменною доскою, на которой была вырѣзана слѣдующая надпись: „Отъ воплощенія Іисуса Христа 1703, мая 16-го, основанъ царствующій градъ С.-Петербургъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ, самодержцемъ всероссійскимъ". Затѣмъ государь приступилъ къ обложенію другаго раската; здѣсь было сдѣлано изъ двухъ длинныхъ тонкихъ березъ, воткнутыхъ въ землю и связанныхъ верхушками, нѣчто въ родѣ воротъ. Парящій надъ островомъ въ это время орелъ спустился съ высоты и сѣлъ на этихъ воротахъ; ефрейторъ Одинцовъ снялъ его выстрѣломъ изъ ружья. Петръ очень былъ радъ этому, видя въ немъ доброе предзнаменованіе; перевязалъ у орла ноги платкомъ, посадилъ себѣ на руку и, сѣвъ на яхту съ орломъ въ рукѣ, отплылъ къ Канцамъ; въ этотъ день всѣ чины были пожалованы столомъ, веселье продолжалось до двухъ часовъ ночи, при пушечной пальбѣ.

Островокъ, на которомъ Петръ создалъ крѣпость, назывался Енисари, т. е. Заячій. Вмѣстѣ съ этимъ государь предназначилъ быть и городу на сосѣднемъ островѣ Койвисари (Березовомъ), а на другомъ островѣ Хирвисари, Оленьемъ, гдѣ теперь биржа, воздвигнулъ батарею. Спустя годъ, на этомъ мысѣ, называемомъ „Стрѣлкою“, были построены первыя вѣтряныя мельницы, и затѣмъ лѣтомъ здѣсь сожигались увеселительные огни, или фейерверки. 22-го іюня 1703 года, вся гвардія и полки, стоявшіе въ Ніеншанцѣ, перешли въ крѣпость, гдѣ 29-го іюня, въ день св. Петра и Павла, и былъ отправленъ банкетъ уже въ новыхъ казармахъ. Спустя два мѣсяца по закладкѣ Петербурга, Петръ ходилъ оттуда съ войсками противъ шведскаго генерала Краніорта и разбилъ его на рѣкѣ Сестрѣ [10]). Въ ноябрѣ этого же года, къ крѣпости пришелъ первый купеческій голландскій корабль съ винами и солью. Петръ въ награду за приходъ къ Петербургу подарилъ капитану 500 золотыхъ, а матросамъ далъ по 30-ти ефимковъ и обѣщалъ второму кораблю дать 300, а третьему 150 золотыхъ. Второй корабль былъ англійскій, а третій опять голландскій, подъ названіемъ „Daas“. Первый корабль былъ названъ „Петербургомъ“, ему даны были особенныя преимущества передъ прочими и онъ совершалъ лѣтъ пятьдесятъ къ Петербургскому порту рейсы. До Полтавскаго боя государь не думалъ здѣсь устроить столицу и только предполагалъ создать портъ и сильную крѣпость, но послѣ Полтавской битвы онъ писалъ графу Апраксину: „Нынѣ уже совершеной камень во основаніе Санктпетербурха положенъ съ помощью Божіею“. Побѣда надъ шведами увѣрила Петра, что онъ сталъ твердо на берегахъ Невы, и съ этого времени Петръ дѣятельно занялся постройкой новаго города.

Грунтъ земли, на которой построенъ Петербургъ, какъ извѣстно, болотистый, хотя ранѣе вся мѣстность, гдѣ расположенъ былъ городъ, была воздѣлывана подъ пашни. Такъ, еще въ 1713 году, повсюду были примѣтны борозды плуговъ, дорога къ городу тоже была топкая и очень плохая, шла она по направленію, гдѣ теперь Лиговскій каналъ, и весь путь весною и осенью былъ усѣянъ лошадьми, павшими въ упряжи между трясинами. Въ 1718 году, была сдѣлана плотина, гдѣ теперь улицы Литейная и Сергіевская, а также Смольный соборъ, но и это не помогло, плотина скоро пришла въ запустѣніе. Немного далѣе отъ первой дороги шла другая, тоже плохая, къ Ямской слободѣ, она пересѣкала Фонтанку между Обуховскимъ и Семеновскимъ мостами. По словамъ Вебера, въ 1720 году, она была уже вымощена. Окрестности Петербурга не имѣли ни дорогъ, ни тропинокъ, на всю страну существовалъ тоже одинъ или два пути, и если путешественникъ не попадалъ на него, то встрѣчалъ тундру или болото.

По разсказамъ современниковъ, во времена Петра въ Петербургѣ, если нужно было найдти чью либо квартиру, то необходимо было описать мѣстность, причемъ разспросамъ не было



Петербургъ при Петрѣ Великомъ.

Типы домовъ въ Петербургѣ. Съ гравюръ прошлаго столѣтія.

конца, пока не попадался сосѣдъ, хорошо знавшій домъ. Берггольцъ разсказываетъ, что въ его время, чтобы избавиться длинныхъ переходовъ сухимъ путемъ, обыкновенно брали барки или верейки и водою доѣзжали скорѣе и удобнѣе.

Мощеніе улицъ камнемъ было начато въ 1716 году, подъ руководствомъ нѣмецкихъ каменьщиковъ; въ этомъ году вышло предписаніе, чтобы всякій домовладѣлецъ передъ своимъ домомъ мостилъ улицу шириною въ сажень; черезъ годъ ширина улицъ была увеличена на два аршина. Вскорѣ, впрочемъ, мощеніе улицъ было пріостановлено, вслѣдствіе ходившихъ тогда слуховъ по городу, что черезъ улицы предполагается, въ подражаніе Венеціи и Амстердаму, прорыть каналы. Мощеніе главныхъ петербургскихъ улицъ было окончено только въ 1787 году. Тротуары же изъ каменныхъ плитъ начали настилать, какъ и обставлять ихъ чугунными тумбами, только въ 1817 году (вся длина тротуаровъ въ шестидесятыхъ годахъ составляла линію въ 222 версты); до этого времени на главныхъ улицахъ лежали узкіе деревянные мостки.

Первое строеніе въ Петербургѣ была крѣпость. „Для онаго строенія,—какъ говоритъ въ своемъ журналѣ Гизенъ,—для поспѣшенія въ работѣ по больверкамъ надсматривали знатныя особы: на первомъ, для примѣра другихъ, самъ Петръ своею высокою особою, на второмъ—генералъ-губернаторъ А. Д. Менщиковъ, на третьемъ — оберъ-камергеръ Головинъ, на четвертомъ — Никита Зотовъ, на пятомъ — князь Трубецкой, на шестомъ—Кир. Ал. Нарышкинъ“. Укрѣпленіе составляло продолговатый, неправильный шестиугольникъ; съ 1710 года землю съ прежнихъ бастіоновъ стали раскидывать и возводить массивныя стѣны изъ камня, надъ бастіонами трудились шведскіе военноплѣнные, во флангахъ были сдѣланы крѣпкіе казематы со сводами. Нѣкоторые изъ этихъ казематовъ первоначально нанимали купцы, которые хранили тамъ вино и другіе товары, но съ февраля 1718 года, крѣпостные казематы стали наполняться политическими преступниками, замѣшанными въ дѣлѣ царевича Алексѣя. 25-го мая, привезена въ крѣпость царевна Марья Алексѣевна, тетка царевича, а 14-го іюня и онъ самъ переведенъ въ Трубецкой раскатъ. 26-го, вечеромъ, въ Трубецкомъ раскатѣ царевичъ скончался.

Внутри крѣпости стояло нѣсколько небольшихъ домиковъ, въ которыхъ помѣщался комендантъ съ офицерами и солдатами гарнизона, при гауптвахтѣ была площадь, которая называлась плясовою: здѣсь стояла деревянная лошадь съ острою спиною и былъ вкопанъ столбъ съ цѣпью, около котораго втыкались острыя спицы. Провинившихся солдатъ или садили на лошадь, или, замкнувъ руки въ цѣпь, заставляли стоять на спицахъ[11]). Первымъ комендантомъ крѣпости былъ Ренъ; оберъ-комендантомъ Брюсъ. Въ крѣпости находилась главная аптека и помѣщался въ мазанковомъ зданіи переведенный изъ Москвы сенатъ (на мѣстѣ, гдѣ теперь казначейство) и стояла довольно красивая церковь во имя Петра и Павла, сперва деревянная, потомъ, уже въ 1714 году, начата постройка существующаго посейчасъ каменнаго Петропавловскаго собора, деревянная же церковь перенесена была на Петербургскую, въ Солдатскія слободы, и освящена тамъ во имя апостола Матѳія. На Березовомъ островѣ, на берегу Невы (нынѣшняя Петербургская), Петръ построилъ небольшой домикъ для себя. По преданію, при первомъ обозрѣніи мѣста подъ столицу, Петръ, идя пѣшкомъ вверхъ по берегу Невы, топоромъ ссѣкъ ракитовый кустъ, затѣмъ, немного прошедши, еще ссѣкъ другой кустъ; затѣмъ, сѣвъ на шлюбку, отъѣхалъ рѣкою въ Канцы; на томъ мѣстѣ, гдѣ ссѣченъ второй кустъ, построенъ вскорѣ первоначальный дворецъ Петра, а на мѣстѣ перваго ракитоваго куста, впервые срубленнаго, государь, 1-го октября 1703 года, въ день Покрова Богородицы, положилъ основаніе нынѣшнему собору св. Троицы. Вскорѣ послѣ постройки домика для царя, возлѣ него стали строить свои палаты и его приближенные. Такъ, недалеко отъ домика Петра стоялъ домъ Меньщикова, а отсюда, по лѣвому берегу Большой Невки, располагались шалаши и хижины рабочихъ; недалеко отсюда былъ и первый Гостиный дворъ[12]). Направленія и названія многихъ улицъ этой части Петербургской стороны посейчасъ могутъ опредѣлить расположеніе и заселеніе города на первыхъ порахъ его существованія. Улицы[13]): Дворянская, Посадская, Пушкарская, Ружейная, Зелейная, Монетная[14]) и т. п., своими названіями указываютъ на составъ ихъ населенія, на роды занятій жителей и проч.

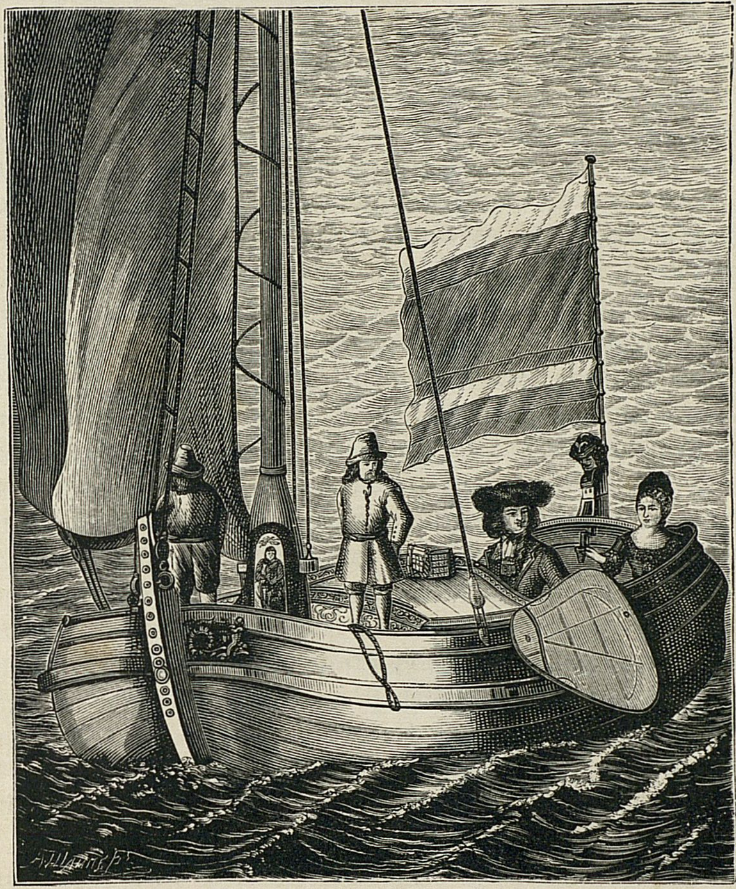
Къ важнѣйшимъ изъ произведенныхъ въ это время построекъ въ Петербургѣ нельзя не причислить построеннаго на Выборгской сторонѣ (повыше госпиталя) перваго сахарнаго завода.

Съ 1711 года начинается усиленное заселеніе Петербурга. Первыя жилища столицы строили въ одинъ этажъ, или жилье, какъ тогда говорили. Образчикомъ для домовъ петербургскихъ послужилъ мазанковый домъ, собственноручно построенный Петромъ I на Петербургской сторонѣ для типографіи; домъ этотъ былъ названъ „образцовымъ на прусскій манеръ“. По этому образцу было построено, въ 1714 году, семь домовъ для чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Великій основатель Петербурга полагалъ расположить главную часть столицы за крѣпостью, на правомъ берегу Невы, изъ Васильевскаго острова сдѣлать торговую часть города, прорѣзанную каналомъ, въ родѣ Амстердама [15]). Кстати здѣсь надо сказать, что названіе Васильевскаго острова произошло не отъ имени командира батареи острова, Василія Корчмина, какъ полагали многіе, но еще гораздо ранѣе, а именно, въ 1640 году, въ писцовыхъ новгородскихъ книгахъ этотъ островъ носилъ названіе Васильевскаго [16]). На лѣвомъ же берегу Петръ предполагалъ помѣстить разныя учрежденія для флота и полковыя свѣтлицы.

Императоръ въ своихъ занятіяхъ былъ скоръ и неутомимъ. Вотъ какъ описываетъ его рабочій день иностранецъ, бывшій въ Петербургѣ въ 1713 году: „Государь встаетъ очень рано, такъ что въ три и четыре часа утра присутствуетъ въ тайномъ совѣтѣ. Потомъ идетъ на верфь, гдѣ смотритъ за постройкой кораблей и даже самъ работаетъ, зная это мастерство превосходно. Въ девять или десять часовъ занимается токарной работой, въ которой такъ искусенъ, что рѣшительно ни одному художнику не уступитъ. Въ 11-ть часовъ кушаетъ, но не любитъ прохлаждаться за столомъ, а послѣ обѣда, отдохнувъ немного по русскому обычаю, идетъ опять смотрѣть какую либо постройку или другую работу. Въ вечеру отправляется куда нибудь въ гости или на ужинъ, откуда, однако, спѣшитъ возвратиться, чтобъ ранѣе лечь въ постель. Петръ любилъ ходить къ своему мундкоху-шведу, куда собираются знатнѣйшіе господа и офицеры русскіе и нѣмцы, за угощеніе каждый платитъ по червонцу. Царь не любитъ никакихъ игръ и охоты, или другихъ увеселеній. Лучшее его удовольствіе— быть на водѣ. Вода составляетъ его настоящую стихію, онъ цѣлый день иногда проводитъ на яхтѣ, буерѣ или шлюпкѣ, въ этомъ онъ никому не уступаетъ, развѣ только одному адмиралу Крюйсу. Однажды, когда Нева уже почти замерзла, и незамерзшей воды осталось только передъ дворцомъ на сто шаговъ, онъ не переставалъ, однако, плавать взадъ и впередъ въ какомъ-то корабликѣ до тѣхъ поръ, пока было возможно. Когда Нева совсѣмъ замерзла, то онъ приказалъ вдоль берега прочистить дорогу шаговъ на сто въ длину и на тридцать въ ширину, и здѣсь каждый день катался на гладкомъ льдѣ на буерѣ. Лица, всѣ служащія во флотѣ, если имѣютъ до него просьбу, то должны говорить ему не „ваше царское величество“, а „Mon Heer Schout by Nacht“, послѣ чего онъ выслушиваетъ и просителя отсылаетъ къ адмиралу“.

Позднѣе при Петрѣ Великомъ въ Петербургѣ бывала особая церемонія при замерзаніи и вскрытіи рѣки Невы. Замерзаніе возвѣщалось жителямъ черезъ одного изъ придворныхъ шутовъ барабаннымъ боемъ. Онъ же былъ обязанъ прежде всѣхъ перейдти по льду, въ какомъ нибудь странномъ нарядѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ членовъ, изъ которыхъ одинъ несъ холщевое знамя, а другіе слѣдовали съ лопатами, веревками и крючками. О вскрытіи Невы возвѣщалось тремя пушечными выстрѣлами изъ крѣпости и первый переѣзжалъ Неву самъ царь или въ его отсутствіе генералъ-адмиралъ или комендантъ города.



Петръ I и Екатерина I, катающіеся въ шнявѣ, по Невѣ.

Съ гравюры Зубова, 1716 года.

Одинъ изъ членовъ польскаго посольства, посѣтившій Петербургъ, спустя 17 лѣтъ по постройкѣ города 17), говоритъ слѣдующее: „Здѣсь всякій сенаторъ, министръ и бояринъ долженъ имѣть дворецъ; иному пришлось выстроить и три, когда приказали. Счастливъ былъ тотъ, кому отведено сухое мѣсто, но кому попалось болото и топь, тотъ порядкомъ нагрѣлъ себѣ лобъ, пока установилъ фундаментъ; еще и теперь, хотя дома и отстроены, но они трясутся когда около нихъ проѣзжаетъ экипажъ. Здѣсь есть церкви, коллегіи, дворцы и лавки, гдѣ можно получить все. Лавки — это четыреугольное строеніе, въ которомъ какъ по одну, такъ и по другую сторону живутъ купцы. Дворцы громадные, каменные, съ флигелями, кухнями и удобствами, но только они наскоро построены, такъ какъ при малѣйшемъ вѣтрѣ валятся черепицы. Сады очень красивые. Я слыхалъ отъ самого царя, который сказалъ намъ: „Если проживу три года, буду имѣть садъ лучше, чѣмъ въ Версалѣ у французскаго короля“. И въ самомъ дѣлѣ сюда привезена для сада моремъ, изъ Венеціи, даже цѣлая бесѣдка, изъ алебастра и мрамора, расположенная у самой рѣки между каналами. За дворцомъ Менщикова находится французская улица, гдѣ живутъ одни ремесленники, какъ-то: скульпторы, плотники, мастера, дѣлающіе фонтаны, а также и тѣ, которые выдѣлываютъ разныя вещи изъ олова и другихъ металловъ, но все это для царя. На берегу Невы есть длинный двухэтажный каменный домъ, въ которомъ шесть комнатъ внизу и столько же наверху. Съ одного берега до самаго дома проложенъ мостъ, на которомъ находится избушка и балконъ столярной работы. Въ каждой изъ комнатъ этого дома стоятъ станки для выдѣлыванія полотна. На противоположной сторонѣ рѣки есть другое зданіе, гдѣ выдѣлываютъ крахмалъ. Есть два стрѣльбища, гдѣ учатъ стрѣлять изъ пушекъ“ и т. д.

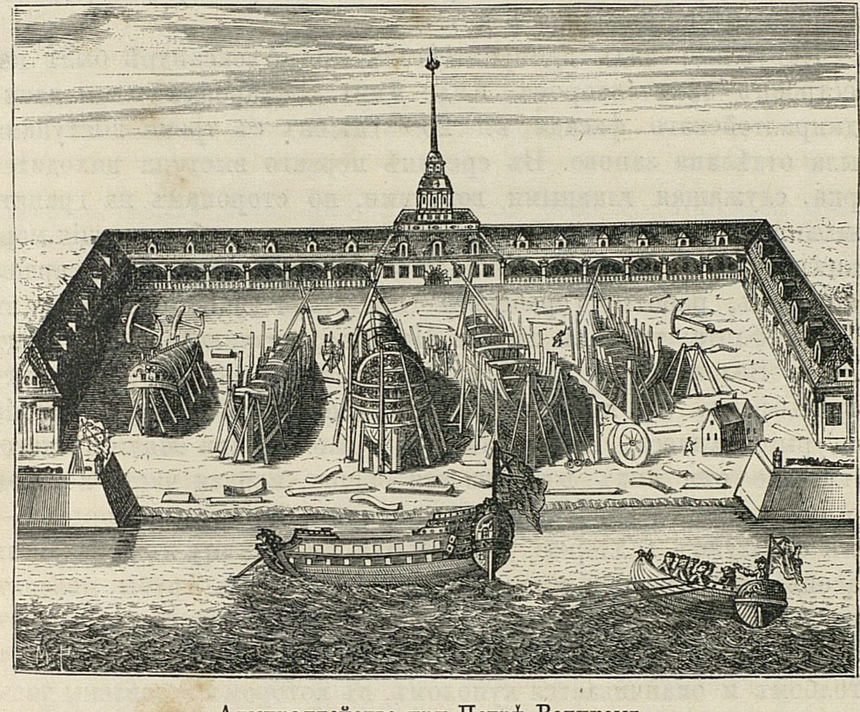
Въ числѣ зданій, построенныхъ въ эпоху возникновенія Петербурга, одно изъ первыхъ было адмиралтейство.

Адмиралтейство Петръ I заложилъ въ 1705 году. Первоначально оно было большое четвероугольное мѣсто, застроенное съ трехъ сторонъ десятью элингами, деревянными магазинами и деревянною посреди башнею, съ желѣзнымъ шпицомъ; всѣ строенія были обведены землянымъ валомъ. Съ 1711 по 1718 годъ адмиралтейство окружено было рвами, одѣтыми камнемъ и плитами, позади ихъ возвышался валъ и парапетъ съ шестью бастіонами; застроено оно было съ трехъ сторонъ и открыто на Неву, противъ открытой стороны находился большой въѣздъ или главныя ворота; надъ послѣдними были устроены палаты для засѣданія адмиралтействъ-коллегіи, вокругъ зданія лежали строительные матеріалы, и шли разныя мастерскія, большія кузницы, въ одномъ изъ флигелей была рисовальная зала, гдѣ чертили планы кораблей. Вотъ какъ описываетъ адмиралтейство тотъ же полякъ-очевидецъ [18]): „Насъ пригласили въ адмиралтейство, гдѣ ожидалъ царь. Пройдя мостъ на канавѣ и ворота, мы вошли черезъ сѣни въ громадное помѣщеніе, гдѣ строятся корабли; здѣсь мы осматривали новостроенный большой, красивый корабль, затѣмъ отправились въ кузницу, гдѣ было 15 горновъ и при каждомъ 15 кузнецовъ съ мастеромъ. Оттуда мы прошли черезъ другой каналъ къ большому трехъэтажному дому, выстроенному въ видѣ треугольника на прусскій манеръ. Царь ходилъ съ нами по разнымъ магазинамъ, находящимся въ этомъ зданіи; мы осматривали всѣ корабельныя принадлежности: были тамъ канаты, навосченные, насмоленные, намазанные разнымъ жиромъ; нѣкоторые были толщиною въ половину человѣка, гвозди для прибивки досокъ лежали большими кучами и т. д. Нѣсколько палатъ завалены были большимъ количествомъ тяжелаго, какъ олово, дерева, привезеннаго изъ Остъ-Индіи; царь говорилъ, что если бы у бояръ его было столько дерева, то ему хватило бы его на два года. Это дерево употреблялось для выдѣлки колесъ, вращающихъ канаты; далѣе царь имъ показывалъ нѣсколько другихъ вещей; затѣмъ въ двухъ комнатахъ они увидали множество мѣди, взятой у шведовъ, и царь при этомъ сказалъ послу, „что это шведы ему пожаловали“. Гости послѣ отправились въ галлерею, находящуюся въ среднемъ этажѣ, гдѣ адмиралъ Апраксинъ угощалъ ихъ одними корабельными блюдами, т. е. копченой говядиной, языкомъ, морскими рыбами и т. д.; давали и полпиво очень холодное, въ это время на башнѣ играла музыка. Посидѣвъ немного, мы отправились въ коллегіи, гдѣ было много молодежи. Тамъ столы накрыты были зеленымъ сукномъ, на стѣнахъ развѣшаны зеркала, чертежи, гравюры. Преподаватель здѣсь объяснялъ военное искусство. Отсюда мы сошли къ каналу, въ которомъ стояло нѣсколько судовъ съ насосами. Потомъ пошли въ комнату, гдѣ была библіотека, въ которой были большіе запасы разнаго рода бумаги бѣлой, сѣрой, чорной. Нѣсколько комнатъ было занято готовымъ платьемъ разнаго цвѣта, на 24,000 человѣкъ. Затѣмъ пошли мы черезъ каналъ, гдѣ живутъ разнаго рода ремесленники, видѣли, гдѣ цирюльники приготовляютъ мази и пластыри для ранъ, было здѣсь около восьмисотъ портныхъ, работающихъ надъ парусами. Было тамъ тоже зданіе большое и широкое на сваяхъ, въ два этажа, здѣсь приготовляли модели кораблей. Вечеромъ, когда сталъ идти дождь, мы отправились въ комнаты, гдѣ было много вина и пива и гдѣ начальникъ кораблей Головинъ насъ угощалъ. Онъ носитъ постоянно золотой циркуль, украшенный драгоцѣнными камнями, въ знакъ своего достоинства. Царь его на каждомъ пиру сажаетъ съ собой рядомъ, пьетъ его здоровье и дѣлаетъ съ него гравюры. Во время пира царь привсталъ и, кланяясь, налилъ вино, ходилъ и раздавалъ намъ всѣмъ рюмки, исполняя свою обязанность такъ, какъ если бы не сдѣлалъ этого, то долженъ былъ бы уплатить штрафъ“.

Первый корабль военный пятидесяти-пушечный былъ заложенъ Петромъ въ адмиралтействѣ въ 1709 году въ ноябрѣ и спущенъ 15-го іюня 1712 года, названъ онъ имъ былъ „Полтава“. Въ 1718 году, былъ спущенъ самимъ государемъ 90-пушечный корабль подъ именемъ „Старый Дубъ“.

Тогда всѣ суда строились изъ казанскаго дуба. По словамъ англійскаго посла Витворта, въ 1710 году, флотъ царя состоялъ: изъ 12-ти фрегатовъ, 8 галеръ, 6 сосновыхъ кораблей, 2 бомбардиръ-галіотовъ и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ. По словамъ Вебера, въ 1718 году, у царя было: 40 военныхъ кораблей и 300 галеръ. Въ концѣ царствованія Петра число всѣхъ его морскихъ судовъ было на $^1/_5$ больше, всѣхъ же матросовъ на флотѣ было 14,960 человѣкъ и 2,106 пушекъ. Спускъ корабля въ прежнія времена отличался большою торжественностью. Мастеръ въ день спуска построеннаго имъ корабля одѣвался весь въ чорную одежду и получалъ изъ рукъ царя или морскаго министра на серебряномъ блюдѣ по три серебряныхъ рубля за каждую пушку или бортъ.

На другой годъ по кончинѣ Петра Великаго, на мѣстѣ мазанковаго зданія адмиралтейства было сооружено вновь каменное, съ сохраненіемъ прежняго расположенія. Старинную же деревянную башню замѣнили каменною башнею въ 1734 году и въ концѣ 1735 года шпицъ надъ ней обитъ весь и съ куполомъ мѣдными въ огнѣ позолоченными листами. На позолоту шпица употреблено было 5,081 червонецъ, вѣсомъ 43$^1/_2$ фунта, что̀, по тогдашнему курсу, составляло 11,076 р. 38 коп. Всѣ же издержки на позолоту шпица стоили 12,907 р. 84$^1/_2$ к. Императрица Елисавета Петровна соорудила въ срединѣ башни, подъ шпицомъ, церковь во имя Воскресенія Христова. При императрицѣ Екатеринѣ II послѣ наводненія 1777 года было приказано выставлять въ углахъ средней башни днемъ флаги, а ночью зажженные фонари. Въ царствованіе императора Павла I зданіе адмиралтейства было исправлено, работы были поручены инженеръ-генералу Герарду, поправка всего зданія была сдѣлана въ одинъ годъ; земляные окружные валы были срыты и вмѣсто нихъ сдѣланы новые, гораздо выше; все мѣсто окружили полисадомъ, который ограничивался гласисомъ, съ однимъ балюстрадомъ, первый былъ одѣтъ дерномъ, второй окрашенъ тогдашнею военною краскою, а на двухъ угловыхъ къ площадямъ бастіонахъ поставили новые срубы съ флагштоками для подъема флаговъ. Внутренняя площадь адмиралтейства также много измѣнилась; ей придали лучшій видъ постройкой новыхъ мастерскихъ, которыя были оштукатурены и потомъ окрашены поголландски, т. е. подъ цвѣтъ и форму кирпича. Въ царствованіе Павла адмиралтейская площадь сдѣлалась мѣстомъ ученія войскъ. Въ царствованіе императора Александра I адмиралтейство было перестроено, на мѣсто бывшаго гласиса и покрытаго пути сдѣланъ широкій и тѣнистый бульваръ въ три аллеи, который



Адмиралтейство при Петрѣ Великомъ.

Съ гравюры 1716 года.

вскорѣ и сталъ самымъ моднымъ гуляньемъ петербуржцевъ, и фельетонистъ того времени, начиная свои весеннія еженедѣльныя обозрѣнія, писалъ: „Въ нашей столицѣ сѣвера и наводненій, дни становятся все лучше, свѣтлѣе, суше, пыльнѣе. Шпицъ адмиралтейства постоянно отъ восхода до заката солнца горитъ, какъ золотая игла, а ночью перерѣзываетъ воздухъ серебристою полосою“. Въ канцеляріяхъ и департаментахъ чиновный міръ ежедневно торопится исполнить свои экстренности, чтобы поскорѣе поспѣть на гульбище на бульваръ, повидаться съ знакомыми, покалякать и т. д.

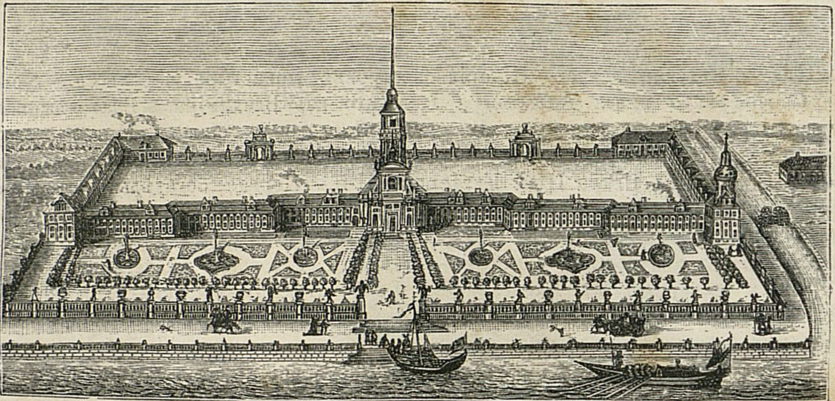
Наружный видъ адмиралтейства при Александрѣ былъ перестроенъ архитекторомъ Анд. Дмит. Захаровымъ: вся длина адмиралтейскаго фасада въ 200 саженъ съ тремя выступами была отдѣлана заново. Въ срединѣ перваго выступа находится арка, служащая главными воротами, по сторонамъ на гранитныхъ пьедесталахъ—двѣ огромныя группы, изображающія морскихъ нимфъ, поддерживающихъ небесную сферу. Надъ аркою барельефъ, работы Теребенева, представляющій основаніе въ Россіи флота; тутъ вы видите Нептуна, вручающаго трезубецъ Петру Великому въ знакъ владычества его надъ морями; надъ барельефомъ, по краямъ выступа, находятся четыре сидящія фигуры: Ахилеса, Аякса, Пирра и Александра Македонскаго. Отдѣльно отъ нихъ возвышается башня, первая часть которой состоитъ изъ двадцати восьми колоннъ Іоническаго ордена—онѣ образуютъ галлерею, на которую въ старину въ двѣнадцать часовъ дня выходили музыканты и трубили; въ трубы поверхъ этихъ колоннъ, надъ карнизомъ стоятъ 28 круглыхъ фигуръ изъ пудожскаго камня. Отъ карниза башня идетъ круглымъ столбомъ и оканчивается куполомъ, въ которомъ вставлены часы на три стороны; выше его фонарь, окруженный небольшою галлереею съ легкими желѣзными перилами. Отъ фонаря начинается шпицъ, на самомъ верху его изображенъ корабль (высота его 1$^1/_2$ сажени), ниже его корона и яблоко, имѣющее въ діаметрѣ 3$^1/_2$ фута, пространство отъ корабля до яблока полсажени, вся высота шпица отъ земли 33 сажени. По правую и лѣвую стороны средняго выступа зданіе идетъ на 37 саженъ, здѣсь, вмѣсто барельефа, оно украшено военною арматурою, потомъ снова слѣдуютъ небольшіе выступы и т. д. Адмиралтейство при Александрѣ имѣло пять доковъ, въ немъ съ 1710 по 1825 годъ было построено 253 корабля, кромѣ значительнаго числа фрегатовъ и мелкихъ судовъ.

ГЛАВА II.

Александро-Невская лавра.—Исторія постройки монастыря; перенесеніе мощей св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго изъ Владиміра.—Благовѣщенская церковь—усыпальница семейства Петра I.—Лаврское кладбище.—Могила императора Петра III.—Торжественное перенесеніе его праха.—Сказанія современниковъ о похоронахъ Петра III и Екатерины II-й.—Первая богадѣльня въ Петербургѣ и первая колыбель для подкидышей.—Плакальщицы.—Похороны: Суворова князя Гики, Ломоносова, Крылова.—Церковь св. Лазаря.—Памятники литераторовъ.—Замѣчательныя и курьезныя эпитафіи.—Лаврскій схимонахъ Алексій.—Посѣщеніе его кельи императоромъ Александромъ I-мъ.—Ложный бракъ.—Princesse Nocturne.—Церемонія освященія главнаго собора.—Первое русское серебро.—Замѣчательныя богатства монастыря.—Ризница, библіотека, типографія, оберъ-инквизиторъ, число архимандритовъ.—„Подхожій станъ“.

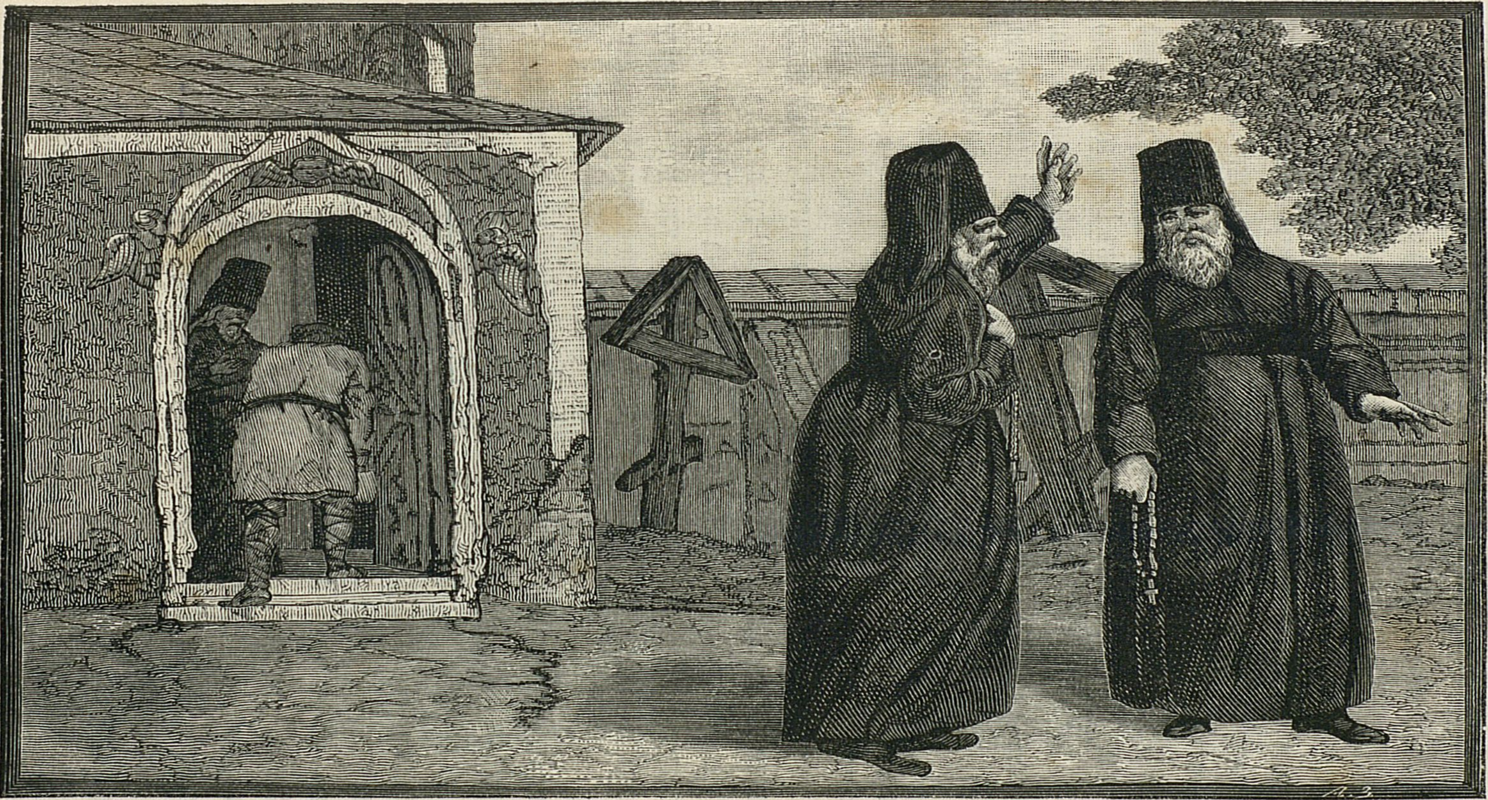
ВЪ РЯДУ монументальныхъ построекъ Петербурга, гдѣ встрѣчаются неизгладимые слѣды трудовъ Петра Великаго, первое мѣсто занимаетъ Невскій монастырь. По преданію, монастырь построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ св. благовѣрный Александръ Невскій разбилъ шведовъ 15-го іюля 1241 года. Въ ознаменованіе побѣды Невскаго мѣсто это было названо Петромъ „Виктори“. Императоръ, обозрѣвая эту мѣстность въ 1710 году, указалъ здѣсь строить монастырь во имя св. Троицы и св. Александра Невскаго и въ то же время хутынскій архимандритъ Ѳеодосій водрузилъ здѣсь крестъ съ надписью: „на семъ мѣстѣ создатися монастырь“. Въ 1712 году, было приступлено къ работамъ и 25-го марта слѣдующаго года здѣсь была освящена деревянная церковь Благовѣщенія и началось монашеское общежительство. Въ 1717 году, императоръ утвердилъ планъ архитектора Андреа Трезина[19]) для будущихъ каменныхъ монастырскихъ построекъ, надъ которыми главнымъ наблюдателемъ поставилъ князя А. Д. Менщикова. На постройку употреблялись суммы, дарованныя отъ казны, а также сборы отъ погребенія въ монастырскихъ церквахъ, главный же доходъ монастыря былъ и отъ крестьянъ, которыхъ было приписано къ Невскому монастырю до 25,464 душъ.

По заключеніи Нейштадтскаго мира съ Швеціей, Петръ вздумалъ перенести сюда мощи Александра Невскаго изъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря и въ 1724 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, императоромъ была послана во Владиміръ коммиссія изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ „подъять святыя мощи съ тѣми же обрядами, съ коими были перенесены мощи святаго Филиппа изъ Соловецка въ Москву и доставить до Новгорода сухимъ путемъ“; послѣ мощи были поставлены на яхту и везены водою по Волхову, Ладожскимъ озеромъ и Невою. У села Усть-Ижоры Петръ встрѣтилъ шествіе, перенесъ мощи угодника къ себѣ на лодку, на которой сталъ самъ у руля, а своихъ сподвижниковъ превратилъ въ простыхъ гребцовъ. Лодка, сопутствуемая множествомъ судовъ, прибыла въ Петербургъ, гдѣ ее первый встрѣтилъ ботикъ Петра, подъ императорскимъ штандартомъ, а затѣмъ императрица, весь дворъ, все духовенство, вся гвардія и народъ. Государь съ приближенными поднялъ съ лодки святыню и подъ богатымъ балдахиномъ перенесъ въ освященную только въ этотъ день новую Александровскую церковь, гдѣ она и пребывала до постройки главнаго собора.



Александро-Невская лавра при Петрѣ Великомъ.

Съ гравюры 1716 года.



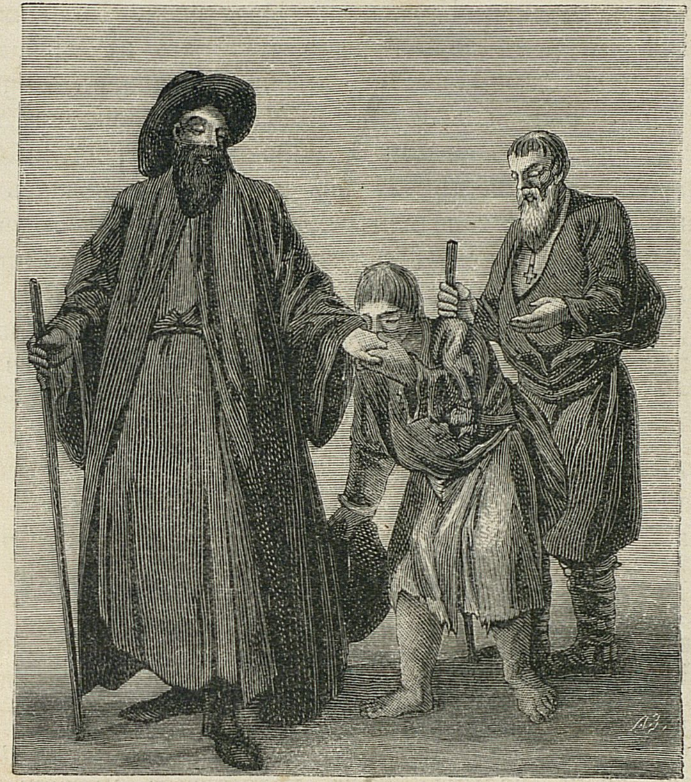
Типы монаховъ и видъ части кладбища Александро-Невской лавры.

Съ гравюры Аткинсона, начала нынѣшняго столѣтія.

По смерти Петра строеніе лавры продолжалось. По его плану предполагалось сдѣлать полукруглую ограду и внутри дворъ съ замковымъ вокругъ строеніемъ; подлѣ монастыря думали выкопать прудъ, обвести монастырь судоходнымъ каналомъ, а на западѣ отъ монастыря разбить большой итальянскій садъ. До 1731 года была сдѣлана стѣна по обѣ стороны собора, разбитъ садъ съ главными аллеями, сдѣланы цвѣтники, пирамиды и галлереи съ гербами и около монастыря стѣна съ воротами. Стѣны монастыря до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія окрашивали въ свѣтло-кирпичную краску, что̀ придавало зданію совершенно оригинальный видъ. Храмъ св. Троицы, строенный по плану Петра, былъ оконченъ вчернѣ только въ 1753 году 20), но такъ какъ вскорѣ въ стѣнахъ были замѣчены трещины, то, по приказанію императрицы Елисаветы Петровны (29 марта 1753 года), соборъ былъ разобранъ до основанія, и щебень пошелъ на усыпку Невскаго проспекта. По расчисткѣ мѣста, новый храмъ былъ заложенъ 30-го августа 1774 года, въ присутствіи императрицы, подъ алтаремъ была заложена серебряная доска съ частичкою мощей Андрея Первозваннаго. Храмъ былъ оконченъ и освященъ только въ 1796 году 30-го августа.

Въ историческомъ отношеніи замѣчательна въ Невскомъ монастырѣ Благовѣщенская церковь, освященная уже послѣ смерти Петра въ 1725 году. Храмъ этотъ съ первыхъ дней Петербурга служилъ усыпальницей царственныхъ особъ и знаменитыхъ лицъ въ исторіи Россіи. Здѣсь погребены: графъ Пав. Ив. Ягужинскій, фельдмаршалъ В. В. Долгорукій, Ал. Гр. Разумовскій, А. М. Голицынъ, Н. Ив. Панинъ, А. И. Ушаковъ, графъ Брюсъ, И. И. Бецкій, кн. Безбородко, Ив. Ив. Шуваловъ, Ив. Гр. Чернышевъ, Ал. В. Суворовъ и многіе другіе. Изъ царственныхъ особъ здѣсь покоятся: царица Прасковья — супруга Іоанна Алексѣевича, Наталья Алексѣевна — сестра Петра, сынъ Петра I — Петръ Петровичъ, правительница Анна Леопольдовна, дочь Петра III — Анна, первая супруга Павла I-го — Наталья Алексѣевна, дочь Павла I-го — Ольга и дочери Александра I-го — Марія и Александра. По срединѣ церкви, гдѣ теперь лежитъ прахъ Грузинской царицы Даріи Георгіевны, здѣсь 34 года и 4 мѣсяца покоилось тѣло Петра III-го.

Въ Благовѣщенскую церковь, эту единственную въ первое время по созданіи Петербурга усыпальницу какъ особъ изъ царствующаго дома, такъ и первыхъ вельможъ государства, перенесены были 24-го октября 1723 года, во время еще стройки храма, тѣла: любимой сестры Петра, Натальи Алексѣевны, и сына императора, Петра Петровича. Царица Наталья была погребена ранѣе, въ 1716 году, въ Лазаревской церкви. Царица отличалась большою набожностью; у нея въ домѣ, по нынѣшнему Воскресенскому проспекту, была церковь во имя Воскресенія Христова (отсюда названіе улицы и проспекта Воскресенскими), и здѣсь же была устроена первая въ Петербургѣ богадѣльня, куда принимались старыя и убогія женщины. Впрочемъ, это не былъ первый примѣръ благотворительнаго приходскаго учрежденія въ Петербургѣ; за два года до нея купеческій человѣкъ Емельянъ Яковлевъ Москвинъ построилъ при церкви Сампсона Страннопріимца, что̀ на Выборгской сторонѣ, богадѣльню для 10-ти человѣкъ мужескаго пола. Лѣтъ черезъ семь



Священникъ и слѣпой нищій съ вожакомъ.

Съ гравюры Шефнера конца прошлаго столѣтія.

послѣ Москвина, церковный староста той же церкви построилъ новую богадѣльню, въ которой уже помѣщалось 20 старухъ и 9 мужчинъ. Послѣ смерти царевны Натальи, Петръ приказалъ въ ея богадѣльнѣ воспитывать подкидышей, для которыхъ былъ съ улицы устроенъ чуланъ, куда могли приносить дѣтей, не объявляя объ ихъ родителяхъ. 13-го октября 1723 года, въ Благовѣщенской церкви была погребена супруга царя Іоанна Алексѣевича, царица Параскева Өеодоровна. На похоронахъ послѣдней Петръ въ первый разъ запретилъ за гробомъ идти плакальщицамъ, нанимавшимся, по обыкновенію, въ старину для эффекта; онѣ шли впереди и по бокамъ похороннаго шествія, съ распущенными волосами и нарочно искаженными лицами. Онѣ кричали, вопили, кривлялись и громко заливались плачевными причетами, то заводили тихимъ, плаксивымъ голосомъ, то вдругъ умолкали и потомъ заводили снова; въ своихъ причетахъ онѣ изображали заслуги покойнаго и скорбь родныхъ и близкихъ [20]). Когда гробъ готовились опустить въ могилу, плакальщицы показывали свое искусство хоромъ. Помимо этого обычая, въ старину существовалъ и другой еще остатокъ язычества, который, кажется, у нѣкоторыхъ купцевъ въ Петербургѣ существуетъ посейчасъ. Такъ, какъ только замѣтятъ, что человѣкъ испускаетъ дыханіе, то на окнѣ или на столѣ тотчасъ ставятъ чашу или стаканъ съ водою, чтобы душа отходящаго успѣла омыться. Также въ ротъ умершаго кладутъ мелкія деньги, будто бы для издержекъ въ дальней дорогѣ.

Приводимъ мало извѣстныя подробности о погребеніи Петра III [21]). Императоръ скончался въ Ропщѣ отъ гемороидальной колики, какъ гласилъ указъ [22]). Тѣло покойнаго императора было вскрыто. Екатерина упоминаетъ, что сердце Петра III-го оказалось очень малымъ. Какъ повѣствуетъ митрополитъ казанскій Веніаминъ (Пуцекъ-Григоровичъ), бывшій въ 1762 году архіепископомъ с.-петербургскимъ, тѣло императора было привезено на утренней зарѣ въ лавру и поставлено въ залѣ тѣхъ деревянныхъ покоевъ, въ которыхъ жилъ архіепископъ; три дня приходили сюда по обычаю древнему, для отданія государю послѣдняго христіанскаго долга, вельможи, всякаго званія люди и простой народъ. Указъ новой государыни приглашалъ подданныхъ проститься съ тѣломъ Петра „безъ злопамятствія“. Государь лежалъ въ бѣдномъ гробѣ, четыре свѣчи горѣли по сторонамъ гроба. Сложенныя на груди руки одѣтаго въ поношенный голштинскій мундиръ покойника были въ большихъ бѣлыхъ перчаткахъ, на которыхъ запеклась кровь (отъ слѣдовъ небрежнаго вскрытія). Безъ пышности, съ одною подобающею церковною церемоніею, тѣло перенесено было въ церковь, гдѣ „по отпѣтіи запечатлѣно земною перстію преосвященнымъ Веніаминомъ“. На отпѣваніи присутствовали члены синода. По словамъ преосвященнаго [23]), сенаторы убѣдили императрицу въ монастырь не ходить и при погребеніи мужа не присутствовать.

При восшествіи на престолъ Павла I-го, тѣло императора было вынуто [24]) изъ могилы 13-го ноября 1796 года, 2-го декабря перенесено во дворецъ и поставлено на тронѣ подлѣ гроба супруги, а 5-го декабря оба гроба перенесены въ Петропавловскій соборъ. На гробницахъ сдѣлана слѣдующая надпись, могущая ввести въ заблужденіе многихъ: „Императоръ Петръ III родился 10-го февраля 1728 г., погребенъ 18-го декабря 1796 года. Екатерина II родилась 21-го апрѣля 1729 г., погребена 18-го декабря 1796 года“. По свидѣтельству современниковъ, вторичному погребенію Петра III предшествовали слѣдующія церемоніи. Дня за два до вырытія изъ могилы тѣла императора, изъ Зимняго дворца въ Невскую лавру потянулась процессія траурныхъ каретъ въ 7 часовъ вечера, при 20 градусахъ мороза. По словамъ очевидца Ѳ. П. Лубяновскаго [25]), болѣе тридцати каретъ, обитыхъ чорнымъ сукномъ, цугомъ въ шесть лошадей, тихо тянулись одна за другою; лошади съ головы до земли были въ чорномъ же сукнѣ, у каждой шелъ придворный лакей съ факеломъ въ рукахъ, въ чорной епанчѣ съ длинными воротниками и въ шляпѣ съ широкими полями, обложенной крепомъ; въ такомъ же нарядѣ съ факелами же въ рукахъ лакеи шли съ обѣихъ сторонъ у каждой кареты. Кучера сидѣли въ шляпахъ какъ подъ наметами. Въ каждой каретѣ кавалеры въ глубокомъ траурѣ держали регаліи. Мракъ ночи, могильная чернота на людяхъ, на животныхъ и на колесницахъ, глубокая тишина въ многолюдной толпѣ, зловѣщій свѣтъ отъ гробовыхъ факеловъ, блѣдныя отъ огня лица — все вмѣстѣ представляло глубоко унылое, потрясающее зрѣлище. Тѣло императора, вынутое изъ земли 19-го ноября [26]), было положено вмѣстѣ со старымъ гробомъ въ богато обитый золотымъ глазетомъ гробъ и поставлено посреди церкви, въ которой онъ былъ ранѣе погребенъ. Императоръ Павелъ въ сопровожденіи великихъ князей, государыни и придворнаго штата прибылъ въ церковь въ 5 часовъ, вошелъ въ царскія врата, взялъ съ престола пріуготовленную корону, возложилъ на себя и потомъ, подойдя къ останкамъ,

*

отца своего, снялъ съ головы своей корону и положилъ ее на гробъ Петра III. При гробѣ находились въ караулѣ по обѣимъ сторонамъ шесть кавалергардовъ въ парадномъ уборѣ, въ головахъ стояли два капитана гвардіи, въ ногахъ четыре пажа. При гробѣ, пока онъ стоялъ въ Благовѣщенской церкви, съ 19-го ноября по 2-е декабря, дежурили первыхъ четырехъ классовъ особы, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала, графа Ивана Петровича Салтыкова[27]). Государь съ августѣйшимъ семействомъ за все это время присутствовалъ на панихидахъ пять разъ и каждый разъ прикладывался къ рукѣ покойнаго императора; по преданію, гробъ вскрывали только на этотъ моментъ. Изъ останковъ императора уцѣлѣли только кости, шляпа, перчатки и ботфорты.

Въ день перенесенія праха императора изъ Александро-Невскаго монастыря въ Зимній дворецъ, былъ назначенъ торжественный церемоніалъ. Наканунѣ этого дня состоялся особенный военный совѣтъ по поводу этой церемоніи. Всѣ полки гвардіи и всѣ бывшіе армейскіе полки въ столицѣ были отъ лавры до самаго дворца построены шпалерами. Генералы, штабъ и оберъ-офицеры имѣли флеръ на шляпахъ, шарфахъ, шпагахъ и знакахъ, а все войско на штыкахъ ружей. Командовалъ войсками кн. Н. В. Рѣпнинъ; во время шествія печальной процессіи производился войсками троекратный бѣглый огонь, съ крѣпости пушечная пальба и колокольный звонъ по всѣмъ церквамъ. Печальная процессія съ перваго шага еще въ церкви замялась. Графу Ал. Григ. Орлову было назначено нести императорскую корону, но онъ зашелъ въ темный уголъ церкви и тамъ навзрыдъ плакалъ. Съ трудомъ его отыскали и еще съ большимъ трудомъ убѣдили слѣдовать въ процессіи. Государь и великіе князья шли за печальной колесницей пѣшкомъ, морозъ стоялъ въ этотъ день довольно большой, впрочемъ, по имѣющимся оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, отъ стужи потерпѣлъ одинъ только траурный рыцарь. Гробъ Петра III былъ отвезенъ съ подобающей честью въ Зимній дворецъ и поставленъ на катафалкъ подлѣ тѣла Екатерины. Н. И. Гречъ [28]) въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: „Я видѣлъ это шествіе изъ окна, въ домѣ Петропавловской церкви. Гвардія стояла по обѣимъ сторонамъ Невскаго проспекта; между великанами-гренадерами въ изящныхъ свѣтло-зеленыхъ мундирахъ, съ великолѣпными касками, тѣснились переведенные въ гвардію мелкіе гатчинскіе солдаты, въ смѣшномъ нарядѣ пруссаковъ Семилѣтней войны.

Но общее вниманіе было обращено на трехъ человѣкъ, несшихъ концы покрова—это были графъ Ал. Григ. Орловъ [29]), князь Барятинскій и Пассекъ. Далѣе,—продолжаетъ Н. Гречъ,—я видѣлъ оба гроба на одномъ катафалкѣ и видѣлъ шествіе обоихъ гробовъ по Милліонной и по наведенному на этотъ случай мосту [30]) отъ Мраморнаго дворца въ крѣпость".

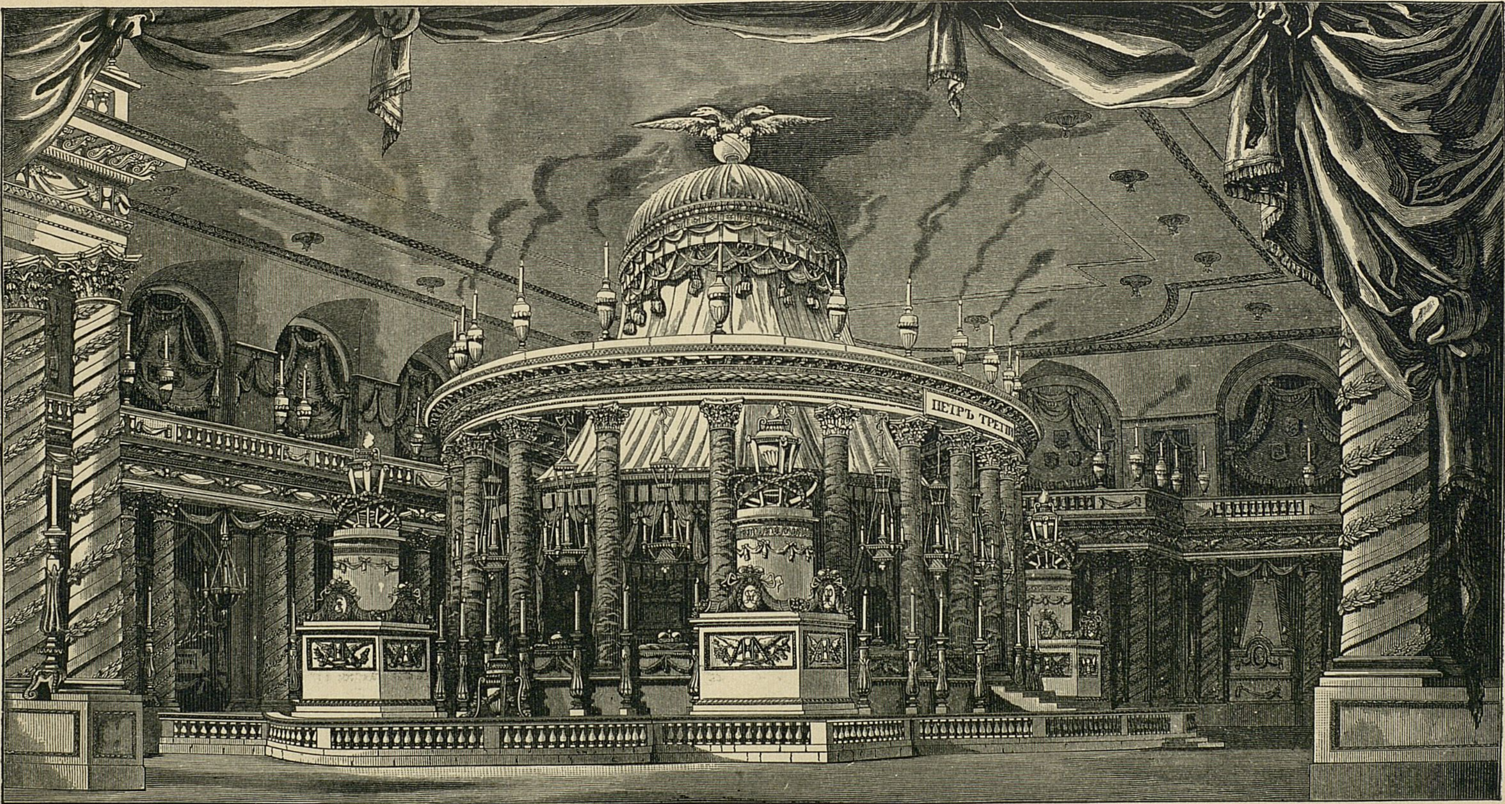
Объ этихъ похоронахъ въ крѣпости сохранилось слѣдующее [31]): „При начатіи панихиды, во время эктеніи, при раздачѣ свѣчъ, митрополитъ Гавріилъ кадилъ гробы ихъ величествъ; по окончаніи кажденія, во время пѣнія панихиды, несенъ и опущенъ въ землю гробъ императрицы Екатерины Алексѣевны, и когда потомъ несенъ гробъ императора Петра III, въ то время духовенство съ лѣвой стороны пришло къ царскимъ дверямъ и при опущеніи окончена панихида и возглашена „вѣчная память". Потомъ понесены регаліи, и за ними изволилъ изъ церкви идти государь съ высочайшею фамиліею".

Императрица Екатерина II скончалась 6-го ноября 1796 г.; если вѣрить суевѣрнымъ преданіямъ, то за нѣсколько еще мѣсяцевъ до ея смерти были предзнаменованія. Такъ, въ іюлѣ ужасный громовой ударъ повредилъ многія украшенія въ любимой ея комнатѣ въ Эрмитажѣ. Въ историческихъ запискахъ, вышедшихъ въ Парижѣ подъ именемъ Людовика XVIII, находимъ другое предзнаменованіе кончины государыни. Авторъ разсказываетъ, что императрица была вызвана какимъ-то привидѣніемъ въ тронную залу и что тамъ увидѣла свою тѣнь, сидящую на престолѣ. Очевидно, авторъ записокъ повторяетъ уже извѣстное преданіе о видѣніи императрицы Анны Іоанновны. Разсказываютъ также, что государыня, садясь въ карету, чтобы ѣхать на балъ къ графу Самойлову, увидѣла, какъ яркій метеоръ упалъ за ея каретою. На другой день Екатерина сказала своей приближенной, графинѣ А. А. Матюшкиной:—„Такой случай паденія звѣзды былъ передъ кончиною императрицы Елисаветы, и мнѣ это то же предвѣщаетъ".

Де-Сангленъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что наканунѣ удара императрица много говорила о смерти короля сардинскаго и стращала собственною своею кончиной Л. А. Нарышкина. Не было ли это предчувствіемъ?—говоритъ онъ. Позднѣе ему передавала Мар. Сав. Перекусихина и камердинеръ покойной, Захаръ Зотовъ, что въ среду, 5 ноября, вставъ по обыкновенію въ 7 час. утра, императрица сказала вошедшей къ ней Перекусихиной:—„Нынѣ я умру",—и, указавъ на часы, прибавила:

—„Смотри! въ первый разъ они остановились“.—И, матушка, пошли за часовщикомъ, и часы опять пойдутъ.—„Ты увидишь“,—сказала государыня и, вручивъ ей 20 тысячъ рублей, прибавила:—„Это тебѣ“. Послѣ этого государыня выкушала двѣ большія чашки крѣпкаго кофе, шутила съ Перекусихиной и пошла потомъ въ кабинетъ, гдѣ приступила къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ. Это было въ 8 часовъ; въ 10 часовъ утра комнатные служители удивились долгому ея отсутствію, въ тревогѣ отворили дверь за нишью и увидѣли императрицу лежащею на полу. Перекусихина и Зотовъ въ ужасѣ поднимаютъ государыню, выносятъ и кладутъ на полъ на сафьянномъ матрацѣ. Докторъ Роджерсонъ тотчасъ пускаетъ кровь и кладетъ къ ногамъ шпанскія мушки. Государыня не приходитъ въ чувство. Роджерсонъ дѣлаетъ два прижиганія раскаленнымъ желѣзомъ по обоимъ плечамъ императрицы, пытаясь привести ее въ чувство, но и это не помогаетъ. Тридцать шесть часовъ организмъ государыни борется со смертью. Перекусихина не отходитъ отъ тѣла Екатерины, доктора ежеминутно перемѣняютъ платки, которыми обтирали текущую изъ устъ ея матерію. Только одно движеніе живота указываетъ еще на жизнь въ организмѣ; въ девятомъ часу дыханіе императрицы становится труднѣе[32]), и, наконецъ, вздохнувъ въ послѣдній разъ, государыня умираетъ въ 9 часовъ 55 минутъ.

Башиловъ въ своихъ „Запискахъ пажа“ говоритъ: „Я былъ дежурнымъ у дверей той комнаты, гдѣ лежало тѣло государыни; передъ этой комнатой сидѣли всѣ сѣнныя дѣвушки, мамушки и камердинеры и горько плакали по своей благодѣтельницѣ. Вдругъ отворились двери, и государь съ государыней пришли на поклоненіе къ усопшей. Всѣ пали ницъ. Государь сказалъ намъ: „Встаньте, я васъ никогда не забуду, и все остается при васъ“. Мы стали на колѣни, государь сказалъ намъ: „Подите къ оберъ-камергеру, графу Н. П. Шереметеву“. Императоръ Павелъ I прибылъ изъ Гатчины за сутки до кончины императрицы. Первый его поздравилъ со вступленіемъ на престолъ капитанъ Талызинъ, за что̀ получилъ Св. Анну. Болотовъ разсказываетъ, что когда узналъ о смерти Екатерины князь П. А. Зубовъ, ему сдѣлалось дурно, онъ упалъ въ обморокъ. Такъ какъ при этомъ было мало людей, то императоръ Павелъ, забывъ свою нелюбовь къ этому фавориту, первый подалъ ему стаканъ холодной воды и брызгалъ ему водою въ лице, чтобъ привести скорѣе въ чувство.



Катафалкъ, воздвигнутый надъ гробами Петра III и Екатерины II, по рисункамъ Бренна.

Съ весьма рѣдкой акватинты Майера. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

9

Вотъ какъ описываетъ свое дежурство, въ первую ночь послѣ смерти императрицы, фрейлина Е. В. Новосильцова: „Мы вошли въ опочивальню покойной государыни. Она лежала въ спальномъ платьѣ на кровати; при ней тутъ находились докторъ и священникъ, который читалъ Евангеліе. Кромѣ никого и насъ, двухъ фрейлинъ пришедшихъ. Рука ея была протянута, я подошла, поцѣловала, и какъ я ни была молода, но мнѣ все пришло въ голову, что вчера за какое счастье считали цѣловать эту руку сколько людей. Въ комнатѣ было очень холодно; я, закутавшись, сѣла въ уголъ, поодаль, подруга моя скоро заснула, докторъ вышелъ зачѣмъ-то, а священникъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Сударыня, мнѣ очень дурно, я выйду и пришлю другаго“. Я ему предложила одеколону и хотѣла подать воды, но онъ мнѣ опять сказалъ: „Нѣтъ, этого мнѣ недостаточно, я чувствую, что упаду и только вамъ надѣлаю хлопотъ“.—„Ну, дѣлайте, какъ знаете“,—отвѣчала я ему, и онъ вышелъ. Тутъ я осталась совершенно одна съ тѣломъ императрицы, въ горницѣ полутемной, но я не боялась. Взглянувъ кругомъ себя, я увидѣла вдали какую-то картину, которая мнѣ показалась замѣчательна; я подошла, чтобъ ее разсмотрѣть поближе, оперлась на что-то, передъ ней лежащее,—я и не могла сдѣлать иначе. И вдругъ изъ этой массы выскочила голова и закричала: „Что надобно?“ Тутъ я увидала, что это былъ камергеръ N. N., который отъ холода завернулся въ свою шубу. Я его успокоила и просила извиненія, что потревожила его. Онъ опять завернулся въ шубу, а я возвратилась на свое мѣсто и стала глядѣть на императрицу, лежащую съ покрытымъ лицемъ. Вдругъ я увидѣла, что покрывало на груди ея стало подниматься какъ бы дыханіемъ; это показалось мнѣ страшнымъ. Я глядѣла еще пристальнѣе, и движеніе стало еще замѣтнѣе. Я пошла прямо къ постели, чтобъ удостовѣриться въ томъ, что мнѣ видѣлось. Пока я стояла надъ нею, не зная, что мнѣ дѣлать и какъ въ этомъ случаѣ поступить, взошелъ докторъ и спросилъ, что я дѣлаю и зачѣмъ стою?... Я ему показала вздымающуюся грудь покойницы и сказала тихо: „Ахъ, посмотрите; можетъ быть, она жива, какая радость!“ — Онъ мнѣ на это сказалъ: „Это — движеніе послѣдней влаги!“...

По разсказамъ современниковъ, на улицахъ Петербурга происходили весьма трогательныя сцены, точно каждый терялъ нѣжнолюбимую мать. Люди всѣхъ сословій пѣшкомъ, въ саняхъ и въ каретахъ, встрѣчая своихъ знакомыхъ, со слезами на глазахъ, выражали сокрушеніе о случившемся. Площадь передъ дворцомъ была полна народомъ; втеченіе ночи выпалъ глубокій снѣгъ, къ утру настала оттепель и заморосилъ дождь; войска шли ко дворцу въ лучшихъ нарядахъ и шляпахъ съ дорогимъ плюмажемъ, увязая въ глубокомъ снѣгу. На Литейной, на Марсовомъ полѣ и на другихъ улицахъ, передъ казармами, стояли аналои со священниками, передъ которыми войска и приносили присягу.

Утромъ 8-го ноября, въ 9 часовъ утра, столичная полиція уже успѣла обнародовать новыя правила на счетъ формы одежды и ѣзды въ экипажахъ. Рядъ строгихъ полицейскихъ приказовъ предписывалъ носить пудру, косичку или гарбейтель, и запрещались: круглыя шляпы, высокіе сапоги, также завязки на башмакахъ или „culottes“; волосы слѣдовало зачесывать назадъ, а не на лобъ; экипажамъ и пѣшеходамъ вмѣнялось при встрѣчѣ съ императорскою фамиліею останавливаться...

Въ Благовѣщенской церкви погребенъ величайшій изъ полководцевъ, Суворовъ; надъ его могилой вдѣлана въ стѣнѣ бронзовая доска, украшенная военными аттрибутами, съ простою надписью: „Здѣсь лежитъ Суворовъ“. По преданію, эпитафію эту сочинилъ самъ Суворовъ; по другимъ разсказамъ, ее сказалъ Державинъ. Существуетъ такой разсказъ. Передъ смертію Суворовъ пожелалъ видѣть маститаго поэта. Въ разговорѣ съ Державинымъ онъ, смѣясь, спросилъ его: — „Ну, какую же ты мнѣ напишешь эпитафію?“ — „По-моему, — отвѣчалъ поэтъ: — словъ много не нужно: тутъ лежитъ Суворовъ!“ — „Помилуй Богъ, какъ хорошо“, — въ восторгѣ сказалъ Суворовъ [34]). Фельдмаршалъ скончался въ домѣ своего родственника, гр. Д. И. Хвостова, на Никольской набережной, близь Никольскаго моста. Похороны его происходили въ Николинъ день. Во время выноса изъ квартиры гробъ Суворова никакъ не могъ пройдти въ узкія двери старинной лѣстницы; долго бились съ этимъ и, наконецъ, гробъ спустили съ балкона. Императоръ Павелъ, верхомъ на конѣ, нетерпѣливо ожидалъ появленія тѣла фельдмаршала, но, такъ и не дождавшись, уѣхалъ и уже потомъ встрѣтилъ останки Суворова на углу Малой Садовой и Невскаго. Этотъ разсказъ намъ передавалъ генералъ А. М. Леманъ, который слышалъ его отъ управляющаго домомъ гр. Хвостова [35]). Существуетъ еще другой разсказъ, что будто уже въ церкви при погребеніи фельдмаршала катафалкъ въ двери не проходилъ, и не знали, какъ этому помочь. Но вдругъ изъ числа несшихъ гробъ воиновъ кто-то скомандовалъ: „Впередъ, ребята! Суворовъ вездѣ проходилъ!“ — и дѣйствительно катафалкъ прошелъ въ двери.

Царскихъ особъ и первыхъ сановниковъ возили на кладбище на дрогахъ съ факельщиками; средній и простой классъ, по обыкновенію, носили на рукахъ. Надъ покойниками ставились памятники, по большей части, путиловскія плиты, а иногда чугунныя съ простыми надписями. По кончинѣ царевенъ накладывали трауръ на шесть недѣль, и всѣ, не исключая царя, исполняли его строго и нашивàли флеръ и крепъ на шляпахъ, шпагахъ и рукавахъ.

Изъ числа великолѣпныхъ памятниковъ надъ могилами великихъ людей славнаго вѣка Екатерины, которые покоятся въ темномъ помѣщеніи Благовѣщенской церкви, называемомъ „палаткой“, достойны вниманія художественныя изваянія изъ бронзы и мрамора: надъ могилами графа Н. И. Панина, князя Безбородко, Л. А. Нарышкина; на могилѣ послѣдняго памятникъ съ надписью: „Отъ племени ихъ Петръ Великій родился“; затѣмъ бюстъ князя А. А. Вяземскаго, со слѣдующими строками: „28 лѣтъ, до изнеможенія силъ, отправлялъ онъ генералъ-прокурорскую должность съ твердостью и правотою, и скончался защитникомъ угнетенныхъ и другомъ несчастныхъ“. Мраморная пирамида — Ив. Ив. Бецкаго, на которой видна медаль, поднесенная ему сенатомъ въ 1772 году. Кромѣ того, здѣсь покоится основатель Московскаго университета Ив. Ив. Шуваловъ, графъ Ягужинскій и видна вдѣланная въ стѣнѣ скромная мраморная доска архіепископа Иннокентія, съ двустишіемъ Державина:

„Витія о тебѣ не возгласитъ похвалъ:
Гласъ краснорѣчія для праведника малъ!“

Надъ останками великихъ княженъ Маріи и Елисаветы, дочерей императора Александра I, виднѣются два ангела, вылитые изъ серебра. Они представлены парящими надъ урнами съ вѣнцомъ и трубою въ рукахъ.

Церковь св. Лазаря, по преданію, устроена Петромъ I надъ прахомъ любимой сестры Натальи Алексѣевны, тѣло которой впослѣдствіи перенесено въ Благовѣщенскую церковь. Храмъ этотъ освященъ въ 1717 году, затѣмъ къ нему нѣсколько разъ дѣлались пристройки усердіемъ почивающихъ здѣсь: Ив. Перф. Елагина (бывшаго при Екатеринѣ директоромъ театра), графовъ Шереметевыхъ и князей Бѣлосельскихъ. Въ этой церкви, какъ мы уже прежде говорили, погребенъ сподвижникъ Петра графъ Б. П. Шереметевъ. Шереметевъ погребенъ 10-го апрѣля 1719 года. Въ 1718 году, наканунѣ Рождества, въ склепѣ этой церкви былъ похороненъ въ присутствіи царя съ большою пышностію его лейбъ-медикъ Арескинъ. Затѣмъ, здѣсь лежатъ: статсъ-секретарь Тепловъ, графъ А. П. Шуваловъ, Мелиссино, адмиралъ Шишковъ и А. П. Ганнибалъ, дѣдъ поэта Пушкина. На могилѣ Ганнибала слѣдующая стихотворная эпитафія:

„Зной Африки родилъ, хладъ кровь его покоилъ,
Россіи онъ служилъ — путь къ вѣчности устроилъ“.

На могилѣ князя Бѣлосельскаго виднѣется эпитафія поэта Ив. Ив. Дмитріева:

„Пусть Кліо родъ его отъ Рюрика ведетъ, —
Поэтъ, къ достоинству любовью привлеченный,
Съ благоговѣніемъ на камень сей кладетъ
Вѣнокъ, слезами музъ и дружбы орошенный“.

У самой церкви, при входѣ стоитъ памятникъ адмирала Чичагова со слѣдующимъ стихотвореніемъ Екатерины II:

„Съ тройною силою шли шведы на него;
Узнавъ, онъ рекъ: Господь защитникъ мой!
Они насъ не проглотятъ. —
Отразивъ, плѣнилъ и побѣду получилъ“.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія и въ концѣ прошлаго, на Лазаревскомъ кладбищѣ происходили два погребенія, выходившихъ изъ ряда обыкновенныхъ. Первыя похороны отличались необыкновенной скромностью. Хоронили въ простомъ гробѣ извѣстнаго своею благотворительностью графа Н. П. Шереметева. По волѣ усопшаго, всѣ деньги, которыя должны бы пойдти на богатое погребеніе, приличное его званію и большому богатству, были розданы бѣднымъ. Такая воля завѣщателя въ день похоронъ привлекла на кладбище толпу бѣдняковъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Другія похороны, происходившія въ концѣ царствованія Екатерины II, собрали тоже немалое число любопытныхъ: хоронили валахскаго и молдавскаго князя Гику. Церемоніалъ погребенія былъ слѣдующій: впереди шествія ѣхали трубачи, затѣмъ шло до сотни факельщиковъ, за ними несли богатый порожній гробъ, за послѣднимъ шли слуги, держа въ рукахъ серебряныя большія блюда съ разварнымъ сарачинскимъ пшеномъ и изюмомъ, на другомъ блюдѣ лежали сушеные плоды, а на третьемъ большой позолоченный каравай; затѣмъ слѣдовали въ богатыхъ молдавскихъ костюмахъ молдавскіе бояре съ длинными золочеными свѣчами въ рукахъ, послѣ нихъ шло съ пѣніемъ духовенство, съ греческимъ архіепископомъ во главѣ. Затѣмъ уже несли тѣло умершаго князя, сидящее въ собольей шубѣ и шапкѣ въ креслахъ, обитыхъ золотою парчею. Тѣло было отпѣто сперва на паперти, потомъ внесено въ церковь и тамъ снята съ него шуба, одѣтъ саванъ и затѣмъ умершій былъ положенъ въ гробъ.

На Святой недѣлѣ, сто двадцать лѣтъ тому назадъ, былъ похороненъ на кладбищѣ Невскаго монастыря первый русскій ученый и славный писатель Ломоносовъ. На погребеніи его присутствовали два архіепископа, вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ, и множество знатныхъ вельможъ. Въ числѣ провожавшихъ его былъ и всегдашній его антагонистъ Сумароковъ. Существуетъ разсказъ, что Сумароковъ, указавъ на покойника, сказалъ академику Штелину: „Угомонился дуракъ, и не можетъ болѣе шумѣть!“ Штелинъ отвѣчалъ ему: „Не совѣтовалъ бы я вамъ сказать это ему при жизни“. Но не одинъ Сумароковъ при жизни враждовалъ съ Ломоносовымъ. Извѣстно, какъ ревниво тормозили ему путь въ дѣлѣ расширенія русскаго просвѣщенія его товарищи по академіи нѣмцы: Шумахеръ, Таубертъ, Миллеръ.

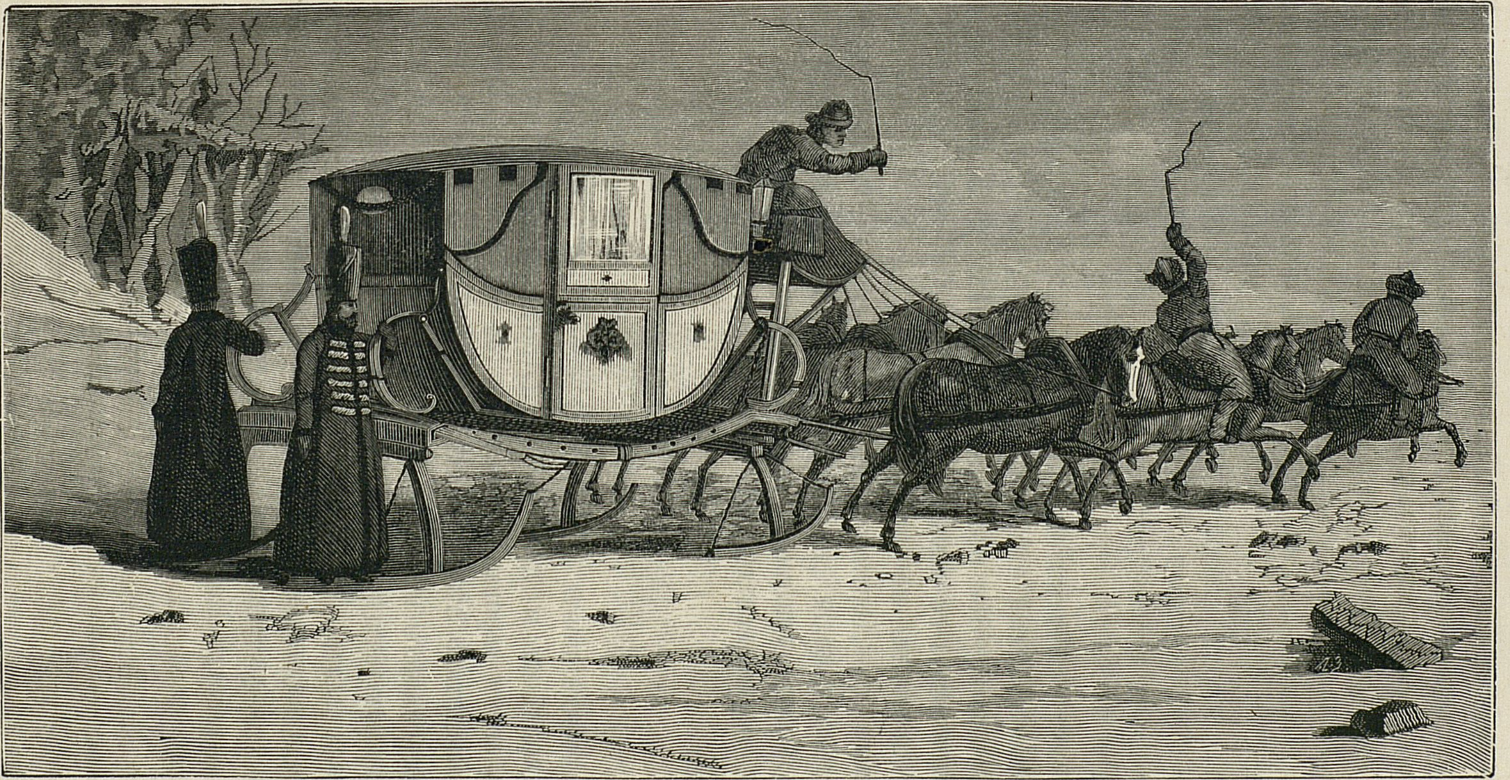
Послѣ смерти Ломоносова императрица Екатерина II повелѣла выбить въ небольшомъ числѣ золотую медаль съ надписью, которую сама составила: „Россійскому слову великую пользу принесшему“.

Гр. А. П. Шуваловъ написалъ на его кончину оду на французскомъ языкѣ, въ которой были превознесены заслуги Ломоносова и унижены зависть и невѣжество Сумарокова. Спустя нѣсколько дней по кончинѣ Ломоносова, канцлеръ графъ Р. И. Воронцовъ поручилъ Штелину сочинить надпись и составить рисунокъ монумента въ флорентинскомъ вкусѣ. То и другое было вскорѣ отослано графомъ въ Ливорно, и на слѣдующій годъ памятникъ былъ полученъ, сдѣланный изъ каррарскаго мрамора. Существующій теперь на могилѣ Ломоносова монументъ возобновленъ уже внукомъ гр. Р. И. Воронцева, гр. М. С. Воронцовымъ, въ 1832 г. Всѣ записки и бумаги Ломоносова пріобрѣлъ у вдовы его графъ Гр. Гр. Орловъ, препоручивъ разобрать ихъ секретарю Козицкому и помѣстить въ Гатчинѣ, у себя во дворцѣ, въ особой комнатѣ. Вотъ краткое извлеченіе изъ конспекта похвальнаго слова, набросаннаго на латинскомъ языкѣ Штелиномъ [36]). Характеръ Ломоносова: физической отличался крѣпостью и почти атлетической силою [37]). Образъ жизни общій плебеямъ. Умственной исполненъ страсти къ наукѣ; стремленіе къ открытіямъ. Нравственный. Мужиковатъ; съ низшими и въ семействѣ суровъ, желалъ возвыситься, равныхъ презиралъ. Религіозные предразсудки его. Сатиры на духовныхъ, гимнъ бородѣ. Преслѣдуетъ бѣднаго Тредьяковскаго за его дурной русскій слогъ.

Послѣ похоронъ Ломоносова, еще большею торжественностью отличалось погребеніе тѣла Крылова. Въ день похоронъ, 13 ноября 1844 года, Адмиралтейская церковь не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ проститься съ тѣломъ дѣдушки Крылова. Первые государственные сановники почтили своимъ присутствіемъ память Крылова. Крыловъ умеръ отъ несваренія пищи въ желудкѣ. За нѣсколько часовъ до смерти онъ сравнилъ себя съ крестьяниномъ, который навалилъ на лошадь непосильно большую поклажу рыбы, не думая тѣмъ обременить лошадь, въ виду того, что рыба сушеная.

Вынесли гробъ Крылова и поставили на дроги; военные генералы, сенаторы и другіе первые сановники, студенты университета окружили гробъ, поддерживали балдахинъ и несли ордена. Множество народа слѣдовало за гробомъ. Въ лаврѣ послѣ литургіи отпѣваніе совершалъ митрополитъ Антоній съ двумя архіереями. На головѣ покойнаго лежалъ тотъ самый вѣнокъ, которымъ чело его было украшено въ день пятидесятилѣтняго его юбилея; на груди были цвѣты, которые императрица иногда присылала ему и которые онъ сберегалъ, какъ святыню. Вмѣсто герба на траурныхъ принадлежностяхъ былъ изображенъ тотъ же лавровый вѣнокъ. При закрытіи гроба, министръ народнаго просвѣщенія положилъ въ гробъ медаль, которая была вычеканена для увѣковѣченія памяти юбилея.

Въ день похоронъ друзья и знакомые Крылова вмѣстѣ съ приглашеніемъ получили по экземпляру изданныхъ имъ басенъ, на заглавномъ листѣ которыхъ подъ траурною каймою было напечатано: „Приношеніе на память объ Иванѣ Андреевичѣ, по его желанію“. Крылова положили въ землю рядомъ съ его другомъ, Н. И. Гнѣдичемъ, переводчикомъ „Иліады“; короткая ихъ связь закрѣпилась общимъ сожительствомъ въ домѣ Императорской Библіотеки. Гнѣдичъ былъ совершенная противоположность по внѣшности. Крыловъ былъ неряха, мало заботи-



Городской возокъ съ форейторами и выѣздными гусарами.

Съ гравюры Аткинсона начала нынѣшняго столѣтія.

шійся о своей внѣшности, Гнѣдичъ же былъ усерднымъ поклонникомъ модъ и всегда одѣвался по послѣдней картинкѣ, волоса его были завиты, шея повязана огромнымъ платкомъ. Не смотря на непригожество свое (Гнѣдичъ былъ тощъ и кривъ, лицо имѣлъ изрытое оспой), онъ считалъ себя красавцемъ. Рѣчь его звучала гекзаметрами; въ манерахъ онъ былъ чопоренъ. Впрочемъ, все это не мѣшало ему быть человѣкомъ самой строгой честности, притомъ очень забавнымъ разсказчикомъ и мѣткимъ на острое слово. На могилѣ его слѣдующая надпись: „Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омира. Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лились“. („Иліада“, пѣснь I).

Въ числѣ памятниковъ людей, которые трудились со славой и оставили свѣтлый слѣдъ въ исторіи отечественнаго просвѣщенія, здѣсь находится монументъ на могилѣ Д. И. Фонъ-Визина, скончавшагося 1-го декабря 1792 года. Смерть творца „Недоросля“ постигла, по преданію, внезапно: онъ наканунѣ еще бесѣдовалъ съ Державинымъ и съ жаромъ слѣдилъ за чтеніемъ своей комедіи „Гофмейстеръ“, напечатанной подъ названіемъ „Выборъ гувернера“. Въ лаврѣ же лежитъ прахъ поэта Евгенія Баратынскаго, съ эпитафіей, взятой изъ его стихотворенія:

„Въ смиреньѣ сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца“.

На могилѣ поэта Жуковскаго скромный памятникъ воздвигнутъ стараніями и приношеніями почитателей „безсмертныхъ трудовъ его и дарованій“; надпись на немъ: „Въ память вѣчную знаменитаго пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“.

Прахъ нашего исторіографа Карамзина также покоится на Невскомъ кладбищѣ. Надъ прахомъ лежитъ надгробная бѣлая мраморная плита, съ бронзовымъ вызолоченнымъ лавровымъ вѣнкомъ и надписью „Карамзинъ“. Недалеко отъ могилъ Карамзина и Жуковскаго лежитъ поэтъ-слѣпецъ Ив. Ив. Козловъ.

На кладбищѣ Невской лавры встрѣчаются могилы слѣдующихъ писателей: Н. Ѳ. Щербины, князя П. А. Вяземскаго, П. А. Плетнева, В. И. Панаева (идиллика), П. Н. Арапова (извѣстный театралъ), М. Н. Лонгинова (библіографъ), М. А. Корфа, Ѳ. М. Достоевскаго, А. Н. Оленина, президента академіи художествъ, автора многихъ археологическихъ сочиненій и мецената; А. В. Храповицкаго, автора извѣстнаго „Дневника“;

С. Н. Марина, очень недурнаго стихотворца, мало извѣстнаго въ печати. Въ концѣ царствованія Екатерины и при Павлѣ были извѣстны въ петербургскомъ обществѣ многія его шуточныя стихотворенія, по большей части, рукописныя, разныя пародіи на оды Ломоносова и Державина, какъ, напр., „О ты, что̀ въ горести напрасно на службу ропщешь, офицеръ“, или „Съ бѣлыми Борей власами“. Послѣднюю оду онъ примѣнилъ на рожденіе корпуснаго учителя Геракова [38]), извѣстнаго сочинителя разныхъ путешествій. Маринъ служилъ въ Преображенскомъ полку и былъ флигель-адъютантомъ Александра I. Это былъ свѣтскій шутникъ, веселый товарищъ и образованный человѣкъ, игравшій блистательную роль въ кругу петербургской молодежи. Къ числу литераторовъ прошедшаго вѣка, погребенныхъ на кладбищѣ Невской лавры, можно причислить и А. В. Олешева, извѣстнаго предводителя дворянства Вологодскаго намѣстничества, женатаго на сестрѣ великаго Суворова. Вотъ стихотворное надгробіе этого сочинителя „Начертанія благоденственной жизни“ [39]):

„Останки тлѣнные того сокрыты тутъ,
Кой вѣчно будетъ жить чрезъ свой на свѣтѣ трудъ.
Чѣмъ Шпальдингъ, Дюмулинъ и Юмъ себя прославилъ,
То Олешевъ своимъ соотчичамъ оставилъ.
Былъ воинъ, судія, мудрецъ и экономъ,
Снискавшій честь сохой и шпагой, и перомъ,
Жилъ добродѣтельно и кончилъ жизнь безъ страху.
Читатель, ты, его воздавъ почтенье праху,
Къ Всевышнему мольбы усердны вознеси,
Да духъ блаженствуетъ его на небеси!“

Невдалекѣ отъ этого монумента поставилъ надгробіе въ память любезной и добродѣтельной супруги Ек. Як. Державиной, урожденной Бастидонъ, огорченный и благодарный мужъ Гав. Ром. Державинъ. При этомъ поэтъ не забылъ сказать и стихотворной эпитафіи:

„Гдѣ добродѣтель? Гдѣ краса?
Кто мнѣ слѣды ея примѣтитъ?
Увы! Здѣсь дверь на небеса...
Сокрылась въ ней — да солнце встрѣтитъ!“

Къ числу лицъ, причастныхъ къ литературѣ, нельзя не отнести и похороненнаго здѣсь на Лазаревскомъ кладбищѣ Петра Кир. Хлѣбникова, генералъ-лейтенанта, служившаго при графѣ К. Гр. Разумовскомъ, умершаго въ 1777 году. Хлѣбниковъ происходилъ родомъ изъ коломенскаго купечества; у него была собрана самая рѣдчайшая библіотека, богатая многими очень цѣнными рукописями; впослѣдствіи частью этой библіотеки владѣлъ извѣстный библіографъ С. Д. Полторацкій [40]). П. К. Хлѣбниковымъ изданы: Древняя степенная книга, Москва, 1775 г.; Японская исторія, Москва, 1773 г.; Лѣтопись Малыя Россіи, 1777 г.; его же иждивеніемъ всѣ гравюры приложены къ книгѣ Рубана: Описаніе С.-Петербурга. Свѣдѣнія о жизни П. К. Хлѣбникова напечатаны въ С.-Петербургѣ, въ 1778 году.

На кладбищѣ Невскаго монастыря лежатъ композиторы: М. И. Глинка [41]), Сѣровъ, Даргомыжскій и Мусоргскій. Художники-граверы: Чемесовъ, Шубинъ; архитекторы: Старовъ и А. Н. Воронихинъ; могилъ актеровъ и актрисъ здѣсь нѣтъ; впрочемъ, изъ числа послѣднихъ здѣсь похоронена на Лазаревскомъ кладбищѣ умершая въ 1804 году первая тогдашняя танцовщица придворнаго театра Наст. Парѳентьевна Берилова. На памятникѣ у ней слѣдующая эпитафія:

„Какое зрѣлище плачевное явилось!
Пріятныхъ дней ея теченье прекратилось,
Она ужъ мертвая, и все сокрылось съ нею“ и т. д.

Здѣсь находимъ также могилы лицъ, отличавшихся необыкновеннымъ долголѣтіемъ: монаха молчальника Патермуфія, скончавшагося на 126 году своей жизни, затѣмъ могилу инока Авраамія, прожившаго 115 лѣтъ, и извѣстнаго Елисаветинскаго и Екатерининскаго героя 107-лѣтняго старика, Василія Романовича Щегловскаго, сосланнаго въ Сибирь Потемкинымъ, изъ ревности; онъ пробылъ въ ссылкѣ 49 лѣтъ.

На старомъ кладбищѣ встрѣчаемъ надгробные памятники слѣдующихъ еще лицъ, извѣстныхъ въ исторіи: Адамъ Адамов. фонъ-деръ-Вейде, одного изъ храбрѣйшихъ генераловъ Петра I. Вейде былъ почти неразлучнымъ спутникомъ царя въ его походахъ противъ шведовъ. Петръ Великій почтилъ погребеніе Вейде своимъ присутствіемъ; затѣмъ имена двухъ извѣстныхъ въ исторіи грознаго „слово и дѣло“ графа Андр. Иван. Ушакова, генералъ-аншефа, и не менѣе его извѣстнаго нашимъ дѣдамъ Степ. Ив. Шешковскаго, прослужившаго отечеству 56 лѣтъ и умершаго въ 1794 году, въ чинѣ тайнаго совѣтника. Много въ лаврѣ лежитъ министровъ, фельдмаршаловъ: графъ Милорадовичъ, адмиралъ Сенявинъ, Рикордъ, графъ Сперанскій, Блудовъ.

Много на кладбищѣ также встрѣчается памятниковъ, явно обнаруживающихъ невѣжество и малограмотность поставившихъ

ихъ; большая часть принадлежитъ умершему купечеству. Вотъ одна изъ эпитафій: „Здѣсь лежитъ, любезныя мои дѣти, мать ваша, которая на память вамъ оставила послѣднее сіе завѣщаніе: живите дружелюбно... притомъ помните и то, что Ириной звали ее, въ супружествѣ была за петербургскимъ купцомъ Васильемъ Крапивинымъ 19 лѣтъ и 44 года, 10 мѣсяцевъ и 16 дней; къ несказанной моей и вашей печали, разлучилась съ вами, оставя миръ съ вами и благословеніе“; или другая: „Подъ симъ камнемъ, воздвигнутымъ петербургскимъ 2-й гильдіи купцомъ Ник. Ив. Похотинымъ, погребено тѣло его, проведшаго жизнь въ Петербургѣ безмятежно 42 года собственными трудами и безъ покрова мнимыхъ пріятелей во славу же Божію и трудовъ своихъ“ и т. д.

Въ числѣ эпитафій, невольно вызывающихъ улыбку, находимъ слѣдующія: „Провъ Константиновичъ, князь Волосскій, графъ Австрійскій, происходившій отъ рода греческаго императора Іоанна Кантакузина, который царствовалъ въ 1198 году (sic), и праправнукъ бывшаго въ Валахіи господаремъ въ 1619 г. Сербана Константиновича Кантакузина, родившагося въ Трантаваніи (sic) отъ Погоны Михаиловны, урожденной княгини Кантакузиной въ августѣ мѣсяцѣ, пребывшій въ службѣ при россійскомъ императорскомъ дворѣ пажемъ и имѣвшій наслѣдственное право на орденъ Константиновича Св. Велик. и побѣдоносца Георгія, умеръ 4 м. 1787 года въ цвѣтѣ молодыхъ своихъ лѣтъ. Отъ роду имѣлъ 16 л. 8 мѣс.“; или „Поповъ, Алекс. Сем., камеръ-фурьеръ подполковничьяго чина, камердинеръ Екатерины II:

„Царицѣ Росскихъ странъ сей ревностно служилъ
И милости ея по смерть свою носилъ.
Днесь Вышнему Царю на службу преселился;
Но, чтобы милостивъ къ нему сей Царь явился,
Усердную мольбу, читатель, ты пролей,
И о женѣ его и дщери пожалѣй.
Когда родитель былъ ея уже во гробѣ,
Во матерней тогда была она утробѣ.
Въ дни сѣтованія произойдя на свѣтъ,
Отцова вида зритъ единый сей предметъ;
Съ скорбящей матерью она по немъ рыдаетъ,
А мраморъ сей печаль сердецъ ихъ представляетъ“.

На могилѣ генералъ-маіорши Екатерины Алексѣевой, умершей въ 1804 году, читаемъ:

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

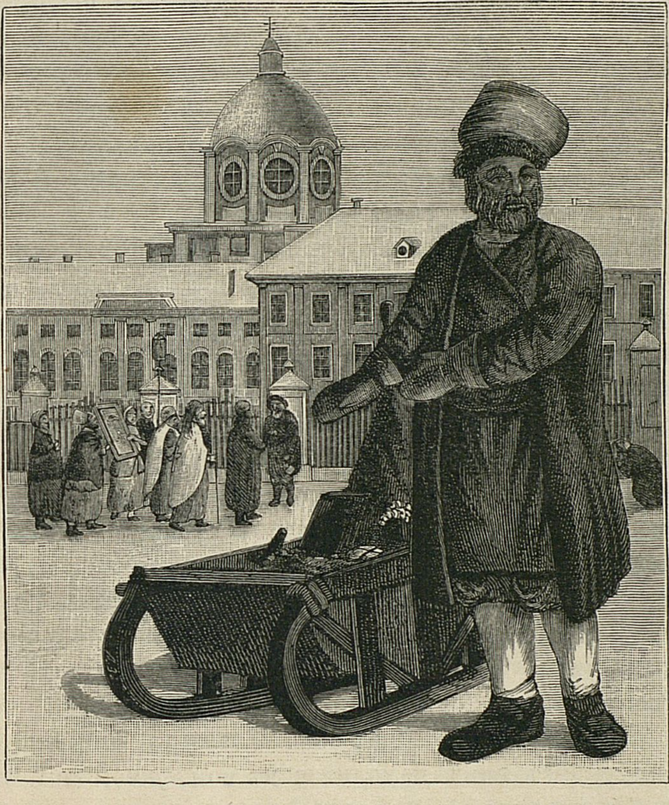
„Отъ горестей отшедшая къ покою
Сокрыта здѣсь подъ мраморной доскою.
Любя истину и добродѣтель,
Воздвигъ сей монументъ ея невинности свидѣтель“.

Надъ могилой іерея Андрея, мужа отмѣннаго благонравія и примѣрнаго житія, красуется слѣдующая эпитафія:

„Подъ камнемъ симъ лежитъ тотъ пастырь и отецъ,
Кой двадцать девять лѣтъ словесныхъ пасъ овецъ;
Пучину житія толь свято преплывалъ,
Что кормчимъ всякъ его себѣ имѣть желалъ“.

На одной могилѣ отца находимъ лаконическую надпись сына: „Кого родилъ, тотъ сей и соорудилъ“. Весьма загадочны надписи на могилахъ трехъ женъ подполковника Деласкари [42]), похоронившаго ихъ втеченіе девяти мѣсяцевъ: первая жена Деласкари умерла 16-го августа 1772 года, а послѣдняя 29-го апрѣля 1773 года. Читая ихъ, можно смѣло подумать, что Деласкари былъ опереточный герой Рауль синяя борода. Самый роскошный памятникъ въ Невской лаврѣ — Демидова: въ огромной мраморной нишѣ колоссальное и хорошо исполненное распятіе итальянской работы. Замѣчательны еще: обелискъ адмиралу Ханыкову, памятникъ графу Завадовскому — гдѣ геній жизни угашаетъ свѣтильникъ свой; мраморныя гробницы Измайлова, графини Салтыковой, Чичерина, съ простой, но прекрасной фигурой возрождающагося феникса, Охотникова, Муравьева, прелестный мавзолей Яковлевой съ гнѣздомъ, въ которомъ семь голубковъ просятъ пищи и печальный голубь сидитъ на вѣткѣ; Іоническій храмъ надъ гробомъ графини Потемкиной — работы Крылова съ превосходными барельефами, изображающими разлуку матери съ дѣтьми и христіанскую покорность добродѣтельной женщины: довѣрчиво опираясь лѣвой рукой на символъ спасенія, она спокойно предается Вѣрѣ, противъ нея стоящей (произведеніе извѣстнаго ваятеля Мартоса). Памятникъ Турчанинова, вылитый изъ чугуна, и огромный саркофагъ Кусова, кубическая масса чудеснаго гранита, на которомъ черный мраморный пьедесталъ поддерживаетъ гробницу съ крестомъ, по угламъ бронзовые канделябры. Памятникъ этотъ обошелся до 60,000 р.

На новомъ Лазаревскомъ кладбищѣ лежитъ прахъ извѣстнаго схимонаха Александро-Невской лавры Алексія; съ этимъ схимонахомъ бесѣдовалъ въ кельѣ императоръ Александръ I передъ своимъ отъѣздомъ въ Таганрогъ. Вотъ разсказъ объ этомъ посѣщеніи [43]). Императоръ былъ у него вмѣстѣ съ митрополитомъ Серафимомъ. При входѣ государя, Алексій, павъ предъ распятіемъ, пропѣлъ тропарь „Спаси, Господи“ и въ то же время, обратясь къ высокому гостю, сказалъ: „Государь, молись!“ Государь положилъ три поклона. Схимникъ, взявъ крестъ, прочелъ отпускъ и осѣнилъ императора. Послѣ этого монархъ сѣлъ съ митрополитомъ на скамью и, посадивъ схимника, вполголоса разговаривалъ съ митрополитомъ и, между прочимъ, сказалъ: „Все ли здѣсь имущество его? Гдѣ онъ спитъ? Я не вижу постели его?“ — „Спитъ онъ, — отвѣчалъ митрополитъ, — на томъ же полу, предъ симъ самымъ распятіемъ, предъ которымъ и молится“. Схимникъ, вслушавшись въ эти слова, всталъ и сказалъ: „Нѣтъ, государь, и у меня есть постель. Пойдемъ, я покажу тебѣ ее“. Съ этими словами онъ повелъ императора за



Уличный продавецъ пряниковъ въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Съ гравюры того времени Шенберга.

перегородку въ своей кельѣ. Здѣсь, на столѣ, стоялъ черный гробъ, покрытый чернымъ покрываломъ, въ гробу лежала схима, свѣчи, ладанъ и все принадлежащее къ погребенію.—„Смотри,—сказалъ схимникъ:—вотъ постель моя и не моя только, а постель всѣхъ насъ. Въ ней всѣ мы, государь, ляжемъ и будемъ спать долго“; государь нѣсколько времени стоялъ въ размышленіи. Когда государь отошелъ отъ гроба, то схимникъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Государь, я человѣкъ старый и много видѣлъ на свѣтѣ: благоволи выслушать слова мои. До великой чумы въ Москвѣ нравы были чище, народъ набожнѣе, но послѣ чумы нравы испортились; въ 1812 году, наступило время исправленія и набожности, но по окончаніи войны сей нравы еще болѣе испортились. Ты—государь нашъ и долженъ бдѣть надъ нравами. Ты сынъ православныя церкви и долженъ любить и охранять ее. Такъ хочетъ Господь Богъ нашъ“. Государь обратился къ митрополиту и сказалъ: „Многія длинныя и краснорѣчивыя рѣчи слышалъ я, но ни одна такъ не нравилась, какъ краткія слова старца. Жалѣю, что я давно съ нимъ не познакомился“. Затѣмъ, принявъ благословеніе, государь сѣлъ въ экипажъ и прямо отправился въ путь. Послѣ этого посѣщенія государь не возвращался въ Петербургъ и вскорѣ скончался въ Таганрогѣ.

Посѣтившая въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія лавру г-жа Янкова (см. „Разсказы бабушки, записанные ея внукомъ Д. Благово“) говоритъ, что монашествующей братіи въ то время было тамъ немного, и все больше люди среднихъ лѣтъ и молодые послушники; стариковъ же всего было три или четыре. Про одного изъ нихъ она разсказываетъ слѣдующую исторію. Онъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, служилъ при императорѣ Павлѣ I; вмѣстѣ съ нимъ находился въ томъ же полку его родственникъ. Этотъ послѣдній полюбилъ одну молодую дѣвушку и задумалъ ее увезти. Но дѣвушка хотя и любила его, но хотѣла сперва обвѣнчаться и потомъ уже бѣжать изъ дому родительскаго; влюбленный же офицеръ былъ женатъ, стало быть, ему вѣнчаться не было возможности. Что дѣлать въ такомъ затрудненіи? Онъ открылся пріятелю, тотъ и придумалъ сыграть комедію—обвѣнчать пріятеля своего на дому, одѣвшись священникомъ въ ризу. Предложили молодой дѣвицѣ вѣнчаться по секрету дома, подъ предлогомъ, что тайный бракъ въ церкви священникъ вѣнчать не станетъ. По неопытности своей дѣвушка не поняла, что тутъ обманъ, согласилась и, въ извѣстный день обвѣнчавшись, со своимъ мнимымъ мужемъ бѣжала... Онъ пожилъ съ нею нѣкоторое время, она родила дочь, и потомъ онъ ее бросилъ. Нашлись люди впослѣдствіи, которые помогли ей напасть на слѣдъ ея мужа, и она узнала, что онъ уже женатый и отъ живой жены на ней женился. Она подала прошеніе на высочайшее имя императора Павла, объясняя ему свое горестное положеніе. Императоръ вошелъ въ положеніе обманутой молодой дѣвушки и положилъ слѣдующее замѣчательное рѣшеніе: похитителя ея велѣлъ разжаловать и сослать, молодую женщину признать имѣющею право на фамилію соблазнителя и дочь ихъ законною, а вѣнчавшаго офицера постричь въ монахи. Въ резолюціи было сказано, что „такъ какъ онъ имѣетъ склонность къ духовной жизни, то послать его въ монастырь и постричь въ монахи“.

Кромѣ описанныхъ нами кладбищъ лавры, цѣлая церковь Сошествія Святаго Духа наполнена памятниками, весь полъ церкви состоитъ изъ продольныхъ квадратовъ съ надписями именъ похороненныхъ подъ плитами знатныхъ и богатыхъ особъ. Въ этой церкви покоятся петербургскіе митрополиты: Михаилъ (подъ жертвенникомъ), Серафимъ (по правую сторону царскихъ вратъ), Антоній налѣво отъ нихъ, Никаноръ въ царскихъ вратахъ, передъ крестомъ, Григорій у южной стѣны алтаря. Въ числѣ множества памятниковъ въ Духовской церкви видна одна надпись на могилѣ княгини Евдокіи Голицыной, урожденной Измайловой, 1780—1850 г., со слѣдующими словами: „Прошу православныхъ русскихъ и проходящихъ здѣсь помолиться за рабу Божію, дабы услышалъ Господь мои теплыя молитвы у престола Всевышняго, для сохраненія духа русскаго“. Лежащая здѣсь княгиня въ свое время была замѣчательная личность въ петербургскомъ высшемъ обществѣ. Княгиня была красавицей до старости; красота ея напоминала древнее греческое изваяніе. Про нее говоритъ ея современникъ [44]): „Не знаю, какова была она въ первой своей молодости, но и вторая и третья молодость ея плѣняли какою-то свѣжестію и цѣломудріемъ дѣвственности. Черные, выразительные глаза, густые темные волосы, падающіе на плеча извивистыми локонами, южный матовый колоритъ лица, улыбка добродушная и граціозная: придайте къ тому голосъ, произношеніе необыкновенно мягкое и благозвучное—и вы составите себѣ приблизительное понятіе о внѣшности ея“.

Княгиня жила въ своемъ богатомъ домѣ на Большой Милліонной [45]), убранномъ, какъ музей, рѣдкими художественными произведеніями. Избранное петербургское общество собиралось къ княгинѣ ночью и вело свои бесѣды вплоть до разсвѣта.

Въ Петербургѣ княгиню называли „ночной“, Princesse Nocturne; по разсказамъ, она боялась ночи, такъ какъ ей когда-то извѣстная дѣвица Ленорманъ предсказала, что она умретъ ночью... Салонъ этой русской г-жи Рекамье посѣщали всѣ знаменитости того времени, какъ пріѣзжія, такъ и отечественныя. Бесѣды у княгини отличались большой свободой и непринужденностью. Это тогда хоть не подходило къ уставу свѣтскаго благочинія, но репутація княгини осталась безупречною. Княгиня жила врозь съ мужемъ, но въ границахъ чистѣйшей нравственности. Въ числѣ многихъ извѣстныхъ поклонниковъ княгини были: нашъ поэтъ Пушкинъ, Карамзинъ, М. Ѳ. Орловъ и князь И. М. Долгоруковъ; послѣдній долго искалъ руки княгини, но упрямый мужъ не давалъ развода. Послѣ 1812 года, княгиня сдѣлалась ярой патріоткой и явилась въ Москву на балъ въ благородное собраніе въ кокошникѣ и сарафанѣ. Отстаивая все русское, позднѣе княгиня объявила войну входящему въ сельское хозяйство картофелю; въ этомъ нѣмецкомъ овощѣ она видѣла посягательство на русскую національность и упорна вела войну съ министромъ государственныхъ имуществъ графомъ Киселевымъ. Въ послѣдніе годы своей жизни, княгиня занялась высшею математикой и метафизикой и стала писать брошюры на французскомъ языкѣ; жила она тогда, по большей части, въ Парижѣ, при ней всегда находилась въ качествѣ секретаря дочь С. Н. Глинки. Подъ старость княгиня отличалась большою набожностью.

Какъ мы уже выше говорили, торжественное освященіе главнаго собора лавры во имя св. Троицы состоялось 30-го 1790 г. Въ этотъ же день праздновался миръ съ Швеціей. На освященіе въ 10 часовъ утра въ лавру прибыла императрица съ августѣйшимъ семействомъ. Высокіе посѣтители отправились въ Благовѣщенскую церковь, изъ которой надлежало перенести мощи св. Александра Невскаго. Мощи несли кавалеры ордена св. Александра Невскаго, балдахинъ — кавалеры ордена св. Владиміра. За св. мощами шла императрица, а по сторонамъ ея кавалергарды подъ начальствомъ Зубова. Во время шествія производились колокольный звонъ и пальба изъ пушекъ; послѣдняя изъ лаврской верфи, основанной еще при Петрѣ Великомъ. Освященіе собора совершалъ митрополитъ Гавріилъ въ сослуженіи съ архіепископами Евгеніемъ Булгаромъ и Иннокентіемъ. Наканунѣ освященія, императрица пожаловала Гавріилу розовую панагію съ изумрудами и приказала ваятелю М. Козловскому сдѣлать изъ бѣлаго мрамора барельефный поясной бюстъ митрополита, который и былъ поставленъ въ нишѣ противъ мощей 9-го августа 1790 года; за работу бюста было заплачено 10,000 рублей. Еще въ 1752 году, императрица Елисавета украсила мощи св. благовѣрнаго князя богатою ракою изъ серебра, въ первый разъ добытаго на Колыванскихъ заводахъ. Всего серебра здѣсь употреблено было девяносто пудовъ, въ барельефахъ серебряной раки виднѣется стихотворная надпись сочиненія Ломоносова. Всѣхъ драгоцѣнностей, хранящихся въ соборѣ, мы не выписываемъ, такъ какъ перечисленіе богатствъ лавры займетъ не одинъ томъ. Изъ художественныхъ произведеній здѣсь: „Спаситель“—работы Ванъ-Дика, „Богоматерь“—кисти Гверчино, „Воскресеніе Лазаря“—работы Бассано; „Воскресеніе Христово“—Рубенса, его же работѣ приписываютъ и „Снятіе со Креста“. Изъ работъ русскихъ художниковъ тамъ имѣются образа: Угрюмова, Мошкова, Дрождина, Бѣльскаго, Пустынина, Уткина и другихъ.

Въ соборѣ находятся четыре напрестольныя Евангелія, напечатанныя въ Москвѣ въ 1644, 1663, 1681 и 1698 году; напрестольный золотой крестъ съ драгоцѣнными камнями вѣсомъ 1 фунтъ 82 золотника, крестъ сдѣланъ въ 1660 году для церкви Богородицы въ Кириловъ монастырь; золотые священные сосуды, пожертвованные Екатериною въ 1791 году, одинъ золотой дискосъ и потиръ со множествомъ финифтяныхъ изображеній, вѣсомъ въ 9 фунтовъ; затѣмъ писанный на лаписѣ образъ „Моленіе о чашѣ“, присланный въ даръ отъ папы Пія IV Екатеринѣ II; золотая риза этого образа украшена брилліантами и особенно замѣчателенъ на ней превосходный изумрудный камэ съ изображеніемъ св. Магдалины.

Изъ предметовъ не священныхъ, хранящихся въ ризницѣ и библіотекѣ, достойны вниманія: трость императора Петра I-го, трость янтарная Екатерины II-й, маршальскій жезлъ Петра I-го, кровать Петра Великаго, на которой царь почивалъ, когда говѣлъ въ лаврѣ, на страстной недѣлѣ, собраніе старинныхъ монетъ, серебряный крестъ, найденный на Куликовомъ полѣ, и многія другія вещи.

Въ Александро-Невскомъ монастырѣ въ Петровское время жилъ оберъ-инквизиторъ[46]). Это характерное учрежденіе царь хотѣлъ развить по всей Россіи, по примѣру существовавшихъ уже въ сенатѣ фискаловъ, надъ которыми былъ Нестеровъ оберъ-фискаломъ, и при св. синодѣ оберъ-инквизиторомъ былъ поставленъ іеромонахъ Макарій Хворостининъ, до этого бывшій іеромонахомъ на островѣ Котлинѣ. Въ 1721 году 27-го августа, по выбору послѣдняго, къ нему просто инквизиторомъ былъ назначенъ іеродіаконъ Невскаго монастыря Венедиктъ Коптевъ.

Въ инквизиторы св. синодомъ предписывалось избирать въ братствѣ „добрыхъ монаховъ и достойныхъ тому инквизиторскому званію, кромѣ начальствующихъ"; оберъ-инквизиторъ съ помощниками имѣлъ обязанность наблюдать въ своемъ вѣдомствѣ за исполненіемъ указовъ св. синода и его царскаго величества и, провѣдавъ о какихъ либо дѣлахъ и безпорядкахъ, доносить начальству. У Хворостинина при дѣлахъ состояли двое молодыхъ неопытныхъ приказныхъ, которые и писать не умѣли. Повидимости, іеромонахъ Макарій былъ вполнѣ „достоинъ своего званія", потому что съ большимъ жаромъ хлопоталъ устроить при себѣ особую контору съ опытными подьячими, хорошенько обезпечить трактаментомъ существованіе инквизиторскаго учрежденія и собирался лично ѣхать по всей Россіи для выбора инквизиторовъ, „понеже въ Петербургѣ изъ монаховъ выбрать было некого". Только св. синодъ несочувственно относился къ порывамъ оберъ-инквизитора, котораго не только служба, но и самое названіе вызывали въ каждомъ отвращеніе. Въ другихъ епархіяхъ, напримѣръ, Московской, Псковской, инквизиторы поднимали „страшныя дѣла" изъ-за пустяковъ и личныхъ интересовъ; эти дѣла вѣдались въ Преображенской канцеляріи съ розысками и стоили жизни тѣмъ, на кого дѣлались доносы. Но въ архивѣ с.-петербургской консисторіи не нашлось ни одного дѣла, начатаго оберъ-инквизиторомъ или его помощникомъ.

Всѣхъ архимандритовъ, со дня основанія Невской лавры, было числомъ сорокъ. При лаврѣ въ 1720 году была учреждена типографія, въ которой въ первое время было издано книгъ около двадцати, изъ нихъ извѣстенъ букварь или первое ученіе отрокамъ съ катехизисомъ, духовный регламентъ, пращица духовная, славянская граматика сочиненія іеродіакона Ѳеодора Максимова, Ѳеатронъ, или позоръ историческій, и другія.

При Елисаветѣ и Екатеринѣ въ палатахъ Невскаго монастыря былъ и „подхожій станъ" китайскихъ, турецкихъ и персидскихъ пословъ, для приготовленія ихъ къ торжественному шествію во дворецъ. При Петрѣ въ монастырѣ было введено стройное нотное пѣніе. Указомъ императора велѣно списать у пѣвчихъ государя копіи „со всѣхъ знаменнаго напѣву переводовъ, для знанія въ Невскомъ монастырѣ клирошаномъ“.

Въ 1809 году, въ лаврѣ сталъ славиться хоръ митрополичьихъ пѣвчихъ, который тогда ничѣмъ не уступалъ придворнымъ пѣвчимъ. Этотъ хоръ былъ доведенъ до совершенства регентомъ и протоіереемъ П. И. Турчаниновымъ; послѣднему наша церковь обязана превосходными переложеніями древнихъ греческихъ и знаменныхъ напѣвовъ въ правильный, стройный, гармоническій складъ.

При Екатеринѣ II въ лаврѣ повелѣно было одному іеромонаху, чтецу и пѣвцу, отправлять службу на греческомъ языкѣ.

Крестный ходъ, совершаемый въ лавру, установленъ св. синодомъ въ 1748 году, по желанію императрицы Елисаветы Петровны.

◆

ГЛАВА III.

Домикъ Петра Великаго.—Шкиперъ перваго иностраннаго судна.—Дома: Меншикова, Головкина, Брюса, Шафирова.—Дворецъ Екатерины въ Лѣтнемъ саду.—Лѣтній садъ.—Посадка деревьевъ въ немъ. — Гроты.—Буря 1777 года.—Площадки: Архіерейская, Шкиперская и т. п.—Рѣшетка Лѣтняго сада.—Галлерея съ залами.—Арестъ Бирона.—Видѣніе императрицы Анны Іоанновны.—Описаніе дворца и его рѣдкости.—Почтовый дворъ.—Готорпскій глобусъ.—Звѣровой дворъ.—Приводъ слона.—Слоновой мастеръ.—Продовольствіе слоновъ.—Буйство слоновъ.—Красный каналъ.—Аристократическое мѣсто „Le pas de Calais“.—Дома Мошкова и Густава Бирона.

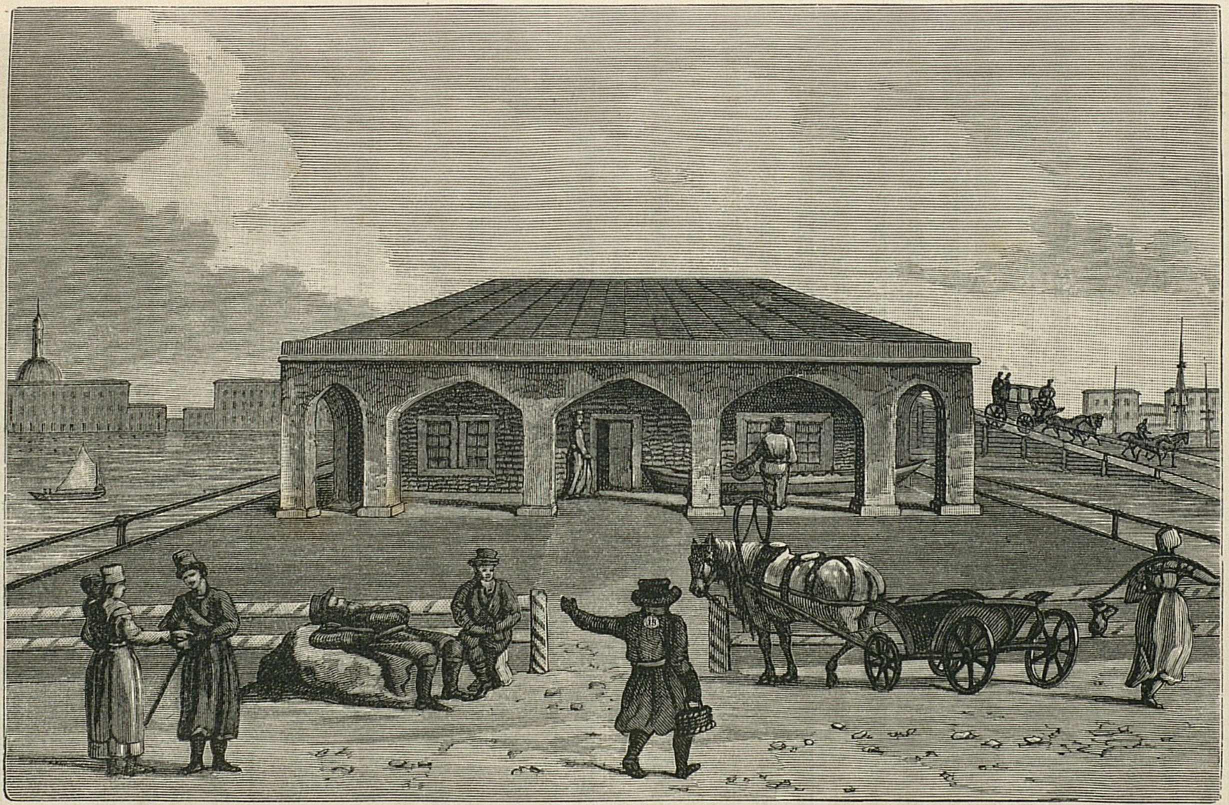
ВЪ ЧИСЛѢ самыхъ старинныхъ дворцевъ въ Петербургѣ, созданныхъ руками Петра I, извѣстны: домикъ царя на Петербургской сторонѣ, дворецъ его въ Лѣтнемъ саду (или, вѣрнѣе, Екатерины) и затѣмъ Екатерингофскій дворецъ. Первый изъ этихъ дворцевъ построенъ сардамскими плотниками по образцу домовъ рабочихъ въ Сардамѣ. Зданіе домика, длиною около девяти саженъ и шириною въ три, сдѣлано изъ обтесанныхъ съ обѣихъ сторонъ бревенъ, крыто досчечками въ видѣ черепицы и состоитъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ, раздѣленныхъ узкими сѣнями и кухнею; домикъ вначалѣ былъ выкрашенъ подъ кирпичъ въ голландскомъ вкусѣ, на крышѣ по срединѣ была укрѣплена мортира, а по обоимъ угламъ двѣ пылающія бомбы. Какъ первая, такъ и вторыя деревянныя. Внутреннія стѣны комнатъ были обиты выбѣленною холстиною; косяки, двери, ставни и всѣ семнадцать оконъ были расписаны букетами разныхъ цвѣтовъ; рамы въ окнахъ сдѣланы изъ свинцовыхъ желобковъ. Въ комнатѣ, при входѣ съ правой стороны, Петръ обыкновенно занимался дѣлами и принималъ своихъ сановниковъ, а другая служила столовою и спальнею. Въ одной изъ этихъ комнатъ теперь устроена часовня, гдѣ поставленъ образъ Спасителя и виситъ молитва „Отче нашъ", написанная рукою дочери Петра, Елисаветы; часовня открыта императоромъ Николаемъ. Въ другой комнатѣ изъ предметовъ петровскихъ временъ можно видѣть два шкафа, два комода, деревянный стулъ съ кожаною подушкою, собственной работы Петра Великаго; скамейка, въ футлярѣ, сдѣланная также самимъ императоромъ, на которой онъ лѣтомъ, въ ясную погоду часто сиживалъ у дверей своего домика и любовался кейзеръ-флагомъ, развѣвавшимся на государевомъ бастіонѣ; рама оконная съ свинцовымъ переплетомъ — также его работы; всѣ эти вещи изъ дубоваго дерева. Затѣмъ, тамъ же хранятся: деревянная рюмка, точеная самимъ царемъ, изорванный парусъ и яликъ съ веслами и шестомъ, работы государя. Къ сожалѣнію, многія эти вещи подкрашены и подновлены въ пятидесятыхъ годахъ. На стѣнѣ, около двери виситъ планъ Петербурга начала XVIII столѣтія, очень плохой, онъ помѣщенъ въ позднѣйшее время.

Къ этому домику, по преданію, Петръ въ качествѣ кормчаго привелъ первое торговое фрисландское судно съ товарами, угостилъ обѣдомъ шкипера, который никакъ не могъ себѣ представить, что былъ во дворцѣ у императора, и обошелся съ Петромъ потоварищески. Государь, замѣтивъ его ошибку, представилъ ему жену. Шкиперъ подарилъ ей сыръ, сказавъ, что подобнаго она никогда не ѣла, и, довольный ея отвѣтомъ, вынувъ изъ-подъ полы кусокъ полотна, просилъ принять на рубашки. „Ну, Катя, сказалъ Петръ, ты теперь будешь нарядна и горда, какъ императрица! Какая ты счастливая! Тебѣ бы вѣкъ не видать такихъ рубашекъ!" Шкиперъ просилъ поцѣловать его за подарокъ. Въ эту минуту, какъ разсказываетъ Штелинъ, вошелъ къ царю Менщиковъ въ орденахъ и, не зная ничего, сталъ докладывать почтительно о дѣлахъ. Шкиперъ смутился. Но царь приказалъ выйдти Менщикову и убѣдилъ голландца, что въ Петербургѣ господа со звѣздами и лентами нерѣдко являются съ любезностями ко всякому, кто имѣетъ деньги, чтобы занять у него, и совѣтовалъ беречься ихъ. Голландскій купецъ повѣрилъ царю, и сталъ продавать ему свои товары, и только подъ конецъ, когда къ царю явился капитанъ съ рапортомъ о смѣнѣ, купецъ понялъ шутку царя, упалъ къ его ногамъ и просилъ извиненія. Петръ милостиво поднялъ его, купилъ всѣ его товары и вдобавокъ пожаловалъ ему многія привилегіи на будущее время.

Саженяхъ въ двадцати отъ дворца, гдѣ теперь дома церковнослужителей Петропавловскаго собора, стоялъ домъ князя Менщикова, своею архитектурою очень походившій на кирку. Въ этомъ домѣ въ 1716 году жилъ герцогъ Курляндскій, мужъ Анны Іоанновны, впослѣдствіи императрицы. Напротивъ домика Петра (гдѣ теперь пеньковый буянъ) стоялъ въ 1712 году деревянный домъ петербургскаго оберъ-коменданта Романа Вилимовича Брюса[46]). Десять лѣтъ спустя, здѣсь помѣщался синодъ. Противъ дома Брюса шли казенные постоялые дворы для всѣхъ пріѣзжающихъ въ Петербургъ; въ то время указомъ было воспрещено принимать на квартиры въ частные дома. Передъ постоялыми дворами находились первыя въ городѣ мясныя и рыбныя лавки и садки. На мысѣ, къ Большой Невкѣ, стоялъ домъ канцлера графа Головкина, построенный въ 1710 году изъ камня, добытаго въ развалинахъ укрѣпленій Ніеншанца; внизу дома къ рѣкѣ былъ мостъ; сосѣдомъ Головкина былъ заклятый врагъ его, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ; домъ послѣдняго впослѣдствіи, когда онъ впалъ въ немилость, былъ отъ него отобранъ въ казну. Въ этомъ домѣ въ 1726 году происходило первое публичное засѣданіе академіи наукъ; по словамъ Бергхольца, зала въ этомъ домѣ была самая обширная и лучшая во всемъ Петербургѣ. Возлѣ дома Шафирова стоялъ домъ И. П. Строева, въ этомъ домѣ послѣ помѣщалась гимназія; сосѣдомъ Строева былъ Кон. Ник. Зотовъ, сынъ извѣстнаго шута князя-папы. Невдалекѣ отъ него же въ Большой Дворянской находился домъ и другаго шута, тоже князя-папы, Бутурлина. На домѣ послѣдняго былъ выстроенъ большой куполъ, украшенный изображеніемъ Бахуса. Этого Бутурлина по смерти Зотова насильно женили на вдовѣ послѣдняго. По словамъ Бергхольца, новобрачные провели первую ночь въ пирамидѣ на Троицкой площади. Пирамида была освѣщена только внутри и сдѣлана была вся въ скважинахъ, въ которыя было видно все, происходившее тамъ внутри.

Кромѣ князя-папы, при Петрѣ была еще „князь-игуменья санкпитербургская“, разбитная и угодливая, пьяная старуха Ржевская. Шутиху эту Петръ приставилъ къ женѣ своего наслѣдника для надзора и тайныхъ доносовъ о ея поведеніи.

Екатерина II велѣла покрыть домикъ Петра каменнымъ футляромъ для сбереженія на будущія времена. Домикъ Петра во



Домикъ Петра Великаго.

Съ гравюры Аткинсона, начала нынѣшняго столѣтія.

время наводненія, бывшаго 7-го ноября 1824 года, потерпѣлъ незначительныя поврежденія, которыя тогда же были исправлены.

Существующій посейчасъ дворецъ въ Лѣтнемъ саду, какъ гласитъ преданіе, былъ построенъ Петромъ для возбужденія въ первоначальныхъ обывателяхъ Петербурга охоты строиться на Адмиралтейской сторонѣ, потому что до того времени (1711 г.) всѣ строились въ зарѣчныхъ частяхъ города [47]).

Дворецъ этотъ строился четыре года и назначался для императрицы Екатерины I; стѣны, какъ и фундаментъ, дворца выводилъ Микети. Вотъ указъ Петра I о постройкѣ этого дворца: „На Лѣтнемъ дворцѣ въ палатахъ штукатурною работою дѣлать вновь между окнами верхними и нижними, какъ баудиректоръ дастъ; фреджи дѣлать такъ, какъ начата лѣстница, которую въ сѣняхъ сдѣлать столярную работу дубомъ, какъ шаръ; круглую лѣстницу, что̀ на переходъ, сдѣлать голландскимъ манеромъ, съ перилами изъ дуба же; въ поварнѣ выкласть плитками стѣны и на верху сдѣлать другую поварню и также плитками выкласть; желѣзо, которое въ поставкахъ, мѣдью окрыть; въ огородѣ сдѣлать гротъ съ погребами и ватеръ-кунтомъ, о чемъ пропорцію взять у баудиректора, о которомъ ему же приказали; оранжереи отдѣлать по тексту, каковъ дастъ онъ же, баудиректоръ“. Надъ верхними строками этого указа Петръ написалъ: „чтобъ сдѣлать нынѣшнимъ лѣтомъ“.

Петръ особенно заботился о лѣсахъ и садахъ Петербурга и, желая возбудить примѣромъ охоту къ лѣсоводству, самъ сажалъ дубовые лѣса. Такъ онъ выбралъ на петербургской дорогѣ мѣсто для питомника дубовыхъ деревьевъ, огородилъ его частоколомъ и собственноручно прибилъ указъ, чтобы никто не смѣлъ портить деревья. Противъ порубки деревъ онъ издалъ строгія законы; главный лѣсничій Кафтыревъ, чтобъ удержать порубку, вынужденъ былъ, въ видѣ угрозы, поставить чрезъ каждыя пять верстъ висѣлицы. При Петрѣ и позднѣе въ царствованіе Екатерины II, почти при каждомъ домѣ были сады; лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ центрѣ Петербурга числилось 1,688 садовъ. Особенно богата была садами мѣстность вблизи Владимірской церкви и по Загородному проспекту. Здѣсь на нашей памяти напротивъ мѣщанской управы существовалъ роскошный садъ съ затѣйливыми бесѣдками, мостиками и вѣковыми деревьями, въ числѣ которыхъ росъ большой вѣковой кленъ, перевитый по рединѣ въ кольцо; по преданію, это сдѣлалъ Петръ. Домъ этотъ когда-то былъ дворцемъ, затѣмъ принадлежалъ купцу Нечаеву.

Онъ сломанъ въ восьмидесятомъ году нынѣшняго столѣтія; въ этомъ домѣ въ пятидесятыхъ годахъ жилъ М. И. Глинка.

Въ прошедшемъ столѣтіи, въ Петербургѣ существовало три лѣтнихъ дворца, которые могутъ быть названы дворцами Петра I, Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. Всѣ они находились въ разныхъ концахъ Лѣтняго сада; первый изъ нихъ, который мы и теперь видимъ на берегу Фонтанки, основанъ Петромъ въ 1711 году, одновременно съ Лѣтнимъ садомъ.

Петръ I особенно любилъ свой новый Лѣтній садъ, въ которомъ самъ трудился надъ разбитіемъ плана, посадкою деревъ и т. д. Онъ всюду искалъ мастеровъ и, въ Ревелѣ встрѣтивъ гановерскаго урожденца, садовника Гаспара Фохта (1718 г.), разговорился съ нимъ объ его искусствѣ. Фохтъ очень понравился ему и былъ приглашенъ пріѣхать въ Петербургъ. Не смѣя отказать государю, Фохтъ, однако жъ, отнѣкивался, ссылаясь, что скучаетъ о женѣ и дѣтяхъ, оставленныхъ имъ въ отечествѣ. Петръ требовалъ настоятельно и назначилъ срокъ, къ которому онъ долженъ былъ явиться въ Петербургъ. Фохтъ къ назначенному времени пріѣхалъ въ Петербургъ. Но каково же было удивленіе Фохта, когда, явясь къ царю во дворецъ, онъ встрѣтилъ тамъ жену и дѣтей! Лѣтній и Аптекарскій садъ разведены Фохтомъ.

Лѣтній садъ занималъ пространство всего нынѣшняго сада и части Марсова поля; длинныя его аллеи были усажены липами, частью еще живыми, но, къ сожалѣнію, погибающими, частью дубами и частью плодовыми деревьями. Изъ Москвы Петру привозили ильмовыя деревья, изъ Кіева — грабины; голландскій резидентъ Брандтъ посылалъ царю цвѣты „красивые“, но Петръ требовалъ „душистыхъ“, удивлялся, какъ піоны (шесть кустовъ) присланы были въ цѣлости, жалѣлъ, что не присылаютъ калуферу, мяты. Изъ Нарвы было приказано выкопать съ землею и прислать майорану, бѣлыхъ лилій, липъ толщиною въ объемѣ до 15 дюймовъ.

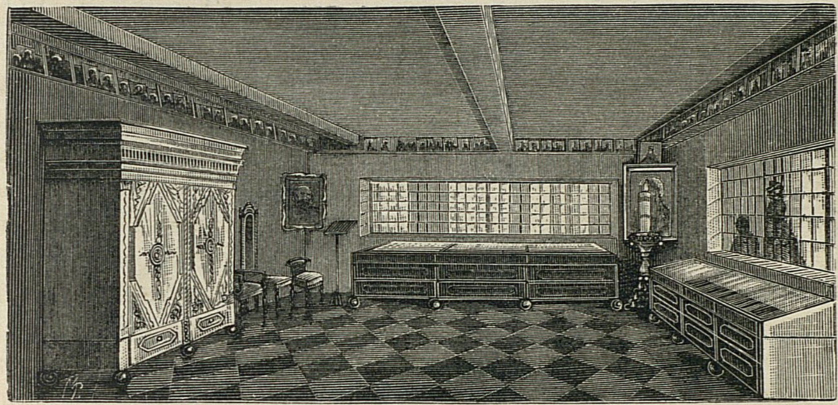
Въ послѣдніе годы Петръ особенно заботился о своемъ любимомъ „парадисѣ“, выписывалъ изъ Соликамска кедры, изъ Данцига барбарисовыя сѣмена и розаны, изъ Швеціи яблони и т. д. Дорожки Лѣтняго сада были обсажены сибирскимъ гороховникомъ, таволгой и зеленицею. Какъ уже мы упоминали, въ Лѣтнемъ саду было нѣсколько фонтановъ, въ бассейнѣ одного изъ нихъ сидѣлъ тюлень. Фонтаны были устроены въ 1718 году, къ которому относится прорытіе Лиговскаго канала, проведеннаго единственно для снабженія водою фонтановъ и каскадовъ Лѣтняго сада. Фонтаны дѣйствовали до половины царствованія Екатерины II, приказавшей уничтожить ихъ по совѣту Бецкаго и Остермана, которымъ государыня подарила водопроводныя трубы и свинцовыя статуи. Эти свинцовыя фигуры изъ Эзоповыхъ басенъ, съ письменными объясненіями за стеклами въ рамкахъ, были поставлены на небольшой площадкѣ передъ гротомъ. Причиной уничтоженія фонтановъ, какъ и многихъ вѣковыхъ деревьевъ въ Лѣтнемъ саду, была страшная буря 10-го сентября 1777 года. Сохраняющіяся донынѣ съ желѣзными скобами деревья и на боку съ подставленными костылями остались отъ того времени.

Въ саду былъ устроенъ искусственный гротъ, съ лѣстницею на верхъ, украшенный морскими раковинами; онъ существовалъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія; точно такой же гротъ сохранился на Литейной, въ саду графа Шереметева, въ которомъ торгуетъ букинистъ. На мѣстѣ грота въ двадцатыхъ годахъ былъ построенъ каменный кофейный домъ, гдѣ лѣтъ тридцать содержалъ кондитерскую итальянецъ Піяцци, содержавшій еще и другую кондитерскую въ такъ называемомъ Палероялѣ (теперь домъ, принадлежащій театральной дирекціи, у Александринскаго театра) и ресторацію Фениксъ въ Толмазовомъ переулкѣ.

Передъ гротомъ, какъ мы уже сказали, помѣщались площадки съ свинцовыми фигурами. Здѣсь стояли скамейки и столы съ играми и питьями. Площадки эти назывались: Архіерейская, Шкиперская, Дамская. На мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ рѣшетка Лѣтняго сада (начата она въ 1778 году и окончена въ 1784), при Екатеринѣ I, по случаю бракосочетанія великой княжны Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ, была построена для торжествъ большая деревянная галлерея и зала съ четырьмя комнатами по сторонамъ; зало имѣло одиннадцать оконъ по фасаду вдоль набережной Невы.

Въ 1731 году, императрица Анна велѣла сломать эту залу и на ея мѣстѣ выстроить новый дворецъ. Послѣдній, по вступленіи на престолъ Елисаветы, былъ сломанъ. Дворецъ былъ одноэтажный, но очень обширный, и отличался чрезвычайно богатымъ убранствомъ, которое можно было видѣть сквозь зеркальныя стекла оконъ, бывшія тогда рѣдкостью. Здѣсь жилъ императоръ Петръ II; здѣсь же умерла Анна Іоанновна, и выставлено было ея тѣло до погребенія; отсюда же перевезли въ Зимній дворецъ младенца императора Іоанна Антоновича; тутъ же было прочтеніе завѣщанія императрицы, провозглашеніе регентства Бирона и присяга малолѣтнему императору, и затѣмъ изъ этого же дворца, въ ночь на 8-е ноября 1740, былъ арестованъ Биронъ Минихомъ. Когда Биронъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Шлиссельбургъ, то съ этого дворца былъ сорванъ съ фронтона огромный мѣдный гербъ Бирона (этотъ гербъ въ 1847 году сохранялся въ сенатскомъ архивѣ, цѣлъ ли онъ еще теперь, не знаемъ).

По преданію, здѣсь же было извѣстное, неразгаданное явленіе передъ смертью Анны Іоанновны. Вотъ какъ разсказываютъ этотъ случай современники [48]): „За нѣсколько дней до смерти Анны Іоанновны, караулъ стоялъ въ комнатѣ, возлѣ тронной залы, часовой былъ у открытыхъ дверей. Императрица уже удалилась во внутренніе покои; было уже за полночь, и офицеръ усѣлся, чтобы вздремнуть. Вдругъ часовой зоветъ на караулъ, солдаты выстроились, офицеръ вынулъ шпагу, чтобы отдать честь. Всѣ видятъ — императрица ходитъ по тронной залѣ взадъ и впередъ, склоня задумчиво голову, не обращая ни на кого вниманія. Весь взводъ стоитъ въ ожиданіи, но, наконецъ, странность ночной прогулки по тронной залѣ начинаетъ всѣхъ смущать. Офицеръ, видя, что государыня не желаетъ идти изъ залы, рѣшается, наконецъ, пройдти другимъ ходомъ и спросить, не знаетъ ли кто намѣреній императрицы. Тутъ онъ встрѣчаетъ Бирона, и рапортуетъ ему. — Не можетъ быть, — говоритъ Биронъ: — я сейчасъ отъ государыни, она ушла въ спальню ложиться. — Взгляните сами, она въ тронной залѣ. — Биронъ идетъ и тоже видитъ ее. — Это что нибудь не такъ, здѣсь или заговоръ, или обманъ, чтобы дѣй-



Внутренность домика Петра Великаго въ Петербургѣ.

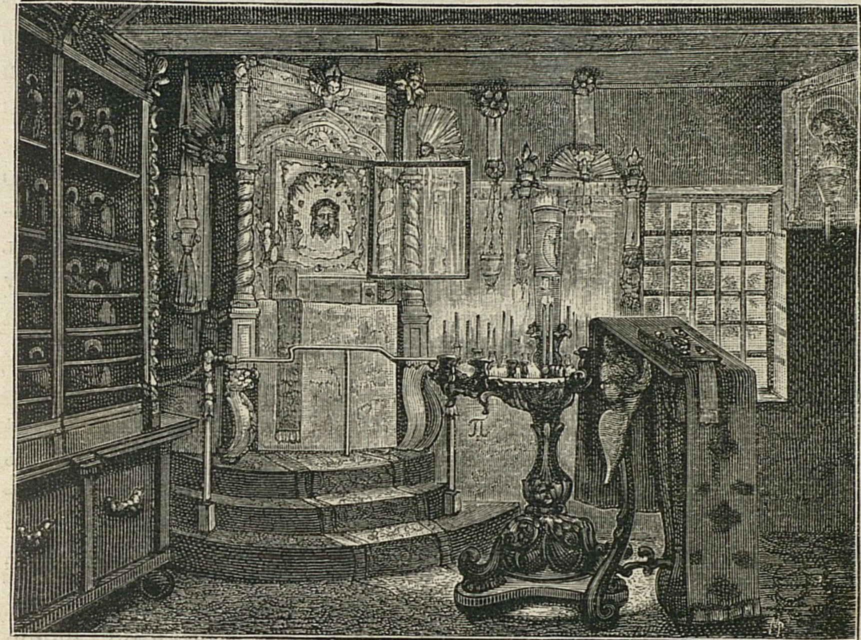
Въ настоящее время.

ствовать на солдатъ, — говоритъ онъ, бѣжитъ къ императрицѣ и уговариваетъ ее выйдти, чтобы въ глазахъ караула изобличить самозванку, пользующуюся нѣкоторымъ сходствомъ съ ней, чтобы морочить людей. Императрица рѣшается выйдти, какъ была въ пудермантелѣ. Биронъ идетъ съ нею. Они видятъ женщину, поразительно похожую на императрицу, которая нимало не смущается. — Дерзкая! — говоритъ Биронъ, и вызвалъ весь караулъ; солдаты и всѣ присутствующіе видятъ „двѣ Анны Іоанновны“, изъ которыхъ настоящую и призракъ можно было отличить отъ другой только по наряду и по тому, что она пришла съ Бирономъ. Императрица, постоявъ минуту въ удивленіи, подходитъ къ ней, говоря: Кто ты? Зачѣмъ ты пришла? Не отвѣчая ни слова, привидѣніе пятится, не сводя глазъ съ императрицы, къ трону, всходитъ на него, и на ступеняхъ, обращая глаза еще разъ на императрицу, исчезаетъ. Императрица обращается къ Бирону и произноситъ: Это моя смерть, — и уходитъ къ себѣ“.

Въ настоящее врем какъя, и въ старину, дворецъ въ Лѣтнемъ саду имѣетъ стѣны бѣлыя; наличники у оконъ и дверей обиты деревянными планками, а надъ окнами сдѣланы барельефы; карнизъ, архитравъ и фризъ подъ орнаментомъ выкрашены желтою краскою. Крыша бѣлаго желѣза, на ней кровельные листы положены на крестъ. По угламъ крыши сдѣланы были четыре дракона, выкрашенные бѣлою краскою, на вершинѣ крыши флюгеръ съ мѣднымъ вызолоченнымъ конемъ. Въ нижнемъ и верхнемъ этажахъ по одиннадцати комнатъ. Стѣны въ большей части комнатъ покрыты въ видѣ шпалеръ выбѣленною холстиною и обнесены филенчатыми панелями съ разными фигурами. Плафоны живописные, съ аллегорическими изображеніями, въ лѣпныхъ рамкахъ; двери вездѣ изъ орѣха и дуба съ рѣзною работою на нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, въ спальнѣ изображено распятіе, работы самого императора.

Стѣны въ кухнѣ и очагъ выложены глазурными синими изразцами.

Изъ рѣдкостей въ этомъ дворцѣ сохранились часы голландскіе съ тремя циферблатами, показывавшіе время, вѣтры и атмосферу; часы были куплены въ Голландіи самимъ императоромъ. Они въ футлярѣ изъ орѣховаго дерева, первый циферблатъ съ тремя стрѣлками, мѣднымъ маятникомъ и гирей; второй, показывающій вѣтры, имѣетъ бронзовую стрѣлку, въ которой утвержденъ въ стѣнѣ мѣдный станокъ съ колесами, а отъ него кверху крыши желѣзный шпиль, поддерживающій флюгеръ; третій циферблатъ указывалъ состоянie воздуха посредствомъ одной стальной стрѣлки, къ которой къ стѣнѣ придѣланъ желѣзный станокъ, а къ нему барометръ. Надъ циферблатами, три круглыя, орѣховаго дерева, рамки съ восьмью стеклами каждая. Императоръ Павелъ приказалъ эти часы перенесть въ Михайловскій дворецъ, но въ 1820 году они опять поставлены въ Лѣтнемъ дворцѣ, на прежнемъ мѣстѣ.



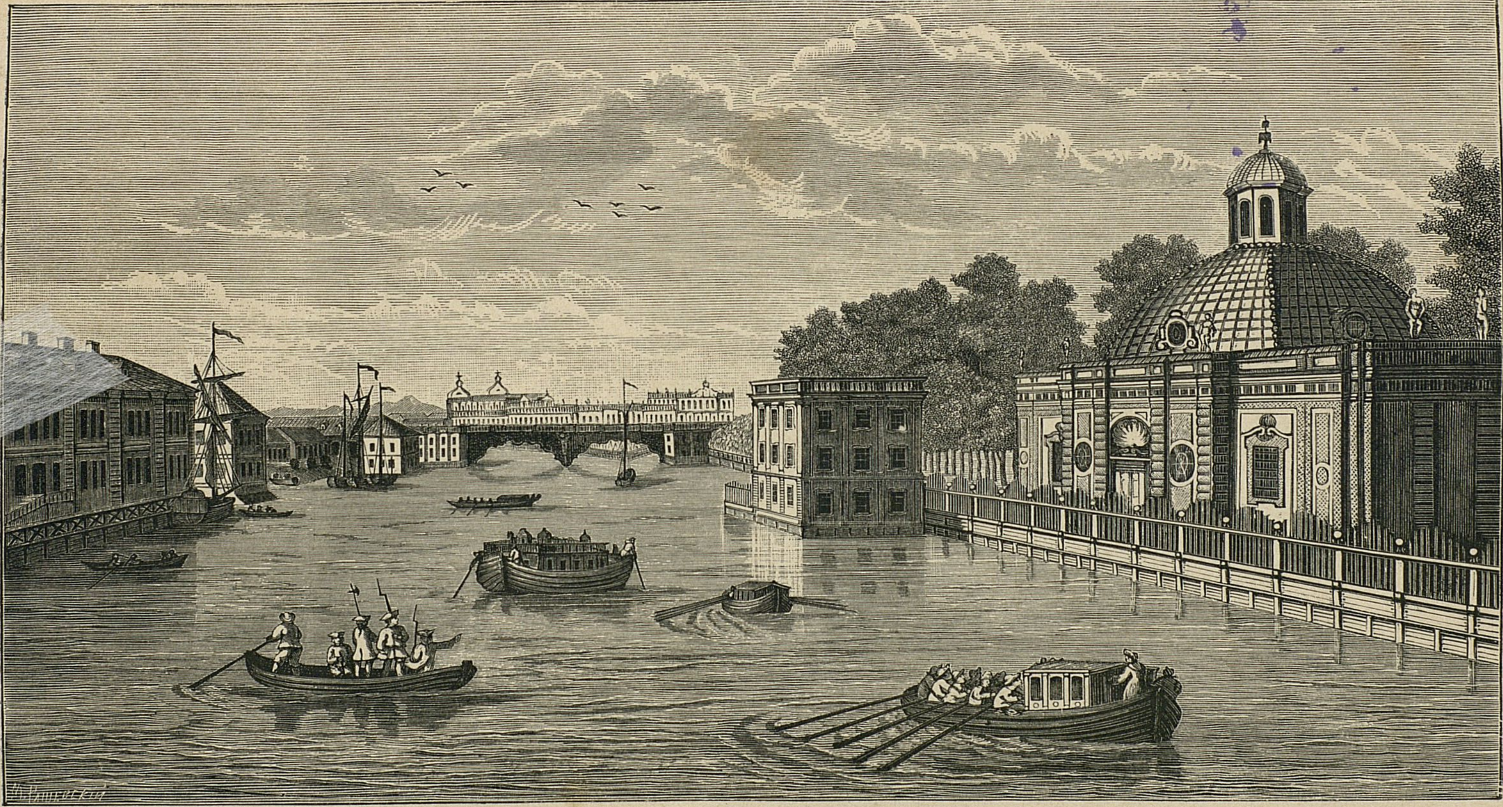
Внутренность часовни въ домикѣ Петра Великаго въ Петербургѣ.

Въ настоящее время.

Въ дворцѣ хранится портретъ Петра Великаго, писанный въ ростъ въ латахъ съ датскимъ орденомъ. Въ 1833 году, онъ, по приказанію Николая Павловича, былъ переданъ изъ коллекціи Мраморнаго дворца въ домикъ Петра, но, за неимѣніемъ тамъ удобнаго мѣста, поставленъ опять въ Лѣтнемъ дворцѣ. Изъ другихъ достопримѣчательностей въ этомъ дворцѣ имѣется шкафъ орѣховаго дерева, работу котораго приписываютъ Петру, въ одномъ изъ ящиковъ этого шкафа, по преданію, царь пряталъ свои ботфорты, а въ другомъ бѣлье; затѣмъ двѣ рамы, съ жестяными переплетами, изъ нихъ одна вдѣлана въ стѣнѣ корридора, а другая хранится въ особой верхней комнатѣ, также работы императора; здѣсь же хранится часть мебели, бывшей въ кабинетѣ Петра Великаго, тоже его работы, изъ простаго дерева, окрашеннаго желтою краскою, три стула и одно кресло. Сюда же доставлена въ 1835 году изъ Зимняго дворца стальная мебель, поднесенная Екатеринѣ II тульскими оружейниками.

Несомнѣнно, что Лѣтній садъ получилъ свое названіе отъ этого Лѣтняго дома. Въ описываемое время, какъ уже мы упомянули, Лѣтній садъ занималъ большее пространство: теперешній Царицынъ лугъ тоже входилъ въ него; этотъ лугъ былъ весь усаженъ красивыми низкими кустарниками, между которыми извивались широкія дороги для экипажной ѣзды, въ саду били фонтаны, шумѣли каскады, фруктовая школа смѣнялась тѣнистыми крытыми аллеями, цвѣтниками, прудами. Отъ Лѣтняго дворца большая деревянная пристань вела на Неву и на Фонтанку. Вдоль берега Невы, который былъ тогда въ саду, какъ нынче берегъ Фонтанки, можно было пройдти къ почтовому двору (гдѣ теперь Мраморный дворецъ), у послѣдняго тоже была большая пристань, передъ которой играла по праздникамъ музыка.

Въ мазанковомъ почтовомъ дворѣ сначала была открыта виноторговля, гдѣ, по обычаю голландскихъ городовъ, въ полдень играло двѣнадцать музыкантовъ на рожкахъ и трубахъ. Впослѣдствіи сюда былъ выписанъ изъ Данцига почтмейстеръ, которому было приказано за деньги кормить и давать помѣщеніе пріѣзжающимъ въ Петербургъ. Бергхольцъ разсказываетъ, что въ его время на этомъ почтовомъ дворѣ стоять было неудобно, потому что всѣ должны были выбираться оттуда, когда царь давалъ тамъ празднества; это случалось нерѣдко зимой и въ дурную погоду. Противъ почтоваго двора было устроено особенное помѣщеніе для приведеннаго въ первый разъ въ Россію, въ подарокъ отъ персидскаго шаха, слона; мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, называлось „Звѣровой дворъ". Веберъ говоритъ, что его привели въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1714 года и прежде всего заставили поклониться до земли передъ дворцомъ. Персіянинъ, приведшій слона, разсказывалъ, что, когда онъ съ нимъ прибылъ въ Астрахань, то слонъ возбудилъ такое любопытство, что сотни людей провожали его болѣе сорока верстъ. По смерти слона, въ этомъ зданіи помѣщался извѣстный готорпскій глобусъ, подаренный Петру голштинскимъ герцогомъ. Въ Петербургъ привезли его съ большими затрудненіями, такъ какъ по огромности его надобно было



Видъ рѣки Фонтанки близъ устья и части Лѣтняго сада съ „Гротомъ“.

Съ гравюры Ходжеса, средины прошлаго столѣтія.

3

расчищать новыя дороги и вырубать лѣса, причемъ многіе изъ рабочихъ лишились жизни. Глобусъ имѣлъ 7½ сажень въ поперечникѣ, внутри его стоялъ столъ и скамья, на которой могли свободно помѣщаться двѣнадцать человѣкъ, глобусъ приводился въ движеніе механизмомъ, придѣланнымъ къ столу.

Въ 1736 году, былъ выстроенъ новый „Слоновый дворъ“ для присланнаго изъ Персіи слона; построенъ онъ былъ на Фонтанкѣ, близъ Лѣтняго дворца Елисаветы Петровны (нынѣшній Михайловскій замокъ); до половины 1741 года, въ немъ былъ только одинъ амбаръ, но послѣ, въ сентябрѣ, были выстроены еще два (амбары эти стояли, гдѣ теперь Михайловскій манежъ). Объ этомъ слонѣ имѣются свѣдѣнія, что во время слѣдованія его въ Петербургъ, зимою 1736 года, онъ остановился на нѣкоторое время въ Москвѣ и тогда по распоряженію кабинета къ нему были посланы два звѣровщика: персіянинъ Ага-Садыкъ и арабъ Мершарифъ, состоявшіе при прежнемъ слонѣ: „дабы оный слонъ могъ къ нимъ признаться такъ, какъ и къ другимъ персидскимъ слоновщикамъ“.

Кромѣ означенныхъ лицъ, при слоновомъ дворѣ находился еще „персидскій слоновой мастеръ“, или „слоновой учитель“ Асатій; на попеченіе послѣдняго было возложено также лѣченіе и гигіеническія прогулки; прогулки эти не всегда обходились благополучно. На Прешпективную улицу, по которой водили слона, всегда собиралось много народа смотрѣть рѣдкаго звѣря, преимущественно лейбъ-гвардейскихъ солдатъ. Зрители вели себя весьма непристойно, смѣялись надъ вожаками, бранили ихъ и даже бросали въ нихъ и въ слона палками и каменьями. Вслѣдствіе этого Ага-Садыкъ жаловался своему начальству, что во время провожанія слона бросали какъ въ него, такъ и въ слона, каменьемъ и палками и многократно избили, и за тою опасностію онъ уже тому болѣе мѣсяца принужденъ слона не выводить. Вслѣдствіе жалобы былъ приказъ „о объявленіи обывателямъ съ подпискою о неучиненіи помѣшательства слоновщику въ провожаніи слона“. На кормъ слона употреблялось въ годъ сухаго тростника 1,500 пудовъ, пшена сорочинскаго 136 пуд. 35 фун., муки пшеничной 365 пудовъ, сахару 27 пуд. 36 фун. 4 зол.; корицы, кардамону, гвоздики, мушкатныхъ орѣховъ по 7 фун. 58 зол., шафрану 1 фун. 68 зол., соли 45 пуд., винограднаго вина 40 ведеръ, водки 60 ведеръ и т. д.; водка употреблялась для слона лучшаго качества; такъ, разъ слоновщикъ доносилъ: „Къ удовольствію слона водка неудобна, понеже явилась съ пригарью и некрѣпка“. Въ концѣ сентября 1741 года, прибыло въ Петербургъ отъ персидскаго шаха Надира многочисленное посольство съ богатыми дарами для двора; въ числѣ подарковъ приведено 14 слоновъ, которые 9-го октября и помѣщены во вновь выстроенныхъ анбарахъ.

Къ прибытію слоновъ въ Петербургъ, съ конца августа, начались приготовленія къ принятію ихъ. Такъ, 25-го августа, столярнаго дѣла мастеръ фонъ-Болесъ доносилъ, что Аничковскій мостъ (чрезъ Фонтанную рѣчку) находится „въ немалой ветхости“; настилка на немъ во многихъ мѣстахъ сгнила и „насквозь пробивается“, и что надобно заблаговременно починить. Кромѣ этого моста, перемощены и укрѣплены были слѣдующіе: чрезъ каналъ, по Нѣмецкой улицѣ, близъ Зимняго дворца, подъемный, близъ двора ея высочества Елисаветы Петровны; чрезъ рѣчку Мойку, противъ Мошкова переулка, въ Греческую улицу; близъ Слоноваго двора, проложенный отъ воротъ до Прешпективной дороги черезъ грязь (перемощенъ на 10 саженъ). Противъ Слоноваго двора къ рѣчкѣ Фонтанкѣ для прогулки слонамъ сдѣлана была площадь, которую приказано именовать Слоновою, и „для лучшей способности всѣмъ слонамъ ради купанья сдѣлать въ рѣку скатомъ удобный мостъ“. Ранѣе этого еще коммиссія приказывала архитекторамъ Земцову и Шумахеру „обыскать“ новыя, удобныя для означенной цѣли мѣста. Послѣдніе доносили, что хотя мѣсто для слоновыхъ анбаровъ ими и „обыскано“ сверхъ Лиговскаго канала, при бассейнѣ, которое песчано и высоко, сухо и обросло сосновымъ лѣсомъ; но послѣ тщательнаго обсужденія дѣла и по совѣту персидскаго слоноваго мастера Асатія, они пришли къ убѣжденію, что на существующемъ Слоновомъ дворѣ, на Фонтанкѣ, для купанья слоновъ вода лучше и здоровѣе, чѣмъ въ Лиговскомъ каналѣ, которая „известковата и твердость въ себѣ имѣетъ“. Позднѣе, въ 1744 году, Слоновый дворъ былъ, всетаки, переведенъ сюда, на уголъ Невскаго и Лиговскаго канала; урочище это тогда называлось „Пеньки“. Въ царствованіе Екатерины II мѣсто носило названіе уже „Стараго егерскаго двора“; оно было огорожено частоколомъ, на немъ росъ лѣсъ и стояли развалившіяся деревянныя постройки, носившія при Аннѣ Іоановнѣ названіе Волынскаго двора. Другой загородный Волынской дворъ былъ за Фонтанкой, у Обуховскаго моста; въ деревянныхъ покояхъ этого двора въ то время жилъ командующій охотою полковникъ фонъ-Трескоу, поступившій на мѣсто казненнаго оберъ-егермейстера Волынскаго.

О прибытіи слоновъ въ Петербургъ находимъ описаніе въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ“ 1741 года, въ № 80. Вскорѣ послѣ прибытія слоны начали буйствовать, „осердясь между собою о самкахъ“, и нѣкоторые изъ нихъ сорвались и ушли, 16-го октября, Ага-Садыкъ донесъ, что утромъ три слона сорвались и ушли, изъ которыхъ двоихъ вскорѣ поймали, а третій „пошелъ черезъ садъ и изломалъ деревянную изгородь и прошелъ на Васильевскій островъ, и тамъ изломалъ чухонскую деревню, и только здѣсь былъ пойманъ“. Другимъ упущеніемъ представляется также отсутствіе правильнаго надзора за служителями при слоновыхъ амбарахъ, въ особенности же за истопниками, отъ небрежности которыхъ въ одно время едва не произошелъ пожаръ.

Гдѣ теперь стоятъ Павловскія казармы, въ 1721 году стоялъ каменный домъ, въ которомъ жилъ герцогъ Голштинскій, женившійся впослѣдствіи на старшей дочери императора Петра, Аннѣ; здѣсь послѣ жила Елисавета, и съ ней Разумовскій; рядомъ съ этимъ домомъ жилъ извѣстный составитель воинскаго устава генералъ Вейде; невдалекѣ отсюда, на углу, стояла казенная аптека, отъ нея шелъ на Мойку переулокъ, удержавшій и посейчасъ названіе „Аптекарскаго“.

Среди этого переулка стоитъ уже лѣтъ семьдесятъ массивная гранитная глыба, нѣкогда назначавшаяся для изваянія апостола Петра, по рисунку Мартоса, на площадь къ Казанскому собору.

Изъ старинныхъ домовъ, уцѣлѣвшихъ по настоящее время въ этой улицѣ, существуетъ домъ Апраксина (теперь графа Игнатьева); этотъ домъ въ началѣ царствованія Елисаветы принадлежалъ графу Лестоку, но когда послѣдній былъ сосланъ въ Сибирь, домъ достался осудившему его фельдмаршалу Ст. Ф. Апраксину.

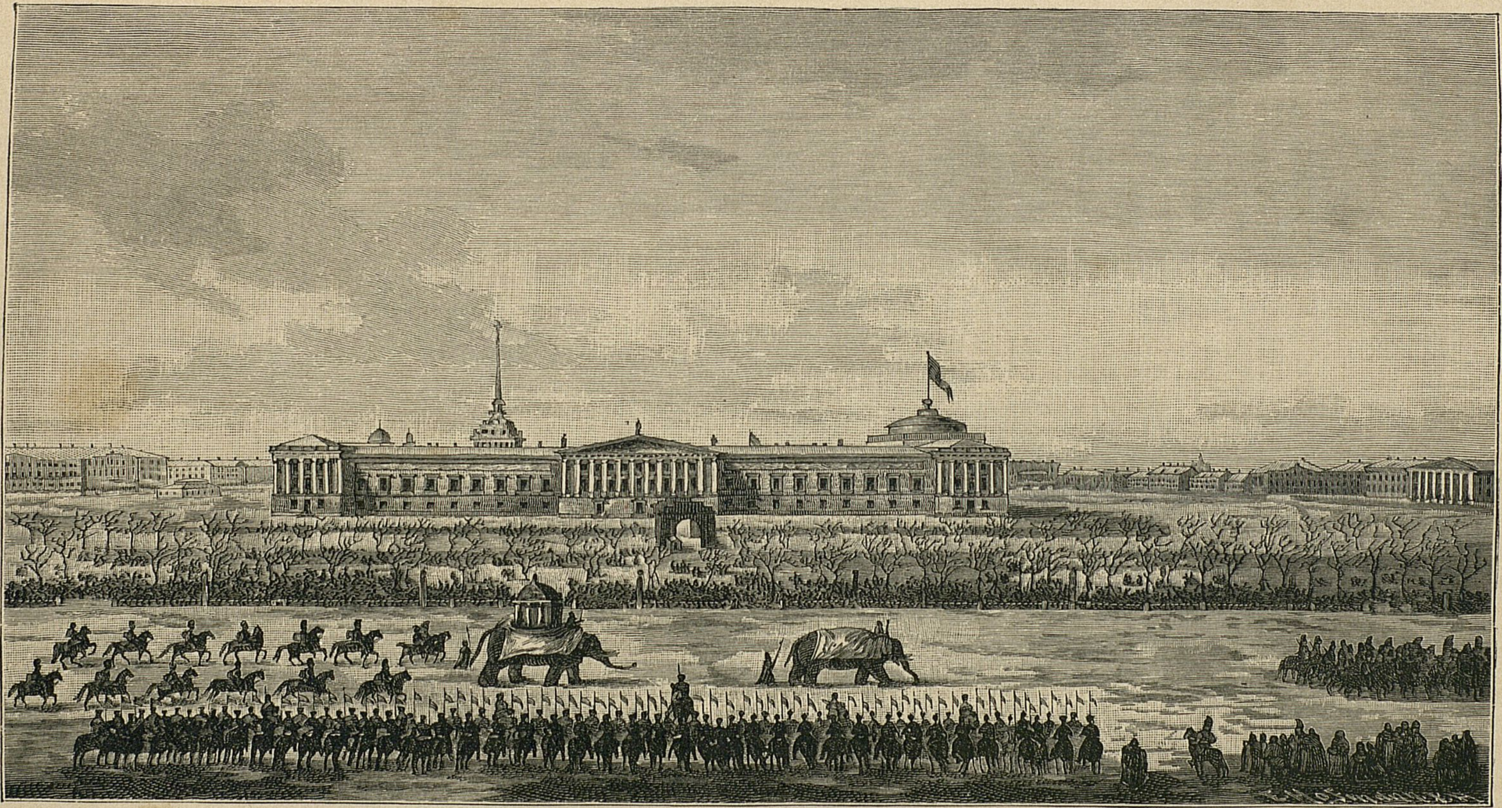
На планѣ Елисаветинскаго Петербурга видно, что въ то время существовалъ уничтоженный теперь „Красный каналъ“, шедшій отъ того канала, который проведенъ вдоль сада Михайловскаго дворца и соединяетъ Мойку съ Фонтанкою; Красный каналъ протекалъ мимо линіи, гдѣ теперь Павловскія казармы, домъ Игнатьева и Горяйнова (бывшій Офросимова), вплоть до Невы, параллельно съ каналомъ Лебяжьимъ и Фонтанкою. Отъ него загибался теперь тоже уничтоженный бассейнъ, или рукавъ, на мѣстѣ, которое находится между фасомъ дома Громова, выходящимъ къ линіи Милліонной, и фасомъ Павловскихъ казармъ, выходящимъ къ противоположной сторонѣ той же улицы. Бассейнъ отдѣлялъ домъ бывшій графа Скавронскаго (теперь Громова) отъ дома Апраксина, стоящаго невдалекѣ фасадомъ на Царицынъ лугъ. Этотъ бассейнъ при Елисаветѣ носилъ прозваніе „le pas de Calais“ и былъ самымъ аристократическимъ мѣстомъ въ Петербургѣ. Здѣсь, въ палатахъ графа Скавронскаго, квартировало англійское посольство, въ нижнемъ этажѣ палатъ жилъ король Станиславъ Понятовскій, въ качествѣ секретаря англійскаго посольства, когда пользовался особенною благосклонностью великой княгини Екатерины Алексѣевны; въ домѣ же Апраксина помѣщалось французское посольство.

Изъ лучшихъ домовъ вблизи Краснаго канала были извѣстны: домъ Петра Мошкова, бывшаго домашняго расходчика при дворѣ Екатерины I, по имени котораго до сихъ поръ еще извѣстенъ Мошковъ переулокъ; затѣмъ дома корабельныхъ мастеровъ Гаврилы Меньшикова и Пальчикова. Филиппъ Пальчиковъ извѣстенъ какъ строитель церкви Вознесенія Господня. Изъ домовъ каменныхъ, стоявшихъ близь этого мѣста, остался посейчасъ одинъ на Милліонной улицѣ, съ четырьмя колоннами изъ чернаго съ бѣлыми полосками мрамора, привезеннаго изъ сѣверной части Кареліи, взятаго на церковной землѣ Рускеалѣ; домъ этотъ былъ построенъ, по плану академика Крафта (извѣстнаго строителя ледянаго дома), для брата временщика, Густава Бирона. Домъ по постройкѣ считался самымъ красивѣйшимъ въ Петербургѣ; на него пріѣзжали любоваться издалека.

Изъ этого дома въ ночь на 9-е ноября 1740 года Густавъ Биронъ былъ взятъ Манштейномъ и отвезенъ въ Шлиссельбургъ. Измайловскій караулъ, находившійся при домѣ въ ночь его арестованія, долго не хотѣлъ выдавать Манштейну своего любимаго командира.

Густавъ Биронъ душевными качествами не походилъ ни на котораго изъ своихъ братьевъ; онъ казался только грубымъ, но былъ добръ, снисходителенъ, щедръ, принадлежалъ къ числу храбрѣйшихъ генераловъ и добросовѣстнѣйшихъ начальниковъ своего времени.

Домъ Бирона по настоящее время удержалъ свою прежнюю форму съ колоннами; лѣтъ десять тому назадъ онъ принадлежалъ Потемкину, теперь — г. Игнатьеву.



Видъ Адмиралтейства и Дворцовой площади во время шествія слоновъ, присланныхъ персидскимъ шахомъ.

Съ акварели Воробьева.

ГЛАВА IV.

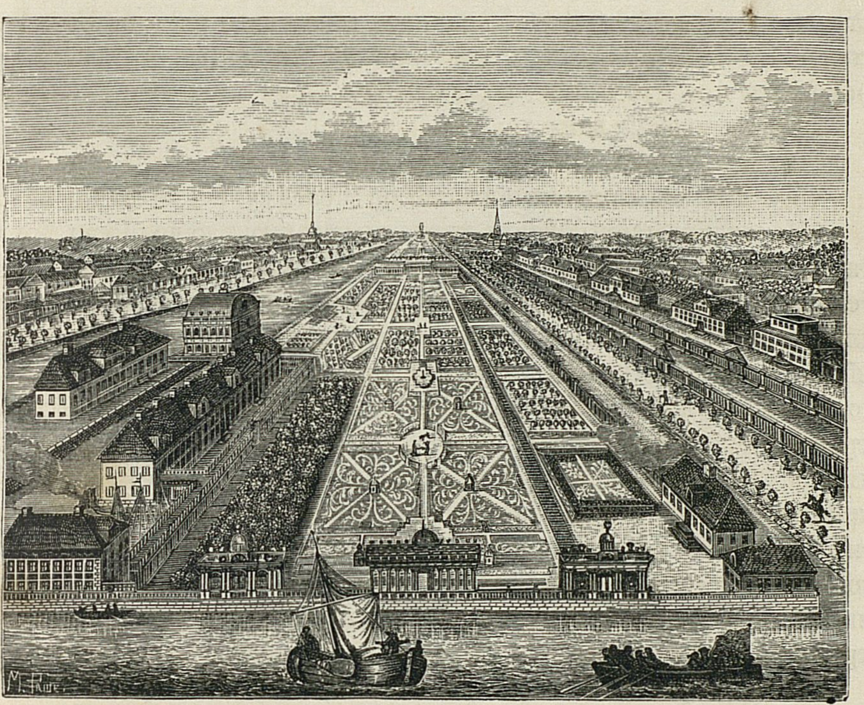
Продолженіе описанія Лѣтняго сада.—Празднества въ немъ.—Обношеніе водкой.—Печальныя послѣдствія одного народнаго гулянья.—Роговая музыка.—Обитатели Лѣтняго дворца.—Императрицынъ садъ.—Дворецъ на Фонтанкѣ и другой запасный.—Дворцы на Царицыномъ лугу и у Полицейскаго моста.—Домашняя жизнь Елисаветы.—Сказочницы старухи.—Боязнь покойниковъ.—Основаніе Екатерингофа.—Подзорный островъ и бывшій тамъ дворецъ.—Смерть фельдмаршала Апраксина въ немъ.—Прядильный домъ.—Екатерингофскій дворецъ и его рѣдкости.—Звѣринецъ.—Кладбища.—Присоединеніе Екатерингофа къ городу.—Новыя работы.—Вокзалъ, ферма, мосты и пр.—Каждогодное гулянье въ немъ.—Дача театральной дирекціи.—Шпалерный мануфактурный дворъ.—Екатерингофъ въ настоящее время.

ПЛАНЪ ЛѢТНЯГО сада представляетъ площадь въ 27,000 кв. саж., или $11^{1}/_{4}$ десятинъ; въ саду главныхъ аллей четыре и перекрестныхъ десять; во всемъ Лѣтнемъ саду до 15,000 деревьевъ, въ числѣ которыхъ десятая часть, какъ, напримѣръ, на главной аллеѣ, у дворца и напротивъ Царицына луга, сохранились отъ временъ Петра I. Всѣхъ статуй и группъ въ саду считается девяносто двѣ штуки, работы слѣдующихъ скульпторовъ: Paulo, Irelli, Bonazzo, Bianchi, Baratta и другихъ, имена которыхъ, впрочемъ, не включены въ число знаменитыхъ скульпторовъ; очень небольшое число изъ нихъ недурны, какъ, напримѣръ, изображеніе Вѣры и Закона, работы Корнадини, затѣмъ Бахусъ и Меркурій, большая же часть отличается изломанностью и фигурностью позъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже наглядно грызетъ всеразрушающій зубъ времени, и мраморная ринопластика уже поддѣлала статуямъ новые носы. Коллекція этихъ статуй относится ко времени Екатерины II и составляетъ трофей Суворова, покорителя Варшавы. При Петрѣ I, на нынѣшней набережной, на спускѣ къ Невѣ, стояла на высокомъ пьедесталѣ превосходная мраморная статуя Венеры, купленная императоромъ у папы за три тысячи скуди. Петръ такъ дорожилъ ею, что во время гуляній и праздниковъ всегда ставилъ къ ней часоваго. На площадкѣ, подлѣ пруда, въ 1833 году, поставлена урна или ваза плакательница, изъ эльдальскаго порфира, подарокъ шведскаго короля. На мѣстѣ галлерей, о которыхъ мы уже раньше говорили, въ 1778 году началась строиться превосходная желѣзная рѣшетка на гранитномъ фундаментѣ. Окончена она была въ 1784 году. Рѣшетка утверждена между колоннъ сѣраго гранита, въ двѣ сажени вышины и въ три фута въ діаметрѣ каждая; онѣ стоятъ на гранитныхъ же кубахъ въ шесть футовъ, и надъ капителью каждой поставлены вазы двухъ различныхъ рисунковъ, которыя, какъ и концы копій, розасы рѣшетки и орнаменты воротъ, вызолочены черезъ огонь. Нѣкогда англичане пріѣзжали въ Петербургъ только посмотрѣть эту рѣшетку. Въ Лѣтнемъ саду въ старину ежегодно бывало гулянье въ день св. Духа; въ этотъ день въ саду стекалось неимовѣрное количество публики; сюда являлось купечество для смотринъ невѣстъ. Тутъ выказывались красота и богатство, весь годъ прятавшіяся дома. Петербургскіе старожилы еще помнятъ роскошные русскіе женскіе наряды, брилліанты, бурмицкія зерна, помнятъ и свахъ, шмыгавшихъ за деревьями...

Лѣтній дворецъ въ царствованіе императора Александра I служилъ многимъ нашимъ сановникамъ въ лѣтнее время жилищемъ: въ немъ жили военный министръ князь Горчаковъ въ 1815 году, въ слѣдующемъ году—бывшій министръ юстиціи князь Лобановъ-Ростовскій, въ 1822 году—военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ и послѣ него министръ финансовъ графъ Канкринъ.

Въ прошедшемъ столѣтіи, всѣ общественныя развлеченія давались на Царицыномъ лугу и въ Лѣтнемъ саду. Въ дни такихъ празднествъ на одномъ изъ бастіоновъ Петропавловской крѣпости выставляли флагъ и производились пушечные выстрѣлы, по которымъ всѣ и должны были спѣшить на гулянье. (Царицынъ лугъ при Петрѣ назывался „Потѣшнымъ полемъ“. Въ 1818 году, его уже начали называть не Царицынымъ лугомъ, а „Марсовымъ полемъ“).

При императорѣ Петрѣ въ Лѣтнемъ саду обносили посѣтителей виномъ, и даже дамы не были изъяты отъ угощенія водкой. Церемоніалъ угощенія совершался въ слѣдующей формѣ: въ садъ являлись гвардейскіе солдаты съ носилками, на которыхъ былъ поставленъ большой ушатъ съ простымъ виномъ. Обходя гостей, они подносили каждому большой ковшъ за здоровье полковника, т. е. царя. Отказывавшіеся были насильно принуждаемы къ питью маіорами, которые нарочно для этой цѣли ходили за ушатомъ. Садъ во время подношенія запирался, и никто не смѣлъ безъ позволенія царя выйдти изъ него. Такія празднества обыкновенно кончались всегда фейерверкомъ, или „огненною потѣхою“.



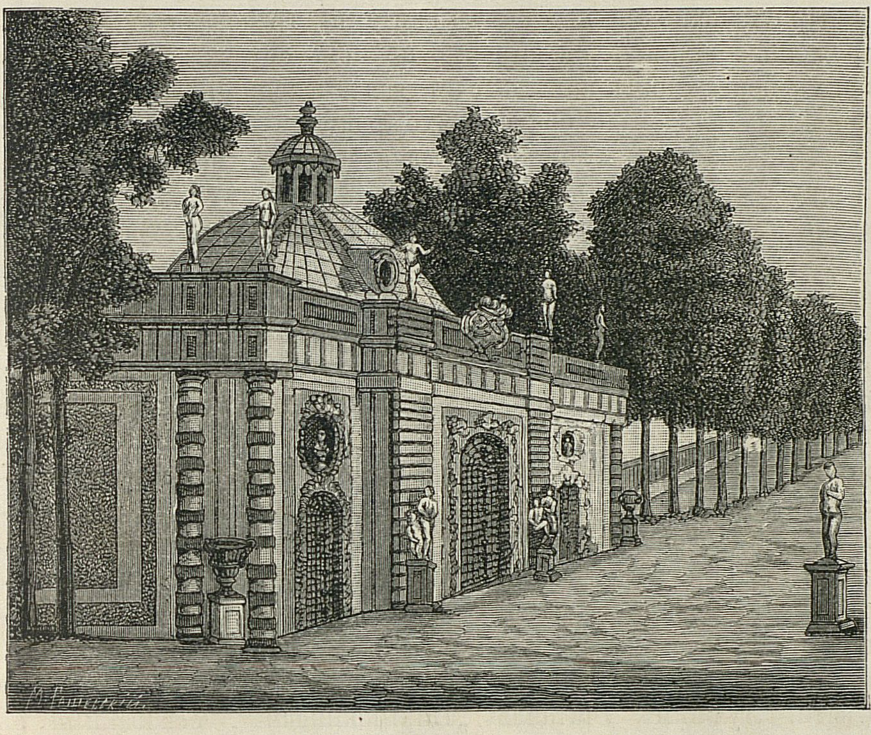
Лѣтній садъ и дворецъ въ Петровское время.
Съ гравюры 1716 года.

Лѣтній садъ и позднѣе былъ мѣстомъ различныхъ гуляній. Уильямъ Коксъ, посѣтившій Петербургъ въ 1778 году, описываетъ одно своеобразное пиршество, которое давалъ откупщикъ, нажившій въ четыре года огромное состояніе (вѣроятно, онъ намекалъ здѣсь на Лонгинова). Сдавая откупъ, онъ счелъ нужнымъ въ видѣ благодарности устроить праздникъ народу, обогатившему его; праздникъ по обыкновенію данъ былъ въ Лѣтнемъ саду, о чемъ заранѣе по всему городу были разосланы афиши; вотъ что гласила эта любопытная афиша: „Въ честь высочайшаго дня тезоименитства ея императорскаго величества представляется отъ усердія благодарности, отъ здѣшняго гражданина, народной пиръ и увеселеніе въ разныхъ забавахъ съ музыкою на Царицыномъ лугу и въ Лѣтнемъ саду сего ноября 25-го дня, по полудни въ 2-мъ часу, гдѣ представлены будутъ столы съ яствами, угощеніе виномъ, пивомъ, медомъ и проч., которое будетъ происходить для порядка по даннымъ сигналамъ ракетами:

„1-е къ чаркѣ вина,
„2-е къ столамъ,
„3-е къ ренскимъ винамъ, пиву, полпиву и прочаго.

„Потомъ угощены будутъ пуншемъ, разными народными фруктами и закусками; представлены будутъ разныя забавы для увеселенія, горы, качели, мѣста, гдѣ на конькахъ кататься, мѣста для плясокъ: все жъ сіе будетъ происходить по порядку отъ опредѣленныхъ хозяиномъ для подчиванія особливыхъ людей, кои должны довольствоваться всѣмъ, напоминая только тишину и благопристойность; „ссоры жъ и забіячества“ отъ приставленныхъ военныхъ людей допущены быть не могутъ; ибо оное торжество происходитъ отъ усердія къ народу и отъ благодарности къ правительству; слѣдовательно, и желается только то, чтобъ были довольны и веселы, чего ради со стороны хозяина просьбою напоминается хранить тихость и благочиніе; въ заключеніи же всего представлена будетъ великолѣпная иллюминація“.

Гости собрались около двухъ часовъ,—какъ говоритъ Коксъ; огромный полукруглый столъ былъ заваленъ всякаго рода яствами, сложенными самымъ разнообразнымъ способомъ: высокія пирамиды изъ ломтей хлѣба съ икрой, вяленой осетриной, карповъ и другой рыбы, украшались раками, луковицами, огурцами. Въ различныхъ мѣстахъ сада стояли рядами бочки и боченки съ водкой, пивомъ и квасомъ. Въ числѣ другихъ диковинъ былъ огромный картонный китъ, начиненный сушеной рыбой и другими съѣстными припасами и покрытый скатертью, серебряной и золотой парчей. Кромѣ того, были устроены различныя игры и увеселенія: ледяныя горы, карусели и т. п.; два шеста, около двадцати футовъ высоты, виднѣлись своими флагами, и на верхушкѣ была положена монета, въ видѣ приза. Праздникъ вышелъ очень оживленнымъ, въ немъ было участвующихъ до 40,000 душъ обоего пола. Праздникъ этотъ, впрочемъ, ознаменовался довольно печальными послѣдствіями. Многіе изъ валявшихся на землѣ пьяныхъ замерзли; немало людей погибло въ дракѣ; другіе, возвращаясь по домамъ позднею порою, были ограблены и убиты въ уединенныхъ кварталахъ города. Число такихъ жертвъ, по наведеннымъ справкамъ, доходило до 400 человѣкъ.



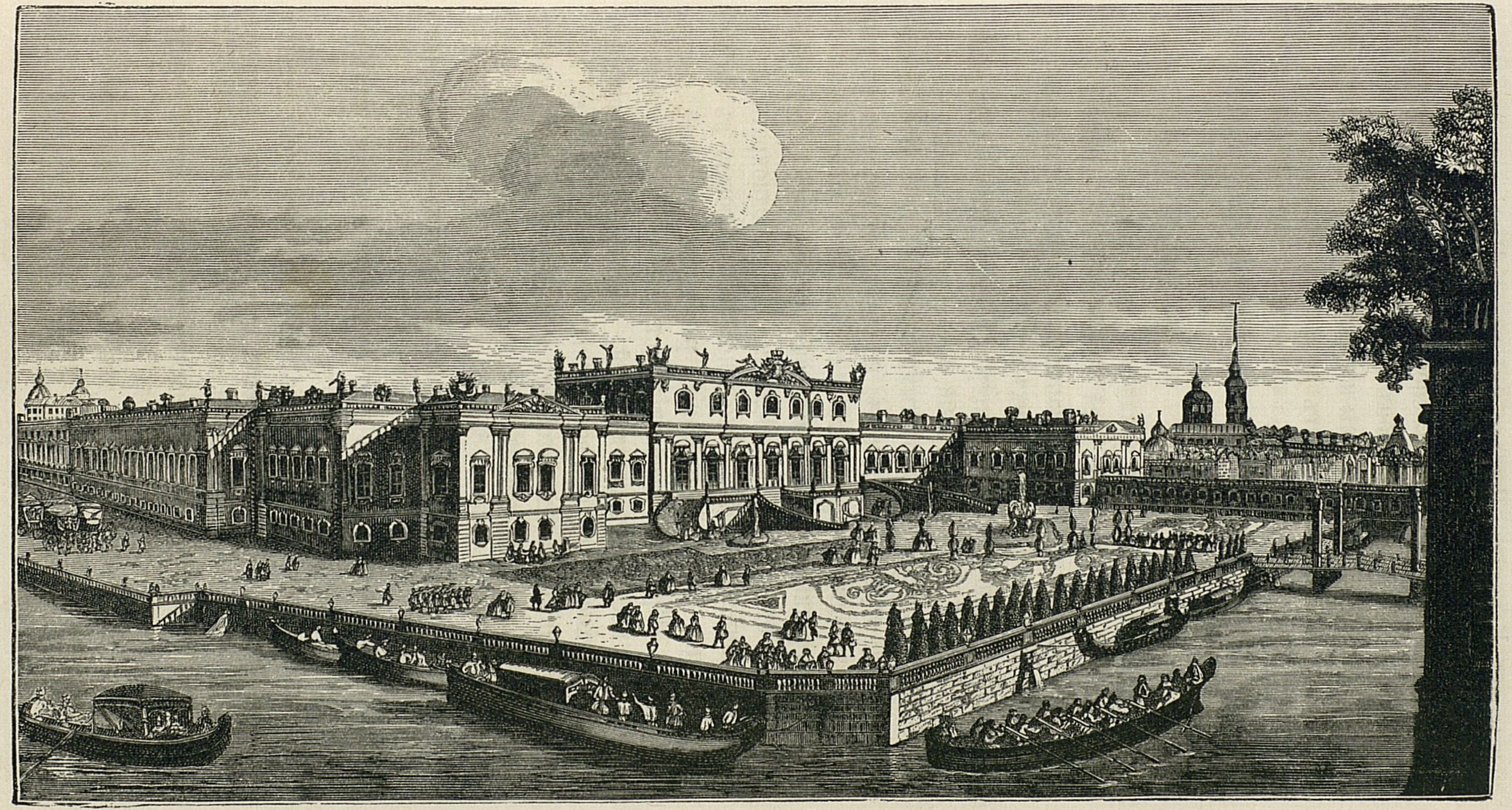
Гротъ въ Лѣтнемъ саду въ Петровское время.
Съ весьма рѣдкой гравюры.

По поводу этого праздника написана императрицею Екатериною II записка къ генералъ-полицеймейстеру С.-Петербурга Д. В. Волкову. Государыня упоминаетъ въ ней о 370 лицахъ, погибшихъ отъ пьянства.

Печальную репутацію пріобрѣлъ въ маѣ 1830 года и прудъ въ Лѣтнемъ саду: въ немъ утонула влюбленная безнадежно молодая дѣвица.

Въ Екатерининское время, въ Лѣтній садъ привлекала толпы гулящихъ роговая музыка придворныхъ егерей; хоръ придворной роговой музыки отличался великолѣпною обмундировкою: сперва одежда музыкантовъ была зеленаго цвѣта, отдѣланная золотымъ позументомъ; потомъ зеленые камзолы были замѣнены красными, а небольшія шапочки съ изображеніемъ золотаго сокола трехугольными черными шляпами съ плюмажами изъ бѣлыхъ перьевъ. Въ торжественныхъ случаяхъ егеря-музыканты являлись въ штиблетахъ и съ напудренными волосами. Частные хоры роговой музыки одѣты были также на манеръ придворныхъ егерей.

При исполненіи пьесъ музыкантами, требовалось самое напряженное вниманіе; музыкантъ не могъ спустить глазъ съ бывшихъ передъ нимъ нотъ, отсчитывая мысленно паузу, послѣ которой ему слѣдовало брать приходившуюся на его инструментъ ноту. Для каждаго музыканта обозначалась въ нотахъ только та, которую онъ долженъ брать на своемъ инструментѣ. Роговая музыка была такъ громка, что звуки ея въ безвѣтренную погоду были слышны въ окружности на 7 верстъ. Въ бальныхъ залахъ роговая музыка ставилась подлѣ обыкновеннаго оркестра, и притомъ такъ, чтобы ея не было видно; она акомпанировала оркестру, разыгрывавшему полонезы, менуэты, контредансы. Производимый ею эфектъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ поразителенъ; инструменты были на видъ некрасивы, снаружи обтянуты кожею, но внутри были сдѣланы очень искусно, покрыты лакомъ и тщатеьлно отдѣланы. Звуки, которые они издавали, были очень похожи на гобои, фаготы, кларнеты и охотничьи рожки, только тонъ ихъ былъ нѣжнѣе, пріятнѣе. По общему впечатлѣнію, производимому этою музыкою, она приближалась къ духовому органу. Помимо императорскаго хора роговой музыки, въ Россіи такихъ хоровъ у богатыхъ баръ было около девяти. Лучшимъ считался „Нарышкинскій“, основанный въ 1754 году капельмейстеромъ Марешомъ, изобрѣтателемъ этой музыки. Затѣмъ славился хоръ роговой музыки графа Кир. Григ. Разумовскаго; впослѣдствіи его купилъ князь Потемкинъ; хоръ состоялъ изъ 36 человѣкъ и сопровождалъ князя во всѣхъ его походахъ и переѣздахъ. Когда императоръ австрійскій Іосифъ II, посѣтившій Екатерину II въ Херсонѣ, услыхалъ въ первый разъ исполненіе этого хора, то былъ изумленъ отъ восторга; онъ потомъ разсказывалъ, что въ жизни никогда не испытывалъ такого сильнаго впечатлѣнія. Управлялъ хоромъ Потемкина капельмейстеръ Лау. Послѣ Нарышкинскаго и Потемкинскаго хора славилась еще роговая музыка Вадковскаго, хоромъ котораго дирижировалъ русскій капельмейстеръ Сила Де-



Лѣтній (нынѣ не существующій) дворецъ въ Петербургѣ въ XVIII столѣтіи.

Съ гравюры прошлаго вѣка Махаева.

ментьевичъ Карелинъ. Роговая музыка въ Россіи просуществовала только до 1812 года.

На мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго замка былъ построенъ Петромъ, для Екатерины, небольшой лѣтній домъ, комнаты котораго были роскошно отдѣланы и убраны превосходною мебелью и лучшими картинами. Вокругъ дома былъ разведенъ садъ, названный „Императрицынымъ“.

Въ 1740 году, на обширномъ лугу за этимъ садомъ, почти вплоть до Итальянской улицы, начали разводить другой садъ.

Въ 1747 году, его еще увеличили до нынѣшняго Михайловскаго дворца, въ глубину всей Михайловской площади, а въ ширину до Екатерининскаго канала. Онъ былъ изрѣзанъ множествомъ крестообразныхъ узкихъ аллей и дорожекъ, и представлялъ совершенно другой характеръ, нежели Лѣтній садъ императора Петра I. Этотъ обширный садъ былъ украшенъ фигурно стрижеными деревьями, узорчатыми клумбами, а въ Итальянской улицѣ имѣлъ огромный цвѣтникъ, по бокамъ съ прудами, съ множествомъ зеленыхъ переходовъ и съ большимъ лабиринтомъ позади. По серединѣ сада тянулся такъ называемый „Глухой-Каналъ“. Все это мѣсто впослѣдствіи было неоднократно измѣняемо, расширяемо, урѣзываемо и постепенно вошло въ настоящія границы. Садъ, по преданію, разбивалъ плѣнный шведъ, по фамиліи Шредеръ. Дворецъ, построенный для Екатерины, рѣдко былъ посѣщаемъ государыней, и мало-по-малу пришелъ въ такую ветхость, что, при вступленіи своемъ на престолъ, Анна Іоанновна приказала его разобрать и выстроить новый, гораздо обширнѣе. Постройка дворца хотя и была окончена при жизни императрицы, но переѣхать въ него удалось только Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1742 году. Она приказала убрать его роскошною мебелью, взятою изъ конфискованнаго имущества Миниха. Императрица полюбила дворецъ и часто живала въ немъ; тамъ родился 20-го сентября 1754 года императоръ Павелъ I, и долго жилъ во время своего малолѣтства. Въ этомъ дворцѣ происходили праздники и торжества по случаю мира, заключеннаго Петромъ III съ Пруссіею. Въ этомъ же дворцѣ Екатерина II принимала оффиціальныя поздравленія дипломатическаго корпуса по вступленіи на престолъ. Сюда же она возвратилась торжественно съ войскомъ на третій день по восшествіи на престолъ изъ Петергофа. Здѣсь же она получила извѣстіе о кончинѣ Петра III.

Дворецъ вскорѣ императрица разлюбила, а Павелъ I въ февралѣ 1797 года приказалъ сломать его. Дворецъ былъ построенъ графомъ Растрелли.

Противъ Лѣтняго дворца, на другой сторонѣ Фонтанки, нѣсколько наискось, стоялъ довольно обширный деревянный домъ съ мезониномъ; онъ назывался запаснымъ дворцомъ, или дворомъ; сюда изъ дворцовыхъ волостей привозили отовсюду разные припасы. Излишніе припасы продавались за самую дешевую цѣну жителямъ города.

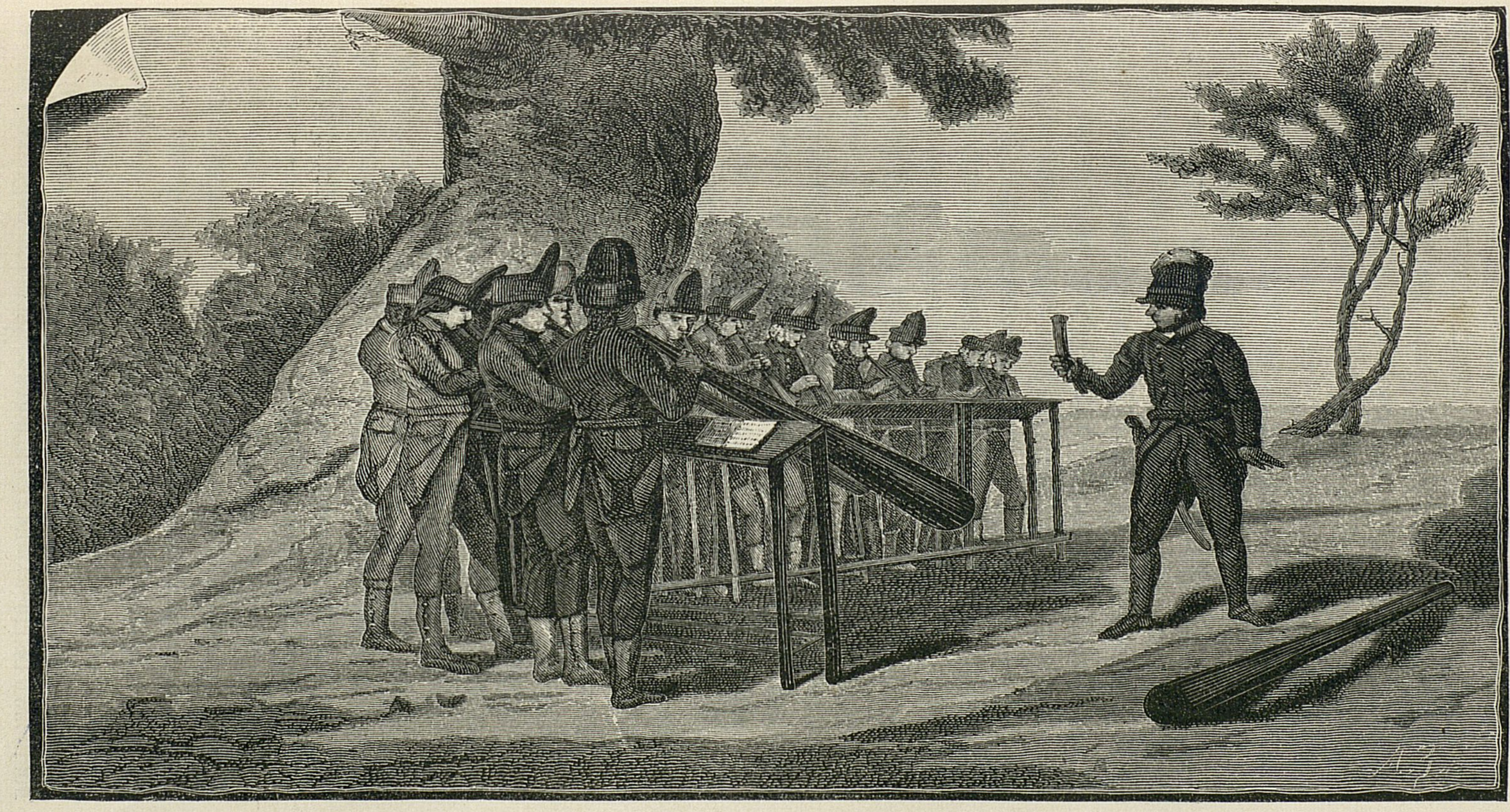
Затѣмъ, еще въ прошедшемъ столѣтіи, пониже Екатерингофа, на берегу, существовали два лѣтнихъ дворца: Анненгофъ и подлѣ него Елисаветгофъ. Дворцы эти были деревянные, одноэтажные, съ небольшими садиками. Оба дворца были подарены Петромъ цесаревнамъ: Аннѣ Петровнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ. Въ концѣ царствованія Екатерины II отъ нихъ оставался одинъ фундаментъ.

Императрица Елисавета жила въ своемъ дворцѣ на Царицыномъ лугу, но больше въ другомъ у Зеленаго моста (теперь Полицейскій); она имѣла обыкновеніе спать въ разныхъ мѣстахъ, такъ что заранѣе нельзя было знать, гдѣ она ляжетъ. Это приписывали тому, что она превращала ночь въ день и день въ ночь. Въ 11 часовъ вечера, она отправлялась только въ театръ, и кто изъ придворныхъ не являлся за нею туда, съ того брали 50 рублей штрафу. По разсказамъ современниковъ, государыня кушала немало и каждое блюдо запивала глоткомъ сладкаго вина. Она въ особенности любила токайское вино. Въ среду и пятницу у государыни вечерній столъ былъ послѣ полуночи, потому что она строго соблюдала постные дни, а покушать любила хорошо, и чтобъ избѣжать постнаго масла, отъ котораго ее тошнило, она дожидалась перваго часа слѣдующаго непостнаго дня, когда ужинъ былъ сервированъ уже скоромный. У государыни былъ превосходный фарфоровый сервизъ, всѣ блюда котораго были съ крышками, сдѣланными на подобіе кабаньей головы, кочня капусты, окорока и т. п.

Въ числѣ особенныхъ странностей государыни, она терпѣть не могла яблоковъ, и мало того, что сама ихъ не ѣла никогда, она до того не любила яблочнаго запаху, что узнавала по чутью, кто ѣлъ недавно, и сердилась на тѣхъ, отъ которыхъ пахло ими; отъ яблоковъ ей дѣлалось дурно, и приближенные остерегались, даже наканунѣ того дня, когда имъ слѣдовало являться ко двору, до яблоковъ дотрогиваться. Спать государыня ложилась въ пять часовъ утра;

утро и часть дня посвящались сну. Засыпая, Елисавета любила слушать разсказы старухъ и торговокъ, которыхъ для нея нарочно брали съ площадей. Подъ разсказы и сказки ихъ, кто нибудь чесалъ Елисаветѣ пятки, и она засыпала. Когда императрица спала, то въ это время по сосѣднему Полицейскому мосту запрещалось ѣздить экипажамъ, чтобы стукъ ѣзды не будилъ императрицы, иногда не пускали и пѣшеходовъ. Императрица была очень суевѣрна и боялась покойниковъ; она не входила въ тотъ домъ, гдѣ лежалъ покойникъ. Когда графъ Апраксинъ умеръ въ Царскомъ Селѣ, въ казенномъ зданіи, то тѣло его вынесли подъ шатеръ. Больнаго Чеглокова отправили домой, чтобы онъ не умеръ во дворцѣ. При ней, въ 1755 году, вышелъ указъ, запрещавшій носить мимо дворца покойниковъ. Императрица скончалась въ самое Рождество 1761 года, на 53 году жизни, во дворцѣ у Полицейскаго моста (теперь домъ Елисѣева). Тамъ же Петръ III, въ тотъ же вечеръ, принималъ присягу гвардіи, построившейся противъ оконъ дворца, и послѣ того ѣздилъ по всему городу съ факелами.

Екатерингофскій дворецъ заложенъ Петромъ весною 1711 года, въ памятъ первой побѣды, одержанной имъ въ виду того мѣста 6-го мая 1703 года; здѣсь Петръ, въ званіи капитана бомбардирской роты, взялъ два шведскія судна и вмѣстѣ съ любимцемъ своимъ Менщиковымъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Адмиралъ Головинъ, первый кавалеръ этого ордена, самъ украсилъ царя знаками онаго. Императоръ назвалъ дворецъ Екатерингофъ и подарилъ его супругѣ своей Екатеринѣ. Дворецъ, построенный Петромъ, былъ деревянный, одноэтажный; вмѣстѣ съ этимъ дворцомъ былъ имъ сооруженъ на небольшомъ островку между Екатерингофомъ, Гутуевымъ островомъ и входомъ въ Неву, каменный дворецъ съ башнею, названный „Подзорнымъ“; тамъ Петръ любилъ жить въ уединеніи и ждать прихода кораблей изъ Кронштадта. Позднѣе, при императрицѣ Елисаветѣ, въ Подзорномъ дворцѣ содержался подъ арестомъ фельдмаршалъ Апраксинъ, гдѣ и былъ надъ нимъ совершенъ кригсъ-ратъ. Апраксинъ сидѣлъ подъ присмотромъ капрала. Разъ императрица Елисавета, ѣдучи въ Петербургъ, замѣтила на крыльцѣ Апраксина и приказала немедля кончить его дѣло, и если не окажется ничего новаго, то объявить ему тотчасъ и безъ доклада ея монаршую милость. Презусъ, какъ разсказываетъ И. В. Лопухинъ, надоумилъ ассессоровъ, что когда по допросѣ онъ скажетъ имъ: „приступимъ къ послѣднимъ“, то это



Роговая музыка.

Съ рѣдкой гравюры того времени Набгольца.

будетъ значить объявить монаршую милость: „Что жъ, господа, приступимъ къ послѣднему“? Старикъ отъ этого слова задрожалъ, подумавъ, что станутъ пытать его, и тутъ же умеръ съ испуга. Островъ, гдѣ стоялъ Подзорный дворецъ, у шведовъ назывался „Овчій островъ“. Островокъ этотъ сохранилъ названіе Подзорнаго до настоящаго времени, но дворецъ обращенъ въ адмиралтейскіе магазины.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны, Екатерингофскій дворецъ былъ возведенъ въ двухъ-этажное зданіе, но боковыя стѣны остались тѣ же самыя, какъ были при Петрѣ, хотя дворецъ сдѣлали обширнѣе, нежели прежде, пристроили еще отдѣленіе отъ каминной комнаты съ двухъ-этажною залою. Въ обоихъ этажахъ дворца сдѣлали 21 комнату; въ нижнемъ этажѣ сохранили убранство комнатъ въ томъ самомъ видѣ, какъ было при Петрѣ, вверху же покои убрали довольно пышно, во вкусѣ новѣйшаго уже времени. Вотъ въ какомъ видѣ былъ возобновленный дворецъ: передъ спальней императора стоялъ шкафъ, въ которомъ хранился его синій кафтанъ съ золотымъ шитьемъ по борту и рукавамъ; этотъ кафтанъ Петръ носилъ въ сраженіяхъ. Въ спальнѣ стояла старая сосновая простая кровать, по преданію, сколоченная руками императора. Наволочки, какъ и одѣяло, были шелковыя, нѣкогда зеленыя, съ нашивными золотыми орлами. Въ спальнѣ висѣла картина фламандской школы съ изображеніемъ морскаго вида, напротивъ кровати находилось старинное зеркало и стоялъ поставецъ съ китайскими чашками, передъ постелью висѣла икона Владимірской Богоматери.

Въ столовой стоялъ штучный банкетный столъ, сдѣланный изъ лиственицы, доставленной Петру изъ Архангельска. За этимъ столомъ государь любилъ бесѣдовать съ Апраксинымъ, Шереметевымъ, Менщиковымъ. Каминная комната въ нижнемъ этажѣ дворца была пріемной, въ ней онъ давалъ аудіенціи, принималъ рапорты о выходящихъ корабляхъ и т. д. Надъ каминомъ въ этой комнатѣ былъ помѣщенъ большой компасъ, имѣвшій сообщеніе съ флюгеромъ на крышѣ дворца.

Въ верхнемъ этажѣ, въ угловой комнатѣ, было рѣзное, въ видѣ барельефа, изображеніе Петра въ лаврахъ, потомъ подъ чехломъ деревянная табакерка его работы, пожалованная имъ поручику Іосифу Ботому. Тутъ же лежала другая табакерка, подаренная имъ женѣ купца Марьѣ Барсуковой, часы, жалованные вышневолоцкому купцу Сердюкову, подрядчику при постройкѣ Вышневолоцкихъ шлюзовъ. Часы эти Сердюкову Петръ подарилъ по случаю слѣдующаго приключенія. На Сердюкова былъ сдѣланъ ложный доносъ въ отсутствіе Петра; Сердюковъ былъ взятъ въ крѣпость. При осмотрѣ канала Петръ замѣтилъ, что работы шли не такъ, какъ онъ приказывалъ, онъ потребовалъ строителя. Государю донесли, что Сердюковъ взятъ подъ стражу; царь разгнѣвался и тотчасъ поѣхалъ въ Петербургъ, самъ пошелъ въ крѣпость, гдѣ содержался Сердюковъ, разспросилъ его, за что его арестовали, и, узнавъ, что онъ невиновенъ, поцѣловалъ его и приказалъ тотчасъ же отправиться въ Вышній-Волочекъ, на работы канала; при прощаніи подарилъ ему на память эти часы [49]).

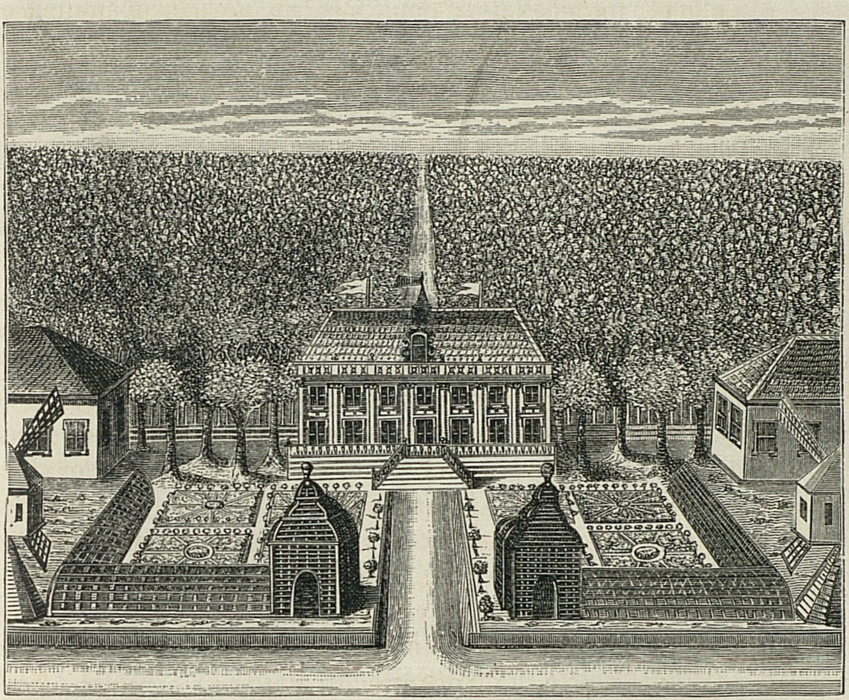
Во дворцѣ стояли также большіе англійскіе часы съ музыкой, работы Торнтона, бой и музыку которыхъ императоръ такъ любилъ, что въ 1693 году писалъ изъ Вологды къ боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу: „Пожалуй, отпиши, что мои любезные органы станутъ играть, и какіе танцы“. Эти часы здѣсь сохранялись еще въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ футлярѣ съ хрустальными столбиками; на маятникѣ этихъ часовъ было миніатюрное изображеніе Петра Великаго въ голубомъ русскомъ полукафтанѣ и въ порфирѣ. Петръ изображенъ былъ въ самой цвѣтущей своей молодости, двадцатичетырехъ лѣтъ. Играли эти часы двѣнадцать пьесъ, названіе которыхъ было выписано на стальномъ кругѣ. Кромѣ этого миніатюрнаго изображенія императора, въ Екатерингофскомъ дворцѣ до сего времени сохраняются три его портрета, списанныхъ съ него при жизни.

На верху въ одной изъ комнатъ помѣщалась библіотека, касающаяся только до жизни и дѣлъ императора Петра. Всѣхъ книгъ по реестру было сто томовъ, въ красивыхъ переплетахъ съ золотыми гербами и надписью: „Екатерингофскаго дворца“. До сихъ поръ на верху имѣются двѣ комнаты, убранныя китайскими вещами; въ одной изъ нихъ, при входѣ съ лѣстницы, модель китайской галеры и два китайскихъ фонаря; въ ближней къ ней комнатѣ хранятся китайскія лакированныя фарфоровыя ширмы, съ живописнымъ изображеніемъ церемоніальнаго шествія китайскаго императора со свитою; тамъ же хранятся китайскіе шкафы, комодъ и бюро и двѣ большія картины на деревѣ съ наклеенными и раскрашенными фигурами изъ слоновой кости. Картины имѣютъ и оборотную сторону.

Здѣсь же хранятся нѣсколько еще и другихъ китайскихъ вещей. Всѣ эти вещи привезены при жизни Петра изъ Пекина нашимъ полномочнымъ посланникомъ лейбъ-гвардіи капитаномъ Львомъ Измайловымъ, на покупку которыхъ при отъѣздѣ изъ Петербурга Измайлову было выдано десять тысячъ рублей. Двѣ крайнія комнаты съ противоположной стороны дворца сохранили также первобытное богатое убранство временъ Елисаветы Петровны. Стѣны этихъ комнатъ обиты: крайняя богатымъ бѣлымъ бархатомъ, съ цвѣтами, а слѣдующая — атласнымъ штофомъ, издѣлія С.-Петербургской мануфактуры 1729 года. Къ сожалѣнію, штофъ и бархатъ, украшавшій нѣкогда мебель здѣшняго дворца, лѣтъ двадцать тому назадъ снятъ придворнымъ обойщикомъ Туромъ и замѣненъ дешевымъ ситцемъ и шерстяной матеріей. Въ настоящее время дворецъ оклеенъ китайскими шелковыми обоями, найденными на чердакѣ Таврическаго дворца. Въ одной изъ комнатъ верхняго этажа имѣется двѣнадцать тканыхъ картинъ работы русскихъ художниковъ; работы эти относятся ко времени существованія мануфактуръ-коллегіи. Изъ картинъ заслуживаютъ вниманія: „Апостолъ Іаковъ“, „Купающаяся Вирсавія“, вытканная въ 1727 году, „Орелъ, схватившій голубя“, — въ 1733 году, „Сусанна“ — въ 1739 году, „Собаки въ бойнѣ“, вытканныя въ 1755 году, тканый вензель Петра I. Одна изъ картинъ въ этой комнатѣ, съ изображеніемъ цвѣтовъ и плодовъ, принадлежитъ иностранному художнику Бароку. Несомнѣнно, что эти картины имѣютъ цѣнное значеніе, какъ первые наши русскіе гобеленовые обои.

По лѣстницѣ, ведущей въ нижній этажъ, на стѣнѣ, вмѣсто обоевъ, виситъ большая на холстѣ карта Азіатской Россіи. Карта написана видимо для шутки: врядъ ли найдутся рѣки въ учебникахъ съ такими названіями, какъ здѣсь; на картѣ также и страны свѣта помѣнялись мѣстами: вверху море Индѣйское и Песчаное, внизу сѣверъ и Ледовитое море, Акіанъ (sic), къ западу Камчатка и царство Гилянское на берегу рѣки Амура, съ курьезною надписью: „до сего мѣста Александръ Македонскій доходилъ, ружье спряталъ, колоколъ оставилъ“. По преданію, по этой картѣ Петръ экзаменовалъ ради смѣха нетвердо знающихъ географію. Тутъ же въ одной изъ комнатъ сохраняется небольшая картина, писанная масляными красками, съ изображеніемъ Екатерингофскаго дворца въ первое время. Въ большой залѣ, пристроенной уже при Елисаветѣ Петровнѣ, находится фарфоровая люстра изъ цвѣтовъ и два фонаря стиля Louis XV, затѣмъ виднѣется огромная печка изъ синихъ разрисованныхъ изразцовъ. На стѣнахъ нѣсколько старинныхъ картинъ голландской школы и большое бюро превосходной художественной работы, съ изображеніемъ на первомъ планѣ: „Видъ Кремля изъ Замоскворѣчья между Каменнымъ и Живымъ мостами, къ полудню“; по бокамъ изображены виды Эрмитажа и павильона въ звѣринцѣ въ Царскомъ Селѣ.

Большая часть описанныхъ нами вещей и теперь сохраняются въ Екатерингофскомъ дворцѣ; ихъ любовно, болѣе тридцати лѣтъ, сберегаетъ старикъ, придворный служитель Шатровъ, каждый день бережно стирая съ нихъ вѣковую пыль.



Екатерингофъ въ Петровское время.

Съ гравюры 1716 года.

Вся мѣстность, гдѣ лежитъ Екатерингофъ, не разъ терпѣла отъ наводненія; такъ въ числѣ документовъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ, имѣется одна бумага, въ которой говорится, что по опредѣленію Канцеляріи отъ Строеній, 12 мая 1741 года, состоявшемуся вслѣдствіе рапорта спичнаго и столярнаго дѣла мастера Фонболеса, велѣно было послѣднему въ Екатерингофскомъ дворцѣ произвести починки поврежденій, происшедшихъ отъ большихъ прибылыхъ водъ.

Въ царствованіе Елисаветы, лѣсъ, находящійся между рѣчкою и большою дорогою въ Екатерингофъ, былъ обнесенъ высокимъ частоколомъ и въ немъ былъ звѣринецъ для оленей.

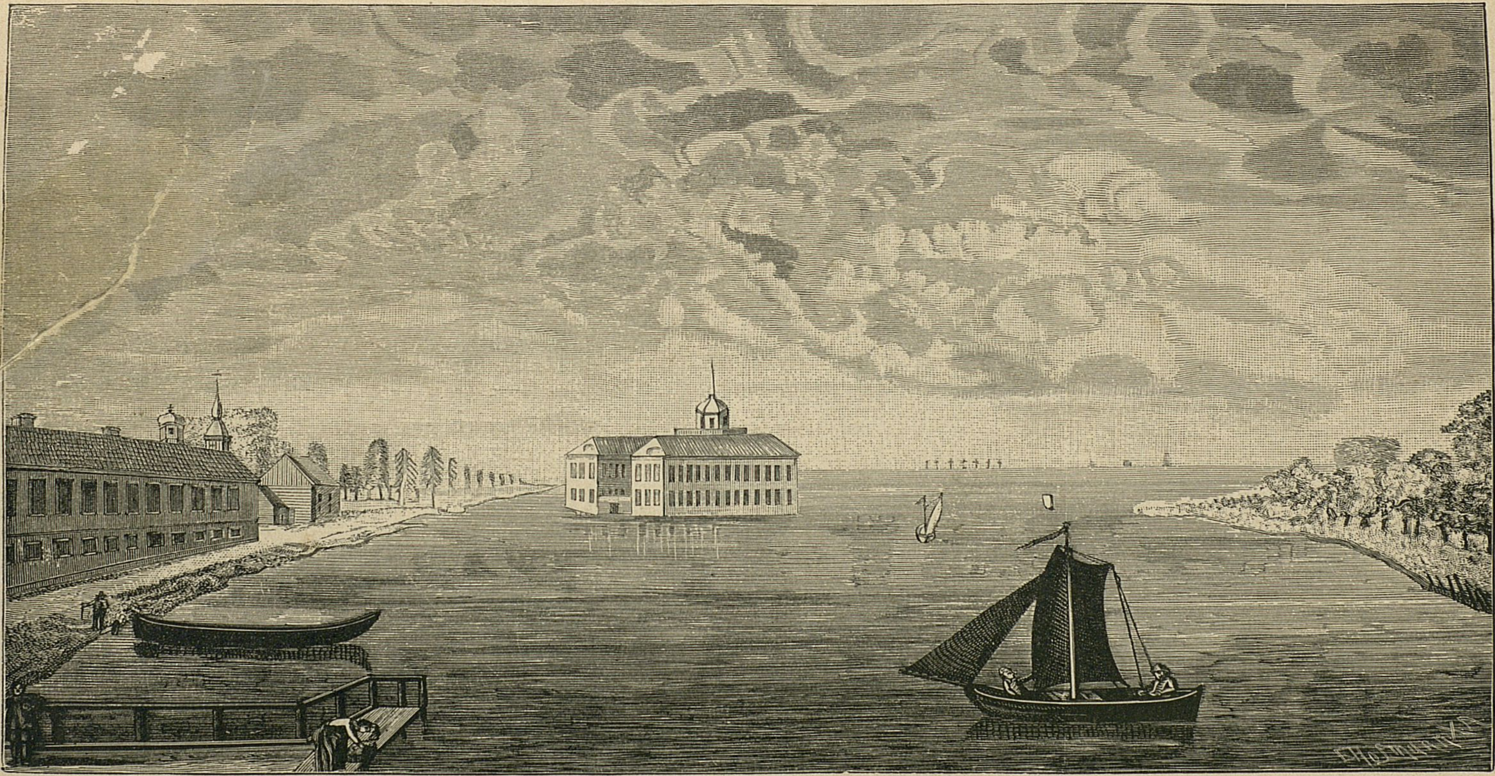
Императрица Елисавета не очень часто ѣздила въ Екатерингофъ; она, какъ извѣстно, была характера веселаго и не любила картинъ грустныхъ, а чтобы посѣтить Екатерингофскій дворецъ, ей надо было проѣхать два кладбища: Екатерингофское и Вознесенское. Разъ во время такого проѣзда въ Екатерингофъ мимо тамошняго кладбища, императрица обратила на него особенное вниманіе, и оно ей очень не понравилось. Дѣйствительно, картина была непривлекательна: дурно зарытыя тѣла издавали запахъ, могилы представляли однѣ ямы, крестовъ не было. Все это произвело на императрицу удручающее впечатлѣніе, и она на другой день послала указъ генералу П. С. Сумарокову, гласившій слѣдующее: „Имѣющему за Калинкинымъ мостомъ, ѣдучи къ Екатерингофу, кладбище мертвыхъ тѣлъ, тако жъ и у Вознесенской церкви, насыпать землею выше, чтобъ отъ того духу происходить не могло“ и т. д. Кладбище, которое видѣла императрица Елисавета за Калинкинымъ мостомъ, теперь находится во владѣніи г. Гейнца; въ началѣ нынѣшняго столѣтія мѣсто это называлось „огородомъ на могилахъ“. Такихъ огородовъ на могилахъ въ Петербургѣ существуетъ помимо этого еще два: самый большой изъ нихъ находится на Выборгской сторонѣ, въ оградѣ Самсоніевской церкви, а другой на Карповкѣ, близь сада графини Лаваль.

Екатерингофъ въ 1796 году присоединенъ къ городу и причисленъ къ новоучрежденной тогда 4-ой Адмиралтейской части. Не смотря на то, что по новому положенію Екатерингофъ лежалъ въ чертѣ города, ему дали привилегію, по которой гуляющимъ дозволялось курить табакъ.

Въ 1800, императоръ Павелъ поручилъ Екатерингофъ графу фонъ-деръ-Палену, бывшему тогда генералъ-губернаторомъ Петербурга.

Въ 1804 году, Екатерингофъ былъ переданъ въ вѣдѣніе графа А. С. Строгонова. Этими мѣрами, однако, Екатерингофъ не выходилъ изъ запустѣнія; дворецъ приходилъ въ ветхость; лѣсъ былъ еще обнесенъ частоколомъ; въ саду, топкомъ по самому мѣстоположенію, образовались болота, и осенью и въ дождливое лѣто Екатерингофъ былъ непроходимъ.

Въ 1823 году, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, графъ М. А. Милорадовичъ, обратилъ особенное свое вниманіе на



„Подзорный дворецъ“, построеный Петромъ Великимъ при устьѣ Фонтанки для наблюденія за входящими въ Неву кораблями.

Съ очень рѣдкой гравюры Штелина 1762 года.

это мѣсто и представилъ на высочайшее утвержденіе планъ новаго устройства Екатерингофа и немедленно приступилъ къ работамъ. Съ весны до осени 1828 года все было приведено къ окончанію подъ надзоромъ инженеръ-полковника Сакера и градскаго главы Жербина. Красивѣйшія постройки, павильонъ, бесѣдки и вокзалъ были возведены молодымъ архитекторомъ Монфераномъ, тогда еще не прославившимся постройкой Исаакіевскаго собора. Въ одно лѣто вырытъ каналъ, по сторонамъ его сдѣлана насыпь, отдѣляющая два пруда, близь которыхъ, изъ уваженія къ памяти великаго строителя, сохранены деревья, при немъ насаженныя. Черезъ каналъ переброшенъ легкій чугунный мостикъ. При входѣ на мостикъ съ двухъ сторонъ сдѣланы въ видѣ трехъ арокъ фигурныя ворота. Противъ лежащій Гутуевскій островъ былъ тоже расчищенъ, и самые рыбачьи дома на немъ возведены въ стилѣ сельскихъ строеній окрестностей Рима. На правой рукѣ отъ трехъ парковаго моста, на выдавшейся песчаной косѣ, омываемой Невой, было выведено большое готическое деревянное зданіе на каменномъ фундаментѣ, съ рѣшетчатыми фигурными окнами, галлереями и высокимъ бельведеромъ. Зданіе это носило имя „Фермы“, здѣсь жилъ лѣтомъ графъ Милорадовичъ.

Кромѣ этого зданія, по Екатерингофскому парку было разсѣяно множество и другихъ построекъ. Въ чащѣ отъ дороги стояла продолговатая четыреугольная палатка, красиво драпированная, гдѣ была кондитерская, и затѣмъ еще восьмиугольный павильонъ съ четырьмя портиками; передъ каждымъ изъ нихъ лежали два чугунныхъ льва, на которыхъ были утверждены столбы павильона. Шпиль былъ обитъ бѣлымъ желѣзомъ, съ боковъ кровли были изображены прыгающіе звѣрки. На лугу былъ устроенъ дѣтскій садикъ съ китайской бесѣдкой, стояли качели, маленькая карусель, гимнастическія игры, кегли и т. д. Въ лѣсу къ Черной рѣчкѣ выстроена русская изба съ широкими распашными тесовыми воротами, съ пестрою высокою голубятнею, съ деревяннымъ кружкомъ на окнахъ и крышѣ; на створчатыхъ ставняхъ были размалеваны яркими красками цвѣты въ горшкахъ; на широкомъ дворѣ возвышались висячія качели на зеленыхъ столбахъ, въ палаткѣ дымился огромный самоваръ, продавался янтарный медъ, бархатное пиво, московская селянка, ботвинья съ лососиной, жиромъ подернутая, и другія яства. Главнымъ зданіемъ въ саду Екатерингофа былъ вокзалъ, въ мавританскомъ вкусѣ, съ огромной ротондой, къ которой примыкали съ двухъ сторонъ два павильона; куполъ ротонды былъ голубой съ золотыми полосами, на высокомъ шпилѣ вѣялъ флагъ; передъ ротондою, на большихъ пьедесталахъ, поставлены были двѣ огромныя вазы, наполненныя цвѣтами. Въ самой ротондѣ помѣщалась круглая зала для лѣтнихъ баловъ и концертовъ; хоры въ ней, построенные полукружіемъ, предназначались для музыкантовъ. Въ прочихъ отдѣленіяхъ шли красивыя залы и комнаты. Содержателемъ этого вокзала долгое время былъ купецъ Егаревъ, отецъ извѣстнаго петербургскаго антрепренера, В. Н. Егарева.

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, особенно славились въ Екатерингофѣ пѣсенники съ табачной фабрики В. Г. Жукова. Здѣсь они кочевали лагеремъ во время сѣнокоса на Екатерингофскихъ лугахъ, сопровождая работу пѣніемъ и плясками. Екатерингофъ въ эти года служилъ любимымъ мѣстомъ воскресныхъ прогулокъ жителей Коломны, Семеновскаго и Измайловскаго полковъ, отправлявшихся туда обыкновенно водою. Въ то время тамъ настроено было много дачъ, и даже наше тогдашнее театральное начальство въ лицѣ извѣстнаго драматурга князя Шаховскаго перевозило сюда взрослыхъ талантливыхъ воспитанницъ театральной школы. На этой дачѣ, по словамъ Р. М. Зотова[50]), графъ Милорадовичъ проводилъ свои вечера, любуясь развивающимися дарованіями. Объ этой дачѣ было много толковъ въ городѣ, и толпа волокитъ осаждала по вечерамъ заборы дачи, и сквозь рѣшетки происходили разные переговоры, размѣнъ писемъ, и все, что можно было, какъ передаетъ тотъ же Зотовъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ.

Перерожденіе Екатерингофа въ 1823 году внушило графу Д. И. Хвостову написать на этотъ случай торжественную оду. Благодарный устроитель Екатерингофа гр. Милорадовичъ приказалъ, на вѣчныя времена, повѣсить портретъ поэта въ залѣ вокзала и долгое время посѣтители Екатерингофской ротонды любовались чертами пѣвца Кубры съ оригинальною подписью „Э Катрингофа Бардъ“.

Въ 1840 году, Екатерингофскій дворецъ было повелѣно ремонтировать. Въ пятидесятыхъ годахъ, часть рѣдкихъ вещей Петровскаго времени перешла на храненіе въ императорскій эрмитажъ.

Недалеко отъ Екатерингофа, въ Калинкинской деревни, Петръ выстроилъ двухъ-этажный каменный домъ (тотъ самый, гдѣ теперь Калинкинская больница), назвалъ его „шпалернымъ мануфактурнымъ дворомъ“ и выписалъ сюда изъ Парижа мастеровъ, и въ числѣ ихъ извѣстнаго художника Бурденя, къ которому и отдалъ нѣсколько русскихъ мальчиковъ для изученія этого ремесла. На фабрикѣ, кромѣ шерстяныхъ шпалеръ, дѣлали шторы и парчи.

Вправо отъ этой мануфактуры, по лѣвому берегу Фонтанки, царь завелъ прядильный домъ, гдѣ до 80 старухъ, подъ надзоромъ старой голландки, ткали пряжу, добротою и тонкостію не уступавшую голландской.

Въ этотъ прядильный домъ, позднѣе при императрицѣ Елисаветѣ, заключали женщинъ за разгульную жизнь.

Въ Екатерингофѣ установлено ежегодное гулянье 1-го мая, повторяющееся и въ Троицынъ день. Въ настоящее время Екатерингофъ представляетъ полное запустѣніе, пруды покрыты плѣсенью, а окружающая атмосфера пропитана зловоніемъ и удушливымъ запахомъ, распространяемымъ вблизи стоящимъ костеобжигательнымъ заводомъ.

◆

ГЛАВА V.

Петербургъ при императорѣ Петрѣ II.—Первый большой пожаръ въ столицѣ.—Второй большой пожаръ на берегу Невы.—Историческій пожаръ 1736 года.—Мѣры противъ поджигателей.—Пожары при Екатеринѣ II.—Пожаръ Большаго театра въ 1811 году.—Пожаръ другаго театра у Чернышева моста.—Четверостишіе на этотъ пожаръ.—Пожаръ въ церкви Преображенія Господня.—Горящіе лѣса кругомъ Петербурга.—Большой пожаръ въ Московской и Ямской.—Катастрофа въ балаганѣ Лемана.—Число погибшихъ жертвъ.—Пожаръ Зимняго дворца.—Причина его.—Разсказы очевидцевъ.—Спасенныя вещи.—Незначительная пропажа послѣднихъ.—Анекдотъ про императора Николая I-го.—Возобновленіе дворца.—Большіе пожары: Апраксина и Щукина двора въ 1862 году.

СЪ КОНЧИНОЮ ПЕТРА I многое, начатое имъ, осталось неоконченнымъ. Его преемники, Екатерина I и Петръ II, ничего не сдѣлали для Петербурга. Петръ II думалъ даже столицу перенести въ Москву; въ его время Петербургъ особенно запустѣлъ и на Васильевскомъ островѣ, который тогда назывался Преображенскимъ островомъ, многіе каменные дома были брошены недоконченными и стояли безъ крышъ, оконъ и потолковъ. Такое запустѣніе города вызвало со стороны правительства принудительныя мѣры, и вскорѣ явился указъ (15-го іюля 1729 г.), по которому заселеніе Петербурга опять сдѣлалось поголовнымъ налогомъ: велѣно было немедленно выслать на безсрочное житье въ Петербургъ всѣхъ выбывшихъ изъ него купцовъ, ремесленниковъ и ямщиковъ, съ ихъ семействами; а за неисполненіе или медленность повелѣно было отбирать все имѣніе и ссылать вѣчно на каторгу. Эти строгія мѣры не привели ни къ чему, народъ тяготился житьемъ въ Петербургѣ, и, по всей вѣроятности, это и было причиною, что въ Петербургѣ образовались шайки поджигателей, наведшія панику на всѣхъ жителей.

Исторія Петербурга представляетъ нѣсколько примѣровъ ужасныхъ пожаровъ. Въ первое время существованія Петербурга, когда строеніе было всюду деревянное, пожары были весьма часты, но рѣдко опустошительны. Постройки въ то время дѣлались низкія, необширныя, со службами, далеко стоящими отъ жилья; тогда, при первомъ появленіи огня, достаточно было сломать два, три дома, чтобы остановить продолженіе пожара.

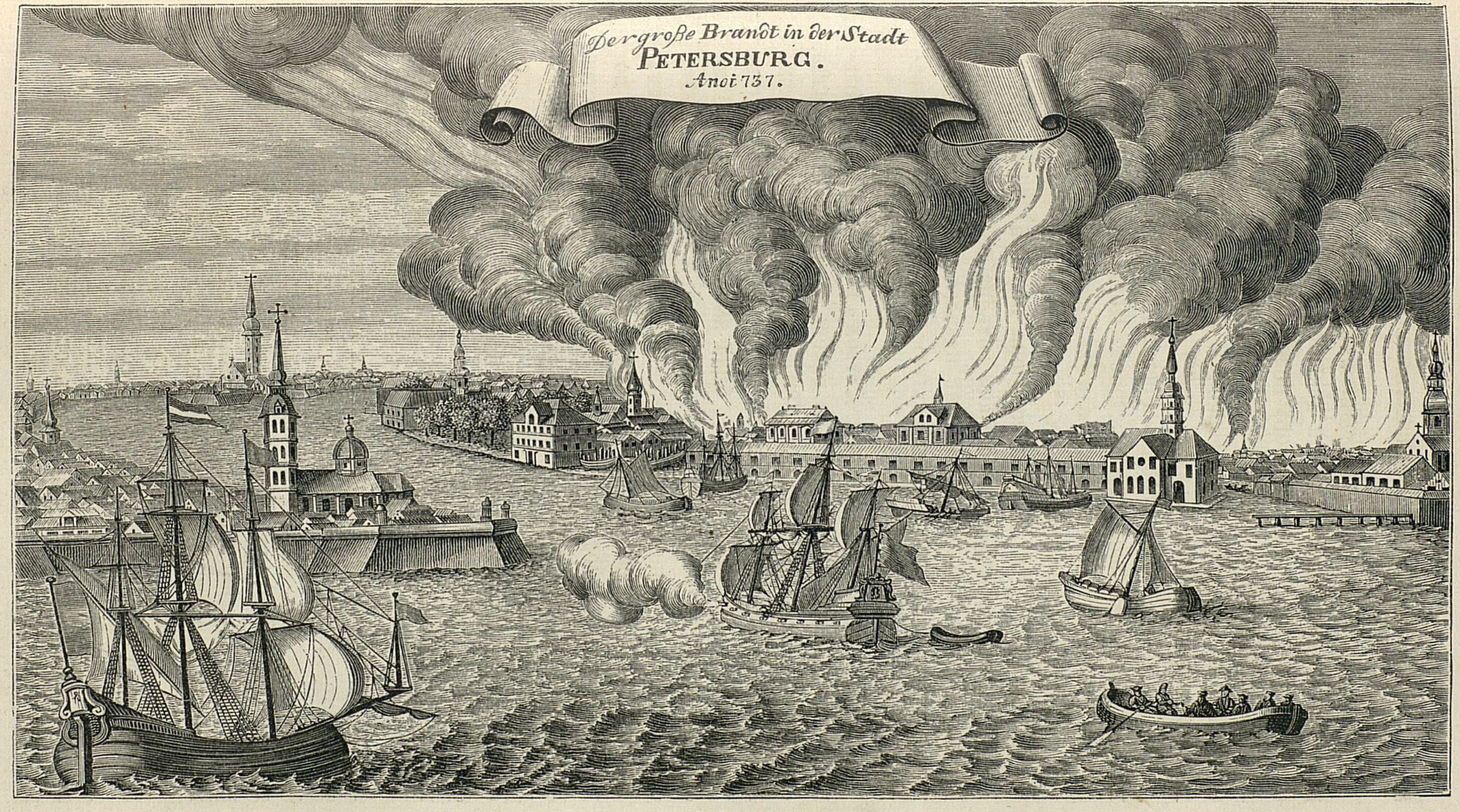
Впослѣдствіи же, съ возростаніемъ населенія, стали строить дома сплошные, двухъ-этажные, съ разными деревянными пристройками; такіе дома стали требовать большаго искусства при тушеніи огня. Вотъ самые большіе пожары, бывшіе въ Петербургѣ за все время его существованія: первый значительный пожаръ случился въ 1710 году, причемъ сгорѣлъ ночью въ одинъ часъ Гостиный дворъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ сотенъ бревенчатыхъ лавокъ, помѣщавшійся на Троицкой площади [51]). Купцы потерпѣли большой убытокъ, многіе товары изъ лавокъ не только сгорѣли, но были расхищены въ суматохѣ, четверо изъ двѣнадцати грабителей были повѣшены на четырехъ висѣлицахъ, крестообразно поставленныхъ на углахъ сгорѣвшаго Гостинаго двора. Второй большой пожаръ въ Петербургѣ случился 1-го августа 1727 года; огонь вспыхнулъ въ магазинахъ на берегу Невы; сгорѣло нѣсколько смежныхъ домовъ, потомъ загорѣлись стоявшія на Невѣ барки; всѣ онѣ, числомъ тридцать двѣ, съ грузомъ слишкомъ на три милліона рублей, были истреблены огнемъ. Людей погибло до пятисотъ человѣкъ. Молодой императоръ Петръ II самъ дѣйствовалъ на пожарѣ, и съ „горькими слезами“ бросался въ опасности [52]). На другой день треть потери выдана была изъ казны пострадавшимъ.

11-го августа 1736 года, въ полдень, загорѣлся домъ на Мойкѣ, близь Зеленаго моста (Полицейскаго), отъ не осторожности слугъ жившаго въ немъ персидскаго посла Ахмедъ-хана. Они курили трубку на дворѣ, искра запала въ сѣно, и черезъ полчаса домъ пылалъ. Пламя распространилось съ чрезвычайною быстротою, и вскорѣ охватило многія деревянныя зданія на берегу Мойки и Гостиный дворъ, стоявшій на мѣстѣ нынѣшняго дома Елисѣева (гдѣ Благородное собраніе). Пожаръ продолжался восемь часовъ и истребилъ всѣ зданія отъ Зеленаго моста до церкви Вознесенья.

24-го іюня 1737 года, огонь снова вспыхнулъ разомъ въ двухъ мѣстахъ и обратилъ всю часть города, отъ истока Мойки до Зеленаго моста, въ пепелище. Сгорѣло болѣе тысячи домовъ и нѣсколько сотъ человѣкъ. Позднѣе, въ этомъ же году, сгорѣла часть города отъ Вознесенья до Крюкова канала. Этимъ пожарамъ, какъ было дознано, предшествовали поджоги. Такъ, 6-го іюня, рядомъ съ дворцемъ Елисаветы Петровны (гдѣ теперь Павловскія казармы), въ домѣ Линзена, найденъ былъ на крышѣ горшокъ съ воспламеняющимися веществами. Пожары вызвали правительство на одну мѣру, замѣчательную въ статистическомъ отношеніи: для открытія поджигателей велѣно было раздѣлить городъ на нѣсколько частей и затѣмъ въ каждой части произвести обстоятельную перепись жителей въ три дня. Мѣра эта послужила къ открытію злоумышленниковъ, которые впослѣдствіи и понесли заслуженную кару.

Послѣ пожаровъ 1737 года городъ былъ раздѣленъ на пять частей, и въ первый разъ даны оффиціально названія петербургскимъ улицамъ.

16-го іюля 1739 года, противъ Выборгской стороны, за Литейнымъ дворомъ, горѣли барки съ пенькой и масломъ, рыбой и хлѣбомъ. На пожарѣ погибло немало людей, сгорѣлъ и виновникъ катастрофы, принесшій горящую лучину на барку, отъ которой и загорѣлась пенька. Въ 1748 году, въ Петербургѣ пожары были опять часты. Въ этомъ году, указомъ отъ 2-го іюня, предписано разставить въ Петербургѣ гвардейскіе пикеты около дворцовъ для сбереганія ихъ отъ поджигателей; въ указѣ, между прочимъ, сказано, что частые пожары, бывшіе въ этомъ году, были произведены злоумышленниками. Поджигатели явились въ обѣ столицы, и въ Москвѣ, впродолженіе шестнадцати дней, съ 10-го мая по 26-е число, ежедневными пожарами навели такой ужасъ, что жители, какъ говоритъ въ своихъ запискахъ Нащокинъ, принуждены были изъ домовъ выѣзжать въ поля. Одновременно съ этимъ предписаніемъ было повелѣно полиціи, дабы по происходящимъ отъ лѣтняго времени опасностямъ находящіяся на большихъ улицахъ, какъ-то: на набережной по Невѣ рѣкѣ, въ Милліонной и Луговой у палатъ, деревянныя крыльца и внутри домовъ мелкія деревянныя строенія, немедленно, при присутствіи полицейскихъ чиновъ, всѣ сломать и принуждать строить каменныя... Приказъ этотъ былъ исполненъ въ одну ночь, какъ говоритъ князь Шаховской въ своихъ запискахъ.


Der große Brandt in der Stadt
PETERSBURG.
Ano 1737.

Изображеніе пожара въ Петербургѣ въ 1737 году.

Съ нѣмецкой гравюры того времени.

26-го мая 1761 года, въ Мѣщанскихъ улицахъ былъ большой пожаръ, продолжавшійся цѣлый день; сама государыня присутствовала на пожарѣ. Послѣ этого пожара повелѣно было для облегченія строившимъ остановить всѣ дворцовыя и казенныя работы, а также „установить умѣренную цѣну“ на строительные матеріалы и на дни рабочихъ.

Въ маѣ 1763 года, сгорѣлъ Гостиный дворъ и смежныя съ нимъ зданія на Васильевскомъ островѣ. Послѣ этого пожара назначена была поощрительная награда тѣмъ изъ пожарной команды, кто являлся первымъ на пожаръ [53]).

Въ маѣ 1771 года, сгорѣли всѣ дома по 10-й, 11-й, 12-й и 13-й линіямъ Васильевскаго острова, отъ набережной Большой Невы до Большаго проспекта; огонь начался въ домѣ графа Миниха, гдѣ помѣщался Морской корпусъ; зданіе все было обращено въ пепелъ.

Въ 1774 году, между Адмиралтействомъ и Мойкой, былъ большой пожаръ, выгорѣло болѣе 140 домовъ, въ томъ числѣ болѣе сотни каменныхъ построекъ. Въ 1780 году, въ самый Духовъ день, горѣлъ Гостиный дворъ на Невскомъ проспектѣ. Одна только сторона, обращенная къ Невскому, была каменная, остальное же строеніе, деревянное, сгорѣло до основанія, а вмѣстѣ съ нимъ обращена была въ пепелъ часть домовъ, расположенныхъ за нимъ. 16-го мая 1782 года, въ два часа по полудни, произошелъ пожаръ на бойнѣ, находившейся близь Большаго рынка; не смотря на скорую помощь полиціи, всѣ деревянныя лавки сгорѣли, но, къ счастью, купцы успѣли спасти свои товары—убытокъ простирался болѣе нежели на 200,000 рублей. Впрочемъ, эти лавки были на столько ветхи, что правительство уже имѣло намѣреніе ихъ перестроить.

Самое дѣятельное участіе на этомъ пожарѣ принимали: князь Репнинъ, Потемкинъ и Орловъ, вмѣстѣ съ гвардейскими солдатами. Императрица Екатерина, какъ гласитъ камеръ-фурьерскій журналъ, на это ужасное зрѣлище смотрѣла на Садовой улицѣ, противъ дома Воронцова (гдѣ Пажескій корпусъ), у каменныхъ рядовъ. Государыня пріѣхала на пожаръ вмѣстѣ съ Ланскимъ, прямо съ обѣда отъ Ив. Ив. Бецкаго.

Послѣ этого пожара вышелъ указъ, по которому всѣмъ русскимъ и иностраннымъ купцамъ дозволялось открывать особые магазины во всѣхъ кварталахъ столицы. Цѣль этого распоряженія была та, чтобы предупредить огромные убытки, которые можетъ причинить торговлѣ другой пожаръ, если всѣ лавки будутъ находиться въ одномъ мѣстѣ. Императрица Екатерина имѣла даже намѣреніе не допустить торговли въ такомъ обширномъ зданіи, какъ вновь созидаемый тогда Гостиный дворъ.

Въ 1795 году, сгорѣлъ на Васильевскомъ островѣ Андреевскій рынокъ, выстроенный въ 1789 году. Лавки торговцевъ вскорѣ были опять отдѣланы.

Въ слѣдующемъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, пожаръ былъ въ Гавани, на Васильевскомъ островѣ, и въ Эрмитажѣ. Вотъ какъ описываетъ пожаръ Екатерина II въ письмѣ къ Гримму: „Въ одинъ прекрасный и очень жаркій день, 25-го мая, собралась гроза и молнія ударила въ сараи, гдѣ хранятся галеры, и всѣ онѣ сгорѣли вмѣстѣ съ канонерскими шлюпками; это случается во второй разъ въ мое существованіе. Все необходимое будетъ уже это лѣто выстроено, а старый хламъ сгорѣлъ, и Богъ съ нимъ! За то гавань очистилась. На другой день послѣ этого приключенія молнія ударила въ одну изъ трубъ Эрмитажа, которую расколола пополамъ между старой библіотекой и билліардной; дымъ шелъ сильный, но огня не было. Весь Петербургъ сбѣжался туда, и народъ оставался на пожарѣ съ трехъ часовъ по полудни до полуночи, то есть не въ самомъ Эрмитажѣ, а въ прилегающихъ къ нему улицахъ и на набережной, выражая горячія желанія, чтобъ Эрмитажъ былъ спасенъ отъ огня, котораго тамъ и не было“.

Въ 1804 году, сгорѣлъ Нѣмецкій театръ въ домѣ Кушелева (гдѣ теперь зданіе Главнаго штаба).

Въ ночь на 1-е января 1811 года, загорѣлся Большой театръ черезъ два часа послѣ представленія „Русалки“. Театръ горѣлъ ужасно, страшное зарево освѣщало всѣ улицы Петербурга. Замѣчательно, что въ день его открытія, въ 1803 году, тоже случился пожаръ хотя небольшой. Давали балетъ „Медея и Язонъ“, на представленіи присутствовала вся высочайшая фамилія; въ то время, когда представлялось разрушеніе чертоговъ въ огнѣ, одна изъ кулисъ загорѣлась и обломокъ упалъ на ногу перваго танцовщика Балашова. Балашовъ былъ уволенъ съ полнымъ пенсіономъ, и переломленная нога не мѣшала ему быть танцовальнымъ учителемъ; въ лучшихъ домахъ въ то время учиться русской пляскѣ у Балашова даже считалось необходимой принадлежностью воспитанія дѣвицъ.

2-го марта 1825 года[54]), сгорѣлъ очень красивый театръ у Чернышева моста, фасадомъ на Фонтанку, гдѣ теперь зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ; на масляницѣ былъ открытъ театръ, а на первой недѣлѣ великаго поста онъ сгорѣлъ въ три часа; театръ этотъ освѣщался газомъ, и по этому случаю все подозрѣніе въ несчастьѣ пало на газъ, но оказалось, что пожаръ произошелъ отъ треснувшей печки.

Послѣ этого пожара явилось четверостишіе на тогдашняго военнаго губернатора графа Милорадовича:

Строителя забавъ не любятъ, видно, музы;
Его несчастливы съ Харитами союзы:
Что онъ ни затѣвалъ,
То все вода снесла, или огонь пожралъ.

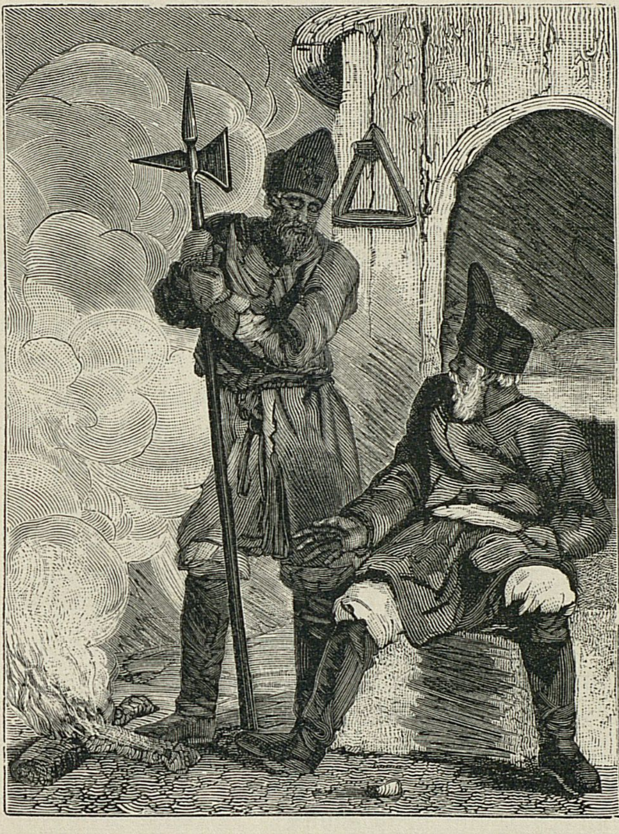
8-го августа 1825 года, сгорѣлъ соборъ всей гвардіи, во имя Преображенія Господня; пожаръ начался въ первомъ часу и прекращенъ въ 8 часовъ вечера. Огонь сперва показался въ главномъ куполѣ около креста и затѣмъ обнялъ все зданіе; причиною пожара, какъ оказалось, была неосторожность рабочихъ, которые производили пайку желѣзныхъ листовъ вверху главнаго купола и, идя обѣдать, оставили на мѣстѣ своей работы жаровню съ горячими углями. Отъ собора остались однѣ стѣны.

Послѣ пожара собора, богослуженія отправлялись въ домѣ генеральши Булатовой (домъ этотъ теперь принадлежитъ г-ну Лисицыну), гдѣ устроена была походная церковь. На площади передъ домомъ были поставлены козлы, гдѣ повѣсили новые колокола; старые колокола отъ сильнаго жара растопились.

Въ 1826 году, всѣ окрестности Петербурга, покрытыя лѣсомъ, горѣли нѣсколько недѣль, и дымъ разстилался повсемѣстно въ городѣ. Ѳ. Н. Глинка, описывая этотъ лѣсной пожаръ, пѣлъ:

Отъ блеска не было ночей
И солнце грустно, безъ лучей,
Какъ раскаленный уголь тлѣло!..

8-го іюня 1832 года, сгорѣло большое пространство въ Московской и Каретной частяхъ: истреблена огнемъ значительная часть Ямской по обѣимъ сторонамъ Лиговскаго и Обводнаго каналовъ; всѣхъ домовъ сгорѣло 102 каменныхъ и 66 деревянныхъ со службами и флигелями. Императоръ Николай Павловичъ на пожаръ прибылъ изъ Петергофа и лично успокоивалъ на пожарѣ пострадавшихъ. Пожаръ начался въ половинѣ перваго часа въ Болотной улицѣ, въ пространствѣ между Свѣчнымъ переулкомъ и Разъѣзжею улицею. Затѣмъ огонь обхватилъ Ямскую и послѣ перекинулся на другую сторону Обводнаго канала. Замѣчательно, что домъ Никольскаго, стоявшій въ самомъ жерлѣ пожара, былъ спасенъ почти чудеснымъ образомъ. Людей на этомъ пожарѣ погибло тридцать человѣкъ. На другой день послѣ пожара, въ одномъ изъ полуразрушенныхъ домовъ вспыхнулъ вновь пожаръ: загорѣлось отъ тлѣвшихъ еще балокъ сало въ количествѣ 7,000 пудовъ.

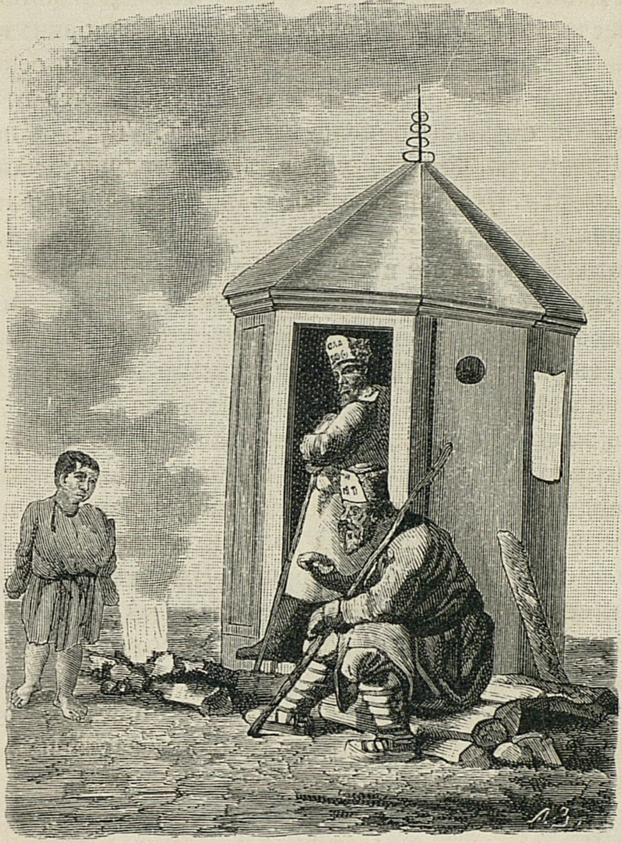


Городскіе сторожа ночью въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Съ гравюры того времени Аткинсона.

По числу жертвъ, погибшихъ въ огнѣ, самый страшный пожаръ въ лѣтописяхъ Петербурга былъ въ воскресенье 2-го февраля 1836 года, въ балаганѣ Лемана на Адмиралтейской площади. Пожаръ вспыхнулъ въ пятомъ часу, во время начала представленія; вотъ какъ описываютъ это несчастіе полицейскія извѣстія: актеры, дѣйствующіе въ пантомимѣ, одѣваясь въ уборной, вдругъ увидѣли, что отъ одной лампы, слишкомъ высоко повѣшенной, загорѣлись стропила. Желая заблаговременно предостеречь публику, подняли занавѣсъ, чтобы показать ей приближающуюся опасность. Въ то же время были открыты настежъ восемь широкихъ дверей, и всѣ зрители, находившіеся въ креслахъ, и въ первыхъ и во вторыхъ мѣстахъ, выбрались заблаговременно, и остальные могли бы выбраться, если бы не случилось суматохи. Пламя появилось съ правой стороны балагана, и на этой же сторонѣ были широкіе выходы, но зрители, наполнявшіе амфитеатръ, бросились влѣво, по узкимъ лѣстницамъ, къ тѣснымъ дверямъ. Шедшіе впереди были сбиты съ ногъ задними; эти были опрокидываемы въ свою очередь. Такимъ образомъ дверь вскорѣ загромоздилась, и нельзя было найдти выхода. Упавшіе задыхались отъ напора другихъ. Между тѣмъ пламя обхватило весь балаганъ; крышка обрушилась и покрыла толпу горящими головнями. Изъ четырехъ сотъ человѣкъ слишкомъ, наполнявшихъ балаганъ, лишились жизни 126 человѣкъ и десятеро было ушиблены тяжко. Трупы лишившихся жизни отвезены въ лѣтнія палаты Обуховской больницы, къ 5 февраля всѣ эти тѣла были разобраны явившимися туда родственниками. Людей, подававшихъ признаки жизни, немедленно перенесли въ зданіе Адмиралтейства, гдѣ отведены были для нихъ особыя комнаты. Императоръ Николай самъ распоряжался всѣми мѣрами спасенія и оставилъ пожарище не прежде того, какъ было отыскано и вытащено послѣднее тѣло. Народная толпа на Адмиралтейской площади возросла до многихъ десятковъ тысячъ и не удерживаемая никакими иными средствами, кромѣ присутствія государя, безмолвно разступалась широкою улицею для пропуска трубъ, саней для перевозки раненыхъ и убитыхъ... Поэтъ Жуковскій, жившій тогда въ Зимнемъ дворцѣ, подалъ голосъ о необходимости отслужить панихиду по сгорѣвшимъ людямъ. Государь Николай Павловичъ благодарилъ Жуковскаго за эту мысль, и панихида была отслужена на самомъ пожарищѣ [55]).

Вотъ какъ разсказываетъ про эту катастрофу молодой очевидецъ, кадетъ Д. Чаплинъ. „Какъ только заиграла музыка, такъ на сцену съ правой стороны изъ-подъ занавѣса выскочилъ какой-то человѣкъ и громко закричалъ: „Господа, пожаръ, горимъ!“ и сейчасъ же исчезъ. Въ балаганѣ сдѣлалась суматоха; многіе, вскочивъ съ мѣстъ, а большая часть зрителей, думая, что Леманъ потѣшается надъ публикой, начали громко смѣяться и кричать: браво! Но въ этотъ самый мигъ откуда-то повторился новый неистовый крикъ: „Пожаръ, горимъ, спасайтесь!“ Тогда всѣ бросились съ своихъ мѣстъ, и вотъ тутъ-то сдѣлался страшный переполохъ. Никто никого не щадилъ; другъ друга сбивали съ ногъ, одинъ другаго давилъ, толкалъ, пробиваясь къ дверямъ и думая найдти тамъ для себя спасеніе. Между тѣмъ показалось пламя и весь балаганъ въ нѣсколько мгновеній наполнился дымомъ. Трудно что нибудь представить ужаснѣе этого хаоса, который происходилъ въ балаганѣ; каждый искалъ возможности спастись и каждый всею своею силою напиралъ на двери, забывая, что тѣмъ самымъ еще болѣе заграждалъ путь къ спасенію. Очевидецъ разсказываетъ: меня придавили такъ, что не только пошевельнуться, но и закричать было нельзя, чтобы об-



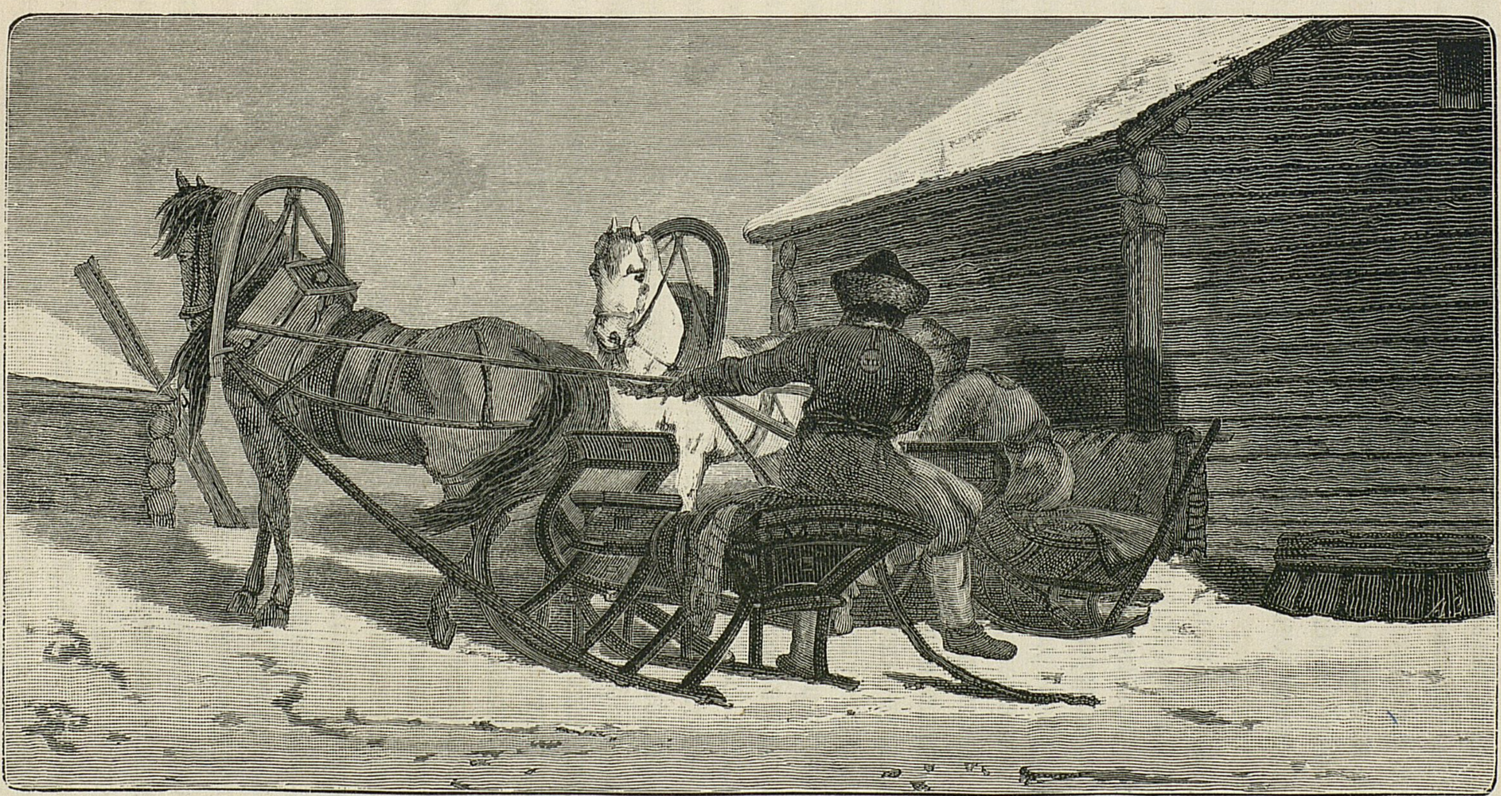
Городскіе сторожа днемъ въ Екатерининское время.

Съ гравюры прошлаго столѣтія.

легчить боль груди; въ это время, говоритъ онъ, я уже не стоялъ на ногахъ, а весь мой корпусъ какъ будто прилипъ къ какой-то живой массѣ, по волѣ которой я безсознательно двигался, то въ одну, то въ другую сторону, то поднимался, то опускался, не имѣя возможности сдѣлать какое либо движеніе. Густой дымъ разъѣдалъ мнѣ глаза, и, кромѣ нестерпимой горечи во рту, я чувствовалъ, какъ сжималось горло, силы меня покидали. Сколько времени несчастная толпа боролась около запертыхъ дверей, опредѣлить не могу, но въ тотъ моментъ, когда я сознатъ неизбѣжную погибель, съ шумомъ и съ трескомъ что-то обрушилось, и вмѣстѣ съ толпою полетѣлъ внизъ. Тутъ я почувствовалъ, что лежу на чемъ-то мягкомъ, и страшная тяжесть давитъ меня сверху. Нестерпимая боль во всѣхъ членахъ мучила меня страшно. Отъ сильной боли я только стоналъ... Затѣмъ почувствовалъ я круженіе въ головѣ, тошноту, а вслѣдъ за этимъ потерялъ всякое сознаніе. Вдругъ окружила меня свѣжесть воздуха, я сталъ приходить въ себя и увидѣлъ, что лежу на тротуарѣ, окруженный какими-то незнакомыми людьми, и т. д.“.

Народная молва въ этомъ бѣдствіи обвиняла полицію, которая, какъ только замѣтила, что пожаръ въ балаганѣ, распорядилась никого не подпускать къ балагану до прибытія пожарныхъ и воинскихъ командъ. Но, къ несчастью, пожарные явились, когда уже половина балагана сгорѣла, и на долю ихъ досталось не тушить огонь, а вытаскивать изъ огня трупы. Намъ передавалъ очевидецъ этого страшнаго бѣдствія, генералъ А. М. Леманъ, что когда прибылъ на пожаръ императоръ Николай I, то дежурный квартальный отрапортовалъ государю, что въ балаганѣ никого нѣтъ и что загорѣлось во время антракта. Государь послѣ этого хотѣлъ уже удалиться, но ропотъ въ публикѣ заставилъ его опять подойдти къ горѣвшему балагану.

17-го декабря 1837 года, въ восемь часовъ вечера, начался пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ; огонь показался сперва изъ отдушника, проведеннаго отъ дымовой трубы между хорами и деревяннымъ сводомъ залы Петра Великаго и оставленнаго, при перестройкѣ Фельдмаршальской залы въ двухъ-этажную, незадѣланнымъ. Эта дымовая труба прилегала весьма близко къ деревянной перегородкѣ, и огонь, пробравшись по ней до стропилъ, тѣсно связанныхъ съ потолочною системой, мгновенно охватилъ массу, изсушенную многими десятилѣтіями, и затѣмъ съ яростью сталъ прокладывать себѣ дальнѣйшій путь.



Извозчичьи сани въ Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ гравюры Аткинсона.

Баронъ Э. Мирбахъ, бывшій въ ночь пожара дежурнымъ во дворцѣ, разсказываетъ: „Увидѣвъ дымъ[56]), я спросилъ стараго лакея, гдѣ горитъ. Онъ отвѣчалъ: „Дастъ Богъ ничего, дымъ внизу, въ лабораторіи, гдѣ уже два дня, какъ лопнула труба; засунули мочалкою и замазали глиною; да какой это порядокъ! Бревно возлѣ трубы уже разъ загоралось, потушили и опять замазали; замазка отвалилась, бревно все тлѣло, а теперь уже горитъ“, и т. д.

Государь въ этотъ вечеръ былъ въ Большомъ театрѣ на представленіи балета („Le Dieu et la Bayadère“); танцовала роль Баядерки Тальони; вѣсть о пожарѣ пришла къ государю во время спектакля; императоръ поспѣшилъ тотчасъ же уѣхать изъ театра; по прибытіи во дворецъ, государь вошелъ на половину великихъ князей, которые уже были въ постели, и приказалъ ихъ немедленно отвезти въ Аничковскій дворецъ.

Вотъ какъ описываетъ очевидецъ пожара, генералъ Бароновичъ, пріѣздъ государя въ Зимній дворецъ: государь, успокоясь на счетъ дѣтей, въ сопровожденіи кн. Волконскаго, прошелъ ротонду, Концертную залу и Большую аванъ-залу; но, вступивъ въ Малую аванъ-залу, былъ уже встрѣченъ стремительнымъ потокомъ огня. Не смотря на видимую опасность, государь пошелъ черезъ Фельдмаршальскую и Петровскую залы, первыя добычи огня, и, наконецъ, вступилъ въ Бѣлую (гербовую). Здѣсь уже, казалось, не было возможности идти далѣе: густо клубящійся дымъ занималъ дыханіе, а карнизы и потолки, по которымъ вилось пламя, грозили всякую минуту паденіемъ; но въ этомъ критическомъ положеніи государь успѣлъ благополучно миновать опаснѣйшія мѣста и вошелъ въ Статсъ-дамскую залу, дивя и пугая своею отважностью спутника своего. Достигнувъ части дворца, не тронутый огнемъ, государь велѣлъ полкамъ Преображенскому и Павловскому и командамъ гофъ-интендантскаго вѣдомства выносить мебель и прочія вещи и складывать на Дворцовой площади. Толпы гвардейскихъ солдатъ бросились въ горящее зданіе и спѣшили выносить различныя вещи.

Спасенные предметы складывались у Александровской колонны; за исключеніемъ небольшаго числа громоздкихъ предметовъ, всѣ драгоцѣнности изъ дворца были спасены. Такъ, напримѣръ, переноска изъ огромныхъ дворцовыхъ кладовыхъ серебра, стоящаго нѣсколько милліоновъ рублей, была исполнена матросами въ необыкновенномъ порядкѣ: ни одна ничтожная мелкая вещица не была затеряна или сломана. Баронъ Мирбахъ говоритъ: при переноскѣ вещей суетня происходила страшная; люди, выносившіе вещи, были Богъ знаетъ кто; вытаскиваемыя вещи складывались въ мѣста каминовъ на площади, гдѣ грѣлись кучера. Картины первѣйшихъ мастеровъ, малахитовыя вещи, стѣнные и столовые часы, бронза и множество другихъ разнородныхъ цѣнныхъ предметовъ лежали тутъ какъ ни попало на снѣгу. Часы съ музыкою, приведенные въ ходъ своимъ паденіемъ, заиграли вдругъ прелестную арію, въ ироническую противоположность съ окружавшею сценою.

По поводу картинъ, баронъ Э. Мирбахъ разсказываетъ слѣдующій эпизодъ, рисующій черты супружеской заботливости императора Николая въ такую грозную минуту: „Государь, осторожно пробираясь между раскиданными на снѣгу передъ дворцомъ вещами, спросилъ у меня: „Не знаешь ли, гдѣ императрицыны картины“? Я указалъ на три разныя мѣста, гдѣ онѣ были положены. „Пойдемъ же со мною, дружокъ, поискать любимую картинку жены“ (Доминикина). И вотъ, при свѣтѣ пожара, мы отправились вдвоемъ приподнимать одну картину за другою: искомая нашлась во второй кучѣ. „Прошу же тебя, — сказалъ государь,—велѣть отнести эту картину въ Адмиралтейство и тамъ сдать на особое попеченіе Блоку“ (смотрителю Аничковскаго дворца)“.

Пропалъ съ пожара только одинъ большой серебряный кофейникъ, да и тотъ, какъ узнали потомъ въ городѣ, никто не захотѣлъ купить, и воръ былъ схваченъ. Графъ В. Ѳ. Адлербергъ въ своей замѣткѣ къ статьѣ о пожарѣ добавляетъ, что изъ множества вынесенныхъ вещей изъ дворца и лежавшихъ на площади болѣе сутокъ, кромѣ этого кофейника, ничего не было ни похищено, ни потеряно. Одна только незначительная золотая вещица, принадлежавшая императрицѣ, сначала не отыскавшаяся, потомъ, съ наступленіемъ весны, также была найдена въ оттаявшемъ снѣгу и ей представлена. Еще одна изъ картинъ съ изображеніемъ головы императора Петра Великаго, принадлежащая теперь его высочеству Николаю Николаевичу Старшему, тоже до весны пролежала въ снѣгу на Дворцовой площади. Бриллiанты императрицы были вынуты изъ ящика довѣренною камеръ-фрау императрицы, г-жею Рорбекъ, и спасены всѣ въ цѣлости. Все вынесенное и спасенное изъ дворца было сложено въ Адмиралтействѣ, частью въ зданіи Главнаго Штаба и въ экзерциргаузѣ, и по разборѣ поступило въ комнаты ихъ величествъ; вещи же, какъ, напр., фарфоровыя вазы и вся мебель отправлены въ Таврическій дворецъ. По выноскѣ вещей, приказано было остановить всѣ работы и отступить отъ главнаго зданія дворца, а всѣ усилія и средства къ тушенію обратить на спасеніе Эрмитажа. Въ это время, когда пламя пожирало зданіе дворца, въ Галерной гавани загорѣлось нѣсколько бѣдныхъ домиковъ. Государь на этотъ пожаръ посылаетъ своего сына. Наслѣдникъ спѣшитъ, на пути ломается экипажъ; цесаревичъ садится на лошадь казака и верхомъ прибываетъ къ мѣсту пожара, который вскорѣ былъ потушенъ. Въ стараніяхъ же отстоять зданіе Эрмитажа, съ ночи до 11 часовъ утра, дѣятельно принимаетъ участіе великій князь Михаилъ Павловичъ. Три дня горѣлъ дворецъ, пока огонь не пожралъ всего въ немъ безъ изъятія. Остатки же пожарища курились послѣ того болѣе недѣли. Площадь передъ дворцомъ съ утра до вечера была полна толпами народа. Въ ночь пожара стоялъ въ Петербургѣ жестокій морозъ. Императрица, узнавъ о пожарѣ дворца подъ конецъ спектакля, поспѣшила пріѣхать на пожаръ; здѣсь, спросивъ, не погибъ ли кто изъ народа, она отправилась въ квартиру министра, графа Несельроде, изъ которой и смотрѣла на горящій дворецъ.

По словамъ графа В. Ѳ. Адлерберга [57]), императоръ Николай думалъ спасти половину императрицы и приказалъ для этого пересѣчь крышу и заложить кирпичемъ тѣ двери, которыя вели изъ покоевъ государыни въ остальную часть дворца, и уже приказалъ графу съ батальономъ Семеновскаго полка подняться на чердакъ разрубить стропила и балки и вывести кирпичную стѣну, но когда послѣдній вошелъ, въ головѣ батальона, на покрытую гололедицей крышу, то уже нашелъ подъ собою все въ огнѣ [58]). Государь, видя грозившую опасность людямъ, тотчасъ отмѣнилъ свое приказаніе. Когда же графъ А. Ѳ. Орловъ счелъ обязанностью доложить государю, не нужно ли вынести бумаги изъ его кабинета, то императоръ отвѣтилъ: „У меня нѣтъ тамъ никакихъ бумагъ. Я оканчиваю свою работу изо дня въ день и всѣ мои рѣшенія и повелѣнія тогда же передаю министрамъ, изъ кабинета надо взять всего только три портфеля, въ которыхъ собраны дорогія моему сердцу воспоминанія“ [59]). Черты рыцарскаго характера императора Николая рисуются также въ слѣдующемъ эпизодѣ: въ одной изъ залъ императоръ нашелъ цѣлую толпу гвардейскихъ егерей, силившихся оторвать вдѣланное въ стѣну огромное зеркало, между тѣмъ, какъ вокругъ все пылало. При видѣ опасности, онъ нѣсколько разъ приказывалъ бросить эту работу, но усердіе храбрецовъ брало верхъ надъ повиновеніемъ; тогда императоръ бросилъ въ зеркало свой бинокль, отъ котораго оно разлетѣлось въ дребезги. — „Вы видите, ребята, — сказалъ онъ: — что ваша жизнь для меня дороже зеркала, и прошу сейчасъ же расходиться“.

На пожарѣ спасены были въ совершенной цѣлости: вся богатая утварь, великолѣпная ризница и всѣ образа съ ихъ дорогими окладами, а также вынесены безъ потери всѣ императорскія регаліи и брилліанты. Добычею пламени сдѣлались только нѣкоторыя вещи, вдѣланныя въ стѣны, и мебель. Послѣ пожара въ высочайшемъ указѣ, данномъ министру внутреннихъ дѣлъ 25-го января 1838 года, было сказано: „Пожаръ, истребившій часть Зимняго дворца нашего, былъ случаемъ къ новымъ изъявленіямъ усердія нашихъ вѣрныхъ подданныхъ. По доходящимъ до насъ отовсюду свѣдѣніямъ, люди всѣхъ состояній ревнуютъ каждый по мѣрѣ средствъ своихъ содѣйствовать добровольными приношеніями возстановленію сего зданія [60]). Сіи приношенія не будутъ нужны; мы не принимаемъ ихъ; но чувства, къ нимъ побуждающія, чувства вѣрноподданнической привязанности къ намъ и престолу, всегда при всякомъ болѣе или менѣе важномъ событіи обнаруживающіяся съ новою силою, глубоко трогаютъ наше сердце“ и т. д.

Послѣ пожара въ городѣ разсказывали: разъ государь ѣхалъ въ саняхъ по Дворцовой набережной, у Троицкаго моста, видитъ онъ, стоятъ двое безъ шапокъ, въ рукахъ блюдо съ хлѣбомъ-солью, покрытое салфеткой. Государь велитъ остановиться. „Мы, Бѣлый Царь, посланные отъ гостиныхъ дворовъ Москвы и Петербурга просить у тебя милости, дозволь намъ выстроить тебѣ домъ“. — „Спасибо, — отвѣчалъ государь, — отъ души благодарю васъ, Богъ дастъ, я самъ смогу это сдѣлать, но передайте, что вы меня порадовали, я этого не забуду“. (См. „Рус. Арх.“, 1878 г., стр. 263).

Къ Пасхѣ 1839 года Зимній дворецъ былъ вновь отдѣланъ. Слово царя исполнилось. Императоръ сказалъ: „Черезъ годъ я буду встрѣчать свѣтлый праздникъ въ стѣнахъ возобновленнаго дворца!“

Наибольшимъ пожаромъ послѣ этого былъ въ Петербургѣ, 28-го мая 1862 года, пожаръ Апраксина и Щукина двора; за недѣлю еще до этого бѣдствія въ Петербургѣ ежедневно стало происходить по нѣсколько пожаровъ, такъ что пожарныя команды должны были разбиваться на отряды и дѣйствовать въ различныхъ пунктахъ. Онѣ не успѣвали возвращаться утомленныя домой, какъ вновь сигнальные знаки призывали ихъ къ дѣятельности.

Ужасный пожаръ 28-го мая начался около пяти часовъ по полудни, въ самый Духовъ день. Огонь сперва показался изъ одной лавчонки, близь новой часовни, и въ часъ не болѣе времени, вся мѣстность, занятая лавками, была залита огнемъ. Всѣхъ лавокъ на Апраксиномъ и Толкучемъ сгорѣло около 6,000 номеровъ. Убытки отъ этого страшнаго пожара, не слыханнаго въ лѣтописяхъ нашей столицы, высчитываютъ въ десятки милліоновъ.

◆

ГЛАВА VI.

Причины наводненій.—Невыгодное положеніе Петербурга.—Проекты къ предотвращенію бѣдствій.—Наводненія въ первые годы по основаніи столицы.—Большое наводненіе въ 1777 году.—Письмо о немъ императрицы Екатерины II Гримму.—Указъ Екатерины II.—Описаніе наводненія 1824 года.—Записки о немъ современниковъ: Булгарина, Мартынова, Башуцкаго и друг.—Анекдотическая сторона.—Скряга Копѣйкинъ.—Спасители утопавшихъ.—Участіе правительства въ общественномъ бѣдствіи.—Милліонныя пожертвованія.—Данныя о высотѣ воды.—Наводненія въ позднѣйшіе годы.

СЪ САМЫХЪ отдаленныхъ временъ, почти все пространство земли, занимаемое теперь Петербургомъ, покрывалось водою отъ 15 до 25 футовъ; такъ извѣстно по лѣтописямъ, что между 1060 и 1066 годами вода прилива покрывала всю нынѣшнюю окрестность города на 20—25 футовъ; такая прибыль воды зависѣла единственно отъ силы и продолжительности западныхъ или юго-западныхъ вѣтровъ; пространство, занимаемое Петербургомъ и островами, находящимися между различными рукавами Невы, состоитъ изъ почвы частію песчаной и болотистой; оно возвышается отъ 4 до 6 футовъ надъ меженнимъ уровнемъ Невы, отмѣченномъ на водомѣрѣ при устьѣ Фонтанки = 0; гранитная набережная выше этого горизонта отъ 6 до 8 футовъ. Изъ сказаннаго очевидно, что устье Невы, превосходящее почти въ семь разъ ширину не раздѣленной на рукава рѣки, при противоположныхъ теченію вѣтрахъ, можетъ принять весьма много морскихъ волнъ, которыя, сообразно возвышенію надъ меженнимъ уровнемъ и силѣ вѣтра, останавливаютъ истокъ, потому что паденіе и быстрота такъ незначительны, что теченіе не въ состояніи не только въ правыхъ рукавахъ Невы противодѣйствовать входу морскихъ волнъ, но даже и самое стремленіе большой Невы не въ силахъ преодолѣть ихъ напора. Поэтому сначала прекращается истокъ Невы, потомъ самое теченіе во всѣхъ рукавахъ ея устья дѣлается обратнымъ, а затѣмъ вода начинаетъ быстро выступать изъ береговъ и заливать всѣ низменныя части этого прибрежья. Чтобы предотвратить частыя наводненія въ Петербургѣ, еще въ первыхъ годахъ, при его основаніи, архитекторы Петра Великаго, Леблондъ и Трезинъ, думали весь Васильевскій островъ и Петербургскую сторону поднять на $1^1/_2$ сажени. Петръ предполагалъ застраховать Васильевскій островъ отъ наводненій, перерывъ его большими каналами, какъ въ Венеціи, но въ исполненіи своего проекта, видимо, встрѣтилъ неудачу, потому что въ 1723 году, указомъ отъ 27 іюня, повелѣлъ на острову, гдѣ надлежитъ по чертежу быть каналамъ, выкопать пруды, чтобы вездѣ имѣть воду въ случаѣ пожара. Но и пруды тоже не были выкопаны. Послѣ уже, въ 1736 году, послѣдовалъ высочайшій указъ: отъ пожара сдѣлать на дворахъ колодцы. Императоръ Петръ II, послѣ наводненія 12-го октября 1729 года, думалъ перенести столицу навсегда въ Москву, оставивъ въ Петербургѣ одно Адмиралтейство и 40,000 войска. При императрицѣ Елисаветѣ, отецъ свѣтлѣйшаго князя Кутузова, Илларіонъ Матвѣевичъ Кутузовъ, представилъ проектъ государынѣ: „О проведеніи канала для предотвращенія жителей столицы отъ гибельныхъ послѣдствій наводненія“. Проектъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе только въ царствованіе Екатерины II; въ 1764 году, приступили къ работамъ канала, или углубленію и отдѣлкѣ глухаго протока; названіе каналу дали: „Екатерининской“, въ честь императрицы. Онъ былъ вырытъ на 8 саженъ ширины и одну глубины, берега его были одѣты тесанымъ камнемъ съ желѣзными перилами; работы эти окончились въ 1790 году. Кутузовъ получилъ за эту работу золотую табакерку, осыпанную брилліантами (см. Жизнь и военныя и политическ. дѣянія кн. М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, Спб., 1813 года, т. VI, стр. 7).

Затѣмъ для такой же цѣли при Александрѣ I въ 1805 году была начата постройка Обводнаго канала генералъ-лейтенантомъ Герардомъ и окончена въ 1834 году генераломъ Базеномъ. Этотъ ка-

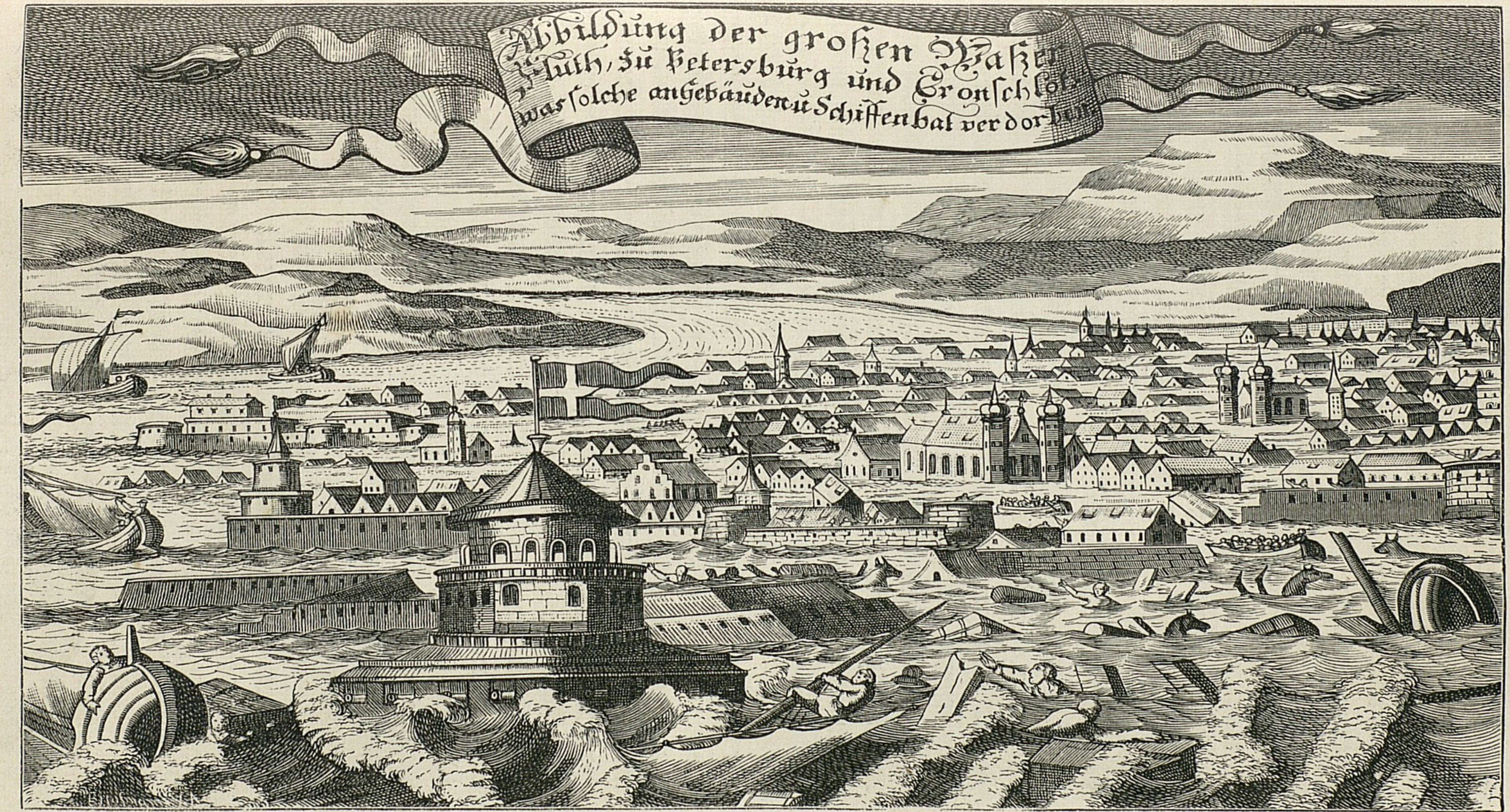


Abbildung der großen Waßer
Fluth, zu Petersburg und Cronſchloß
was ſolche an Gebäuden u. Schiffen hat verdorben

Наводненіе въ Петербургѣ въ 1777 году.

Съ нѣмецкой гравюры того времени.

налъ имѣетъ до десяти саженъ въ ширину, а длина его составляетъ восемь верстъ. При Александрѣ I, въ 1810 году, архитекторъ Модюи представлялъ свои предположенія объ устройствѣ города на Васильевскомъ островѣ и Петербургской сторонѣ; на этотъ проектъ государь сказалъ: „Проектъ вашъ былъ проектъ Петра Великаго, онъ хотѣлъ сдѣлать изъ Васильевскаго острова вторую Венецію, но, къ несчастію, онъ долженъ былъ прекратить работы столицы, ибо тѣ, коимъ поручено было исполненіе его мысли, не поняли его: вмѣсто каналовъ они сдѣлали рвы, кои до сихъ поръ существуютъ“ (см. Критич. обзоръ проектовъ для предохраненія Спб. отъ наводненія, соч. В. Кипріянова, Спб., 1858 г., стр. 10). Затѣмъ въ послѣдующія царствованія были представлены проекты: гг. академикомъ В. П. Петровымъ, Третеромъ, Рокуромъ, Дестремомъ, Парротомъ, С. Усовымъ, Дефонтеномъ, Вибекингомъ, Базеномомъ, Гуллетомъ и еще многими другими.

Въ лѣтописяхъ Петербурга насчитывается до двадцати наводненій, причиною которыхъ, какъ мы уже говорили, служатъ вѣтры. Масса воды, приносимой Невою изъ Ладожскаго озера, по Штукенбергу, каждую секунду, составляетъ до 116,000 кубическихъ футовъ, и слѣдовательно превосходитъ самый Нилъ, и только немного уступаетъ Гангу (183,970 к. ф.), далеко оставляя за собою Рейнъ (64,160). Неву Штукенбергъ называетъ самою непостоянною рѣкою въ мірѣ. Непостоянство Невы замѣчается въ томъ, что она на всемъ своемъ шестидесятиверстномъ теченіи изъ Ладожскаго озера, почти на каждой полверстѣ, перемѣняется въ ширинѣ, и максимумъ такихъ колебаній широты Невы доходитъ до 200 саженъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Самое узкое мѣсто — у Исаакія (170 саженъ), у Смольнаго — 400 саж., у крѣпости — до трехъ сотъ. Глубина Невы также не равна и уменьшается по мѣрѣ уменьшенія быстроты: выше Невскаго монастыря она въ 5$^1/_{10}$ саженъ, выше Охты 7$^3/_{10}$, у Смольнаго 8$^5/_{10}$, ниже Таврическаго 8$^4/_{10}$, у Лѣтняго сада 6$^9/_{10}$, противъ Бердова завода 5$^6/_{10}$. Быстрота Невы не во всѣхъ мѣстахъ одинакова, она увеличивается по мѣрѣ впаденія другихъ рѣчекъ и уменьшается по мѣрѣ раздѣленія на рукава и каналы. Вотъ числа, которыми выражаются относительныя скорости. Нева выше Невскаго монастыря даетъ въ одну секунду воды: 114.659,529 куб. фут.; выше Охты 114.842,732 куб. фут.; ниже Охты 115.703,291 куб. фут.; близъ Лѣтняго сада 89.932,799 куб. фут.; противъ завода Берда 73.983,406 куб. фут. Путемъ Невы изливается въ море богатѣйшая во всей Европѣ система водъ, наполняющая собою всю сѣверо-западную часть Россіи.

Въ первыхъ годахъ основанія Петербурга жители довольно часто терпѣли бѣдствія отъ наводненій; по преданію, первые обитатели прибрежья Невы никогда не строили прочныхъ домовъ, но небольшія избушки, которыя, какъ только приближалась бурная погода, тотчасъ ломали, складывали доски на плоты, привязывали ихъ къ деревьямъ, а сами спасались на Дудерову гору. Первое большое наводненіе случилось до постройки Петербурга въ 1691 году. Въ этомъ году, по шведскимъ лѣтописямъ, вода покрыла всѣ мѣста, занимаемыя теперь городомъ, на двадцать пять футовъ высоты. Такое же наводненіе, по разсказамъ старыхъ рыбаковъ, повторялось почти каждыя пять лѣтъ. Объ одномъ изъ наводненій въ Петербургѣ на третій годъ по его основаніи, въ 1706 году, есть извѣстіе въ письмѣ Петра къ Менщикову. Императоръ писалъ: „Третьяго дня вѣтромъ вестъзюйдъ такую воду нагнало, какой, сказываютъ, не бывало. У меня въ хоромахъ было сверху пола 21 дюймъ и по городу и на другой сторонѣ по улицѣ свободно ѣздили на лодкахъ. Однако-жъ недолго держалась: менѣе трехъ часовъ. И здѣсь было утѣшно смотрѣть, что люди по кровлямъ и по деревьямъ, будто во время потопа, сидѣли — не точію мужики, но и бабы. Вода хотя и зѣло велика была, бѣды большей не сдѣлала“.—Письмо это помѣчено „изъ Парадиза“.

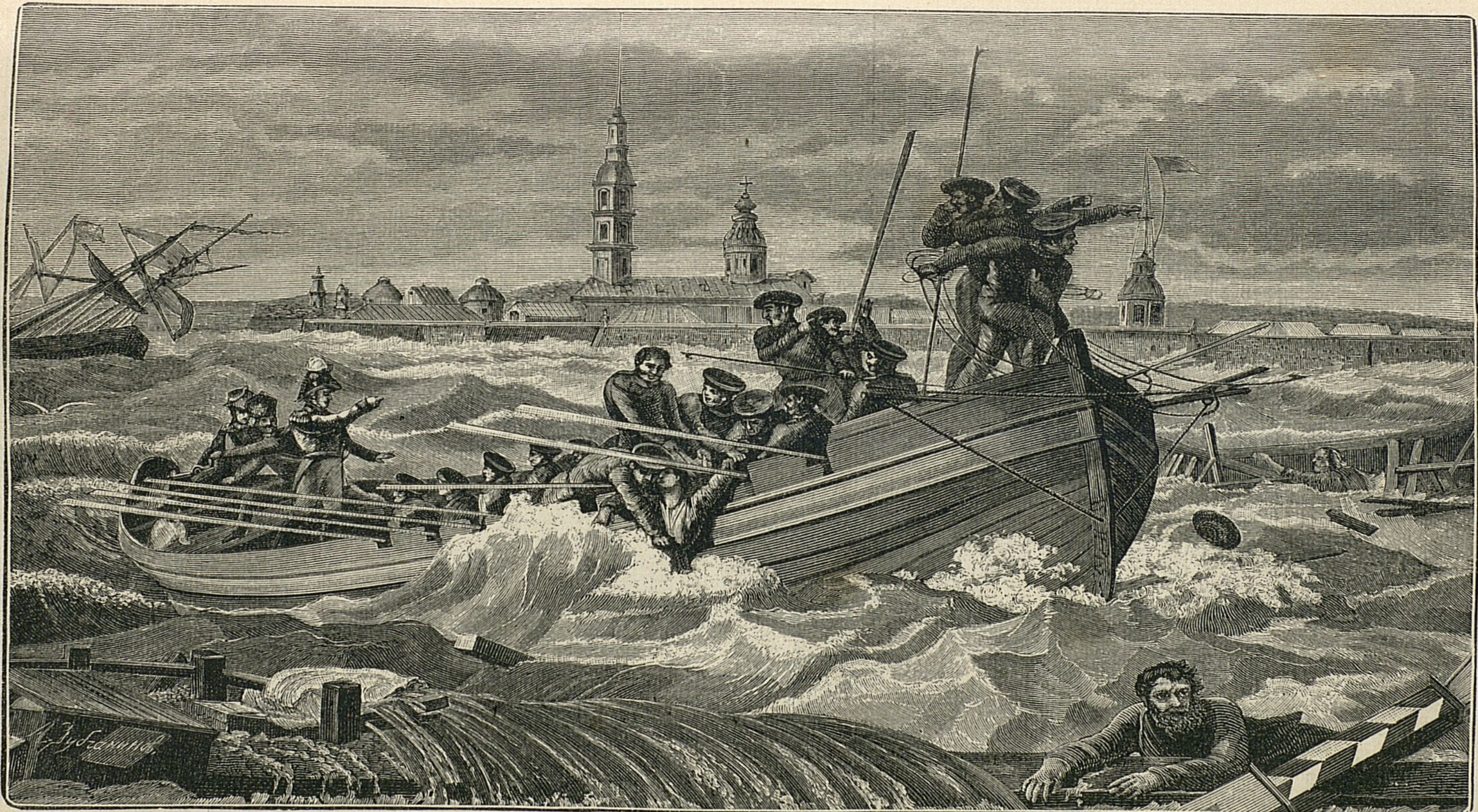
Въ книгѣ „Das veränderte Russland, Frankfurt, 1721“ авторъ разсказываетъ, что въ 1713 году въ Петербургѣ два раза случались наводненія, всѣ острова были покрыты водою, въ первый разъ буря случилась ночью и жители, почти сонные, съ трудомъ спасались въ уносимыхъ водою постройкахъ.

Въ 1715 году, ноября 5-го, вода возвысилась на 7 футовъ и 4 дюйма; всѣ мосты и больверки были снесены водою; береговыя укрѣпленія тоже размыты и повреждены; жители по улицамъ ѣздили на лодкахъ.

Въ 1720 году, въ С.-Петербургѣ явился пророкъ, который предсказывалъ, что 23 сентября, къ зачатію Предтечи, съ моря нахлынетъ вода на городъ, выше всѣхъ былыхъ водъ. Она изведетъ весь народъ и затопитъ городъ, за отступленіе ихъ отъ православія, т. е. за новые гражданскіе порядки. На Петербургскомъ островѣ, у Троицкой пристани, недалеко отъ крѣпости, стояло старое дерево, ольха или сосна; чухны, жившіе здѣсь еще до построенія города, къ этому дереву относили слѣдующій суевѣрный разсказъ. Будто бы, въ 1701 году, въ ночь на Рождество Христово, они увидѣли свѣтъ на подобіе пожара, а это на деревѣ, на всѣхъ сучьяхъ его, горѣли восковыя свѣчи. Тогда, надѣвъ на жердь топоръ, чухны собрались рубить у деревъ сукъ съ горящими свѣчами, думая, что свѣчи спадутъ или самую вѣтвь со свѣчами они отсѣкутъ. Но какъ только они нѣсколько разъ ударили по дереву, свѣтъ угасъ, отъ ударовъ же топора образовалась на суку впадина пальца на два, сукъ съ помѣткой былъ отъ земли на двѣ сажени. Пророкъ увѣрялъ, что вода 23 сентября покроетъ городъ по сукъ съ зарубкой. Разсказы эти поддерживали и чухны. Населеніе Петербурга впало въ уныніе. Многіе стали переселяться на возвышенныя мѣста. Чтобы уничтожить суевѣріе, Петръ приказалъ срубить старое дерево, и солдаты Преображенскаго полка, въ присутствіи царя, срубили его; только пень еще въ 1725 году существовалъ; и его приходили смотрѣть какъ рѣдкость. Пророкъ былъ наказанъ у этого дерева, и собравшимся зрителямъ у пня срубленнаго дерева царь говорилъ, чтобы впредь не вѣрили баснямъ. Однако же наводненіе въ 1720 году, по свидѣтельству современной записи, дѣйствительно было, только не въ тотъ день, въ который указывалъ пророкъ.

Въ 1721 году, 5-го ноября, Нева затопила весь городъ; передъ этимъ девять дней дулъ сильный юго-западный вѣтеръ. Крѣпость, которую начали строить въ 1706 году, и Ладожскій каналъ были повреждены и занесены пескомъ; убытки отъ этого наводненія доходили до 7 милліоновъ рублей. Камеръ-юнкеръ Бергхольцъ описываетъ его такъ: „Съ ужасомъ смотрѣлъ я на разныя суда, оторванныя вѣтромъ и уносимыя бурными волнами; вода съ необыкновенною силой проникала въ дома, вѣтеръ былъ такъ силенъ, что срывалъ черепицы съ крышъ. Около половины втораго часа вода, наконецъ, начала уменьшаться. 10-го числа того же мѣсяца, послѣ обѣда, вода опять начала подниматься, и 11-го числа было тоже наводненіе“.

Послѣ воды, случившейся 5-го ноября, былъ читанъ на всѣхъ перекресткахъ, при барабанномъ боѣ, указъ: „Какъ вода начнетъ прибывать, то весь рогатый скотъ и лошадей отсылать въ лѣсъ“. Въ этотъ вечеръ всѣ придворныя лошади были отосланы въ лѣсъ, а нѣкоторыя, какъ посланника Бассевича, стояли во второмъ этажѣ въ покояхъ. Самъ императоръ Петръ, бывшій съ утра въ гостяхъ у цесарскаго посла, графа Кинскаго, съ невѣроятнымъ трудомъ возвратился во дворецъ, отъ котораго во



Наводненіе въ Петербургѣ 7-го ноября 1824 года.

Съ современной гравюры.

время самой высокой воды выѣхалъ на буерѣ на лугъ, окружавшій Адмиралтейство, гдѣ лавировалъ около церкви св. Исаакія.

Въ 1723 году, 2-го октября, вода въ городѣ была выше на два вершка, чѣмъ въ предъидущее наводненіе.

Въ 1725 году, 1-го ноября, вода возвысилась на 8 футовъ и 2 д., съ этого времени вода почти ежегодно по 1777 годъ доходила въ разное время выше трехъ футовъ. Академикъ Крафтъ разсказываетъ, что 5-го ноября 1725 года было опять наводненіе, и жестокій юго-западный вѣтеръ дулъ съ 9 часовъ утра до полуночи. Бергхольцъ заноситъ въ свой дневникъ, что 1-го ноября, въ 10 часовъ утра, государыня въ шлюбкѣ ѣхала изъ Лѣтняго дворца, гдѣ она еще тогда жила, на другую сторону, чтобы помолиться въ церкви св. Троицы, но вода была такъ высока, что нельзя было дойдти до кареты. Государыня обратно отправилась уже не въ свой Лѣтній дворецъ, а въ государевъ Зимній, съ намѣреніемъ остаться тамъ жить. Послѣ обѣда, 2-го ноября, возвратился государь въ Петербургъ, во время бывшаго шторма онъ испыталъ много опасности на пути отъ Дубковъ. Одно изъ слѣдовавшихъ за нимъ судовъ погибло, и два только человѣка спаслись. Царь поставилъ свою яхту на два якоря, и такъ провелъ всю ночь.

Въ 1726 году, въ Петербургѣ было опять наводненіе; профессоръ Лейтманъ нашелъ, что оно было на восемь англійскихъ футовъ и 2 вершка выше обыкновеннаго уровня воды. Послѣ этого наводненія Екатерина I издала указъ: „Для опасности отъ такой же воды, всякое строеніе впредь, кому гдѣ надлежитъ строить, выше нынѣшней бывшей воды на футъ, и для того вездѣ на строеніяхъ поставить знаки“.

Послѣ наводненія 1726 года на Невѣ образовался новый островъ, который отъ пустоты названъ: „островъ Буянъ“, на немъ вскорѣ были построены пеньковые и маслянные амбары.

Въ этомъ году, какъ говоритъ адмиралъ А. И. Нагаевъ, было два наводненія: 18-го сентября и 1-го ноября; послѣдняго числа онъ находился во время прибыли воды въ Кронштадтской цитадели на караулѣ; вода, выгнавъ ихъ изъ караульнаго дома, сгоняла съ банкета на банкетъ, потомъ покрыла всю пушечную платформу и принудила ихъ отсиживаться на цитадельскихъ пушкахъ, гдѣ они, окачиваемые морскими волнами, пребывали до полуночи „въ отчаяніи живота, однако, Богъ спасъ всѣхъ безъ упаду“.

Въ 1729 году, октября 12-го дня, было опять наводненіе, вода доходила до 7 футовъ и одного дюйма. 15-го сентября 1732 года, опять была высокая вода.

Въ 1736 году, сентября 10-го, почти весь городъ былъ покрытъ водою, вѣтеръ дулъ западный, очень большой. 13-го декабря, того же года, вода снова выступила изъ береговъ.

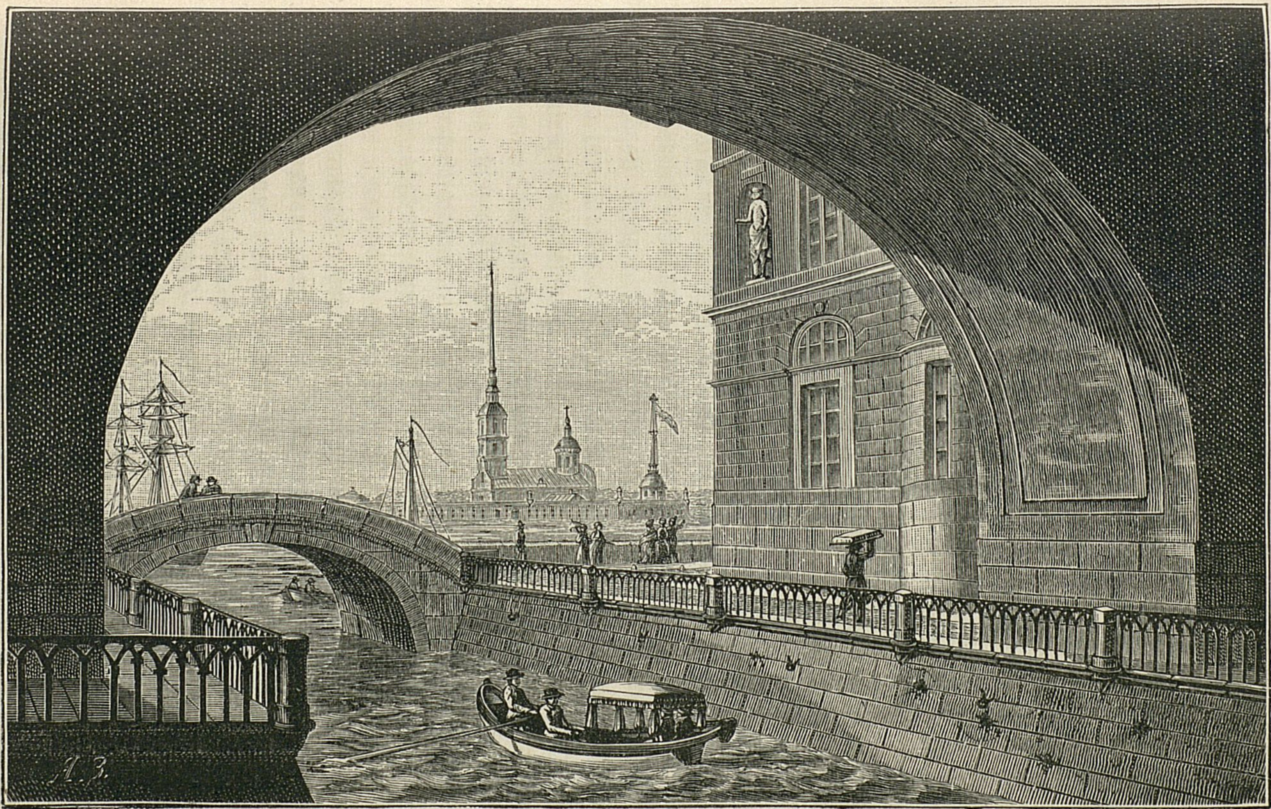
Въ 1744 году, наводненіе было 17-го августа, вода доходила, при сѣверо-западномъ вѣтрѣ, до 7 футовъ. Сентября 9-го, того же года, по утру сильный западный вѣтеръ выгналъ почти всю воду изъ каналовъ, къ вечеру вѣтеръ задулъ юго-западный, нагнавъ большое наводненіе.

Въ 1752 году, октября 22-го, въ 10 часовъ утра, при западномъ вѣтрѣ вода поднялась до высоты 8 футовъ 5 дюймовъ, по другимъ свѣдѣніямъ, до высоты $9^1/_2$ ф., всѣ острова и части города, за исключеніемъ Литейной и части близь Невскаго монастыря, были залиты водою; вода какъ поднялась быстро при жестокомъ штормѣ, такъ и сбыла съ тою же быстротою.

Въ этомъ же году, Нева возвышалась нѣсколько разъ: 25-го, 27-го и 28-го октября; въ послѣдній день, не смотря на безвѣтріе, вода стояла цѣлыя сутки. Въ 1755 году, вода въ октябрѣ доходила до 7 фут.; 29-го сентября, 1756 года, вода, при жестокой бурѣ, поднималась до высоты 7 футовъ 3 дюймовъ. Августа 25-го, 1762 года, была чрезвычайная буря, причинившая много крушеній па рѣкѣ. Въ 1764 году, отъ 18-го по 22-е ноября, вода стояла отъ 7 до 8 фут., при совершенномъ безвѣтріи.

Самое ужасное наводненіе произошло, какъ мы уже говорили, 10-го сентября 1777 года. Въ этотъ день, въ 10 часовъ утра, вода поднялась на 10 футовъ и семь дюймовъ, залила городъ, только Литейная и Выборгская части не были подъ водою, въ седьмомъ часу по полудни вода начала сбывать и въ полдень вступила въ берега. За два дня до этого бѣдствія въ Петербургѣ стояла бурная погода; сильный юго-западный вѣтеръ былъ на столько великъ, что отогналъ воду къ восточнымъ берегамъ Ладожскаго озера, и всѣ стоявшія у Шлиссельбурга суда обмелѣли. Буря особенно много принесла вреда садамъ и рощамъ Петербурга. Въ „Академическихъ Вѣдомостяхъ“ этого года есть объявленіе о продажѣ, съ дачи г. Яковлева на Петергофской дорогѣ, двухъ тысячъ мачтовыхъ деревъ, вырванныхъ съ корнемъ этою бурею. Въ Лѣтнемъ саду буря причинила много вреда: сохраняющіяся до сихъ поръ липы съ желѣзными скобками и съ костылями пострадали именно тогда; въ это же время, какъ мы уже упоминали, разрушены были бурею и фонтаны въ Лѣтнемъ саду, не возобновленные уже съ тѣхъ поръ.

Во время этого наводненія, по словамъ Георги, небольшой купеческій корабль переплылъ мимо Зимняго дворца черезъ каменную набережную. Любское судно, нагруженное яблоками, занесено было вѣтромъ на десять саженъ отъ берега въ лѣсъ; почти по всѣмъ улицамъ ѣздили на маленькихъ шлюпкахъ, и тогдашній оберъ-полицеймейстеръ, Н. И. Чичеринъ, проѣхалъ на яликѣ отъ своего дома (теперь домъ Елисѣева, у Полицейскаго моста) прямо въ Зимній дворецъ. Множество оградъ и заборовъ опрокинуто было, не говоря о домахъ; одна изба переплыла на противоположный берегъ Невы. Всѣ лавки съ товарами размыло, уцѣлѣли однѣ только каменныя въ Гостиномъ дворѣ, гдѣ вода была вышиною на $1^1/_2$ сажени, въ мучныхъ лавкахъ въ 2 куля съ половиною вышиною, въ Большой и Малой Коломнѣ и въ Мѣщанской болѣе ста домовъ со всѣмъ строеніемъ и съ людьми разнесло; на взморьѣ смыло острогъ, въ которомъ было до трехсотъ человѣкъ; кругомъ Петербурга на одиннадцать верстъ находили въ поляхъ трупы животныхъ и людей. Екатерина рано утромъ приказала выбить стекло въ окнѣ Зимняго дворца, откуда и смотрѣла на бушующія волны. Затѣмъ государыня приказала служить молебенъ священнику и сама молилась на колѣняхъ. Императрица очень подробно описываетъ это наводненіе въ письмѣ къ Гримму. Вотъ оно: „Я очень рада, что вчера въ полдень возвратилась въ городъ изъ Царскаго. Была отличная погода; но я говорила: „посмотрите, будетъ гроза“, потому что наканунѣ мы съ княземъ Потемкинымъ воображали себѣ, что беремъ крѣпость штурмомъ. Дѣйствительно въ десять часовъ по полудни поднялся вѣтеръ, который началъ съ того, что порывисто ворвался въ окно моей комнаты. Дождикъ шелъ небольшой, но съ этой минуты понеслось въ воздухѣ все что угодно: черепицы, желѣзные листы, стекла, вода, градъ, снѣгъ. Я очень крѣпко спала; порывъ вѣтра разбудилъ меня въ пять часовъ. Я позвонила, и мнѣ доложили, что вода у моего крыльца и готова залить его. Я сказала: „Если такъ, отпустите часовыхъ съ внутреннихъ дворовъ; а то, пожалуй, они вздумаютъ бороться съ напоромъ воды и погубятъ себя“; сказано, сдѣлано; желая узнать поближе, въ чемъ дѣло, я пошла въ Эрмитажъ. Нева представляла зрѣлище разрушенія Іерусалима. По набережной, которая еще не окончена, громоздились трехмачтовые купеческіе



Видъ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ въ концѣ XVIII столѣтія.
Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры Ypeнiycoмъ. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

корабли. Я сказала: „Боже мой! Биржа перемѣнила мѣсто, графу Миниху придется устроить таможню тамъ, гдѣ былъ эрмитажный театръ“. Сколько разбитыхъ стеколъ! Сколько опрокинутыхъ горшковъ съ цвѣтами! И какъ будто подъ стать цвѣточнымъ горшкамъ, на полу и на диванахъ лежали фарфоровые горшки съ каминовъ. Нечего сказать, тутъ таки похозяйничали! И къ чему это? Но объ этомъ нечего и спрашивать. Нынче утромъ ни къ одной дамѣ не придетъ ея парикмахеръ, не для кого служить обѣдню и на куртагѣ будетъ пусто. Кстати дессертъ Бретеля (который давно прибылъ и покончилъ послѣ трудовъ и опасностей, весь цѣлый, не надтреснутый и не разбитый, въ послѣдней комнатѣ Эрмитажа) нынѣшнею ночью едва не сдѣлался жертвою урагана. Большое окно упало на землю подлѣ самаго стола, весьма прочнаго, на которомъ дессертъ разставленъ. Вѣтромъ сорвало съ него тафтяную покрышку, но дессертъ остался цѣлехонекъ“. Далѣе пишетъ государыня, послѣ обѣдни: „Обѣдаю дома. Вода сбыла и, какъ вамъ извѣстно, я не потонула. Но еще немногіе показываются изъ своихъ берлогъ. Я видѣла, какъ одинъ изъ моихъ лакеевъ подъѣхалъ въ англійской коляскѣ; вода была выше задней оси, и, лакей, стоявшій на запяткахъ, замочилъ себѣ ноги. Но довольно о водѣ, подбавимъ о винѣ. Погреба мои залиты водою, и Богъ вѣсть, что съ ними станется. Прощайте; четыре страницы довольно во время наводненія, которое съ каждымъ часомъ уменьшается“.

Вредъ это надводненіе принесло гораздо бо̀льшій, чѣмъ наводненіе, бывшее 7-го ноября 1824 года; слѣды перваго, не смотря на то, что вода не подымалась такъ высоко, были болѣе ужасны въ отношеніи гибели людей и животныхъ, не нашедшихъ спасенія въ ночное время. Послѣ этого бѣдствія, государыня въ указѣ отъ 21-го сентября 1777 года, данномъ г. вице-президенту адмиралтействъ-коллегіи и главному галернаго флота командиру графу Ив. Г. Чернышеву, повелѣла учредить знаки и сигналы, по которымъ жители должны были принимать спасительныя мѣры; вотъ эти правила: „Когда въ Коломнахъ и въ Галерной гавани вода начинаетъ выходить на берегъ, то данъ будетъ сигналъ: тремя выстрѣлами изъ пушекъ, и будетъ поднято на шпицѣ всѣхъ четырехъ сторонъ по красному флагу, а ночью три фонаря; также пойдетъ барабанщикъ бить въ барабанъ; въ случаѣ же сильной опасности, для всѣхъ жителей изъ Адмиралтейства крѣпости будетъ сдѣланъ сигналъ пятью выстрѣлами изъ пушекъ и выставлены будутъ на адмиралтейскомъ шпицѣ со всѣхъ сторонъ бѣлые флаги, а ночью по два фонаря“. Въ то же время императрица приказала генералу Бауру составить планъ Петербурга съ обозначеніемъ мѣстъ наводненія.

Въ 1788 году, 26 и 27 сентября, вода въ Петербургѣ выше обыкновеннаго уровня доходила до 7 футовъ.

Въ сентябрѣ 1802 года, вода поднималась на 7 фут. и 5 дюймовъ.

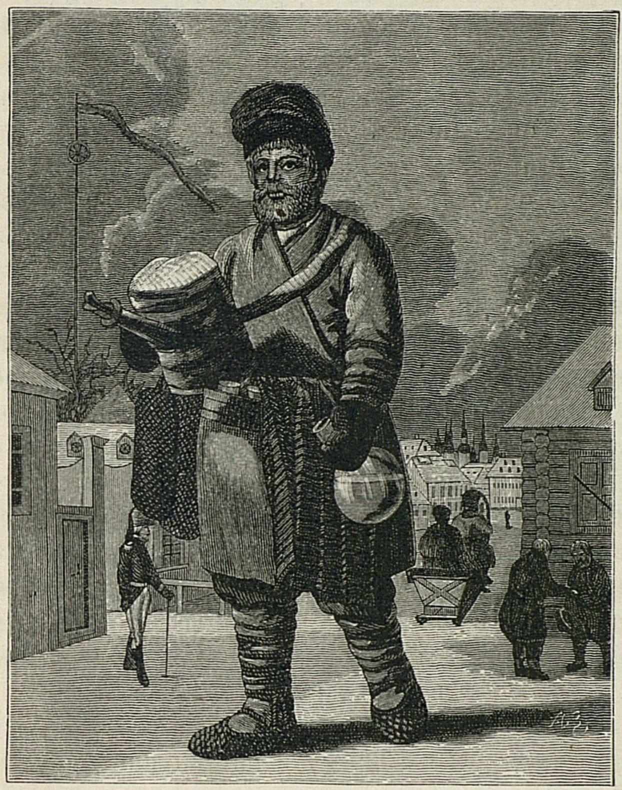
Въ январѣ 1822 года, въ часъ ночи, вода также выступала изъ береговъ, разметавъ по улицамъ лѣсъ и дрова, и была выше ординарной на 8 фут. 5 дюймовъ.

Но особенно много бѣдъ натворила вода въ Петербургѣ 7 ноября 1824 года; въ этотъ день она достигла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города 13 футовъ и 7 дюймовъ, по знаку же въ Петропавловской крѣпости была выше горизонта обыкновенной воды на 12 фут. и 10 дюймовъ.

День, предшествовавшій наводненію, былъ самый непріятный: съ самаго утра шелъ дождь и дулъ холодный вѣтеръ. Барометръ упалъ вдругъ на одинъ дюймъ. Къ вечеру непогода еще усилилась. Булгаринъ пишетъ: „Въ 7 часовъ я уже видѣлъ на адмиралтейской башнѣ сигнальные фонари для предостереженія жителей отъ наводненія. Въ ночь настала ужасная буря; сильные порывы юго-западнаго вѣтра потрясали кровли и окна, стекла звучали отъ плесковъ крупныхъ дождевыхъ капель. Безпечные жители столицы спокойно почивали. Съ разсвѣтомъ мы увидѣли, что вода чрезвычайно возвысилась въ каналахъ и сильно въ нихъ волновалась. Сначала появлялись на улицахъ только люди, вышедшіе изъ домовъ своихъ за дѣлами, но около 10 часовъ утра, при постепенной прибыли воды, толпы любопытныхъ устремились на берега Невы, которая высоко подымалась пѣнистыми волнами и съ ужаснымъ шумомъ и брызгами разбивала ихъ о гранитные берега. Когда жители Адмиралтейской стороны еще не предвидѣли несчастья, низменныя мѣста, лежащія по берегамъ Финскаго залива и при устьѣ Невы, были затоплены, и жители Гавани, Канонирскаго острова, Гутуевскаго, деревень: Емельяновки, Тентелевой и казеннаго Чугуннаго завода, близь Екатерингофа, терпѣли бѣдствіе. Невозможно описать того ужаснаго явленія, которому были свидѣтелями люди, бывшіе въ это время на берегу Финскаго залива и чудесно спасшіеся отъ гибели. Необозримое пространство водъ казалось кипящею пучиною, надъ которою распростертъ былъ туманъ отъ брызговъ волнъ, гонимыхъ противъ теченія и разбиваемыхъ ревущими вихрями. Бѣлая пѣна клубилась надъ водяными громадами, которыя, безпрестанно увеличиваясь, наконецъ, яростно устремились на берегъ. Множество деревянныхъ построекъ не могли противостоять огромной массѣ воды и съ трескомъ обрушились. Люди спасались, какъ могли, въ уцѣлѣвшіе дома, на бревнахъ, плавающихъ кровляхъ, воротахъ и т. д. Многіе погибли, какъ и домашній скотъ и пожитки. Вода безпрестанно прибывала и, наконецъ, ринулась на весь городъ. Въ одно мгновеніе вода полилась черезъ края набережныхъ рѣки и всѣхъ каналовъ, черезъ подземныя трубы она хлынула въ видѣ фонтановъ.

„Трудно представить себѣ смятеніе и ужасъ жителей: погреба, подвалы и всѣ нижнія жилья тотчасъ наполнились водою; каждый спасалъ что могъ и выносился наверхъ, оставляя въ добычу водѣ свое имущество. Нѣкоторые, слишкомъ заботливые о вещахъ и товарахъ, погибли въ погребахъ; толпы народа, бывшаго на улицахъ, бросились въ дома, другіе спѣшили въ свои жилища, но прибывавшая вода принудила ихъ искать спасенья, гдѣ кто могъ. Кареты и дрожки, которыя сперва разъѣзжали по водѣ, начали всплывать и спасаться на высокихъ мостахъ и по чужимъ дворамъ. Въ первомъ часу по полудни, весь городъ, за исключеніемъ Литейной, Каретной и Рождественской частей, былъ залитъ водою, вездѣ почти въ ростъ человѣка, а въ нѣкоторыхъ низкихъ мѣстахъ (какъ, напримѣръ, на перекресткѣ Большой Мѣщанской и Вознесенскихъ улицъ и у Каменнаго моста) болѣе нежели на полторы сажени. Видъ изъ оконъ дома Котомина (домъ, гдѣ лавка Елисѣева, у Полицейскаго моста) былъ ужасный и необыкновенный.

„Разъяренныя волны свирѣпствовали на Дворцовой площади, которая съ Невою составляла одно огромное озеро, изливавшееся Невскимъ проспектомъ, какъ широкою рѣкою, до самаго Аничковскаго моста. Мойка, подобно всѣмъ каналамъ, скрылась отъ взоровъ и соединилась съ водами, покрывавшими улицы, по которымъ неслись лѣса, бревна, дрова, мебель. Вскорѣ мертвое молчаніе водворилось на улицахъ. Около двухъ часовъ появился на Невскомъ проспектѣ, на двѣнадцативесельномъ катерѣ, военный генералъ-губернаторъ, графъ М. А. Милорадовичъ, для поданія помощи и ободренія жителей. Нѣсколько небольшихъ лодокъ проѣхало по Морской и еще большой катеръ съ нѣсколькими людьми разнаго званія, спасшимися отъ погибели на берегу Невы, причалилъ къ дому Косиковскаго. Близъ Смоленскаго поля, на Петербургской сторонѣ и вообще въ мѣстахъ низкихъ, занятыхъ деревянными строеніями, вода смыла послѣднія до основанія и улицы загромоздила лѣсомъ, дровами и даже хижинами; кое-гдѣ лежали изломанныя барки; одно паровое судно большой величины, съ завода Берда, очутилось въ Коломнѣ, возлѣ сада католическаго митрополита. На Невѣ всѣ мосты были сорваны, за исключеніемъ Самсоніевскаго и соединяющаго Каменный островъ съ Петербургскою стороною. Каменные и чугунные мосты всѣ уцѣлѣли, но гранитная набережная Невы сильно пострадала, многіе камни были сдвинуты съ мѣста или опрокинуты. Въ третьемъ часу по полудни вода начала сбывать, въ 7 часовъ начали уже ѣздить въ экипажахъ по улицамъ“.



Уличный продавецъ сбитня въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Съ гравюры того времени Шенберга, по рисунку съ натуры Гейслера.

Другой очевидецъ этого наводненія, Башуцкій, описываетъ его такъ: „Зрѣлище уничтоженія и гибели было ужасно. Зимній дворецъ, какъ скала, стоялъ среди бурнаго моря, выдерживая со всѣхъ сторонъ натискъ волнъ, съ ревомъ разбивавшихся о крѣпкія его стѣны и орошавшихъ ихъ брызгами почти до верхняго этажа. На Невѣ вода кипѣла, какъ въ котлѣ, и съ неимовѣрной силой обратила вспять теченіе рѣки; набережные дома казались парусами кораблей, нырявшихъ среди волнъ; мосты были сорваны и разнесены на части; два тяжелые плашкоута сѣли на гранитный парапетъ противъ Лѣтняго сада; барки и другія суда съ быстротою молніи неслись какъ щепки вверхъ по рѣкѣ; люди съ отчаяніемъ, съ распростертыми руками, въ оцѣпенѣніи ожидали неминуемой гибели; огромныя массы гранита были сдвинуты съ мѣста или вовсе опрокинуты.

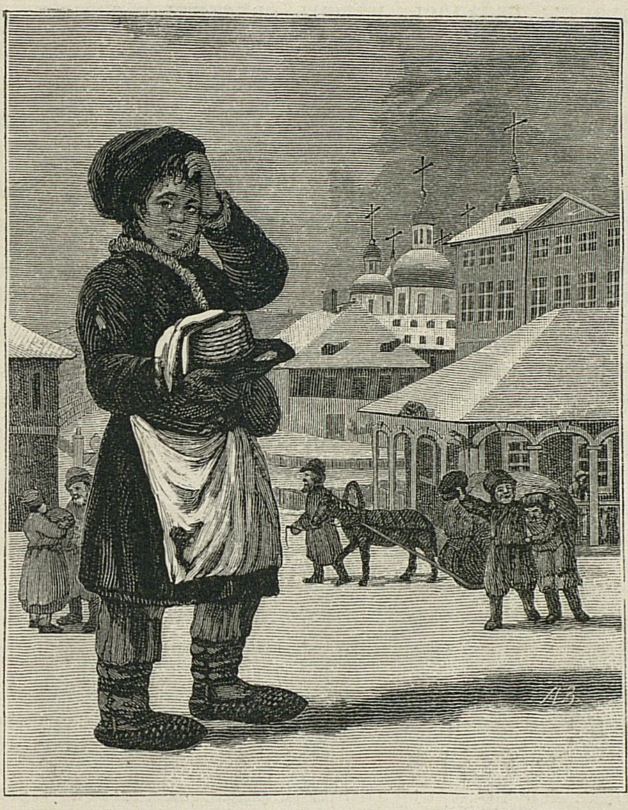
„На площади противъ дворца — другая картина: подъ небомъ, почти чернымъ, темная вода вертѣлась какъ въ огромномъ водоворотѣ; по воздуху, высоко и быстро крутясь, носились широкіе листы желѣза, сорванные съ крыши новаго строенія главнаго штаба; буря играла ими какъ пухомъ; два длинные деревянные тротуара, поперегъ между заборовъ недоконченнаго зданія, сдѣлали плотину, на которую волны упирали съ ревомъ и, достигнувъ высоты ея, полились въ Малую Милліонную; въ Большую Милліонную, черезъ узкій переулокъ, выходящій на Неву, вдвинуло водою огромную барку, перегородившую улицу. Люди, застигнутые водою, лѣзли въ окна, на фонари, цѣплялись за карнизы и балконы домовъ, прятались на вершинахъ деревъ, посаженныхъ вокругъ бульвара, садились на имперіалы каретъ. На Невѣ плыли товары въ тюкахъ, у 1-го кадетскаго корпуса стояли барки, возлѣ зданія 12 коллегій (нынѣшній университетъ) тоже двѣ барки съ сѣномъ.

„По линіямъ Васильевскаго острова всюду были разметаны барки съ дровами и угольями; къ балкону одного дома пристали два большихъ транспортныхъ судна, два такихъ внесло въ узкій переулокъ, часть разбитаго сельдянаго буяна занесена была бурею на Петербургскую сторону.

„У Троицкой церкви стояло нѣсколько барокъ съ огромнымъ грузомъ. По улицамъ Адмиралтейской части плавали могильные кресты, занесенные съ кладбища“, и т. д.

Еще одинъ очевидецъ этого несчастія Самуилъ Аллеръ (см. его книгу: Описаніе наводненія 1824), говоритъ, что улица передъ Лѣтнимъ садомъ, да и самый садъ, завалены были дровами и бревнами, деревянными крестами съ могилъ, и подлѣ сада на возвышеніе набережной взошли два плашкоута Троицкаго моста, а между ними барка и желѣзная рѣшетка, приготовленная у Суворовской площади для новаго черезъ Неву моста.

Всѣ берега Невы были завалены судами, будками и разнымъ хламомъ. Особенно былъ загроможденъ проспектъ 9-й линіи, гдѣ со всѣхъ сторонъ подъ грудами развалинъ были видны трупы людей и домашняго скота; также множество животныхъ лежали полумертвыми отъ усталости послѣ борьбы съ водою и т. д.



Уличный продавецъ блиновъ въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.

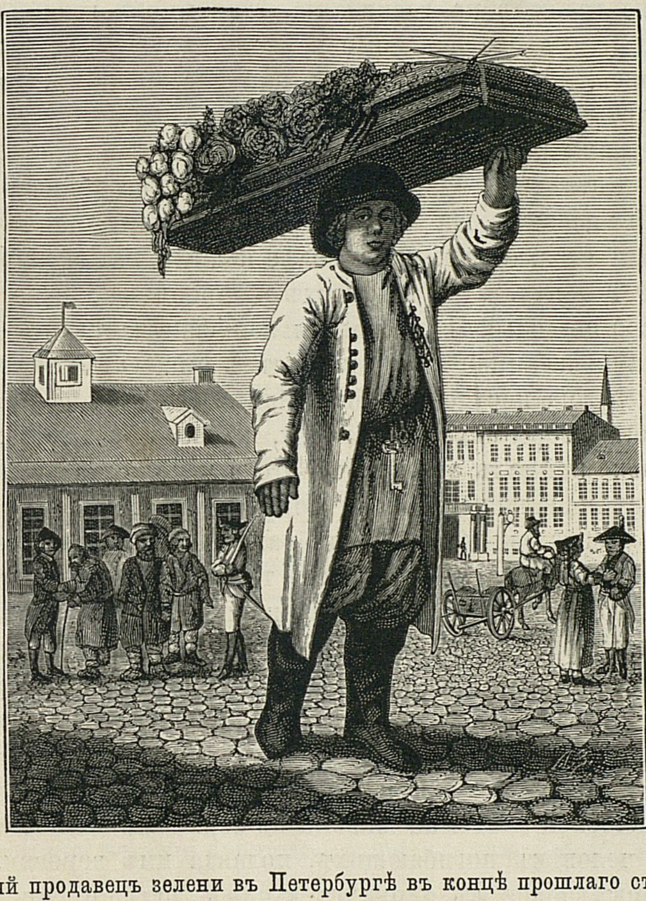
Съ гравюры того времени Шенберга.

Много разсказовъ про это наводненіе находимъ въ письмахъ Ив. Ив. Мартынова, извѣстнаго профессора и журналиста карамзинской эпохи. Наводненіе 1824 года совершенно раззорило почтеннаго ученаго и въ конецъ лишило его всего движимаго и недвижимаго имущества. Вотъ нѣсколько эпизодовъ, записанныхъ имъ: по словамъ Мартынова, вода на Васильевскомъ островѣ стала прибывать въ 8 часовъ утра; въ это время она разливалась по 11-й линіи, у стѣнъ его дома; черезъ часъ ученый уже плакалъ, видя, какъ вся его библіотека, которую онъ собиралъ болѣе тридцати лѣтъ, составленная, большею частью, изъ рѣдкихъ и дорогихъ книгъ, преспокойно уплывала изъ разбитаго на улицу окна. „Прошло за три часа,—продолжаетъ онъ,—но вода все прибываетъ; казалось, вѣтеръ свиститъ и свирѣпствуетъ еще сильнѣе; волны на очищенныхъ ими отъ заборовъ и всякаго лѣсу огородахъ вздымаются, какъ на морѣ; брызги воды отрываются отъ валовъ, сердитыхъ и бѣлыхъ, и часто пошатывается нашъ мезонинъ, и сердце замираетъ. Безъ сомнѣнія, сорвало бы и нашъ мезонинъ и насъ унесло бы, если бы съ той стороны, откуда дулъ вѣтеръ, не было довольно высокаго сарая. Вдругъ затрещали въ залѣ и въ другихъ комнатахъ стекла, и вотъ мимо моего дома несетъ сорванный парникъ, сарай, хлѣвъ или домикъ, съ живыми или съ мертвыми, придавленными людьми или животными; тамъ плывутъ на бревнахъ; влѣзаютъ на попадающіяся на дорогѣ деревья“... При этомъ Мартыновъ разсказываетъ, какъ одинъ работникъ, сидя верхомъ на лошади и держась за ея уши, горько обливался слезами и прямо приплылъ къ нимъ верхомъ. „Себя-то мнѣ не жаль,—говорилъ онъ, когда ввели его на верхъ:—а что подумаетъ хозяинъ, коли лошадь не сбережена“.

Вода, по свидѣтельству Мартынова, была около его дома выше сажени. Прислуга его, жившая во флигелѣ, разломала потолокъ и вылѣзла на чердакъ, потому что вода была до самаго потолка и пробиралась уже на чердакъ... Одна женщина, лишась пріюта, бѣжитъ по водѣ, выбирая для этого высокія мѣста, съ малолѣтнею дочерью, но вода быстро прибываетъ... мать уже не находитъ возможности къ спасенію жизни дочери, о своей уже не думаетъ, вдругъ видитъ позади себя солдата, плывущаго на бревнѣ, и бросаетъ къ нему черезъ голову свое дѣтище. Солдатъ подхватываетъ дитя, а бѣдная мать на его глазахъ погружается въ воду и утопаетъ.

Сосѣдъ Мартынова спасся съ своей женою на большой двери, сорванной бурею; трепещущій мужъ держалъ въ рукахъ курицу, а жена собачку. Они, какъ послѣ сами разсказывали, прощались другъ съ другомъ и приготовлялись къ смерти. Невеселыя картины видѣлъ Мартыновъ изъ своего домика. Здѣсь человѣкъ спасаетъ свою жизнь, плывя въ чанѣ, тамъ—ухватясь за гвоздь плывущаго домика, на разрушенной крышѣ котораго сидитъ кошка или собака; оторванная дверь служила подпорою головѣ лошади и т. д.

Даже такіе забавные эпизоды, какъ сигъ, заплывшій въ подвалъ императорской публичной библіотеки, не могутъ потѣшить при общемъ бѣдствіи. Въ переполохѣ одинъ армянскій священникъ на армянскомъ кладбищѣ привязалъ себя въ церкви къ стѣнѣ веревкою, дабы, въ случаѣ, если онъ потонетъ, то, по крайней мѣрѣ, не унесло бы его трупа безъ вѣсти, такъ какъ это и случилось дѣйствительно съ другими.



Уличный продавецъ зелени въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Съ гравюры того времени Шенберга.

Къ одному англичанину принесло водою гробъ, вырытый изъ земли, его пріятеля, котораго онъ похоронилъ за два дня до наводненія. Отъ полиціи была повѣстка съ объявленіемъ, кто изъ обывателей нашелъ гробъ съ непогребеннымъ покойникомъ, унесенный со Смоленскаго кладбища, и кто представитъ его, тому дано будетъ 500 рублей. Къ одному владѣльцу дома на Выборгской сторонѣ принесло водою въ пустомъ сахарномъ ящикѣ груднаго младенца; утромъ послѣ наводненія онъ слышитъ дѣтскій крикъ, идутъ къ мѣсту, гдѣ слышенъ крикъ, и находятъ ребенка, онъ улыбается; нашедшій принимаетъ его къ себѣ на воспитаніе. Мартыновъ говоритъ, что на другой день наводненія иные плакали, другіе радовались, одни раззорились, другіе пользовались ихъ раззореніемъ. Такъ, послѣ воды, Мартынову попадались солдаты, мужики и женщины съ полными ведрами какой-то жидкости. — Что это? — спросилъ онъ. — Патока, — отвѣчали. — Откуда? — А вотъ на биржѣ размыло сахарный песокъ. На биржѣ убыло сахару до 300,000 пудовъ, соли столько же, вина болѣе нежели на 1/2 милліона рублей, 900,000 пуд. муки и другихъ товаровъ на многіе милліоны. Ужъ какое раздолье! И дѣйствительно, — замѣчаетъ онъ, — я посмотрѣлъ на показанное мѣсто и увидѣлъ множество людей, съ ведрами и другою посудою, собирающихъ патоку у забора, гдѣ навалены были горы сахарнаго песку, и весело болтающихъ о томъ, кто сколько поймалъ утопшихъ. Этого мало, едва успѣла войдти вода, какъ начались грабежи. Мартыновъ въ первое же утро засталъ у себя одного такого добраго молодца, съ дубинкою, собиравшаго что ему угодно. — Что ты дѣлаешь? — спросилъ онъ его съ негодованіемъ. — Ищу вчерашняго дня! — мрачно отвѣчалъ онъ, укладывая чужое добро въ свой большой мѣшокъ.

Были, впрочемъ, и такіе добрые люди, которые на чужомъ несчастіи не созидали своего, но съ опасностію для своей жизни спасали другихъ. Такъ одинъ мужичекъ впродолженіе нѣсколькихъ часовъ спасъ четырнадцать душъ; затѣмъ Соколовъ, секретарь Россійской академіи, жившій въ верхнемъ этажѣ, спасъ пятнадцать человѣкъ погибающихъ, подавая имъ веревки.

Содержавшіеся въ исправительномъ домѣ преступники, во время наводненія, были выпущены на свободу, но не всѣ захотѣли ею воспользоваться и съ самоотверженіемъ бросились спасать утопавшихъ въ сосѣднемъ домѣ старыхъ бѣдныхъ женщинъ и по поясъ въ водѣ выносили ихъ.

Генералъ Бенкендорфъ самъ перешелъ черезъ набережную, гдѣ вода доходила ему до плечъ, сѣлъ не безъ труда въ катеръ, которымъ командовалъ мичманъ гвардейскаго экипажа Бѣляевъ, и при опаснѣйшемъ плаваніи, продолжавшемся до 3-хъ часовъ ночи, успѣлъ спасти множество людей. Полковникъ Германъ, получивъ высочайшее приказаніе отправиться въ Коломну, въ казармы гвардейскаго экипажа, для разсылки судовъ на помощь погибающимъ, поѣхалъ изъ дворца въ курьерской телѣжкѣ, но долженъ былъ бросить ее на дорогѣ и сѣсть верхомъ на лошадь, которую вскорѣ перемѣнилъ, и наконецъ съ величайшимъ трудомъ и опасностью доѣхалъ въ лодкѣ до казармъ и исполнилъ возложенное на него порученіе. Въ шесть часовъ вечера онъ возвратился во дворецъ пѣшкомъ, по поясъ въ водѣ, поддерживаемый отправленнымъ съ нимъ матросомъ. Мичманъ Миллеръ спасъ 12 человѣкъ, ѣздя отъ Галерной улицы къ Исаакіевскому мосту и по Невѣ, принимая погибающихъ къ себѣ на катеръ. Капитанъ Скрыдловъ, на небольшомъ суднѣ, спасъ сто человѣкъ. Государь наградилъ Бенкендорфа бриллiантовой табакеркой. Германъ получилъ св. Анну 2-й степени, Миллеръ и Бѣляевъ—св. Владиміра 4-й степени. Часовой л.-гв. Преображенскаго полка Михаилъ Петровъ не оставлялъ во время наводненія своего поста у Лѣтняго сада, пока не приказалъ ему того ефрейторъ Ѳома Малышевъ, подвергавшійся самъ опасности для спасенія его, потому что долженъ былъ брести къ нему по поясъ въ водѣ и бороться съ яростью валовъ, покрывавшихъ тогда набережную.

Другой гвардейскій солдатъ, посланный съ заставы съ донесеніемъ, проходя Сѣнную, слышитъ плачъ ребенка, плавающаго на столѣ въ нижнемъ этажѣ. Служитель останавливается, борется нѣсколько времени съ обязанностью службы и съ состраданіемъ, но послѣднее чувство беретъ верхъ, онъ, перекрестясь, кидается въ воду и спасаетъ ребенка. Между тѣмъ, вода прибываетъ; онъ, не колеблясь, кидаетъ свой киверъ, сажаетъ ребенка на голову и такимъ образомъ выноситъ его изъ опасности.

Состраданіе къ утопающимъ во время наводненія въ Петербургѣ особенно ярко высказывалось между простолюдинами. Такъ крестьянинъ Иванъ Сысинъ видитъ, что въ квартирѣ Степана Морейскаго вода была вышиною болѣе двухъ аршинъ и что тамъ погибаютъ четыре женщины и въ числѣ послѣднихъ старуха 90 лѣтъ; онъ верхомъ на лошади подъѣзжаетъ къ дому, выбиваетъ стекла въ окнахъ и спасаетъ погибающихъ.

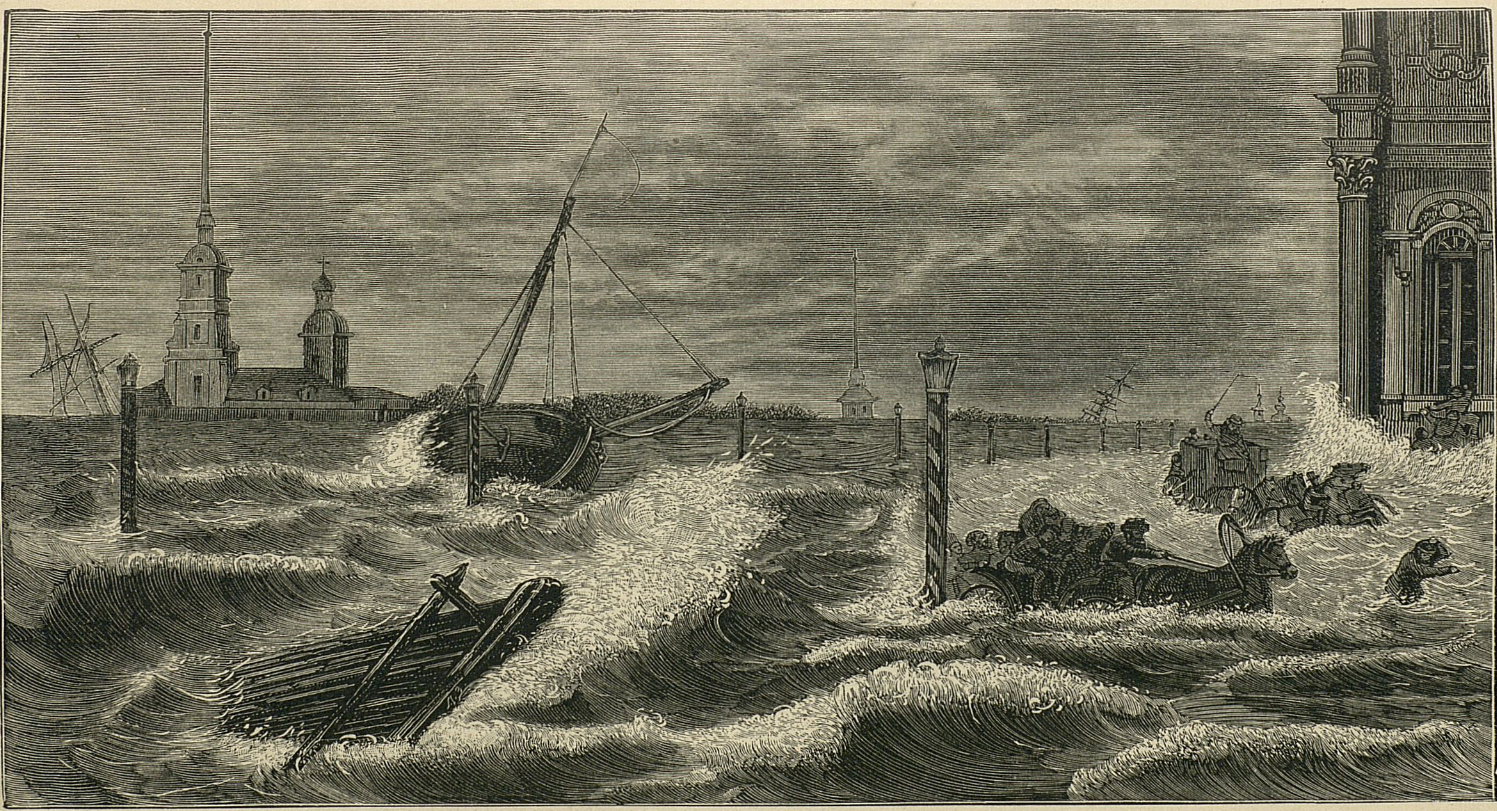
Шкиперъ шкуны, принадлежавшей купцу Бруну, подавалъ помощь весь день утопающимъ и спасъ 23 человѣка. Аудиторъ Климовъ спасъ отъ потопленія 12 человѣкъ. Плотники казеннаго Чугуннаго завода, бывшіе въ одномъ домѣ на Петергофской дорогѣ, пообѣдавъ, легли отдыхать; двое изъ четырнадцати человѣкъ пошли спать на чердакъ. Когда вода стала прибывать, двѣнадцать товарищей стали кричать; крики, къ счастью, разбудили двухъ спавшихъ на чердакѣ, которые тотчасъ принялись за топоры, и, прорубивъ отверстіе въ потолкѣ, вытащили ихъ на чердакъ одного за другимъ, и потомъ всѣ спаслись на крышѣ.

Купецъ Ларіоновъ, жившій въ Чекушахъ, видя близкую гибель своего жилища, сколотилъ наскоро изъ бревенъ и досокъ плотъ, на который и перебрался съ женою и двумя малолѣтними дѣтьми. Плотъ этотъ понесло бурею прямо къ дому брата его, но вдругъ порывомъ вѣтра онъ неожиданно раздѣляется, и на одной половинѣ остались дѣти, которыхъ и понесло черезъ Неву къ заводу Берда; здѣсь ихъ спасаютъ заводскіе рабочіе, а другую половину плота принимаетъ братъ Ларіонова.

Къ происшествіямъ, заслуживающимъ особеннаго вниманія, нельзя не отнести и слѣдующаго случая. Бѣдная вдова, жившая въ Гавани въ низенькомъ домикѣ, при наступленіи воды должна была со всѣми дѣтьми взлѣзть на крышу, но, къ ея ужасу, вскорѣ она увидѣла большое судно, съ быстротою несшееся прямо на ихъ домъ. Вдова, видя неминуемую смерть, уже отчаявалась быть живой, какъ вдругъ на ихъ счастье судно засѣло вблизи отъ нихъ между большими деревьями и стало для нихъ такъ удачно, что защитило ихъ не только отъ волнъ и наноса другихъ судовъ, но даже отъ вѣтра.

Другой чиновникъ, жившій въ той же Гавани, былъ вынужденъ во время наводненія со всѣмъ своимъ семействомъ перебраться на чердакъ, куда успѣлъ также втащить и необходимыя вещи. Вода, впрочемъ, все прибывала и уже касалась потолка. Несчастные стали помышлять перебраться на крышу, какъ вдругъ увидѣли несшееся на нихъ судно; ужасъ объялъ ихъ, и они уже ждали гибели, но судно набѣгаетъ на домъ и къ общей радости срываетъ только крышу съ потолкомъ...

Въ той же мѣстности, бѣдный чиновникъ, отправляясь на службу, оставилъ больную жену съ большимъ семействомъ въ убогой лачужкѣ, приказавъ для плотниковъ, которые придутъ для поправки крыши, поставить въ печь большой котелъ съ картофелемъ. Печь еще не истопилась, какъ вода наполнила хижину; все семейство успѣло перебраться на печь, бѣдная мать ежеминутно видѣла съ ужасомъ, какъ вода все болѣе и болѣе прибывала и готовила ей съ дѣтьми неизбѣжную смерть. Дѣти стали просить ѣсть, мать вспомнила про картофель и съ тру-



Наводненіе въ Петербургѣ въ 1824 году, на Дворцовой площади.

Съ рисунка того времени.

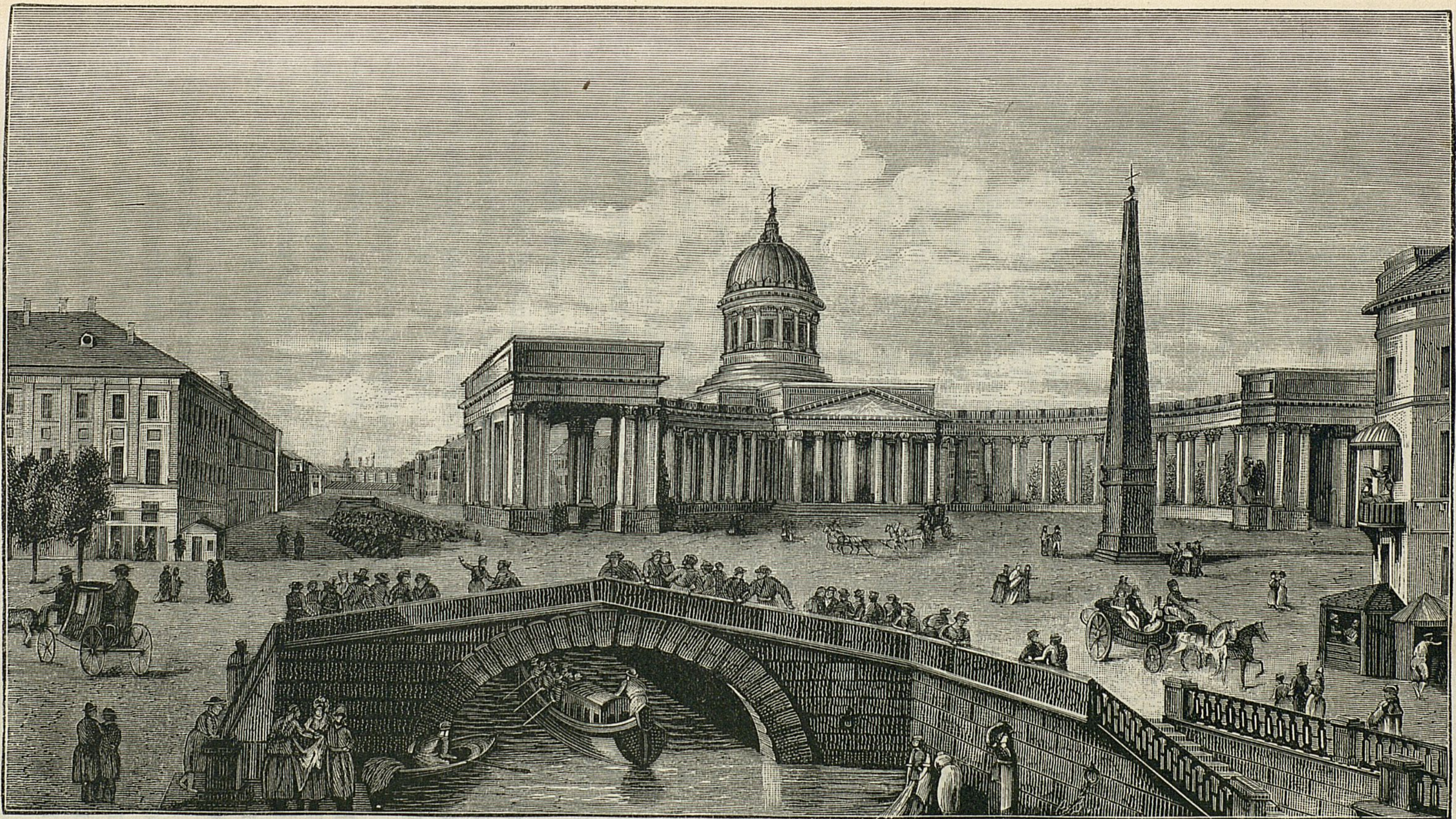
домъ достала его изъ печки. Утоливъ голодъ, дѣти уснули. Къ счастью, вода не дошла на полвершка до того мѣста, гдѣ они сидѣли, и скоро сбыла. Настало уже утро, но никто не приходилъ освободить ихъ, тщетно они кричали и просили помощи. Наконецъ, на третій день крики ихъ услышали, и они были спасены отцемъ, который уже отчаявался ихъ найдти въ живыхъ, такъ какъ вся та мѣстность была завалена хламомъ и развалинами домовъ, такъ что не видно было и слѣдовъ домика, и только черезъ двое сутокъ онъ могъ до него добраться. Дѣти и жена его все время заточенія питались картофелемъ.

Жена одного солдата пошла за покупками въ рынокъ и заперла комнату, оставивъ тамъ двухъ малютокъ своихъ. По дорогѣ она была застигнута водою и принуждена искать спасенія въ чужомъ домѣ. Съ разсвѣтомъ, на другое утро, спѣшитъ она домой, и съ горестью думаетъ, что не найдетъ въ живыхъ своихъ дѣтей. Но, отворяя двери, къ величайшей радости и счастью, она находитъ своихъ малютокъ, спящихъ на столѣ посрединѣ комнаты. Приходъ матери разбудилъ дѣтей, которыя ей разсказывали: „Мама, мы играли въ комнатѣ, и какъ вода стала входить сюда, то мы вскочили на стулъ, а потомъ на столъ. Насъ очень забавляло, какъ столъ началъ плавать по комнатѣ, а когда онъ сталъ подыматься, то мы не могли устоять на немъ, а легли и проспали, покуда ты не пришла къ намъ“.

Въ одной изъ частей, болѣе другихъ потерпѣвшей отъ наводненія, жили три сестры, снискивавшія себѣ пропитаніе рукодѣльемъ. Двѣ изъ этихъ сестеръ долго трудились, отказывая себѣ часто въ необходимомъ для того, чтобъ отложить что нибудь для своей младшей сестры на приданое. Такимъ образомъ онѣ сберегли и накопили въ небольшомъ сундукѣ нѣсколько нужныхъ вещей изъ бѣлья и деньгами до 2,000 рублей. Неожиданное бѣдствіе умчало и разрушило все ими накопленное богатство. Полуразвалившаяся ихъ свѣтелка, кое-какъ державшаяся на нѣсколькихъ бревнахъ, была прибита волнами къ берегу, гдѣ подъ разнымъ хламомъ былъ найденъ сундучекъ, по раскрытіи котораго увидѣли чистое бѣлье, платье и деньги, бережно завернутыя въ узелокъ, но кому принадлежалъ сундучекъ, не было признака; въ вещахъ, впрочемъ, еще было найдено евангеліе, на бѣломъ листѣ котораго видна была отмѣтка, что оно подарено такой-то. И вотъ, эта-то надпись и дала возможность полиціи отыскать владѣлицъ сундучка и возвратить его имъ въ цѣлости.

Разсказамъ послѣ наводненія не было конца. П. А. Каратыгинъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о скрягѣ Копѣйкинѣ, проживавшемъ на Каменноостровскомъ проспектѣ (домъ Копѣйкина стоялъ на площади, гдѣ теперь Большой проспектъ), что онъ во время наводненія сидѣлъ у себя на заборѣ съ багромъ въ рукахъ и, пользуясь даровщинкой, ловилъ приплывающія къ нему дрова; иные несчастные, застигнутые водою на улицѣ, искали спасенія и карабкались на его заборъ, и онъ не только не подавалъ имъ помощи, но съ жестокостью спихивалъ ихъ багромъ въ воду. Этотъ отвратительный скаредъ не остался, однако, безъ наказанія: по приговору суда, онъ былъ посаженъ въ тюрьму и лишенъ добраго имени.

Точно такою же безсердечностью отличался еще житель Выборгской стороны, купецъ Семилоровъ. Тотъ же Каратыгинъ разсказываетъ, что онъ утромъ на слѣдующій день пошелъ по улицамъ Петербурга—многіе заборы были повалены, съ домовъ снесены крыши, на площадяхъ были барки, гальоты, катера, улицы загромождены бревнами, дровами и разнымъ хламомъ; на дворѣ стоялъ сильный морозъ, что̀, конечно, увеличивало бѣдствіе обитателей нижнихъ этажей; сырыя стѣны обледенѣли, печки разрушились, и бѣдные страдальцы дрожали отъ холода. Правительство приняло тогда самыя энергическія мѣры для облегченія участи этихъ несчастныхъ, въ каждой части города были устроены комитеты, въ члены которыхъ были избраны слѣдующія особы: графъ Кутайсовъ, Хитрово, Уваровъ, Болгарскій, Кушелевъ, князь Куракинъ и Энгель. Для пособія пострадавшимъ развозили по улицамъ хлѣбъ и теплую одежду, учреждены временные пріюты въ больницахъ и частныхъ домахъ. Государь пожаловалъ милліонъ рублей для раздачи бѣднымъ безвозвратно, примѣру его послѣдовали и многія частныя лица; всего собрано было въ пользу пострадавшихъ 4.066,486 р. 62 к. сер., розданы эти деньги 53,529 бѣднякамъ. По словамъ другихъ очевидцевъ, бѣдствіе было тѣмъ болѣе ужасно, что рабочихъ рукъ, кромѣ домашнихъ, трудно было достать, въ особенности требовались печники, стекольщики, плотники, и ихъ-то ни за какія деньги найдти было нельзя, платили такимъ рабочимъ по 6 рублей въ день; также и необходимый матеріалъ для работъ былъ въ недостаткѣ: стекло перебито, глина размыта, кирпичъ засырѣлъ, доски на лѣсныхъ дворахъ были, большею частью, унесены Невою въ море. Даже очень богатые люди чувствовали недостатокъ, бѣлый хлѣбъ въ Петербургѣ появился только на четвертый день, также и дру-



Видъ Казанскаго собора.

Съ гравюры Дорміэ, начала нынѣшняго столѣтія.

гая необходимая провизія, какъ, напримѣръ, картофель, огурцы и капуста. Приготовленные же припасы на зиму въ домахъ всѣ были перемѣшаны со всякой вонючей нечистотой и съ подземной дохлой гадиной.

В. А. Каратыгинъ, который во время наводненія былъ съ товарищами на репетиціи, разсказывалъ, что, между прочимъ, ихъ забавляла въ театрѣ возня подпольныхъ крысъ и мышей, которыя подняли пронзительный пискъ, прыгая по кресламъ, лазали на стѣны и искали спасенія въ верхнихъ ложахъ [61]). Наводненіе, какъ ватерпасъ, ясно обозначило низменную и возвышенную мѣстности Петербурга. Такъ, напримѣръ, на Невскомъ проспектѣ вода выступила не болѣе полуаршина, за Аничковымъ мостомъ количество воды было весьма незначительно, за Троицкимъ переулкомъ ея уже почти не было, на Пескахъ и на Охтѣ никто и не подозрѣвалъ этого бѣдствія. Зато на Петербургской и мѣстами на Выборгской сторонѣ она возвысилась болѣе сажени, а въ Галерной гавани доходила до крышъ домовъ. Особенно сильно бушевала вода на Смоленскомъ полѣ и кладбищѣ, представляя картину полнаго разрушенія.

Вода хлынула на кладбище со страшною силою, всѣ кладбищенскіе заборы были свалены, мосты и мостки уничтожены; кресты съ могилъ унесены на Выборгскую сторону, гдѣ въ морскомъ госпиталѣ всю зиму ими топили печи; также земляныя насыпи на могилахъ смыты, каменья и металлическія надгробныя плиты сдвинуты съ мѣста и занесены землею.

Деревянная церковь была размыта, въ большой каменной вода влилась въ подвалъ и уничтожила хранившіеся тамъ церковные документы. Вода затопила и богадѣльню; три старушки думали спастись на печкѣ и потонули, другія убѣжали на чердакъ и тамъ спаслись.

11 ноября, императоръ Александръ I, осматривая слѣды разрушенія на Смоленскомъ кладбищѣ, вошелъ въ церковь, въ которой, во всю ширину установленной гробами, служили вечерню. Государь приложился къ образу и вышелъ на паперть, утѣшалъ пострадавшихъ отъ наводненія богадѣленокъ и приказалъ снабдить ихъ теплою одеждою [62]).

На Смоленскомъ кладбищѣ также и многія свѣжія могилы были размыты водою и множество гробовъ всплыло. Разсказывали, какъ передаетъ П. А. Каратыгинъ, что одна молодая вдова, проживавшая въ одной изъ линій Васильевскаго острова, наканунѣ похоронила на Смоленскомъ своего стараго супруга, надъ прахомъ котораго не расположена была долго плакать и терзаться, потому что покойный сожитель мучилъ ее своею ревностью. Проводивъ его на мѣсто вѣчнаго успокоенія, она также думала найдти, наконецъ, душевное спокойствіе, но каковъ же былъ ея ужасъ, когда вечеромъ роковаго дня она увидѣла гробъ своего сожителя у самаго крыльца ея дома! Нечего дѣлать, пришлось бѣдной вдовушкѣ вторично хоронить своего неугомоннаго супруга.

Послѣ наводненія, весь утонувшій скотъ въ Петербургѣ былъ отвезенъ на Смоленское поле, гдѣ и курилась огромнѣйшая жертва Посейдону-истребителю; всего скота: свиней, лошадей, коровъ, быковъ, въ Петербургѣ погибло 3,600 головъ. Между четвертою и пятою линіями на Васильевскомъ островѣ затонуло цѣлое большое стадо черкасскихъ быковъ.

Извѣстный піита того времени, графъ Хвостовъ, почтилъ четвероногихъ утопленниковъ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

> ...„Свирѣпствовалъ Борей,
> И сколько въ этотъ день погибло лошадей!..
> И представлялась страшная картина, какъ:
> ...По стогнамъ валялось много кравъ,
> Кои лежали тамъ, ноги кверху вздравъ“...

Императоръ Александръ Павловичъ изыскивалъ всѣ способы, чтобы облегчить и утѣшить несчастныхъ, пострадавшихъ отъ этой страшной катастрофы. Мартыновъ пишетъ, что онъ видѣлъ на Чугунномъ заводѣ ужасы опустошенія, которые превосходили ужасы Галерной гавани; здѣсь государь открывалъ трупы семействъ, потонувшихъ на этомъ заводѣ: „какими потоками слезъ орошалъ ангелъ нашъ, при воплѣ и рыданіи окружавшихъ его несчастливцевъ, пережившихъ наводненіе, какъ онъ утѣшалъ ихъ, самъ неутѣшный“. Мартыновъ разсказываетъ [63]), что это зрѣлище было тѣмъ трогательнѣе, что трупы не походили на обыкновенныхъ утопленниковъ, и были какъ живые; особенно на щекахъ дѣтей, казалось, игралъ еще румянецъ.

Объѣзжая наиболѣе пострадавшія прибрежныя мѣста, на Петергофской дорогѣ, Александръ I посѣтилъ одно селеніе, которое было совершенно уничтожено наводненіемъ. Раззоренные крестьяне собрались вокругъ императора и горько плакали. Вызвавъ изъ среды ихъ старичка, государь велѣлъ ему разсказывать, кто и что потерялъ? Старикъ началъ по-своему: „Все, батюшка царь, все погибло! вотъ у афтово домишко весь унесло и съ рухлядью, и съ животомъ, а у афтово двухъ коней, четырехъ коровъ затопило, у афтово“ и т. д. „Хорошо,—сказалъ императоръ:—

это все у Афтова, а у другихъ что погибло?“ Тогда объяснили государю, что старикъ употреблялъ афтово вмѣсто этого. Посмѣясь своей ошибкѣ, государь приказалъ выстроить на высокой насыпи нынѣшнюю красивую деревню и назвать ее „Афтово“.

Тысячи семействъ пострадавшихъ отъ наводненія тотчасъ же получили помощь; домъ военнаго губернатора былъ немедленно открытъ и обращенъ въ пріютъ несчастнымъ, лишившимся крова; одного хлѣба въ первый же день было роздано на 3,500 руб. Каждый день сюда приходило до 500 человѣкъ и жило болѣе 250 ч. Раззореннымъ наводненіемъ также щедро выдавались и денежныя пособія. По поводу щедрой выдачи денегъ разсказываютъ слѣдующій забавный случай. Одна дама является къ графу Милорадовичу, вся въ слезахъ.—Вѣрно вы не получили вспоможенія?—спрашиваетъ ее военный губернаторъ.—Нѣтъ! на насъ Богъ прогнѣвался,—отвѣчаетъ рыдающая дама:—у всѣхъ вода была, а у насъ ея не было; всѣ получили вознагражденіе, а мы не имѣли этого счастія!..

Мартыновъ въ своихъ письмахъ говоритъ: „Чрезвычайно замѣчательно то обстоятельство, что нашлись люди, которые напередъ предчувствовали общее бѣдствіе—одни съ помощью инстинкта, другіе съ помощью примѣтъ, третьи при пособіи наукъ. Аптекарь Имсенъ за два дня до наводненія перебрался изъ нижняго этажа въ верхній. Пріятель спрашивалъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, и сталъ надъ нимъ подшучивать.—„Я буду смѣяться, когда вы будете плакать“,—услышали отъ него въ отвѣтъ. Тогдашній физикъ и механикъ Роспини за нѣсколько дней до наводненія увидѣлъ, что барометръ его упалъ такъ низко, какъ онъ никогда не слыхалъ. Это обстоятельство его такъ встревожило, что онъ чуть не помѣшался въ умѣ“.

Одна дама передавала Мартынову, что въ августѣ 1824 года, гуляя на Петровскомъ островѣ, она замѣтила, что муравьи необыкновенно высоко сдѣлали свои запасные магазины, именно на верхней перекладинѣ воротъ.—Что это значитъ?—спросила она прогуливавшагося съ нею стараго начальника брандвахты Лебедева.—Это весьма дурно, сударыня,—отвѣчалъ старикъ:—въ тотъ годъ, когда быть наводненію, муравьи всегда дѣлаютъ гнѣзда свои на мѣстахъ возвышенныхъ. Въ нынѣшнемъ году быть большой водѣ; совѣтую вамъ поселиться какъ можно выше.

Въ одномъ домѣ, кошка, окотившаяся за нѣсколько дней до наводненія, перенесла своихъ котятъ наканунѣ наводненія на ту ступеньку лѣстницы, до которой вода не возвысилась.

Приводимъ главныя отмѣтки высоты воды: на Елагиномъ островѣ отъ 7 до 10 футовъ; на Каменномъ островѣ — отъ 6 до 9 футовъ; на Крестовскомъ — отъ 3 до 8 футовъ; на Аптекарскомъ — 6 и 7,6 футовъ; на Петербургской сторонѣ, у лазарета Гренадерскаго полка — 7 футовъ; у встрѣчи Большаго проспекта и Каменноостровскаго — 7,6; у втораго кадетскаго корпуса — 5,3; на Васильевскомъ островѣ, у больницы Маріи Магдалины — 7 ф.; въ Галерной — 10,8 ф.; у биржи, въ скверѣ — 6,5 ф.; у академіи художествъ — 5,4; на лѣвой сторонѣ Невы, у Адмиралтейства — 5 ф.; на Невскомъ, противъ Казанскаго собора — 4,1; у Большаго театра — 5 ф.; на набережной Фонтанки, при началѣ, у училища Правовѣдѣнія на 5 ф.; у Чернышева моста на 6 ф.; на Садовой улицѣ и Сѣнной площади — 5,3 ф.; у станціи царскосельской желѣзной дороги — 5,4; въ концѣ Обводнаго канала и Эстляндской улицы — 6,3 ф.

По плану Петербурга, хранящемуся въ правленіи перваго округа, съ отмѣтками высоты поднявшейся воды и очертаніемъ, гдѣ была граница наводненія, черта послѣдняго, начиная съ сѣверо-востока, проходила слѣдующимъ образомъ: на Выборгской сторонѣ, вдоль Большаго Сампсоньевскаго проспекта, еще переходя нѣсколько чрезъ него; потомъ, огибая медико-хирургическую академію, по Ломаному пер. и Нижегородской улицѣ, черта проходитъ по нынѣшней Самарской улицѣ, приближаясь къ Невѣ, потомъ продолжается вдоль Симбирской улицы и нѣсколько выше Новаго арсенала сливается съ берегомъ Невы; къ сѣверу черта пересѣкала Сердобольскую улицу на половинѣ, такъ что на Ланскомъ шоссе спасался отъ воды скотъ. На лѣвой сторонѣ Невы черта наводненія отдѣлялась отъ Невы у самаго перевоза, у Смольнаго монастыря; далѣе черта идетъ прямо внизъ по Невѣ, между нею и Воскресенскою набережною, и у Литейнаго пр. отходитъ отъ Невы по Гагаринской улицѣ. Здѣсь площадь наводненія быстро уширилась, и граница шла прямо къ выдающемуся углу Фонтанки, гдѣ Екатерининскій институтъ, и далѣе захватывала болѣе половины Семеновскаго плаца, перерѣзывая уголъ, гдѣ отъ Обводнаго канала отдѣляется Введенскій каналъ, позади Егерской церкви. Границею наводненія на лѣвой сторонѣ Невы были: Сергіевская улица, у штаба генералъ-фельдцейхмейстера и Невскій пр., у Аничкова моста, на правой сторонѣ Фонтанки.

Высокія мѣста города, гдѣ воды не было: Охта, Пески, Литейная, Александро-Невская и Московская, отчасти Адмиралтейская, 1-й участокъ. Нѣкоторыя мѣста Александро-Невской и Московской частей возвышаются надъ поверхностью воды болѣе двухъ саженъ. Извѣстно, что почва Петербурга при постройкѣ города постепенно возвышалась; такъ, еще въ Павловское время, во время работъ у Исаакіевской церкви, найдено насыпи 14 футовъ; при рытіи водопроводныхъ трубъ, у Полицейскаго моста, къ дому Росмана, не могли отыскать материка на 9 ф. глубины; у Владимірской церкви найдено насыпи 3$^1/_2$ фута, у Знаменья, какъ и у церкви Рождества, такъ и по всей Ямской, нѣтъ нисколько насыпи (отсюда даже вывезено, со времени существованія Петербурга нѣсколько милліоновъ кубическихъ саженей песку).

Въ 1842 году, считалось, что съ основанія Петербурга, Адмиралтейская часть поднялась на 4$^1/_2$ фута, Литейная и Рождественская—на 7 футовъ, Васильевская—отъ 2 до 4 ф., Петербургская и Выборгская—на 2$^1/_2$ фута.

На Невскомъ пр., противъ Казанскаго собора, въ 1861 году, была открыта бревенчатая дорога на 1$^1/_2$ аршина ниже нынѣшней поверхности улицы.

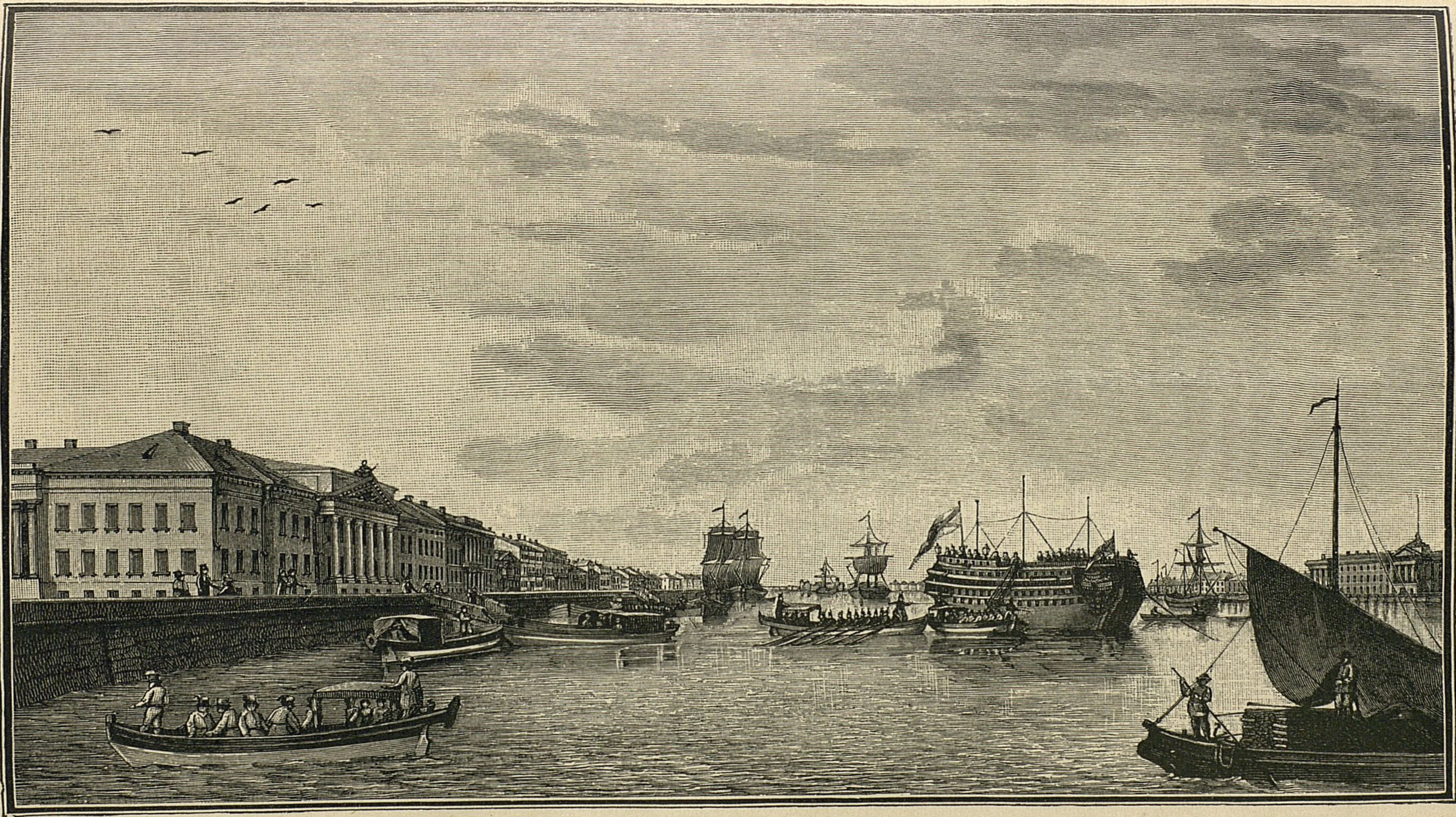
Послѣ наводненія 1824 года гибельной высоты воды въ Петербургѣ уже не было, хотя за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ она и возвышалась нѣсколько разъ. Такъ, 29-го іюня 1827 года, въ 12 часовъ ночи, она поднялась на 4 фута 11 дюймовъ, но вскорѣ, черезъ часъ, начала сбывать. Такое возвышеніе воды въ іюнѣ мѣсяцѣ было необыкновенное.

Обыкновенная эпоха наводненій въ Петербургѣ — вторая половина осени и рѣдко въ первой половинѣ августа.

Въ 1830 году, декабря 15-го, въ 12 час. утра, вода возвысилась до 5-ти футовъ и одного дюйма, не доставало 11-ти дюймовъ, чтобы вода сравнялась съ берегами.

Черезъ три года, 17-го августа, при сильномъ вѣтрѣ, вода сильно пошла на прибыль и достигла уже пяти футовъ, какъ вдругъ вѣтеръ перемѣнился, и вода быстро сбыла.

Затѣмъ возвышеніе воды въ Петербургѣ, принадлежащее къ числу выдающихся по своимъ размѣрамъ и послѣдствіямъ, случилось дважды въ семидесятыхъ годахъ. Во время перваго наводненія она держалась около сутокъ на высотѣ болѣе 3-хъ футовъ противъ ординара, а въ 1879 году вода достигла высшаго предѣла — 6-ти футовъ 8-ми дюймовъ. Въ этотъ день Галерная Гавань была затоплена до 17-й линіи; на Смоленскомъ полѣ бушевали волны, и гаваньскіе чиновники на челнокахъ разъѣз-



Спускъ корабля на Невѣ въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ рисунка прошлаго вѣка Патерсона. (Изъ собраній П. Я. Дашкова).

жали довольно свободно. Большой и Средній проспекты, на протяженіи Смоленскаго поля, представляли одно сплошное водное пространство. Елагинъ, Крестовскій и Каменный острова были потоплены, на Большой Невѣ, противъ Горнаго корпуса, вода тоже выходила изъ береговъ и затопляла часть сложенныхъ товаровъ на берегу.

Несчастій съ людьми въ послѣднее наводненіе не было: въ городѣ были приняты надлежащія мѣры предосторожности, и ежеминутно учащавшаяся пальба съ Петропавловской крѣпости давала знать объ угрожавшей опасности жителямъ подвальныхъ и нижнихъ этажей.

ГЛАВА VII.

Петербургъ въ царствованіе императрицы Елисаветы.—Граница и предмѣстья города.—Аничковская слобода.—Первый мостъ въ Петербургѣ.—Исторія Аничковскаго дворца.—Прежняя церковь въ Аничковскомъ дворцѣ.—А. Г. Разумовскій, первый вельможа временъ Елисаветы.—Малый театръ.—Тайная канцелярія.—Обитатели дворца въ нынѣшнемъ столѣтіи.—Церкви и богослуженія во времена Елисаветы.—Духовенство и прихожане.—Торжественныя богослуженія въ придворной церкви.—Православіе императрицы Елисаветы.—Посты.—Духовное сословіе.—Тѣлесныя наказанія.—Указы о нарушеніи благочинія въ церкви.—Указъ противъ юродивыхъ.—Школы.—Разбойникъ Лихутьевъ.—Грабежи на Фонтанкѣ.—Число сосланныхъ въ Сибирь при Аннѣ Іоанновнѣ.—Облыжные доносы и казни.—Почтеніе императрицы Елисаветы къ духовенству.—Ея духовникъ Θедоръ Дубянской.—Отношеніе къ духовенству императрицы Екатерины II.—„Дрезденша“.—„Потворенныя бабы“.—Похожденіе одной прелестницы стараго времени.

ПЕТЕРБУРГЪ въ царствованіе Елисаветы, по свидѣтельству иностранцевъ, представлялъ однѣ противоположности—изъ великолѣпнаго квартала вы вдругъ переходили въ дикій и сырой лѣсъ; рядомъ съ огромными палатами и роскошными садами стояли развалины, деревянныя избушки или пустыри; но всего поразительнѣе было то, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ эти мѣста нельзя было узнать: вдругъ исчезали цѣлые ряды деревянныхъ домовъ, и вмѣсто ихъ появлялись каменные дома, хотя еще не оконченные, но уже населенные. Съ точностію до этого времени опредѣлить границы города было трудно; существовавшіе планы Елисаветинскаго времени представляли только одни проекты. Границею города считалась Фонтанка, лѣвый берегъ которой представлялъ предмѣстья, отъ взморья до Измайловскаго полка—„Лифляндское", отъ послѣдняго до Невской перспективы — „Московское" и отъ Московскаго до Невы — „Александро-Невское". Васильевскій островъ, по 13 линію, входилъ въ составъ города, а остальная часть, вмѣстѣ съ Петербургскою стороною, по рѣчку Карповку, составляла тоже предмѣстья. Раздѣленіе столицы на девять частей: первую, вторую и третію Адмиралтейскія, Литейную, Рождественскую, Московскую, Каретную, Васильевскую и Выборгскую, было сдѣлано въ 1782 году, устройство же Нарвской части послѣдовало только въ 1810 году.

Въ предмѣстьяхъ опредѣлялось строить дома: на набережной Невы — каменные, не менѣе какъ въ два этажа, а по Фонтанкѣ можно было дѣлать и деревянные, но не иначе какъ на каменномъ фундаментѣ. Весь берегъ Фонтанки былъ занятъ садами и загородными дачами вельможъ того времени.

Первый деревянный мостъ черезъ Фонтанку былъ Аничковъ, сдѣланный въ 1715 году; названіе онъ получилъ отъ примыкавшей къ нему Аничковской слободы, построенной подполковникомъ М. О. Аничковымъ; позднѣе, въ 1726 году, Аничковъ мостъ былъ подъемный, и здѣсь былъ караульный домъ для осмотра паспортовъ у лицъ, въѣзжавшихъ въ столицу.

Аничковъ мостъ перестроивали въ 1742 и 1749 годахъ; тогда его утвердили на сваяхъ, на которыхъ онъ простоялъ тридцать четыре года. Въ царствованіе Екатерины II Аничковъ мостъ былъ уже каменный, въ два свода, изъ дикаго тесаннаго камня; между сводами былъ подъемный мостъ, съ четырьмя каменными башнями, въ три сажени вышины; на мосту находились четыре колонны съ восемью фонарями на желѣзныхъ рукавахъ; начали его строить въ 1783 году и окончили въ 1787 году. Вмѣстѣ съ нимъ было выстроено семь другихъ каменныхъ мостовъ.

Въ нынѣшнемъ видѣ Аничковскій мостъ выведенъ въ 1841 году, и украшенъ колоссальными бронзовыми группами, вылѣпленными и отлитыми барономъ П. Клодтомъ. Открытъ онъ былъ въ день восшествія на престолъ императора Николая.

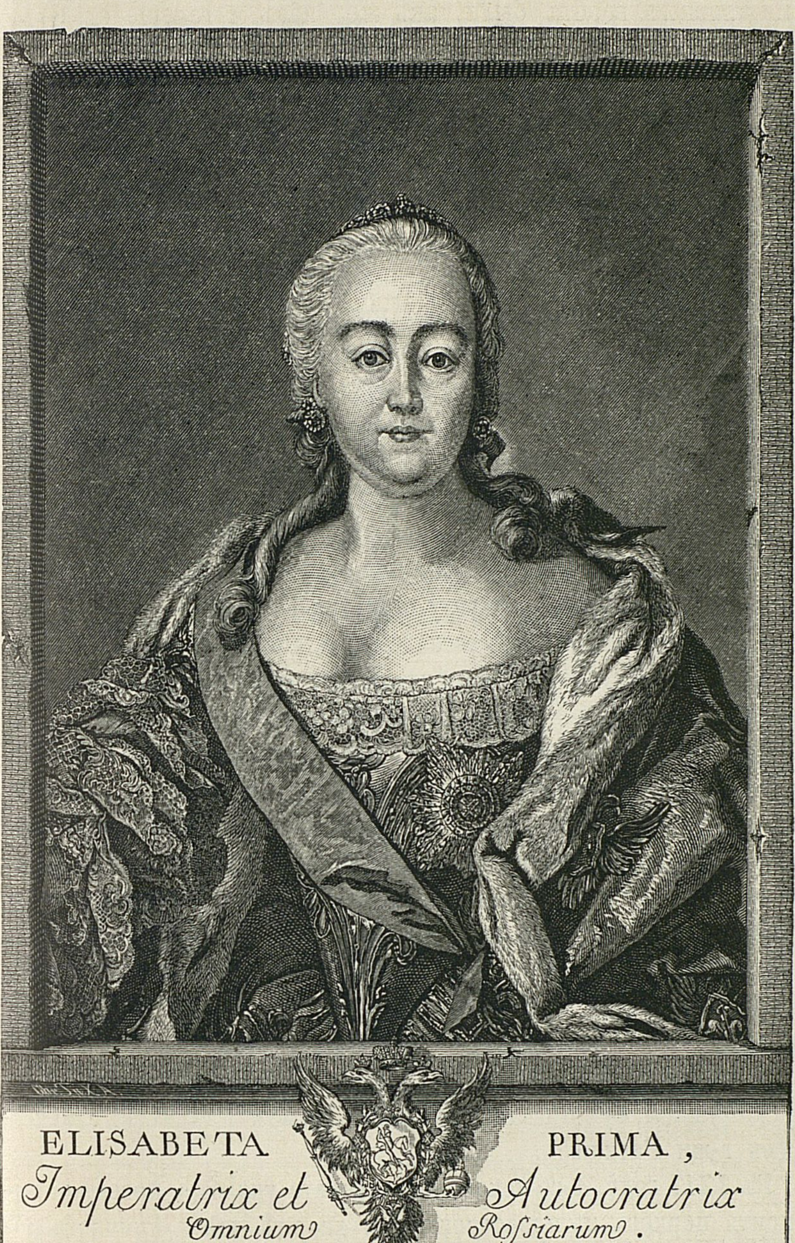
Первый же историческій мостъ въ Петербургѣ былъ „Петровскій" на рѣчкѣ Ждановкѣ, онъ соединялъ Петербургскій островъ съ крѣпостью.

Послѣ него было выстроено еще три моста на Фонтанкѣ, и затѣмъ уже, въ 1739 году, стало вдругъ въ Петербургѣ сорокъ мостовъ; всѣ эти мосты были тогда безъименные.

Гдѣ стоитъ теперь дворецъ великаго князя Сергія Александровича (бывшій домъ кн. Бѣлосельскихъ), въ Елисаветинское время находился домъ кн. Шаховскаго; рядомъ съ нимъ было Троицкое подворье, затѣмъ домъ гофъ-интенданта Кормедона, купленный послѣ Бирономъ, и при Елисаветѣ конфискованный и отданный духовнику императрицы Дубянскому, теперь домъ Зиновьева; напротивъ, на другой сторонѣ Фонтанки, стоялъ на углу, гдѣ теперь Кабинетъ Его Величества,—дворъ лѣсоторговца Д. Л. Лукьянова, купленный Елисаветою въ августѣ 1741 года для постройки Аничковскаго дома для графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго. Ранѣе этого Елисавета подарила Разумовскому дворецъ, въ которомъ сама жила до восшествія своего на престолъ; дворецъ этотъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „Цесаревнина“, находился онъ на Царицыномъ лугу, недалеко отъ Милліоной, на мѣстѣ нынѣшнихъ Павловскихъ казармъ.

По принятіи двора Лукьянова въ казну императрица приказала гофъ-интенданту Шаргородскому, архитектору Земцову и его гезелямъ, чтобы они „съ поспѣшеніемъ“ исполняли подготовительныя работы; вскорѣ послѣ того начали вбивать сваи подъ фундаментъ дворца, дѣлать гавань на Фонтанкѣ и разводить садъ. Спустя три года, были представлены императрицѣ архитектуріи гезелемъ Гр. Дмитріевымъ для аппробаціи 16 чертежей дворца. Елисавета одобрила планы, и постройка большихъ каменныхъ палатъ была начата. Главнымъ наблюдателемъ надъ работами былъ назначенъ графъ Растрелли. Отдѣлка дворца продолжалась до 1749 года. Въ 1746 году, Елисавета приказала на крыши палатъ поставить два купола: одинъ съ крестомъ, на Невскомъ, гдѣ будетъ церковь, и для симетріи на другой противоположной части дворца на куполѣ утвердить звѣзду. Желѣзный крестъ, четырехъ-аршинной величины, былъ сдѣланъ на сестрорѣцкихъ заводахъ; на золоченіе креста пошло одинъ фунтъ 68 золотниковъ червоннаго золота, или 202 иностранныхъ червонца.

Аничковскій дворецъ былъ очень большой, стоялъ онъ въ тѣ времена на открытомъ мѣстѣ; въ вышину былъ въ три этажа, и имѣлъ совершенно простой фасадъ. На улицу выходилъ на сводахъ висячій садъ, равный ширинѣ дворца. Другой обыкновенный дворцовый садъ и службы занимали все пространство до Большой Садовой и Чернышева моста, т. е. всѣ мѣста, гдѣ теперь находится Александринскій театръ, Екатерининскій скверъ, Публичная Библіотека, зданія театральной дирекціи и домъ противъ него, который принадлежитъ министерству внутреннихъ дѣлъ, по Театральной улицѣ. Подъѣздъ со стороны Фонтанки, теперь не существующій, въ былое время давалъ возможность


ELISABETA PRIMA,
Imperatrix et Autocratrix
Omnium Roſsiarum.

Императрица Елисавета Петровна.

Съ гравированнаго портрета Чемесова.

подплыть на лодкѣ къ ступенямъ дворца. Впрочемъ, и въ то время главныя ворота были такъ же, какъ и теперь, съ Невскаго проспекта.

На мѣстѣ Александринскаго театра стоялъ большой павильонъ, въ которомъ помѣщалась картинная галлерея Разумовскаго, а въ другой комнатѣ, напротивъ въ томъ же павильонѣ, давались публичные концерты, устроивались маскарады, балы и проч. За дворцомъ шелъ вдоль всего Невскаго прудъ съ высокими насыпными берегами, и противъ нынѣшней Малой Садовой билъ фонтанъ. Нынѣшняя рѣшетка Аничковскаго дворца, говорятъ, сдѣлана по рисунку прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III.

Долгое время, еще въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, видны были фрески работы Гонзаго, на полуобвалившихся стѣнахъ садовыхъ павильоновъ и у рѣшетки на Невскомъ проспектѣ держался еще небольшой храмикъ Ѳемиды.

Гдѣ стоитъ Публичная Библіотека, былъ питомникъ растеній, назади шли оранжереи, по Садовой улицѣ жили садовники и дворцовые служители, а на углу, противъ Гостинаго двора, стоялъ домъ управляющаго Разумовскаго, Ксиландера.

На другой сторонѣ, на углу Невскаго и Большой Садовой улицъ, находился домъ Ив. Ив. Шувалова, въ то время только-что оконченный и назначенный для жительства саксонскаго принца Карла. Шувалову принадлежалъ весь кварталъ, образуемый теперь двумя улицами — Малой Садовой и Итальянской.

Въ этой же мѣстности, гдѣ теперь домъ министерства финансовъ, помѣщалась тайная канцелярія при Елисаветѣ, и затѣмъ при Екатеринѣ II коммиссія новаго уложенія.

При передѣлкѣ послѣдняго зданія, въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, здѣсь были открыты неизвѣстно куда ведущій подземный ходъ, остовы людей, заложенныхъ въ стѣнѣ, застѣнокъ съ орудіями пытокъ, большой кузнечный горнъ и другіе инквизиторскіе ужасы, будто цѣликомъ выхваченные изъ таинствъ Удольфскихъ г-жи Ратклифъ.

Въ 1747 году, 4-го декабря, Елисавета указомъ повелѣла выстроить церковь въ новостроящемся дворцѣ, чтò у Аничкова моста, во имя Воскресенія Христова, въ большихъ палатахъ, во флигелѣ, чтò на Невской перспективѣ. Работы по устройству церкви продолжались до конца 1750 года, подъ надзоромъ графа Растрелли. Мѣсто для императрицы было поручено сдѣлать столярному мастеру Шмидту, по рисунку Баджелли, рѣзная же работа была отдана мастеру Дункорту.

Въ 1751 году, церковь торжественно освящена въ честь Воскресенія Христа Спасителя [64]) всѣми жившими тогда въ Петербургѣ архіереями-малороссами, пріятелями графа А. Г. Разумовскаго. Императрица и весь дворъ присутствовали на освященіи храма.

Церковь занимала второй и третій этажи флигеля, выходящаго на Невскій. Иконостасъ былъ тоже трехъ-ярусный, вызолоченный, богатой рѣзьбы, вышиною въ пять саженъ, шириною въ одну сажень 2 арш. 10 верш. Въ настоящее время онъ находится въ верхней церкви Владимірской Божіей Матери, вмѣстѣ съ образами и Евангеліемъ, взятыми изъ Аничковскаго дворца; только царскія врата теперь замѣнены новыми.

Елисавета, какъ извѣстно, никогда не жила въ Аничковскомъ дворцѣ, но, какъ гласитъ камеръ-фурьерскій журналъ, по праздникамъ нерѣдко посѣщала дворцовый храмъ.

Въ 1757 году, Елисавета Петровна пожаловала свой „собственный Каменный домъ, чтò у Аничкова моста, со всѣми строеніями и что въ немъ наличностей имѣется“, графу Ал. Григ. Разумовскому „въ потомственное владѣніе“. По смерти послѣдняго дворецъ перешелъ во владѣніе роднаго брата его графа Кир. Григ. Разумовскаго. (См. указъ Екатерины II, отъ 7-го сентября 1771 года).

Разумовскій при жизни императрицы не жилъ въ Аничковскомъ дворцѣ; онъ переѣхалъ въ него только со смертью Елисаветы и прожилъ въ немъ до самой своей смерти (6-го іюня 1771 года).

Первѣйшій вельможа временъ Елисаветы, А. Г. Разумовскій, какъ извѣстно, происходилъ изъ пѣвчихъ и былъ сыномъ простаго казака; родился Разумовскій въ 1709 году въ селѣ Лемешахъ, Черниговской губерніи. Не имѣя никакого образованія, онъ обладалъ широкимъ умомъ. Осыпанный почестями, онъ не отличался гордостью. Наружностью онъ былъ красивый и видный, чертою его характера была щедрость и великодушіе.

Разумовскій былъ крутъ нравомъ и тяжелъ на руку въ нетрезвомъ видѣ. Графиня М. Е. Шувалова каждый разъ служила молебенъ, когда мужъ ея, графъ Петръ Ивановичъ, возвращаясь съ охоты, не былъ битъ батожьемъ отъ Разумовскаго подъ пьяную руку. Извѣстіе это хотя для нашего времени можетъ показаться невѣроятнымъ, но то же самое подтверждаетъ и англійскій посланникъ сэръ Вильямсъ въ своихъ депешахъ объ Апраксинѣ, называя его трусомъ, и приводитъ въ примѣръ, что Алексѣй

Разумовскій его чуть-чуть не избилъ за завтракомъ, и онъ промолчалъ.

Графъ Разумовскій не жилъ въ Аничковомъ дворцѣ, и въ 1767 году продалъ его въ казну. Императрица Екатерина II подарила его князю Потемкину. Послѣдній продалъ его откупщику Никитѣ Шемякину. Купецъ Шемякинъ, вмѣстѣ съ купцомъ Барминымъ, въ 1759 году перевозилъ изъ Петербурга моремъ въ Пруссію до гавани Пилау провіантъ для нашей арміи. Въ царствованіе Петра III онъ съ другимъ своимъ компаньономъ, Саввой Яковлевымъ, понесъ значительные убытки, впослѣдствіи значительная часть его состоянія была конфискована; единственная его дочь была замужемъ за Полторацкимъ [65]).

Отъ Шемякина дворецъ былъ снова купленъ Екатериною и опять подаренъ императрицею князю Потемкину; послѣдній здѣсь не жилъ, но давалъ иногда въ садовомъ павильонѣ дворца великолѣпные праздники.

Въ 1785 году, Аничковскій дворецъ былъ снова купленъ въ казну отъ Потемкина и въ 1794 году перестроенъ для помѣщенія Кабинета и его драгоцѣнностей; на перестройку пошло 50,000 рублей. (Кабинетъ прежде помѣщался въ Кабинетской улицѣ, близъ Владимірской церкви) [66]).

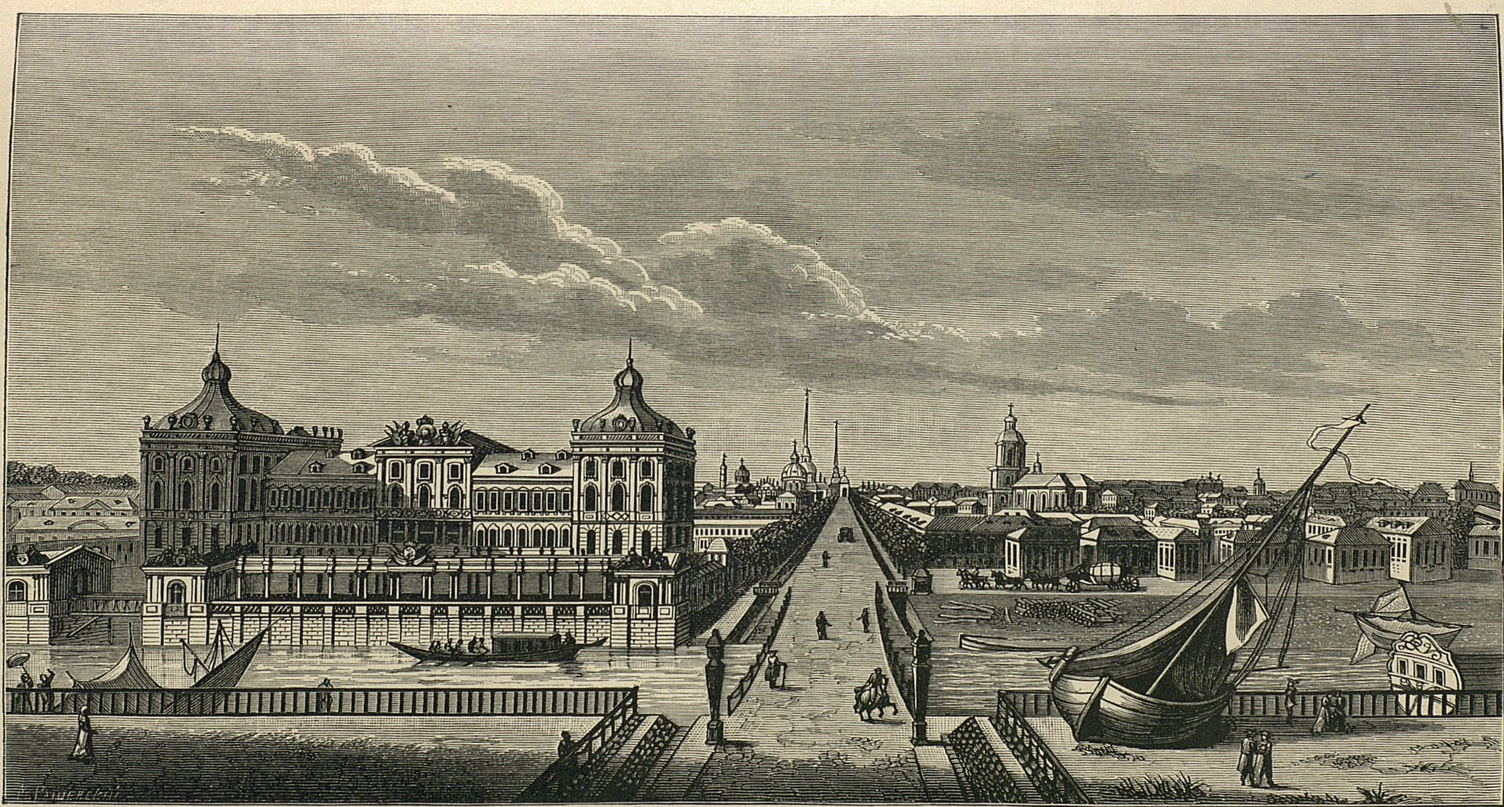
Съ 1794 года по 1809 годъ, Аничковская церковь стала называться „Кабинетскою и Капитульскою“ (?).

Въ 1794 году, въ павильонѣ дворца артисты стали давать публичные концерты и маскарады. Черезъ годъ въ этомъ же павильонѣ временно помѣстили привезенныя изъ Польши книги Залусскаго, послужившія основаніемъ императорской публичной библіотеки.

Въ 1801 году, архитекторъ Бренна построилъ на мѣстѣ этого павильона, иждивеніемъ нѣкоего Казасси, театръ, на которомъ играли сначала итальянскія оперы, а потомъ и другія пьесы.

Вскорѣ театръ этотъ, прозванный „Малымъ“, былъ купленъ въ казну, и затѣмъ сломанъ, и вблизи него архитекторомъ Росси былъ выстроенъ нынѣшній Александринскій театръ; открытъ послѣдній 31-го августа 1832 года.

Императоръ Николай Павловичъ осматривалъ его 29-го августа 1832 года; по словамъ К. К. Мердера, онъ пріѣхалъ для осмотра въ 5-ть часовъ дня, обошелъ всѣ ряды ложъ, а потомъ, помѣстившись въ императорской ложѣ, смотрѣлъ дивертисементъ, послѣ чего благодарилъ архитектора Росси.



Видъ Аничкина дворца (дома Разумовскаго) и Невскаго проспекта въ срединѣ прошлаго столѣтія.

Съ гравюры того времени Бодуэна.

Въ 1804 году, главный фасадъ Аничковскаго дворца, выходящій на Фонтанку, былъ заслоненъ постройкою того зданія съ колоннами, загибающагося угломъ и на Невскій, которое было предназначено для храненія произведеній императорскихъ фабрикъ хрустальной и фарфоровой, а также и для отдачи въ наймы нижняго этажа подъ магазины. Въ то же время построена и колоннада, параллельная Фонтанкѣ.

Въ томъ же году, приказано было исправить дворецъ для жительства въ немъ, помолвленной за принца Ольденбургскаго Георга, сестры императора Александра I, Екатерины Павловны. Послѣ брака, происходившаго въ апрѣлѣ 1809 года, великая княгиня переселилась на житье въ подаренный ей дворецъ, который съ этого времени сталъ называться „дворцомъ ея высочества великой княгини Екатерины Павловны“. Въ началѣ 1812 года, во дворцѣ случился пожаръ, убытки отъ котораго вычислялись въ 140,000 руб. сер.

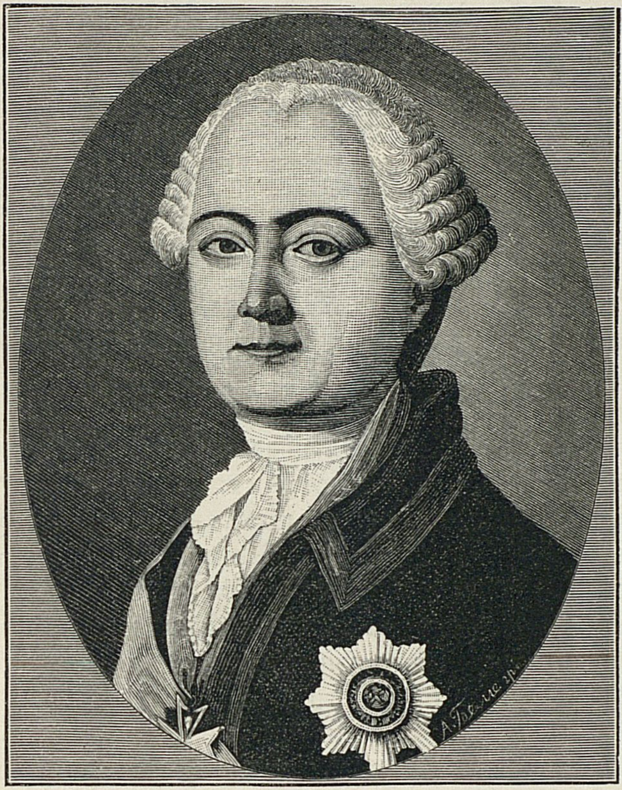
По вступленіи Екатерины Павловны во второй бракъ (12 января 1816 года) съ королемъ Виртембергскимъ, дворецъ ея поступилъ въ вѣдѣніе департамента удѣловъ. Въ 1817 году, императоръ Александръ I жалуетъ дворецъ въ даръ брату своему, великому князю Николаю Павловичу; въ это время дворецъ отдѣлывается заново, запущенный садъ приводится въ порядокъ, въ павильонахъ помѣщается арсеналъ; церковь, занимающая два этажа, переводится въ одинъ верхній этажъ, патрономъ храма избирается св. благовѣрный великій князь Александръ Невскій. Съ переѣздомъ великаго князя въ Аничковскій дворецъ, дворецъ называется „дворцомъ великаго князя Николая Павловича“. Въ этомъ дворцѣ великій князь живетъ до самаго своего восшествія на престолъ (14 декабря 1826 года). По вступленіи на престолъ, императоръ издаетъ высочайшее повелѣніе о наименованіи его „собственнымъ его императорскаго величества дворцомъ“. Императоръ Николай I особенно любилъ Аничковскій дворецъ и, отличая его отъ другихъ, называлъ его „своимъ собственнымъ“, говоря: „что онъ провелъ въ немъ счастливые и лучшіе годы своей жизни“ [67]). По переѣздѣ въ Зимній дворецъ, императоръ Николай [68]) каждый годъ по нѣскольку разъ на довольно продолжительное время переселялся въ Аничковскій дворецъ съ августѣйшимъ семействомъ; на первой и на страстной недѣлѣ онъ говѣлъ и пріобщался въ дворцовой церкви съ высочайшей фамиліей; здѣсь же онъ нерѣдко назначалъ крещеніе младенцевъ, которыхъ самъ воспринималъ отъ купели, и бракосочетанія знатныхъ особъ, которыхъ желалъ почтить своимъ присутствіемъ. Когда не было пѣвчихъ, обыкновенно во дворцѣ пѣлъ хоръ пѣвчихъ Егерскаго полка; императоръ Николай Павловичъ самъ участвовалъ съ псаломщиками въ пѣніи литургіи. Послѣ пожара Зимняго дворца, въ декабрѣ 1837 года, императоръ на все время, пока поправлялся дворецъ, переселился въ свой „собственный“. По смерти императора, вдовствующая императрица Александра Ѳеодоровна жила въ немъ съ своими августѣйшими дѣтьми. Въ 1859 году, въ Аничковскомъ дворцѣ жилъ великій князь Николай Николаевичъ до постройки своего дворца на Конногвардейскомъ бульварѣ. Теперь къ Аничковскому дворцу принадлежатъ десять каменныхъ домовъ и два павильона, примыкающихъ къ рѣшеткѣ сада. Дворецъ существуетъ болѣе ста тридцати лѣтъ, и впервые со времени существованія дворца въ немъ жительствуетъ зимою государь императоръ съ августѣйшимъ семействомъ.

Въ царствованіе Елисаветы церквей въ Петербургѣ было немного. Всѣ церкви тогда были низкія, невзрачныя, стѣны въ нихъ увѣшаны вершковыми иконами, передъ каждою горѣла свѣчка или двѣ, три, отъ этого духота въ церкви была невообразимая. Дьячки и священники накладывали въ кадильницы много ладону, часто поддѣланнаго изъ воска и смолы, отъ этого къ духотѣ примѣшивался еще и угаръ. Священники, отправляясь кадить по церкви „на хвалитехъ“, держали себя такъ, что правая рука была занята кадильницею, а лѣвая протянута къ публикѣ. Священники, во время кажденія иконамъ, къ прихожанамъ подносили лѣвую руку. Добрые прихожане сыпали въ руку посильные подачки — кто денежку, кто копѣйку, рука наполнялась и быстро опускалась въ карманъ, и опять, опорожненная, была къ услугамъ прихожанъ (см. „Опис. Спб. епархіи“, т. III, стр. 68). Доходы священниковъ въ то время не отличались обиліемъ, за молебенъ платили имъ три копѣйки, за всенощную — гривенникъ, за исповѣдь — копѣйку и т. д. Иногда прихожане присылали имъ къ празднику муку, крупу, говядину и рыбу. Но для этого нужно было заискивать у прихожанъ. Если же священникъ относился строго къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, то сидѣлъ безъ муки и крупы и довольствовался одними пятаками да грошами; а эти пятаки и въ ту пору далеко не могли служить обезпеченіемъ. Случалось тогда и то, что во время богослуженія явится въ церковь какой нибудь пьяный, но богатый и вліятельный прихожанинъ, и, чтобы показать себя, начнетъ читать священнику нравоученіе, поправлять службу, и бѣдный, нуждающійся въ его подачкахъ, священникъ долженъ былъ выносить все это безобразіе. Иногда въ церкви подгулявшіе прихожане заводили между собою разговоры, нерѣдко оканчивавшіеся крикомъ, бранью и дракой.

Случалось также, что во время службы раздавался лай собакъ, забѣгавшихъ въ церковь, падали и доски съ потолка. Деревянныя церкви тогда сколачивались кое-какъ и отличались холодомъ и сыростью. Причиною такого положенія построекъ храма было съ одной стороны печальное положеніе государственныхъ финансовъ, а съ другой — крайняя недобросовѣстность строителей, прежде всего заботившихся о томъ, чтобы поскорѣе и получше найдти себѣ въ постройкахъ источникъ для обогащенія.

Торжественностью богослуженія отличалась только одна придворная церковь. Императрица Елисавета очень любила церковное пѣніе и сама пѣвала со своимъ хоромъ; къ Страстной и Пасхальной недѣлѣ она выписывала изъ Москвы громогласнѣйшихъ діаконовъ, и почтмейстеръ баронъ Черкасовъ, чтобы какъ можно лучше исполнить державную волю, не давалъ никому лошадей по московскому тракту, пока не пріѣдутъ діаконы.

Какъ мы уже говорили, православіе Елисаветы Петровны было искренно, и наружныя проявленія религіозности были въ обычаѣ и ея придворныхъ. Изъ документовъ тогдашняго времени мы видимъ, что императрица не пропускала ни одной службы, становилась на клиросѣ вмѣстѣ съ пѣвчими и въ дни постные содержала строжайшій постъ и только одному своему фавориту Разумовскому позволяла во дворцѣ ѣсть рыбное кушанье, а остальныхъ такъ преслѣдовала за недержаніе поста, что другой ея приближенный, гр. Бестужевъ, былъ принужденъ обратиться къ константинопольскому патріарху за разрѣшеніемъ не ѣсть грибнаго. Къ сожалѣнію, это строгое религіозное настроеніе имѣло свою темную сторону. Тогдашніе руководители православія—архіепископъ Ѳеодосій и протоіерей Дубянской—были скорѣе ловкіе, властолюбивые царедворцы, прикрытые рясою, цѣлью которыхъ было не истинное благо духовенства, а скорѣе достиженіе личныхъ выгодъ и личнаго вліянія на дѣла. Рядомъ съ печатаніемъ евангелія и духовныхъ книгъ для грузинъ и новаго изданія всей Библіи [69]), не появлявшейся въ печати съ самаго 1663 года, къ сожалѣнію, для улучшенія быта духовенства было сдѣлано или ничего, или такъ мало, что не стòитъ о томъ и говорить. Законы того времени позволяли принимать и ставить въ духовный чинъ лицъ изъ всѣхъ сословій, лишь бы нашлись способные и достойные къ служенію въ церкви. Если прихожане церкви просили о комъ нибудь, чтобы опредѣлить его къ службѣ церковной, то отъ нихъ требовалось свидѣтельство, что они знаютъ рекомендуемое ими лицо: „не пьяницу, въ домостроеніи своемъ не лѣниваго, не клеветника, не сварливаго, не любодѣйца, не убійцу, въ воровствѣ и мошенничествѣ не обличеннаго: сія бо наипаче злодѣйствія препинаютъ дѣло пастырское и злообразіе наносятъ чину духовному“. Изъ дѣлъ консисторіи видимъ въ духовныхъ чинахъ лицъ всѣхъ званій: сторожей, вотчинныхъ крестьянъ, мѣщанъ, пѣвчихъ, купцовъ, солдатъ, матросовъ, канцеляристовъ, какъ учившихся въ школѣ, такъ и не обучавшихся. Хотя указомъ еще отъ 8-го января 1737 года требовалось, чтобы въ духовные чины производились лишь тѣ, которые разумѣютъ „силу букваря и катехизиса“, но на самомъ дѣлѣ церковные причты пополнялись выпускаемыми изъ семинаріи лицами „по непонятію науки“, или „по безнадежности въ просодіи“, или „за уросліемъ“. Ставили на іерейскія должности и съ такими рекомендаціями: „школьному ученію отчасти коснулся“, или: „преизряденъ въ смиреномудріи и трезвости“, или: „къ предикаторскому дѣлу будетъ способный“. Поступали съ аттестаціями и такого сорта: „безъ всякаго подозрѣнія честенъ“, „аттестованъ достойнымъ за добронравіе и обходительство“, или: „дошелъ до реторики и за перерослостію, будучи 27 лѣтъ, уволенъ“. Встрѣчались „нотаты“ и такія: „проходилъ фару и инфиму на своемъ коштѣ, и за непонятіе уволенъ“. Не отличаясь грамотностью, петербургское духовенство поражало грубостью нравовъ. Въ средѣ его то и дѣло слышалась брань, частыя ссоры между собою и даже съ прихожанами въ церквахъ. Картина просвѣщенія и нравственности, какъ видимъ, была самая темная. Такъ, священникъ Ямской Предтеченской церкви Иларіонъ Андреевъ, на заутрени въ церкви, во время чтенія каноновъ, повздорилъ съ капитаномъ Иваномъ Мамонтовымъ, а въ квартирѣ, продолжая ссору, они подрались. За сіе Андрееву учинено въ духовномъ правленіи наказаніе плетьми, и былъ онъ полгода въ подначальныхъ трудахъ въ Александровскомъ монастырѣ. Тогда духовенство закономъ не было ограждено отъ тѣлесныхъ наказаній, и потому всякій, власть имѣющій, считалъ себя вправѣ, безъ суда и расправы, по своему усмотрѣнію, наказывать лицъ духовнаго званія, не говоря уже объ архіереяхъ, по мановенію которыхъ хватали священника, тащили на конюшню и тамъ нещадно били борбарами, плетьми и шелепами. Помимо тѣлесныхъ наказаній, существовали также и штрафы денежные. Такъ, указомъ 1-го декабря 1736 года, постановлено: въ высокоторжественные и викторіальные дни, на молебнахъ и панихидахъ въ соборной церкви, священникамъ стоять въ пристойныхъ себѣ мѣстахъ благочинно, не выступая впередъ и не уступая назадъ, и разговоровъ никакихъ вслухъ и шепотомъ не употреблять и не кривляться, а за отступленіе отъ правила сего брать штрафъ по 50 коп. съ человѣка. Церковное благочиніе въ то время рѣдко соблюдалось. Назначенный оберъ-прокуроромъ св. синода князь Я. П. Шаховской, вскорѣ по вступленіи въ должность, замѣтилъ, что въ церквахъ во время службы приходящіе молельщики, вмѣсто того, чтобы молиться съ благоговѣніемъ, производятъ многіе о разныхъ свѣтскихъ дѣ-



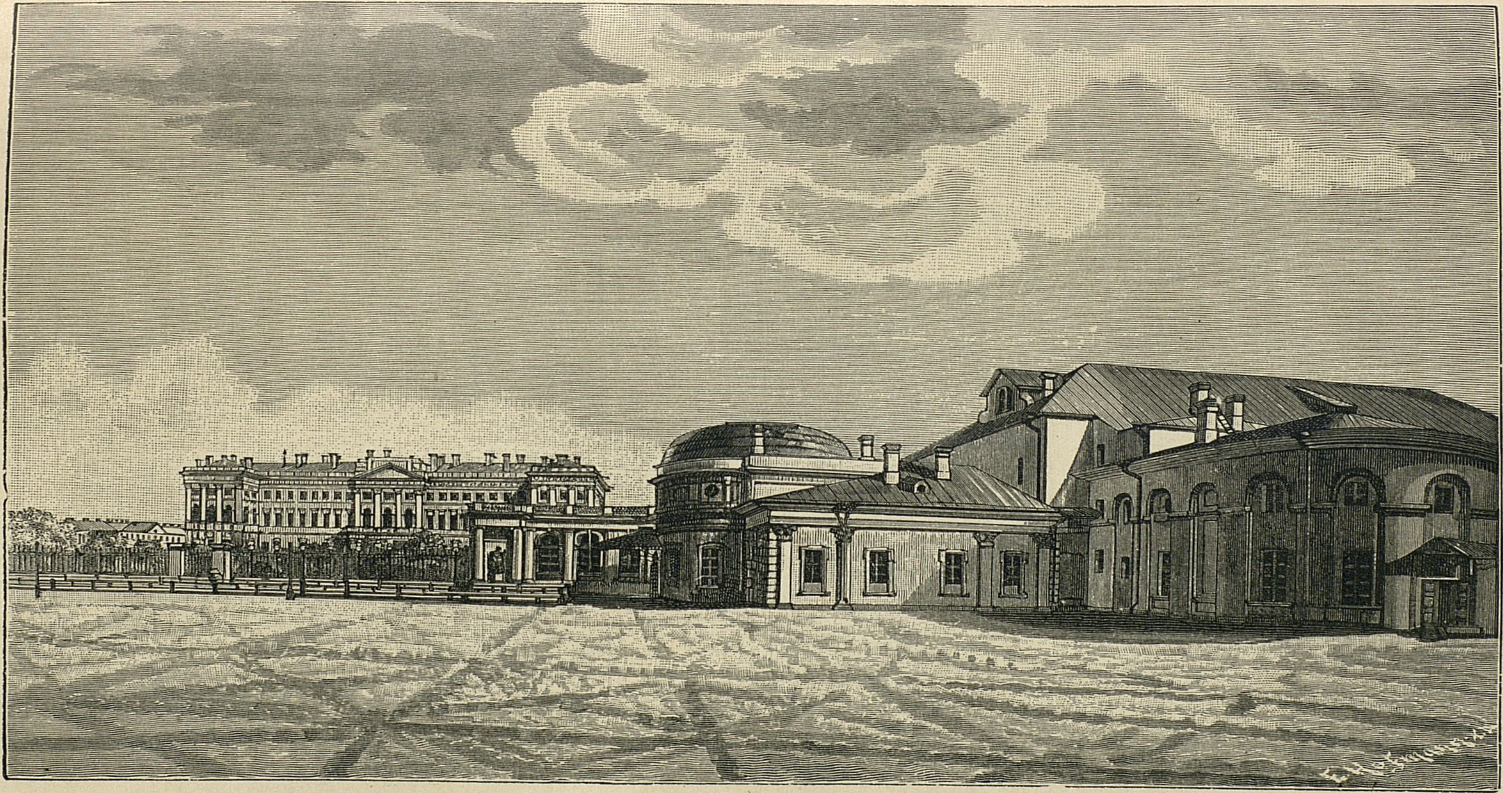
Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій.

Съ портрета принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей.

лахъ разговоры. При Аннѣ былъ указъ противъ юродивыхъ, которые, по „неблагообразію своему, одѣяся въ кощунствующую одежду“, наводили молельщикамъ въ церквахъ помѣшательство, смѣхъ и соблазнъ. Въ 1743 году, вышелъ указъ относительно нищихъ, которые стали производить свой сборъ въ самыхъ церквахъ и тѣмъ развлекали молящихся. Сотскіе и десятскіе находили неприличнымъ ловить ихъ здѣсь, дабы, какъ сказано въ полицейской промеморіи, при ловлѣ не произошелъ мятежъ (т. е. замѣшательство). Св. синодъ препоручилъ поимку нищихъ церковнымъ сторожамъ, а за нарушеніе тишины и благочинія по церквамъ возбудилъ вопросъ о штрафныхъ деньгахъ, собираемыхъ въ храмахъ „за разговоры и неблагочиніе“. По прежнему указу, сборъ этотъ чинили оберъ и унтеръ-офицеры; деньги записывали при священникахъ и причетникахъ въ особыя шнуровыя книги.

Жалки были дьячки и пономари въ то время, но не лучше ихъ были учителя въ казенныхъ школахъ. Вотъ что говоритъ маіоръ Даниловъ (см. его записки) про тогдашнюю артиллерійскую школу [70]), гдѣ учились князья и дворяне: „Великій тогда недостатокъ въ оной школѣ состоялъ въ учителяхъ. Сначала вступленія учениковъ было для показаній одной ариѳметики изъ пушкарскихъ дѣтей два подмастерья; потомъ опредѣлили, по пословицѣ, волка овецъ пасти, штыкъ-юнкера Алабуева. Онъ тогда содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ. Онъ хотя разбиралъ нѣсколько ариѳметику Магницкаго и часть геометрическихъ фигуръ, однако, былъ вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителемъ благородному юношеству. Училища, заведенныя при Петрѣ, были тогда заброшены и скорѣе портили, чѣмъ воспитывали молодое поколѣніе, домашнее же образованіе въ высшихъ классахъ ограничивалось только внѣшнимъ наведеніемъ лоска“.

Тотъ же современникъ императрицы Анны и Елисаветы, маіоръ Даниловъ, разсказываетъ, что въ его время былъ казненъ на площади разбойникъ князь Лихутьевъ: „голова его взогнута была на колъ“. Разбои и грабежи тогда сильно распространились въ самомъ Петербургѣ. Такъ, въ лежащихъ кругомъ Фонтанки лѣсахъ укрывались разбойники, нападая на прохожихъ и проѣзжихъ. Фонтанка въ то время, какъ мы говорили, считалась внѣ черты города [71]). Домъ графа Шереметева считался загороднымъ, какъ и другой такой домъ, графа Апраксина, гдѣ жилъ Апраксинъ, когда былъ сосланъ съ запрещеніемъ въѣзда въ сто-



Видъ Малаго (французскаго) театра и Аничкина дворца, въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ акварели Сабожа 1821 года.

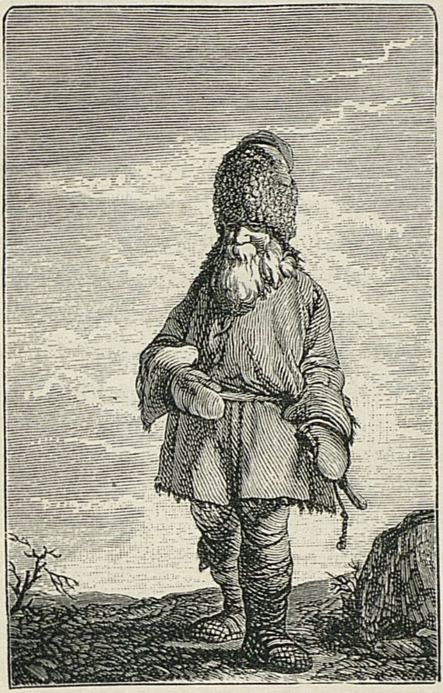
лицу; сюда къ нему съѣзжались всѣ его друзья, чтобы веселиться и пировать съ нимъ. Полиція обязала владѣльцевъ дачъ по Фонтанкѣ вырубить лѣса, „дабы ворамъ пристанища не было“; то же самое распоряженіе о вырубкѣ лѣсовъ послѣдовало и по Нарвской дорогѣ, на тридцать саженъ въ каждую сторону, „дабы впредь невозможно было разбойникамъ внезапно чинить нападенія“. Были грабежи и на „Невской преспективѣ“, такъ что приказано было возстановить пикеты изъ солдатъ для прекращенія сихъ „золъ“. Имѣется также извѣстіе, что на Выборгской сторонѣ, близь церкви Сампсонія, въ казачьей слободѣ, состоящей изъ 22 дворовъ, разные непорядочные люди имѣли свой притонъ. Правительство сдѣлало распоряженіе перенести эту слободу на другое мѣсто. Бывали случаи грабительства также въ Петербургѣ, которые названы „гробокопательствомъ“. Такъ, въ одной киркѣ оставлено было на ночь тѣло какого-то знатнаго иностраннаго человѣка. Воры пробрались въ кирку, вынули тѣло изъ гроба и ограбили. Воровъ отыскали и казнили смертію. Для прекращенія разбоевъ правительство принимало сильныя мѣры, но мѣры эти не достигали своей цѣли: разбойниковъ преслѣдовали строго, сажали живыхъ на колъ, вѣшали и подвергали другимъ страшнымъ казнямъ, а разбои не унимались. Въ то время начальникомъ тайной канцеляріи болѣе семнадцати лѣтъ былъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ. Клевретъ Бирона безжалостно проливалъ человѣческую кровь, съ безсердечностью палача, присутствуя лично на жесточайшихъ истязаніяхъ. Наказывалъ онъ не только престарѣлыхъ или несовершеннолѣтнихъ, но и больныхъ, даже сумасшедшихъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны однихъ знатныхъ и богатыхъ людей было лишено чести, достоинствъ, имѣній и жизни, и сослано въ ссылку болѣе 20,000 человѣкъ. Одно подозрѣніе въ поджогѣ тогда неминуемо влекло смерть. Такъ, по пожару въ Морской улицѣ, тайная канцелярія признала поджигателями, „по нѣкоторому доказательству“, крестьянскаго сына Петра Петрова, называемаго „водолазъ“, да крестьянина Перфильева; ихъ подвергли такимъ тяжкимъ смертнымъ пыткамъ, что несчастные, „желая продолжать животъ свой“, вынуждены были облыжно показать, будто ихъ подучали къ поджогу другіе люди, которые на самомъ дѣлѣ не были причастны. Въ концѣ концовъ Петрова и Перфильева сожгли живыми на томъ мѣстѣ, гдѣ учинился пожаръ.

Вообще, облыжныя показанія и доносы въ то время дѣлались даже отъ самыхъ близкихъ людей, напримѣръ, отъ женъ на мужей и т. д.; доносчики получали хорошія награды. Капитанъ морской службы Александръ Возницынъ, православной вѣры, будучи въ Польшѣ у жида Бороха Лейбова, принялъ жидовство съ совершеніемъ обрѣзанія. Жена Возницына, Елена Иванова, учинила на него доносъ. Возницынъ былъ жестоко пытанъ на дыбѣ и сожженъ на кострѣ, а жена, сверхъ законной части изъ имѣнія мужа, отъ щедротъ императрицы получила еще сто душъ съ землями „въ вознагражденіе за правый доносъ“.

Императрица Елисавета особенное почтеніе питала къ духовенству и очень часто приглашала во дворецъ членовъ святѣйшаго синода, бесѣдовала съ ними и особенно приблизила къ себѣ своего духовника Ѳедора Дубянскаго. Это былъ человѣкъ внушительно-благообразной физіономіи, обладавшій даромъ слова и, что̀ важнѣе, умѣвшій пользоваться благопріятною для себя минутою. Императрица часто отъ увеселеній переходила къ посту и молитвѣ. Начинались угрызенія совѣсти и плачъ о грѣхахъ. Она требовала къ себѣ духовника. И являлся онъ, важный, степенный, холодный, и тихо, плавно лились изъ устъ его слова утѣшенія. Мало-по-малу успокоивалась его державная духовная дщерь, и въ знакъ благодарности награждала его землями, крестьянами, угодьями и т. д. Одно его имѣніе на Невѣ, теперь Зиновьева, стоило ему немало денегъ.

Совсѣмъ другими глазами глядѣла на духовенство императрица Екатерина II. По волѣ ея, весь святѣйшій синодъ посѣщалъ придворныя театральныя зрѣлища. „Святой синодъ,—пишетъ она Гримму („Рус. Арх.“, 1878 г., кн. 9, стр. 124),—но не въ одиночку, а въ полномъ составѣ, присутствовалъ на представленіи послѣдней комедіи; всѣ они очень хохотали и хлопали оглушительно“. Также довольно странны были ея отношенія къ своему духовнику Памфилову. Послѣ исповѣди, 4-го апрѣля 1767 года, писала она къ Храповицкому: „Адамъ Васильевичъ, заплатите за мои грѣхи; я получила отъ нихъ разрѣшеніе“ („Русск. Арх.“, 1868, стр. 200). Тамъ же находимъ (стр. 199): „Адамъ Васильевичъ! Отецъ духовникъ у васъ не будетъ ли просить для переводу шесть тысячъ, съ возвратою на Москвѣ. Держите ухо востро! Желаю вамъ силы льва и осторожности змія!“

Изъ записокъ Екатерины II видимъ, что и она часто, бывши еще великой княгиней, прибѣгала къ содѣйствію Дубянскаго, когда ей нужно было выпросить у императрицы что нибудь. Его вліянію также приписываютъ изданіе нѣкоторыхъ касающихся общественной нравственности указовъ. Такъ, извѣстное въ то время по скандалу дѣло „Дрезденши“ было вызвано имъ, и по его же настоянію была наряжена особая коммиссія розыскивать гулящихъ женщинъ какъ русскихъ, такъ и иноземокъ. Даниловъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что великолѣпное заведеніе у Вознесенья какой-то пріѣзжей изъ Дрездена аферистки произвело немалый переполохъ въ тогдашнемъ обществѣ. Дрезденша повела свои дѣла въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что жалобы дошли до императрицы, и вслѣдствіе этого наряжена была строгая коммиссія подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-секретаря Демидова. Дрезденша была арестована и на допросѣ оговорила всѣхъ, кого только знала. Коммиссія не довольствовалась закрытіемъ заведенія Дрезденши и отсылкою ея красавицъ на прядильный дворъ, въ Калинкину деревню, но повела свои розыски по всему Петербургу и его окрестностямъ, отыскала и тѣхъ заморскихъ красавицъ, которыя жили и въ другихъ домахъ, и забирала даже женъ отъ мужей по оговору Дрезденши, которыя ѣзжали къ ней въ домъ выбирать себѣ мужей по нраву.



Русскій крестьянинъ въ XVIII столѣтіи.

Съ современной гравюры Дальстена.

*

Дрезденша не была новымъ типомъ; развратъ на Руси уже давно имѣлъ эти формы. Еще до Петра были извѣстны женщины, которыя назывались „потворенныя бабы“, или „что̀ молодыя жены съ чужими мужи сваживаютъ“. Эти соблазнительницы уже и тогда вели свое занятіе съ правильностью ремесла и очень искусно внѣдрялись въ дома, прикидываясь торговками, богомолками и т. д. Въ то время у насъ развратъ юридически помѣщался въ одномъ разрядѣ съ воровствомъ и разбойничествомъ. Но тогдашнее общество видимо не вмѣняло его въ тяжкое преступленіе.

Сохранились преданія, что гроза коммиссіи скоро пронеслась, и вмѣсто закрытаго заведенія Дрезденши открылись новыя, по крайней мѣрѣ, развратъ не сократился. Для дополненія оставшихся преданій о нравахъ слабаго пола, приводимъ отрывокъ изъ письма одной прелестницы стараго склада, живо рисующій тогдашнее женское дѣло, по народному выраженію, „перелестивое, перепадчивое“. Вотъ эти признанія: „Разставшись съ тобою, я отошла отъ госпожи, у которой мы вмѣстѣ съ тобою жили. Я пришла къ Агафьѣ, которая расхвалила меня, клялась, что я похорошѣла и сдѣлалась видна и ловка.—Ты пришла очень кстати,—сказала она:—только передъ тобою вышелъ отъ меня богатый господинъ, который живетъ безъ жены и ищетъ пригожую дѣвушку съ тѣмъ, чтобы она для благопристойности служила у него подъ видомъ разливательницы чаю. Намъ надобно сдѣлать такъ, чтобы ты завтра пришла, немного ранѣе вечера, у меня есть прекрасная казимировая шинелька, точно по твоему росту; я ее на тебя надѣну, дамъ тебѣ мою шляпу, ты сама распустишь кудри на глаза, пріукрасишься какъ надо, и когда все будетъ готово, то пошлемъ за господиномъ. Какъ было говорено, такъ и сдѣлано. Я понравилась господину, и мы условились, чтобы я въ слѣдующее утро пришла къ нему съ какою нибудь будто матерью, подъ видомъ бѣдной дѣвушки, которая бы и отдала меня къ нему въ услуженіе за самую незначущую цѣну. Ты знаешь плаксу Феклу; я наняла ее за рубль въ матери, и она жалкими разсказами о моей бѣдности даже прослезила всѣхъ слугъ. При первомъ изготовленномъ самоварѣ, господинъ за искусство опредѣлилъ мнѣ въ мѣсяцъ по 50 рублей. Двѣ недѣли все шло хорошо, но въ одну ночь жена моего господина возвратилась изъ деревни и захотѣла нечаянно обрадовать его, подкралась на цыпочкахъ и вошла въ спальню. Остальное ты сама можешь понять. Кончилось тѣмъ, что меня выгнали; долго бы прошаталась, если бы опять Агафья не пристроила меня къ мѣсту. Старый и страдающій безсонницею больной аптекарь искалъ смирнаго и честнаго поведенія дѣвушку, которая бы большую часть ночи не спала и перемѣняла бы свѣчи. За самую небольшую цѣну вступила я къ нему исправлять трудную должность полунощницы. Аптекарь сдѣлался мнѣ противенъ, и мнѣ казалось, что не только онъ самъ, но и деньги его пахли лѣкарствомъ. У аптекаря я познакомилась съ молодымъ продавцемъ аптекарскихъ товаровъ, у котораго жена была дурна и стара. Мы условились, чтобы я отпросилась у аптекаря, будто я должна ѣхать въ Москву, а пришла и нанялась къ нему въ няни. Я успѣшно обманула аптекаря, а и того удачнѣе жену новаго любовника. Я сдѣлала башмаки на тонкихъ подошвахъ, вымыла волосы квасомъ, выучилась говорить потонѣе прежняго и потуплять глаза въ землю ежеминутно. Фекла плакса опять была моей матерью и до слезъ разжалобила жену моего любовника. Молодой купецъ замѣтно сдѣлался нѣжнѣе къ дѣтямъ прежняго и ежеминутно сталъ приходить къ нимъ и даже ночью уходилъ отъ жены, чтобы посмотрѣть на нихъ. Вскорѣ эти осмотры подсмотрѣла сама жена и увѣрилась, что я была нянька не дѣтей, а взрослыхъ шалуновъ. Я опять бросилась къ Агафьѣ“, и т. д. цѣлая Одиссея любовныхъ похожденій, обирательства и плутовства, которыя и теперь практикуются особами прекраснаго пола. Похожденія прелестницы окончились тѣмъ, что полиція отправила ее на исправленіе въ Калинкину деревню.

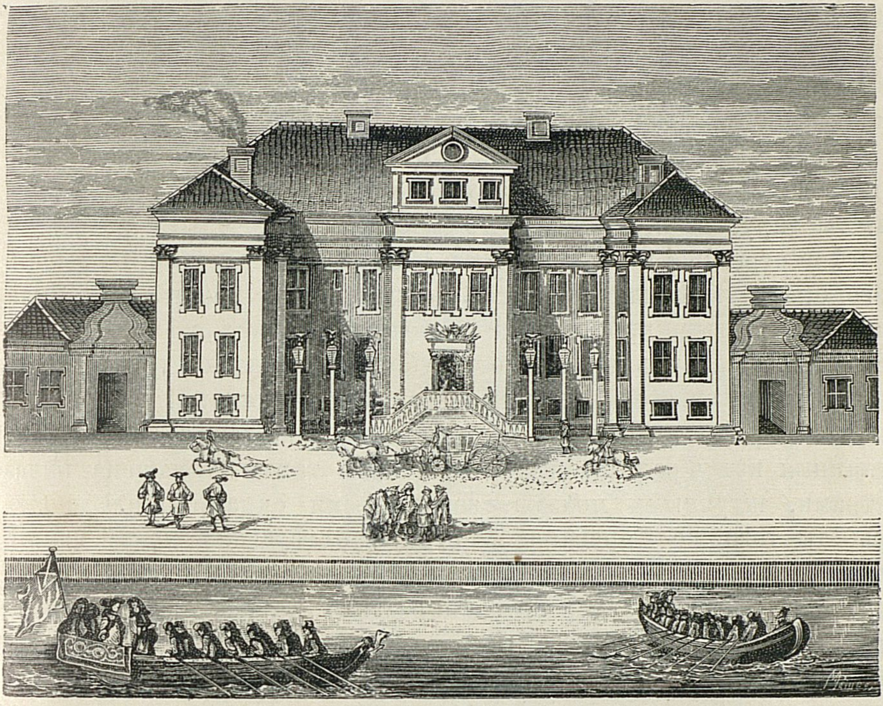
Много также и клеветали въ то время на петербургскихъ дамъ. Леди Рондо въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ о поступкѣ петербургскихъ знатныхъ дамъ съ однимъ любезникомъ. Возвратившись изъ путешествія домой, онъ встрѣтилъ трехъ или четырехъ красавицъ въ домѣ своего знакомаго, гдѣ онъ танцовалъ, пѣлъ, смѣялся и былъ свободенъ съ дамами à la mode de Paris. Показавъ опыты своей ловкости, онъ началъ хвастать, что успѣлъ возбудить къ себѣ любовь въ каждой изъ красавицъ. Это дошло до слуха мужей; послѣдніе высказали женамъ, что они ими недовольны. Дамы пожелали, чтобъ имъ позволено было привести съ собою этого господина къ своимъ мужьямъ. Всѣ эти четы условились, чтобъ одна изъ нимфъ пригласила его на ужинъ къ себѣ въ домъ, не объявляя, что съ нимъ еще будетъ. Онъ полетѣлъ на крыльяхъ любви на свиданіе и его приняли какъ нельзя лучше; но въ минуту его высочайшихъ надеждъ хозяйка начинаетъ его упрекать за рѣчи, которыя онъ говорилъ. Онъ запирался; но къ нимъ входятъ другія дамы съ своими мужьями, свидѣтелями его вины, и обличаютъ его совершенно. Мужья произнесли приговоръ, чтобы жены его высѣкли. Одни говорятъ, что онѣ въ самомъ дѣлѣ это сдѣлали, другіе — что онѣ препоручили экзекуцію своимъ дѣвкамъ.

ГЛАВА VIII.

Замѣчательные дома Елисаветинскаго времени. — Анненскій зимній домъ. — Зимній дворецъ. — Залы и ихъ убранство. — Дворцовый театръ. — Закладка новаго зданія. — Кончина императрицы Елисаветы. — Предсказательница Ксенія. — Ея могила на Смоленскомъ кладбищѣ. — Домъ мецената Шувалова. — Литераторы прежняго времени. — Ихъ странности и привычки. — Ловля подписчиковъ. — Антагонизмъ Ломоносова и Сумарокова. — И. Ф. Богдановичъ и Е. И. Костровъ.

КЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫМЪ постройкамъ Елисаветинскаго времени должно отнести дома: графовъ Строгоновыхъ, на Невскомъ; Воронцова, на Садовой улицѣ, теперь Пажескій корпусъ, Орлова и Разумовскаго (нынѣ Воспитательный домъ); Смольный монастырь, Аничковскій дворецъ и затѣмъ составляющій резиденцію императорскаго дома — Зимній дворецъ 72). Всѣ эти постройки тогда производились знаменитымъ итальянскимъ зодчимъ графомъ Растрелли, выписаннымъ изъ-за границы еще императоромъ Петромъ I. Постройки этого художника отличаются особеннымъ характеромъ величія; въ ряду лучшихъ произведеній зодчества XVIII столѣтія безспорно первое мѣсто занимаетъ Зимній дворецъ, построенный имъ, какъ сказано въ указѣ: „не подрядомъ, а нарядомъ“, при сотрудничествѣ только двухъ лицъ: „архитектургіи гезеля“ Ѳедора Шанина и ученика Николая Васильева. Первый Зимній дворецъ, въ царствованіе императрицы Анны, расположенъ былъ въ видѣ неправильнаго квадрата въ четыре этажа, имѣлъ въ длину 65, въ ширину 50 и въ вышину около 11 саженъ. Онъ занималъ мѣсто, на которомъ при Петрѣ находился обширный домъ графа Ѳ. М. Апраксина, по смерти котораго домъ, по завѣщанію, достался императору Петру II. Императрица Анна Іоанновна, возвратясь изъ Москвы съ коронованія, остановилась въ этомъ домѣ, ранѣе этого, въ декабрѣ 1730 года, приказавъ гофъ-интенданту Мошкову сдѣлать къ нему пристройки, какъ-то: церковь, четыре покоя для кабинета, четыре для мыльни, три для конфектныхъ уборовъ и т. д. Работы были возложены на полковника Трезини, который и выполнилъ ихъ въ семь мѣсяцевъ, и къ осени все было готово для принятія государыни. Императрица медлила, ожидала зимняго пути, въ январѣ выпалъ снѣгъ, и весь дворъ въ трое сутокъ прибылъ изъ Москвы въ Петербургъ; императрица, ступивъ на крыльцо адмиральскаго дома, навсегда утвердила его дворцомъ русской столицы. Не смотря на сдѣланныя пристройки, адмиральскія палаты не могли доставить всѣхъ удобствъ, какихъ требовалъ дворъ императрицы. Крытыя гонтомъ, тѣсныя, онѣ не заключали въ себѣ ни одной порядочной залы, гдѣ бы прилично можно было помѣстить императорскій тронъ. Явилась настоятельная потребность строить новый дворецъ, и 27-го мая 1732 года онъ былъ заложенъ и оконченъ съ внутреннею отдѣлкою къ 1737 году. Для работъ употребили почти всѣ находившіяся въ Петербургѣ рабочія силы, даже отъ строенія Александро-Невскаго монастыря были отняты каменьщики и другіе мастера.

Все зданіе вмѣщало въ себѣ: церковь, тронную залу съ аванъ-залою, семьдесятъ разной величины покоевъ и театръ. Дворецъ первоначально покрытъ былъ гонтомъ; впослѣдствіи, однако же, перекрытъ желѣзомъ, а весь гонтъ изъ разобранной крыши императрица пожаловала на казармы Измайловскаго полка. Девяносто печей согрѣвали все зданіе; печи въ среднемъ этажѣ положены были изъ живописныхъ изразцовъ и покоились на деревянныхъ золоченыхъ ножкахъ; осенью и зимою, ежемѣсячно на отопленіе дворца выходило по сорока саженъ дровъ. Наружный видъ зданія былъ очень красивый; главныхъ подъѣздовъ во дворцѣ было два: одинъ съ набережной, а другой со двора; подъѣзды были украшены каменными столбами и точеными балясами, съ поручнями столярной работы; балконовъ было три: одинъ на сторону адмиралтейства, другой на Неву, третій на лугъ; лѣстницы на невскій подъѣздъ и невскій балконъ были сдѣланы изъ бѣлаго камня; на крышѣ, для стока воды, проведены были желобы, которые оканчивались двадцатью восемью большими мѣдными драконами, вѣсомъ каждый въ три съ половиною пуда; на фронтисписѣ двѣ лежащія деревянныя фигуры держали щитъ съ вензелемъ императрицы; фронтисписъ былъ весь вызолоченъ. Комнаты были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: въ среднихъ этажахъ главнаго корпуса помѣщались парадные покои съ раздѣляющею ихъ темною галлереею, которая примыкала къ залѣ, гдѣ теперь столовая; изъ этой залы, чрезъ небольшой кабинетъ, былъ ходъ въ большую залу; къ ней отъ угла примыкали четыре малые покоя, или кабинета; изъ большой залы былъ ходъ въ аванъ-залу. Къ послѣднѣй вела лѣстница, проведенная съ внутренняго и невскаго подъѣздовъ. Аванъ-зала была отдѣлена глухою стѣною; при ней стояла рѣзная пирамида съ фарфоровой посудой, называемая „буфетомъ“. У лѣстницы, что̀ вела къ аванъ-залѣ, была церковь, нынѣ малая [73]). Въ луговой сторонѣ зданія находился небольшой театръ. Въ нижнемъ этажѣ, кромѣ кухонъ, сѣней, галлерей и лѣстницъ, было пятнадцать комнатъ; изъ нихъ въ двухъ нѣко-



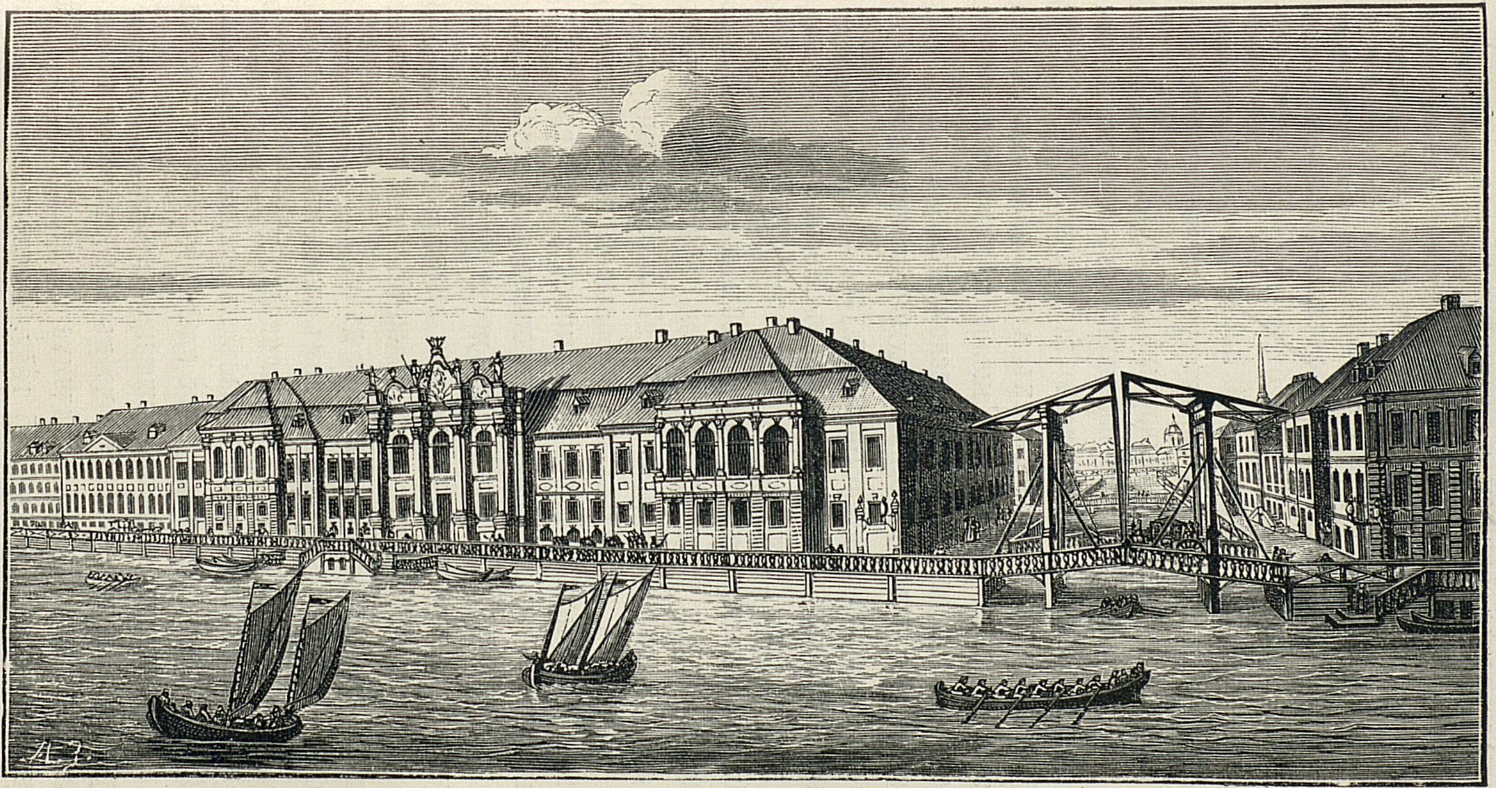
Зимній дворецъ при Петрѣ Великомъ.

Съ гравюры 1716 года.

торое время помѣщалась камеръ-цалмейстерская контора, въ четырехъ гофъ-интендантская, а три назначены были для караульныхъ и дежурныхъ. Въ верхнемъ этажѣ двадцать четыре жилыя комнаты. Всѣхъ оконъ въ главномъ среднемъ этажѣ было 180, въ нижнемъ 111 и въ верхнемъ 116; во всемъ дворцѣ дверей было 130, въ среднемъ этажѣ всѣ изъ дуба.

Въ большой залѣ стоялъ рѣзной тронъ; къ нему вели шесть ступенекъ, раздѣленныхъ уступомъ, или площадкою; балдахинъ на четырехъ точеныхъ колоннахъ „композическаго“ ордена; на другихъ четырехъ точеныхъ колоннахъ хоры для музыкантовъ, съ точенымъ же баллюстрадомъ; пятьдесятъ четыре рѣзные пиластра поддерживали потолокъ, или, вѣрнѣе, одинъ цѣлый великолѣпный плафонъ, написанный Л. Каравакомъ, при сотрудничествѣ девяти живописцевъ и двадцати двухъ учениковъ, маляровъ и московскихъ „списателей“ иконъ. На цѣпяхъ, обернутыхъ гарусомъ и усыпанныхъ мѣдными золочеными яблоками, висѣло огромное паникадило. Въ 1737 году, оно упало, но вскорѣ его опять укрѣпили на мѣстѣ. Между оконъ разставлены были двадцать четыре кронштейна съ подсвѣчниками; „уборный полъ“ сложенъ былъ изъ четырехсотъ дубовыхъ штукъ съ трехцвѣтною по рединѣ звѣздою, въ четыре сажени въ діаметрѣ; въ окнахъ и нѣкоторыхъ дверяхъ были вставлены зеркальныя стекла, присланныя изъ Франціи. Аванъ-зала была также украшена пиластрами, штучными полами, зеркальными окнами и плафономъ работы того же Каравака. У стѣны, отдѣлявшей новый зимній домъ отъ адмиральскихъ палатъ, возвышалась, какъ мы уже сказали, рѣзная съ позолотою пирамида; на ней симметрически расположена была фарфоровая и металлическая дорогая посуда. Изъ остальныхъ комнатъ только галлерея была украшена двѣнадцатью картинами и двѣнадцатью барельефами, шестью хрустальными люстрами, съ такими же двѣнадцатью кронштейнами съ подсвѣчниками и рѣзными головками и фигурами съ яркою позолотой, какъ ихъ называетъ Растрелли — „мушкарами и купидами“. По исполненію этой кудрявой рѣзной работы заслуживаютъ похвалу имена слѣдующихъ мастеровъ этого дѣла: Сенъ-Лоранъ съ сыномъ, Соломонъ Цельбрехтъ, столяръ Мишель и штукатурной композиціи, или лѣпной работы, Александръ Мартели.

Прочія комнаты дворца были украшены бѣлеными панелями и обоями; гдѣ не было паркета, тамъ положены полы дубовые и сосновые. Лѣстницы были изъ полированной плиты съ точе-



Зимній дворецъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры того времени Махаева.

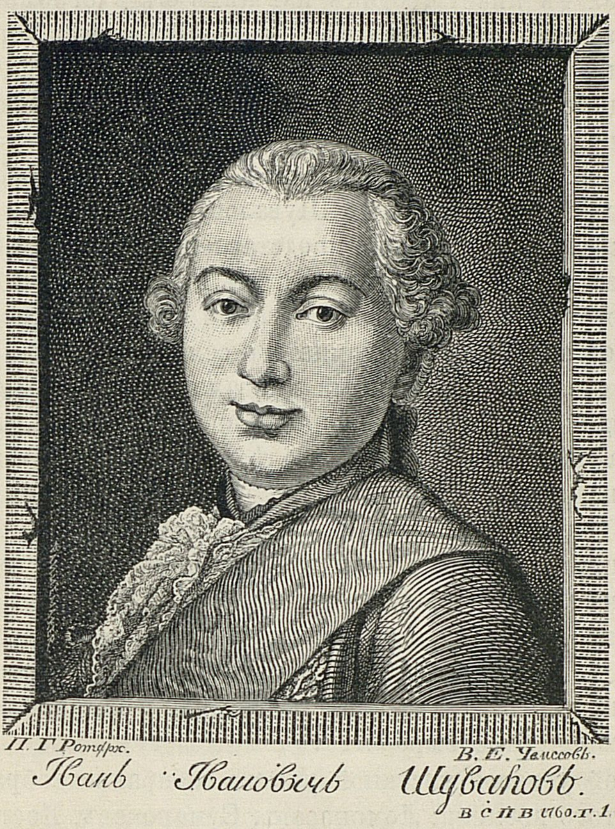
ными поручнями, украшенныя статуями; полъ въ сѣняхъ изъ мрамора и потолки отдѣланы лѣпною работою. Театръ въ зданіи дворца былъ довольно обширенъ; онъ имѣлъ 25 саженъ въ длину и десять въ ширину и отоплялся десятью печами. Рисунокъ театра составлялъ тоже Растрелли, но исполнялъ по этому рисунку, а также писалъ декораціи и строилъ машины „комедіяльныхъ дѣлъ мастеръ“ итальянецъ Диронбонъ, или, вѣрнѣе, Джироламо Бонъ. Первая репетиція на этомъ театрѣ была исполнена 13 января 1736 года, а первое представленіе 20 января; во время игры на театрѣ передвигали декораціи сорокъ человѣкъ солдатъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ зимній придворный „Театръ-комедія“ находился въ особомъ флигелѣ, отдѣленномъ отъ адмиралтейскаго тремя проходными покоями и свѣтлою галлереею. Въ 1742 году, онъ былъ значительно распространенъ и назывался то „Комеди опера“, то „Опернымъ домомъ“. Елисавета, какъ извѣстно, положила первое прочное основаніе русскому театру, и множество мелочныхъ театральныхъ удобствъ придумывала сама лично. Чертежи, впрочемъ, составлялъ Растрелли, и уже по нимъ исполняли Валеріани и Джибелли. Такъ, находясь въ Москвѣ въ 1749 году, государыня приказала Растрелли, чтобы возлѣ большой царской ложи „сдѣлать рѣшетку отворчатую, чтобы можно было отворять и растворять, и вызолотить, да для теплоты каминъ, по препорціи, съ закрышкою трубы“. Въ 1750 году, императрица приказала Растрелли сдѣлать вновь небольшой переносный театръ, „который бы можно вносить и выносить въ скорости въ проходныя залы“. Представленія во времена Елисаветы происходили въ неопредѣленное время, по предварительному назначенію государыни, иногда за двѣ недѣли впередъ, а иногда указано было представлять комедіи и „тражедіи“ два раза въ недѣлю—каждый вторникъ и пятницу, а дѣйствовать начинать въ семь часовъ по полудни. Въ Анненскомъ зимнемъ домѣ, до постройки и даже въ первые годы работъ новаго дворца, Растрелли ежегодно въ день коронаціи устроивалъ въ большой залѣ и галлереѣ фонтаны, „кашкады, банкетные столы“ и украшалъ стѣны великолѣпными огнями. Здѣсь же также праздновались дни: „вѣчнаго замиренія съ короною шведскою въ 1743 году“ и по случаю бракосочетанія государя наслѣдника съ великою княгинею Екатериною Алексѣевною, въ 1745 году. Послѣднее было великолѣпнѣе всѣхъ другихъ торжествъ ея царствованія. Для фонтановъ выкопали особые изъ Невы каналы; устроили огромные бассейны, шестнадцать лошадей поднимали въ нихъ воду; для каскадовъ сходы и другія украшенія расписали подъ мраморъ; шесть тысячъ шкаликовъ освѣщали большую залу; на лугу и у дворца для народа поставлены были крашеныя пирамиды и били фонтаны изъ меда и другихъ питій.

Пристройки и передѣлки къ Зимнему дворцу не могли, все-таки, сообщить зданію удобствъ; притомъ же самая странность вида дворца, примыкающаго одной стороной къ Адмиралтейству и съ противоположной стороны къ ветхимъ палатамъ Рагузинскихъ, не могла нравиться императрицѣ. Отъ воротъ по правую руку съ луговой стороны мѣстность представляла пестрый, грязный, недостойный мѣста видъ: длинный рядъ деревянныхъ построекъ, сараи, конюшни—все это некрасиво, кое-какъ лѣпилось въ виду дворца. Наконецъ, въ 1754 году, императрица рѣшилась заложить новое зданіе, сказавъ, что „до окончанія передѣлокъ будетъ жить въ Лѣтнемъ новомъ домѣ“, приказавъ строить временный дворецъ на порожнемъ мѣстѣ бывшаго Гостинаго двора, на каменныхъ погребахъ (у Полицейскаго моста). Въ іюлѣ начали бить сваи подъ новый дворецъ. Нева усѣялась множествомъ барокъ и на всемъ пространствѣ, отъ дворца и Мойки, разсыпались шалаши рабочихъ. Въ вѣдомостяхъ явилась публикація о вызовѣ къ поставкѣ 140,000 бочекъ извести свинорѣцкой и сяжской, а затѣмъ и другихъ матеріаловъ; постройка шла медленно; для работниковъ не могли найдти крова, рабочіе жили въ шалашахъ и землянкахъ на лугу или въ отдаленныхъ частяхъ города. Лучшихъ мастеровъ съ трудомъ размѣстили въ казенныхъ домахъ на Крюйсовомъ дворѣ, въ Мусинъ-Пушкинскомъ, Панинскомъ и т. д. Не смотря ни на какія усилія, Растрелли не могъ исполнить приказанія императрицы насчетъ поспѣшнаго окончанія работъ. Первою остановкою работъ была невыдача денегъ рабочимъ, такъ, вмѣсто 120,000, отпускали въ годъ 70,000 или 40,000. Растрелли отъ огорченія заболѣлъ; больной онъ, однако жъ, не переставалъ дѣйствовать; предписанія и рапорты подписывалъ за него бывшій при немъ помощникъ Фельтенъ.

Къ осени 1761 года, согласно обѣщанію Растрелли, императорскій Зимній дворецъ былъ оконченъ вчернѣ. Елисавета изъявила желаніе обозрѣть работы, для чего приказала Растрелли „очистить мѣсто, гдѣ будетъ стоять карета для пріѣзда къ дворцу“, и затѣмъ сдѣлать подъемный стулъ и тотъ покой, гдѣ будетъ стулъ, обить бумажными обоями. На святой недѣлѣ государыня посѣтила свой новый дворецъ, осталась всѣмъ довольна и изъявила желаніе видѣть поскорѣй свои покои оконченными. Растрелли просилъ только о правильномъ отпускѣ денежныхъ суммъ и обѣщалъ окончить въ сентябрѣ 1762 года. Но время шло только въ перепискахъ, и Растрелли денегъ не получалъ. Въ ноябрѣ, государыня приказала, чтобы большая церковь непремѣнно была готова для освященія къ 25-му апрѣля 1762 года, и къ освященію исправлено пять-шесть покоевъ, гдѣ бы полы были гладкіе, столярной работы, безъ клея, а панели и коробки выкрашены были подъ золото. Растрелли приказалъ исправить подъемный стулъ и покой, гдѣ онъ находился, каждую недѣлю дѣлать пробу, а отъ стула въ другіе покои настлать дорогу. Но императрица не только была лишена удовольствія видѣть оконченнымъ лучшій архитектурный памятникъ ея времени, но и присутствовать при освященіи большой церкви. 25-го декабря 1761 года, государыня внезапно скончалась.

По преданію, смерть императрицы предсказала петербургскимъ жителямъ извѣстная въ то время юродивая „Ксенія“, могила которой на Смоленскомъ кладбищѣ и до сихъ поръ пользуется особеннымъ уваженіемъ у народа. Ксенія наканунѣ кончины императрицы ходила до городу и говорила: „Пеките блины, вся Россія будетъ печь блины“! Ксенія Григорьева была жена придворнаго пѣвчаго Андрея Петрова, состоявшаго въ чинѣ полковника; она въ молодыхъ годахъ осталась вдовою; тогда, раздавъ все свое имѣніе бѣднымъ, она надѣла на себя одежду своего мужа и подъ его именемъ странствовала сорокъ пять лѣтъ, изрѣдка проживая на Петербургской сторонѣ, въ приходѣ св. апостола Матвѣя, гдѣ одна улица называлась ея именемъ. Разсказываютъ, что Ксенія пользовалась особеннымъ уваженіемъ у петербургскихъ извозчиковъ, которые, завидя ее гдѣ нибудь на улицѣ, наперерывъ одинъ передъ другимъ предлагали ей свои услуги въ томъ убѣжденіи, что которому изъ нихъ удастся хотя сколько нибудь провезти Ксенію, тому повезетъ счастіе. Годъ смерти ея неизвѣстенъ; одни увѣряютъ, что она умерла до перваго еще наводненія (1777 года), другіе же — что при Павлѣ. Могила Ксеніи издавна пользуется особеннымъ почитаніемъ и уваженіемъ; въ скоромъ времени послѣ ея похоронъ, посѣтители разобрали всю могильную насыпь; когда же была усердствующими положена плита, то и плита была разломана и по кусочкамъ разнесена по домамъ. Сдѣлана была другая плита, но и та недолго оставалась цѣлою. Ломая камень и разбивая землю, посѣтители бросали на могилу деньги. Тогда къ могилѣ прикрѣпили кружку, и на собранныя такимъ образомъ пожертвованія построили памятникъ, въ видѣ часовни, съ надписью: „раба Ксенія, кто меня зналъ, да помянетъ мою душу для спасенія своей души“. И дѣйствительно, ни на одной изъ могилъ на Смоленскомъ кладбищѣ не служится столько панихидъ, какъ здѣсь.

Однимъ изъ красивѣйшихъ домовъ Елисаветинскаго времени былъ домъ знаменитаго „предстателя музъ“, перваго русскаго мецената Ивана Ивановича Шувалова; стоялъ онъ на углу Невскаго и Большой Садовой, гдѣ такъ долго на нашей памяти помѣщался трактиръ Палкина, а теперь фортепьянный магазинъ Шредера. Домъ былъ выстроенъ въ два этажа по плану архитектора Кокоринова [74]). Шуваловъ праздновалъ въ немъ новоселье, 24-го октября 1754 года, великолѣпнымъ маскарадомъ, про который М. В. Ломоносовъ сказалъ слѣдующіе стихи:


П. Г. Ротфрх.
В. Е. Чемесовъ.
Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.
в С П в 1760. г. 1.

И. И. Шуваловъ.

Съ рѣдчайшаго гравированнаго портрета Чемесова. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Европа что родитъ, что протчи части свѣта,
Что осень, что зима, весна и кротость лѣта,
Что воздухъ и земля, что море и лѣса:
Все было у тебя, довольства и краса...

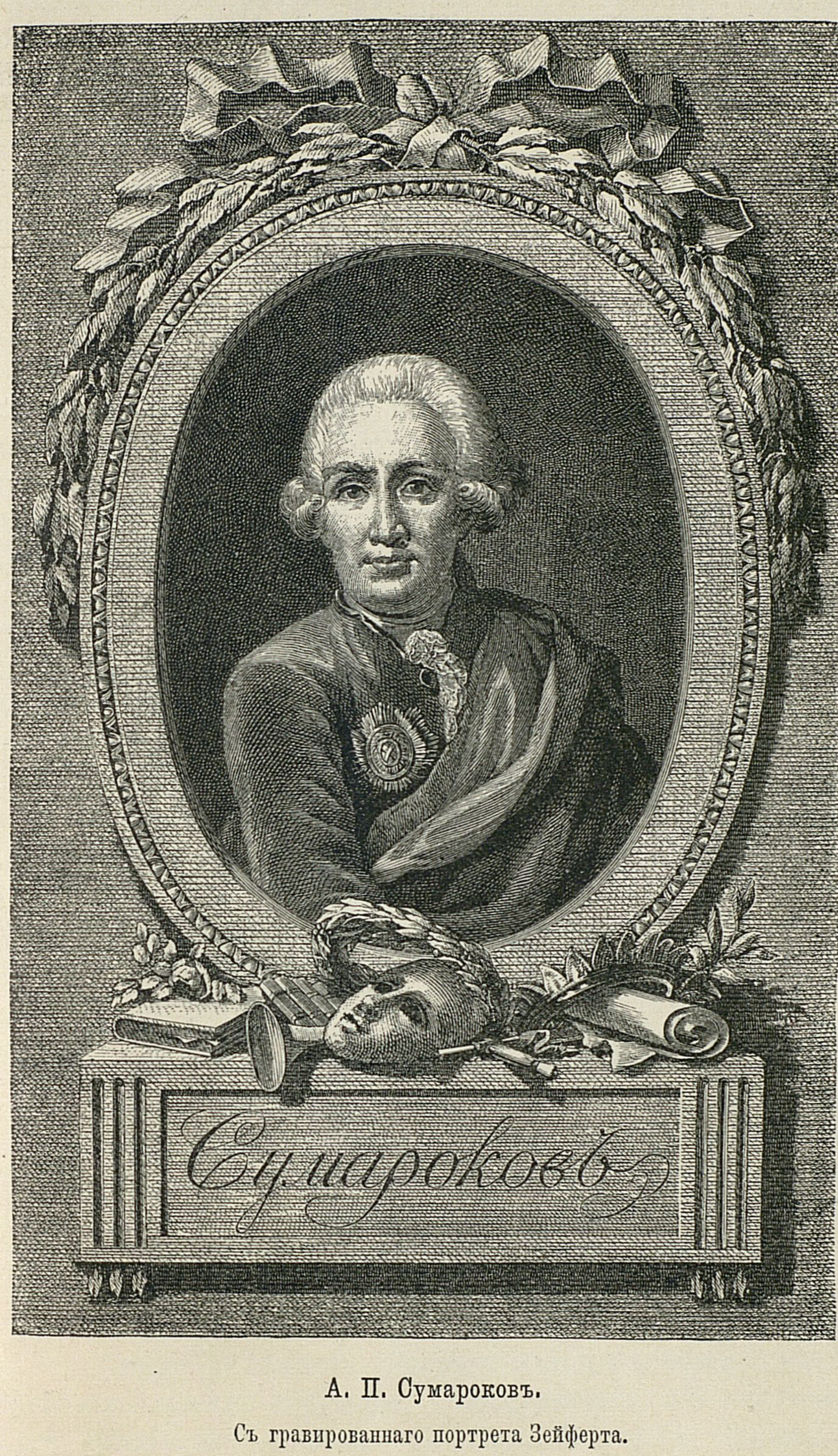
Богатая амфилада комнатъ дома Шувалова была вся увѣшана портретами и картинами. Въ главной залѣ, выходящей окнами на Невскій, сидѣли у дверей за столикомъ два старика, вѣчно играя въ пикетъ; одинъ изъ нихъ былъ огромнаго роста, другой низенькій старичекъ въ черномъ кафтанѣ; первый былъ гайдукъ-силачъ, спасшій Шувалову жизнь въ Швейцаріи, другой камердинеръ, французъ Бернаръ. Оба старика жили на пенсіи и ежедневно, безотлучно дежурили въ картинной залѣ. Какъ разъ надъ ихъ головами висѣла большая картина съ изображеніемъ печальнаго эпизода изъ жизни Шувалова, чуть-чуть не стоившаго ему жизни. На картинѣ былъ представленъ швейцарскій пейзажъ, гдѣ на высотѣ большой горы виднѣлась повисшая надъ пропастью карета, которую поддерживаетъ своими плечами огромный гайдукъ. Въ свѣтлой угловой комнатѣ о семи окнахъ, въ большомъ креслѣ, у столика, окруженный книгами и друзьями, сидѣлъ маститый сѣдой старикъ, сухощавый, средняго росту, въ свѣтлосѣромъ кафтанѣ и бѣломъ камзолѣ. Видѣвшій Шувалова уже семидесятилѣтнимъ старцемъ, Тимковскій говорилъ о немъ такъ: „Рѣчью и видомъ онъ былъ бодръ, но слабъ ногами, лицо у него было всегда спокойное, поднятое, обращеніе со всѣми упредительное, весело-видное, добродушное. Въ разговорахъ онъ имѣлъ рѣчь свѣтлую, быструю, безъ всякихъ приголосковъ. Русскій языкъ его былъ съ красивою обдѣлкою въ тонкостяхъ и тонахъ, французскій онъ употреблялъ, гдѣ его вводили и когда, по предмету, хотѣлъ что сильнѣе выразить“.

Въ этой угловой гостиной у него собирались образованнѣйшіе люди того времени: Ломоносовъ, Сумароковъ, Костровъ, Богдановичъ, Державинъ, Шишковъ, княгиня Дашкова, Оленинъ, Перепечинъ (извѣстный тоже меценатъ, директоръ банка), Кирилло Каменецкій (его домашній врачъ), авторъ знаменитаго въ свое время травника. Изъ гостинной боковой выходъ велъ въ кабинетъ, оттуда шли его жилыя комнаты окнами на дворъ, прямо же вдоль Садовой улицы шла длинная галлерея съ библіотекою, а за нею и домовая церковь, въ которой сановитаго вида дьячекъ читалъ малороссійскою рѣчью. Шуваловъ въ церкви, по большей части, сидѣлъ въ креслахъ съ подостланнымъ ковромъ; вельможа имѣлъ привычку во время разговоровъ задумываться и креститься у груди небольшимъ крестомъ. Это была его давнишняя привычка, которую онъ пріобрѣлъ, живя въ вѣкъ вольнодумства. Домъ Шувалова видѣлъ многихъ монарховъ. Императрица Елисавета втеченіе года очень часто у него обѣдала и ужинала; сюда же въ домъ Шувалова привозили въ 1756 году бывшаго императора Ивана Антоновича, для свиданія съ императрицею. Здѣсь же почти ежедневнымъ гостемъ былъ императоръ Петръ III и позднѣе очень часто пріѣзжала Екатерина Великая. Передъ этимъ же домомъ, на другой день кончины Шувалова, проѣзжая мимо верхомъ, императоръ Павелъ остановился, снялъ шляпу, поглядѣлъ на окна и низко поклонился.

У Шувалова собирались всѣ литераторы того времени. Въ юной возникавшей тогда журналистикѣ происходили такіе же споры, что̀ и теперь, каждый превозносилъ себя, и каждое изданіе хотѣло превзойдти остальныя и стать во главѣ всѣхъ. Полемика, зависть, даже личные, не совсѣмъ церемонные намеки такъ и сыпались перекрестнымъ журнальнымъ огнемъ и при встрѣчѣ пишущихъ. Ловля подписчиковъ въ то время происходила самымъ комическимъ образомъ: особенно рьяные журналисты раздавали даромъ нерасходившіеся номера своего изданія, съ тѣмъ, чтобы получившій даровой номеръ не подписывался на другіе журналы. Издатель „Поденьщины“ Василій Тузовъ, глубокій провинціалъ, на одномъ вечерѣ у Шувалова, прямо сказалъ женѣ Рубана, издателя ежесубботняго журнала „Ни то ни сіо“: „Скажите вашему мужу, что я его не боюсь и что онъ неосновательно думаетъ, что у меня нѣтъ денегъ на изданіе; вотъ онѣ“, — и онъ показалъ при этомъ пачку ассигнацій.

При встрѣчахъ литераторы того времени рѣдко церемонились, и, какъ разсказывалъ самъ Шуваловъ Тимковскому (см. его записки въ „Москвитянинѣ“ 1852 г.), особенно были такими непримиримыми врагами Ломоносовъ съ Сумароковымъ. „Въ спорахъ Сумароковъ чѣмъ болѣе злился, тѣмъ болѣе Ломоносовъ язвилъ его; и если оба не совсѣмъ были трезвы, то оканчивали ссору запальчивою бранью, такъ что я былъ принужденъ высылать ихъ обоихъ, или чаще Сумарокова. Если же Ломоносовъ занесется въ своихъ жалобахъ, то я посылаю за Сумароковымъ, а съ тѣмъ ожидая заведу рѣчь о немъ. Сумароковъ, услышавъ у дверей, что Ломоносовъ здѣсь, или уходилъ, или, подслушавъ, вбѣгаетъ съ крикомъ: не вѣрьте ему, ваше превосходительство, онъ все лжетъ; удивляюсь, какъ вы даете у себя мѣсто такому пьяницѣ, негодяю.—Самъ ты пьяница, неучъ, подъ школой учился, сцены твои краденыя!—Но иногда,—замѣчаетъ Шуваловъ,—мнѣ удавалось примирить ихъ, и тогда оба были очень пріятны". Примиреніе, впрочемъ, не всегда удавалось. Существуетъ письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 19-го января 1761 года (см. альманахъ Уранія): „Никто въ жизни меня больше не изобидѣлъ, какъ ваше высокопревосходительство: призвали меня сегодня къ себѣ; я думалъ, можетъ быть, какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ... Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! т. е. сдѣлай смѣхъ и позоръ! Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ вамъ послушаніе; только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ,—ваше превосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Не только у стола знатныхъ господъ, или какихъ земныхъ владѣтелей, дуракомъ быть не хочу", и т. д.

Если Ломоносовъ и Сумароковъ всегда шумѣли на вечерахъ Шувалова, то встрѣчались изъ литераторовъ того времени и такіе, которыхъ въ обществѣ считали образцами свѣтскости. Къ такимъ принадлежалъ всегдашній гость Шувалова, авторъ „Душеньки", Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ. Ходилъ онъ всегда щеголемъ въ французскомъ кафтанѣ съ кошелькомъ на спинѣ, съ тафтяной шляпой (клакъ) подъ мышкою; если онъ не садился играть въ карты, то всегда разсказывалъ о дневныхъ и заграничныхъ новостяхъ. Онъ только не любилъ говорить или даже напоминать о своихъ стихахъ и былъ очень щекотливъ на счетъ произведеній своего пера. Послѣ выхода „Душеньки" онъ сдѣлался гостемъ большаго свѣта, всѣ вельможи наперерывъ приглашали его, и почитали большою честью, чтобы авторъ „Душеньки" дремалъ за ихъ поздними ужинами. По выходѣ въ свѣтъ „Душеньки" (въ 1778 году), носилась молва, что Богдановичъ не былъ ея авторомъ. Злые языки говорили, что у Богдановича жилъ молодой талантливый человѣкъ въ качествѣ переписчика, который, тайкомъ отъ Богдановича, читалъ въ своемъ кругу отрывки изъ своей „Душеньки". Этотъ молодой человѣкъ вскорѣ умеръ, оставивъ всѣ свои произведенія Богдановичу. Вскорѣ послѣ этого времени и вышла „Душенька". Можетъ быть, тутъ и говорила зависть, но современники твердили: въ „Душенькѣ" не Богдановича перо и не его воображеніе. Какъ бы въ контрастъ опрятному Богдановичу, у Шувалова постояннымъ гостемъ бывалъ человѣкъ и самой неряшливой внѣшности,—это былъ из-


Сумароковъ

А. П. Сумароковъ.

Съ гравированнаго портрета Зейферта.

вѣстный поэтъ Ермилъ Ивановичъ Костровъ. Видомъ переводчикъ Гомера былъ человѣкъ не высокій, съ лицомъ большимъ, по которому у него выступали красныя пятна, особенно носъ его отличался багрово-краснымъ цвѣтомъ. Платье его было всегда изношено, особенно локти всегда были протерты, за то парикъ его былъ напудренъ, убранъ въ букли и при густо напомаженной косѣ. Этого требовалъ тогда этикетъ... Впрочемъ, нерѣдко случалось, что лицо Кострова было все засыпано мукою, букли и прическа растрепаны и изъ нихъ выпадали шпильки; коса тоже лѣзла изъ ленты и разсыпалась по плечамъ, а худой испачканный камзолъ едва держался на плечахъ, и самъ поэтъ шатался.

Впрочемъ, Костровъ и трезвый былъ не твердъ на ногахъ. Бекетовъ разсказываетъ: когда Костровъ шелъ по улицѣ, то какая нибудь старуха, увидѣвъ его, скажетъ съ сожалѣніемъ: видно, бѣдный больнехонькой! А другой, встрѣтясь съ нимъ, пробормочетъ: „экъ нахлюстался!“ Ни того, ни другаго: и здоровъ, и трезвъ, а такая была походка! Дмитріевъ говоритъ, что домашніе Шувалова обращались съ Костровымъ почти не замѣчая его въ домѣ. „Однажды, — разсказываетъ Дмитріевъ, — спросилъ я, дома ли Ермилъ Ивановичъ? Лакей отвѣчалъ: дома, пожалуйте сюда, — и привелъ меня въ дѣвичью, гдѣ дѣвки занимались работой, а Ермилъ Ивановичъ сидѣлъ въ кругу и сшивалъ разные лоскутки. На столѣ, возлѣ лоскутковъ, лежалъ Гомеръ; на вопросъ, чѣмъ это онъ занимается? — Костровъ отвѣчалъ: — Да вотъ дѣвчата велѣли что-то сшить, — и продолжалъ свою работу“.

Графъ Д. И. Хвостовъ, извѣстный пѣвецъ Курбы, спросилъ однажды Кострова, отчего онъ такъ позабылъ себя? — Меня не разгадали... — отвѣчалъ поэтъ: — мнѣ хотѣлось учить поэзіи съ каѳедры.

◆

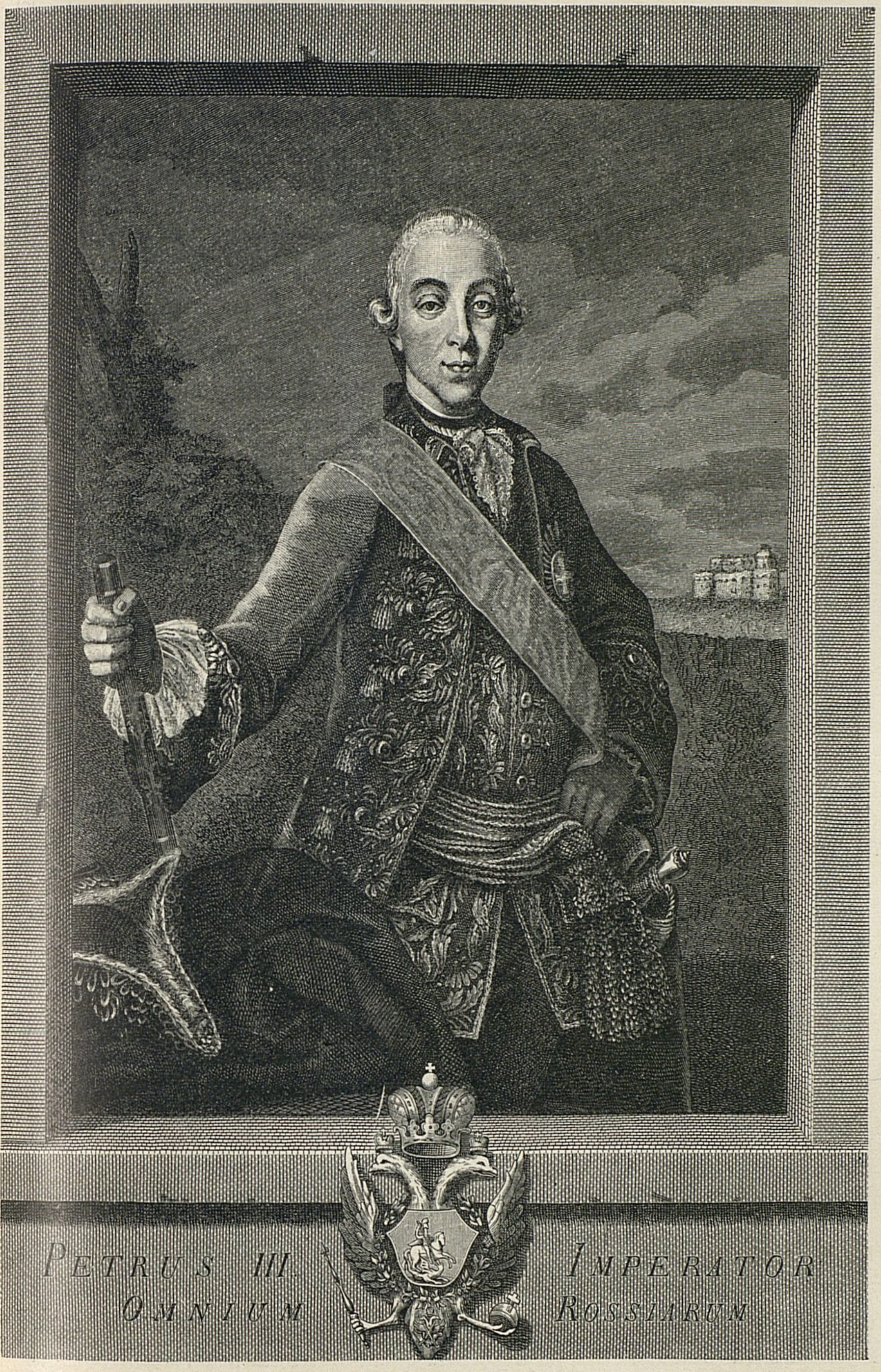
ГЛАВА IX.

Воцареніе Петра III. — Новоселье въ Зимнемъ дворцѣ. — Комната императора. — Освященіе церкви во дворцѣ. — Образъ жизни государя. — Его шутъ. — Милости императора. — Отдѣлки въ Зимнемъ дворцѣ при императрицѣ Екатеринѣ II. — Жизнь государыни во дворцѣ. — Ея привычки и ежедневныя занятія. — Анекдоты изъ жизни Екатерины. — Туалетъ государыни. — Пріемы въ уборной вельможъ и придворныхъ. — Обѣдъ императрицы. — Одежда государыни. — Подарки приближеннымъ. — Прогулки государыни по улицамъ. — Конюшня императрицы. — Парадные выѣзды государыни и ея придворныхъ. — Извозчики. — Почтовая ѣзда. — Приказъ Павла I о высылкѣ всѣхъ извозчиковъ изъ Петербурга. — Мостовыя и загородныя дороги. — Поѣздки помѣщиковъ и вельможъ въ деревни. — Путешествія Потемкина. — Орловскій помѣщикъ Неплюевъ. — Эрмитажъ. — Пріобрѣтеніе разныхъ коллекцій. — Придворныя увеселенія. — Маскарады, большіе и малые. — Интимныя собранія въ Эрмитажѣ. — Театръ въ Эрмитажѣ. — Знаменитости тогдашняго артистическаго міра. — Списокъ пьесъ Эрмитажнаго театра. — Парадные спектакли.

ЗИМНІЙ дворецъ сталъ обитаемъ съ воцареніемъ императора Петра III; этотъ государь первый поселился въ немъ 7-го апрѣля 1762 года, наканунѣ дня Свѣтлаго Воскресенья. Зимній дворецъ, построенный Елисаветой, внутренней отдѣлкой не былъ еще готовъ въ первые дни царствованія Петра III; также и вся площадь передъ дворцомъ была загромождена сплошь разными сараями и лачужками, въ которыхъ жили мастеровые и рабочіе. Кромѣ того, здѣсь же лежали цѣлыя горы мусора, щебня, кирпича и т. д., такъ что подъѣхать къ дворцу не было возможности. Генералъ-аншефъ баронъ Корфъ, исполнявшій тогда должность генералъ-полицеймейстера въ Петербургѣ, предложилъ государю, чтобы очистить эту мѣстность отъ хлама, отдать всю рухлядь бѣднымъ жителямъ города. Императору понравилось это предложеніе, и онъ приказалъ немедленно объявить, что отдаетъ все это народу. Не успѣло пройдти нѣсколько часовъ отъ позволенія, какъ со всѣхъ сторонъ и изо всѣхъ улицъ бѣжали и ѣхали цѣлыя тысячи народа, всякій спѣшилъ ломать и отвозить въ домъ свой постройки и опять возвращался за хламомъ. Площадь, по разсказамъ современниковъ, представляла зрѣлище довольно любопытное; самъ государь долго не могъ оторваться отъ оконъ, смотря, какъ народъ рвалъ и тащилъ все; къ вечеру отъ всего этого несмѣтнаго количества хижинъ, лачужекъ, шалашей и т. д. не оставалось ни брёвнушка, ни одной дощечки, все было свезено и очищено, и даже на щебень и мусоръ нашлись охотники. Не успѣли еще площадь хорошо очистить, какъ государь уже переѣхалъ въ новый дворецъ, гдѣ занялъ часть фасада, выходящаго окнами на площадь и уголъ Милліонной. Эти аппартаменты извѣстны были потомъ подъ названіемъ комнатъ короля прусскаго. Переѣздъ императора не отличался никакимъ особеннымъ церемоніаломъ; покои, которые онъ занялъ, отдѣлывалъ для него извѣстный въ то время ученикъ Растрелли, архитекторъ Чевакинскій. Штучные полы и живописные плафоны для этихъ комнатъ были выписаны изъ Италіи. Спальней государя была угловая комната на площадь, рядомъ съ нею помѣщалась его библіотека. Государь приказалъ также надъ подъѣздомъ (нынѣшнимъ Комендантскимъ) устроить шатеръ (фонарчикъ) и въ немъ отдѣлать себѣ кабинетъ; обдѣлка послѣдняго обошлась въ 3,643 рубля. Государыня Екатерина Алексѣевна заняла по переѣздѣ во дворецъ комнаты, извѣстныя послѣ подъ наименованіемъ комнатъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ день переѣзда императорской фамиліи въ Зимній дворецъ, въ великую субботу, была освящена придворная соборная церковь новгородскимъ архіепископомъ Дмитріемъ Сѣченовымъ во имя Воскресенія Господня. Позднѣе, въ 1763 году, при перенесеніи въ церковь древняго образа Христа Спасителя на убрусѣ, по волѣ Екатерины II, храмъ былъ вновь освященъ 12-го іюля преосвященнымъ Гавріиломъ, архіепископомъ петербургскимъ и шлиссельбургскимъ, во имя Спаса Нерукотворнаго образа [76]).

Императоръ не присутствовалъ при освященіи храма; воспитанный въ правилахъ лютеранства, онъ не любилъ ходить въ русскую церковь и подчиняться ея обрядамъ. Пока Петръ III жилъ еще въ Голштиніи ребенкомъ и была надежда, что онъ вступитъ на русскій престолъ, его учили закону Божію у іеро-


PETRUS III. IMPERATOR
OMNIUM ROSSIARUM

Императоръ Петръ III.

Съ гравюры Рокотова, сдѣланной съ портрета, писаннаго Тейхеромъ.

монаха греческой церкви; но по вступленіи Анны Іоанновны на престолъ надежда эта рушилась, и къ Петру былъ приставленъ пасторъ для обученія „лютеранской догмѣ“. Послѣ пріѣзда его въ Петербуръ и объявленія наслѣдникомъ русскаго престола, онъ опять сталъ исповѣдовать православную вѣру и къ нему былъ назначенъ императрицей Елисаветою законоучитель Симонъ Тодорскій[77]). Елисавета даже сама учила его креститься порусски. Но Петръ неособенно охотно подчинялся ученью и догматамъ православной церкви, онъ спорилъ съ Тодорскимъ и часто такъ горячо, что нерѣдко бывали призываемы его приближенные, чтобы охладить его горячность и склонить къ болѣе мягкимъ выраженіямъ. Петръ также никогда не соблюдалъ постовъ, онъ ссылался всегда по этому поводу на примѣръ своего дѣда Петра I, который тоже не могъ ѣсть ничего рыбнаго. При вступленіи своемъ на престолъ, Петръ III послалъ предложеніе духовенству ходить въ свѣтскомъ платьѣ и обратить вниманіе на излишекъ иконъ въ церквахъ. Новгородскій архіепископъ Димитрій воспротивился этому нововведенію и получилъ приказаніе тотчасъ же выѣхать изъ Петербурга. Впрочемъ, чрезъ недѣлю императоръ простилъ его. Позднѣе, въ царствованіе Екатерины II, духовенство, бывшее на службѣ за границей, по возвращеніи въ Россію имѣло уже право брить бороды и ходить въ свѣтской одеждѣ. Первый изъ православныхъ священниковъ брилъ бороду Самборскій, извѣстный другъ Сперанскаго, занимавшій въ царствованіе Екатерины, Павла и Александра весьма почетное мѣсто въ духовной іерархіи. Такое бритье бороды очень скандализировало многихъ нашихъ священниковъ, и разъ по этому случаю у Самборскаго былъ споръ съ митрополитомъ Гавріиломъ; Храповицкій характеристично описываетъ этотъ споръ въ своихъ запискахъ: „Когда въ 1788 году, 20-го мая духовенство собралось для освященія царскосельской Софійской церкви, то предъ освященіемъ въ алтарѣ, до прибытія императрицы, произошла ссора у митрополита Гавріила съ Самборскимъ изъ-за бороды, которую брилъ Самборскій“, и т. д.

Если вѣрить разсказамъ современниковъ Петра III, то онъ довольно регулярно ходилъ въ придворную церковь къ концу обѣдни, но только вотъ по какому случаю: между новыми придворными обычаями французская мода замѣнила русскій обычай низко кланяться, т. е. нагибать голову въ поясъ. Попытки старыхъ придворныхъ дамъ пригибать колѣна, согласно съ нововведеніемъ, были очень неудачны и смѣшны. И вотъ, чтобъ дать волю смѣху, смотря на гримасы, ужимки и присѣданія старухъ, Петръ бывалъ у выхода изъ церкви. Государь въ частной жизни обходился съ приближенными очень снисходительно и добродушно, пилъ съ ними пуншъ изъ одной чаши и курилъ табакъ кнастеръ изъ глиняной трубки. Петръ былъ большой охотникъ до куренія и желалъ, чтобъ и другіе курили. Онъ всюду, куда ни ѣздилъ въ гости, всегда приказывалъ за собою возить цѣлую корзину голландскихъ глиняныхъ трубокъ и множество картузовъ съ кнастеромъ и другими сортами табаку; куда бы государь ни пріѣзжалъ, въ мигъ комнаты наполнялись густѣйшимъ табачнымъ дымомъ, и только послѣ того Петръ начиналъ шутить и веселиться.

Любимой карточной игрой Петра III была „campis“. Въ этой игрѣ каждый имѣлъ нѣсколько жизней; кто переживетъ, тотъ и выигрываетъ; на каждое очко ставились червонцы, императоръ же, когда проигрывалъ, то вмѣсто того, чтобы отдать жизнь, бросалъ въ пульку червонецъ, и съ помощью этой уловки всегда оставался въ выигрышѣ. Обыкновенными его партнерами были двое Нарышкиныхъ съ ихъ женами, Измайловъ, Елизавета Дашкова, Мельгуновъ, Гудовичъ и Анжернъ. У государя былъ любимецъ негръ-шутъ, „Нарцисъ“. Про этого негра, отличавшагося необыкновенною злостью, существуетъ нѣсколько анекдотовъ. Разъ государь замѣтилъ своего любимца, яростно оборонявшагося и руками, и ногами отъ другаго служителя, который билъ его немилосердно. Петръ, узнавъ, что соперникъ его шута былъ полковой мусорщикъ, съ досадой воскликнулъ: „Нарцисъ для насъ потерянъ навсегда, или онъ долженъ смыть свое безчестіе кровью!“—и для того, чтобы привести эти слова въ дѣло, приказалъ тотчасъ же изъ побитаго шута выпустить нѣсколько капель крови. Кромѣ этого негра, у императора былъ любимецъ камердинеръ Бастидонъ, родомъ португалецъ, на дочери котораго былъ женатъ поэтъ Державинъ.

Петръ III плохо говорилъ порусски и не любилъ русскаго языка, за то онъ души не чаялъ во всемъ нѣмецкомъ и до обожанія любилъ короля прусскаго Фридриха II, у котораго считалъ за честь числиться лейтенантомъ въ службѣ. Петръ постоянно носилъ на пальцѣ брилліантовый перстень съ изображеніемъ короля; онъ также любилъ играть на скрипкѣ и затѣмъ всякія военныя экзерциціи, хотя пугался выстрѣла изъ ружья, очень боялся грозы и не могъ безъ страха подойдти къ ручному медвѣдю на цѣпи; императрица Екатерина разсказывала о томъ, какъ крыса, разъ забравшаяся въ его игрушечную крѣпость, съѣла картоннаго солдатика, за что̀, по военному уставу, была имъ повѣшена. Петръ III не лишенъ былъ и суевѣрныхъ предразсудковъ: такъ онъ очень любилъ гадать въ карты. Кто-то сказалъ императору, что есть офицеръ Веревкинъ [78]), большой мастеръ гадать на нихъ; послали за нимъ. Веревкинъ взялъ колоду въ руки, ловко выбросилъ на полъ четыре короля. — Что это значитъ? — спросилъ государь. —Такъ фальшивые короли падаютъ передъ истиннымъ царемъ, — отвѣчалъ онъ. Фокусъ оказался удачнымъ, и гаданье имѣло большой успѣхъ. Императоръ разсказалъ про мастерство Веревкина на картахъ Екатеринѣ; императрица пожелала его видѣть, Веревкинъ явился съ колодою картъ.

— Я слышала, что вы человѣкъ умный, — сказала государыня: — неужели вы вѣруете въ подобныя нелѣпости?

— Нимало, — отвѣчалъ Веревкинъ.

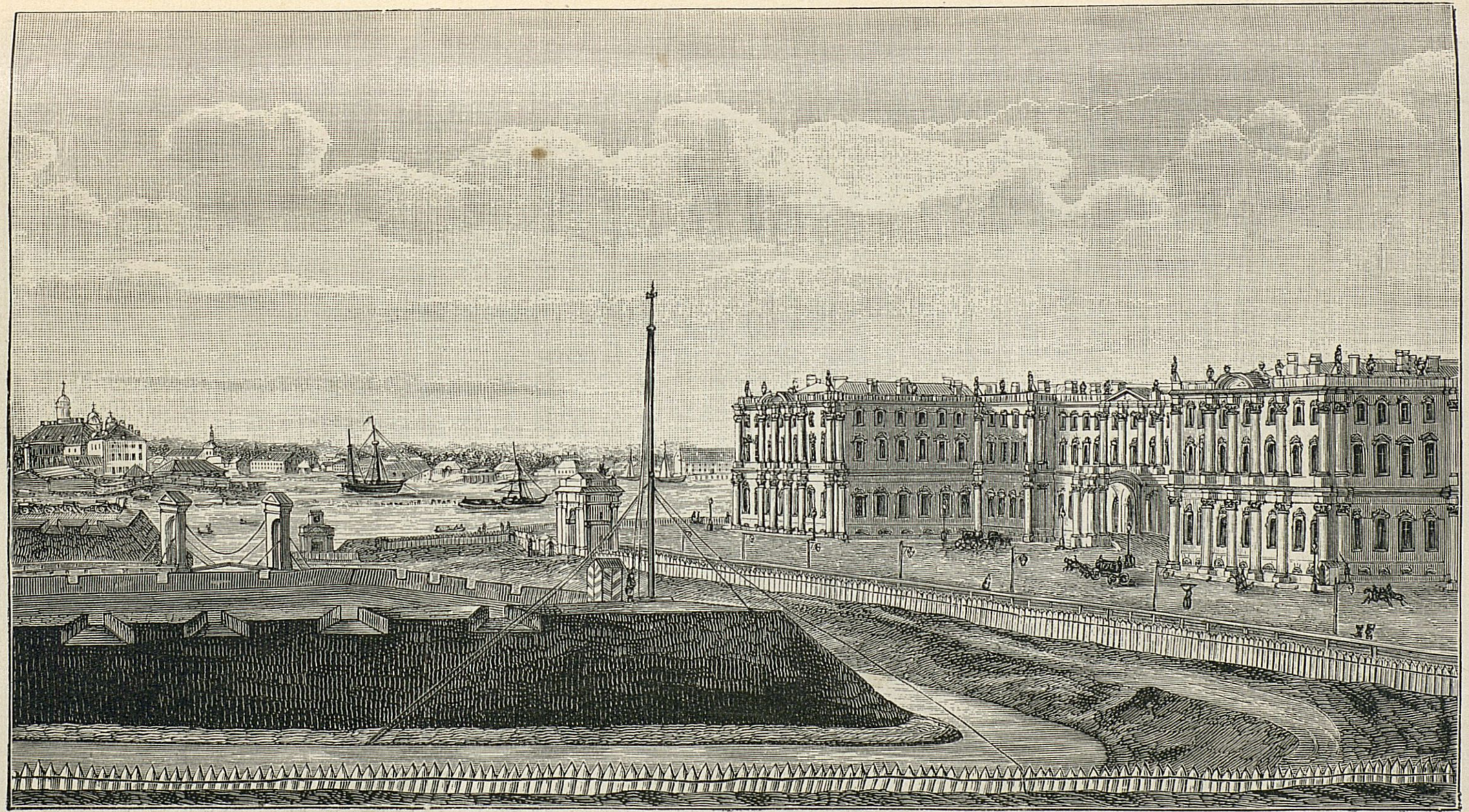
— Я очень рада, — прибавила Екатерина: — и скажу, что вы въ карты наговорили мнѣ чудеса.

Князь Вяземскій разсказываетъ, что Веревкинъ былъ разсказчикъ и краснобай, какихъ было немного; его прихожая съ шести часовъ утра наполнялась присланными съ приглашеніями на обѣдъ или на вечеръ; хозяева сзывали гостей на Веревкина. Отправляясь на вечера, онъ спрашивалъ своихъ товарищей:

— Какъ хотите: заставить ли мнѣ сегодня слушателей плакать или смѣяться? — И съ общаго назначенія то морилъ со смѣха, то приводилъ въ слезы.

Петръ III началъ свое царствованіе рядомъ милостей: онъ возвратилъ изъ ссылки множество людей, сосланныхъ Елисаветою, уничтожилъ ненавистное „слово и дѣло“; но важнѣйшими его правительственными мѣрами были дарованія дворянамъ различныхъ льготъ. Дворяне хотѣли въ память этого событія вылить статую Петра III изъ золота [79]). Петръ III первый сталъ награждать женщинъ орденами: онъ далъ орденъ св. Екатерины Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой; первый же этотъ женскій орденъ имѣлъ мужчина — князь А. Д. Меншиковъ.

Послѣ переѣзда государя во дворецъ, внутренняя отдѣлка Зимняго дворца все еще продолжалась. Поправляли потолки и крышу, которая оказала течь, расписывали плафонъ въ комнатѣ камеръ-фрейлины Елизаветы Воронцовой, отдѣлывали мраморомъ стѣны аванзалы и античной комнаты, поправляли также и набережную у Зимняго дворца. Затѣмъ строили манежъ и надъ нимъ выводили висящій садъ, въ которомъ были посажены де-



Новый Зимній дворецъ, отстроенный въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны.

Съ акварели прошлаго столѣтія Бенуа. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

ревья до 4$^1/_2$ саженъ вышины; работы производились подъ надзоромъ архитекторовъ Жеребкова и Фельтена.

Года черезъ два былъ разобранъ оставшійся несломаннымъ деревянный флигель и отвезенъ въ Красное Село. Связи и кровельное желѣзо съ него были отданы для строившейся въ то время Владимірской церкви, чтѡ въ придворныхъ слободахъ. Названіе это получила она отъ того, что первоначально къ приходу ея принадлежали одни придворные служители, о чемъ также свидѣтельствуетъ и названіе окружающихъ ее улицъ, населенныхъ одними придворными ремесленниками. Такъ, напримѣръ, хлѣбники жили въ Хлѣбномъ переулкѣ, гребцы—въ Гребецкой улицѣ, повара — въ Поварскомъ переулкѣ, стремянщики — въ Стремянной улицѣ, кузнецы—въ Кузнечномъ переулкѣ и т. д. Въ 1746 году, Владимірская церковь[80]) помѣщалась въ домѣ коммиссара главной дворцовой канцеляріи, Ѳеодора Якимова, на углу улицъ Басманной (теперь Колокольная) и Грязной (Николаевская); домъ этотъ теперь принадлежитъ г-жѣ Сироткиной.

Екатерина II довершила начатыя Петромъ III перестройки и отдѣлки въ Зимнемъ дворцѣ. Общій расходъ всѣхъ потраченныхъ суммъ на отдѣлку дворца къ 1768 году достигалъ 2,622,020 рублей 19$^3/_4$ коп. Главнымъ директоромъ внутреннихъ работъ въ Зимнемъ дворцѣ въ это время былъ извѣстный любитель художествъ и искусствъ, Ив. Ив. Бецкій.

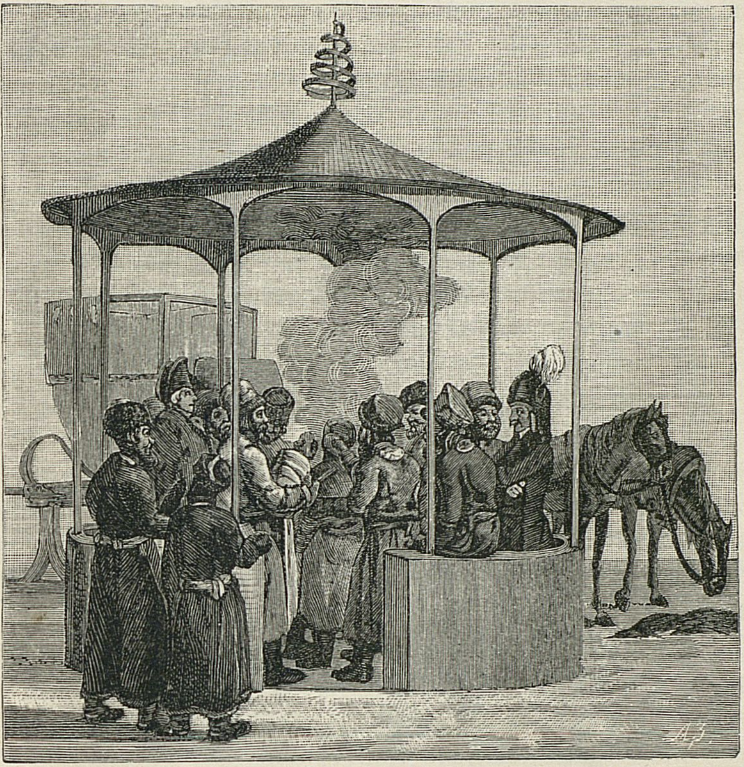
Въ 1767 году, приступлено было къ новой пристройкѣ къ дворцу для Эрмитажа; зданіе выводилось архитекторомъ Деламотомъ, и продолговатая постройка его тянулась отъ Милліонной до Невы, между двумя дворцовыми переулками. Спустя четыре года, начали строить, по проекту архитектора Фельтена, другую часть постройки, тоже для Эрмитажа, по Милліонной и набережной, отъ Ламотовскаго зданія до Зимней канавки; ее называли Шепелевскимъ дворцомъ, по находившемуся здѣсь дому Шепелева[81]). Въ 1780 году, были сдѣланы еще пристройки за Зимней канавкой на мѣстѣ, гдѣ были прежде дома: купца Крейца, г. Кошелева и другихъ. По окончаніи этихъ построекъ въ 1783 году, императрица приказала архитектору Гваренги, на мѣстѣ, гдѣ былъ Лейбъ-кампанскій корпусъ[82]), построить театръ и непремѣнно его окончить къ августу 1784 года. Архитекторомъ Гваренги была тоже построена и арка, соединяющая Эрмитажъ съ театромъ, и часть, заключающая рафаэлевы ложи, подъ которыми была расположена въ четырехъ комнатахъ купленная Екатериною библіотека Вольтера и Дидеро, состоящая изъ 50,000 книгъ; здѣсь же хранилась библіотека географа Бюшинга, старинныя рукописи, собраніе картъ и любимыя книги императрицы на русскомъ языкѣ: это была собственная ея величества библіотека. Вмѣстѣ съ этими постройками Гваренги устроилъ для государыни изъ Эрмитажа пологій, почти непримѣтный скатъ [83]), по которому императрица скатывалась въ креслахъ къ самымъ дверямъ, расположеннымъ у эрмитажнаго подъѣзда. На эти постройки было израсходовано всего 300,000 рублей.

Разсказываютъ, что когда Гваренги построилъ арку, то завистники этого зодчаго донесли государынѣ, что она очень непрочна и грозитъ паденіемъ. Императрица приказала тщательно со всею возможною строгостью ее освидѣтельствовать, и когда было найдено, что арка тверда и во всѣхъ частяхъ пропорціональна, то государыня приказала дать въ ней роскошный пиръ.

Большихъ и малыхъ залъ въ возведенныхъ пристройкахъ тогда считалось около сорока. Въ 1786 году, начато было архитекторомъ Гваренги строеніе мраморной галлереи (Георгіевской и Тронной залы). Въ 1787 году, сдѣланы своды во всѣхъ кухняхъ и службахъ нижняго жилья, гдѣ ихъ прежде не было, также подъ мыльнею на половинѣ государыни; для ихъ высочествъ сдѣланы мыльни подъ строеніемъ, передѣланнымъ изъ большаго зала, который былъ разобранъ, и вмѣсто его построены комнаты и внутренній непроѣздный дворикъ; въ то же время, „по умноженіи фамиліи государыни“, повелѣно сдѣлать третью кухню подъ этими покоями. На постройки было отпущено 100,000 рублей. Въ 1793 году, отдѣлывались двѣ аванзалы и огромная между ними мраморная разноцвѣтная галлерея; работы производились сперва подъ распоряженіемъ генералъ-маіора Попова, а послѣ генералъ-поручика Тургенева; употреблено было всего 782,556 рублей 47$^1/_2$ копѣекъ, изъ числа которыхъ пошло на мраморъ 291,502 рубля, на бронзу 283,792 рублей; на живопись, лѣпную работу, потолки и проч. 43,000 рубля. Въ 1794 году, въ Георгіевской залѣ былъ устроенъ великолѣпный тронъ; неизвѣстно только, когда онъ былъ передѣланъ и замѣненъ нынѣшнимъ [84]). Должно предполагать, что первый рисунокъ былъ превосходный. Къ трону вели шесть мраморныхъ ступеней, на которыхъ возвышались боковыя стѣны съ арками, орнаментами, и задняя съ богатымъ по верху архитравомъ изъ мрамора, по сторонамъ стояли двѣ большія мраморныя вазы и статуи „Вѣра и Законъ“, взятыя въ 1795 году отъ садоваго инспектора Крока. Тронъ устроенъ былъ архитекторомъ Старовымъ.

Въ шесть часовъ утра, когда все въ Зимнемъ дворцѣ спало, императрица Екатерина вставала, одѣвалась, никого не безпокоя, сама зажигала свѣчки и разводила каминъ. Государыня не любила тревожить прислугу, она говорила: „Надо жить и давать жить другимъ“. Если она звонила, чтобы ей подали воды, и камеръ-лакей спалъ въ сосѣдней комнатѣ, то она терпѣливо ждала. Отъ постели государыня переходила въ другую комнату, гдѣ для нея была приготовлена теплая вода для полосканія горла, брала ледъ для обтиранія лица отъ густо разрумяненной дѣвицы, камчадалки Алексѣевой; послѣдняя была часто неисправною и забывала приготовить нужное. Императрицѣ нерѣдко долго приходилось ее ждать, и разъ Екатерина сказала окружающимъ: „Нѣтъ, это уже слишкомъ часто, взыщу непремѣнно“. При входѣ виновной императрица ограничилась слѣдующимъ выговоромъ: „Скажи мнѣ, пожалуйста, Екатерина Ивановна, или ты обрекла себя навсегда жить во дворцѣ? Станется, что выйдешь замужъ, то неужели не отвыкнешь отъ своей безпечности; вѣдь мужъ не я; право, подумай о себѣ“. Послѣ утренняго туалета императрица шла въ кабинетъ, куда приносили ей крѣпкій кофе съ густыми сливками и гренками. Кофе варили ей изъ одного фунта на пять чашекъ, послѣ нея лакеи добавляли воды въ остатокъ, послѣ нихъ истопники еще переваривали.

Разъ замѣтивъ, что секретарь императрицы, Кузьминъ, дрожалъ отъ холода, государыня приказала ему выпить чашку своего кофе: съ Кузьминымъ сдѣлалось сильное біеніе сердца, такъ былъ крѣпокъ кофе. Подъ старость императрицѣ былъ запрещенъ кофе, въ виду ея полнокровія, но она, всетаки, продолжала пить и въ день смерти выпила его двѣ чашки. Гренки и сахаръ государыня раздавала своимъ собачкамъ, которыхъ очень любила, и клала спать у себя въ ногахъ, подлѣ кровати, на маленькихъ тюфячкахъ, подъ атласными одѣялами. Пока государынѣ читали секретари бумаги и докладывали о дѣлахъ министры, она вязала или шила по канвѣ. Обѣдъ государыни былъ въ часъ, кушала она обыкновенно три или четыре блюда. Пила одну чистую воду, которую доставляли ей даже въ Царское Село, на что̀ выдавалось въ лѣто 10,000 рублей. Вино государыня стала пить подъ старость, по совѣту доктора одну рюмку мадеры въ день. Также императрица очень любила смородинное желе, разведенное водою. Послѣ обѣда государыня сама читала или читывалъ ей книги Иванъ Ивановичъ Бецкій. Императрица очень любила нюхать табакъ, но никогда не носила съ собой табакерки; послѣднія, впрочемъ, у ней лежали на всѣхъ столахъ и окнахъ въ ея кабинетѣ. Привычка не носить съ собой табакерки произошла у ней отъ того, что Петръ III не позволялъ ей нюхать табакъ; но страсть у Екатерины къ табаку была на столько сильна, что она не могла долго обходиться безъ нюханія, и при жизни Петра III всегда просила князя Голицына садиться за обѣдомъ возлѣ нея и тихонько подъ столомъ угощать ее табакомъ. Разъ императоръ замѣтилъ это и очень разсердился на Голицына, сдѣлавъ ему серьёзный выговоръ. Императрица впослѣдствіи нюхала табакъ только тотъ, который для нея сѣяли въ Царскомъ Селѣ; нюхала же его всегда лѣвой рукой на томъ основаніи, что правую руку давала цѣловать своимъ вѣрноподданнымъ.



Грѣлка передъ Зимнимъ дворцомъ, устроенная по приказанію Екатерины II.

Съ акварели Гейслера, конца прошлаго столѣтія.

Государыня садилась послѣ кофе за дѣла; въ кабинетѣ всѣ бумаги лежали по статьямъ по разъ заведенному порядку, на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ; передъ нею во время чтенія бумагъ ставилась табакерка съ изображеніемъ Петра Великаго; императрица говорила, смотря на него: „Я мысленно спрашиваю это великое изображеніе, что̀ бы онъ повелѣлъ, что бы запретилъ или что̀ бы онъ сталъ дѣлать на моемъ мѣстѣ?“ Занятія государыни продолжались до 9 часовъ, въ это время она никогда не безпокоила другихъ: сама выпускала собачекъ, отворяла имъ дверь. Подъ старость только государыня завела колокольчикъ, на зовъ котораго являлась всегда Марья Савишна Перекусихина. Въ бытность еще цесаревной, Екатерина любила потѣшаться съ колокольчикомъ: разъ она спряталась подъ кровать и, держа въ рукѣ колокольчикъ, звонила; прислуга нѣсколько разъ входила въ спальню въ недоумѣніи и долго искала ее, пока сама забавлявшаяся великая княгиня не открыла имъ своей шутки. До чего она дорожила спокойствіемъ своихъ слугъ, существуетъ много анекдотовъ. Такъ, однажды, она услышала громкій, неизвѣстно откуда происходящій голосъ: Потушите, потушите огонь!

— Кто тамъ кричитъ? — спросила она.

— Я, трубочистъ, — отозвался голосъ изъ трубы.

— А съ кѣмъ ты говоришь?

— Знаю, что съ государыней, — отвѣтилъ онъ: — погасите только огонь поскорѣе, мнѣ горячо.

Екатерина тотчасъ сама залила дрова, и замѣтивъ, что труба отъ самаго верха прямая, приказала сдѣлать въ ней рѣшетку. Государыня разъ рано утромъ увидала изъ окна, что старуха ловитъ предъ дворцомъ курицу и не можетъ поймать. „Велите пособить бѣдной старухѣ и узнайте, что это значитъ?“ — повелѣла императрица. Государынѣ донесли, что внукъ этой старухи служитъ поваренкомъ, и что курица казенная, украдена. „Прикажите же навсегда, — сказала Екатерина: — чтобъ эта старуха получала всякій день по курицѣ, но только не живой, а битой. Этимъ распоряженіемъ мы отвратимъ отъ воровства молодаго человѣка, избавимъ отъ мученія его бабушку и поможемъ ей въ нищетѣ“. Послѣ того старуха каждый день являлась на кухню и получала битую курицу. Разъ, прогуливаясь въ садикѣ, государыня, замѣтила въ гротѣ садоваго ученика, который имѣлъ передъ собою четыре блюда и собирался обѣдать. Она заглянула въ гротъ и сказала:

— Какъ ты хорошо кушаешь! Откуда ты это получаешь?

— У меня дядя поваромъ, онъ мнѣ даетъ.

— И всякій день по стольку?

— Да, государыня, но лишь во время вашего пребыванія здѣсь.

— Стало быть, ты радуешься, когда я сюда переселяюсь?

— Очень, очень, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну, кушай, кушай, не хочу тебѣ мѣшать,—и государыня пошла отъ него прочь. Придворная прислуга при ней наживалась и тащила все; государыня смотрѣла на эту поживу глазами доброй хозяйки. Напримѣръ, при ней показывали на одинъ обѣдъ караульнаго офицера во дворцѣ 70 рублей, дворцовое серебро чистили такимъ порошкомъ, что значительная доля серебра оставалась чистильщикамъ. Великому князю Александру Павловичу разъ потребовалась ложка рому, и съ тѣхъ поръ въ расходъ записывалась бутылка рому. Эта бутылка рому показывалась на ежедневный расходъ даже въ царствованіе Николая, ее открыла императрица Александра Ѳеодоровна. Императрица со всякимъ истопникомъ и лакеемъ обращалась привѣтливо, прибавляла къ словамъ: потрудись, пожалуй, спасибо, очень довольна и т. д.

Всѣ служащіе при ея особѣ имѣли къ ней такую привязанность, что малѣйшее неудовольствіе государыни повергало слугъ въ большое горе. У государыни было пять камердинеровъ, три при ней и два при Эрмитажѣ, у каждаго были особыя должности. Одинъ смотрѣлъ за гардеробомъ, другой надзиралъ за чистотой въ комнатахъ, третій былъ начальникомъ „казенной“, въ которой хранились бархаты, матеріи, полотна, парчи и другія вещи. Былъ при ней посыльный, старичекъ Ѳедоръ Михайловичъ. Всѣ важныя бумаги и дѣла она посылала съ нимъ незапечатанными. Письма отправлялись слѣдующимъ образомъ: старикъ открывалъ свой карманъ, говоря: „Положите сами, государыня“. Императрица укладывала въ немъ бумаги, какъ въ сумкѣ. Когда же онъ являлся къ посланному, то тотъ уже самъ вынималъ изъ кармана почту. Любимый ея камердинеръ, Поповъ, отличался необыкновенною правдивостью, хотя и въ грубой формѣ, но императрица на него не гнѣвалась. Разъ Екатерина приказываетъ ему принести часы. Поповъ отвѣчаетъ, что нѣтъ у нея такихъ. Императрица приказываетъ ему принести всѣ ящики. „Я сама осмотрю, когда ты упрямишься“.—„Зачѣмъ ихъ понапрасну таскать, когда ихъ нѣтъ“. Графъ Орловъ, случившійся при этомъ разговорѣ, дѣлаетъ за грубость замѣчаніе Попову; тотъ ему, въ свою очередь, отвѣчаетъ: „Еще правда не запрещена, она сама ее любитъ“. Наконецъ, ящики были принесены, и часовъ не нашли. „Кто же теперь неправъ, государыня?“ — сказалъ Поповъ. — „Я, — сказала государыня: — прости меня“. Другой разъ, не находя на своемъ бюро нужной бумаги, Екатерина сдѣлала этому камердинеру выговоръ, сказавъ: „Вѣрно, ты ее куда нибудь задѣвалъ?“ Поповъ грубо отвѣчалъ: „Вѣрно, вы сами куда нибудь ее замѣшали“. Государыня въ досадѣ приказала ему выйдти вонъ изъ комнаты. Скоро государыня, найдя бумагу въ другомъ мѣстѣ, приказала позвать Попова къ себѣ. Поповъ не шелъ, говоря: „Зачѣмъ я къ ней пойду, когда она меня отъ себя выгнала?“ Только по третьему зову предсталъ на глаза государыни угрюмый ея камердинеръ.

Разъ Поповъ доложилъ государынѣ, что крестьяне одной деревни просятъ его, чтобы онъ ихъ купилъ, и предлагаютъ ему въ пособіе 15,000 рублей. Государыня велѣла ему напомнить ей, когда онъ будетъ совершать купчую. Черезъ нѣсколько времени, вспомнивъ объ этомъ, она спрашиваетъ Попова: „Что же твоя деревня?“ Поповъ отвѣчаетъ ей, что по этому имѣнію явилась тяжба. „А когда такъ, — сказала Екатерина, — то я запрещаю тебѣ судиться, потому что судьямъ извѣстно, что ты одинъ изъ моихъ приближенныхъ, и потому навѣрно рѣшатъ въ твою пользу“. Государыня сутяжничество и взяточничество преслѣдовала сильно. Разъ, узнавъ, что владимірскій намѣстникъ беретъ взятки, Екатерина послала ему въ подарокъ въ день Новаго года кошелекъ длиною въ аршинъ. По словамъ Сегюра, этотъ кошелекъ намѣстникъ развернулъ на глазахъ всѣхъ гостей за обѣденнымъ столомъ у себя.

По смерти Попова, князь Барятинскій на мѣсто умершаго хотѣлъ опредѣлить своего любимца. Государыня прямо воспротивилась этому, говоря: „Сіи господа выбираютъ мнѣ камердинера для себя, а я хочу его имѣть для себя“, — и приказала дворцовымъ служителямъ найдти ей камердинера въ средѣ ихъ же самихъ.

Послѣ девяти часовъ, первый къ ней входилъ съ докладомъ оберъ-полицеймейстеръ. Государыня разспрашивала его о происшествіяхъ въ городѣ, о состояніи цѣнъ на жизненные припасы, и что говорятъ о ней въ народѣ. Узнавъ разъ, что говядина отъ малаго пригона скота изъ 2 коп. дошла до 4 коп., приказала выдать ему денегъ для закупки скота, чтобы отъ этого снова цѣна понизилась. Послѣ оберъ-полицеймейстера входили: генералъ-прокуроръ — съ меморіями отъ сената, генералъ-рекетмейстеръ — для утвержденія разсмотрѣнныхъ тяжбъ, губернаторъ, управляющій военною, иностранною коллегіями и т. д. Однажды, когда государынѣ докладывалъ кто-то о дѣлахъ, въ сосѣдней комнатѣ придворные играли въ воланъ и такъ шумно, что заглушали его слова. „Не прикажете ли, — сказалъ онъ: — велѣть имъ замолчать?“. „Нѣтъ,—отвѣчала государыня: — у всякаго свои занятія. Читай немного погромче и оставь ихъ веселиться“. Для нѣкоторыхъ членовъ назначены были въ недѣлѣ особенные дни, но всѣ чины въ случаяхъ важныхъ и нетерпящихъ отлагательства могли и въ другіе дни являться съ докладомъ. При входѣ къ государынѣ соблюдали установленный этикетъ, на который она отвѣчала поклономъ и давала цѣловать руку. Фельдмаршалъ Суворовъ, входя въ комнату, дѣлалъ сперва три земныхъ поклона передъ образомъ Казанской Богоматери, стоявшимъ въ углу на правой сторонѣ дверей, а потомъ императрицѣ; государыня каждый разъ старалась его до этого не допускать и, поднимая его за руки, говорила: „Помилуй, Александръ Васильевичъ, какъ тебѣ не стыдно это дѣлать“. Входящіе военные чины были въ мундирахъ со шпагами и въ башмакахъ, въ праздники же въ сапогахъ; статскіе же въ простыхъ французскихъ кафтанахъ. Изъ кабинета государыня переходила въ парадную уборную, сюда приводили къ ней внуковъ, здѣсь же представлялись нѣкоторые вельможи, происходили разговоры, шутки и т. д., въ то время, когда чесали и убирали голову императрицы; волосы государыни были очень длинные, такъ что касались пола, когда она сидѣла въ креслахъ; убиралъ ихъ парикмахеръ Козловъ. Разъ государыня спросила у него, какъ здоровье его жены? „Пишетъ, государыня, что здорова“. — „Какъ, неужели она не пріѣзжаетъ видѣться съ тобой?“—„Да на чемъ? Нанимать дорого, казенныхъ же теперь не даютъ: вы намъ много хлопотъ надѣлать изволили, сокративъ конюшню“. (Въ то время только-что вышли сокращенія по конюшенному вѣдомству).—„Не вѣрю, однако же, чтобы съ такою точностью исполняли мое приказаніе и чтобы по знакомству выпросить было невозможно. Скажи мнѣ откровенно“.— „Сказалъ бы,—продолжалъ Козловъ:— но боюсь, чтобы не дошло то до оберъ-шталмейстера“.—„Нѣтъ, ручаюсь, что все останется между нами“.— „Такъ знайте,—говорилъ онъ:—что все старое по-старому: лишній поклонъ—и коляска подвезена; однако, не проговоритесь, не забудьте обѣщанія“.— „Ни, ни“,—проговорила царица, и хранила тайну. Туалетъ государыни продолжался не болѣе десяти минутъ; прислуживали ей четыре пожилыя дѣвицы: извѣстная калмычка Алексѣева, гречанка А. А. Палакучи накалывала ей наколку и двѣ сестры Звѣревы подавали булавки.

Пріемъ въ уборной государыни почитался знакомъ особенной милости царской. Обѣдала она, какъ мы говорили, въ часъ, а подъ старость—въ два. Кушала кушанья всѣ жирныя и любила говядину съ солеными огурцами. За столомъ съ нею всегда обѣдали до десяти человѣкъ приближенныхъ. Въ числѣ ея поваровъ былъ одинъ очень плохой, но государыня не желала его уволить, и когда наступала очередная его недѣля, то она говорила: „Мы теперь на діетѣ; ничего — попостимся; за то послѣ хорошо поѣдимъ“. Послѣ обѣда она садилась за шитье по канвѣ; въ шесть часовъ были пріѣзды ко двору. Государыня рѣдко каталась по городу — не болѣе трехъ-четырехъ разъ въ зиму. Однажды, почувствовавъ головную боль, императрица сѣла въ сани, проѣхалась—и получила облегченіе. На другой день у государыни была та же боль головы, ей совѣтовали употребить вчерашнее лекарство, опять ѣхать въ саняхъ, на это она отвѣтила: „Что скажетъ про меня народъ, когда бы увидѣлъ меня два дня сряду на улицѣ?“ Императрица имѣла хорошее здоровье, единственно чѣмъ она страдала — это коликами и головной болью; да еще подъ старость у нея опухли ноги и открылись раны. Она обыкновенно не ужинала, за исключеніемъ праздничныхъ дней. Императрица ложилась спать въ десятомъ часу и въ постели пила стаканъ отварной воды. Она была религіозна и строго исполняла всѣ правила церкви, ходила на литургіи и всенощныя. Въ вербное воскресенье она переѣзжала въ Таврическій дворецъ, гдѣ постилась, а въ великую субботу перебиралась опять въ Зимній дворецъ.

Первый день Пасхи во дворцѣ праздновался необыкновенно торжественно; по окончаніи заутрени, всѣ сановники двора подходили къ рукѣ императрицы, за ними слѣдовали военные, гражданскіе чиновники, а вечеромъ дамы въ роскошныхъ нарядахъ поздравляли государыню съ праздникомъ.

Въ посту, въ Кіевѣ, государыня посѣтила всѣ пещеры, питалась однимъ картофелемъ, подходила къ рукѣ духовныхъ лицъ. Она любила проповѣди и увлекалась краснорѣчіемъ митрополита Платона [85]).

Государыня усвоила какъ русскую рѣчь, такъ и многія русскія привычки. Она парилась въ русской банѣ, употребляла часто пословицы въ разговорѣ. Государыня какъ пофранцузски, такъ и порусски писала неправильно, хотя умно и своеобразно. Храповицкій часто поправлялъ ея русское письмо, а графъ Шуваловъ французское. Послѣдній, между другими письмами, исправлялъ и письма ея къ Вольтеру. Даже и тогда, когда бывалъ въ отсутствіи, напримѣръ, въ Парижѣ, онъ получалъ черновую отъ императрицы, поправлялъ ошибки, затѣмъ исправленное отправлялъ въ Петербургъ, гдѣ уже Екатерина переписывала письмо и, такимъ образомъ, въ третьемъ изданіи отправляла въ Ферней. Государыня, по обыкновенію, писала на бумагѣ большаго формата, рѣдко зачеркивая написанное; но если приходилось ей замѣнить одно слово другимъ, или исправить выраженіе, она бросала написанное, брала другой листъ бумаги и заново начинала свою редакцію.

Екатерина ввела при дворѣ своемъ изящную простоту русскаго платья; прежнія цвѣтныя платья были замѣнены на выходахъ бѣлыми, парча вышла совсѣмъ изъ моды; сама императрица являлась на торжествахъ одѣтой въ длинное бѣлое платье, въ маленькой коронѣ, иногда въ порфирѣ; прическа была въ длинныхъ локонахъ на плечахъ; позднѣе, государыня придумала себѣ костюмъ, похожій на старинный русскій, съ фатою и открытыми проймами на рукавахъ. Шуба на ней была съ тальей, на груди ожерелье изъ жемчуга въ нѣсколько рядовъ. Еще позднѣе, костюмъ государыни имѣлъ характеръ мужскаго: свободный кафтанъ безъ таліи (молдаванъ) и мѣховая венгерская шапка съ кистью. Подъ старость государыня ходила въ простомъ чепцѣ, шапочкѣ и капотѣ, и одинаково умѣла сохранить величавость въ осанкѣ и поступи до конца жизни. Улыбку императрицы всѣ находили необыкновенно пріятною. Государыня до вступленія на престолъ не употребляла ни бѣлилъ, ни румянъ для лица, какъ ни прилагала свои заботы о лицѣ ея Елисавета Петровна, посылая ей румяна и бѣлила; но императрица Екатерина II, подобно всѣмъ ея подданнымъ, употребляла различныя притиранья. За 60 лѣтъ государыня сохранила всѣ зубы и прежнюю прекрасную форму руки; зрѣніе императрицы нѣсколько ослабѣло, и она надѣвала очки съ увеличительными стеклами, когда читала бумаги. Слухъ у государыни былъ развитъ какъ-то прихотливо: она не находила гармоніи въ музыкѣ и всегда была къ ней равнодушна. Однако, она никогда не выказывала этого и всегда на концертахъ, при пѣніи и игрѣ музыкантовъ, поручала кому нибудь изъ знатоковъ подавать ей знакъ, когда надо было апплодировать. Выслушавъ однажды квартетъ Гайдна, она подозвала къ себѣ Зубова и сказала: „Когда кто играетъ solo, я знаю, что какъ кончится, то апплодировать должно, но въ квартетѣ я теряюсь и боюсь похвалить не кстати,—пожалуйста, взгляни на меня, когда игра или сочиненіе требуетъ похвалы". Императрица часто говорила, что музыка на нее производитъ то же впечатлѣніе, что уличный шумъ. Екатерина была совершенной противоположностью въ этомъ случаѣ своей тетки, императрицы Елисаветы: послѣдняя серьезно понимала толкъ въ музыкѣ и была даже большая охотница до такихъ негармоническихъ вещей, какъ, напримѣръ, кваканье лягушекъ, которыхъ она очень усердно распложала въ своихъ садахъ.

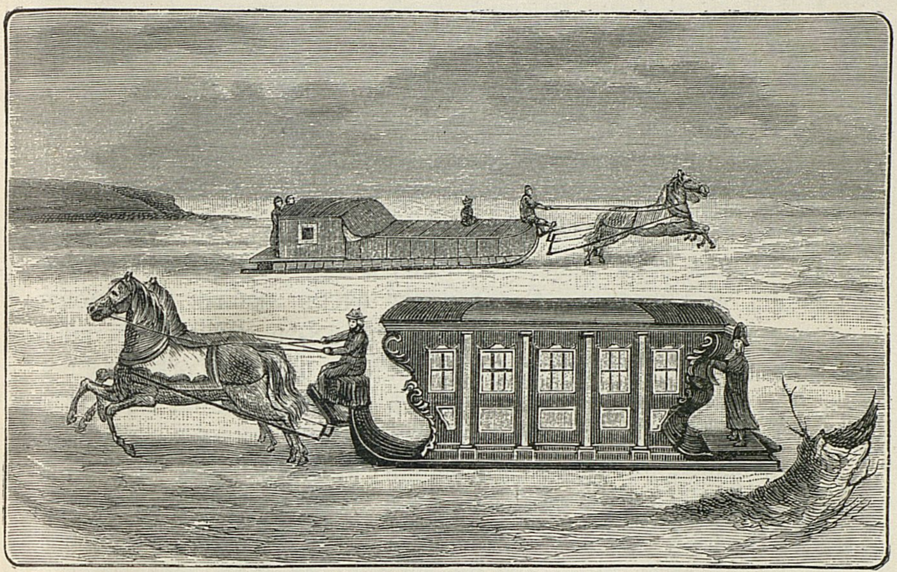
Всевозможныя животныя, дичившіяся всѣхъ, ласково встрѣчали государыню и давали себя ласкать, чужія собаки со двора прибѣгали къ ней и ложились у ея ногъ. Послѣ сильнаго пожара, бывшаго въ Петербургѣ въ началѣ ея царствованія, голуби слетѣлись тысячами къ ея окнамъ и нашли тамъ пристанище и кормъ. П. И. Сумароковъ [86]) говоритъ, что въ шелковыхъ ея платкахъ и простыняхъ нерѣдко замѣчались электрическія искры, и отъ прикосновенія къ ея обнаженному тѣлу разъ Перекусихина почувствовала сильный толчекъ въ руку — такъ велики были жизненныя силы Екатерины. Не любя разныхъ попрошаекъ, государыня любила щедро награждать, подарки она дѣлала съ такимъ умѣньемъ и тактомъ, что ихъ нельзя было не принять. Императрица дарила всегда неожиданно: то пошлетъ плохую табакерку съ червонцами, то горшокъ простыхъ цвѣтовъ съ драгоцѣннымъ камнемъ на стеблѣ; то простой рукомойникъ съ водою, изъ котораго выпадетъ драгоцѣнный перстень; то подложитъ подъ кровать именинницѣ двѣ тысячи серебряныхъ рублей, или подаритъ невѣстѣ перстень съ своимъ изображеніемъ въ мужскомъ нарядѣ, сказавъ: „А вотъ и тебѣ женихъ, которому, я увѣрена, ты никогда не измѣнишь и останешься ему вѣрна"; или пошлетъ капельмейстеру Паэзелло, послѣ представленія его оперы „Дидона", табакерку, осыпанную брилліантами, съ надписью, что карѳагенская царица при кончинѣ ему ее завѣщала. Бывали примѣры, что государыня посылала подарки и обличительнаго свойства для исправленія нравовъ своихъ придворныхъ. Такъ, узнавъ, что одинъ изъ ея вельможъ полюбилъ очень крѣпкіе напитки, государыня даритъ ему большой кубокъ; другому старику, поклоннику женщинъ, взявшему къ себѣ въ домъ на содержаніе танцовщицу, государыня послала попугая, который то и дѣло говорилъ: „Стыдно старику дурачиться!" Другому, большому охотнику до женскихъ рукодѣлій, поднесшему Екатеринѣ расшитую шелками подушку, подарила брилліантовыя серьги.

Государыня въ началѣ своего царствованія принимала всѣ просьбы лично, но когда въ Москвѣ просители, во время коронаціи, стали передъ ней на колѣни полукругомъ и преградили ей дорогу въ соборы, а грузины подали вмѣсто просьбы свои паспорты, государыня лично уже просьбъ не принимала.

Внутреннія комнаты императрицы отличались большою простотою, въ нихъ было очень мало позолоты и драгоцѣнныхъ тканей; государыня, какъ мы уже говорили, жила въ среднемъ этажѣ дворца, подъ правымъ малымъ подъѣздомъ, противъ бывшаго Брюсовскаго дома (гдѣ недавно еще находился экзерцизъ-гаузъ). Собственныхъ ея комнатъ было немного: взойдя на малую лѣстницу, входили въ комнату, гдѣ, на случай скорѣйшаго исполненія приказаній государыни, стоялъ за ширмами для статсъ-секретарей письменный столъ съ чернильницей. Комната эта была окнами къ малому дворику; изъ нея входъ былъ въ уборную; окна послѣдней комнаты были на Дворцовую площадь. Здѣсь стоялъ уборный столъ, отсюда были двѣ двери: одна направо, въ брилліантовую комнату, а другая налѣво, въ спальню, гдѣ государыня обыкновенно въ послѣдніе годы слушала дѣла. Года за два до смерти, Екатерина вставала уже не въ 6 часовъ, какъ мы ранѣе говорили, а въ 8 часовъ утра. Изъ спальни прямо выходили во внутреннюю уборную, а налѣво въ кабинетъ и зеркальную комнату, изъ которой одинъ ходъ въ нижніе покои, а другой прямо черезъ галлерею въ такъ называемый „ближній домъ“; здѣсь государыня жила иногда весною. Выходы и пріемныя аудіенціи были двухъ родовъ, малыя по воскресеньямъ и церемоніальныя въ особо назначенные дни. Въ первомъ случаѣ государыня приходила въ 10 часовъ утра въ церковь изъ внутреннихъ покоевъ черезъ столовую, малою боковою церковною дверью, безъ большаго штата, и становилась на своемъ мѣстѣ позади праваго клироса; за нею стояли два камеръ-пажа съ мантильей и съ платками; нѣсколько отступя назадъ, стояли (въ торжественные дни) наслѣдникъ съ супругою и далѣе молодые великіе князья съ своими супругами. Послѣ обѣдни выходили изъ алтаря архіереи для поздравленія, благословляли государыню, давали ей цѣловать руку и сами, въ свою очередь, у нея цѣловали. Послѣ этого государыня выходила въ западную большую дверь черезъ такъ называемую большую пріемную залу, гдѣ представлялись ей иностранные министры и другія особы черезъ оберъ-камергера или старшаго по немъ камергера. По возвращеніи шли впереди камеръ-юнкеры и камергеры по шести человѣкъ, по два въ рядъ; подлѣ государыни по правую сторону оберъ-камергеръ, по лѣвую шталмейстеръ. За ними статсъ-дамы и фрейлины. Государыня входила въ тронную залу со всею своею свитою, куда входили также и всѣ особы, имѣвшія входъ за кавалергардовъ. Здѣсь государыня, вошедши въ залу, отдавала помужски три поклона: одинъ направо другой налѣво и третій къ срединѣ, и принимала поздравленія, допускала къ рукѣ и со многими разговаривала; стояла она шага на четыре передъ собраніемъ и подходила къ тому, съ кѣмъ говорить хотѣла; разумѣется, что никто съ нею разговора начинать не могъ; аудіенція болѣе получаса никогда не продолжалась.

Большіе выходы отличались только тѣмъ, что государыня по особому церемоніалу выходила въ церковь слушать литургію черезъ брилліантовую, тронную и кавалерскую залы съ большою свитой. Вотъ какъ описываетъ такой выходъ англичанинъ Коксъ, бывшій въ Петербургѣ въ 1778 году. „Императрица въ церкви стояла за рѣшеткой. Послѣ обѣдни потянулся длинный рядъ придворныхъ обоего пола, идущихъ попарно; императрица шла одна, подвигаясь впередъ тихимъ и торжественнымъ шагомъ, съ гордо приподнятой головой, и безпрестанно кланялась на обѣ стороны. При входѣ она остановилась на нѣсколько секундъ и привѣтливо разговаривала съ иностранными послами, которые приложились къ ея рукѣ. Государыня была одѣта въ русскомъ нарядѣ: свѣтлозеленомъ шелковомъ платьѣ съ короткимъ шлейфомъ и въ корсажѣ изъ золотой парчи, съ длинными рукавами. Она казалась сильно нарумяненною, волосы ея были низко причесаны и слегка посыпаны пудрой; головной уборъ весь унизанъ брилліантами. Особа ея очень величественна, хотя ростъ ниже средняго, лицо полно достоинства и особенно привлекательно, когда она говоритъ. Екатерина вышла изъ пріемной тѣмъ же медленнымъ шагомъ; никто изъ придворныхъ не послѣдовалъ за нею“.

Императрица въ высокоторжественные дни одѣвала на себя брилліантовую корону и двѣ орденскія ленты, съ цѣпями этихъ орденовъ и двумя звѣздами, приколотыми на корсажѣ одна надъ другой. По словамъ того же иностранца, богатство и пышность русскаго двора превосходили самыя пышныя описанія; слѣды стараго азіатскаго великолѣпія смѣшивались съ европейскою утонченностью; всегда огромная свита слѣдовала впереди и позади государыни. Роскошь и блескъ придворныхъ нарядовъ и обиліе драгоцѣнныхъ камней далеко оставляютъ за собою великолѣпіе другихъ европейскихъ дворовъ. На мужчинахъ французскіе костюмы; платья дамъ съ небольшими фижмами, длинными висячими рукавами и съ короткими шлейфами; петербургскія придворныя дамы носили очень высокія прически и сильно румянились. Изъ другихъ предметовъ роскоши, ничто такъ не поражало, какъ обиліе драгоцѣнныхъ камней, блестѣвшихъ на различныхъ частяхъ ихъ костюма. Много драгоцѣнныхъ камней въ то время въ Европѣ можно было встрѣтить только на женщинахъ. У насъ же и мужчины въ этомъ отношеніи соперничали съ женщинами. Почти всѣ вельможи были усыпаны бриллiантами: пуговицы, пряжки, рукоятки саблей, эполеты и нерѣдко шляпы были унизаны бриллiантами въ нѣсколько рядовъ.



Придворные дорожные экипажи Екатерининскаго времени.

Съ старинной гравюры.

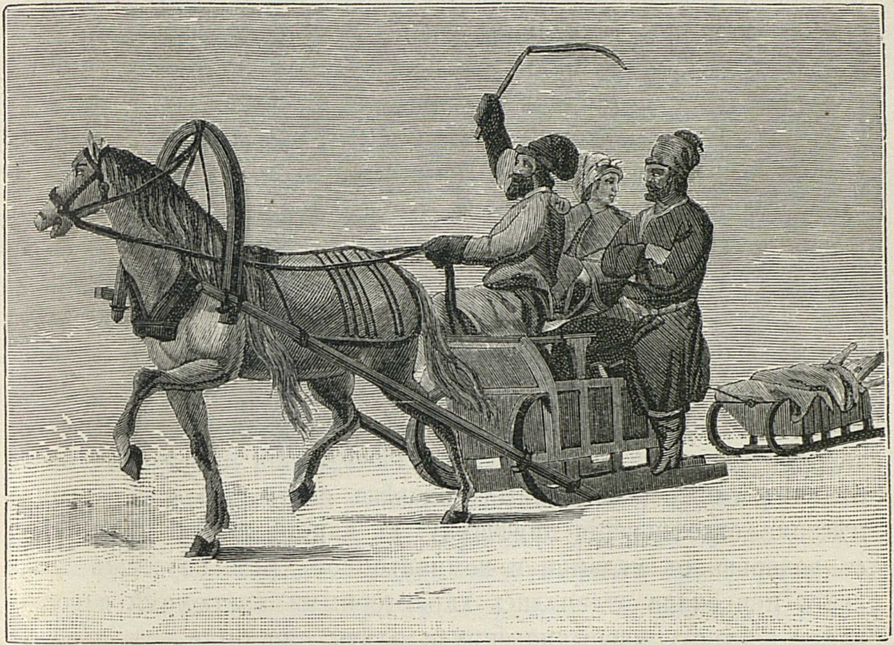
Какъ мы уже говорили, государыня рѣдко выѣзжала гулять по улицамъ Петербурга, но за то на масляницѣ или въ хорошую погоду зимою составлялись необыкновенныя катанья въ саняхъ. Закладывали за заставой трое саней десятью-двѣнадцатью лошадьми, и къ каждымъ санямъ прицѣпляли веревками по двѣнадцати салазокъ. Екатерина садилась одна въ большія сани, посрединѣ; дамы и мужчины помѣщались по одиночкѣ, и такимъ образомъ тянулся цѣлый рядъ страннаго поѣзда; заднія салазки нерѣдко опрокидывались, слышны были крики, смѣхъ и т. д. Такой поѣздъ нерѣдко пріѣзжалъ къ Чесменскому дворцу. Пообѣдавъ тамъ, путники пускались проселочною дорогой на Неву, на казенную дачу Горбылевскую. Здѣсь придворные катались съ горъ, а государыня глядѣла на нихъ изъ павильона, и затѣмъ всѣ отправлялись въ Таврическій дворецъ, гдѣ ужинали и разъѣзжались по домамъ. Простые выѣзды государыни также отличались пышностью. Впереди открывали путь лейбъ-гусары, въ мундирахъ съ галунами, позади замыкалъ такой же отрядъ; вечеромъ дорогу освѣщали факелы; толпа народа всегда бѣжала вслѣдъ за нею съ громкими криками. У государыни бывало на императорской конюшнѣ до тысячи двухсотъ лошадей. Екатерина очень любила ѣздить верхомъ помужски передъ войсками; у ней былъ любимый бурый, въ мелкой гречкѣ, жеребецъ „Брилліантъ“ 87), красивый, варварійской породы. Тетка ея, императрица Елисавета, запрещала ей такъ ѣздить, но Екатерина купила себѣ складное сѣдло, которое изъ женскаго превращалось въ мужское. Государыня очень любила свое конюшенное вѣдомство и въ день праздника 18-го августа посылала каждому служащему тамъ штабъ-офицеру по бутылкѣ шампанскаго, и оберъ-офицеру по бутылкѣ краснаго вина, конюхамъ же выдавали водку, пиво и медъ, и, чтобы не мѣшать имъ праздновать, строжайше было запрещено въ этотъ день брать изъ конюшни лошадей. Въ Екатерининское время ѣздили очень красиво, сани были двухмѣстныя, съ дышлами, запрягались парою, четвернею или шестернею въ цугъ; бывали и бѣговыя сани одиночныя, безъ кучерскаго мѣста; на запяткахъ у нихъ была сидѣйка, на которой могъ сидѣть верхомъ человѣкъ; снаружи ихъ отдѣлывали нарядно бронзою или серебромъ, внутри обивали яркимъ бархатомъ или трипомъ, полость бархатную подпушали мѣхомъ, оба полоза саней своими загнутыми головками сводились вмѣстѣ на высотѣ аршинъ двухъ отъ земли и замыкались какою нибудь золоченою и серебряною фигурою, напримѣръ, головою Медузы, сатира, льва и медвѣдя, съ ушами сквозными для пропуска возжей. Лошадь манежная, кургузая, въ мундштукѣ съ кутасами и клапанами, въ шорахъ съ постромками, впрягалась въ двѣ кривыя оглобли съ сѣдѣлкою, безъ дуги. Любитель садился въ барское мѣсто, спереди запахивался полостью, самъ правилъ возжами; на запяткахъ на сидѣйкѣ, похожей на англійское легкое сѣдло и обитой подстать санямъ, садился верхомъ лакей, одѣтый погусарски; лакей держалъ въ рукахъ гибкій плетеный бичъ, щелкалъ по воздуху и кричалъ встрѣчнымъ и поперечнымъ: пади, пади, берегись! Такое катанье называлось „кадрилью“; тогдашніе молодые петиметры собирались парами и болѣе вмѣстѣ съ молодыми дамами и, одѣтые въ „санную шубу“ или куртку съ чихчирями, съ верховыми жокеями, наряженными греками, албанцами, черкесами или гусарами, представляли довольно красивую зимнюю сцену на Невѣ. Или на набережной у дворца, нерѣдко ѣздили и на оленяхъ; послѣднихъ пригоняли изъ Кеми самоѣды, которые располагались чумами на Невѣ, близь зданія арсенала, гдѣ теперь Литейный мостъ; ѣзда на оленяхъ по городу существовала до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. При Екатеринѣ II Нева напротивъ Охты и въ слободѣ лейбъ-гвардіи коннаго полка кипѣла жизнію: въ этомъ мѣстѣ были устроены катки, нѣсколько дальше, въ огороженномъ пространствѣ, проѣзжали лошадей; тамъ толпа зрителей смотрѣла на бѣгъ. Ледяныя горы тоже представляли не менѣе красивое зрѣлище, благодаря убранству деревьями, фонарями и другими украшеніями.

При императрицѣ Елисаветѣ, кто хотѣлъ ей угодить, тотъ выѣзжалъ возможно пышнѣе. О зеркальной каретѣ С. К. Нарышкина, на свадьбѣ Петра III, долго говорили въ Петербургѣ. Не менѣе была извѣстна въ старину также карета Кир. Григ. Разумовскаго [88]), сдѣланная въ Лондонѣ, съ такимъ механизмомъ, что въ нее вкатывалась постель; до отправки этой кареты въ Россію, она была выставлена въ Лондонѣ, гдѣ ее показывали за деньги; мастеръ, какъ въ то время увѣряли, выручилъ такимъ образомъ до 5,000 рублей. На ввозъ иностранныхъ каретъ было въ царствованіе Павла I наложено запрещеніе, и надо было имѣть особенное дозволеніе отъ государя на провозъ кареты. Императоръ разрѣшилъ его, и когда карета прибыла въ Петербургъ, потребовалъ, чтобы ее привезли для осмотра сперва на Каменный островъ, а потомъ къ государынѣ, въ Павловскъ. Съ доставкою въ Батуринъ она обошлась въ 18,000 тогдашнихъ рублей. Разумовскій захотѣлъ ее попробовать, но она оказалась слишкомъ грузною, восемь лошадей послѣ четырехъ-верстной ѣзды едва могли довезти ее домой. Славилась также карета Скавронскаго, вся отдѣланная снаружи стразами, стоившая ему 10,000 рублей.

Въ царствованіе Анны Ивановны, въ цѣломъ Петербургѣ не было ста каретъ, при императрицѣ Екатеринѣ ихъ было болѣе

4,000; ѣздили тогда въ нихъ шестерикомъ, съ двумя форейторами „на уносъ“; передовой форейторъ былъ важное лицо, ему вмѣнялось въ особую честь и было въ „тонѣ“, при разъѣздахъ съ баловъ, никакъ не выдать или осрамить своего господина, но непремѣнно вывезти его перваго, хотя бы въ разбитой каретѣ. При разъѣздахъ тогда не было полиціи, а потому безпорядокъ, давка, крикъ, свалка, доходили до невѣроятія; не только въ дребезги ломали экипажи, но давили на смерть лошадей и людей; послѣ каждаго бала, если крѣпостные кучера кого нибудь задавили, то хвастались какъ будто выигранной побѣдой. Сцены этого рода всего чаще происходили на Царицыномъ лугу, гдѣ находился театръ, и у дома Апраксина, у котораго знать часто танцовала. Съ воцареніемъ императора Павла варварская мода ѣзды съ форейторами быстро пріутихла, и не слышно было больше громкихъ криковъ: „пади, пади!“. За то со смертію Павла опять всѣ экипажи на улицахъ перестали смотрѣть нѣмецкими и французскими закладками, но тотчасъ появилась вновь старая русская упряжь, съ кучерами въ русскихъ костюмахъ и форейторами на переднихъ лошадяхъ, и всѣ эти экипажи съ прежнею быстротою и съ криками форейторовъ понеслись по улицамъ. Впрочемъ, потребности у простыхъ гражданъ въ то время не были такъ прихотливы, какъ у баръ, и извозчичьи экипажи лѣтомъ состояли изъ роспусковъ или волочковъ, въ родѣ ломовыхъ дрогъ, съ фартуками для завѣшиванія ногъ отъ грязи. Постепенно послѣ этихъ дрогъ образовались одноколки и дрожки; зимою санки были также самаго первоначальнаго вида.

Въ извозчичьихъ одноколкахъ надо было править самому, извозчикъ стоялъ назади; дрожки имѣли ступенки, спинки и подушки; хорошіе извозчичьи экипажи были покрыты плисомъ, убраны „франьями“ и раскрашены пестрыми красками. Извозчики носили лѣтомъ шляпы съ желтыми лентами, а зимою желтыя шапки, одѣты были они въ кафтаны съ желтыми кушаками; на спинѣ между плечами висѣла изъ бѣлой жести дощечка, на которой масляными красками была написана часть города, гдѣ извозчикъ стоялъ, и номеръ; за такой билетъ извозчикъ платилъ ежегодно въ управу благочинія два рубля. Цѣна за проѣздъ была самая ничтожная, напримѣръ, отъ Невской лавры до Адмиралтейства двѣ гривны (шесть копѣекъ). На извозчикахъ въ старое время не находили низкимъ ѣздить даже вельможи, и нерѣдко извозчикъ тащилъ на своей клячѣ и перваго сановника, и простаго мужика. Одни только маіоры и ассессоры считали обязанностью ѣздить по городу на четверкахъ, такъ какъ восьмой классъ позволялъ имъ въ первый разъ эту роскошь. Что же касается до ѣзды на почтовыхъ, то таковая у насъ процвѣтала и отличалась необыкновенною скоростью Еще Герберштейнъ (посолъ австрійскій при Василіи Іоанновичѣ) писалъ въ 1516 году, что онъ изъ Новгорода до Москвы проѣхалъ 600 верстъ въ 72 часа. Разсказываютъ, что Екатерина II, желая удивить скоростью ѣзды въ Россіи императора Іосифа, приказала найдти ямщика, который бы взялся на перекладныхъ доставить императора въ Москву въ 36 часовъ. Такой ямщикъ нашелся и былъ приведенъ предъ государыней.—„Берусь, матушка,—сказалъ онъ:—доставить нѣмецкаго короля въ 36 часовъ; но не отвѣчаю, будетъ ли цѣла въ немъ душа“.



Извозчичьи сани въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ офорта прошлаго вѣка Шефнера.

При императорѣ Павлѣ вышелъ приказъ выслать всѣхъ извозчиковъ изъ города; приказъ этотъ послѣдовалъ по донесенію императору, что одинъ извозчикъ задавилъ прохожаго.

Видя крайнюю надобность въ нихъ, ихъ скоро опять воротили, но запретили имъ дрожки, а велѣли имѣть коляски. Извозчики, впрочемъ, нашлись: сняли подушку съ дрожекъ, навязали на нихъ сверху сани, — вотъ и вышла коляска.

Въ то время поѣздка за двадцать, за тридцать верстъ по ухабамъ, пескамъ и бревенчатой мостовой представляла немало трудностей, и люди богатые въ такой путь выѣзжали цѣлымъ караваномъ: съ поварами, кухней, съ приспѣшниками и т. д. Когда графъ Шереметевъ съ женой ѣздилъ въ Москву, то всегда въ одной каретѣ съ нимъ сидѣли шутъ и дура. Многія уродливыя привычки старины тогда еще исполнялись свято, и какой нибудь псковскій помѣщикъ выѣзжалъ въ деревню съ цѣлой свитой: напримѣръ, впереди ѣхала „восьмимѣстная линія“ въ восемь лошадей, за линіею слѣдовала дорожная карета, потомъ коляска, двѣ кибитки и въ заключеніе огромная фура, изукрашенная колоссальнымъ гербомъ; фура наполнялась скарбомъ дворни; въ числѣ послѣдней находился одинъ „настоящій казакъ“, одинъ такой же гусаръ, два собственныхъ казака, переряженныхъ изъ конюховъ, и человѣкъ пять солдатъ, выпрошенныхъ въ отпускъ у разныхъ начальниковъ. Къ нимъ прицѣпляли сабли, шпаги, кинжалы; тогда еще не умолкали слухи о разныхъ разбойникахъ и дорожныхъ удальцахъ. Въ „линіи“ сидѣли, кромѣ помѣщика, какой нибудь проторговавшійся купецъ, уволенный шкловскій кадетъ, гувернеръ французъ, пѣвецъ, гитаристъ или флейтраверсистъ и затѣмъ какой нибудь дворянинъ бѣднякъ, также необходимый человѣкъ свиты. Коляска служила мѣстомъ отдохновенія помѣщику, въ каретѣ же ѣхала его жена съ дочерью, съ мадамой и компаньонкой. Всѣ спутники мужскаго персонала отличались характерными костюмами и составляли пестроту необыкновенную; одѣты они были всѣ повоенному, въ черкесскихъ или военныхъ полукафтанахъ, въ узорчатыхъ картузахъ и шапкахъ.

На заставахъ въ то время не записывались своимъ именемъ: тогда проѣзжему оставлялось на совѣсть говорить, что ему вздумается. Въ караульнѣ сидѣлъ въ худомъ колпакѣ и въ позатасканномъ халатѣ квартальный отставной прапорщикъ, герой очаковскій; распахнувъ халатъ, изъ-подъ котораго выглядывалъ красный военный камзолъ, онъ спрашивалъ, кто ѣдетъ. Если проѣзжій величалъ себя маіоромъ, то всѣ колпаки и шапки почтительно летѣли съ головы, и не всегда трезвый стражъ быстро откидывалъ рогатку, которая стояла на полуизломанномъ колесѣ. Шлагбаумовъ въ то время еще не было, ихъ учредилъ императоръ Павелъ. У казаковъ и гусаровъ главная путевая обязанность была по пріѣздѣ на станцію отводить квартиры и содержать неусыпный караулъ при экипажахъ. Земская полиція такой поѣздъ встрѣчала безъ шапокъ; чинопочитаніе тогда составляло необходимую обязанность каждаго малочиновнаго предъ высшимъ. Одинъ только фракъ, который нашивали и служащіе, и не служащіе, всѣ безъ исключенія, иногда уравнивалъ между собою и полковника, и гвардейскаго сержанта. Люди съ большими средствами и первые вельможи въ дальній путь ѣхали еще съ бо́льшимъ караваномъ, слугъ бывало болѣе ста человѣкъ; гораздо раньше до проѣзда вельможи по всей дорогѣ отправлялись обойщики съ коврами, занавѣсками, постелями и бѣльемъ, въ деревняхъ выбирали почище избу и отдѣлывали коврами, занавѣсками, для приличнаго и опрятнаго вида, и затѣмъ уже господа отправлялись съ шутами, карлицами, охотниками и т. д. Во время путешествія Потемкина [89]) впереди его ѣхалъ англичанинъ-садовникъ съ помощниками и съ невѣроятною поспѣшностью разбивалъ садъ въ англійскомъ вкусѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ остановиться князь, хотя бы на одинъ день. Являлись дорожки, усыпанныя пескомъ и окаймленныя цвѣточными клумбами, сажались деревья и кусты всякаго рода и величины; если князь жилъ дольше одного дня, то увядшія растенія замѣнялись свѣжими, привозимыми иногда издалека.

Въ ѣдѣ во время пути также себѣ не отказывалъ Потемкинъ и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, какъ яства самыя дорогія, въ родѣ, напримѣръ, ухи въ 1,300 рублей изъ серебряной ванны въ 7—8 пудовъ вѣсомъ, такъ и самые простые пирожки и бисквиты, которыхъ у него стоялъ всегда неистощимый запасъ даже у постели. Но иногда Потемкинъ отправлялся въ далекое путешествіе, скакалъ въ простой кибиткѣ день и ночь, сломя голову, и питался самой грубой пищей, чернымъ хлѣбомъ, лукомъ, солеными огурцами и т. п.

Считаемъ также нелишнимъ для полноты нашего разсказа здѣсь упомянуть о поѣздкахъ по имѣніямъ извѣстнаго орловскаго богача, генерала Неплюева, въ блаженное время царствованія Екатерины. Въ поѣздѣ Неплюева всегда были три осьмимѣстныя линіи, двѣ или три кареты четверомѣстныя, многое множество колясокъ, кибитокъ, фуръ, дрожекъ, телѣгъ, и все это было переполнено разнымъ народомъ. Подлѣ главныхъ экипажей, тянувшихся ровнымъ шагомъ, шли скороходы и гайдуки, на запяткахъ висѣли и сидѣли вооруженные гусары и казаки. Вся внутренность экипажей разбита была какъ садъ, изъ всякаго рода колоритныхъ компаніоновъ, компаніонокъ, шутихъ, шутовъ, дуръ и дураковъ; послѣдніе припрыгивали и кричали голосами разныхъ животныхъ. Самъ хозяинъ въ богатомъ гродетуровомъ зеленаго цвѣта халатѣ, украшенномъ знаками отличій, лежалъ на сафьянномъ пуховикѣ въ одной изъ колясокъ; на головѣ его былъ зеленый же картузъ съ красными опушками, отороченный гдѣ только возможно галунами. Изъ-подъ картуза виднѣлся бѣлый колпакъ, ярко-пунцовый, рубчикъ котораго, оттѣняя зелень картуза, составлялъ на самомъ лбу помѣщика радужнаго цвѣта кайму. Руки генерала держали гигантской величины трубку, съ янтарнымъ мундштукомъ, красный шелковый носовой платокъ и ужасную дорожную табакерку съ изображеніемъ одного изъ мудрецовъ Греціи.

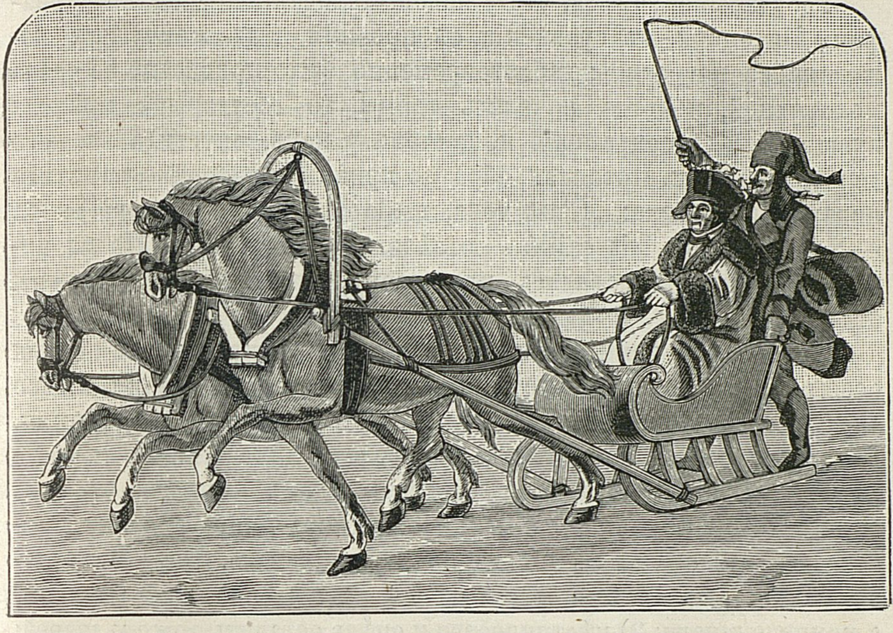
Мысль создать Эрмитажъ у императрицы Екатерины явилась вотъ по какому случаю. Въ 1766 году, проходя черезъ кладовую Зимняго дворца въ комнаты верхняго этажа, гдѣ тогда собиралась депутатская коммиссія, государыня нечаянно обратила вниманіе на большую картину, изображающую „Снятіе со Креста“ [90]). Картина эта послѣ кончины императрицы Елисаветы была перенесена сюда изъ ея комнаты. Государыня долго любовалась ею, и здѣсь-то у Екатерины родилась мысль завести у себя картинную галлерею; вскорѣ государыня повелѣла собрать всѣ лучшія картины, находившіяся въ другихъ дворцахъ, а также приказала своимъ министрамъ и агентамъ при иностранныхъ дворахъ скупать за границей хорошія картины и присылать къ ней. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того государыня пріобрѣла для своего Эрмитажа извѣстныя богатыя картинныя коллекціи: принца Конде, графовъ: Брюля и Бодуэна, берлинскаго купца Гоцковскаго, лорда Гаугтона и еще многихъ другихъ. Помимо покупокъ, императрица приказала снять копію лучшимъ художникамъ съ ложи Рафаэля. Къ собранію картинъ Екатерина присоединила также коллекцію античныхъ мраморовъ, пріобрѣтенныхъ въ Римѣ, купила также всѣ мраморныя статуи у извѣстнаго въ то время мецената Ив. Ив. Шувалова; затѣмъ государыня пріобрѣла у герцога Орлеанскаго богатѣйшую его коллекцію рѣзныхъ камей и античныхъ геммъ [91]) и стала покупать открываемыя въ раскопкахъ древности, какъ-то: монеты, кубки, оружіе и т. д. Государыня особенно пристрастилась къ собиранію рѣзныхъ камей и сама стала снимать съ нихъ слѣпки. Въ одной изъ комнатъ окнами на дворъ въ томъ же зданіи Эрмитажа приказала сдѣлать горнъ, гдѣ вмѣстѣ съ химикомъ Кенигомъ и медальеромъ Лебрехтомъ стала дѣлать изъ композиціи копіи съ нихъ. Храповицкій въ своемъ дневникѣ часто разсказываетъ, что государыня „для разбитія мыслей“ разсматривала камеи. Внукъ Екатерины, Александръ I, присоединилъ къ богатой коллекціи своей бабушки еще нѣсколько другихъ, въ числѣ которыхъ особенно драгоцѣнная коллекція была куплена имъ за два милліона у французской императрицы Жозефины изъ ея загороднаго дворца Мальмезона.

Положивъ основаніе художественной части Эрмитажа, государыня избрала его мѣстомъ отдохновенія въ часы, свободные отъ государственныхъ занятій; здѣсь она дѣлила свой досугъ въ бесѣдѣ съ Дидро, Гримомъ, Сегюромъ, принцомъ де-Линь, Потемкинымъ, Шуваловымъ, Строгановымъ, Безбородко и многими другими остроумнѣйшими людьми того времени. Въ Эрмитажѣ собранія были: большія, среднія и малыя.

Въ первые годы царствованія Екатерины, придворныя увеселенія были распредѣлены по днямъ: въ воскресенье назначался балъ во дворцѣ; въ понедѣльникъ—французская комедія; во вторникъ—отдыхъ; въ среду—русская комедія; въ четвергъ—трагедія или французская опера, причемъ въ этотъ день гости могли являться въ маскахъ, чтобы изъ театра прямо ѣхать въ вольный маскарадъ; въ то время почти всѣ вельможи тѣшились самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Безбородко, Храповицкій, Завадовскій, были извѣстны какъ гуляки; первый изъ нихъ, Безбородко, былъ уличнымъ ловеласомъ, онъ почти каждый день послѣ обѣда надѣвалъ простой синій сюртукъ, круглую шляпу, бралъ трость, клалъ въ карманъ кошелекъ съ деньгами и отправлялся въ разныя дома въ городѣ. Зимою по воскресеньямъ его всегда можно было встрѣтить въ маскарадѣ у Ліона, на Невскомъ (гдѣ былъ Купеческій клубъ, у Казанскаго моста), здѣсь онъ проводилъ время до пяти часовъ утра. Въ восемь часовъ утра его будили, окачивали холодною водою, одѣвали и полусоннаго отправляли во дворецъ, гдѣ только у дверей императрицы онъ становился серьёзнымъ и дѣльнымъ министромъ. Существуетъ разсказъ, что разъ царскій посланный, явившійся изъ дворца, засталъ его среди самой широкой оргіи. Вельможа приказалъ пустить себѣ кровь изъ обѣихъ рукъ, и отправился къ государынѣ. Про Безбородко говорилъ графъ Сегюръ, что онъ въ тѣлѣ толстомъ скрывалъ умъ тончайшій. Завадовскій былъ также гуляка широкой руки; онъ и умеръ за трапезой съ своимъ старымъ другомъ, княземъ П. В. Лопухинымъ.

Секретарь императрицы, А. В. Храповицкій, былъ тоже извѣстенъ своею скиѳскою жаждою, проказами и дебоширствомъ. Про него существуетъ слѣдующій анекдотъ. Одинъ пріѣзжій помѣщикъ, явившійся въ Петербургъ по важному дѣлу, заходитъ къ нему съ письмомъ и не застаетъ его дома. Помѣщикъ ѣдетъ за городъ пообѣдать, входитъ въ трактиръ и, видя накрытый столъ, садится и велитъ себѣ подать обѣдать. Прислуга, полагая, что онъ принадлежитъ къ компаніи, заказавшей обѣдъ, спѣшитъ исполнить его желаніе. Во время обѣда пріѣзжаетъ компанія и начинаетъ трунить надъ нимъ. Помѣщикъ сперва отшучивается, но потомъ на дерзость отвѣчаетъ дерзостью и даетъ пощечину; завязывается общая драка, помѣщикъ выходитъ побѣдителемъ, оставивъ подъ глазами своихъ противниковъ источники свѣта. Утромъ, выспавшись, онъ ѣдетъ къ Храповицкому.—Дома баринъ?—спрашиваетъ онъ.—Дома,—отвѣчаютъ:—но нездоровъ и никого не принимаетъ.—Помѣщикъ отдаетъ письмо, по которому его тотчасъ просятъ пожаловать; помѣщикъ входитъ въ спальню, завѣшенную со всѣхъ сторонъ. Но только что вошедшій произноситъ привѣтствіе, какъ Храповицкій говоритъ ему:—Вашъ голосъ мнѣ что-то знакомъ, я васъ видѣлъ, а гдѣ—не помню.—Быть не можетъ,—говоритъ пріѣзжій:—я только-что вчера пріѣхалъ.—Нѣтъ, точно я васъ знаю,—сказалъ Храповицкій и велѣлъ поднять стору. Помѣщикъ взглянулъ и обмеръ: это былъ тотъ человѣкъ, котораго онъ приколотилъ наканунѣ. Храповицкій посмѣялся, подалъ ему руку и сказалъ:—Ну, полно, помиримся, я сдѣлаю для васъ все, что могу, а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Государыня сама ѣзжала въ маскарады, гдѣ садилась въ ложу замаскированная. Екатерина ѣздила на такіе маскарады всегда въ чужой каретѣ, но полиція тотчасъ же узнавала государыню по походкѣ и по неразлучной при ней свитѣ. Она очень любила, когда передъ ней маски плясали въ присядку. Существуетъ автобіографическая замѣтка Екатерины II, гдѣ она описываетъ свое приключеніе въ маскарадѣ [92]): государыня разсказываетъ, что въ одинъ изъ такихъ маскарадовъ она надѣла офицерскій мундиръ и накинула на него розовое домино и, войдя въ залу, стала въ кругу, гдѣ танцуютъ. „Здѣсь княжна Н. С. Долгорукая,—пишетъ императрица,—стала хвалить знакомую дѣвушку. Я, позади ея стоя, вздумала вздыхать и, наклонясь къ ней, въ полголоса сказала:—„Та, которая хвалитъ, не въ примѣръ лучше той, которую хвалитъ“. Она, обратясь ко мнѣ, молвила: „Шутишь, маска, кто ты таковъ? Я не имѣю чести тебя знать. Да ты самъ знаешь ли меня?“ На это я отвѣчала: „Я говорю по своимъ чувствамъ и ими влекомъ“. Она еще спросила: „Да кто же ты таковъ?“ Я отвѣчала: „Обѣщайте быть милостивы“. Тутъ подошли къ ней подруги и увели ее. Затѣмъ, немного погодя, я нашла ее опять. Она оглянулась и спросила меня: „Маска, танцуешь ли?“ Я сказала, что танцую. Она подняла меня танцовать, во время танца я пожала ей руку, говоря: „Какъ я счастливъ, что вы удостоили мнѣ дать руку, я отъ удовольствія внѣ себя“. Оттанцовавъ, я наклонилась такъ низко, что поцѣловала у нея руку“. Государыня долго преслѣдовала княжну на балѣ своими объясненіями въ любви...



Барскія сани въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры прошлаго вѣка Шефнера.

П. Ѳ. Карабановъ [93]) разсказываетъ, что разъ государыня пожелала неожиданно дать маскарадъ. Въ назначенный день на вечернемъ собраніи въ Эрмитажѣ, государыня, играя въ карты, вдругъ услышала звукъ разстроенной скрипки и объявила присутствующимъ гостямъ о томъ; чрезъ нѣсколько времени такой звукъ повторился ближе и яснѣе; она приказываетъ развѣдать, но посланный явился назадъ безъ отвѣта. Наконецъ, звукъ раздался въ третій разъ и очень громко; императрица положила карты, пошла, и все общество за ней послѣдовало; проходя множество комнатъ, вошли въ такую, гдѣ на обѣ стороны растворялись двери, ведущія въ двѣ комнаты: одну для дамъ, другую для кавалеровъ, здѣсь лежали маскарадные наряды. Наскоро и безъ разбора всѣ одѣлись и вышли въ маскахъ, такъ что одни другихъ не скоро узнавали. Екатерина, одѣтая волшебницей, отдала приказъ, что когда она сниметъ маску, чтобы все общество разсмаскировалось.

Государыня, замѣтя, что у новопожалованной фрейлины, графини Потоцкой, въ сравненіи съ прочими нѣтъ жемчуговъ, пожелала ее наградить; заблаговременно было приказано ее одѣть молочницей, и когда начались танцы, то государыня приняла кувшинъ подъ сохраненіе и, поставя у ногъ, опустила въ него дорогіе жемчуги. Потоцкая, обратно принимая кувшинъ, замѣтила подарки и сказала: „C'est vous, madame, c'est votre majesté... —Non, c'est du lait caillé, — отвѣчала императрица. По пятницамъ маскарады давались при дворѣ, въ субботу полагался отдыхъ.

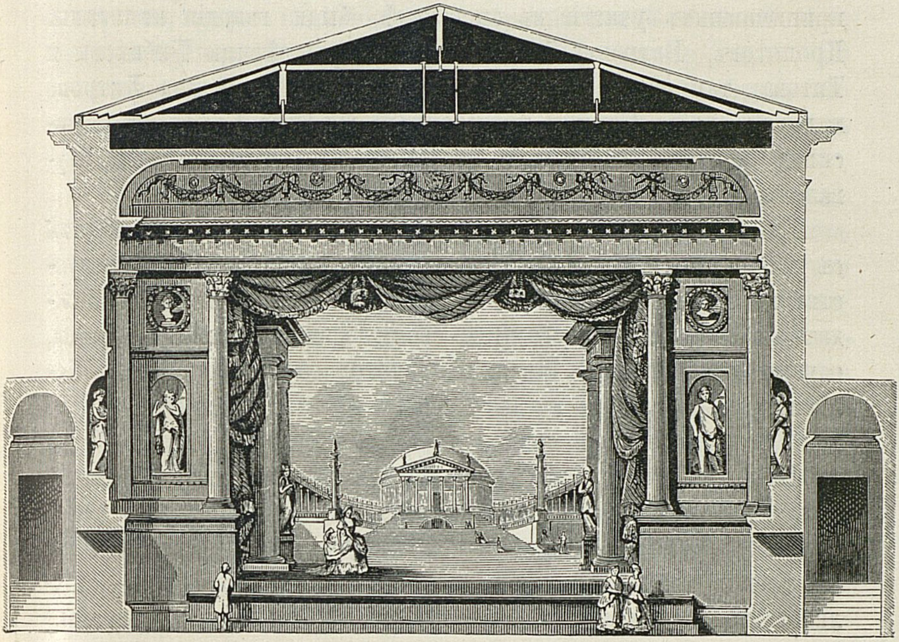
На большія эрмитажныя собранія приглашались всѣ первыя особы двора, иностранные министры, на среднія — одни только лица, пользовавшіяся особеннымъ благоволеніемъ государыни. На малыя собранія приглашались только лица близкія къ государынѣ. Гостей обязывали отказаться отъ всякаго этикета. Кромѣ того, были написаны самою императрицею особыя правила, выставленныя въ рамкѣ подъ занавѣскою. Вотъ эти правила: 1) оставить всѣ чины внѣ дверей, равномѣрно, какъ и шляпы, а наипаче шпаги; 2) мѣстничество и спѣсь оставить тоже у дверей; 3) быть веселымъ, однако жъ ничего не портить, не ломать, не грызть; 4) садиться, стоять, ходить, какъ заблагоразсудится, не смотря ни на кого; 5) говорить умѣренно и не очень громко, дабы у прочихъ головы не заболѣли; 6) спорить безъ сердца и горячности; 7) не вздыхать и не зѣвать; 8) во всякихъ затѣяхъ другимъ не препятствовать; 9) кушать сладко и вкусно, а пить съ умѣренностью, дабы всякій могъ найдти свои ноги для выходу изъ дверей; 10) сору изъ избы не выносить, а что войдетъ въ одно ухо, то бы вышло въ другое прежде, нежели выступитъ изъ дверей. Если кто противъ вышеписаннаго проступится, то, по доказательству двухъ свидѣтелей, долженъ выпить стаканъ холодной воды, не исключая дамъ, и прочесть страничку Телемахиды; а кто противъ трехъ статей провинится, тотъ повиненъ выучить шесть строкъ изъ Телемахиды наизусть. А если кто противъ десяти проступится, того болѣе не впускать. При входѣ висѣли слѣдующія строки, написанныя государыней:

„Asseyez—vous, si vous voulez,
Où il vous plaira
Sans qu'on vous le répètè cent fois“.

На эрмитажныя собранія малыя, „les petites soirées“, приглашалось избранное общество приближенныхъ къ императрицѣ. Тутъ находился французскій посланникъ графъ Сегюръ, принцъ де-Линь, Кобенцель, Левъ Ал. Нарышкинъ, Строгановъ, Дашкова. Государыня здѣсь была самая радушная хозяйка; самою любимою игрою на этихъ вечерахъ была игра въ вопросы и отвѣты. Во избѣжаніе какихъ нибудь личностей, гости описывали событія при дворѣ „Бамбуковаго Короля“, напримѣръ, его праздники, привычки, также характеристику его придворныхъ; иногда предлагались вопросы для философскихъ трактатовъ; послѣдніе были раздѣлены на главы: такъ, напримѣръ, тридцать седьмая глава этого трактата, написанная рукою императрицы, носитъ названіе: „Что меня смѣшитъ?“ Затѣмъ слѣдуютъ отвѣты, написанные каждымъ. Вотъ эти отвѣты: первый написалъ: „Гордость“; второй пишетъ: „Такъ, такъ, я согласенъ съ мнѣніемъ моего сосѣда и съ правой и съ лѣвой стороны“; другой писалъ: „Меня смѣшитъ умная шутка, или меня смѣшитъ г. оберъ-шталмейстеръ“. „Что меня смѣшитъ? Иногда это самъ я“. „Надутость, довольная собою“. Рукою императрицы находимъ написанное: „Я смѣюсь надъ гордымъ человѣкомъ, потому что онъ какъ двѣ капли воды похожъ на индѣйскаго пѣтуха; смѣшны также лѣнивцы, потому что они по доброй волѣ скучаютъ“; далѣе шли замѣтки: „Мужъ мой часто смѣшитъ меня до слезъ. Я смѣюсь охотно, слыша умныя слова, но только неожиданныя. Я очень смѣюсь надъ людьми, которые смѣются изъ угожденія!“ и т. д.

Театръ въ Эрмитажѣ представлялъ зданіе въ видѣ римскаго цирка, только въ небольшомъ размѣрѣ. Стѣны и колонны въ немъ были мраморныя; мѣста для зрителей, обитыя зеленымъ бархатомъ, подымались ступенями и образовывали полукругъ; для самой императрицы особенныхъ мѣстъ не было, для нея ставились кресла. На сценѣ эрмитажнаго театра въ Екатерининское время игрывали всѣ извѣстныя европейскія знаменитости артистическаго міра; здѣсь были капельмейстерами: Сарти, Чимароза, Галуппи, Паэзіелло; играли въ оркестрѣ: Дицъ, Лолли, Віоти, Буньяни, Жерновикъ, Роде, Ромбергъ, Хандошкинъ, Зоринъ; пѣли: Габріэли[94]), Маркези[95]), Тоди[96]), Моҗорлети, Мара, Шевалье, Мандини[97]), Марокети[98]), Сандунова, Самойловъ; танцовали: ле-Пикъ, Дюпоръ, Росси, Сантини, Канціани, Бубликовъ; восхищали въ комедіи: Жоржъ, Лефрень, Лесажъ, Бурде, Флоридоръ Офрень, Волковъ, Дмитревскій, Шумскій, Крутицкій, Черниковъ, Шушеринъ, Яковлевъ, Троепольская, Семенова большая, и многіе другіе; писали декораціи для этого театра: Гонзаго[99]) и Іосифъ Губерти; машины и превращенія дѣлалъ механикъ Бригонци[100]).

Но гораздо ранѣе въ Зимнемъ дворцѣ существовалъ Малый театръ, на которомъ представлялись придворными дамами и кавалерами комедіи императрицы. Такъ, января 28-го 1773 года, тамъ въ первый разъ была представлена комедія Екатерины „О, время!“[101]). Пьеса эта была дана въ присутствіи государыни и 257 избранныхъ зрителей. Государыня очень любила театръ и особенно русскій, для котораго и написала много пьесъ. Эти пьесы игрались на придворныхъ театрахъ Петергофа и Царскаго Села и затѣмъ уже переходили и на публичные театры. Изъ пьесъ государыни, помимо названной, извѣстны: „Госпожа Вѣстникова съ семьею“, „Именины госпожи Ворчалкиной“, „Передняя знатнаго барина“, „Невѣста — невидимка“ и затѣмъ нѣсколько французскихъ пьесъ-пословицъ (proverbes), которыя государыня писала въ сообществѣ своихъ вельможныхъ сотрудниковъ: графа Кобенцеля, Сегюра, принца де-Линя, Д'Еста, гр. А. М. Мамонова, Ал. С. Строганова, Ив. Ив. Шувалова. Такихъ пословицъ извѣстно до семи: Les voyages de M-r Bontemps; Le flatteur et les flattés; Il n'y a point de mal sans bien; La rage aux proverbes; Un chien vaut toujours mieux que deux tu l'auras; „За мухой съ обухомъ“; „За вздоръ пошлины не платятъ“. Послѣднія двѣ намъ извѣстны по дневнику Храповицкаго, который упоминаетъ, что первая изъ нихъ, „За мухой съ обухомъ“, была написана государыней по поводу ссоры, затѣянной княгиней Дашковой съ Л. А. Нарышкинымъ изъ-за свиньи, которая зашла по сосѣдству въ ея огородъ. Эта шутка безъ обиняковъ прямо потѣшалась надъ княгиней, и потому государыня приказала Храповицкому, когда онъ поднесъ ей переписанную, отложить съ тѣмъ, чтобы сдѣлать въ ней нѣкоторыя поправки. Вторая изъ этихъ пьесъ, „За вздоръ пошлины не платятъ“, была написана Мамоновымъ, и только конецъ государыня къ ней придѣлала. Помимо этихъ мелкихъ пьесъ, государыней было написано еще нѣсколько большихъ комедій, какъ, напримѣръ: „Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями“, „Недоразумѣнія“, „Сказка о Горе-богатырѣ Косометовичѣ“, „Начальное управленіе Олега“. Увлеченіе шарлатанствомъ графа Сенъ-Жермена и Каліостро государыня осмѣяла въ своихъ трехъ пьесахъ: „Обманщикъ“, „Обольщенный“ и „Шаманъ Сибири“. Во всѣхъ этихъ пьесахъ дѣйствуетъ личность, которая, съ помощью различныхъ фокусовъ, дурачитъ простаковъ и обогащается на ихъ счетъ.



Эрмитажный театръ.

Съ гравюры прошлаго вѣка.

Русскій театръ при императрицѣ Екатеринѣ открылся представленіемъ при дворѣ оперы „Олимпіада“, музыка сочиненія Манфредини, декораціи Градиція, балеты вѣнскаго балетмейстера Гильфердинга. И затѣмъ на третій годъ ея царствованія состоялось открытіе въ Петербургѣ и частнаго народнаго театра подъ открытымъ небомъ, за Малой Морскою, на пустырѣ, называвшемся Брумберговой площадью. Первое такое представленіе было дано во второй день Пасхи, 4-го апрѣля 1765 года, въ день смерти Ломоносова. Представленія на этомъ театрѣ начинались въ 4 часа дня; играли въ нихъ охотники, преимущественно мастеровые, въ переводныхъ комедіяхъ Мольера, Гольдберга и нѣкоторыхъ оригинальныхъ.

Изъ „С.-Петербургскаго Вѣстника“ [102]) видно, что, по возвращеніи двора въ Петербургъ, послѣ коронованія, во дворцѣ играли придворныя дамы и кавалеры „Семиру“, трагедію Сумарокова, послѣ чего слѣдовалъ балетъ „Галатея и Ацисъ“, въ которомъ великій князь Павелъ Петровичъ, въ видѣ брачнаго бога Гименея, явясь на сцену, удивлялъ всѣхъ зрителей искусными и благородными танцами. Въ числѣ любителей, принимавшихъ участіе въ спектаклѣ, были гвардіи капитаны: Кропотовъ, Волковъ, Титовъ, три сестры дѣвицы Бибиковы и Титова; танцовали гр. А. П. Шереметева, фрейлина Хитрово и другіе; роль Семиры представляла графиня Брюсъ, въ мужскихъ роляхъ участвовали графы: Г. Гр. Орловъ, А. П. Шуваловъ, Ан. П. Нарышкина и другіе [103]).

На репетиціяхъ государыня сажала въ первомъ ряду вмѣстѣ съ собою старика актера Офрена, учителя драматическаго искусства въ кадетскомъ корпусѣ. Офренъ нерѣдко забывалъ, гдѣ сидитъ, и забавлялъ государыню своими восклицаніями. Однажды, слушая монологъ въ „Магометѣ“, котораго игралъ П. С. Желѣзниковъ, Офренъ то и дѣло твердилъ довольно громко: bien! très bien! comme un Dieu! comme un ange! presque comme moi!

Всѣ артисты въ то время носили прилагательныя имена: такъ Офрена называли „чувствительнымъ“, Флоридора — „благороднымъ“, Бурде — „увлекательнымъ“ и т. д. Актеры вѣка Екатерины отличались всѣми достоинствами придворныхъ—вѣжливостью и свѣтскостью. Про извѣстнаго Ив. Аф. Дмитревскаго разсказывали современники, что это былъ старецъ замѣчательной наружности, съ правильными чертами лица и съ умною, выразительною физіономіею. Голова его имѣла въ себѣ много живописнаго, особенно бѣлые, какъ снѣгъ волосы, зачесанные назадъ, придавали ей видъ, внушавшій невольное уваженіе. Всѣ его движенія были изучены и разсчитаны, а рѣчь была тихая, плавная, и выраженія, употреблявшіяся имъ въ разговорѣ, большею частью изысканныя. Впрочемъ, товарищи его не вѣрили этой вѣжливости, и называли его „куртизаномъ“ и „эффекщикомъ“. Про игру и характеръ этого отца сценическаго искусства тогдашній знатокъ театра Ап. Алек. Майковъ говорилъ: Дмитревскій похожъ на заколдованный сундукъ, въ которомъ перемѣшано множество драгоцѣнныхъ вещей съ разною ветошью и всякимъ хламомъ; этотъ сундукъ отворяется для всякаго, и всякому дозволяется въ немъ рыться и выбирать любую тряпицу, но драгоцѣнности ни за что никому не даются: онѣ видны, но неуловимы. Отцомъ сценическаго искусства въ Россіи или учителемъ, какъ говоритъ С. П. Жихаревъ въ своихъ воспоминаніяхъ, онъ никогда тоже не былъ: сидитъ бывало на почетномъ креслѣ на репетиціяхъ и въ спектакляхъ; прослушиваетъ иногда роли у молодыхъ вновь поступающихъ на сцену актеровъ, и только. При всей также своей театральной опытности, онъ нерѣдко не понималъ ролей; такъ существуетъ разсказъ, что разъ, исполняя роль царя въ какой-то пьесѣ, онъ, отдавая тайныя приказанія послу, кричалъ немилосердно. По окончаніи репетиціи государыня подозвала его и замѣтила: что такъ о государственныхъ дѣлахъ не говорятъ громко, и ей, какъ царицѣ, онъ можетъ повѣрить на слово...

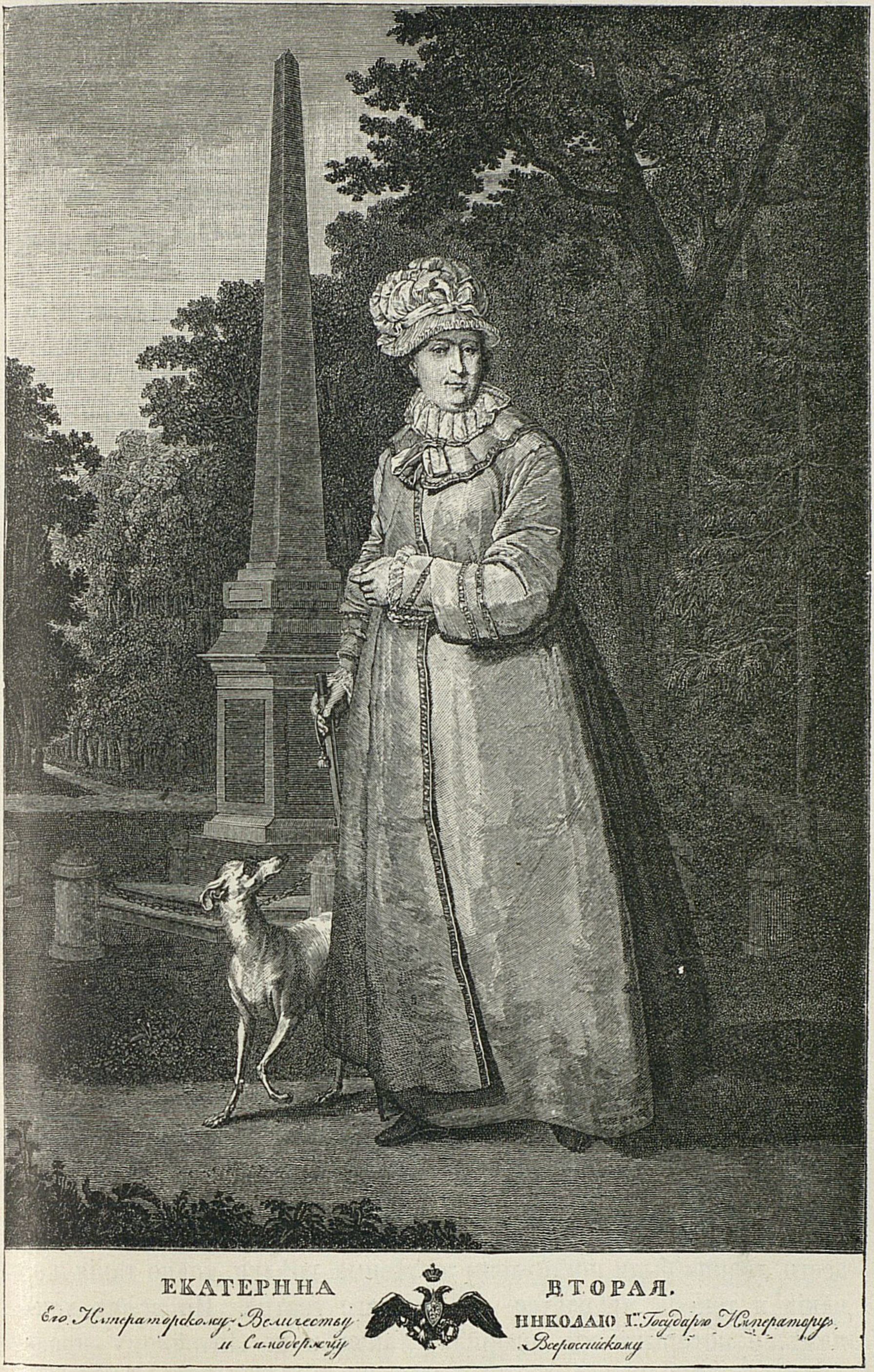
На парадныхъ эрмитажныхъ спектакляхъ царствовала та же всегдашняя непринужденность, какъ и на репетиціяхъ. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ такихъ спектаклей графъ Эстергази въ письмѣ къ своей женѣ: „Все общество отправилось въ великолѣпную театральную залу. Императрица заняла стулъ во второмъ ряду, пригласивъ сѣсть возлѣ себя графа Кобенцеля, а по другую сторону меня. Старшій внукъ ея сѣлъ впереди, Зубовъ возлѣ меня, а графъ Брюсъ возлѣ Кобенцеля. Дамы помѣстились въ первомъ ряду, а остальное общество, гдѣ кому вздумалось. Пустыхъ мѣстъ было довольно. Представляли „Щедраго человѣка“ и „Школу мужей“. Пока шла первая піеса (безъ пѣнія и музыки) императрица то и дѣло заговаривала то съ тѣмъ, то съ другимъ“.

◆

ГЛАВА X.

Переѣздъ Екатерины II въ Зимній дворецъ. — Обновленіе улицъ. — Новыя зданія. — Карусели. — Кадрили и призы. — Святочныя игры и другія забавы двора. — Участіе въ танцахъ наслѣдника. — Забавный маскарадъ. — Большое собраніе Эрмитажа. — Пышность двора. — Придворный оркестръ. — Солисты. — Искусство сановниковъ въ гримировкѣ. — Алмазная комната. — Диковинки Эрмитажа. — Работы императорской шпалерной фабрики. — Висячій садъ и звѣринецъ. — Аллегорическія статуи Эрмитажа. — Билліардная комната. — Анекдотъ. — Необыкновенная вѣжливость Екатерины II. — Часы Рентгена и Стасеровы. — Различныя античныя изображенія. — Ложи Рафаэля. — Собраніе геммъ, монетъ, эстамповъ. — Библіотекарь Лужковъ. — Анекдоты о немъ. — Клубы. — „Подлые поступки“. — „Карточная игра“ и азартныя игры. — Анекдоты о нихъ. — Англійскій клубъ. — Коммерческое общество. — Танцъ-клобъ, музыкальный клубъ. — Роскошь и великолѣпіе домовъ нашихъ аристократовъ. — „Дворянскія бани“. — Общество гостиныхъ. — Дешевизна жизни. — Обиліе мѣдной монеты. — Анекдотъ о Шумскомъ. — Чеканъ мѣдныхъ денегъ. — Первыя ассигнаціи. — Упадокъ денежнаго курса. — Евреи — поддѣлыватели монеты. — Шкловскія фальшивыя ассигнаціи. — Графы Зановичи — распространители фальшивыхъ денегъ. — Судъ надъ ними и ихъ судьба.

СЪ ПЕРЕѢЗДОМЪ императрицы Екатерины II въ Зимній дворецъ, смежныя съ дворцомъ улицы и площади стали украшаться и отстроиваться. Царицынъ лугъ былъ обращенъ въ огромный садъ, съ множествомъ бесѣдокъ для государыни и отдѣльныхъ домиковъ и кухонъ, въ которыхъ гуляющіе могли готовить себѣ кушанье; вслѣдъ за этимъ стали устроивать Адмиралтейскую площадь. Въ это время половина мѣста по Невскому отъ Полицейскаго моста до Малой Морской, послѣ сломки бывшаго тутъ дворца, была подарена императрицею оберъ-полицеймейстеру Чичерину, и имъ уже выстроенъ домъ, существующій и до сихъ поръ (домъ бывшій Косиковскаго, теперь Елисѣева). Другая половина, отъ Большой Морской до Малой


ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ.
Его Императорскому Величеству НИКОЛАЮ I. Государю Императору
и Самодержцу Всероссийскому

Екатерина II.

Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ.

Морской, оставалась не застроенною до 1804 года. Съ другой стороны дворца къ Невѣ, берегъ которой былъ укрѣпленъ деревяннымъ парапетомъ въ 5 фут. вышины, начатое еще въ 1754 году строенiе гранитной набережной приводилось къ окончанiю; для гранитной набережной вбивали подъ водою сваи въ 2½ сажени, сплошь одна возлѣ другой, на три сажени въ ширину; на нихъ клали ростверкъ, потомъ фундаментъ изъ пудовской плиты въ 2½ и 3 сажени, а верхъ одѣвали гранитомъ на одну сажень выше самой высокой воды. Парапету дали 2½ фута вышины и 1½ толщины, а тротуару сажень въ ширину; общая длина набережной къ 1788 году была три версты. Въ это же время принялись за важную постройку къ луговой сторонѣ дворца; нужно было маскировать конецъ Невскаго, выходившаго къ Адмиралтейству: дома были строены лицомъ на проспектъ, слѣдовательно всѣ надворныя строенiя были на сторонѣ, ближайшей ко дворцу, такъ что изъ оконъ императрицы открывался самый некрасивый видъ. Она приказала строить полукруглый дворецъ изъ трехъ соединенныхъ домовъ, съ тремя воротами, надъ которыми поддерживались двумя мраморными колоннами портики. Одна часть этого колоссальнаго зданiя была подарена государынею графу Брюсу, который былъ тогда петербургскимъ губернаторомъ; другая отдана была флигель-адъютанту Ланскому, по смерти котораго постройка снова была куплена императрицею; впослѣдствiи эта часть принадлежала Кушелеву, а по смерти его поступила къ князю Волконскому. Большой Миллiонной въ это время дано новое направленiе, и начаты постройки богатыхъ домовъ, отъ которыхъ она и получила свое названiе. Прежде эта улица была проведена искривленною линiей отъ перваго почтоваго дома (нынѣшнiй Мраморный дворецъ) и называлась сперва Троицкою; потомъ, застроенная деревянными домиками нѣмецкихъ мастеровъ, она называлась Нѣмецкою и послѣ Греческою. Такъ обстроились смежныя съ дворцомъ мѣста, и открылась нынѣшняя обширная Дворцовая площадь, на которой въ царствованiе Екатерины устроивались народные праздники, били фонтаны вина и ставились жареные быки. Вокругъ всего дворца были поставлены желѣзныя грѣлки, точно такiя же, какiя и теперь находятся у Большаго театра. По всѣмъ улицамъ, о которыхъ мы говорили, также и по Литейному проспекту, были окончены къ тому же времени генераломъ Бауеромъ подземныя кирпичныя трубы въ 3 фута ширины и въ четыре вышины для стока нечистотъ, съ общимъ наклономъ ихъ къ Невѣ.

16-го іюня и 11-го іюля 1766 года на Дворцовой площади была дана карусель въ нарочно построенномъ амфитеатрѣ. Карусель была устроена по инціативѣ князя Н. И. Репнина. Изобрѣтатель и директоръ, — какъ гласитъ рескриптъ государыни, — „показалъ не токмо талантъ своего знанія въ таковыхъ экзерциціяхъ и изобиліе вкуса въ пристойныхъ нарядахъ и аллегорическихъ украшеніяхъ, заимствуемыхъ отъ довольнаго свѣдѣнія древней и новой исторіи, но и все оное распорядилъ и произвелъ самымъ дѣйствіемъ до самой малѣйшей части сего увеселенія безъ всякаго помѣшательства, будучи и самъ при томъ шефомъ кадрили индійской. Къ неоспоримо въ томъ должной его сіятельству справедливости, всемилостивѣйшая государыня, въ знакъ своего къ нему удовольствія, при милостивѣйшихъ изображеніяхъ по окончаніи каруселя, пожаловать ему соизволила часы золотые и съ цѣпочкою, осыпанныя бриліантами, въ четыре тысячи рублей“.

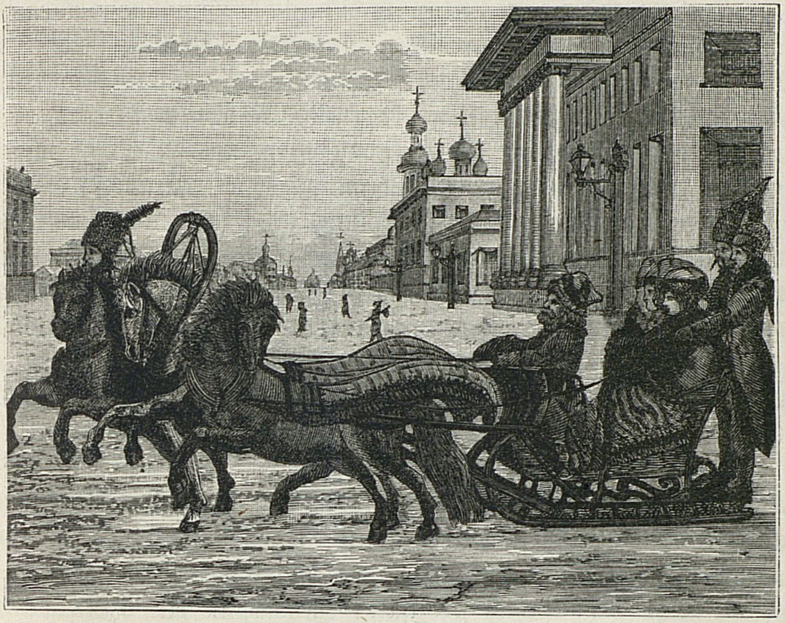
Карусель вскорѣ повторилась еще 11-го іюля. Назначена она была еще въ 1765 году, но за худою погодою отстрочена до слѣдующаго года. Церемоніймейстеромъ карусели былъ гвардіи Измайловскаго полка секундъ-маіоръ князь П. А. Голицынъ, отъ котораго и были розданы билеты для входа въ амфитеатръ, начиная отъ знатнѣйшихъ персонъ обоего пола, какъ для всѣхъ чиновъ военныхъ и гражданскихъ, такъ и для всѣхъ прилично одѣтыхъ. Карусель состояла изъ четырехъ кадрилій: славянской, римской, индійской и турецкой. Мѣста для зрителей были расположены также по кадриліямъ: такъ, съ правой стороны отъ ложи государыни была славянская и римская, съ лѣвой — индійская и турецкая; напротивъ ложи государыни была ложа наслѣдника.

Въ день карусели, въ два часа по полудни, былъ данъ сигналъ изъ трехъ пушекъ съ крѣпости адмиралтейской, чтобы дамы и кавалеры каждой кадрили собирались въ назначенныя имъ мѣста. Первыя двѣ кадрили, славянская и римская, собрались у Лѣтняго дворца, въ поставленные на лугу шатры, индійская и турецкая собрались въ приготовленныхъ шатрахъ въ Малой Морской. Въ четыре часа данъ былъ второй сигналъ, дабы дамы вступали на колесницы, кавалеры садились на лошадей, а зрители занимали свои мѣста въ амфитеатрѣ. Въ половинѣ пятаго, былъ данъ третій сигналъ, по которому всѣ четыре кадрили вступили маршемъ въ слѣдующемъ порядкѣ: славянской кадрили шефомъ былъ графъ Ив. Петр. Салтыковъ, римской —

графъ Гр. Орловъ, индійской—князь Н. И. Репнинъ и турецкой—графъ Ал. Орловъ. Кадрили раздѣлились на двѣ части и одновременно шли къ амфитеатру; народу по улицамъ было безчисленное множество, такъ какъ зрѣлище было рѣдкое. Когда кадрили стали входить въ амфитеатръ, звукъ музыки поразилъ всѣхъ. Мелодія музыкальныхъ инструментовъ оказалась до этого времени неслыханною; всѣ инструменты были сдѣланы на манеръ существовавшихъ въ глубокой древности. При входѣ въ амфитеатръ кадрили остановились за ложею своихъ судей, внѣ барьера, и по данному сигналу начались „курсы“, сперва дамскіе на колесницахъ, а потомъ кавалерійскіе на лошадяхъ. Судьи записывали въ таблицы дамъ и кавалеровъ, которые имѣли успѣхъ и неудачу, какъ въ „ристаніяхъ на конѣ“, такъ и въ „метаніи жавелотовъ“. Окончивъ эти всѣ кадрили, сдѣлали кругомъ амфитеатра маршъ и пошли преспективою до Лѣтняго дворца къ большому крыльцу, гдѣ государыня, стоя на верхнемъ балюстрадѣ крыльца, на шествіе смотрѣла. И когда всѣ кадрили были введены въ большую залу оберъ-церемонійместеромъ, каждая изъ нихъ знакъ своего народа подавала музыкою. Главный судья, фельдмаршалъ Минихъ, со всѣми судьями выступилъ изъ конференцъзалы, вслѣдъ за ними были вынесены пажами на золотыхъ подносахъ богатые „прейсы“ (призы), которые послѣ рѣчи фельдмаршала были розданы. Первый призъ, состоящій изъ богатой бриллiантовой тресилѣ (?), получила гр. Н. П. Чернышева; второй призъ, табакерку съ брилліантами, А. В. Панина; третій призъ, перстень брилліантовый, гр. Е. А. Бутурлина. Изъ кавалеровъ первый призъ получилъ князь И. А. Шаховской—брилліантовая пуговица и петлица на шляпу; второй, полковникъ Ребиндеръ—трость съ брилліантовою головкою; третій, графъ Штейнбокъ—перстень брилліантовый. Кавалеры возницы дамъ получили: первый призъ, Ферзенъ, поручикъ конной гвардіи, записную золотую книжку съ финифтью; второй, А. Н. Шепотьевъ, табакерку золотую съ финифтью; третій, гр. Д. М. Матюшкинъ, готовальню золотую съ финифтью и т. д. Судьями были гр. Бутурлинъ, Нарышкинъ, князь Голицынъ, графъ Панинъ и многіе другіе.

Какъ мы уже сказали, вскорѣ была дана и вторая карусель съ тѣмъ же церемоніаломъ, которая закончилась представленіемъ въ Зимнемъ дворцѣ оперы „Дидона“. Побѣдителемъ на второй карусели единогласно былъ признанъ графъ Орловъ, которому фельдмаршалъ Минихъ вручилъ первый призъ и отъ себя тайно заготовленную лавровую вѣтвь. Дамы тоже каждая сняли съ своей головы живые цвѣты и поднесли увѣнчанному побѣдителю.

Въ ряду забавъ двора нерѣдко бывали и святочныя игры. Вотъ какъ описываетъ такія игры въ день Рождества 1765 года Порошинъ: „сперва взявшись за ленту, всѣ въ кругъ стали, нѣкоторые ходили въ кругу и другихъ по рукамъ били. Какъ эта игра кончилась, стали опять всѣ въ кругъ, безъ ленты, уже по двое, одинъ за другаго гоняли третьяго. Послѣ сего золото хоронили; „Заплетися, плетень“ пѣли; порусски плясали; польскій, менуэты и контрдансы танцовали. Императрица во всѣхъ этихъ играхъ сама быть изволила и порусски плясала вмѣстѣ съ Н. И. Панинымъ. Великій князь тоже очень много танцовалъ; во время этихъ увеселеній вышли изъ внутреннихъ государыниныхъ покоевъ семь дамъ: это были въ женскомъ платьѣ графъ Гр. Гр. Орловъ, графъ А. С. Строгановъ, графъ Н. А. Головинъ, Петръ Богд. Пассекъ, шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ, камеръ-юнкеры: М. Е. Баскаковъ, кн. Анд. Мих. Бѣлосельскій [104]). На всѣхъ были кофты, юбки, чепчики; князь Бѣлосельскій былъ проще всѣхъ одѣтъ, онъ представлялъ гувернантку или маму и



Барскія сани съ выѣздными гусарами въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры того времени Хаттенбергера.

смотрѣлъ за прочими дамами. Ряженыхъ посадили за круглый столъ, поставили закуски, подносили пуншъ, и потомъ всѣ плясали и шалили".

На большихъ собраніяхъ Эрмитажа, которыя начинались въ седьмомъ часу и кончались въ девять, императрица первая танцовала менуэтъ, но обыкновенно открывалъ ихъ великій князь польскимъ съ одной изъ старѣйшихъ придворныхъ дамъ.

По словамъ иностранцевъ, въ эти дни вся дворцовая площадь была запружена каретами и другими экипажами; толпы народа тоже многочисленными группами собирались поглядѣть на прибывающихъ шестерней вельможъ. Полиція исполняла свою обязанность при помощи палочныхъ ударовъ, раздаваемыхъ налѣво и направо. На лѣстницахъ отъ толпы слугъ доступъ въ покои дѣлался почти невозможнымъ. Глухой шумъ и говоръ въ покояхъ стоялъ неумолкаемый, и только стихалъ онъ тогда, когда появлялась императрица, съ удаленіемъ же монархини опять все снова приходило въ безпорядокъ, и комнаты снова оглашались гуломъ громкаго разговора на разныхъ языкахъ. Въ Екатерининское время пышность двора и разнообразіе характерныхъ костюмовъ разныхъ инородцевъ заставляли каждаго превратиться въ зрѣніе. Блескъ драгоцѣнныхъ камней и воинственный видъ покрытыхъ орденами мундировъ смущалъ многихъ и приводилъ въ робость.

Во время баловъ игралъ придворный оркестръ подъ управленіемъ капельмейстера Галуппи [105]). На малыхъ собраніяхъ игралъ на скрипкѣ Дицъ, на віолончелѣ Дельфини, на арфѣ В. Кардонъ, на фортепіано Ванжура. На эрмитажныхъ собраніяхъ государыня всегда являлась въ русскомъ платьѣ; ея примѣру слѣдовали и всѣ приглашенныя дамы. Здѣсь уже господствовалъ языкъ русскій. Каждый гость занимался чѣмъ ему угодно было. Кто игралъ въ жмурки, кто въ билетцы, кто ворожилъ, гадалъ, игралъ въ веревочку, кто читалъ стихи и т. д. Любимой игрой, какъ мы уже выше говорили, была литературная въ мысли; но какъ только государыня замѣчала, что гости начинали писать колкости и личности, то тотчасъ брала перо и зачеркивала написанное. Всякое стѣсненіе, всякая церемонія были изгнаны изъ общества; особенно запрещено было государынею вставать со стула передъ нею, и тотъ, кто не исполнялъ этого, несъ штрафъ по червонцу въ пользу бѣдныхъ или выучивалъ шесть стиховъ изъ „Телемахиды". Разсказываютъ, что Л. А. Нарышкинъ чаще другихъ подвергался этому наказанію. Читалъ же онъ стихи Тредьяковскаго съ такимъ паѳосомъ, что вызывалъ всеобщій неудержимый смѣхъ. Вельможи со способностями выдѣлывать различныя гримасы и измѣнять свою физіономію особенно цѣнились на этихъ вечерахъ и получали въ шутку разные военные чины. Такъ, баронъ Ванжура вмѣстѣ съ кожей спускалъ до бровей свои волосы и какъ парикъ передвигалъ ихъ направо и налѣво; за это качество онъ получилъ тамъ званіе капитана. Сама государыня тоже умѣла спускать правое ухо къ шеѣ и опять поднимать его вверхъ; за эту способность она числилась только поручикомъ. Безбородко превосходно представлялъ картаваго.

Собранія эти происходили въ той комнатѣ, гдѣ теперь хранятся эскизы и рисунки Рафаэля и другихъ великихъ художниковъ. Эта уединенная комната дала Эрмитажу свое имя. Изъ этой комнаты былъ выходъ въ такъ называемую „Алмазную комнату“, въ которой, по повелѣнію императрицы, были собраны изъ всѣхъ дворцовъ и кладовыхъ и изъ московской Оружейной палаты разныя рѣдкости изъ финифти и филиграма, агата, яшмы и другихъ драгоцѣнныхъ камней. Тутъ помѣстили всѣ домашніе уборы русскихъ царей и бывшія у нихъ въ употребленіи вещи: часы, табакерки, кувшины, зеркала, бокалы, ножи, вилки, цѣпочки, солонки, чайные приборы, перья, букеты. Изъ такихъ рѣдкихъ вещей здѣсь хранились филиграновые туалеты царевны Софіи Алексѣевны и царицы Евдокіи Лукьяновны, хрустальный кубокъ императрицы Анны Ивановны, серебряная пудреница Елисаветы Петровны, золотая финифтяная чарочка царя Михаила Ѳеодоровича, часы, служившіе шагомѣромъ царю Алексѣю Михайловичу; модель скромнаго домика, въ которомъ обиталъ Петръ Великій въ Саардамѣ; кукла, одѣтая по-голландски, — это была копія съ хозяйки дома; изображеніе Полтавской битвы и морскаго сраженія при Гангеудѣ, выточенное рѣзцомъ Петра; табакерки, шашки и наперстокъ работы Екатерины. Позднѣе, всѣ эти достопамятности были разставлены по галлереямъ Эрмитажа. Первою изъ этихъ галлерей считалась та, которая примыкала къ южной части висячаго сада. Всѣ три галлереи были со сводами и имѣли около трехъ саженъ ширины и четыре вышины; окна выходили только въ садъ. Изъ первой галлереи выстроенъ на сводѣ переходъ чрезъ переулокъ въ придворную церковь Зимняго дворца. Вторая галлерея, западная, примыкала къ застройкѣ флигеля, чрезъ который государыня изъ внутреннихъ покоевъ ходила въ Эрмитажъ. По обѣимъ сторонамъ дверей находились вазы изъ бѣлаго прозрачнаго мрамора съ барельефами, на подножкѣ цвѣтнаго мрамора, въ 4 фута вышины. Подлѣ нихъ стояли два женскихъ портрета въ восточныхъ нарядахъ, въ подвижныхъ рамахъ. Они были сдѣланы на императорской шпалерной фабрикѣ мастерами Андреевымъ и Ивановымъ. Въ третьей, восточной, галлереѣ были еще такія же двѣ вазы; въ этой галлереѣ копировались обыкновенно картины профессорами и воспитанниками академіи художествъ. Въ послѣдней комнатѣ всѣ стѣны и промежутки между оконъ были покрыты картинами.

Окруженный съ трехъ сторонъ галлереями, а съ сѣверной заломъ Эрмитажа, висячій садъ имѣлъ видъ продолговатаго четвероугольника, около 25 саженъ длины и 12 саженъ ширины. Своды были покрыты землею на три фута, такъ что садъ имѣлъ такую же вышину, какъ полъ въ галлереяхъ. Въ этомъ открытомъ саду росли со всѣхъ сторонъ ряды прекраснѣйшихъ большихъ березъ, а на дерновой поверхности были сдѣланы дорожки для прогулокъ, украшенныя цвѣтами, въ концѣ каждой дорожки стояли статуи изъ бѣлаго мрамора работы Фальконета, на подножьяхъ изъ дикаго камня въ 3 фута вышины. Въ сѣверной части сада была устроена высокая оранжерея съ галлереею вверху; въ этомъ зимнемъ саду содержалось множество попугаевъ и другихъ тропическихъ и нашихъ птицъ, а также множество обезьянъ, морскихъ свинокъ, кроликовъ и другихъ звѣрковъ. Отъ галлереи по западной сторонѣ шли три комнаты, въ одной изъ которыхъ стоялъ бюстъ Вольтера въ натуральную величину изъ красноватаго состава, на столбѣ изъ дикаго камня; въ примыкающихъ къ этой другихъ комнатахъ стояло еще нѣсколько бюстовъ Вольтера: одинъ изъ фарфора, другой изъ бронзы, сдѣланный съ оригинала, работы Гудона; всѣ эти комнаты были украшены бронзовыми историческими группами изъ жизни древней Греціи и Рима. Подлѣ угольной комнаты къ оранжереѣ, находился залъ, вмѣсто стѣны съ одной стороны были громадныя окна въ садъ, рядомъ съ заломъ была столовая комната, полъ здѣсь состоялъ изъ двухъ квадратовъ, которые вынимались и изъ нихъ подымались и опускались посредствомъ простаго механизма два накрытые стола на шесть приборовъ. Государыня здѣсь обѣдала безъ присутствія слугъ. Въ этой комнатѣ по угламъ стояли два бюста работы Шубина: графа Румянцева и графа Шереметева. Изъ этой комнаты шла арка черезъ переулокъ ко второму дворцу Эрмитажа; здѣсь находилось аллегорическое изображеніе мира со

Швеціей. Екатерина, изображающая Россію, подавала Швеціи, представленной тоже въ видѣ женщины, лавровую вѣтвь, показывая на снопъ. Пограничная рѣка Кюмень была представлена лежащимъ старцемъ; изъ находившагося въ рукахъ у старика сосуда вытекала вода.

Во второмъ дворцѣ, въ первомъ овальномъ залѣ со сводами и высокою галлереею, поддерживаемою тринадцатью столбами, никакихъ украшеній не было, только висѣли два рисунка съ изображеніемъ цвѣтовъ, писанные великою княгинею Маріею Ѳеодоровною, и нѣсколько географическихъ картъ. Въ небольшой угловой комнатѣ за тѣмъ заломъ сохранялся токарный станокъ Петра Великаго и разныя выточенныя имъ работы изъ слоновой кости. Подлѣ, въ овальной комнатѣ, стоялъ большой билліардъ и маленькая „фортуна“. Стѣны этой комнаты были увѣшаны картинами. Государыня очень любила играть на билліардѣ, и предъ тѣмъ, чтобъ начать играть, всегда спрашивала партнера, удобно ли ему играть этимъ кіемъ или не нужно ли опустить шторы, когда замѣчала, что солнце непріятно ему свѣтитъ въ глаза. Однажды, когда государыня играла съ кѣмъ-то на билліардѣ, въ это время вошелъ Ив. Ив. Шуваловъ. Императрица низко ему присѣла. Присутствующіе придворные сочли это за насмѣшку и засмѣялись. Государыня приняла серьезный видъ и сказала: „Вотъ уже сорокъ лѣтъ, что мы друзья съ господиномъ оберъ-камергеромъ, а потому намъ очень извинительно шутить между собою“. Государыня, какъ извѣстно, отличалась необыкновенной вѣжливостью въ обращеніи съ людьми; любимая ея поговорка была: „Ce n'est pas tout que d'être grand seigneur, il faut encore être poli“ (не довольно быть вельможею, нужно еще быть учтивымъ). По разсказамъ, императрица имѣла особенный даръ приспособлять къ обстоятельствамъ выраженіе лица своего [106]); часто послѣ вспышки гнѣва въ кабинетѣ, подходила она къ зеркалу и, такъ сказать, сглаживала, прибирала черты свои и являлась въ залу съ свѣтлымъ и царственно-привѣтливымъ лицомъ. Однажды на балѣ хотѣла она дать приказаніе пажу и сдѣлала знакъ, чтобы подозвать его, но онъ того не замѣтилъ, а графъ Остерманъ принялъ, что знакъ былъ сдѣланъ ему, и подошелъ къ государынѣ, опираясь на свою длинную трость; императрица встала съ своихъ креселъ и подошла съ нимъ къ окну, гдѣ нѣсколько времени съ нимъ проговорила. Потомъ, возвратясь на мѣсто, спросила графиню Головину, довольна ли она ея вѣжливостью. „Могла ли я иначе поступить!

Я огорчила бы старика, давши ему почувствовать, что онъ ошибся, а теперь, сказавъ ему нѣсколько словъ, я оставила его въ заблужденіи. Онъ доволенъ, вы довольны, а слѣдовательно довольна и я!“

Въ другой разъ князь Барятинскій ошибкою, вмѣсто графини Паниной, пригласилъ на вечеръ въ Эрмитажъ графиню Фитингофъ. Увидя неожиданную гостью, императрица удивилась, но не дала этого замѣтить, а только приказала тотчасъ послать приглашеніе графинѣ Паниной; графиню же Фитингофъ велѣла внести въ списокъ лицъ, приглашаемыхъ на эрмитажныя собранія, для того, чтобы она не догадалась, что была приглашена ошибкою.

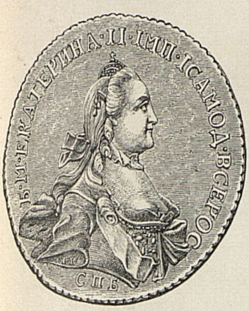
Въ небольшой комнаткѣ, „диванной“, рядомъ съ билліардной, стоялъ драгоцѣнный столикъ изъ разноцвѣтныхъ камней, а въ углахъ бюсты адмираловъ: гр. А. Г. Орлова и В. Я. Чичагова, оба работы Шубина; рядомъ съ этой комнатой, окнами на дворъ, какъ мы уже упоминали, государыня занималась химическими сплавами для камеевъ, вмѣстѣ съ Кенигомъ и Лебрехтомъ вырѣзала печати и т. д. Рядомъ съ этой комнатой стояли двѣ драгоцѣнныя вазы: одна изъ стекла аметистоваго цвѣта и другая, фарфоровая, съ тонкою живописью, работы здѣшняго завода. Тутъ же было одно изъ первыхъ и древнѣйшихъ фортепьянъ съ флейтами. Въ комнатѣ подлѣ этой помѣщались двѣ мраморныя группы: одна — работы Шубина, другая — Щедрина, и большой фарфоровый сосудъ на кругломъ пьедесталѣ въ 4 фута вышины изъ голубаго состава, работы Кенига. Въ слѣдующей полукруглой залѣ находились изображенія римскихъ императоровъ Іосифа и Леопольда на одной картинѣ и бюстъ князя Потемкина-Таврическаго, работы Шубина; рядомъ съ этой комнатой хранилась коллекція рисунковъ. Уборная или спальная комната императрицы, кромѣ обыкновенной мебели, имѣла слѣдующія рѣдкости: играющіе часы работы Рентгена, бюсты Цицерона и Вольтера, античное изображеніе Діаны съ собакою изъ слоновой кости, античный столъ, горку изъ уральскихъ драгоцѣнныхъ камней, съ каскадами изъ аквамарина, работы Ямышева. Въ слѣдующемъ большомъ залѣ висѣло шесть хрустальныхъ люстръ, передъ софой стоялъ столъ, четырехугольная доска котораго въ 8 фут. длины и 4 ширины была сдѣлана изъ аметистоваго стекла, по бокамъ на ней были начерчены планы турецкихъ крѣпостей: Очакова, Бендеръ, Киліи и Акермана, завоеванныхъ княземъ Потемкинымъ; сдѣлана эта доска на стеклянномъ заводѣ [108]).

Въ комнатѣ подлѣ зала были размѣщены разныя китайскія рѣдкости. Первая комната, на восточной сторонѣ, по каналу, вела къ лѣстницѣ главнаго входа въ Эрмитажъ, сдѣланной изъ одноцвѣтнаго камня; напротивъ ея былъ на сводѣ переходъ черезъ каналъ въ придворный театръ; въ комнатѣ передъ проходомъ построенъ былъ древній греческій храмъ, въ которомъ стояло античное изображеніе изъ мрамора Амура и Психеи. Въ той же комнатѣ стояло бюро съ изображеніемъ разныхъ эпизодовъ изъ путешествія государыни по Таврической области; дѣлалъ это бюро крестьянинъ гр. Салтыкова. Далѣе во всю длину по каналу, (30 саженъ длины, около трехъ ширины) шла „ложа Рафаэля“, расписанная al fresco. Затѣмъ слѣдовали кабинеты минералогическій и императорская картинная галлерея и скульптурныхъ и античныхъ мраморовъ; за картинною галлереей первое время надзиралъ придворный живописецъ Фензельтъ, извѣстный реставраторъ древнихъ картинъ (послѣ него, съ 1780 года, былъ смотрителемъ венеціанецъ г. Мартинели). Надъ собраніемъ геммъ, монетъ, эстамповъ и другихъ произведеній художествъ былъ начальникомъ библіотекарь императрицы, коллежскій совѣтникъ Петровъ, но такъ какъ послѣдній былъ часто посылаемъ въ Москву, то, большею частью, завѣдовалъ этими собраніями унтеръ-библіотекарь, коллежскій асессоръ Алексѣй Ивановичъ Лужковъ. Императрица очень его цѣнила и оказывала ему большую довѣренность, присылая къ нему драгоцѣнныя вещи безъ всякихъ записокъ. Однажды, государыня, отворяя у него разные шкафы, по разсѣянности положила ключи отъ нихъ въ свой карманъ, Лужковъ на это обидѣлся и просилъ государыню, чтобы она дала ему отставку. Государыня очень удивилась и просила его сказать, что за причина, что онъ хочетъ ее оставить.—„Я, государыня, честенъ, всегда пользовался вашимъ довѣріемъ, а вчера замѣтилъ, что вы въ первый разъ меня заподозрѣли и взяли ключи отъ меня,—послѣ этого я вамъ уже не слуга.“ —„Помилуй,—сказала императрица:—я сдѣлала это по ошибкѣ, безъ всякаго умысла, вотъ твои ключи, не обижайся, извини меня, я впредь буду осторожнѣе“.—Этотъ Лужковъ по кончинѣ государыни представилъ въ казну серебра и золота, не записаннаго въ книгахъ, болѣе чѣмъ на 200,000 рублей и немедленно послѣ того вышелъ въ отставку.

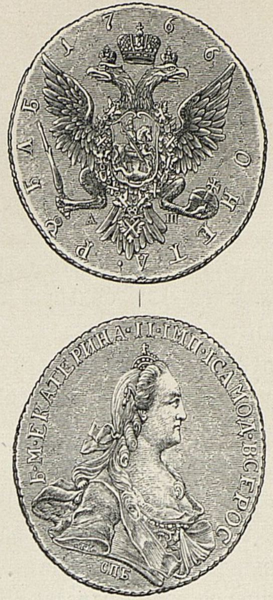
Въ кругъ общественныхъ увеселеній въ царствованіе Екатерины стали входить въ моду клубы, или „клобы“, какъ ихъ тогда называли; всѣхъ ихъ, начиная съ 1770 года по 1795, было основано въ Петербургѣ семь. Поводомъ къ основанію первыхъ такихъ клубовъ хотя и послужила благотворительная цѣль, но вскорѣ по открытіи ихъ было замѣчено, что посѣщали ихъ люди не только такіе, что ищутъ въ длинные зимніе вечера средства лишь „разсыпать мысли свои“, но и такіе, которые впадаютъ въ „подлые поступки“ и особенно умножаютъ страсть къ карточной игрѣ. Императрица строго преслѣдовала азартныя игры и по временамъ издавала указы, строго запрещающіе ихъ, но они скоро забывались; особенно много играли у князя Потемкина и Орлова. Екатерина говорила про игроковъ: „Эти люди никогда не могутъ быть полезными членами общества, потому что привыкли къ праздной и роскошной жизни. Они хотятъ всю жизнь свою провести въ этой пагубной игрѣ и такимъ образомъ, лишая себя всего своего имѣнія и нисколько объ этомъ не заботясь, дѣлаютъ несчастными и другихъ, которыхъ они обманываютъ и вовлекаютъ въ игру!“. Наказаніемъ для игроковъ былъ арестъ въ тюрьмѣ подъ крѣпкимъ карауломъ.

Узнавъ, что въ Москвѣ завелись карточные игроки, она писала къ главнокомандовавшему: „Иностранцевъ высылайте за границу, а своихъ унимайте; а если нужно будетъ, то пришлите ко мнѣ именной списокъ ихъ. Я велю публиковать объ нихъ въ газетахъ, чтобы всякій могъ ихъ остерегаться, зная ремесло ихъ“. Разъ до свѣдѣнія Екатерины дошло, что генералъ Левашевъ ведетъ сильную азартную игру. Государыня при встрѣчѣ говоритъ ему: — „А вы, всетаки, продолжаете играть?“ — „Виноватъ, ваше величество, играю иногда и въ коммерческія игры“. Двусмысленный отвѣтъ обезоружилъ гнѣвъ Екатерины. Она только разсмѣялась. Этотъ В. И. Левашевъ не измѣнялъ своего образа жизни до самой смерти, то и дѣло проигрывалъ крупныя суммы денегъ. Императоръ Александръ I, по вступленіи на престолъ, издалъ указъ „объ истребленіи непозволительныхъ карточныхъ игръ“, гдѣ, между прочимъ, было сказано: „что толпа безчестныхъ хищниковъ, съ хладнокровіемъ обдумавъ раззореніе цѣлыхъ фамилій, однимъ ударомъ исторгаетъ изъ рукъ неопытныхъ юношей достояніе предковъ, вѣками службы и трудовъ уготованное“. На этомъ основаніи всѣхъ уличенныхъ въ азартныхъ играхъ приказано было брать подъ стражу и отсылать къ суду.

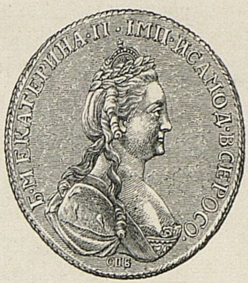
Государь, однажды встрѣтивъ Левашева, сказалъ ему: — „Я слышалъ, что ты играешь въ азартныя игры?“ — „Играю, государь“, — отвѣчалъ Левашевъ. — „Да развѣ ты не читалъ указа, даннаго мною противъ игроковъ?“ — „Читалъ, ваше величество, —


Б·М·ЕКАТЕРИНА·II·IМП·IСАМОД·ВСЕРОС
СПБ

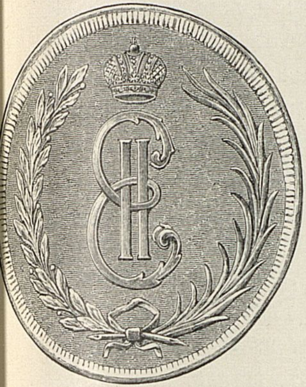
1.

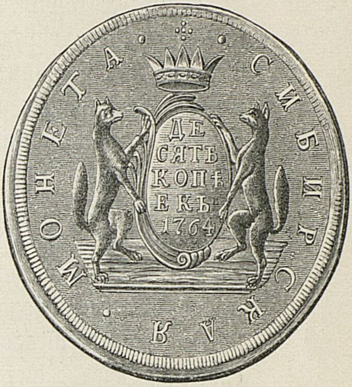

1766
РУБЛЬ ОДИНЪ
ЛШ
Б·М·ЕКАТЕРИНА·II·IМП·IСАМОД·ВСЕРОС
СПБ

2.

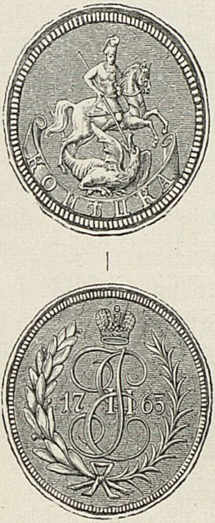

Б·М·ЕКАТЕРИНА·II·IМП·IСАМОД·ВСЕРОСС
СПБ

3.

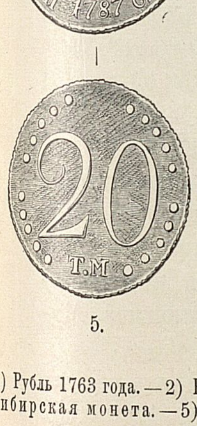



МОНЕТА СИБИРСКАЯ
ДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ 1764

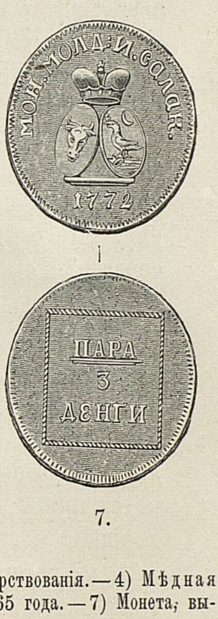
4.


КОПѢЙКА
17 65

6.


ЦАРИЦА ХЕРСОНИСА ТАВРИЧЕСКАГО 1787
20
Т.М

5.


МОН. МОЛД. И. ВОЛОХ.
1772
ПАРА 3 ДЕНГИ

7.

Монеты Екатерининскаго времени.

Снимки съ подлинныхъ монетъ.

1) Рубль 1763 года. — 2) Рубль 1766 года. — 3) Рубль послѣднихъ лѣтъ царствованія. — 4) Мѣдная сибирская монета. — 5) Крымская серебряная монета. — 6) Копѣйка 1765 года. — 7) Монета, выбитая въ 1772 году, во время занятія Молдавіи.

возразилъ Левашевъ: — но этотъ указъ до меня не относится: онъ обнародованъ въ предостереженіе „неопытныхъ юношей“, а самому младшему изъ играющихъ со мною — пятьдесятъ лѣтъ“.

Императрица Екатерина, узнавъ, что у статсъ-секретаря Попова по ночамъ съѣзжаются для большой игры, спросила его: — „Играете ли вы въ карты“. — „Играемъ, государыня“, — отвѣчалъ онъ. — „Въ какую игру?“ — „И въ ломберъ (l'ombre) играемъ“. — „Вашъ ломберъ раззорительный,“ — разсмѣявшись, сказала государыня.

Сама Екатерина любила играть въ карты и нерѣдко даже на бриллiанты; государыня играла преимущественно въ макао, которое въ прошломъ вѣкѣ было весьма распространенно. Каждыя девять очковъ оплачивались бриллiантомъ вѣсомъ въ одинъ каратъ; въ Екатерининское время каратъ бриллiанта стоилъ сто рублей. Передъ играющими на бриллiанты ставились ящики съ бриллiантами. Игра въ бриллiанты Екатерины обходилась гораздо дешевле другой нынѣшней. Любимыми императрицы играми были также: бостонъ, пикетъ, крибэджъ; у нея часто былъ партнеромъ пренепрiятный и задорный игрокъ Чертковъ. Разъ, играя съ нею и проигрывая, онъ съ досады бросилъ карты на столъ. Она ни слова не сказала ему и, когда кончился вечеръ, встала, поклонилась и молча ушла въ покои. Чертковъ просто остолбенѣлъ отъ своего поступка. На другой день, когда гофмаршалъ вызывалъ лицъ, которыя были назначены къ ея столу, Чертковъ стоялъ въ углу ни живъ, ни мертвъ. Когда гофмаршалъ произнесъ его имя, онъ просто ушамъ не вѣрилъ, и когда нерѣшительно подошелъ, то государыня встала, взяла Черткова за руку и прошла съ нимъ по комнатѣ, не говоря ни слова. Возвратясь же къ столу, сказала ему: „Не стыдно ли вамъ думать, что я могла быть на васъ сердита? Развѣ вы забыли, что между друзьями ссоры не должны оставлять по себѣ никакихъ непрiятныхъ слѣдовъ“.

Обѣдать съ государыней за однимъ столомъ имѣли право, данное Екатериною разъ навсегда, слѣдующіе придворные: графъ Разумовскій, Потемкинъ, Голицынъ, Ангальтъ, Чернышевъ, Брюсъ, Строгановъ, князь Юсуповъ, Бецкой, Нарышкинъ, Чертковъ, князь Барятинскій, Румянцевъ, Кутузовъ, Эстергази, Мордвиновъ и дежурный генералъ-адъютантъ. Изъ дамъ: Нарышкина, Матюшкина и графиня Браницкая.

Въ Екатерининское время самый „степеннѣйшій“ изъ клубовъ былъ „англійскій“. Основанъ онъ былъ 1-го марта 1770 года

„Гарнеромъ“, богатымъ банкиромъ; вскорѣ этотъ банкиръ сдѣлался банкротомъ, и земляки его, англичане, желая пособить ему, сдѣлали его экономомъ и хозяиномъ этого клуба. Членовъ въ первое время здѣсь считалось не болѣе пятидесяти. Плата не превышала сорока рублей; для помѣщенія нанимался небольшой домъ въ Галерной улицѣ за 1,500 рублей. Чрезъ сорокъ лѣтъ англійскій клубъ уже имѣлъ болѣе 300 членовъ, въ числѣ которыхъ находились высшіе государственные сановники, какъ, напримѣръ, графъ М. А. Милорадовичъ, Аракчеевъ, Сперанскій, П. Х. Витгенштейнъ и многіе другіе.

Почти каждый вечеръ посѣщалъ это собраніе И. А. Крыловъ; надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ сиживалъ обыкновенно, впослѣдствіи былъ поставленъ его бюстъ; въ столовой залѣ висѣлъ портретъ и учредителя этого клуба. Англійскій клубъ очень долго занималъ великолѣпный домъ у Синяго моста, въ которомъ нѣкогда жилъ фельдмаршалъ князь Трубецкой, и давалъ пышные пиры и балы.

Въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ Англійскомъ клубѣ считалось около четырехсотъ членовъ и болѣе тысячи кандидатовъ, которые по старшинству и занимали открывавшіяся вакансіи. Первѣйшіе люди домогались какъ бы чина вступить въ число членовъ этого клуба. Князь Чернышевъ и графъ Клейнмихель такъ и умерли, не попавъ въ члены англійскаго клуба.

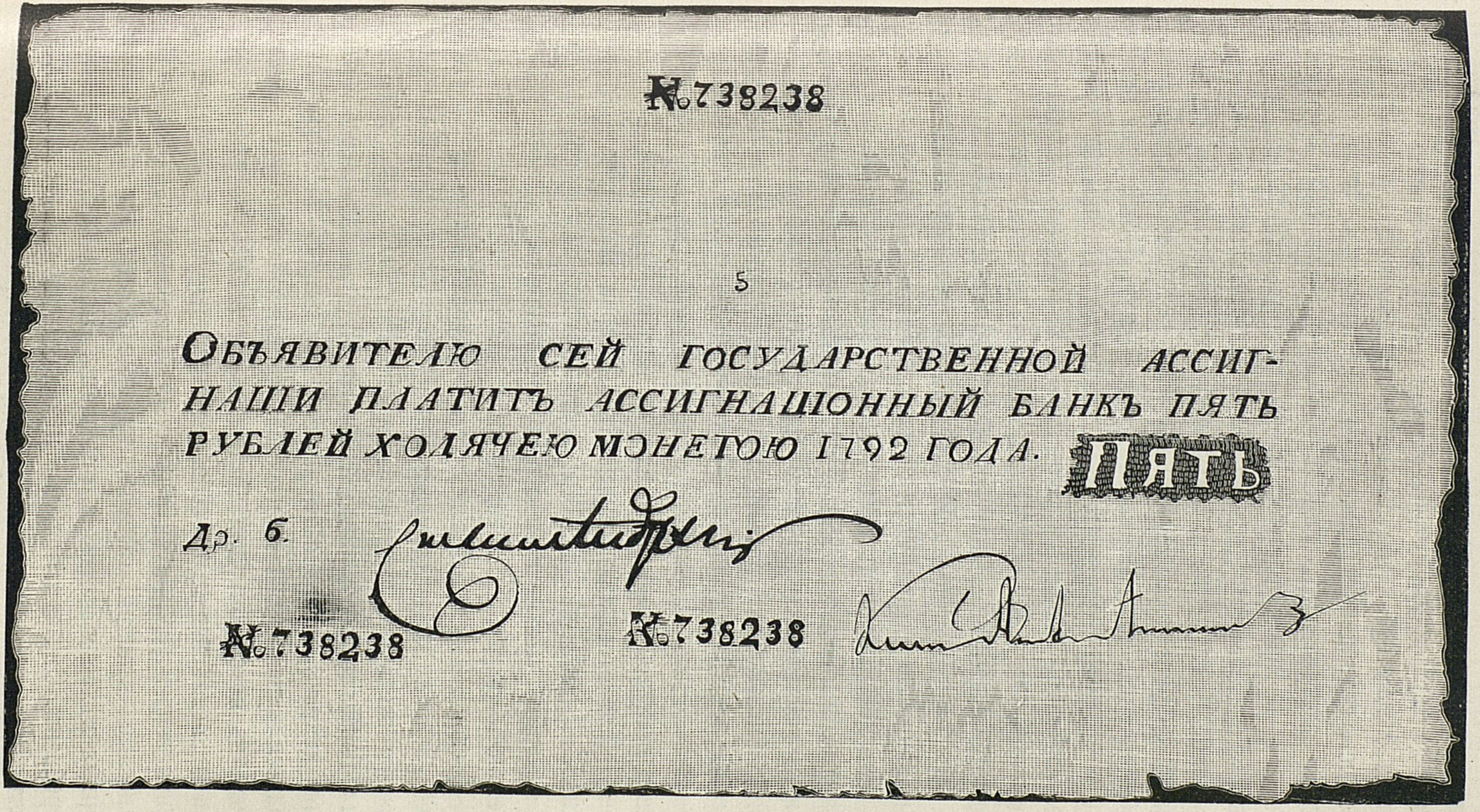
Въ одно почти время съ Англійскимъ клубомъ былъ основанъ другой клубъ нѣмцемъ „Шустеромъ“, тоже нѣкогда богатымъ купцомъ, но потомъ раззорившимся. Клубъ этотъ сперва помѣщался въ двухъ скромныхъ комнаткахъ; 1-го февраля 1772 года, онъ уже былъ переведенъ въ большую квартиру и сталъ называться большимъ Бюргеръ-клубомъ. Этотъ клубъ, впрочемъ, болѣе извѣстенъ какъ „Шустеръ-клубъ“. Клубъ одно время представлялъ довольно дружное общество, состоящее изъ заслуженныхъ чиновниковъ, артистовъ, богатыхъ русскихъ и иностранныхъ купцовъ и зажиточныхъ ремесленниковъ; не ограничиваясь одними увеселеніями, клубъ этотъ преслѣдовалъ многія благотворительныя цѣли: онъ давалъ пенсіонъ 150 престарѣлымъ, неимущимъ, и постоянно воспитывалъ нѣсколько бѣднѣйшихъ сиротъ.

27-го ноября 1784 года, было основано „Коммерческое Общество“, съ цѣлію доставить биржевому купечеству возможность собираться для совѣщанія по дѣламъ коммерческимъ и проводить время въ бесѣдѣ и карточныхъ играхъ. Клубъ этотъ и теперь считается однимъ изъ солиднѣйшихъ, а послѣ англійскаго — первымъ.

Въ 1783 году, открылся еще американскій клубъ, получившій свое начало отъ Бюргеръ-клуба; помѣщался онъ въ первое время близъ Исаакіевской церкви въ домѣ Погенполя. Лучшею эпохою его существованія было начало 1800 годовъ: тогда считалось въ немъ членовъ болѣе 600 человѣкъ; впослѣдствіи къ этому клубу было присоединено танцовальное заведеніе г. Квятковскаго, послѣ чего клубъ сталъ называться „клубомъ соединеннаго общества“. Въ 1785 году, учрежденъ былъ „танцъ-клобъ“ гробовымъ мастеромъ Уленгутомъ; въ первое время этотъ клубъ носилъ названіе „Кофточнаго клуба“; членами его могли быть исключительно нечиновныя лица мѣщанскаго и купеческаго сословій.

Впрочемъ, нынѣшнее слово „мѣщанинъ“ въ Екатерининское время было въ полномъ смыслѣ слова переводомъ французскаго bourgeois, или нѣмецкаго bürger, и купецъ первой гильдіи, по тогдашнему смыслу, былъ не что иное какъ мѣщанинъ, записавшійся въ гильдію. Мѣщанами называли также всѣхъ свободныхъ художниковъ, переименованныхъ впослѣдствіи въ именитыхъ гражданъ, т. е. почетныхъ гражданъ.

Танцъ-клобъ помѣщался у Полицейскаго моста, гдѣ теперь Благородное Собраніе. Въ пятидесятыхъ годахъ, это общество славилось своими скандалами малаго и большаго сорта. Послѣ открытія послѣдняго клуба, вскорѣ возникло и второе мѣщанское общество для танцованія, праздновавшее день своего открытія 6-го января 1790 года. Гораздо прежде этихъ клубовъ въ 1772 году въ Петербургѣ былъ учрежденъ музыкальный клубъ изъ 300 членовъ, вносившихъ въ годъ по десяти рублей съ человѣка на содержаніе оркестра. Въ музыкальномъ клубѣ два раза въ недѣлю давались концерты, которые посѣщались многочисленной публикой. Этотъ клубъ просуществовалъ до 1777 года, затѣмъ онъ былъ закрытъ, но черезъ годъ основалось другое музыкальное общество, которое зимою, впродолженіе восьми мѣсяцевъ, давало каждую субботу концерты и ежемѣсячно одинъ балъ и маскарадъ. Членовъ здѣсь было до пятисотъ человѣкъ, каждый платилъ по 15 рублей. Для этого клуба былъ нанятъ большой домъ петербургскаго оберъ-полицеймейстера Чичерина и роскошно убранъ. Въ оркестрѣ этого клуба играло пятьдесятъ превосходныхъ музыкантовъ, и часто участвовали первые пріѣзжіе солисты; здѣсь пѣли придворные пѣвчіе и лучшія пріѣзжія пѣвицы. Разовыя деньги эти



№ 738238

5

ОБЪЯВИТЕЛЮ СЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АССИГНАЦІИ ПЛАТИТЪ АССИГНАЦІОННЫЙ БАНКЪ ПЯТЬ РУБЛЕЙ ХОДЯЧЕЮ МОНЕТОЮ 1792 ГОДА. **ПЯТЬ**

Др. 6.

№ 738238 № 738238

Пяти-рублевая ассигнація Екатерининскаго времени.

Факсимиле подлинной ассигнаціи.

артисты получали по тогдашнему времени весьма высокія: отъ ста и до двухъ сотъ рублей за одинъ вечеръ. Въ 1787 и 1788 годахъ, дѣла этого клуба шли блистательно; но вскорѣ излишняя роскошь, съ какою давались здѣсь маскарады и балы, совершенно разстроила дѣла, и въ 1792 году проданы были съ аукціона всѣ прекрасные музыкальные инструменты этого клуба, также серебряная и фарфоровая посуда и даже мебель.

Въ 1794 году, извѣстные богачи гг. Демидовъ, Сикстель и Бландъ создали новый клубъ, членовъ въ которомъ вскорѣ было до 400 человѣкъ. Каждый платилъ по 50 руб. Помѣщался этотъ клубъ въ домѣ Бутурлина. Это музыкальное общество просуществовало не болѣе четырехъ лѣтъ и со смертью учредителей распалось. Въ 1802 году, было положено начало „Филармоническаго Общества“ и потомъ уже „Симфоническаго“.

Высшее общество въ Екатерининское время отличалось широкимъ гостепріимствомъ, и каждый небогатый дворянинъ могъ во весь годъ не имѣть своего стола, каждый день мѣняя дома знакомыхъ и незнакомыхъ. Такихъ открытыхъ домовъ, не считая въ гвардейскихъ полкахъ, находилось множество. Первыми аристократическими домами тогда въ Петербургѣ признавали царскіе чертоги слѣдующихъ сановниковъ: графа Разумовскаго, князя Голицына, Потемкина, вице-канцлера графа Остермана, князя Репнина, графовъ Салтыкова, Шувалова, Брюса, Строганова, Панина, двухъ Нарышкиныхъ, Марьи Павловны Нарышкиной. Пріемы у этихъ вельможъ бывали почти ежедневно; на вечерахъ у нихъ гремѣла музыка, толпа слугъ въ галунахъ суетилась съ утра до вечера.

Роскошь и великолѣпіе палатъ вельможъ доходили до высшей степени азіатскаго сказочнаго волшебства. Гр. Головина разсказываетъ про Потемкина, что въ тѣ дни, когда у него не было бала, гости собирались въ диванной комнатѣ. Мебель обита была тканью серебряной и розовой, въ такомъ же видѣ былъ обитъ и полъ. На красивомъ столѣ стояла филигранная курильница, въ которой горѣли аравійскія благовонія. Князь обыкновенно носилъ платье съ собольей опушкою, алмазную звѣзду и ленты георгіевскую и андреевскую. За столомъ служили великорослые кирасиры, одѣтые въ красные колеты. На головѣ были черныя мѣховыя шапки съ султаномъ. Перевязи ихъ были посеребрены. Они шли попарно и напоминали театральныхъ солдатъ. Впродолженіе ужина роговой оркестръ исполнялъ лучшія симфоніи и т. д.

Въ описываемое время въ большомъ обыкновеніи были прекрасные балы публичные, подъ названіемъ „дворянскихъ“. Число гостей на нихъ было ограничено, и сюда съѣзжалась лучшая публика. Были также балы, называвшіеся „англійскими“. Въ этихъ балахъ участвовали иностранные негоціанты. Билеты для входа на балъ продавались по 25 рублей съ персоны.

Общество въ гостиныхъ раздѣлялось на молодыхъ и пожилыхъ. Старики говорили со стариками, молодежь слушала послѣднихъ почтительно, не смѣя вмѣшиваться въ разговоръ. Вѣжливость съ женщинами простиралась до того, что подать салопъ, поднять платокъ, отыскать лакея, карету незнакомой дамы, проводить ее — входило въ обыкновенную обязанность каждаго.

Дешевизна всѣхъ жизненныхъ припасовъ въ то время дѣлала жизнь въ Петербургѣ для всѣхъ сословій возможною. Въ то время ходили въ обращеніи деньги болѣе всего мѣдныя. Даже жалованіе и пенсіи выдавались изъ присутственныхъ мѣстъ мѣдными монетами. Такъ извѣстный ветеранъ русской сцены, современникъ обоихъ Волковыхъ и Дмитревскаго, актеръ Шумскій, прожившій болѣе ста лѣтъ на свѣтѣ, находясь на пенсіи, квартировалъ у кого-то изъ своихъ родственниковъ на седьмой верстѣ по Петергофской дорогѣ. Шумскій каждый мѣсяцъ приходилъ за своимъ мѣсячнымъ пенсіономъ въ Кабинетъ, который помѣщался въ домѣ, гдѣ теперь находится зданіе Императорской Публичной Библіотеки; здѣсь онъ получалъ обыкновенный двадцати-пяти-рублевый мѣшокъ мѣдныхъ денегъ, взваливалъ его на плечи и относилъ домой, никогда не нанимая извозчика. Мѣшокъ такихъ денегъ вѣсилъ полтора пуда. До вступленія на престолъ Екатерины чеканъ мѣдныхъ денегъ выходилъ въ 32 рубля изъ пуда [109]); всѣхъ выпущенныхъ мѣдныхъ денегъ съ 1700 по 1762 годъ было на 80.707,453 руб. [110]). „Для улучшенія обращенія денегъ, отъ котораго, — какъ сказано въ указѣ отъ 29-го декабря 1768 года, — зависитъ благоденствіе народа, цвѣтущее состояніе торговли, и дабы отвратить тягость мѣдной монеты, затрудняющей ея оборотъ и перевозъ“, были введены въ Россіи къ употребленію бумажныя деньги, или ассигнаціи [111]). При самомъ началѣ ассигнацій было выпущено на сорокъ милліоновъ рублей, четырехъ достоинствъ: въ 100, 75, 50 и 25 рублей. Матеріалъ для дѣланія первыхъ ассигнацій состоялъ изъ старыхъ дворцовыхъ салфетокъ и скатертей. Новость предмета и появленіе фальшивыхъ ассигнацій затрудняли вначалѣ обращеніе бумажныхъ денегъ. Въ 1786 году, Екатерина велѣла уничтожить

75-рублевыя ассигнаціи и прежде выпущенныя обмѣнить на новыя, другаго вида и пяти достоинствъ—въ 100, 50, 25, 10 и 5 руб. Въ то же время число выпущенныхъ ассигнацій увеличено было еще 60 милліонами рублей. Въ 1796 году, число всѣхъ ассигнацій простиралось до 150.000,000 рублей. По 1815 годъ выпущено было въ обращеніе ассигнацій на 577.000,000 рублей. Затѣмъ уже къ 1 января 1857 года, находилось въ обращеніи кредитныхъ билетовъ на 689.299,884 рубля.

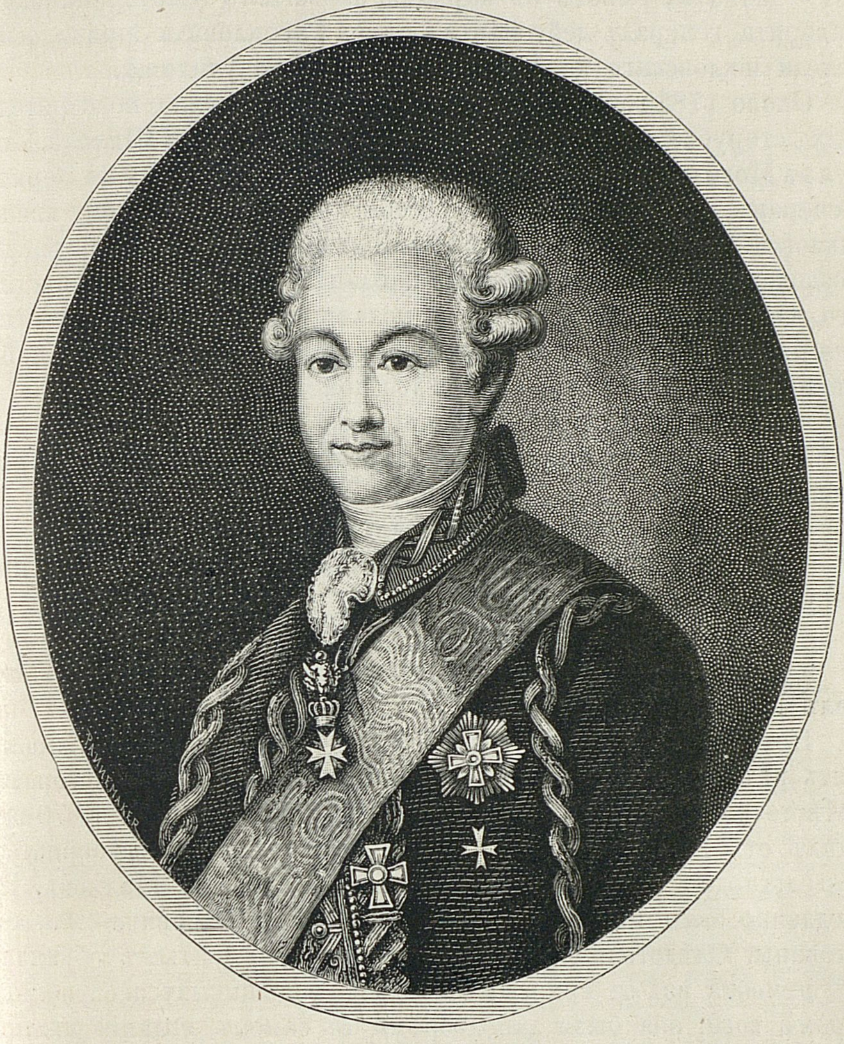
По выпускѣ ассигнацій въ 1769 году, средняя цѣна ассигнаціоннаго рубля на серебряную монету была 99 коп., въ 1771 году—98 коп., въ 1772 году—97 коп., въ 1774 году—100 коп., съ 1775 по 1783—рубль стоялъ въ 99 коп.; затѣмъ по 1786—98 коп. Въ 1788 году, опустился до 92$^3/_5$ коп., въ 1790 году стоилъ 87 коп., въ слѣдующемъ году—81$^1/_3$ коп., въ 1792 году—79$^1/_3$ коп. и въ 1794 году дошелъ до 70 коп., а въ 1795 году до 68$^1/_2$ коп.

Для объясненія причины такого значительнаго упадка нашего денежнаго курса поручено было князю Юсупову и графамъ Миниху и Воронцову, приглася знатнѣйшихъ россійскихъ и иностранныхъ купцовъ, отобрать отъ нихъ мнѣнія о способахъ къ возвышенію курса.

По обсужденіи этого предмета, признанъ былъ причиною паденія денежнаго курса чрезмѣрный привозъ иностранныхъ товаровъ. Коммиссія нашла для возвышенія курса необходимымъ: убавить привозъ къ роскоши служащихъ иностранныхъ товаровъ, разрѣшить выпускъ хлѣба, для прекращенія между торгующими подлоговъ и обмановъ издать „Банкрутскій уставъ“, завести купеческій банкъ для ссуды купцамъ денегъ подъ закладъ товаровъ, учредить должность банкира для выгоднѣйшаго производства денежныхъ за границу переводовъ [112]). Количество взимаемаго роста на занятыя деньги въ то время было по 12, 15 и 20 процентовъ въ годъ, съ вычетомъ процентовъ впередъ.

Первый преобразовалъ въ Россіи монетную систему Петръ Великій. Въ 1701 году, были чеканены первые русскіе золотые червонцы 118 на фунтъ 93$^1/_3$ пробы, также двойные червонцы, двухъ-рублевики и рублевики золотые; до Петра золотой монеты въ торговомъ оборотѣ не было. Государи только въ рѣдкихъ случаяхъ чеканили золотыя деньги и давали въ награду лицамъ, которыхъ желали отличить по заслугамъ. Въ томъ же году была чеканена первая серебряная полтина, а въ 1704 году первые серебряные рубли. Въ 1700 году, Петръ повелѣлъ чеканить мѣдныя денежки и полушки—12 рублей 80 коп. изъ пуда мѣди.

Поддѣлка ассигнацій, какъ и мѣдной монеты, производилась преимущественно въ Польшѣ евреями, въ сообществѣ разныхъ иностранцевъ. Поддѣлка монеты была очень легка, такъ какъ нарицательная цѣна пятикопѣечниковъ петровскаго чекана въ шесть разъ превосходила дѣйствительную цѣну мѣди [113]). Эта высокая цѣна мѣдныхъ денегъ приносила большой вредъ государству. Польскіе жиды поддѣлывали пятикопѣечники, привозили



С. Г. Зоричъ.

Съ гравированнаго портрета Осипова, изъ собранія Бекетова. (Подлинникъ принадлежитъ Д. А. Ровинскому).

въ Россію и размѣнивали ихъ на серебряные рубли, пріобрѣтая этимъ путемъ прибыли до 400 процентовъ и болѣе.

Фальшивыя ассигнаціи были извѣстны въ то время шкловской работы, фабриковали ихъ два брата графы Зановичи, родомъ далматы, вмѣстѣ съ карлами извѣстнаго Екатерининскаго фаворита, генералъ-лейтенанта Семена Гавриловича Зорича, основателя шкловскаго кадетскаго благороднаго училища.

Около 1781 года, стали распространяться слухи о подозрительныхъ сторублевыхъ ассигнаціяхъ, которыя ходили въ Шкловѣ. Слѣдуя въ Могилевъ, князь Потемкинъ заѣхалъ въ Шкловъ къ Зоричу. Вечеромъ, когда князь былъ у себя въ комнатѣ, къ нему явился шкловскій житель, еврей Давидъ Мовша, и настоятельно просилъ позволенія поговорить съ нимъ наединѣ. Князь велѣлъ допустить его. Оставшись вдвоемъ, Мовша подалъ князю сторублевую ассигнацію. Князь долго и внимательно разсматривалъ ее и, не найдя въ ней ничего особеннаго, съ досадой спросилъ Мовшу:

— Ну, что же тутъ, покажи!

Тогда еврей показалъ, что вмѣсто ассигнаціи написано ассишація.

— Гдѣ ты ее взялъ?—спросилъ Потемкинъ Мовшу.

— Если вашей свѣтлости угодно, я вамъ чрезъ полчаса принесу нѣсколько тысячъ.

— Кто же ихъ дѣлаетъ?

— Камердинеръ графа Зановича и карлы Зоричевы,—отвѣчалъ Мовша.

Потемкинъ, давъ Мовшѣ 1,000 рублей, приказалъ промѣнять ихъ на фальшивые и доставить ему въ мѣстечко Дубровку. (Мѣстечко это принадлежало Потемкину и находилось въ 70 верстахъ отъ Шклова). Сюда были вызваны княземъ губернаторъ Энгельгардтъ и предсѣдатель уголовной палаты Малѣевъ. Немедленно было приступлено къ дѣлу. Графы Зановичи были арестованы. Слѣдствіе показало, что одинъ изъ братьевъ обвинялся въ привозѣ изъ-за границы завѣдомо фальшивыхъ ассигнацій и, кромѣ того, оба были заподозрѣны въ самомъ дѣланіи ихъ. Зановичи были заключены въ Нейшлотскую крѣпость на пять лѣтъ, а по прошествіи этого времени были отправлены въ Архангельскъ для высылки за границу.

ГЛАВА XI.

Фонтанка.—Обдѣлка ея береговъ камнемъ. — Раздача земель по Фонтанкѣ.— Бауръ. — Партикулярная верфь. — Всеобщее катанье по водамъ. — Церковь св. Пантелеймона.— Дворецъ на Фонтанкѣ и другіе дома по этой рѣчкѣ.— Молельня князя Голицына. — Раскольница. — Симеоновская церковь. — Хамовая улица. — Звѣровой дворъ. — Праздникъ Нарышкина. — Аничковъ мостъ. —Барскія усадьбы по Фонтанной рѣчкѣ. — Домъ историка Татищева. — Кассиръ Кельбергъ. — Пропажа въ банкѣ. — Судъ надъ казнокрадами.—Князь А. М. Бѣлосельскій.—Троицкое подворье.—Духовникъ Варлаамъ.— Дома: Дубянскаго, Деденева, графа Воронцова, Куракина, царицы Прасковьи. — Шуты царицы Прасковьи. — Домъ графа Лестока. — Лейбъ-кампанцы. — Кутежи и буйство послѣднихъ. — Дальнѣйшая судьба графа Лестока. — Дворъ Волынскаго. — Царская охота. — Масонская ложа св. Михаила. — Домъ графа И. Л. Воронцова. — Домъ Зубова. — Домъ поэта Державина. — Описаніе дома. — Внѣшность поэта. — Домъ Гарновскаго. — Домъ Вильбуа. — Постройка сѣнновской церкви. — Богачъ Савва Яковлевъ. — Каменный храмъ Успенія Божіей Матери. — Сѣнная площадь. — Сѣнновскіе евреи. — Праздники кущей. — Таировъ домъ. — Типографія Воейкова.

ФОНТАНКА въ старину была болотнымъ ручейкомъ; получила она названіе отъ фонтановъ въ Лѣтнемъ саду, которые она снабжала водою. Императрица Елисавета приказала ее очистить и берега одѣть деревомъ съ деревянными же перилами. Съ 1780 по 1789 годъ, ее стали обдѣлывать гранитомъ съ желѣзными перилами. Работы при рѣкѣ Фонтанной производилъ подрядчикъ Долговъ; на этого подрядчика, крайне притѣснявшаго рабочихъ, послѣдніе принесли жалобу императрицѣ. Гарновскій въ своихъ воспоминаніяхъ отмѣчаетъ по поводу этого слѣдующее: „1787 года 7-го августа, поутру появились на площади противъ дворца 400 мужиковъ, присланныхъ депутатами отъ общества четырехъ тысячъ работниковъ, у производства при рѣкѣ Фонтанной, съ жалобою къ ея императорскому величеству на подрядчика Долгова. Собравшіеся на площадь мужики тотчасъ дали знать о себѣ, что они не простые зрители, а челобитчики. Всякій разъ, когда случалось какой ни есть дамѣ подойдти къ окошку, то они, признавая ее за государыню, кланялись низко и показывали въ рукахъ жалобу. Государыня неоднократно высылала къ нимъ нѣсколько особъ, одну за другою, которыя обнадеживали ихъ, именемъ царицы, скорымъ удовлетвореніемъ ихъ просьбы, съ тѣмъ только, чтобъ они разошлись по своясямъ и отнюдь бы толпою праздно на площади не собирались. Но средство это не имѣло желаемаго дѣйствія. Мужики упорно настаивали въ томъ, что хотятъ просить государыню, и увѣряли увѣщававшихъ ихъ господъ, что они не собрались бы толпою, если бъ прежде присланные отъ нихъ въ Царское Село съ жалобою къ императрицѣ два мужика не были взяты подъ стражу, а особливо досадили они дежурному генералъ-адъютанту графу Ангальту, сказавъ послѣднему, что они съ нимъ, какъ съ нѣмцемъ, не знающимъ порусски, и говорить не хотятъ. По полудни, не знаю какимъ образомъ, удалось захватить изъ нихъ семнадцать человѣкъ, которые и были отправлены за карауломъ въ уголовный судъ, съ тѣмъ, чтобъ осуждены были въ учиненіи скопа и заговора. Сіе увидя, прочіе немедленно разбѣжались. Того же числа подъ вечеръ и чрезъ цѣлую ночь велѣно было разъѣзжать около дворца конногвардейской и донской командамъ, дабы не допустить мужиковъ до новыхъ собраній. Два дня спустя послѣ сего, какъ отмѣчаетъ Гарновскій, настращавши довольно, взятыхъ подъ стражу мужиковъ выпустили на волю, а дѣло ихъ съ Долговымъ производится съ нарочитою строгостью въ губернскомъ правленіи“.

Фонтанка сохраняла характеръ загородной мѣстности до начала нынѣшняго столѣтія; въ восьмисотыхъ годахъ придворные служители стрѣляли на ней весной и осенью утокъ и даже еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія предполагалось начать отсюда строить дебаркадеръ желѣзной дороги [114]), какъ отъ наиболѣе близкаго конечнаго пункта столицы.

Императоръ Петръ I раздавалъ землю по Фонтанкѣ подъ загородные дворы, безъ всякой платы. Такая раздача земель нашла многихъ охотниковъ здѣсь строиться и вскорѣ первые вельможи того времени разбили по Фонтанкѣ сады и построили свои дачи. Особенно при Екатеринѣ II, Фонтанка стала украшаться богатыми постройками. Набережная и углубленіе Фонтанки [115]) обязаны болѣе или менѣе своимъ существованіемъ генералъ-поручику Ѳедору Вилимовичу Бауру, жившему въ то время на углу Большой Невы и Фонтанки при Прачешномъ мостѣ[116]), въ построенномъ имъ каменномъ домѣ (домъ этотъ до настоящаго времени носитъ названіе „Баурскаго“, въ немъ живутъ пансіонеры и служащіе при министерствѣ императорскаго двора). Около Баурскаго дома при Петрѣ I былъ первый огородъ въ Петербургѣ, гдѣ огородникомъ находился большой знатокъ этого дѣла, плѣнный шведъ; затѣмъ позднѣе стояли здѣсь службы герцога Бирона. Народная молва долго приписывала этой мѣстности недобрую славу, люди суевѣрные видѣли здѣсь по ночамъ тѣни замученныхъ злымъ герцогомъ людей; особенно дурной славой пользовалось мѣсто, которое занимаетъ садъ училища Правовѣдѣнія. На мѣстѣ же, гдѣ теперь находится школа Правовѣдѣнія, встарину былъ Сытный дворецъ, гдѣ хранились запасы разной живности для царской кухни, а позднѣе помѣщалось и Водоходное училище, существовавшее до девяностыхъ годовъ прошедшаго столѣтія. Графъ Милорадовичъ въ своей исторіи Пажескаго корпуса разсказываетъ, что будто здѣсь стоялъ прежде домъ Неплюева, и въ немъ помѣщался въ 1796 году Пажескій корпусъ; но, кажется, это ошибочно: первый Пажескій корпусъ помѣщался у Пѣвческаго моста (домъ, принадлежащій министерству двора).

Гдѣ теперь стоитъ политехническій музей и былъ нѣкогда Соляной и Винный городокъ, находилась „Партикулярная верфь“, учрежденная Петромъ Великимъ для того, „дабы при С.-Петербургѣ и въ окрестностяхъ онаго, на морскихъ и рѣчныхъ водахъ, во время бываемыхъ великихъ вѣтровъ и штурмовъ, могъ всякій ѣздить безъ страху, къ тому же бы оныя суда при семъ новомъ приморскомъ мѣстѣ были дѣланы по образцу европейскому. Его величество повелѣлъ довольно такихъ судовъ надѣлать и всѣмъ знатнымъ господамъ безденежно раздать; приказалъ также и знатныя команды таковыми судами удовольствовать, дабы на оныхъ судахъ могли безпрестанно всюду ѣздить, а для лучшаго обученія опредѣлилъ ѣздить здѣшнимъ жителямъ, въ воскресные дни на оныхъ судахъ на Невѣ для гуляній и нарочной экзерциціи во время благопопутнаго вѣтра ѣздить на буерахъ, а въ тихую погоду на шлюпкахъ и верейкахъ собравшимся всѣмъ вмѣстѣ, т. е. цѣлымъ флотомъ и т. д.“.

О такихъ катаньяхъ на Невѣ извѣщалось поднятіемъ флаговъ въ шести мѣстахъ города, при этомъ дѣлался одинъ выстрѣлъ изъ пушки, послѣ чего всѣ городскія яхты и буеры отправлялись къ Троицкой площади, гдѣ стоялъ кофейный домъ четырехъ фрегатовъ. Потомъ всѣ суда начинали лавировать по Невѣ, слѣдуя за коммиссаромъ, начальникомъ флотиліи, который плылъ всегда впереди: его никто не смѣлъ обгонять и безъ воли его никто тоже не смѣлъ возвращаться домой. Въ хорошую погоду эти прогулки были пріятны, но въ дурную приходилось немало терпѣть отъ волненія. Иногда флотилія по волѣ государя отправлялась въ Кронштадтъ, и дорогою вдругъ начиналась буря. Пекарскій разсказываетъ, что въ 1714 году посланнику узбекскаго хана привелось испытать отъ такой бури немало страха. Несчастный азіатецъ, ни разу не бывавшій на морѣ, по неопытности командира шнявы, какъ разъ попалъ на бурную погоду и провелъ три дня въ заливѣ, не достигнувъ Кроншлота. Думая, что пришелъ его конецъ, онъ легъ на полъ, заставивъ передъ собою муллу на колѣняхъ читать книгу пророка Али. Когда царь увидѣлъ потомъ узбекскаго посланца и бывшихъ съ нимъ иностранныхъ министровъ и русскихъ сенаторовъ, то очень подсмѣивался надъ храбрыми моряками, но тѣмъ во время опасности совсѣмъ было не до смѣха.

При Партикулярной верфи „въ палатѣхъ“ была построена въ 1721 году, по ходатайству завѣдывавшаго верфью И. С. Потемкина, полотняная церковь во имя св. великомученика Пантелеймона, такъ какъ въ день празднованія этого угодника, 27-го іюля, русскій флотъ, созданный Петромъ, одержалъ двѣ побѣды надъ шведами: одну въ 1714 году при Гангеудѣ и другую въ 1720 году при Гренгамѣ. Годъ спустя, былъ построенъ уже мазанковый деревянный храмъ; позднѣе, въ 1734 году, вмѣсто деревянной церкви былъ воздвигнутъ по повелѣнію императрицы Анны каменный храмъ, внѣшній видъ котораго продолговатый въ видѣ корабля остается до сихъ поръ тотъ же. Пантелеймоновская церковь до 1784 года была въ вѣдѣніи адмиралтействъ-коллегіи, но, съ упраздненіемъ въ этомъ году Партикулярной верфи, перешла въ вѣдомство епархіальнаго начальства.

Нынѣшняго Пантелеймоновскаго моста въ старину не было, онъ былъ построенъ въ началѣ настоящаго вѣка; до этого времени здѣсь существовалъ перевозъ, воспѣтый извѣстнымъ піитой Д. И. Хвостовымъ въ слѣдующихъ риѳмахъ:

Въ Петрополѣ жилъ двувесельный ботъ.
Безъ дальнихъ онъ заботъ
Перевозилъ народъ
Отъ Пантелеймона черезъ Фонтанку къ саду.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Инженерный замокъ при выходѣ Мойки изъ Фонтанки, нѣкогда стоялъ деревянный дворецъ на каменномъ фундаментѣ; сломанъ послѣднiй былъ въ февралѣ 1797 года, при постройкѣ Михайловскаго замка. Еще въ пятидесятыхъ годахъ, многiе изъ старожиловъ помнили это простое невысокое зданiе, два флигеля котораго упирались въ Мойку и составляли площадку, посреди которой билъ фонтанъ. Въ этотъ дворецъ, по вступленiи на престолъ, Екатерина II явилась съ войсками изъ Петергофа и въ немъ принимала тогда оффицiальныя поздравленiя дипломатическаго корпуса. Къ этому дворцу на другой день подгулявшiй Измайловскiй полкъ собрался безъ вѣдома начальства и офицеровъ, требуя, чтобъ императрица къ нему вышла и увѣрила ихъ „персонально“, что она здорова, а не увезена хитростями прусскаго короля, какъ они слышали. Не смотря на всѣ увѣренiя дежурныхъ придворныхъ: Шувалова, Орлова, Разумовскаго и другихъ, солдаты не вѣрили и непремѣнно желали, чтобы государыня явилась къ нимъ. Государыня была принуждена встать, одѣться въ гвардейскiй мундиръ и проводить солдатъ до ихъ свѣтлицъ.

По разсказамъ современниковъ, въ день вступленiя на престолъ императрицы, погода стояла жаркая, всѣ кабаки, трактиры, погреба для солдатъ растворены, пиръ шелъ на весь мiръ, солдаты и солдатки въ неистовомъ восторгѣ и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, медъ, шампанское и всякiя другiя вина и лили все вмѣстѣ безъ всякаго разбору въ кадки и боченки, что у кого случилось.

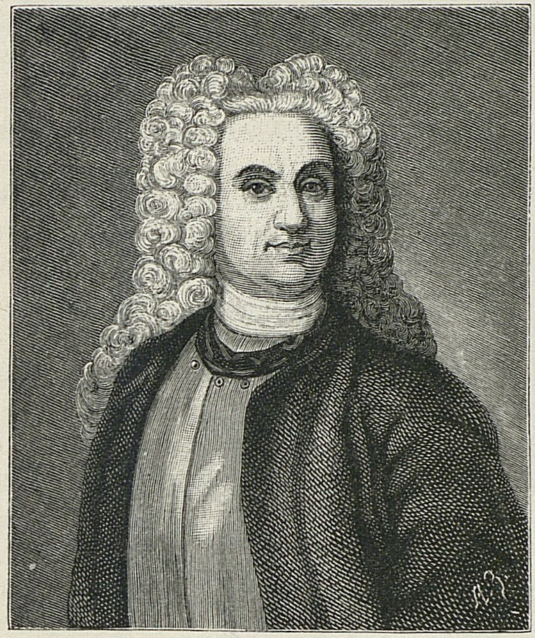
Въ Лѣтнемъ дворцѣ на Фонтанкѣ родился Павелъ I и тамъ провелъ свои младенческiе годы. По вступленiи на престолъ, Екатерина прожила въ немъ полторы недѣли и тамъ получила извѣстiе о смерти Петра III. Послѣ того, она живала въ немъ только въ первые годы своего царствованiя.

Въ числѣ построекъ на другой сторонѣ Фонтанки, противъ Михайловскаго замка выдѣлялись слѣдующiе дома вельможъ: графа В. П. Кочубея (домъ теперь III Отдѣленiя), министра внутреннихъ дѣлъ въ царствованiе Александра Благословеннаго, директоромъ у котораго былъ извѣстный М. М. Сперанскiй. По словамъ Державина, этотъ молодой сановникъ „былъ набитъ конституцiоннымъ французскимъ и польскимъ духомъ“, онъ одно время сильно хлопоталъ о дозволенiи iезуитамъ вводить католическую вѣру и даже насильно склонялъ въ оную чрезъ миссiонеровъ всѣхъ магометанъ и идолопоклонниковъ, живущихъ въ Сибири, въ Астраханской и Оренбургской губернiи.

Далѣе стоялъ домъ г-жи Пашковой (теперь домъ министерства двора), жены извѣстнаго богача, виннаго заводчика и откупщика изъ дворянъ; въ этомъ домѣ нѣкогда жилъ извѣстный мистикъ, министръ духовныхъ дѣлъ, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Въ аскетическомъ жилищѣ князя, рядомъ съ его домашнею церковью, въ сырыхъ и темныхъ двухъ чуланчикахъ была устроена молельня. Вотъ какъ описываетъ эту молельню Ю. Н. Бартеневъ [117]): „Окно этихъ уединенныхъ каморокъ прилегало къ сосѣднему дому и было наглухо закладено; изъ нихъ можно было явственно слушать все, что происходило въ церкви. Комнатки эти очень тѣсны и въ первой изъ оныхъ, служащей преддверіемъ къ другой, повѣшано на голыхъ и сырыхъ стѣнахъ нѣсколько иконъ, подаренныхъ разными лицами князю. Передъ нѣкоторыми теплятся скромныя и небогатыя лампады. Около сырыхъ стѣнъ комнатки обведены узкія лавки; къ сторонѣ стоитъ низенькій деревянный стулецъ, напоминающій намъ, какъ нѣкогда православные отшельники наши, сидя на таковомъ, творили Іисусову молитву. Направо отъ входа въ другую комнату, въ которой нѣтъ дверей, висѣла простая икона, безъ оклада, Спаса Нерукотвореннаго. Обѣ комнаты раздѣлялись входомъ и, взойдя въ нихъ, смотря на лампады, никакъ вдругъ не можешь различить окружающихъ предметовъ. Въ срединѣ второй комнатки стояло подобіе гроба. Оно приставлено къ подножію огромнаго деревяннаго креста, на гробѣ положена плащаница, на плащаницѣ укладены различныхъ видовъ кресты, подаренные въ разное время и отъ разныхъ людей князю. Въ комнатѣ нѣтъ лампады, но предъ гробомъ вмѣсто люстры сдѣлано изъ пунцоваго стекла изображеніе человѣческаго сердца и въ этомъ сердцѣ теплится неугасимый огонь. Комнатка эта, освѣщенная краснымъ унылымъ пламенемъ, сильно поражала чувство и воображеніе: сгорающее сердце кажется кровавымъ и раскаленнымъ. По утрамъ уходилъ князь въ эту уединенную сѣнь свою. Въ этомъ же сыромъ и темномъ чуланѣ маливался вмѣстѣ съ княземъ и императоръ Александръ I“.

Рядомъ съ этимъ домомъ былъ домъ неаполитанскаго посланника Дюка Серра Капріоли, женатаго на дочери князя Вяземскаго, другая дочь котораго была за барономъ Розенкранцемъ, датскимъ посланникомъ, сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Неаполѣ. Внутри этого барскаго дома былъ превосходный садъ съ фонтаномъ; позднѣе домъ принадлежалъ купцу Громову, теперь имъ владѣетъ княгиня Голицына.

Домъ, бывшій Безобразова, принадлежалъ купчихѣ Голашаевской, которая была закоренѣлой раскольницей, у нея въ домѣ скрывались бѣглые попы. Здѣсь также долгое время помѣщалась масонская ложа, которую, по преданію, посѣщалъ императоръ Александръ I [118]). Рядомъ съ этимъ домомъ стоитъ домъ наслѣдниковъ В. И. Струбинскаго, наружность свою онъ сохраняетъ съ первыхъ дней постройки; выстроенъ же онъ былъ вмѣстѣ съ Михайловскимъ замкомъ, строителемъ его былъ купецъ Межуевъ, подрядчикъ по постройкѣ дворца. Далѣе въ старину шли дома купца Садофьева и тайнаго совѣтника Ходнева.



В. Н. Татищевъ.

Съ портрета, принадлежащаго Н. И. Путилову.

Въ этой мѣстности, невдалекѣ отъ Фонтанки, на углу Моховой или попрежнему Хамовой улицы, была построена, по повелѣнію Петра I, въ 1712 году, деревянная церковь во имя Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы, въ честь тезоименитства старшей его дочери цесаревны Анны Петровны; церковь была построена тщаніемъ и попеченіемъ государя цесаревича Алексѣя Петровича. Мѣсто, гдѣ стояла первоначальная Симеоновская церковь, было къ востоку въ 11 саж. отъ алтаря нынѣ существующей церкви [119]). Церковь не отличалась прочностію постройки и въ 1731 году была заложена новая, существующая до сихъ поръ. Храмъ былъ воздвигнутъ по повелѣнію императрицы Анны Ивановны, тезоименитство которой праздновалось въ день этихъ святыхъ; черезъ три года по закладкѣ церковь была освящена. Императрица причислила новый храмъ къ придворнымъ, и въ высокоторжественные дни здѣсь собиралось все духовенство до постройки Казанскаго собора.

Въ 1737 году, въ церковь были привезены для постановки на колокольнѣ часы съ курантами, снятые съ церкви Воскресенія Христова, что̀ на Васильевскомъ островѣ, и для игранія курантовъ было вылито мастеромъ Петромъ Леклеромъ 25 колоколовъ по даннымъ моделямъ отъ колокольнаго мастера Ферстера; часы эти впослѣдствіи куда-то исчезли, и въ воспоминаніе ихъ остался одинъ разбитый колоколъ около 10 пудовъ вѣсомъ, съ англійскими надписями 1685 года; этотъ колоколъ тоже неизвѣстно гдѣ теперь находится.

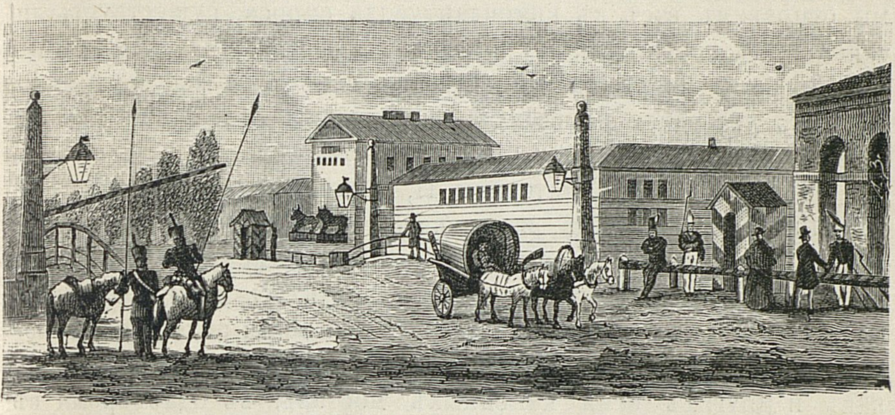
По смерти императрицы Анны Ивановны въ церковь былъ перенесенъ и поставленъ надъ главнымъ престоломъ балдахинъ, шитый по малиновому бархату золотомъ съ бахромою и кистями золотыми, служившій при погребеніи царицы. Въ память рожденія императора Павла, устроенъ былъ въ срединѣ придѣлъ во имя св. великомученика Евстафія Плакиды. Въ 1797 году, императоръ Павелъ I присвоилъ этой церкви орденъ св. Анны, и велѣлъ поставить надъ главнымъ входомъ въ нее съ западной стороны деревянный знакъ этого ордена; при передѣлкѣ церкви въ 1885 году его закрасили.

Въ приходѣ Симеона находился въ старину на Хамовой улицѣ (Моховой) звѣровой дворъ, который занималъ значительное пространство земли, обнесенное вокругъ деревяннымъ заборомъ, вышиною до четырехъ футовъ; стороною, гдѣ были ворота, онъ примыкалъ къ каналу, черезъ который былъ мостъ; на дворѣ было нѣсколько помѣщеній для разныхъ звѣрей. Въ покояхъ помѣщались слѣдующіе звѣри: въ одномъ, въ особыхъ свѣтлицахъ, двѣ львицы, изъ которыхъ одна перевезена была въ Петербургъ еще до 1737 года, а другая, съ маленькой собачкой, доставлена изъ Англіи въ 1739 году (въ кормъ этимъ львицамъ ежедневно отпускалось по 24 фун. говядины), и еще два бабра (леопарда), одинъ старый и годовая самка, доставленная въ Петербургъ съ прибывшимъ въ 1740 году посольствомъ изъ Хивы, за ними ходилъ хивинецъ Шафій Гадаевъ. Кромѣ этихъ звѣрей, здѣсь содержались чернобурыя лисицы, сидѣли въ острогѣ бѣлые медвѣди, въ амбарѣ черные, и въ клѣткахъ три мартышки, на кормъ которыхъ отпускалось 30 яблокъ и 5 кружекъ молока; на птичьемъ дворѣ содержался орелъ, затѣмъ не вдалекѣ отъ звѣроваго двора былъ еще Ауроксовъ дворъ, гдѣ стояли дикіе быки; послѣдніе въ числѣ восьми были присланы императрицѣ отъ прусскаго короля.

На другомъ берегу Фонтанки стояли оранжереи, къ которымъ примыкалъ Слоновый дворъ; отъ него шли по берегу лаковыя мастерскія и дворъ спичечнаго и столярнаго дѣлъ мастера фонъ-Болеса. Старый деревянный Симеоновскій мостъ стоялъ ниже нынѣшняго и прямо шелъ отъ площадки Слоноваго двора, гдѣ теперь домъ Клушина и на другой сторонѣ начинается домъ графа Шереметева. Послѣдній домъ надо считать однимъ изъ первыхъ на Фонтанкѣ; годъ постройки его неизвѣстенъ, имѣются только свѣдѣнія, что церковь въ немъ устроена въ 1733 году. Эта церковь, по богатству церковной утвари и собранію святыхъ образовъ въ драгоцѣнныхъ окладахъ, считается первою изъ домашнихъ церквей въ столицѣ; домъ Шереметева въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія былъ перестроенъ извѣстнымъ русскимъ зодчимъ Воронихинымъ; существующая передъ домомъ рѣшетка сдѣлана гораздо позднѣе, по рисунку архитектора Корсини.

Рядомъ съ домомъ графа Шереметева, въ 1711 году, былъ заложенъ дворецъ Петромъ для великой княжны Анны Петровны. Но въ немъ никто не жилъ, за исключеніемъ придворныхъ служителей, которые были переведены изъ Лѣтняго сада въ 1743 году. Въ 1796 году, зданіе дворца поступило подъ военный сиротскій домъ и, спустя три года послѣ перестройки, подъ Екатерининскій институтъ. Садъ дворца занималъ большое пространство и выходилъ до Лиговки; въ концѣ сада былъ устроенъ огородъ, который носилъ названіе дворцоваго. Позднѣе часть сада пошла на постройку Маріинской больницы; послѣдняя открыта въ 1803 году, въ ознаменованіе совершившагося столѣтія города Петербурга; двѣ Итальянскія улицы получили свое названіе отъ этого дворца. На другомъ берегу, напротивъ дворца, мѣсто называлось „Караванная набережная“; угловой домъ, выходившій тогда на Фонтанку и на Караванную улицу, принадлежалъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія оберъ-егермейстеру Дмитрію Львовичу Нарышкину; домъ этотъ славился по величинѣ своихъ комнатъ и по картинной галлереѣ. Здѣсь, 29 апрѣля 1834 года, въ день совершеннолѣтія наслѣдника престола Александра Николаевича, петербургское дворянство дало великолѣпный праздникъ. Огромныхъ комнатъ этого дома для бала оказалось недостаточно, потребовалось вновь построить большую столовую залу въ сосѣднемъ домѣ, которая и заняла все пространство правильнаго четвероугольнаго двора, длиною въ 14, шириною въ 8 саженъ; передѣлка дома была поручена архитектору А. П. Брюлову, зала была устроена въ видѣ большаго шатра, два огромныхъ вѣнца посреди ея уставлены были свѣчами, отъ нихъ шли огненныя гирлянды къ гигантскимъ пальмамъ. Столъ для августѣйшаго семейства былъ накрытъ на возвышенной эстрадѣ и убранъ цвѣтами; надъ эстрадою была большая картина, изображающая Кремлевскій дворецъ, въ которомъ родился цесаревичъ; напротивъ, на парапетѣ хоръ, видъ Петербурга съ монументомъ Петра, а по сторонамъ гербы Петербургской губерніи. Во время стола пѣли придворные пѣвчіе и игралъ оркестръ. Всѣхъ въ залѣ ужинало за 5 столами 521 человѣкъ и въ другихъ комнатахъ 600 человѣкъ. При входѣ въ залъ была устроена изъ рѣдкихъ растеній бесѣдка, вокругъ стоявшей здѣсь софы была съ обѣихъ сторонъ и сверху рѣшетка, по которой извивались свѣжія виноградныя лозы; зрѣлые грозды винограда висѣли сверху. Въ десятомъ часу, съ прибытіемъ императора и высочайшей семьи, открылся праздникъ, который и длился до утра. Гости разъѣхались уже утромъ; пригласительныхъ билетовъ было разослано болѣе 1,500. Не одно дворянство принимало участіе въ этомъ празднествѣ; несмѣтная толпа народа кипѣла вокругъ дома, посреди улицъ тянулись безпрерывнымъ рядомъ экипажи зрителей. На противоположномъ берегу Фонтанки горѣла великолѣпная иллюминація, представлявшая вензеля императора и наслѣдника, окруженные гербами уѣздовъ С.-Петербургской губерніи. По Фонтанкѣ разъѣзжали иллюминованныя разноцвѣтными фонарями шлюпки, въ которыхъ Жуковскіе пѣсенники оглашали воздухъ пѣснями.

Аничковъ мостъ, или Аничкинъ, какъ его и теперь еще называютъ, былъ построенъ въ 1715 году; названіе онъ получилъ отъ примыкавшей къ нему Аничковской слободы, построенной подполковникомъ М. О. Аничковымъ; позднѣе, въ 1726 году, Аничковъ мостъ былъ подъемный, и здѣсь при въѣздѣ къ нему стоялъ караульный домъ для осмотра паспортовъ у лицъ, въѣзжавшихъ въ столицу. Въ 1720 году, такія заставы стояли въ концѣ каждой улицы, ихъ закрывали ежедневно вечеромъ въ одиннадцатомъ часу, а поднимали утромъ послѣ пробитія утренней зари. Ночью чрезъ заставы, или шлагбаумы, пропускались всѣ команды, вельможи, священники, лѣкаря, повивальныя бабки и посланные по дѣламъ службы, но только всѣ должны были имѣть зажженные фонари. Тогда было подтверждено: „Когда шлагбаумы ночью опустятся, въ такіе часы знатныхъ персонъ и при нихъ служителей пропускать съ фонарями безъ задержанія, а безъ фонарей не пропускать, а изъ подлыхъ въ такіе неуказные часы, развѣ кто за крайнею нуждою пойдетъ одинъ съ фонаремъ, спрося у него, по указу пропускать же, а ежели два или три человѣка и болѣе изъ подлыхъ, хотя и съ фонаремъ пойдутъ, тѣхъ брать подъ караулъ". Голландецъ фанъ-Гавенъ приводитъ слѣдующій разсказъ по этому случаю. Однажды шелъ по улицѣ генералъ и передъ нимъ слуга его съ фонаремъ. Сторожа окружили генерала и задержали его, а слугу пропустили безъ затрудненія, такъ какъ у него былъ фонарь. Позднѣе при Екатеринѣ II уже о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ города не спрашивали, часовые никого изъ проѣзжающихъ черезъ заставу не останавливали и ни о чемъ ихъ не допрашивали, шлагбаумовъ тогда не было, выѣздъ за долги изъ столицъ не былъ запрещенъ, каждый получалъ отъ губернатора подорожную во всякое время и безъ всякой платы и выѣзжалъ изъ города когда хотѣлъ. Но, по старой привычкѣ, многія лица считали обязанностію говорить о своемъ проѣздѣ, имена ихъ вносили въ реестръ, который оберъ-полицеймейстеръ на другой день и докладывалъ императрицѣ. При императорѣ Павлѣ I еще до заставы въ городѣ каждаго проѣзжающаго останавливали разъ пять пикеты и подвергали подробнымъ разспросамъ. На городской заставѣ ѣхавшаго опять подвергали длинному и томительному допросу. Выѣхать за черту города тоже безъ подорожной нельзя было. Проѣздъ черезъ заставу при императорѣ Александрѣ I былъ дѣломъ тоже государ-



Видъ городской заставы въ царствованіе Николая I.

(Съ гравюры того времени).

ственной важности, и всѣ проѣзжающіе должны были записываться. Иногда это записываніе вызывало немало комическихъ сценъ. Такъ, напр., нѣсколько проказниковъ сговорились, проѣзжая чрезъ петербургскія заставы, записываться тамъ самыми смѣшными и хитрыми именами и фамиліями: это обратило вниманіе начальства. Приказано было задержать перваго, кто подастъ поводъ къ подозрѣнію. Нѣсколько дней спустя послѣ такого распоряженія, проѣзжаетъ чрезъ заставу государственный контролеръ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ и заявляетъ свое званіе, имя и фамилію. Караульному офицеру это имя показывается страннымъ, онъ грубо говоритъ ему: „Знаемъ мы вашу братію шутниковъ, извольте-ка здѣсь посидѣть, а потомъ мы отправимъ васъ къ коменданту для спроса, существуетъ ли такой шутъ гороховый!“

Аничковъ мостъ стали перестроивать въ 1742 году и въ 1749 году его утвердили на сваяхъ, на которыхъ онъ простоялъ 34 года.

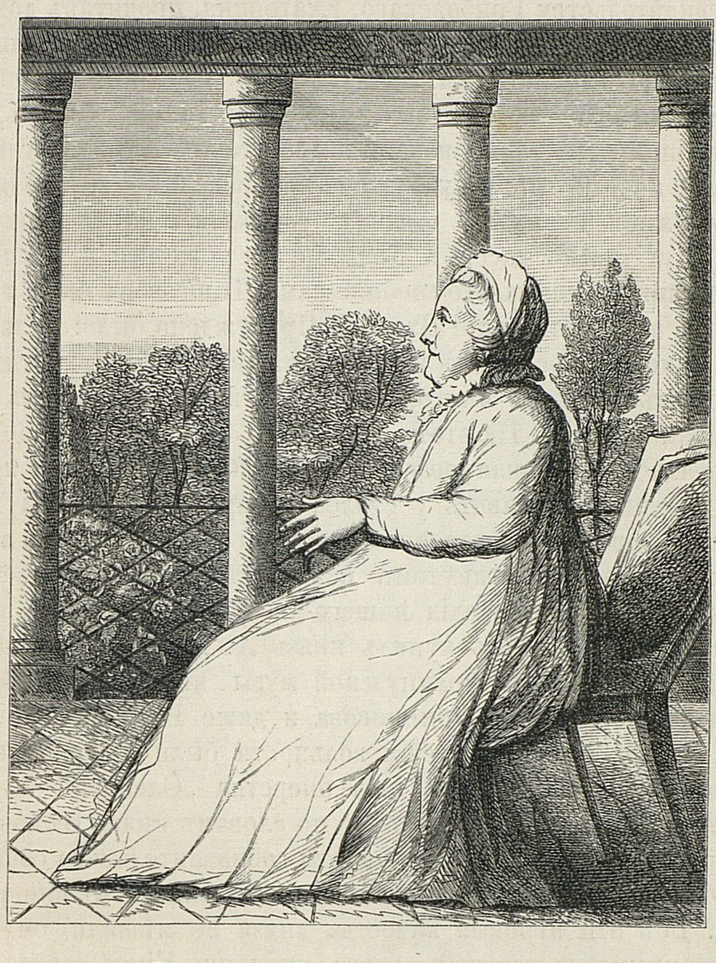
Въ царствованіе Екатерины II, Аничковъ мостъ былъ уже каменный, въ два свода, изъ дикаго тесанаго камня, между сводами былъ подъемный мостъ съ четырьмя каменными башнями, въ три сажени вышины, на мосту находились четыре колонны съ восемью фонарями на желѣзныхъ рукавахъ; начали его строить въ 1783 году и окончили въ 1787 году. Строителемъ его, какъ и другихъ семи каменныхъ мостовъ, въ одно время съ нимъ выстроенныхъ, былъ генералъ Модерахъ, который позднѣе былъ пермскимъ губернаторомъ. Въ нынѣшнемъ видѣ Аничковъ мостъ возведенъ въ 1841 году и украшенъ колоссальными бронзовыми группами, вылѣпленными и отлитыми барономъ Клодтомъ. Открытъ Аничковъ мостъ былъ въ день восшествія императора Николая на престолъ.

Первый же историческій мостъ въ Петербургѣ былъ построенъ на Петровскомъ островѣ, на рѣкѣ Ждановкѣ; онъ соединяетъ крѣпость съ городомъ.

Послѣ него были выстроены три моста на Фонтанкѣ, въ числѣ которыхъ былъ и Аничковскій; затѣмъ уже въ 1739 году въ столицѣ стало вдругъ сорокъ мостовъ. Всѣ эти мосты были въ первое время безъименные.

Каменныя палаты нашихъ вельможъ, стоявшія на широкихъ дворахъ, съ прудами, оранжереями и обширными садами на „Фонтанной рѣчкѣ“, давали всей этой мѣстности видъ приволья и простора. Здѣсь въ старину проводили лѣто наши сановники, а нѣкоторые изъ опальныхъ живали и по зимамъ; извѣстный своими дебошами въ Екатерининское время, графъ Апраксинъ, не имѣя права на въѣздъ въ столицу, жилъ здѣсь какъ бы за городомъ, на своей дачѣ, гдѣ теперь стоитъ торговый Апраксинъ дворъ.

Изъ построекъ, замѣчательныхъ историческими воспоминаніями въ старое время, у Аничкова моста по лѣвой сторонѣ, гдѣ теперь домъ Семянникова, стоялъ домъ извѣстнаго администратора и историка В. Н. Татищева, религіозныя убѣжденія котораго такъ пугали многихъ своею смѣлостью, что доставили ему между современниками репутацію „аѳеиста“, чего на самомъ дѣлѣ за нимъ не было. Татищевъ возставалъ противъ „пустосвятства“ и „суесвятства“, боязни діавола и разныхъ бабьихъ предсказаній. Суевѣріе массы, эксплоатируемой ханжами, у Татищева больное мѣсто. По разсказамъ [120]), Татищевъ умеръ какъ рѣдкій христіанинъ. Наканунѣ дня смерти онъ поѣхалъ верхомъ за три версты отъ своего имѣнія Больдина (Клинскаго уѣзда) въ приходскую церковь. Отправляясь изъ дома, онъ велѣлъ прійдти людямъ къ церкви съ лопатами. Когда обѣдня кончилась, онъ пригласилъ священника съ собою на погостъ. Пришедши туда, выбралъ себѣ мѣсто и велѣлъ рабочимъ приступить къ копанію могилы; назавтра онъ просилъ священника пріѣхать къ нему со святыми дарами, чтобы его исповѣдать и причастить. На другой день священникъ исповѣдалъ его и причастилъ. Простившись со всѣми, онъ просилъ священника читать отходную и тихо, безболѣзненно скончался. Когда послали за столяромъ, чтобы снять мѣрку для гроба, то оказалось, что давно по приказанію покойнаго гробъ сдѣланъ и ножки подъ него онъ самъ точилъ. Отъ дома Татищева, на Невской преспективѣ, стояли тріумфальныя ворота; на нихъ было поставлено изображеніе императрицы Анны Ивановны въ коронѣ и порфирѣ; ворота были выстроены по случаю торжественнаго въѣзда въ столицу государыни 16 января 1732 года. Въ этихъ воротахъ графъ Минихъ, губернаторъ Петербурга, принесъ поздравленіе государынѣ и рапортъ о состояніи столицы. Эти ворота простояли до 1751 года. Напротивъ дома Татищева, гдѣ теперь дворецъ великаго князя Сергія Александровича, стоялъ домъ князя Ал. Ив. Шаховскаго, извѣстнаго противника нѣмцевъ-правителей, за что онъ подвергался преслѣдованію Миниха и гнѣву Бирона. Князь Як. Петр. Шаховской, оберъ-полицеймейстеръ временъ Бирона, отличавшійся также необыкновенной честностью и правдивостью, былъ родной племянникъ этого Шаховскаго. Онъ воспитывался въ его домѣ и, какъ заявляетъ въ своихъ запискахъ, нравственными основами онъ былъ обязанъ дядѣ. При Екатеринѣ II этимъ домомъ владѣлъ директоръ ассигнаціоннаго банка Мятлевъ. Въ его домѣ собиралась слѣдственная коммиссія, учрежденная по случаю растраты денегъ въ заемномъ банкѣ; въ коммиссіи участвовали Державинъ, Мятлевъ и Архаровъ (петербургскій генералъ-губернаторъ). Похищена была кассиромъ Кельбергомъ сумма въ 600,000 руб. Изъ слѣдствія оказалось, что втеченіе долгаго времени, при освидѣтельствованіи банка, кассиръ Кельбергъ клалъ въ сундуки запечатанные пакеты съ надписью 10,000, въ которыхъ вмѣсто ассигнацій, однажды сосчитанныхъ, лежала бѣлая бумага. Кассиръ, какъ говоритъ Болотовъ [121]), поддѣлалъ казенную печать, всѣ деньги вынулъ, а самъ далъ было стречка, но Архаровъ не выпустилъ его изъ Петербурга. Жена его, какъ разсказываетъ Державинъ, чтобы приготовить средства къ пополненію дефицита, продавала ко двору при праздновании шведскаго мира бриллiантовыя вещи; это подало поводъ императрицѣ еще въ 1790 году заподозрѣть честность банковскихъ чиновниковъ. Такъ говоритъ Державинъ, но Грибовскій [122]) упоминаетъ о доносѣ, поданномъ на главнаго директора заемнаго банка Завадовскаго какимъ-то Морозовымъ. Во время производства дѣла Завадовскій подалъ просьбу объ увольненіи. При слѣдствіи открылось, что онъ поставилъ себя самъ въ неловкое положеніе: въ ночь, послѣ открытія покражи, онъ велѣлъ вывезти изъ банка къ себѣ на домъ два стоявшіе тамъ сундука; это дошло до императрицы, она приказала Архарову потребовать у Завадовскаго объясненія. Послѣдній отвѣчалъ, что въ этихъ сундукахъ хранились принадлежавшія ему старыя золотыя и серебряныя вещи и что когда пришлось запечатать банкъ, то онъ счелъ нужнымъ вывезти ихъ. Державинъ же въ своихъ запискахъ [123]) объясняетъ это тѣмъ, что Завадовскій, вопреки правиламъ банка, бралъ свое жалованье серебромъ и, кромѣ того, промѣнивалъ ассигнаціи на серебро безъ платежа лажа, а для прикрытія этого держалъ въ одномъ сундукѣ серебряную монету, въ другомъ ассигнаціи, переводя деньги изъ одного въ другой, для пополненія же происходившаго при этомъ дефицита стали брать съ заемщиковъ непомѣрные проценты. Державинъ повелъ дѣло круто, съ свойственною ему правдивостью. Графъ П. В. Завадовскій упалъ духомъ, слегъ въ постель и даже считали его жизнь въ опасности. Кассиръ Кельбергъ показалъ, что по уставу банка деньги должны были храниться въ сундукахъ въ кладовой, а внѣ кладовой въ обоихъ сундукахъ могло находиться не болѣе какъ по 10 тысячъ въ каждомъ; между тѣмъ на дѣлѣ внѣ кладовой находились гораздо большія суммы, изъ которыхъ директора временно брали деньги на свои надобности. Кромѣ того, Кельбергъ говорилъ, что въ 1790 году первому директору Алексѣеву повѣрены были въ особый присмотръ Завадовскимъ 240,000 рублей, изъ которыхъ онъ, Кельбергъ, взялъ на покупку бриллiантовъ 80 т. руб., а когда бриллiанты были куплены,



Екатерина II въ домашнемъ платьѣ.

Съ весьма рѣдкой гравюры прошлаго столѣтiя, сдѣланной по наброску съ натуры членомъ англiйскаго посольства въ Петербургѣ Уйенсомъ. (Изъ собранiя П. Я. Дашкова).

то потребовались еще сорокъ тысячъ. Сумма эта съ позволенія Алексѣева и была взята изъ казенныхъ денегъ, на мѣсто же ея положены четыре пакета съ пустыми бумагами за печатью. Это и было началомъ расхищенія банка. Державинъ не находилъ нужнымъ смягчать падавшую тѣнь на начальниковъ банка.

По свидѣтельству Грибовскаго, Екатерина, прочитавъ докладъ коммиссіи, назвала Державина „слѣдователемъ жестокосерднымъ“; по повелѣнію императрицы, докладъ былъ переданъ въ сенатъ, гдѣ приверженцы Завадовскаго дали дѣлу такой оборотъ, что произведенное слѣдствіе признано недостаточнымъ; поэтому назначенъ былъ пересмотръ, результатомъ котораго было полное оправданіе принадлежавшихъ къ высшему управленію банка лицъ; осуждены были только кассиръ Кельбергъ съ женою и нѣсколько человѣкъ, признанныхъ его сообщниками. Приговоръ былъ только исполненъ въ царствованіе Павла I. Присуждено было: Кельберга лишить чиновъ и сослать съ женою въ тяжкую работу, другихъ же сообщниковъ наказать кнутомъ, сослать или присудить къ денежнымъ взысканіямъ. На этотъ приговоръ 4-го декабря 1796 года послѣдовала высочайшая резолюція: Кельберга выводить по три дня на площадь и ставить у столба съ привѣшенною на груди таблицею: „воръ государственной казны“, сообщниковъ его второй степени отъ наказанія кнутомъ освободить „изъ единственнаго человѣколюбія и милосердія нашего“...

Послѣ Мятлева домъ купилъ князь А. М. Бѣлосельскій, извѣстный представитель французской музы въ Петербургѣ: онъ переводилъ Державина, Ломоносова и даже Баркова на французскій языкъ; его поэтическія вольности были безграничны до невозможности: написанная имъ оперетка „Оленька“ въ свое время надѣлала много шуму; она, по словамъ князя Вяземскаго, была приправлена пряностями такого соблазнительнаго свойства, что публика, не дождавшись конца спектакля, поспѣшно разбѣжалась. Всѣ эти игривыя качества князя не мѣшали ему быть просвѣщеннымъ вельможей своего времени. Князь долго былъ посланникомъ въ Туринѣ, единственная дочь его Зинаида Волконская наслѣдовала отъ отца любовь къ литературнымъ занятіямъ и съ 1825 года считалась членомъ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, умерла она въ 1862 году.

Рядомъ съ домомъ Бѣлосельскаго стоитъ Троицкое подворье, построенное въ 1718 году на землѣ, пожалованной Петромъ I въ 1714 году Александро-Невской лаврѣ [124]). Но собственно первое каменное строеніе, какъ и освященіе церкви, было въ 1753 году; въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, домъ и церковь пришли въ ветхость и вмѣсто ея выстроена нынѣшняя въ 1857 году. Главнымъ строителемъ теперь богатаго подворья былъ архимандритъ Варлаамъ, въ мірѣ Василій Антипьевъ Высоцкій. Этотъ іерей былъ духовникомъ шести высочайшихъ особъ, въ томъ числѣ двухъ императрицъ—Екатерины I и Анны Ивановны. Первую императрицу онъ присоединялъ къ православію, когда она была еще маріенбургской плѣнницей Мартой[125]) и проживала въ Москвѣ тайно въ нанятомъ для нея царемъ частномъ домѣ; здѣсь же онъ крестилъ у нея дочерей Анну и Елисавету. Варлаамъ впослѣдствіи, занимая почетное званіе царскаго духовника, пользовался отъ императрицы и двора особымъ уваженіемъ. Въ числѣ знатныхъ лицъ, которымъ должны быть отпускаемы по востребованію казенныя суда отъ адмиралтейства, показано имя и Варлаама: ему положена одна восьмивесельная шлюпка безъ гребцовъ. По свидѣтельству современниковъ, Варлаамъ велъ жизнь благочестивую, строгую, по уставамъ церкви, которую осмѣивалъ въ сатирѣ къ Ѳеофану Прокоповичу извѣстный вольнодумецъ того времени Кантемиръ. По разсказамъ, келья Варлаама была всегда наполнена просителями разныхъ званій и состояній; всѣ просители не уходили отъ него неудовлетворенными. Императрица Анна по кончинѣ своей сестры царевны Екатерины Ивановны[126]) подарила Варлааму принадлежавшую царевнѣ мызу на Петергофской дорогѣ[127]). Варлаамъ здѣсь построилъ монастырекъ, куда уединялся по временамъ въ послѣдніе годы своей жизни. Годъ спустя, императрица отдала своему духовнику деревянную церковь Успенія Пресвятой Богородицы, которая была при загородномъ домѣ покойной матери ея, царицы Прасковьи Ѳедоровны, на Фонтанкѣ, близъ Лештукова переулка; по перенесеніи этой церкви на приморскую дачу, Варлаамъ устроилъ въ ней храмъ во имя преподобнаго Сергія и освятилъ его 12-го мая 1734 года.

Варлаамъ переѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ своей духовной дочерью, императрицей Анной Ивановной; по его ходатайству были возвращены Троицкой лаврѣ тѣ села и деревни, которыя при императорѣ Петрѣ I были отчислены къ новооснованной Александро-Невской лаврѣ (указъ 1730 года 15-го іюля). Варлаамъ былъ противникомъ Ѳеофана Прокоповича; онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ древнерусской партіи, мечтавшей о возстановленіи въ Росссіи патріаршества. На Троицкомъ подворьѣ, въ кельѣ архимандрита Варлаама, былъ образъ преподобнаго Сергія чудотворца; преданіе говоритъ, что образъ написанъ на доскѣ отъ гроба чудотворца Сергія, взятой тотчасъ по открытіи его мощей. Образъ этотъ теперь находится въ Сергіевской пустынѣ. Архимандритъ Варлаамъ умеръ въ Петербургѣ, въ двадцатыхъ числахъ іюля 1737 года. Императрица Анна очень скорбѣла о потерѣ своего духовника и, живя въ Петергофѣ, сама дѣлала письменныя распоряженія о погребеніи его. Одинъ изъ священниковъ провожалъ тѣло его всю дорогу изъ Петербурга до Сергіевской пустыни; надъ прахомъ его тамъ воздвигнута небольшая каменная часовня.

Гдѣ теперь стоятъ дома Зиновьева и угловой домъ къ Графскому переулку и затѣмъ примыкавшіе къ углу Троицкаго переулка большіе новые дома,—здѣсь стояла загородная дача духовника Елисаветы, Ѳ. Я. Дубянскаго¹²⁸), бывшаго при дворѣ въ большой силѣ; придворные считали его недалекимъ простячкомъ, котораго никто не боялся, но на самомъ дѣлѣ это былъ ловкій и умный царедворецъ; по его представленіямъ совершались всѣ перемѣны въ составѣ духовенства, а также объявлялись разныя распоряженія по церковному вѣдомству. По преданію, Дубянскій жилъ очень открыто на своей дачѣ; въ запискахъ Марковича встрѣчаются слѣдующія замѣтки: „Бывали у отца духовнаго Дубянскаго... бокаловъ по десяти венгерскаго выпили и подпіахомъ". Въ домѣ Дубянскаго была церковь во имя Преображенія Господня.

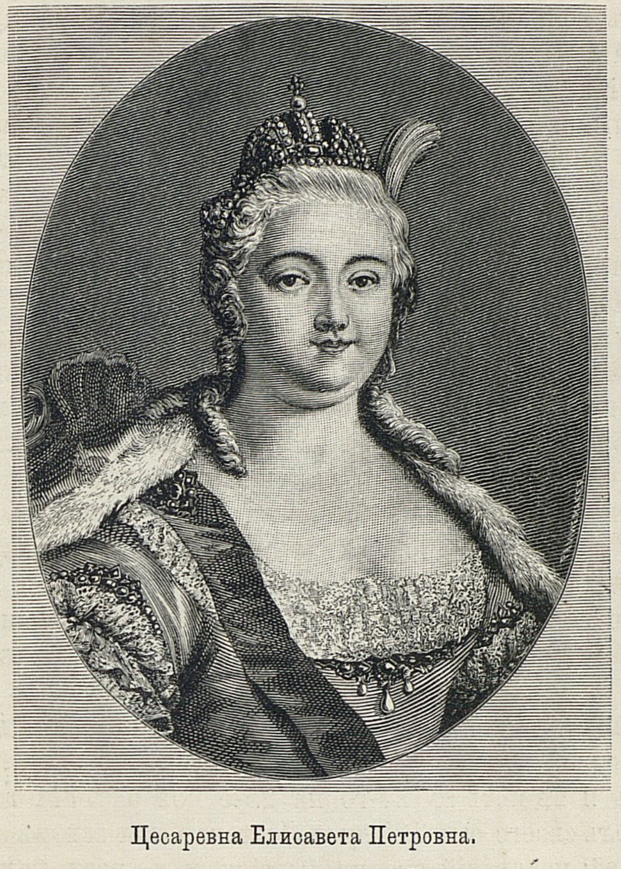
По смерти Дубянскаго, загородный домъ поступилъ во владѣніе его племянниковъ, и въ сороковыхъ годахъ здѣсь жили его наслѣдники. Вѣроятно, петербургскіе старожилы помнятъ одного изъ потомковъ духовника Елисаветы, камергера Дубянскаго, низенькаго бодраго старичка, въ легкомъ пальто и всегда со шляпой въ рукахъ, не смотря ни на какой морозъ; его коротко обстриженные волосы были буквально залиты масломъ или помадой. Позади Дубянскаго всегда слѣдовала низенькая модная карета. Жилъ онъ своемъ домѣ, въ Графскомъ переулкѣ, который такъ названъ отъ дома графа Головина; по другимъ свѣдѣніямъ, онъ получилъ названіе отъ дома графа Ротари, къ дому котораго онъ велъ съ Фонтанки. Графъ Ротари извѣстный богачъ-художникъ, ученикъ Балестры и Тревизани, былъ вызванъ Екатериною II на должность придворнаго живописца; онъ написалъ въ Петербургѣ множество портретовъ, историческихъ картинъ и болѣе трехъ сотъ дѣвичьихъ головокъ, служащихъ теперь украшеніемъ одной изъ залъ Большаго дворца въ Петергофѣ. Ротари умеръ въ Петербургѣ.

На мѣстѣ дома на углу Графскаго и Фонтанки, гдѣ теперь помѣщаются квартиры духовенства Аничковскаго дворца, встарину стоялъ загородный домъ Алексѣя Деденева, женатаго на дочери В. И. Разумовскаго. Про этого Деденева говоритъ Гельбигъ[129]), что онъ былъ человѣкъ весьма странный и въ обществѣ неуживчивъ, у него былъ сынъ камергеръ, умершій въ Дрезденѣ въ 1793 году, отъ сына послѣдняго, камеръ-юнкера, великій князь Николай Павловичъ, въ 1818 году, и купилъ деревянный домъ со всѣми строеніями и землею.

Далѣе стояли дома сторонниковъ Елисаветы Петровны, шталмейстера Р. М. Кошелева и гофмейстера Д. А. Шепелева; женаты оба были на двухъ родныхъ сестрахъ, дочеряхъ пастора Глюка, въ семействѣ котораго нѣкогда жила Марта Скавронская; родственница Шепелева, Мавра Егоровна, была лицемъ очень близкимъ къ императрицѣ и впослѣдствіи вышла замужъ за графа П. И. Шувалова; домъ Шепелева примыкалъ къ углу Чернышева переулка. По словамъ Гельбига, Шепелева всѣ ненавидѣли за его грубость; преданіе говоритъ, что онъ былъ при Петрѣ смазчикомъ экипажей. Напротивъ этого дома, по Фонтанкѣ, тянулся большой садъ графа М. И. Воронцова, въ глубинѣ котораго, къ Гостиному двору, стоялъ великолѣпный дворецъ, построенный графомъ Растрелли. Графъ Воронцовъ былъ въ то время вице-канцлеромъ, женатъ онъ былъ на двоюродной сестрѣ императрицы Аннѣ Карловнѣ Скавронской. Въ 1763 году, императрица Екатерина купила его домъ за 217 т. рублей, домъ стоялъ пустымъ до осени 1770 года; въ этомъ году тамъ отвели квартиру принцу Генриху Прусскому, брату Фридриха II, потомъ жилъ въ немъ принцъ Нассау-Зигенъ, служившій въ нашемъ флотѣ адмираломъ, одержавшій побѣды надъ шведами. Затѣмъ помѣщался въ немъ вице-канцлеръ графъ Ив. Ан. Остерманъ. Императоръ Павелъ устроилъ въ немъ капитулъ мальтійскаго ордена, церковь была построена архитекторомъ Гваренги и освящена 17-го іюня 1800 года митрополитомъ Сестренцевичемъ; она состояла въ завѣдываніи графа Литты до смерти его; въ 1810 году, домъ этотъ былъ пожалованъ Пажескому корпусу, хотя вовсе не былъ приспособленъ къ помѣщенію учебнаго заведенія и носилъ всѣ признаки жилища богатаго вельможи XVIII столѣтія[130]). Великолѣпная двойная лѣстница, украшенная зеркалами и статуями, вела во второй этажъ, гдѣ помѣщались дортуары и классы. Въ огромныхъ залахъ въ два свѣта были спальни для воспитанниковъ; всѣ дортуары и классы имѣли великолѣпные потолки. Картины этихъ плафоновъ изображали сцены изъ овидіевыхъ превращеній съ обнаженными богинями и полубогинями; въ одной изъ такихъ комнатъ на потолкѣ было изображеніе освобожденія Персеемъ Андромеды. Безъ всякихъ покрововъ прелестная Андромеда стояла прикованная на скалѣ, а передъ нею Персей, поражающій дракона. По разсказамъ современниковъ, послѣ дворца Воронцова по роскоши былъ одинъ домъ въ Петербургѣ—это Шувалова, который въ то время полагалъ основаніе императорской академіи художествъ.

Около Чернышева переулка въ старину стоялъ загородный домъ отца знаменитыхъ дѣятелей царствованія Екатерины II: Ивана, Петра и Захара Чернышевыхъ. Про этого деньщика Петра I, гр. П. Чернышева, говоритъ дюкъ де-Лиріа, испанскій посолъ, что онъ „былъ уменъ, храбръ и исправенъ въ службѣ, но отличался чрезвычайной скупостью, лживостью и ненавистью къ иностранцамъ“. Здѣсь же, вблизи былъ домъ князя А. Б. Куракина, сына извѣстнаго дипломата временъ Петра Великаго. Куракинъ былъ типъ версальскаго придворнаго, усвоившаго вполнѣ внѣшній лоскъ; проживши всю свою молодость въ Парижѣ, онъ вынесъ безукоризненное знаніе французскаго языка, элегантныя манеры и модное въ то время легкомысленное отношеніе къ вопросамъ религіознымъ и нравственнымъ. При императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ Куракинъ былъ непремѣнный членъ всѣхъ интимныхъ вечеровъ и празднествъ, на которыхъ имѣлъ привиллегію напиваться допьяна[131]) и потѣшать государыню каламбурами и остротами. Куракинъ былъ также усерднымъ слугой Остермана и Бирона.

За домомъ Куракина стоялъ загородный дворъ царицы Прасковьи Ѳедоровны, вдовы царя Ивана Алексѣевича, брата Петра Алексѣевича, и матери императрицы Анны Ивановны. Жила ли здѣсь царица, неизвѣстно; по пріѣздѣ въ Петербургъ, ей былъ отведенъ съ дочерьми домъ на Петербургской сторонѣ, недалеко отъ крѣпости, вверхъ по Невѣ, близь Петровскаго домика. Жизнь этой царицы въ Петербургѣ была непривлекательна, въ Москвѣ она жила въ Измайловѣ гораздо лучше, полной помѣщицей: тамъ у ней все было, что нужно для самаго обширнаго хозяйства[132]). Про дворъ своей невѣстки императоръ Петръ говаривалъ: „госпиталь уродовъ, ханжей и пустосвятовъ“. По словамъ Татищева, въ низенькихъ покояхъ ея обширнаго дома въ толпѣ челядинцевъ не только были терпимы ханжи, пустосвяты и всякіе уроды физическіе и нравственные, но нѣкоторыхъ изъ нихъ почитали чуть-чуть не за святыхъ; были здѣсь и гадальщики, и пророки; въ послѣднемъ званіи состоялъ одинъ отставной полупомѣшанный „подьячій“ Тимоѳей Архипычъ; нѣкогда онъ занимался иконописаніемъ, но потомъ бросилъ, сталъ юродствовать міру. „Меня,—разсказываетъ Татищевъ,—Тимоѳей Архипычъ не любилъ за то, что я не былъ суевѣренъ и руки его не цѣловалъ.



Цесаревна Елисавета Петровна.

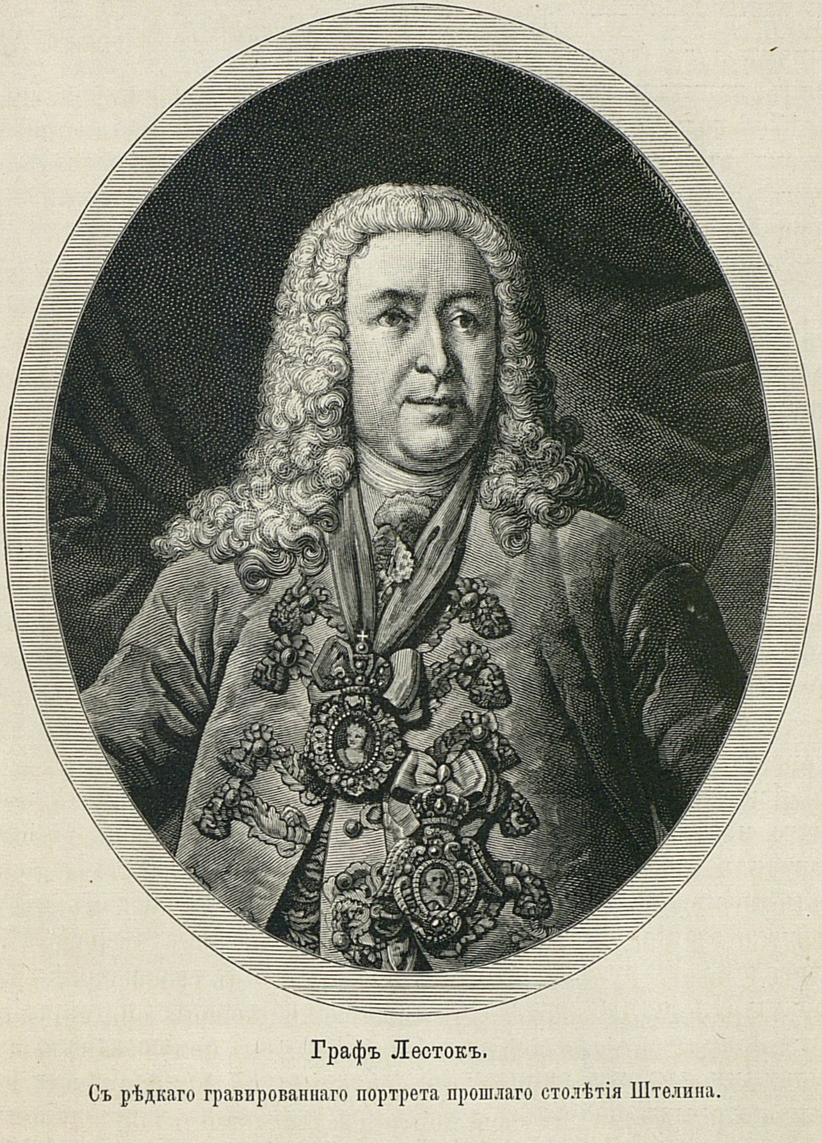
Съ гравированнаго портрета Вагнера.

Однажды передъ отъѣздомъ въ Сибирь я пріѣхалъ проститься съ царицей; она, жалуя меня, спросила этого шалуна: „скоро ли я возвращусь“? Онъ отвѣтилъ на это: „руды много накопаешь, да и самого закопаютъ“. Пророчество, однако, не исполнилось. Царица вѣрила каждому слову Тимоѳея Архипыча и считала себя счастливою, что такой человѣкъ удостоился жить въ ея домѣ; онъ прожилъ у ней 28 лѣтъ; говорятъ, что онъ предрекъ церевнѣ Аннѣ Ивановнѣ ея дальнѣйшую судьбу“.

Впослѣдствіи загородное мѣсто царицы императрица Елисавета подарила своему первому лейбъ-медику Лестоку, для котораго здѣсь построилъ загородный дворецъ архитекторъ Растрелли; три года тому назадъ домъ Лестока еще былъ цѣлъ, онъ стоялъ на углу Лештукова переулка, въ глубинѣ крайняго двора отъ Фонтанки, напротивъ дома извѣстнаго фабриканта В. Г. Жукова. Въ настоящее время онъ передѣланъ.

Графъ Германъ Лестокъ, по происхожденію французъ, имѣлъ на Елисавету сильное вліяніе въ началѣ ея царствованія. Лестокъ пріѣхалъ въ Россію въ 1713 году, опредѣленъ докторомъ Екатерины, и въ 1718 году сосланъ Петромъ въ Казань, какъ увѣряетъ Штелинъ въ своихъ анекдотахъ. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины I, Лестокъ былъ возвращенъ изъ ссылки и опредѣленъ врачемъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ; здѣсь онъ умѣлъ понравиться ей своимъ веселымъ характеромъ, французской любезностью. При дворѣ принцессы Лестокъ ловко повелъ интригу въ пользу своей повелительницы и представилъ ей планъ овладѣть престоломъ. Въ началѣ Елисавета не рѣшалась отважиться на такой шагъ, но позднѣе, спустя одиннадцать лѣтъ, во время младенчества императора Іоанна Антоновича, она согласилась на его планъ. По его совѣту, царевна обратилась къ содѣйствію французскаго посланника, маркиза де-ла-Шетарди, послѣдній передалъ Лестоку до 130,000 дукатовъ для этого дѣла. Всѣ переговоры были ведены очень хитро: если нужно было переписываться, то заговорщики клали записочки въ табакерки и такимъ образомъ вели корреспонденцію. Но какъ ни были ловки заговорщики, тайныя сношенія были открыты. Елисавета имѣла горячій разговоръ съ регентшей и, возвратясь домой, объятая страхомъ, умоляла Лестока бросить всѣ затѣи. Елисавета, наконецъ, рѣшилась и въ ночь съ 24-го на 25-е ноября 1741 года взошла на престолъ своего отца. Услуги Лестока были вскорѣ забыты императрицей; послѣдній это предвидѣлъ и не разъ намекалъ объ этомъ Елисаветѣ, но государыня увѣряла его въ своей неизмѣнной благодарности. Въ первые дни своего царствованія она наградила его поцарски; помимо большаго жалованья, онъ получалъ за каждый разъ, когда пускалъ кровь императрицѣ, по 2,000 рублей. Елисавета пожаловала ему свой портретъ, украшенный бриліантами. Но вскорѣ своимъ беззаботнымъ поведеніемъ, кутежами и въ особенности преданностью наслѣднику Петру III онъ возбудилъ въ императрицѣ подозрительность. Этими ничтожными обстоятельствами и воспользовались его враги: графъ Апраксинъ и Бестужевъ-

Рюминъ, которые донесли, что онъ находится въ тайной связи съ враждебнымъ императрицѣ прусскимъ дворомъ и затѣмъ хочетъ возвести на престолъ Петра III. Какъ ни были нелѣпы эти обвиненія, но Елисавета повѣрила имъ; надъ Лестокомъ былъ учрежденъ судъ. Веденіе этого суда возмущало всякаго безпристрастнаго человѣка; только для веселаго Лестока оно было новымъ источникомъ забавы, но скоро веселость покинула его; для обвиненія нужно было собственное сознаніе, чего никакъ нельзя



Графъ Лестокъ.

Съ рѣдкаго гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Штелина.

было добиться отъ графа. Варварская пытка подѣйствовала, нѣсколько ударовъ кнутомъ вынудили его сознаться въ несовершенныхъ преступленіяхъ. Но, не смотря и на это, враги ни въ чемъ не могли изобличить его, они начали тянуть процессъ, члены котораго, по существовавшему тогда закону, содержались на счетъ виновнаго Лестока; превосходный домъ его на Царицыномъ лугу (теперь домъ Игнатьева) взялъ себѣ графъ Апраксинъ, капиталъ тоже былъ отобранъ, дѣло тянулось долго. Только въ 1756 году, онъ былъ осужденъ къ ссылкѣ сначала въ Угличъ, потомъ въ Устюгъ. При вступленіи Петра III на престолъ, Лестокъ былъ возвращенъ государемъ. Когда его возвратили, то жена Лестока, принося благодарность Петру III, пророчески сказала императору: „Ваше величество все такой же любезный, человѣколюбивый государь, какимъ и были; ваше великодушное сердце прощаетъ своимъ врагамъ, но, повѣрьте мнѣ, ваша доброта погубитъ васъ!“ По преданію, Петръ III позволилъ Лестоку отыскивать разграбленныя у него вещи, и послѣдній смущалъ придворныхъ своимъ появленіемъ въ ихъ гостиныхъ. Лестокъ былъ талантливый человѣкъ, онъ обладалъ проницательнымъ умомъ, глубокимъ знаніемъ людей и добрымъ сердцемъ; онъ владѣлъ неунывавшею веселостью, былъ вѣчно живъ, рѣзвъ и остеръ и до послѣднихъ дней жизни беззаботенъ и крайне невоздерженъ на языкъ: этимъ недостаткомъ онъ вредилъ скорѣе себѣ, чѣмъ другимъ. Лестокъ умеръ въ 1767 году, по однимъ сказаніямъ отъ каменной болѣзни, по другимъ онъ былъ заѣденъ насѣкомыми вслѣдствіе своей невѣроятной нечистоплотности подъ старость.

Извѣстный, по уличному прозванію, на Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста, „Глѣбовъ домъ“, гдѣ помѣщаются теперь казармы, получилъ свое прозвище отъ своего прежняго владѣльца, генералъ-прокурора А. И. Глѣбова, происходившаго родомъ изъ духовнаго званія, возвышеніемъ же своимъ обязаннаго графу П. И. Шувалову, въ рукахъ котораго, по выраженію императрицы Екатерины II, „онъ находился и напоился его дурными принципіями, хотя и не весьма полезными для общества, но достаточно прибыльными для ихъ самихъ“. Глѣбовъ владѣлъ милліонами, начало которыхъ положилъ въ Сибири, гдѣ былъ откупщикомъ и винозаводчикомъ въ Иркутской губерніи. Впослѣдствіи Глѣбову за взятки и разныя беззаконія было воспрещено жить въ обѣихъ столицахъ. Въ это время онъ выстроилъ себѣ домъ на Ходынкѣ, близь Москвы, гдѣ и умеръ. Глѣбовъ еще при жизни своей продалъ домъ своему однофамильцу, богатому ярославскому купцу, который въ домѣ устроилъ большую суконную фабрику.

Въ царствованіе императора Павла, въ Глѣбовомъ домѣ стояли два эскадрона Кавалергардскаго полка; потомъ при Александрѣ I были казармы Московскаго и Литовскаго полковъ; по возвращеніи перваго изъ заграничнаго похода въ 1814 году въ казармахъ была отстроена церковь (освящена 27-го апрѣля 1815 года) во имя св. Архистратига Михаила. Когда здѣсь стоялъ Литовскій полкъ, то въ церкви хранилась тамбуръ-мажорская трость, отбитая у верховнаго визиря во время войны съ Турціей въ 1829 году. Трость эта была пожалована императоромъ Николаемъ въ память побѣды, одержанной надъ турками. Съ переводомъ въ эти казармы фельдъегерскаго корпуса, здѣсь снова былъ освященъ храмъ въ память Срѣтенія Господня.

За Глѣбовымъ домомъ жилъ въ царствованіе Анны Ивановны прославившійся своими мрачными дѣяніями въ тайной канцеляріи во время Бироновщины, шестидесятилѣтній старикъ графъ А. И. Ушаковъ.

Андрей Ив. Ушаковъ, сынъ бѣднаго дворянина Новгородской губерніи, осиротѣвъ въ ранней молодости, до тридцатилѣтняго возроста, жилъ въ деревнѣ съ четырьмя братьями, владѣлъ обще съ ними всего однимъ крестьяниномъ Анохою (Онуфрій) и однимъ же холстянымъ балахономъ съ парою лаптей-семиричковъ, ходилъ съ дѣвками по грибы и, отличаясь большею тѣлесною силою, перенашивалъ деревенскихъ красавицъ черезъ грязь и лужи, за что̀ и слылъ дѣтиною. Въ 1700 году, Ушаковъ въ числѣ прочихъ недорослей явился на царскій смотръ въ Новгородѣ; записанный государемъ въ Преображенскій полкъ, онъ скоро обратилъ вниманіе Петра и черезъ семь лѣтъ былъ уже капитаномъ. Императрица Екатерина I произвела его въ генералъ-поручики. Императрица Анна пожаловала его сенаторомъ и генералъ-аншефомъ. Императрица Елисавета пожаловала его графомъ и первымъ изъ трехъ своихъ генералъ-адъютантовъ. Ушаковъ былъ смѣлъ, честенъ, некорыстолюбивъ, отличался очаровательнымъ обхожденіемъ и даромъ вывѣдывать чужія мысли, но его обвиняютъ и въ пристрастныхъ дѣйствіяхъ по тайной канцеляріи, и въ жестокости, съ какою онъ производилъ ужаснѣйшія истязанія. Одно имя его заставляло трепетать каждаго.

Гдѣ теперь Казачій переулокъ, тамъ при Екатеринѣ II размѣщаемы были приходившіе въ столицу казаки; мѣсто это носило въ то время названіе „Казачьяго подворья“.

На набережной Фонтанки, между мостомъ и каналомъ, проведеннымъ изъ Фонтанки въ Обводный въ 1803 году Герардомъ, основана въ 1784 году, по плану лейбъ-хирурга Кельхена, по образцу вѣнской лечебницы, одна изъ обширнѣйшихъ столичныхъ больницъ — Обуховская. Какъ названіе больницы, такъ и мостъ этой мѣстности получили свое прозваніе отъ строителя-подрядчика Обухова. Мѣсто, гдѣ стоитъ теперь Обуховская больница, нѣкогда было загородной дачей Нарышкина.

Этотъ Нарышкинъ отличался преданностью стариннымъ московскимъ обычаямъ. Послѣ смерти Петра Великаго, онъ числился при Екатеринѣ I своимъ прежнимъ московскимъ чиномъ „ближняго стольника“. Вся эта мѣстность, которая теперь занимаетъ уголъ отъ Обуховской больницы и вплоть до Загороднаго проспекта, гдѣ теперь дома Технологическаго института, при Петрѣ и Екатеринѣ I принадлежала оберъ-шталмейстеру Петра, С. А. Алабердееву, извѣстному своими знаніями и близкими отношеніями къ царю. Алабердеевъ началъ службу во флотѣ. Петръ возложилъ на него, вмѣстѣ съ Любрасомъ, порученіе отыскать и изслѣдовать новое водное сообщеніе между Волгой и Ладожскимъ озеромъ; порученіе это Алабердеевъ исполнилъ скоро и искусно. Затѣмъ при Аннѣ Ивановнѣ здѣсь стоялъ загородный домъ извѣстнаго своими несчастіями кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго. Въ 1740 году, этотъ домъ считался отписаннымъ отъ Волынскаго подъ псовую охоту и въ немъ жили шесть пикеровъ[133]), прибывшіе въ этомъ же году въ Петербургъ съ собаками, купленными въ Англіи и Франціи для придворныхъ охотъ. Вотъ подробная опись дома Волынскаго, которая была представлена въ канцелярію егермейстерскихъ дѣлъ, полковникомъ фонъ-Трескоу. Приводимъ ее дословно, такъ какъ она даетъ понятіе о загородныхъ домахъ вельможъ того времени: „Опись загородному двору, чтó на Фонтанкѣ, Артемія Волынскаго. А въ немъ покоевъ, три горницы и одна каморка дѣтиныхъ. Изъ оныхъ въ одной горницѣ обито камкою красною; въ двухъ горницахъ печи синія кафленыя, а въ третьей бѣлая; обиты полотномъ и выбѣлены. Подлѣ тѣхъ трехъ горницъ, чрезъ сѣни, свѣтлица, въ ней два окошка, окончины стеклянныя; печь бѣлая, полъ выстланъ кирпичемъ; въ той же горницѣ 22 рамы въ окно, безъ стеколъ. Въ его покояхъ: 1) въ одной свѣтлицѣ обиты стѣны голубою камкою отъ полу до потолка, въ двухъ углахъ отъ окошка до окошка; 2) свѣтлица, въ ней печь и каминъ кафленые синіе; и въ первой, и во вворой двери за стекломъ, обиты бѣлымъ полотномъ; 3) свѣтличка, противъ нея другая; въ нихъ каминъ штукатурной, бѣлый, обита полотномъ; 4) спальня съ однимъ окномъ столярнымъ; въ ней двѣ печи кафленыя синія; въ ней двери двои со стеклами; обито по панели камкою таусиною, травы красныя; 5) свѣтлица подлѣ спальни, обита камкою голубою отъ полу и до потолку стѣны всѣ кругомъ, печь бѣлая; 6) залъ, въ немъ печь кафленая синяя; по панели обито обоями вощанкою цвѣтною; 7) свѣтлица безъ печи, въ ней четыре скамьи; 8) горница, въ ней печь кафленая синяя; въ ней двѣ скамьи столярныя; на другой сторонѣ, въ дѣтиныхъ же горницахъ: въ первой обито полотномъ, столъ дубовой съ полами, двѣ скамьи столярныя и въ другой тоже. Каморка безъ печи, въ ней семь стуловъ орѣховыхъ плетеныхъ. Еще свѣтлица чрезъ сѣни; обита полотномъ, въ ней печь бѣлая, скамья столярная. На переднемъ дворѣ: повареная изба съ сѣньми и при ней кухня съ очагомъ и печью, въ нихъ восемь окончинъ со стеклами. Баня съ прибаникомъ; въ ней печь, въ прибаникѣ камины; чрезъ сѣни столярная изба; а въ нихъ, въ избѣ и въ банѣ, семь окончинъ стекляныхъ. Восемь избъ людскихъ. Пять амбаровъ, два погреба, конюшня, въ ней трои двери отворчатыя на крючьяхъ желѣзныхъ и запоры желѣзные, въ ней стоелъ 28, затѣмъ еще три конюшни, въ нихъ по 15 стоелъ, два сарая деревянныхъ. Кругомъ всего двора огорожено барочными досками“.

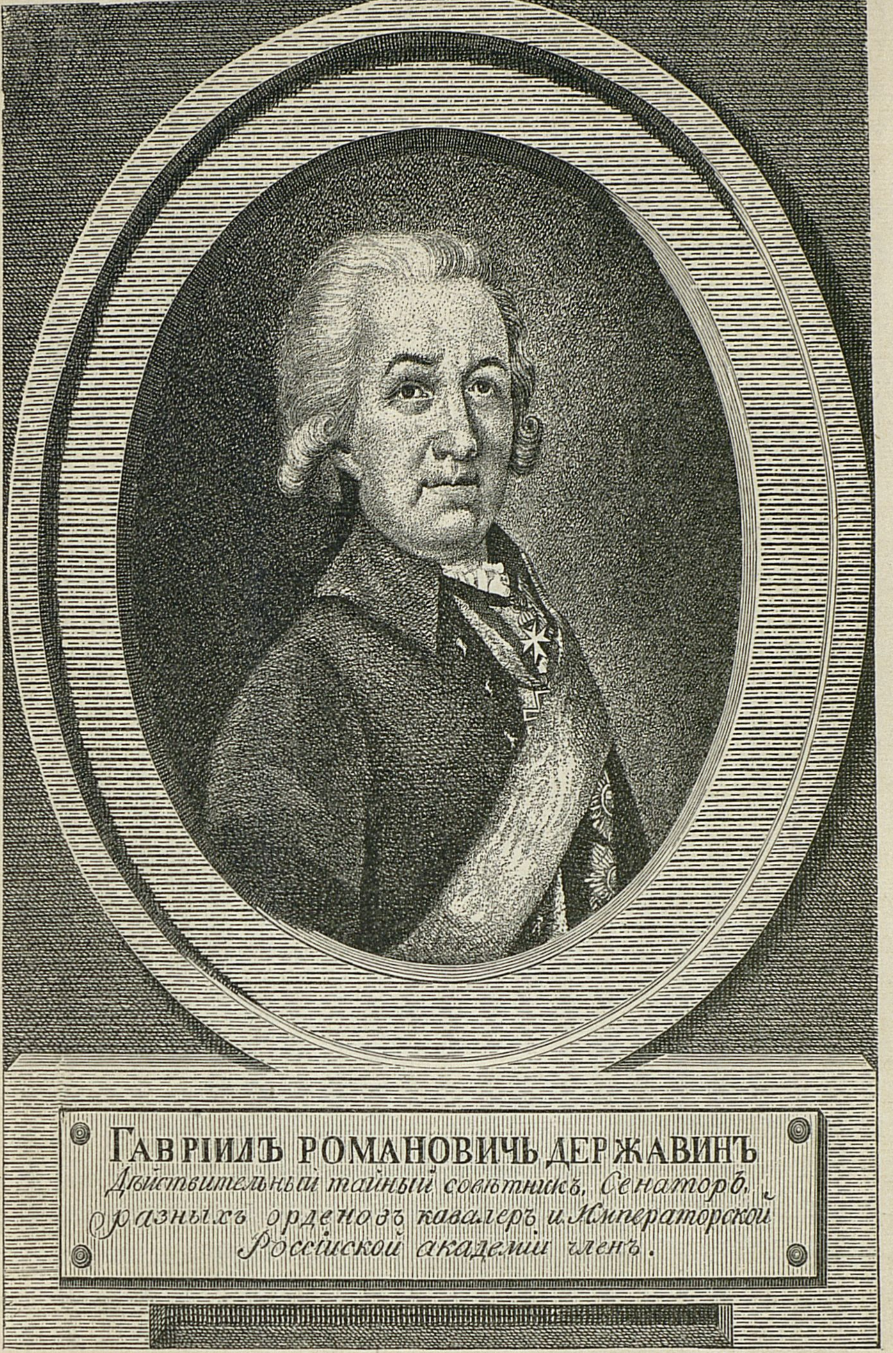
О существованіи здѣсь псарнаго придворнаго двора имѣются слѣдующія довольно подробныя свѣдѣнія. Такъ, въ 1740 году, псовая охота на этомъ дворѣ пополнилась собаками, отписанными отъ Волынскаго, въ числѣ 57, отъ Бирона 68 и купленными во Франціи и Англіи 194; во Франціи куплены были для императрицы русскимъ посломъ, княземъ Кантеміромъ, 34 пары бассетовъ (коротконогихъ), въ томъ числѣ нѣсколько ищущихъ трюфли, за 1,100 рублей; въ Англіи въ томъ же году куплены русскимъ посланникомъ, княземъ Щербатовымъ, у министра Вальполя, 63 пары разныхъ породъ собакъ: гончихъ, биклесовъ, борзыхъ и хортовъ. Пріобрѣтеніе этихъ собакъ обошлось въ 481 фунтовъ стерлинговъ 17 шиллин. и $5^{1}/_{2}$ пенс., по существовавшему тогда курсу—2,234 рубля 77 коп. Позднѣе, при императорѣ Павлѣ и даже въ первыхъ годахъ царствованія Александра I, здѣсь происходили травли медвѣдей, на которыя съѣзжалась вся петербургская знать [134]). Это мѣсто долго въ народѣ называлось Волынскимъ дворомъ; теперь этотъ дворъ занятъ мастерскими, принадлежащими Технологическому институту, основаніе которому положено въ 1829 году графомъ Канкринымъ. Институтъ былъ открытъ въ концѣ 1831 года. Недалеко отъ института, по Обуховскому проспекту, на углу 4-й роты, стоитъ домъ вольно-экономическаго Общества, основаннаго въ 1765 году графомъ Г. Г. Орловымъ; Общество прежде помѣщалось на углу Адмиралтейской площади и Невскаго проспекта. Въ домѣ, теперь принадлежащемъ Обществу, при императорѣ Александрѣ I, происходили засѣданія масонской ложи св. Михаила.

На пространномъ участкѣ земли, ограниченномъ съ одной стороны Фонтанкою, на протяженіи до $^1/_4$ версты, съ другой Обуховскимъ проспектомъ и съ третьей частью 1-й роты Измайловскаго полка, гдѣ стоитъ теперь Константиновское военное училище, при Петрѣ былъ первый Аптекарскій ботаническій садъ. Затѣмъ позднѣе мѣсто это перешло къ графу И. И. Воронцову, женатому на дочери А. П. Волынскаго; потомъ И. И. Воронцовъ передалъ его брату своему Р. И. Воронцову, отцу извѣстной княгини Дашковой и графа А. Р. Воронцова, покровителя и друга Радищева. Графъ Романъ Илларіоновичъ, генералъ-аншефъ, построилъ здѣсь, въ 1757 году, роскошный загородный дворецъ, строителемъ котораго былъ извѣстный Гваренги. Въ деньгахъ, какъ извѣстно, онъ не нуждался, онъ носилъ въ тогдашнемъ обществѣ прозвище „Романъ большой карманъ". Женатъ онъ былъ на богатой сибирячкѣ Марѳѣ Ивановнѣ Сурминой, бывшей до ссылки перваго ея мужа въ Сибирь княгинею Долгорукою. Императоръ Павелъ въ 1797 году купилъ дворецъ Воронцова и помѣстилъ въ немъ военно-сиротскій домъ, основанный имъ въ 1793 году для сыновей бѣдныхъ инвалидовъ; школа эта сперва помѣщалась въ одномъ изъ флигелей Каменноостровскаго дворца, затѣмъ въ 1795 году въ Гатчинѣ, гдѣ надзирателемъ за малолѣтними дѣтьми былъ подполковникъ А. А. Аракчеевъ; въ 1796 году, заведеніе это было помѣщено въ Лѣтнемъ дворцѣ близь Итальянскаго сада и послѣ, въ день восшествія на престолъ императора Павла I, переведено въ домъ бывшій Воронцова. Въ то время въ пользу этого дома поступало много пожертвованій отъ частныхъ лицъ и преимущественно отъ купца Нащокина и графа Румянцева. Въ 1829 году, императоръ Николай приказалъ основанный Павломъ военно-сиротскій домъ называть Павловскимъ корпусомъ; впослѣдствіи онъ былъ переименованъ въ Константиновское училище. Церковь въ училищѣ взята съ Волынскаго двора по приказанію императора Павла I; тамъ она была во имя Воскресенія Христова, здѣсь въ память святыхъ равноапостольныхъ Константина и Елены. Къ достопримѣчательностямъ церкви принадлежатъ: двѣ иконы Богородицы—Тихвинская и Знаменія, переданныя изъ Волынской церкви, и бывшія въ роду несчастнаго Артемія Волынскаго. Къ числу церковнаго дохода причта принадлежатъ проценты съ 2,000 рублей, положенныхъ женою Державина за поминовеніе рода ихъ. Рядомъ съ домомъ училища стояла въ Екатерининское время обширная усадьба, заросшая кругомъ вѣковыми деревьями; часть этого сада уцѣлѣла до нашихъ дней; она принадлежитъ къ дому Тарасова. Здѣсь въ Павловское время, въ глубинѣ рощи стояли деревянныя хоромы одного изъ графовъ Зубовыхъ, гдѣ по временамъ живалъ и Платонъ Зубовъ, постоянно проживавшій, впрочемъ, послѣ смерти императрицы, на Дворцовой набережной, въ домѣ сестры своей Жеребцовой. Въ то крутое время за всякими ночными собраніями полиція зорко слѣдила; здѣсь же въ глуши, почти въ лѣсу, ей трудно было видѣть позднія бесѣды недовольныхъ вельможъ того времени.

Къ дому Зубова примыкалъ домъ сенатора Захарова, купленный въ 1791 году нашимъ поэтомъ Г. Р. Державинымъ[135]); теперь здѣсь стоитъ римско-католическая коллегія. Главное зданіе, въ которомъ жилъ поэтъ, находилось въ глубинѣ большаго двора; надъ фасадомъ его высились сохранявшіяся долгое время статуи четырехъ богинь; со стороны фасада были, какъ и теперь, два боковые подъѣзда, третій былъ позади дома, велъ въ садъ, разведенный стараніями жены Державина. Отъ фасада по обоимъ краямъ двора шли колонны, которыя потомъ продолжались и вдоль стѣны параллельно съ Фонтанкой. Домъ состоялъ изъ двухъ этажей. Кабинетъ поэта былъ на верху, съ большимъ венеціанскимъ окномъ, обращеннымъ на дворъ[136]); за кабинетомъ находилась небольшая гостинная, влѣво былъ такъ называемый „диванчикъ“, а далѣе столовая; другая большая столовая внизу служила и заломъ для танцевъ. Прямо съ подъѣзда входили въ аванзалу, а вправо отъ нея была большая галлерея въ два свѣта, гдѣ впослѣдствіи происходили засѣданія пресловутой шишковской Бесѣды, еще далѣе вправо былъ театръ, также въ два свѣта. Во второмъ этажѣ находились, между прочимъ, комнаты для пріѣзжихъ, одна для секретаря и другая для доктора. Державинъ имѣлъ отъ 60,000 до 70,000 рублей дохода; подобно большинству нашихъ баръ, поэтъ жилъ выше своихъ средствъ, оба принадлежавшіе ему дома были заложены въ опекунскомъ совѣтѣ. Образъ жизни его былъ таковъ: вставалъ онъ рано, часовъ въ пять или въ шесть утра, а вставши пилъ чай; въ два часа обѣдалъ, ужиналъ въ десять; вина почти не пилъ, кофею не любилъ, не увлекался картами, проигрывалъ не болѣе тысячи; разъ въ недѣлю у него собирались гости, танцы продолжались далеко за полночь; самъ Державинъ уходилъ часовъ въ одиннадцать спать; жена его, уложивъ мужа, возвращалась къ гостямъ. Державинъ любилъ музыку, особенно Баха и Крамера; часто слушая ее, ходилъ по комнатѣ и ударялъ тактъ; если онъ при этомъ ускорялъ шаги и наконецъ уходилъ въ кабинетъ, то всѣ знали, что надо ожидать новыхъ стиховъ. Почти до конца жизни онъ сберегъ хорошее зрѣніе и только для самаго мелкаго шрифта иногда употреблялъ лупу. Дома, когда не было гостей, онъ обыкновенно носилъ шелковый шлафрокъ, подбитый бѣличьимъ мѣхомъ и колпакъ; молодыя дамы ему вышивали кушаки, которыми онъ подпоясывалъ халатъ. Державинъ былъ давно лысъ и одѣвшись являлся въ парикѣ съ мѣшкомъ; выѣзжалъ во фракѣ, въ коротенькихъ панталонахъ и гусарскихъ сапожкахъ, надъ которыми видны были чулки. Камердинеръ Державина былъ Кондратій, въ его домѣ находились еще два Кондратія: садовникъ и музыкантъ, по этому поводу поэтъ написалъ шуточную комедію „Кутерьма отъ Кондратьевъ“.

Посѣщавшіе поэта молодые литераторы: С. П. Жихаревъ, В. И. Панаевъ, С. Т. Аксаковъ оставили намъ слѣдующее описаніе внѣшности Державина. Одинъ видѣлъ его въ халатѣ, опушенномъ соболями, во фланелевой, плотно застегнутой фуфайкѣ, на шеѣ былъ у него бѣлый кисейный платокъ, а на головѣ бѣлый же вязанный колпакъ. Другой засталъ Державина за письменнымъ столомъ, стоявшимъ по срединѣ кабинета; поэтъ сидѣлъ въ такомъ же домашнемъ нарядѣ; изъ-за пазухи его торчала головка бѣлой собачки, которая носила имя Тайки (сокращенное отъ Горностайки), она не оставляла своего господина ни на минуту, и если не была у него за пазухой, или не вмѣстѣ съ нимъ на диванѣ, то лаяла, визжала и металась по цѣлому дому. Собачка эта была для поэта воспоминаніемъ одного добраго дѣла; прежде она принадлежала одной бѣдной старушкѣ, которую Державинъ облагодѣтельствовалъ.

Посѣщавшій его вечера Панаевъ нашелъ Державина въ коричневомъ фракѣ съ двумя звѣздами, въ хорошо причесанномъ парикѣ, очень любезнымъ хозяиномъ и т. д. С. Т. Аксаковъ видѣлъ нашего поэта, сидѣвшаго на диванѣ съ аспидной доской и грифелемъ въ рукахъ. По его описанію, Державинъ былъ довольно высокаго роста,


ГАВРІИЛЪ РОМАНОВИЧЪ ДЕРЖАВИНЪ
Дѣйствительный тайный совѣтникъ, Сенаторъ,
разныхъ орденовъ кавалеръ и Императорской
Россійской академіи членъ.

Г. Р. Державинъ.

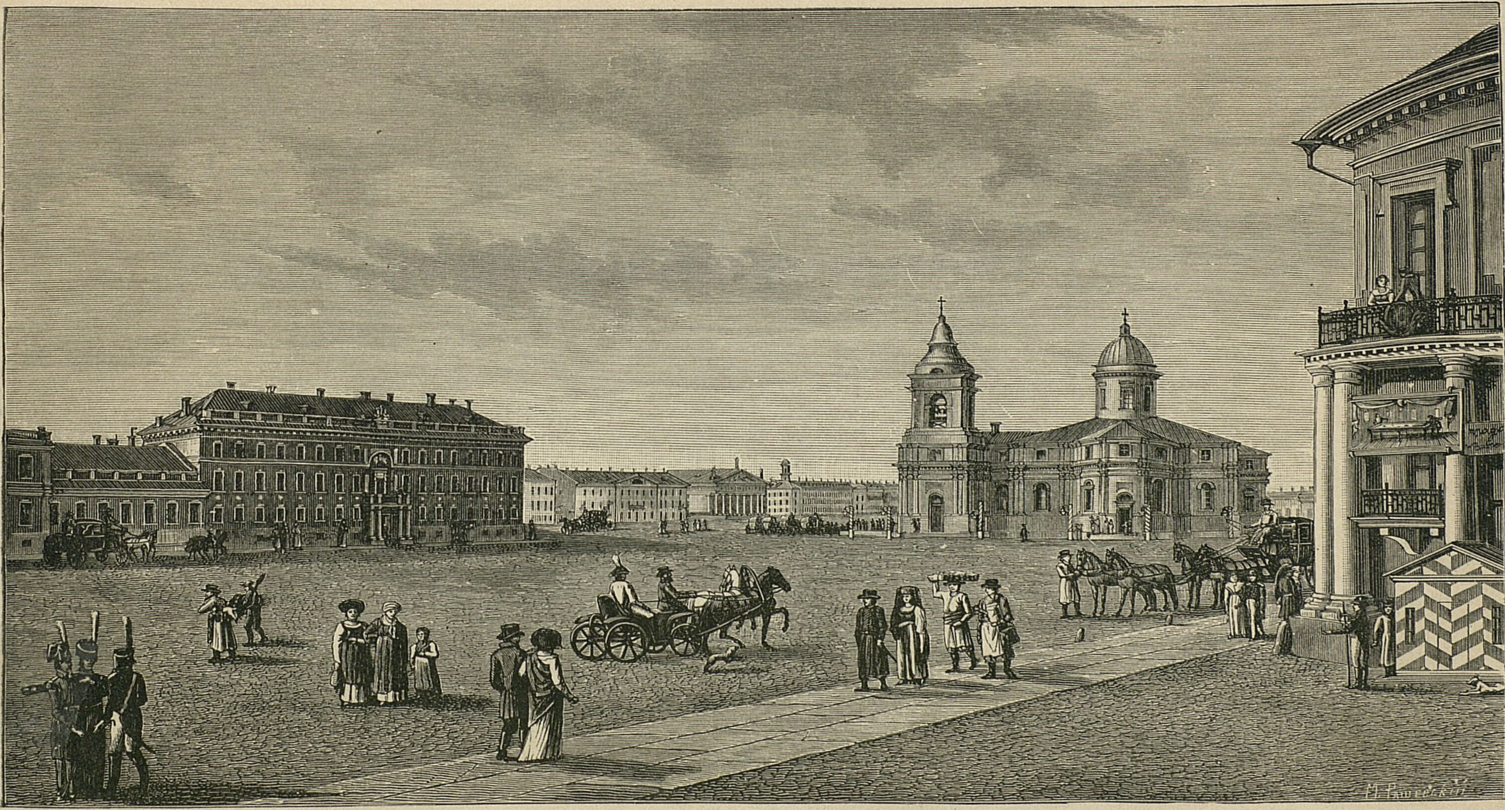
Съ гравированнаго портрета Розанова.

широкаго, но сухощаваго сложенія; на немъ былъ колпакъ, остатки сѣдыхъ волосъ небрежно изъ-подъ него висѣли; онъ былъ безъ галстуха, въ шелковомъ зеленомъ шлафрокѣ, подпоясанъ такого же цвѣта шнуркомъ съ большими кистями, на ногахъ у него были туфли; портретъ его походилъ на оригиналъ, какъ двѣ капли воды. Аксаковъ былъ восторженный почитатель Державина, онъ зналъ множество его стиховъ наизусть, которые и читывалъ превосходно въ присутствіи поэта. При чтеніи Аксаковымъ стиховъ, Державинъ входилъ въ полный экстазъ, онъ не могъ сидѣть, часто вскакивалъ, руки его, какъ и голова, были въ постоянномъ движеніи; но эти чтенія кончались, какъ пишетъ Аксаковъ, дурно для поэта, онъ послѣ нихъ всегда прихварывалъ, не смотря на то, что столько еще энергіи, живости и теплоты сохранилось въ этомъ 75-лѣтнемъ старцѣ.

Сосѣдомъ Державина былъ богачъ Гарновскій, построившій свой огромный домъ рядомъ съ его, выше законной мѣры и затемнившій тѣмъ свѣтъ своему сосѣду, на чтò Державинъ жаловался въ полицію и написалъ даже стихи „Ко второму сосѣду“ [137]), гдѣ пророчески предвѣщалъ сосѣду дальнѣйшую его печальную судьбу.

Великолѣпное зданіе Гарновскаго дома (теперь Измайловскія казармы, у Измайловскаго моста) должно было примыкать къ дому Державина эрмитажемъ, въ которомъ предполагалось устроить садъ и фонтанъ. Гарновскій строилъ свой домъ въ надеждѣ, что его купитъ казна для кого нибудь изъ великихъ князей или княженъ.

Полковникъ Михаилъ Гарновскій, статный, красивый мужчина, по происхожденію шляхтичъ, былъ повѣренный въ дѣлахъ князя Потемкина и англійской графини Кингстонъ, извѣстной по своей красотѣ и приключеніями въ Европѣ; съ послѣдней Гарновскій состоялъ въ связи и унаслѣдовалъ ея имѣнія въ Россіи. По смерти Потемкина, Гарновскій лучшія вещи изъ Таврическаго дворца вывезъ къ себѣ, какъ-то: статуи, картины, мебель и даже строительные матеріалы; узнавъ объ этомъ, наслѣдники остановили расхищеніе черезъ полицію, перехватывая барки на Фонтанкѣ съ добромъ; отъ этого, какъ пишетъ Державинъ, нерѣдко были крики и споры [138]). Впослѣдствіи, при Павлѣ, Гарновскій пострадалъ жестоко; онъ, какъ повѣренный въ дѣлахъ князя Потемкина, переводилъ въ армію во время турецкой войны большія денежныя суммы, не отдавая въ томъ никому отчета.



Видъ Исакіевской площади со стороны Большой Морской улицы въ концѣ прошлаго столѣтія.

Съ рисунка того времени Патерсона.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ Павла, онъ за это подвергся преслѣдованію, былъ посаженъ въ крѣпость, откуда уже выпущенъ подъ надзоръ полиціи. Отъ суда Гарновскій былъ освобожденъ только въ царствованіе императора Александра I. Великолѣпный домъ Гарновскаго въ это время поступилъ въ казну и въ немъ были помѣщены сперва конногвардейскія конюшни, потомъ сдѣланы казармы Измайловскаго и Лейбъ-Егерскаго полковъ.

Домъ Гарновскаго, впрочемъ, не былъ имъ достроенъ и стоялъ непокрытый долго; послѣ смерти Потемкина, Гарновскій даже просилъ у Екатерины пособія на достройку его, подавая императрицѣ не разъ прошенія. Это подало поводъ Державину написать эпиграмму „Челобитная о достройкѣ дома“.

Возри, монархиня! на домъ, покрова не имущій,
Въ столицѣ отъ крупицъ царя Тавриды сущій.
Возри! и украси сей хижиной твой тронъ:
Прибавь къ украденнымъ еще хоть милліонъ.

Большое имѣніе, завѣщанное ему графинею Кингстонъ, Гарновскій потерялъ, скитаясь во время невзгоды своей по судебнымъ мѣстамъ. Лишась состоянія, онъ сдѣлался шулеромъ, и за картежную игру былъ высланъ изъ С.-Петербурга въ Тверь подъ надзоръ полиціи; впослѣдствіи, черезъ ходатайство принца Ольденбургскаго, тверскаго губернатора, онъ былъ возвращенъ въ Петербургъ, съ обязаніемъ его подпискою, чтобъ онъ впредь въ карты не игралъ. Гарновскій умеръ въ Петербургѣ въ 1810 году.

На другой сторонѣ Фонтанной рѣчки, у Семеновскаго моста, гдѣ теперь стоитъ домъ Гуна, въ Елисаветинское время стояла загородная дача вице-адмирала Вильбуа, француза по происхожденію, вступившаго на службу къ Петру во флотъ. Вильбуа былъ женатъ на дочери пастора Глюка, извѣстнаго воспитателя императрицы Екатерины I. Гельбигъ про этого Вильбуа говоритъ: „обладалъ горячею кровью и пріятностью своей націи, но, кажется, не отличался ни особыми познаніями, ни заслугами“. Вильбуа написалъ извѣстные анекдоты о русскомъ дворѣ въ царствованіе Петра I и Екатерины I.

Въ 1743 году, проживавшіе вблизи этой мѣстности купцы: Гроздовъ, Краснощековъ, Соломяковъ, Кокушкинъ, Роговъ, Поповъ и Важинъ просили Никодима, епископа с.-петербургскаго, дозволить имъ своимъ коштомъ построить деревянную церковь на каменномъ фундаментѣ, въ пристойномъ порожнемъ мѣстѣ, за Морскимъ рынкомъ, по Большой Садовой улицѣ, противъ Загороднаго, по Фонтанной рѣчкѣ, двора вице-адмирала Вильбуа. На всепокорнѣйшее прошеніе купцовъ изъ кабинета ея величества позволенія не вышло [139]). Позволеніе тогда только послѣдовало, когда при Петрѣ III въ этой мѣстности появился богатѣйшій домовладѣлецъ, коллежскій ассесоръ Савва Яковлевичъ Яковлевъ [140]), родомъ изъ города Осташкова, Тверской губерніи, извѣстный колоссальный богачъ, владѣлецъ желѣзныхъ рудниковъ на Уралѣ (Невьянскихъ заводовъ) и откупщикъ всѣхъ русскихъ таможенъ при Петрѣ III.

Въ Петербургѣ Савва Яковлевъ пріобрѣлъ въ собственность и „тыномъ огради" громадный участокъ земли формою четырехъугольника: отъ Сѣнной площади, по Обуховскому проспекту, до моста (въ этой мѣстности онъ построилъ себѣ дачу, главное зданіе которой, изящной архитектуры, лицомъ на Фонтанку, сохранилось до нашихъ дней, теперь фабрика бронзовыхъ вещей Шопена). Дача была сооружена въ 1766 году, по плану знаменитаго архитектора Растрелли; во дворѣ былъ распланированъ большой садъ; мѣсто Яковлева отсюда шло по набережной Фонтанки до Семеновскаго моста, потомъ по Гороховой улицѣ до Большой Садовой, вплоть до площади. На углу Садовой и Гороховой онъ построилъ громадный домъ (домъ этотъ до сего времени стоитъ въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ построенъ, не поднятый ни на одинъ этажъ; имъ владѣли наслѣдники Яковлева болѣе столѣтія, теперь онъ проданъ купцу Воденикову). Рядомъ со своимъ домомъ Яковлевъ заложилъ и построилъ каменную церковь; заложена она была 20 іюля 1753 года и строилась 12 лѣтъ. Храмъ сперва думали освятить во имя Срѣтенія Господня, но потомъ передумали, и освятили во имя Успенія Божіей Матери. Внѣшній видъ храма былъ оконченъ въ годъ коронованія Екатерины II и, чтобы это увѣковѣчить, на крестѣ главнаго купола водрузили корону. Строитель храма, воздвигая корону на крестѣ, хотѣлъ сдѣлать новой императрицѣ пріятное; Екатерина II, въѣзжая въ столицу послѣ коронаціи, первую церковь, въ чертѣ города отъ Московской заставы, увидѣла увѣнчанную короною.

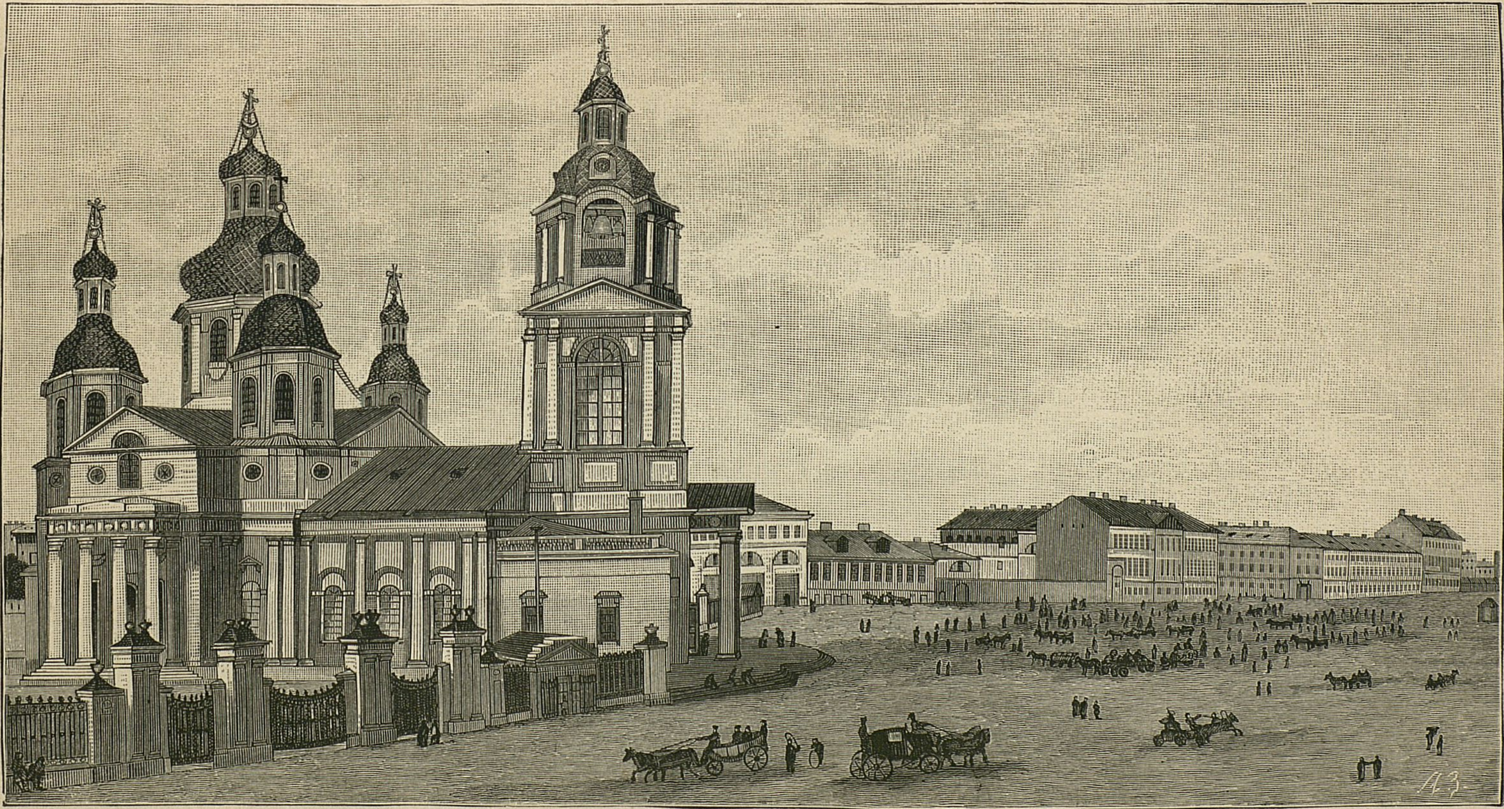
Въ 1763 году, строитель храма перенесъ въ построенную имъ церковь тѣла своихъ родителей съ Сампсоніевскаго кладбища и положилъ ихъ подъ придѣлъ „Трехъ Святителей". Престолъ въ главномъ храмѣ Яковлевъ снаружи обложилъ серебряными досками, вѣсу въ нихъ 6 пуд. 37 фунт. 51 золотн., на верхней доскѣ изображено положеніе Іисуса Христа во гробъ, на боковыхъ—тѣ святые, имена которыхъ носило семейство Яковлевыхъ, чеканка досокъ сдѣлана въ 1786 году. Изъ замѣчательныхъ историческихъ образовъ въ этомъ храмѣ имѣется образъ Христа Спасителя, въ серебряной ризѣ, устроенный вологодскими гражданами за избавленіе Вологды отъ моровой язвы, въ 1605 году; Евангеліе, напечатанное въ 1689 году, затѣмъ ковчегъ серебряный, больше пуда вѣсомъ, устроенный въ 1770 году строителемъ, и масса сосудовъ, кадилъ и крестовъ серебряныхъ, современныхъ началу церкви. Изъ 15-ти колоколовъ, на большомъ, кромѣ изображеній престольныхъ праздниковъ церкви, есть портретъ императрицы Екатерины II и слѣдующая надпись: „Ассесора Саввы Яковлева, въ церкви Успенія, что̀ на Сѣнной, вѣсу 542 пуда 18 фунт. 1780 года января 20-го, литъ въ Москвѣ на заводѣ Ясона Струговщикова, языкъ при немъ желѣзный, 17 пудовъ 5 фунт.“. Есть преданіе, что при жизни Яковлева звонили въ этотъ колоколъ только тогда, когда онъ дозволялъ, и у него отъ языка былъ ключъ, который онъ самъ выдавалъ, когда хотѣлъ.

До 1869 года кругомъ церкви была красивая ограда и прекрасный садъ, носившій названіе „Настоятельскаго“, но впослѣдствіи, въ видахъ крупнаго дохода съ домовъ въ этой мѣстности, здѣсь выстроили большой четырехъ-этажный домъ съ магазинами. Что же касается до домовъ строителя церкви, Саввы Яковлева, то они сохранились до нашихъ дней, хотя и не принадлежатъ уже потомкамъ его. Существующій и теперь домъ въ прежнемъ наружномъ своемъ видѣ, у Обухова моста, еще въ 30-хъ годахъ принадлежалъ одному изъ Яковлевыхъ, въ комнатахъ тогда еще были видны слѣды великолѣпія, роскоши и блеска перваго владѣльца. Въ большой залѣ стѣны были обтянуты кожаными обоями, расписанными масляными красками по золотому полю, зало было украшено большими портретами высочайшихъ особъ въ ростъ; кромѣ того, здѣсь было нѣсколько картинъ итальянской школы, въ числѣ которыхъ были двѣ превосходныя: одна усѣкновенія главы Іоанна Предтечи и другая — Архимедъ въ раздумьѣ надъ геометрическими фигурами. Въ сороковыхъ годахъ въ этомъ домѣ былъ дѣтскій пріютъ великой княгини Ольги Николаевны.

Сѣнная площадь съ первыхъ дней существованія Петербурга была складомъ сельскихъ произведеній, ввозимыхъ по московской дорогѣ; она находилась на рубежѣ города. Крестьяне, въѣзжая въ Петербургъ, останавливались прямо здѣсь, продавая сѣно, солому, овесъ, телятъ, барановъ и курицъ. Отъ имени перваго продукта площадь получила названіе Сѣнной, и при Екатеринѣ II она была исключительно занята продажею сѣна. Торгъ живностью производился на Обуховской площади, откуда послѣ переведенъ на скотный дворъ. Площадь эта, составлявшая вначалѣ часть Сѣнной, отдѣлилась сама собою въ то время, когда отошло отъ Сѣнной мѣсто на берегу Фонтанки. На Сѣнной продавались и лошади близъ того переулка, который отъ имени ихъ названъ Коннымъ. Съ 1800 годовъ крестьяне на Сѣнную стали доставлять мясо, рыбу и масло, потомъ появились и огородники; до пятидесятыхъ годовъ на Сѣнной производился торгъ деревьями и цвѣтами, которыми преимущественно торговали крестьяне изъ слободъ Пулковой и Кузьминой. Съ первыхъ дней весны на правой сторонѣ площади раскидывался импровизированный садъ. Къ Троицыну дню деревья распродавались, и фантастическій садъ исчезалъ.

Дома на Сѣнной въ старину исключительно населялись евреями. Утромъ, при закупкѣ припасовъ, они толпами расхаживали на площади. Въ это время они не приписывались ни къ одному изъ торговыхъ сословій и не были обложены никакими податями. При такомъ выгодномъ положеніи своемъ въ столицѣ евреи богатѣли въ короткое время и стали заниматься ростовщичествомъ. Когда состоялось положеніе объ евреяхъ, имъ пришлось приписываться въ городскія сословія. Большая часть еврейскихъ семействъ оставила столицу, слѣдовательно, и Сѣнную площадь.

Въ счастливые дни пребыванія евреевъ на Сѣнной, на нихъ приходили смотрѣть столичные жители во время ихъ праздниковъ Кущей. Въ эти дни сѣнновскіе евреи имѣли обыкновеніе строить внутри двора временные деревянные шалаши при домахъ, въ которыхъ жили. Снаружи шалашъ сходствовалъ съ четырехсторонними башнями и примыкалъ къ дому съ нижняго яруса до крыши; одна сторона шалаша сообщалась съ внутренними покоями, а три, составленныя изъ стеклянныхъ рамъ, выходили на дворъ; шалашъ раздѣлялся на столько отдѣленій, сколько домъ заключалъ въ себѣ ярусовъ, и каждое отдѣленіе состояло изъ одного покоя. Вечеромъ шалаши освѣщались множествомъ свѣчекъ; евреи, съ величайшимъ волненіемъ, шумно располагались на лавкахъ лицомъ къ той сторонѣ стѣны, которая присоединялась къ дому; еврейки обносили мужей разными яствами и виномъ; евреи, предаваясь торжеству, кричали оглушительно и подъ конецъ веселіе переходило въ шумную оргію. Тысячи зрителей толпились по дворамъ, любуясь странными празднествами евреевъ.



Видъ Сѣнной площади въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ офорта И. Иванова 1814 года.

Близъ Сѣнной площади существовалъ грязный, запущенный домъ Таирова; въ немъ была устроена холерная больница во время эпидеміи 1831 года, изъ оконъ которой взбунтовавшаяся чернь выбрасывала на улицу докторовъ. Впослѣдствіи, въ этомъ домѣ существовала типографія Воейкова, автора „Сумасшедшаго дома“. На новосельѣ у послѣдняго, при открытіи книгопечатни, присутствовали всѣ литераторы того времени. Характерное описаніе этого празднества находимъ въ воспоминаніяхъ Ив. Ив. Панаева, И. П. Сахарова, В. Бурнашева и другихъ.

Въ концѣ Фонтанки, въ Екатерининское время, стоялъ домъ академика Штелина, изображеніе котораго мы приводимъ (см. „Видъ Фонтанки“),—домъ стоялъ въ той мѣстности, гдѣ теперь Калинкинская больница. Яковъ Штелинъ числился при академіи наукъ „профессоромъ алегорій“. Штелинъ родился въ Меммингенѣ, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для преподаванія исторіи великому князю Петру Ѳедоровичу; при вступленіи послѣдняго на престолъ, онъ состоялъ у него библіотекаремъ и домашнимъ человѣкомъ. Въ несчастные дни этого государя, 28-го и 29-го іюня, онъ находился неотлучно при своемъ повелителѣ. Штелинъ оставилъ записку о послѣднихъ дняхъ царствованія Петра III, и издалъ извѣстные анекдоты о Петрѣ Великомъ; затѣмъ выгравировалъ еще нѣсколько гравюръ съ изображеніями торжественныхъ фейерверковъ, иллюминацій и видовъ Петербурга.

ГЛАВА XII.

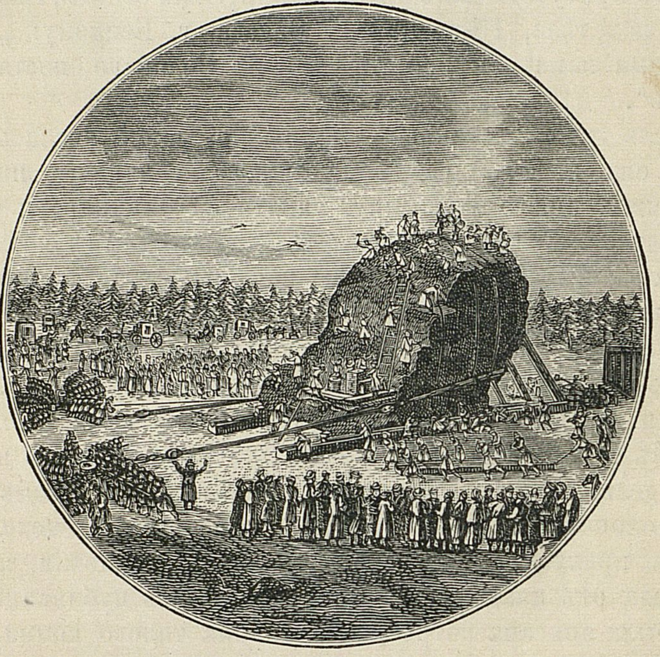
Разныя постройки при Екатеринѣ II.—Первый мостъ черезъ Неву.—Плата за проходъ и проѣздъ. — Мысль императрицы поставить Петру I монументъ.—Проекты художниковъ.—Фальконетъ и его модель.—Камень Громъ.—Перевозка его.—Отливка статуи.—Отъѣздъ Фальконета.—Стихи Рубана.—Медаль на открытіе памятника.—Столѣтніе сподвижники Петра.—Торжество открытія.—День столѣтія Петербурга.—Разсказы столѣтняго старика объ императорѣ.—Торжество въ Петербургѣ по случаю столѣтняго юбилея города.—Аристократическій кварталъ Петербурга.—Дома эпохи Петра I. — Англійская набережная. — Жилища нашихъ вельможъ.—Домъ графа Воронцова-Дашкова.—Домашніе спектакли и балы.—Безпримѣрная деликатность графа Воронцова-Дашкова.—Анекдоты о немъ.—Дома: Нарышкиной, генерала В. И. Асташева.—Замѣчательный вѣковой погребъ.—Домъ графа Румянцева, пребываніе въ немъ шведскаго короля Карла XIII.—Домъ Шереметева.—Англійская церковь.—Палаты вельможъ: князя Лобанова, канцлера Безбородко, Салтыкова. — Семейные вечера генералъ-аншефа Арбенева.

НЕ СМОТРЯ на тѣ улучшенія и новыя постройки, которыя были сдѣланы Екатериною, Петербургъ все еще имѣлъ видъ возникающаго города. Улицы были очень неширoки, изъ нихъ три только главныя, примыкающія къ Адмиралтейству, были вымощены камнемъ [141]), другія выстланы были досками; дома въ лучшихъ улицахъ стояли тѣсно другъ къ другу, въ другихъ же мѣстахъ, какъ на Васильевскомъ островѣ, бѣднѣйшія деревянныя лачужки перемѣшивались съ большими кирпичными зданіями. Лучшія постройки находились на набережной, а около Адмиралтейства были сосредоточены дома вельможъ, и здѣсь же, близь Исаакіевской площади, былъ наведенъ, въ 1727 году, первый черезъ Неву мостъ „Исаакіевской“ [142]), по которому, указомъ 1741 года, велѣно было пропускать безденежно только дворцовыя кареты, церемоніи, курьеровъ и ѣдущихъ на пожаръ. Послѣ 1750 года, мосты санктпетербургскіе были отданы на откупъ купцу Ольхину. Съ пѣшихъ за проходъ брали по копѣйкѣ, съ лошади по три деньги. Такая тягостная плата мостовыхъ денегъ была отмѣнена только въ 1754 году, по случаю рожденія Павла Петровича.

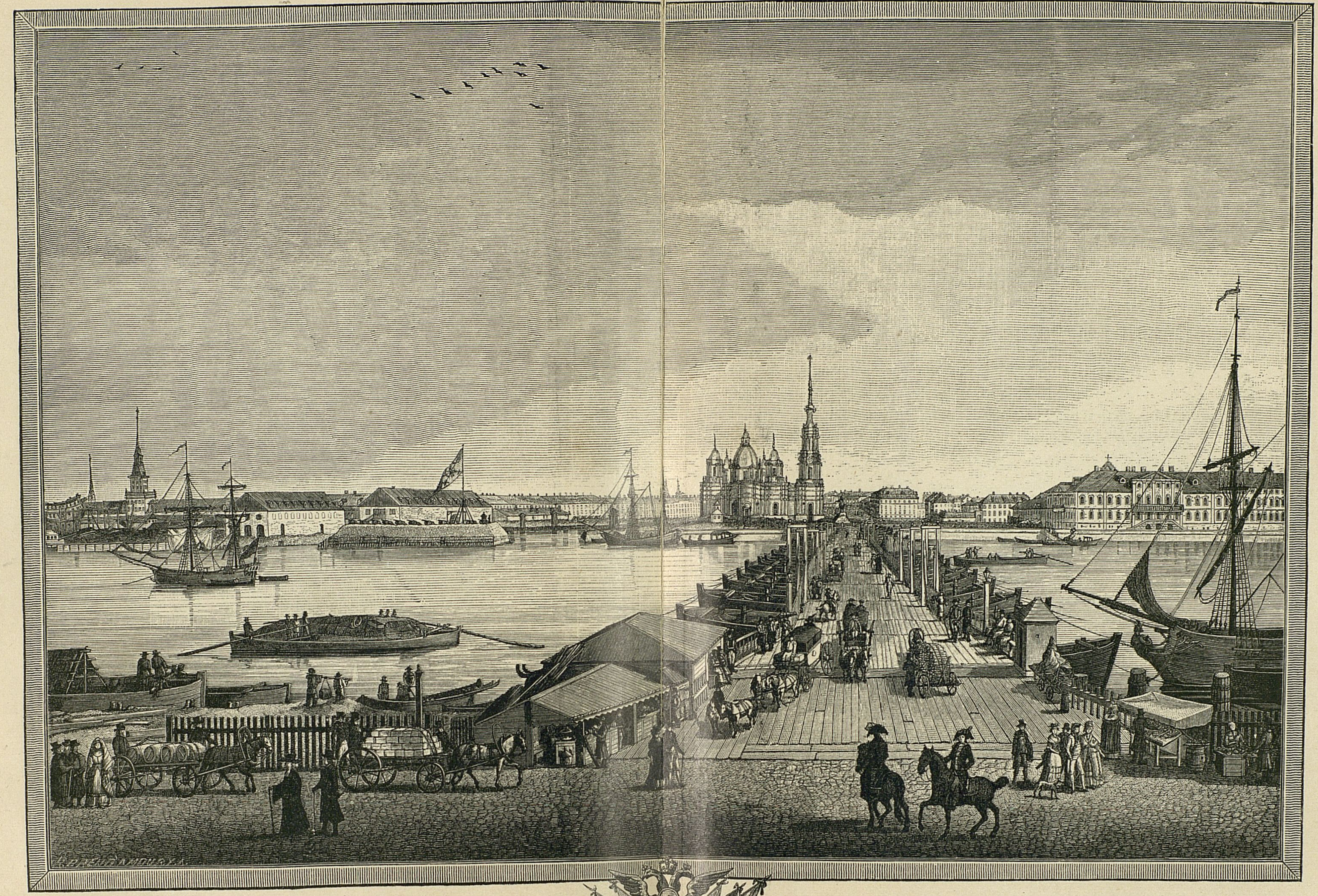
На площади, между Невой, Адмиралтействомъ и домомъ, въ которомъ присутствовалъ правительствующій сенатъ, Екатерина II изустно повелѣла, 15-го мая 1768 года, г. Бецкому: „Во славу блаженныя памяти императора Петра Великаго поставить монументъ“.

Мысль же о постановкѣ памятника у ней явилась гораздо ранѣе: еще въ 1765 году она приказала нашему посланнику въ Парижѣ, князю Голицыну, найдти ей опытнаго и талантливаго ваятеля. Голицынъ предложилъ государынѣ четырехъ художниковъ: Фасса, Кусту, Файю и Фальконета. Выборъ Екатерины палъ на послѣдняго, бывшаго ученика профессора Лемуана, пріобрѣвшаго уже себѣ славу талантливаго ваятеля созданіемъ художественнаго жертвенника въ храмѣ Св. Роша и статуями Флоры и Помоны. Въ 1766 году, Фальконетъ пріѣхалъ въ Петербургъ и въ десять мѣсяцевъ изваялъ въ маломъ видѣ модель будущаго памятника [143]). Фальконетъ обязывался свою работу окончить въ восемь лѣтъ. Послѣ отлитія модели, императрица приказала отыскать камень для подножія, и въ іюлѣ 1768 года отъ академіи художествъ явилась публикація, въ которой была описана потребная величина такого камня. Въ описаніи говорилось: „Камень сей долженъ быть пяти саженъ и одного аршина въ вышину“. Въ томъ же году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ академію явился крестьянинъ изъ деревни Лахты, Семенъ Вишняковъ, и заявилъ, что у нихъ, въ 12-ти верстахъ отъ Петербурга, имѣется такой, годный къ подножію статуи, камень. Камень этотъ былъ у нихъ извѣстенъ подъ именемъ „камнягрома“; на этотъ камень, по словамъ крестьянина, неоднократно всходилъ императоръ для обозрѣнія окрестностей. Камень этотъ лежалъ въ землѣ на 15 футовъ глубины, наружный видъ его уподоблялся параллелепипеду, верхняя и нижняя часть его были почти плоски, камень заросъ со всѣхъ сторонъ мхомъ на два дюйма толщиною. Произведенная громовымъ ударомъ въ немъ разсѣлина была шириною въ полтора фута и почти вся наполнена черноземомъ, изъ котораго выросло нѣсколько березокъ, вышиною почти въ 25 футовъ. Вѣсъ этого камня былъ болѣе четырехъ милліоновъ фунтовъ. Государыня приказала объявить, что кто найдетъ удобнѣйшій способъ перевезти этотъ камень въ Петербургъ, тотъ получитъ 7,000 рублей.

Въ запискахъ часовщика Фази (см. „Русск. Стар.“, 1875 г., т. XI, стр. 588), женевца, бывшаго при Екатеринѣ II придворнымъ мастеромъ, находимъ, что онъ предложилъ Бецкому перевезти эту огромную скалу для памятника Петра въ 20 дней, съ помощью только сорока человѣкъ; при этомъ онъ еще требовалъ только, чтобъ ему предоставлены были въ полное распоряженіе казенныя кузницы. Этотъ Фази пользовался особеннымъ расположеніемъ Потемкина. Послѣдній занялъ у него, однажды, 14,000 рублей и нѣсколько лѣтъ пе платилъ ему долга. Наканунѣ отъѣзда князя на югъ, въ дѣйствующую армію, императрица пригласила его къ обѣду, и вмѣстѣ съ нимъ позвала своего любимаго часоваго мастера. Фази захотѣлъ воспользоваться случаемъ и написалъ Потемкину, немножко въ республиканскомъ



Камень-громъ.



Видъ Исакіевскаго моста и части города отъ Адмиралтейства до Сената въ концѣ прошлаго столѣтія.

Съ рисунка Патерсона 1794 года. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

духѣ, письмо, которое и положилъ на его приборъ, а самъ занялъ мѣсто по другую сторону стола. Любопытство государыни было возбуждено, и она торопила Потемкина вскрыть пакетъ. Пробѣжавъ письмо, Потемкинъ бросилъ на смѣльчака многозначительный взглядъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, Екатерина много смѣялась, и средство, которое придумалъ Фази для полученія своихъ денегъ, очень ей понравилось. Въ тотъ же вечеръ вся сумма была отвезена къ Фази, но только мѣдными грошами, которыми и наполнились цѣлыя двѣ комнаты.

Способъ перевезти камень придумалъ нѣкто Карбури, онъ же графъ Цефалони[144]), но вѣрнѣе, этотъ способъ нашелъ простой кузнецъ, а Карбури у него купилъ за ничтожную сумму[145]). Въ октябрѣ того же года было приступлено къ работамъ для поднятія камня; нужные рычаги для этого были придуманы петербургскимъ слесаремъ Фюгнеромъ. Въ первый день, 15-го ноября, камень оттащили на 23 сажени. 20-го ноября 1770 года, Екатерина посѣтила работы и при ней камень былъ подвинутъ на 12 саженъ[146]). Память этого происшествія была ознаменована выбитіемъ медали, на главной сторонѣ которой видно грудное изображеніе императрицы и на другой сторонѣ изображенъ самый камень, какъ его везутъ съ помощью машинъ и какъ его обсѣкаютъ во время пути. Тутъ же виднѣется надпись: „Дерзновенію подобно“, въ обрѣзѣ поставлено „генваря 20-го 1770 года“. Камень во время пути пять разъ погружался въ землю, проваливаясь на 18 и болѣе дюймовъ; во время слѣдованія на камнѣ находились барабанщики, которые и давали знакъ рабочимъ начинать и кончать работы; наверху одного края камня была устроена кузница и прицѣплена караульня. Перевозка камня привлекала множество любопытныхъ изъ города. Отъ самаго мѣста, гдѣ лежалъ камень, дорогу очистили отъ лѣса на десять саженъ въ ширину. Весь путь былъ утрамбованъ, везли камень четыреста человѣкъ на мѣдныхъ саняхъ, катившихся на мѣдныхъ шарахъ. Камень ежедневно подвигался на двѣсти саженъ. Какъ скоро камень достигъ берега, его спустили на построенную подлѣ рѣки плотину и затѣмъ на судно въ 180 футовъ длины, 66 ширины и 17 вышины. Въ день коронаціи Екатерины, 22-го сентября, камень торжественно провезли мимо Зимняго дворца, и на другой день судно причалило благополучно къ берегу, отстоящему на 21 сажень отъ назначеннаго мѣста для памятника. Причалка камня совершилась въ присутствіи прусскаго принца Генриха.

Въ іюлѣ 1769 года, Фальконетъ окончилъ гипсовую модель памятника, и она была выставлена на двѣ недѣли для всенароднаго обозрѣнія; голову всадника сдѣлала пріѣхавшая француженка дѣвица Коллотъ; для того, чтобы вѣрнѣе изучить махъ лошади, передъ окнами дома Фальконета было устроено искусственное возвышеніе, въ родѣ подножія памятника, на которое по нѣсколько разъ въ день въѣзжалъ вскачь искусный берейторъ, поперемѣнно, на лучшихъ двухъ лошадяхъ царской конюшни, жеребцахъ: „ле-Брилліантъ“ и „ле-Каприсье“. Скачъ коня на монументѣ сдѣланъ на десять градусовъ отъ горизонтальной линіи. Вся высота всадника съ конемъ 17$^1/_2$ футовъ, высота одного всадника 11 футовъ.

Профессоръ академіи художествъ, Лосенковъ, по заказу Фальконета, нарисовалъ картину съ модели. Фальконетъ заплатилъ ему за нее триста рублей и тотчасъ же отослалъ картину въ Парижъ. Камень имѣетъ 7$^1/_2$ саженъ длины, 3 ширины и 2$^1/_2$ вышины. При отдѣлываніи камня на мѣстѣ, Фальконетъ велѣлъ отъ передней высоты убавить два фута съ половиною. Это произвольное уменьшеніе камня вызвало неудовольствіе со стороны Ив. Ив. Бецкаго, и онъ поручилъ дальнѣйшее надзираніе за работами архитектору Фельтену.

Фальконетъ обидѣлся и рѣшительно отказался выливать статую. Правительство стало искать мастера, писали литейному мастеру Гоору въ Копенгагенъ, тотъ запросилъ за вылитіе 400,000 ливровъ. Сумма эта показалась высокою и болѣе двухъ лѣтъ не находили литейщика; наконецъ, 1-го мая 1772 года, пріѣхалъ литейный мастеръ Бенуа Ерсманъ, который и обязался вылить статую за 140,000 ливровъ, съ нимъ прибыли также три подмастерья; черезъ два года, Ерсману было отказано [147]), и Фальконетъ опять отлитіе принялъ на себя; 25-го августа 1775 года, начата была отливка, надзоръ за которой былъ порученъ русскому литейному мастеру Хайлову. Мѣди было заготовлено 1,351 пудъ [148]), и когда она, растопленная, была уже пущена и, въ то время, когда нижнія части формы всѣ уже наполнились, вдругъ мѣдь изъ глиняной формы вытекла и разлилась по полу. Фальконетъ, увидя, что его девятилѣтніе труды рушились и честь его погибаетъ, со страха и съ горя выбѣжалъ изъ мастерской; его примѣру послѣдовали и всѣ остальные рабочіе, одинъ только Хайловъ не потерялся и, съ опасностью для своей жизни, остался тамъ, и сталъ подбирать вытекшую расплавленную мѣдь и снова вливать ее въ форму.

Отлитіе удалось съ небольшими погрѣшностями. Переднія ноги коня вышли прекрасно, только та часть коня не удалась, откуда вытекла мѣдь. Но это горе взялся поправить г. Сандоцъ и въ два года выполировалъ и обдѣлалъ статую. За эту работу ему было заплачено 20,000 рублей.

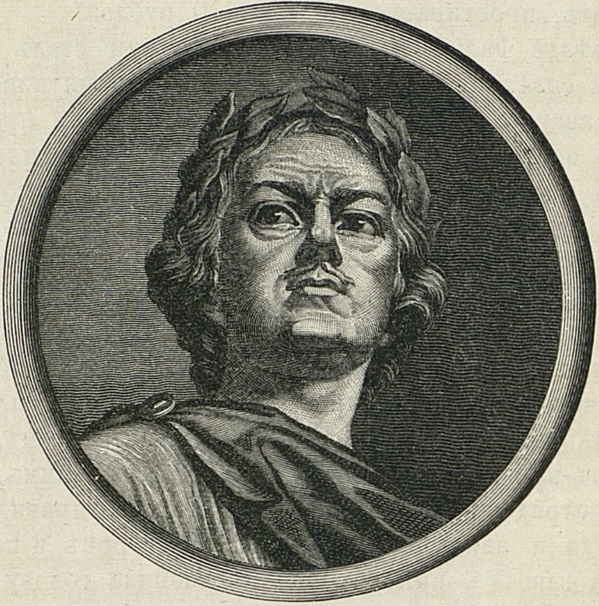
Модель змѣя дѣлалъ ваятель академіи художествъ Гордѣевъ. Фальконетъ покинулъ Петербургъ въ сентябрѣ 1778 года; онъ получилъ за свою работу 92,291 рубль, три его подмастерья 27,284 рубля, а литейный пушечный мастеръ Хайловъ 2,500 рублей. Сумма, заплаченная конторою съ 1776 года по день окончанія работъ, простирается до 424,610 рублей.

По отъѣздѣ Фальконета, всѣми работами сталъ завѣдывать коллежскій совѣтникъ Фельтенъ. Открытіе памятника происходило 7-го августа 1782 года. За нѣсколько дней предъ торжественнымъ освященіемъ памятника, вмѣсто деревяннаго забора, монументъ былъ обнесенъ полотняной оградой, на которой были изображены горы и скалы; ограда была пяти саженъ вышины и имѣла 32 сажени въ окружности. Въ день открытія статуи, погода стояла дождливая, но въ 12 часовъ прояснилась; въ это время двинулись полки подъ предводительствомъ фельдмаршала князя А. М. Голицына. Число войскъ простиралось до 15,000 человѣкъ. Въ четвертомъ часу прибыла государыня на шлюпкѣ, при выходѣ изъ которой была принята всѣмъ сенатомъ, во главѣ съ генералъ-прокуроромъ княземъ А. А. Вяземскимъ, и, сопровождаемая отрядомъ кавалергардскаго полка, отправилась въ сенатъ, откуда и явилась на балконѣ въ коронѣ и порфирѣ; со слезами на глазахъ, императрица преклонила голову и тотчасъ же спала завѣса съ памятника, и воздухъ огласился криками и выстрѣлами изъ пушекъ.

Поэтъ того времени, В. Рубанъ, по этому случаю сочинилъ слѣдующее восьмистишіе:

„Колоссъ Родосскій, днесь смири свой гордый видъ!
И нильски зданія высокихъ пирамидъ,
Престаньте болѣе считаться чудесами!
Вы смертныхъ бренными содѣланы руками.
Нерукотворная здѣсь Росская гора,
Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
Пришла во градъ Петровъ чрезъ невскія пучины,
И пала подъ стопы Великаго Петра!“

День открытія памятника былъ ознаменованъ многими милостями, и на открытіе выбита была медаль. Большую такую золотую медаль первый получилъ присутствовавшій на этомъ торжествѣ столѣтній старецъ, капитанъ-командиръ Рейзеръ, вступившій въ морскую службу еще въ 1715 году. Разныя милости народу были объявлены особеннымъ манифестомъ. Въ этотъ день былъ прощенъ И. И. Голиковъ, несостоятельный должникъ. По преданію, онъ пришелъ на площадь, упалъ передъ памятникомъ на колѣни и здѣсь далъ клятву всю свою жизнь посвятить на написаніе исторіи дѣяній Петра, что̀ и исполнилъ честно, издавъ такой исторіи 30 томовъ.



Голова статуи Петра I, находящейся на Сенатской площади, въ Петербургѣ.

Съ гравюры Генрикеца 1772 года.

Въ 1803 году, 16-го мая, въ день столѣтія Петербурга, передъ памятникомъ Петра праздновался столѣтній юбилей города; 20,000 войска, предводительствуемаго самимъ императоромъ Александромъ I, проходили церемоніальнымъ маршемъ и салютовали преклоненіемъ знаменъ передъ монументомъ Петра.

Въ день юбилея отъ города была поднесена государю золотая медаль съ изображеніемъ въ профиль Петра, увѣнчаннаго лаврами, съ надписью кругомъ: „отъ благодарнаго потомства“. Медаль была по волѣ монарха отнесена съ церемоніей въ Петропавловскій соборъ и положена на гробъ Петра.

На Невѣ въ этотъ день, противъ памятника, стоялъ 110-типушечный корабль „Гавріилъ“ съ императорскимъ штандартомъ, имѣя на хребтѣ своемъ ботикъ, извѣстный подъ именемъ „Дѣдушки русскаго флота“; четыре столѣтнихъ старца были его стражами, изъ нихъ одинъ былъ 107 лѣтъ отъ роду. Онъ хорошо помнилъ Петра I, при которомъ служилъ морскимъ офицеромъ. Другой изъ нихъ, тоже современникъ великаго монарха, нѣкогда носилъ за государемъ межевые шесты, когда онъ вымѣрялъ болотистую мѣстность подъ Петергофомъ. Онъ дожилъ до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, проживая въ деревнѣ Ольховой, близь Ропши. Этотъ старикъ какъ святыню хранилъ одинъ изъ двухъ серебряныхъ рублей, пожалованныхъ ему царемъ за его работу. Въ день столѣтняго торжества Петербурга монументъ, дворецъ Петра на Петербургской сторонѣ и въ Лѣтнемъ саду были убраны флагами, а вечеромъ пышно иллюминованы; тоже и весь городъ горѣлъ въ этотъ вечеръ огнями.

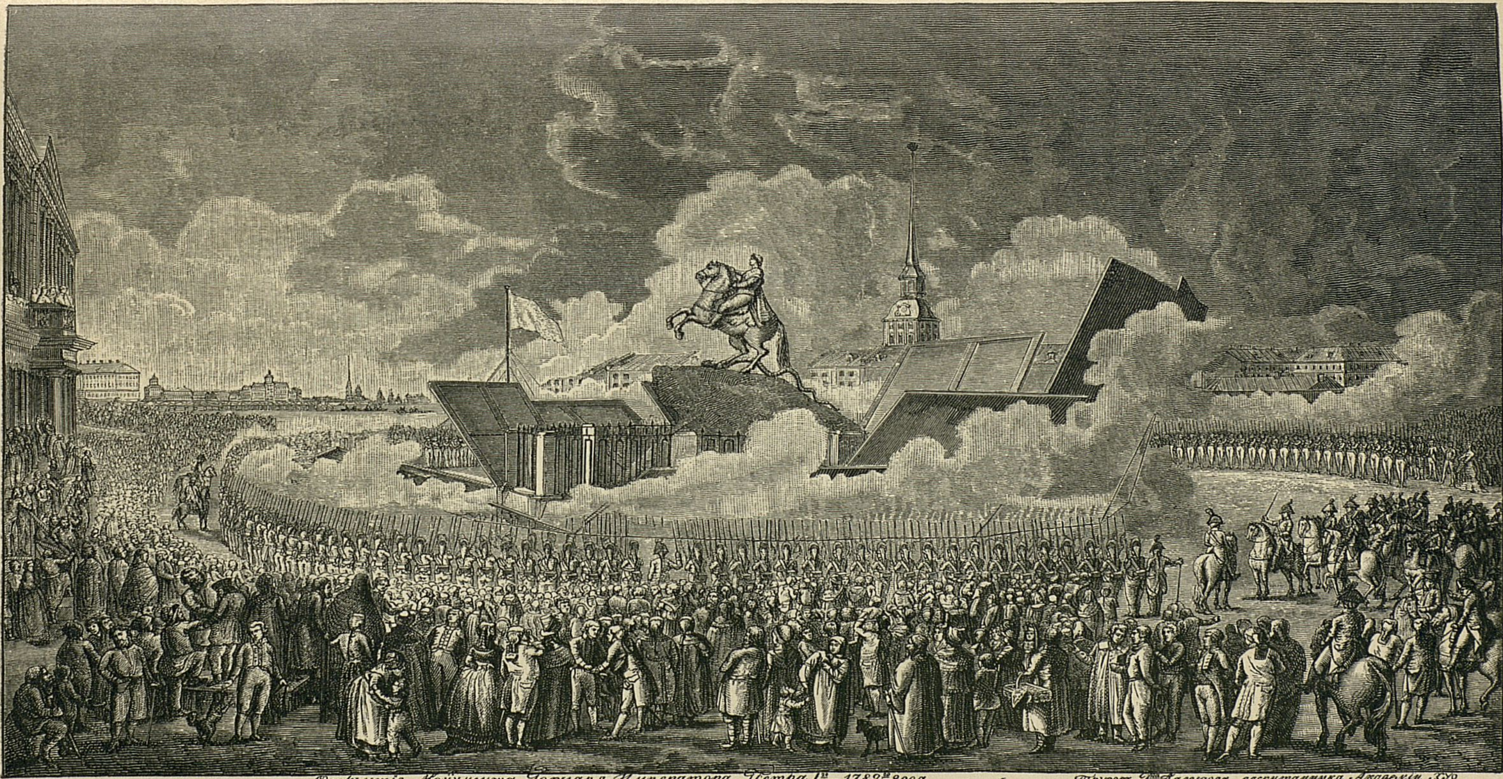
Въ концѣ царствованія Екатерины II, стала славиться въ Петербургѣ рядомъ своихъ великолѣпныхъ каменныхъ домовъ Англійская набережная, которая до этого называлась „Галернымъ дворомъ“ и Галерною набережною. Въ половинѣ Англійской набережной, еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, впадалъ въ Неву Крюковъ каналъ, чрезъ который былъ перекинутъ подъемный мостъ съ великолѣпными гранитными столбами. Каналъ этотъ теперь течетъ подъ сводомъ, и на немъ выведена широкая улица отъ Благовѣщенской церкви къ Николаевскому мосту. Въ прежніе годы на этой набережной собиралась для прогулки лучшая петербургская публика въ февралѣ и мартѣ мѣсяцѣ; эти прогулки прекратились съ постройкой Николаевскаго моста. Въ 1710 году, Англійская набережная имѣла непривлекательный видъ, здѣсь жили одни бѣдные рабочіе въ жалкихъ избушкахъ. Въ 1716 году, первый здѣсь выстроилъ князь Меншиковъ длинное и высокое мазанковое строеніе, покрытое черепицею, для постоялаго двора, въ которое и сталъ пускать за „постойныя деньги отъ казны“ разныхъ пріѣзжихъ иностранцевъ-мастеровыхъ. Рядомъ съ строеніемъ Меншикова стоялъ кабакъ, въ который заходили адмиралтейскіе рабочіе. По словамъ Вебера, кабаки въ то время были крайне неряшливы, пиво въ нихъ стояло въ большихъ открытыхъ кадкахъ, изъ которыхъ тѣснящійся народъ зачерпывалъ пиво деревяннымъ ковшомъ, и, чтобы не проливать ничего даромъ, выпивалъ пиво надъ кадкой, въ которую стекало такимъ образомъ по бородѣ то, что не попало въ ротъ. Притомъ, если у пришедшаго выпить не оказалось денегъ, то онъ оставлялъ въ закладъ свой старый тулупъ, рубаху, или другое какое нибудь носильное бѣлье, безъ чего могъ обойдтись до вечера, когда получитъ поденную плату свою и заплатитъ за пиво; такой закладъ по обыкновенію вѣшался тутъ же на кадку, которая часто была кругомъ обвѣшена этой грязной рухлядью, но никто этимъ не брезговалъ, хотя нерѣдко эта ветошь отъ тѣсноты сваливалась въ чанъ и тамъ преспокойно плавала въ пивѣ по нѣсколько часовъ.

Впослѣдствіи князь Меншиковъ построилъ каменный домъ, и когда впалъ въ немилость, то домъ этотъ былъ отданъ Миниху. Тотъ, въ свою очередь, промѣнялъ его канцлеру Остерману, и когда тотъ тоже былъ сосланъ въ Сибирь, то домъ перешелъ въ пользованіе канцлера Бестужева-Рюмина. Послѣдній его перестроилъ заново и вывелъ обширныя каменныя палаты съ церковью, но и самъ въ немъ жилъ недолго и былъ такъ же, какъ и прежніе домовладѣльцы, сосланъ.

Въ 1764 году, сюда былъ переведенъ сенатъ, который и до настоящаго времени тамъ находится.

Въ первое время до постройки каменныхъ домовъ здѣсь жили въ небольшихъ домахъ слѣдующія лица: корабельные мастера Ней, Иванъ Нѣмцовъ (домъ послѣдняго стоялъ крайнимъ къ Галерному двору), затѣмъ гвардіи маіоръ Юсуповъ, генералъ Полянскій, Ивановъ, вице-адмиралъ Синявинъ, А. П. Волынскій, графъ П. Б. Шереметевъ, Матюшкинъ, графъ Головкинъ, Бутурлинъ, Мухановъ, князь Хованскій, архитекторы Чевакинскій и Еропкинъ.

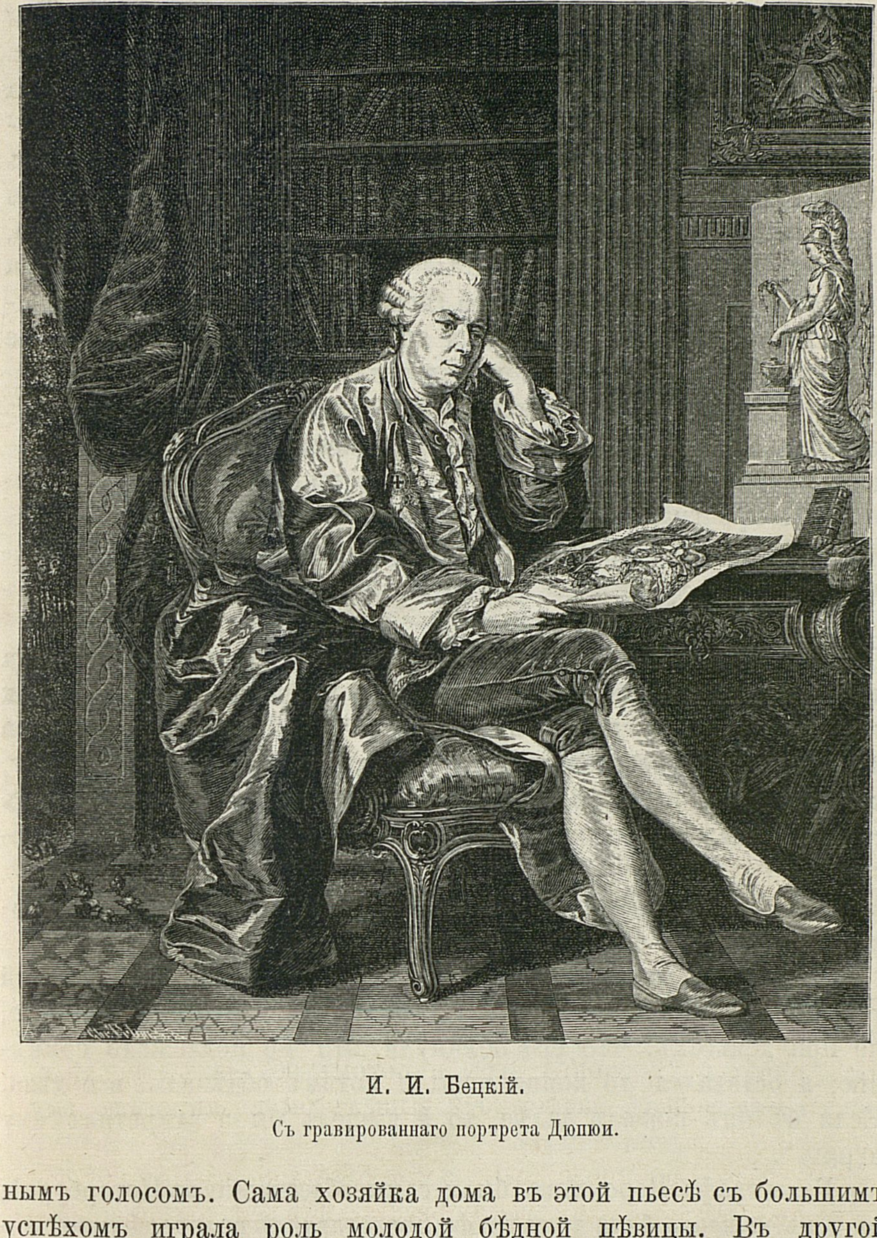
Въ блестящій вѣкъ Екатерины II и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, на Англійской набережной возвышались дома слѣдующихъ вельможъ: отъ сената былъ первый домъ графа А. И. Лаваль (теперь домъ г. Полякова); въ этомъ домѣ, по преданію, собирались декабристы, здѣсь хозяйка дома вышивала имъ знамя шелками. Послѣ роковаго дня на Сенатской площади на этотъ домъ пало немало упрековъ; петербургское простонародье иначе не называло графиню, какъ „Лавальшей-бунтовщицей". Черезъ домъ, гдѣ теперь домъ Паскевича, стоялъ домъ С. С. Потоцкаго; рядомъ съ нимъ былъ домъ графа А. И. Остермана-Толстаго, послѣ домъ принадлежалъ княгинѣ Бутера-Радали, въ настоящее время домъ этотъ графа И. И. Воронцова-Дашкова. Въ этомъ роскошномъ домѣ, со статуями Торвальдсена, въ сороковыхъ годахъ устроивались изящные праздники и давались благородные спектакли, лучшими исполнителями на которыхъ были слѣдую-


Открытіе Монумента Государя Императора Петра Iго – 1782го года
Трудовъ Гна Давыдова воспитанника Академіи Худ.

Видъ памятника Петру Великому при его открытіи, въ 1782 году.

Съ гравюры Мельникова, сдѣланной съ рисунка того времени Давыдова. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

щіе аристократы артисты: два графа—Б. и С.; одинъ изъ нихъ особенно былъ хорошъ въ роли безразсуднаго пѣвца-студента въ комедіи „Les vielles amours“; графъ владѣлъ замѣчательнымъ голосомъ. Сама хозяйка дома въ этой пьесѣ съ большимъ успѣхомъ играла роль молодой бѣдной пѣвицы. Въ другой пьесѣ Скриба „Le Chaperon“, здѣсь тоже игранной не разъ, большой фуроръ производилъ сынъ сенатора, г. Ж. Графъ Во-



И. И. Бецкій.

Съ гравированнаго портрета Дюпюи.

ронцовъ-Дашковъ первый сталъ устроивать въ своемъ домѣ благотворительные базары; онъ, по своей прекрасной наружности, считался самымъ блестящимъ придворнымъ кавалеромъ своего времени. Этотъ вельможа имѣлъ внѣшность дипломата и сохранялъ таковую даже играя на билліардѣ, до котораго былъ большой охотникъ; графъ былъ посланникомъ въ Туринѣ и участвовалъ въ Веронскомъ конгрессѣ. Въ „S.-Petesbourger Zeitung“ за 1878 годъ находимъ слѣдующую черту его безпримѣрной деликатности. „Лѣтомъ 1834 года, я пріѣхалъ на почтовыхъ въ Петербургъ, — пишетъ анонимный разсказчикъ, — и, проѣзжая въ 2 часа ночи мимо ресторацiи Леграна, впослѣдствiи Дюсо, ощутилъ звѣрскiй аппетитъ. Видя въ окнахъ свѣтъ, я взошелъ и заказалъ себѣ что-то. Какой-то господинъ, въ одиночку забавлявшiйся на билліардѣ, обратился ко мнѣ съ предложенiемъ, не сыграю ли я партiю, пока мнѣ готовятъ кушанье.

— „Почему нѣтъ, — отвѣчалъ я, не зная, что господинъ этотъ игрокъ по ремеслу. Игрокъ сначала маскировалъ свою игру, дѣлалъ грубѣйшiя ошибки, но въ концѣ концовъ всегда выигрывалъ. Я проигралъ ему въ заключенiи вечера 200 рублей.

— „Завтра я пришлю сюда деньги на имя Леграна, — сказалъ я.

— „Хорошо, — отвѣчалъ онъ: — а меня зовутъ Долгушевъ.

„На другой день я послалъ деньги къ Леграну, но слуга мнѣ принесъ ихъ обратно. Деньги, по увѣренiю Леграна, были уже заплачены, и притомъ человѣкомъ, выдававшимъ себя за моего слугу. Я разсказалъ о происшествiи графу Вiельгорскому, который тоже не могъ рѣшить, кто бы это могъ сдѣлать. Годъ спустя, однажды, Воронцовъ пришелъ къ своему другу Вiельгорскому.

— „Слушай, Воронцовъ, — сказалъ послѣднiй: — я подозрѣваю, что ты это сдѣлалъ.

— „Очень просто, — отвѣчалъ онъ: — я находился въ сосѣдней комнатѣ, узналъ его по голосу и подумалъ, что онъ, вѣроятно, не при деньгахъ. Что его обманули, это не подлежало сомнѣнiю; я оставался до конца игры и потомъ обдѣлалъ все дѣло. Если бъ онъ пошелъ далѣе, то я вышелъ бы и запретилъ ему играть“.

Балы графа Воронцова были самые блестящiе въ Петербургѣ; въ день каждаго бала домъ графа представлялъ великолѣпное зрѣлище: на каждой ступени роскошной лѣстницы стояли ливрейные лакеи, внизу въ бѣлыхъ кафтанахъ (ливрея Дашковыхъ), на второй половинѣ лѣстницы въ красныхъ кафтанахъ (ливрея Воронцовыхъ); мажордомъ Воронцова (итальянецъ) въ черномъ бархатномъ фракѣ, короткихъ бархатныхъ панталонахъ, чулкахъ и башмакахъ со шпагою съ боку и треуголкой подъ локтемъ; ужинъ императрицы въ этомъ домѣ всегда сервировался на отдѣльномъ небольшомъ столѣ, на посудѣ изъ чистаго золота. Вообще всѣ пріемы графа Воронцова-Дашкова отличались царскимъ великолѣпіемъ и носили характеръ врожденнаго барства. Графъ В. А. Сологубъ, называя женщинъ петербургскаго большаго свѣта сороковыхъ годовъ, говоритъ, что въ то время не было женщины въ Петербургѣ, которая бы могла походить по чарующей граціи и по тонкости ума на графиню Алек. Кирил. Воронцову-Дашкову.

Рядомъ съ домомъ графа Воронцова стоялъ домъ графа Н. А. Татищева, теперь Шереметева; сосѣднимъ съ нимъ былъ домъ супруги оберъ-егермейстера М. А. Нарышкиной. Этотъ домъ, въ то доброе, старое время, время скороходовъ, пудры и гвардейскихъ сержантовъ, можно вполнѣ было назвать домомъ торжествъ; владѣльцы его жили открыто, широко, и почти каждый день здѣсь не обходилось безъ праздника. У дома Нарышкина, въ лѣтніе вечера, на рѣкѣ, на плотахъ и на лодкахъ, играло нѣсколько оркестровъ музыки; особенно большой эффектъ производила роговая музыка, эта, такъ сказать, собственность фамиліи Нарышкиныхъ, изобрѣтенная въ 1751 году оберъ-егермейстеромъ Сем. Кир. Нарышкинымъ [149]); Державинъ гостепріимный домъ Нарышкиной воспѣлъ въ слѣдующихъ стихахъ [150]):

„Гдѣ дружескій, незваный столъ,
Важна хозяйка, домовита...“

По разсказамъ современниковъ, Нарышкина управляла домашнимъ хозяйствомъ сама; мужъ получалъ отъ нея по рублю на карманные расходы. Далѣе поэтъ говоритъ:

„Оставя короли престолы
И ханы у тебя гостятъ“...

Посѣщавшій Екатерину II императоръ Іосифъ, короли: прусскій и шведскій, французскій графъ д'Артуа [151]), а также и азіатскіе ханы, пріѣзжавшіе ко двору императрицы, считали своимъ долгомъ побывать и пообѣдать у Нарышкиной.

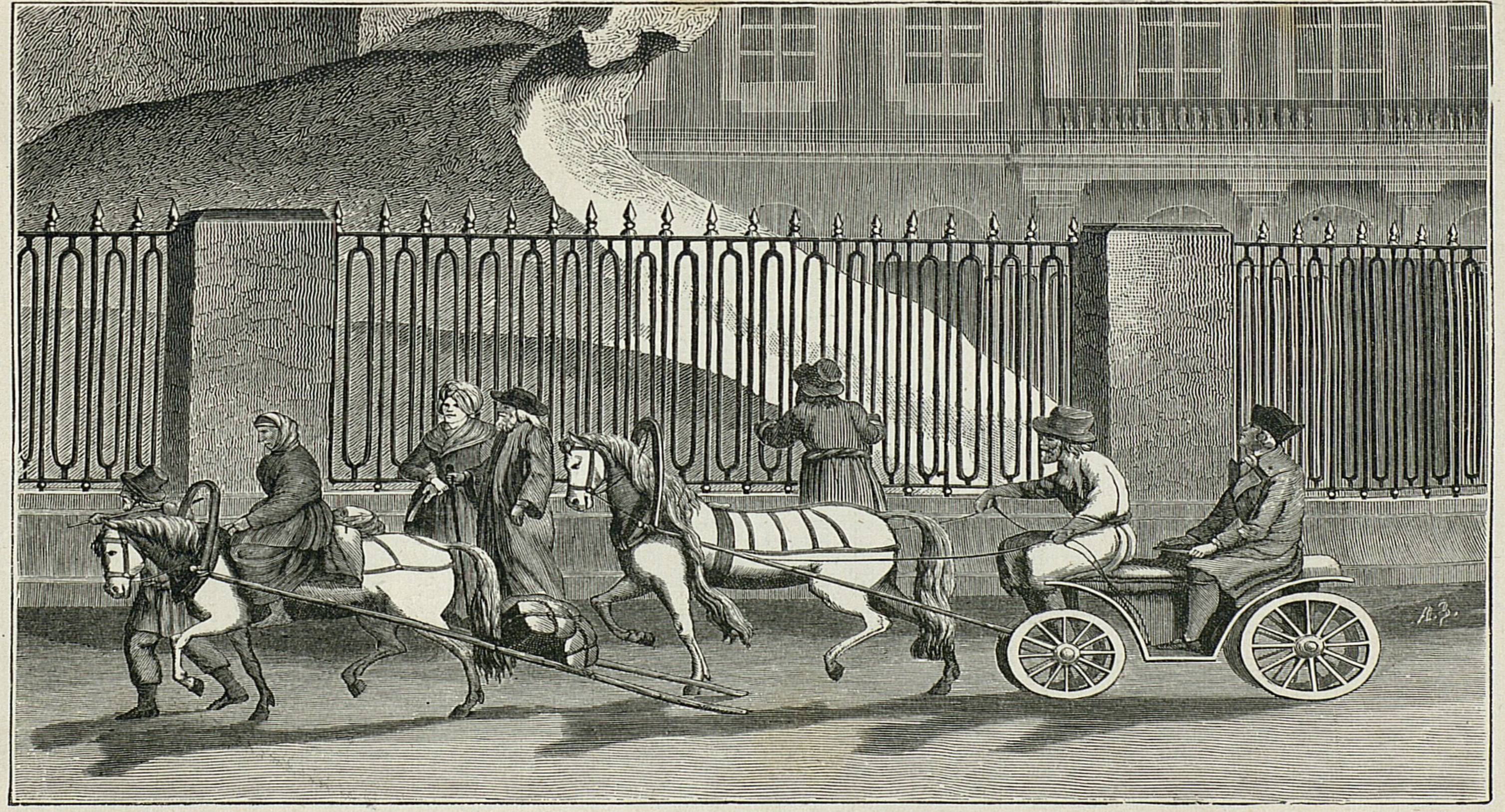
„Предъ домъ твой соберется чернь“...

здѣсь поэтъ намекаетъ о разныхъ масляничныхъ удовольствіяхъ— горахъ и качеляхъ, которыя Нарышкина строила зимой на Невѣ, передъ своимъ домомъ.

Рядомъ съ домомъ Нарышкиной стоялъ домъ дѣда нынѣшняго владѣльца, г. Дурново. Слѣдующій домъ былъ князя Лобанова-Ростовскаго и затѣмъ домъ Коммерческаго Общества. Зимою въ этомъ клубѣ, для постоянныхъ членовъ, давались по подпискѣ балы, съ гостей же брали довольно высокую плату за входъ на балъ. Балы эти считались самыми приличными. Въ первое время, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, когда балы лишь только учредились, было постановлено правиломъ, чтобы дамы пріѣзжали не иначе, какъ въ ситцевыхъ платьяхъ; балы эти были прозваны „ситцевыми“. Правило это продержалось только до конца первой зимы, впрочемъ, уже и тогда начали появляться шелкъ, бархатъ и кисея. Далѣе слѣдовали дома: сенатора Митусова, князя В. А. Шаховского, дѣйствительнаго камергера Жеребцова; затѣмъ нѣсколько домовъ принадлежали богатымъ купцамъ-иностранцамъ.

Перейдя черезъ постоянный мостъ на Крюковомъ каналѣ (теперь не существующій), стояли по набережной слѣдующіе дома: угловой Борха, теперь Кларка, рядомъ съ нимъ одинъ изъ старѣйшихъ вѣковыхъ домовъ Петербурга, принадлежащій теперь генералу В. И. Асташеву. Въ 1740 году, домомъ этимъ владѣлъ камергеръ, князь В. П. Хованскій, отъ него домъ перешелъ къ сыну его, А. В. Хованскому, который въ 1761 году продалъ его за 7,000 рублей профессору философіи и англійскому купцу Генриху Клаузенгу. Тотъ перепродалъ его за 13,000 рублей негоціанту Ѳомѣ Бонару, отъ него купилъ домъ, въ 1814 году, за 40,000 рублей, иностранный гость Генрихъ Томсенъ, отъ котораго, въ 1852 году, и пріобрѣлъ за 110,000 рублей отецъ нынѣшняго владѣльца, камергеръ, И. Д. Асташевъ, давшій громадный толчекъ отечественной промышленности открытіемъ въ 20-хъ годахъ золота въ Восточной Сибири, въ Енисейскомъ округѣ, по рѣкѣ Ангарѣ. Вмѣстѣ съ домомъ былъ купленъ и вѣковой погребъ, съ нѣсколькими сотнями бутылокъ стараго вина. Въ погребѣ нынѣшняго владѣльца В. И. Асташева, этого петербургскаго широкаго благотворителя, теперь хранится тысячами бутылокъ портвейнъ закупки 1782 года, вѣковые: токайское, рейнвейнъ, арманьякъ и такихъ же патріархальныхъ годовъ „литовскій медъ“, ровестникъ царствованія саксонскихъ королей, цѣною чуть ли не по червонцу за глотокъ.

О домѣ сосѣднемъ, г. Полежаева, сохранилось слѣдующее преданіе: въ немъ жилъ болѣе полувѣка добродушный старикъ, дѣйствительный камергеръ А. А. Яковлевъ, слывшій въ петербургскомъ свѣтѣ за алхимика и астролога.

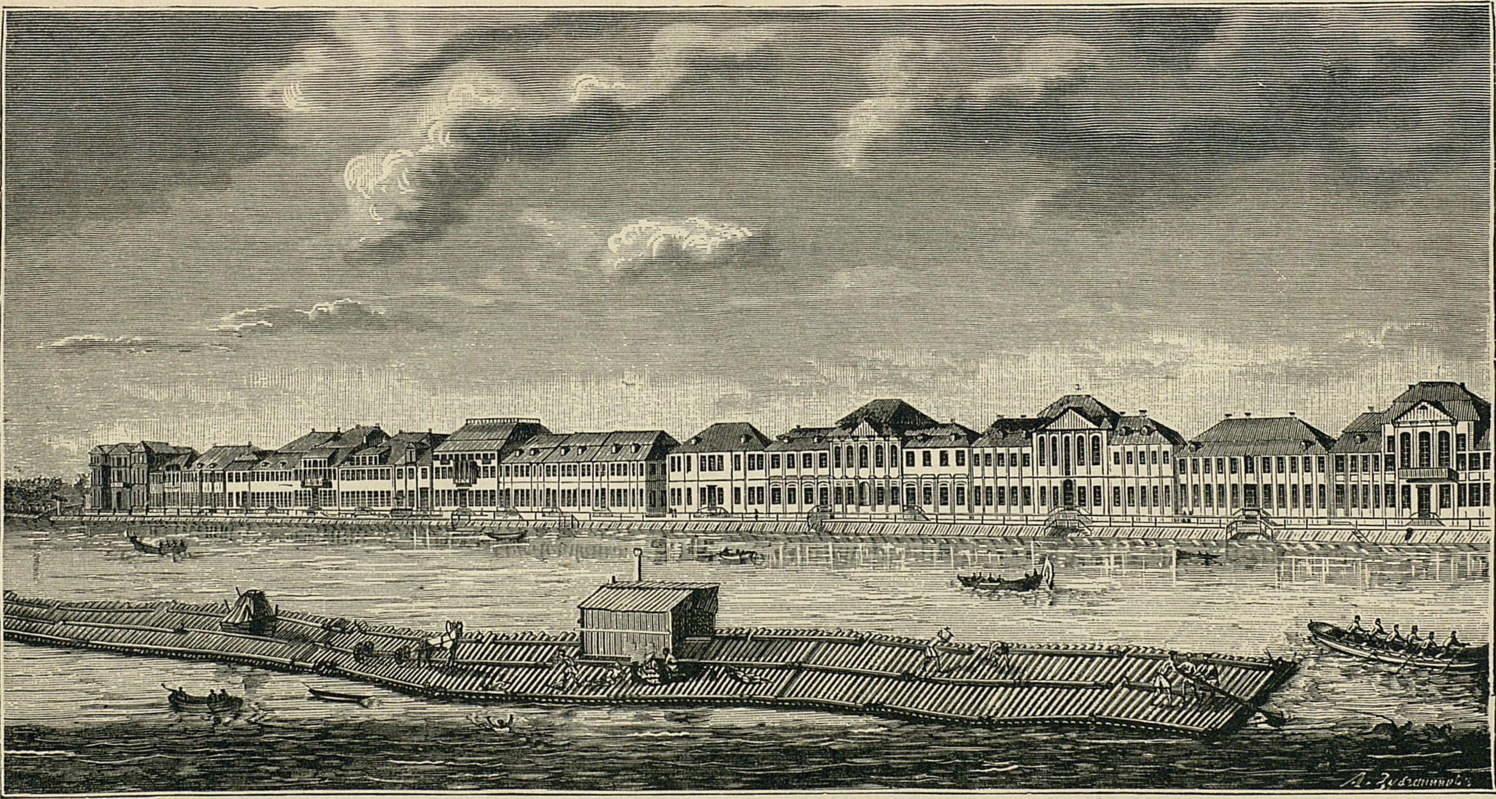


Извозчичьи дрожки въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры прошлаго вѣка Набгольца.

Въ домѣ, бывшемъ канцлера графа Румянцева, жилъ въ царствованіе Екатерины король шведскій, Густавъ IV, съ дядею, герцогомъ Зюдерманландскимъ, послѣ бывшимъ королемъ Карломъ XIII. Простой народъ, во время пребыванія герцога въ Петербургѣ, называлъ его „Сидоромъ Ермолаевичемъ". Далѣе шли дома вельможъ: князя Юсупова, генераловъ: Потемкина, Юшкова, Левашова; иностранныхъ купцовъ: Келя, Венинга, Молво, М. С. Перекусихиной. Замѣчательно также, что въ концѣ Англійской набережной всегда жили придворные лейбъ-медики — такъ здѣсь имѣлъ свой домъ лейбъ-медикъ Екатерины II Роджерсонъ, затѣмъ проживалъ лейбъ-медикъ императора Александра I баронетъ Виллье, и въ наши дни, имѣетъ здѣсь домъ свѣтило врачебной науки нынѣшняго царствованія С. П. Боткинъ. Въ этой также мѣстности просуществовалъ болѣе 81 года банкирскій домъ барона Штиглица. Приводимъ кстати оригинальное обстоятельство, касающееся англійской церкви, существующей рядомъ съ домомъ Штиглица. Въ первое время, и даже въ сороковыхъ годахъ, на ея молитвенникахъ была напечатана надпись: Englisch Factory at St.-Petersbourg, чѣмъ англичане какъ бы примѣняли Петербургъ къ своимъ колоніямъ на берегахъ Тихаго Океана или Африки. На мѣстѣ теперешней англійской церкви стоялъ въ былые годы домъ сподвижника Петра Великаго, Б. П. Шереметева. Славный генералъ-фельдмаршалъ графъ Б. П. Шереметевъ умеръ въ Москвѣ. Онъ завѣщалъ предать свое тѣло землѣ въ Кіевѣ, въ лаврѣ, но по волѣ Петра I тѣло его перевезено изъ Москвы въ Петербургъ и похоронено въ Невской лаврѣ, въ Лазаревской церкви. Петръ Великій не хотѣлъ разстаться и съ останками своего сподвижника и друга и желалъ подарить ихъ своей новой столицѣ въ воспоминаніе его знаменитыхъ дѣлъ. За гробомъ Шереметева отъ Москвы до Петербурга слѣдовали пѣшкомъ два полка, впродолженіе шести недѣль.

Въ описываемую нами эпоху, всѣ дома на Англійской набережной были каменные, въ два и три этажа, не имѣя воротъ на набережную; вороты были только въ одномъ домѣ г-жи Плещеевой; до 1800 года въ Петербургѣ лучшіе дома строились въ два этажа и рѣдко въ три, это продолжалось до 20-хъ годовъ, потомъ постепенно дома стали рости въ верхъ. Первый домъ въ пять этажей былъ выстроенъ въ 1830 году Звѣрковымъ у Кокушкина моста и на него въ первое время приходили смотрѣть, какъ на рѣдкость [152]). До настоящаго времени на Англійской набережной нѣтъ ни одного магазина, и только


А. Зубчаниновъ

Дворцовая набережная въ началѣ прошлаго столѣтія.

Съ гравюры того времени Зубова.

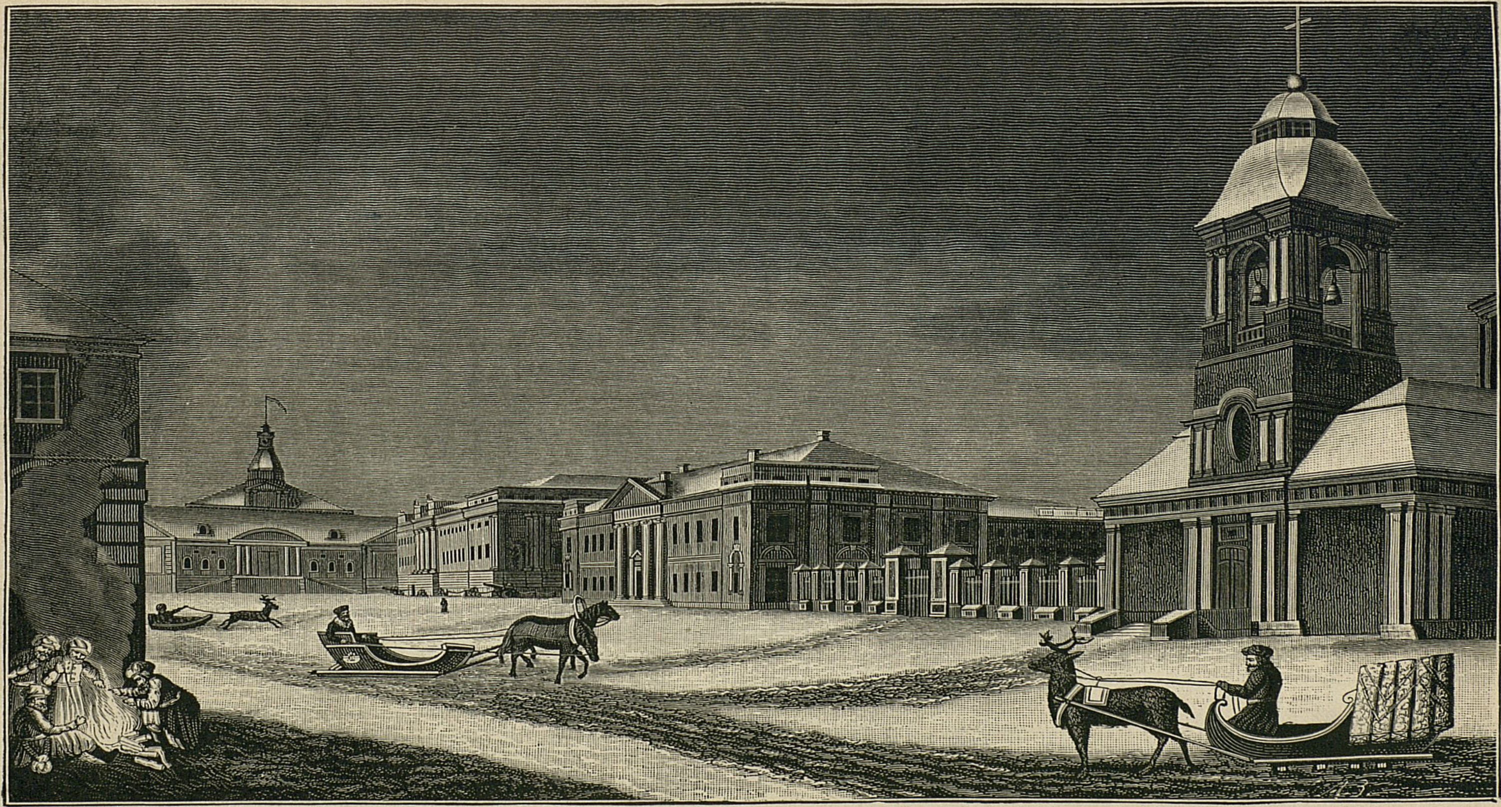
сравнительно недавно здѣсь поселились вывѣски банковъ и купеческихъ конторъ.

Впрочемъ, въ пятидесятыхъ годахъ, въ угловомъ домѣ, бывшемъ Вонлярлярскаго, гдѣ теперь помѣщается аптека, существовалъ недолго ресторанъ Бореля; въ домѣ, гдѣ теперь военная академія, квартировала встарину коллегія иностранныхъ дѣлъ.

Въ началѣ текущаго столѣтія, Петербургъ, полный еще богатымъ барствомъ былаго царствованія Екатерины II, жилъ открытыми домами, хлѣбосольно, на распашку. Въ эту эпоху почти ежедневно у кого нибудь изъ вельможъ давались праздники и большіе обѣды, на которые стекались „званые и не званые". Дома такихъ баръ были еще живою лѣтописью прежняго славнаго царствованія; по большимъ праздникамъ здѣсь отставные военные гости[153]) являлись въ пудрѣ, въ красныхъ камзолахъ, съ золотыми позументами и разнообразными обшлагами. На этихъ парадныхъ пиршествахъ толпы раззолоченныхъ слугъ толпились по заламъ съ явствами и питіями. Хоры и оркестры крѣпостныхъ артистовъ гремѣли побѣдоносными маршами и польскими. Богатый помѣщичій бытъ еще блисталъ внѣшнею пышностью.

Когда гость пріѣзжалъ въ домъ такого амфитріона, то въ передней тридцать или сорокъ слугъ, въ богатыхъ ливреяхъ, кидались снимать съ него шубу. Затѣмъ въ концѣ цѣлаго блестящаго ряда изукрашенныхъ и ярко освѣщенныхъ комнатъ, показывался хозяинъ, съ сановитою почтительностью медленно шелъ къ гостю навстрѣчу, въ дверяхъ передней, съ постоянными поклонами, бралъ его подъ руку и провожалъ къ столу, установленному водками, икрою, хрѣномъ, сыромъ, маринованными сельдями и т. д. Кругомъ стола обыкновенно стояло все общество и лакомилось въ ожиданіи картъ, за которыми обыкновенно сидѣли почти до утра. По окончаніи закуски, каждый мужчина подставлялъ свой локоть дамѣ, и вся эта процессія, изъ сорока, пятидесяти и болѣе паръ, торжественно выступала подъ звуки полонеза и садилась за четырехъ-часовое обѣденное пиршество[154]). Вся женская прислуга, образующая цѣлый хоръ, стояла толпою въ дверяхъ и пѣла пѣсни съ акомпанементомъ скрипокъ и другихъ инструментовъ. Малолѣтнія дѣти дворовыхъ, въ костюмахъ китайскихъ, арабскихъ, черкесскихъ, калмыцкихъ и т. д. бѣгали кругомъ стола. Гости одѣляли ихъ сластями. Послѣ обѣда слѣдовали танцы. Въ дверяхъ и въ углахъ комнатъ тѣснились дѣти хозяевъ, разряженные какъ куклы въ новыя платья, съ пудрою, съ ихъ наставниками-французами. Послѣдніе слѣдили издали за ихъ первыми шагами въ обществѣ.

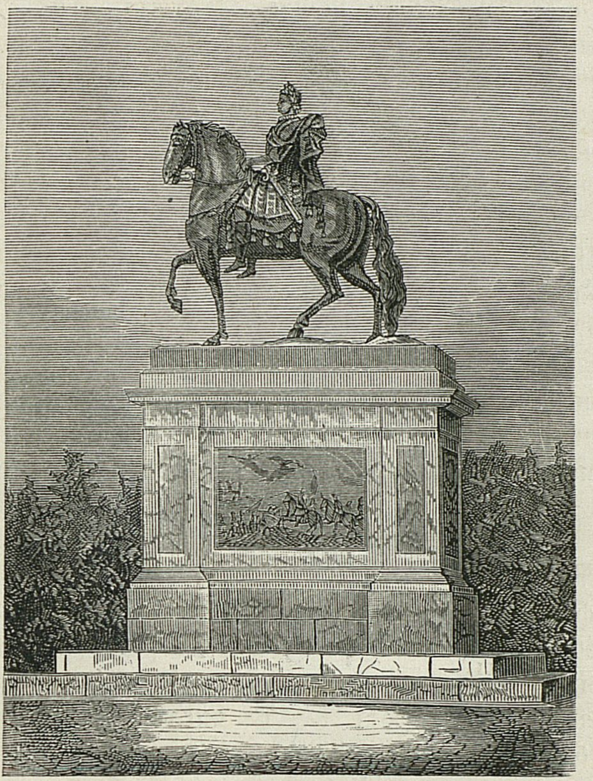
Въ числѣ домовъ такихъ вельможъ, въ двадцатыхъ годахъ, жилъ роскошно въ своемъ громадномъ домѣ, на углу Исаакіевской площади и Малой Морской (теперь домъ военнаго министерства), блестящій вельможа Александровской эпохи, князь Александръ Яковлевичъ Лобановъ-Ростовскій. Домъ князя, великолѣпно отдѣланный въ стилѣ „empire“, вмѣщалъ нѣсколько рѣдкостныхъ музеевъ; князь имѣлъ рѣдкую, даже въ Европѣ, библіотеку, въ которой, въ числѣ многихъ историческихъ отдѣловъ, былъ одинъ, гдѣ было собрано все, что было писано, на всѣхъ языкахъ, о жизни несчастной королевы Маріи Стюартъ. Впослѣдствіи, по смерти жены, когда князь задумалъ продать свою библіотеку и большой свой домъ, то не нашлось покупщика, и Лобановъ уже предполагалъ разыграть ее вмѣстѣ съ домомъ въ лотерею, по рублю за билетъ, выпустивъ билетовъ на милліонъ рублей, но императоръ Николай не допустилъ лотереи, и купилъ какъ домъ, такъ и библіотеку; за послѣднюю государь назначилъ князю пожизненную пенсію. Князь Лобановъ былъ женатъ на самой богатой невѣстѣ въ Россіи — графинѣ Клеопатрѣ Ильинишнѣ Безбородко. Лобановъ въ высшемъ обществѣ пользовался всеобщею любовью; это былъ прямодушный человѣкъ, безупречнаго, благороднаго характера. Князь служилъ флигель-адъютантомъ у императора Александра I; съ вступленіемъ на престолъ императора Николая, онъ какъ-то заслужилъ выговоръ новаго государя, явившись во дворецъ въ старой формѣ. Послѣ чего князь вышелъ въ отставку и долго жилъ въ Парижѣ. Здѣсь онъ предался страстно охотѣ вмѣстѣ съ друзьями своими княземъ Голицынымъ и Бутурлинымъ, арендовалъ знаменитый королевскій паркъ Фонтенебло. Лобановъ жилъ въ этомъ замкѣ поцарски, каждый вечеръ приглашалъ первыхъ артистовъ къ себѣ на ужины. Почтовыя тройки, въ русской упряжи, привозили актеровъ. Эти пиры нашихъ русскихъ баръ заставили говорить весь Парижъ. Князь Лобановъ, вмѣстѣ съ княземъ Тюфякинымъ (бывшій директоръ театровъ), основалъ въ Парижѣ яхтъ-клубъ, гдѣ онъ и былъ долго командоромъ. Въ числѣ различныхъ рѣдкостей, которыми владѣлъ князь Лобановъ, у него была превосходнѣйшая коллекція драгоцѣннѣйшихъ тростей и палокъ, принадлежавшихъ королямъ и другимъ историческимъ лицамъ. Эту коллекцію впослѣдствіи у него пріобрѣлъ графъ Воронцовъ-Дашковъ.



Видъ Арсенала и Литейнаго двора въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Съ гравюры Мальтона 1798 года.

Подъ конецъ своей жизни князь Лобановъ жилъ въ Петербургѣ, на углу Большой Морской и Гороховой улицы, въ домѣ Штрауха, гдѣ и давалъ одинъ разъ въ годъ, великимъ постомъ, роскошный раутъ для мужчинъ. На этомъ великосвѣтскомъ раутѣ устроивали всегда турниръ на билліардѣ. Въ то время въ знатныхъ русскихъ домахъ вездѣ были заведены билліарды, въ подражаніе французамъ. Иностранные посланники и другіе высокіе гости состязались на билліардѣ во фракахъ и со всѣми звѣздами. Маркеромъ у игроковъ былъ, извѣстный въ то время, Тюринъ, изъ англійскаго клуба. Побѣдителемъ на этихъ турнирахъ былъ всегда графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ.

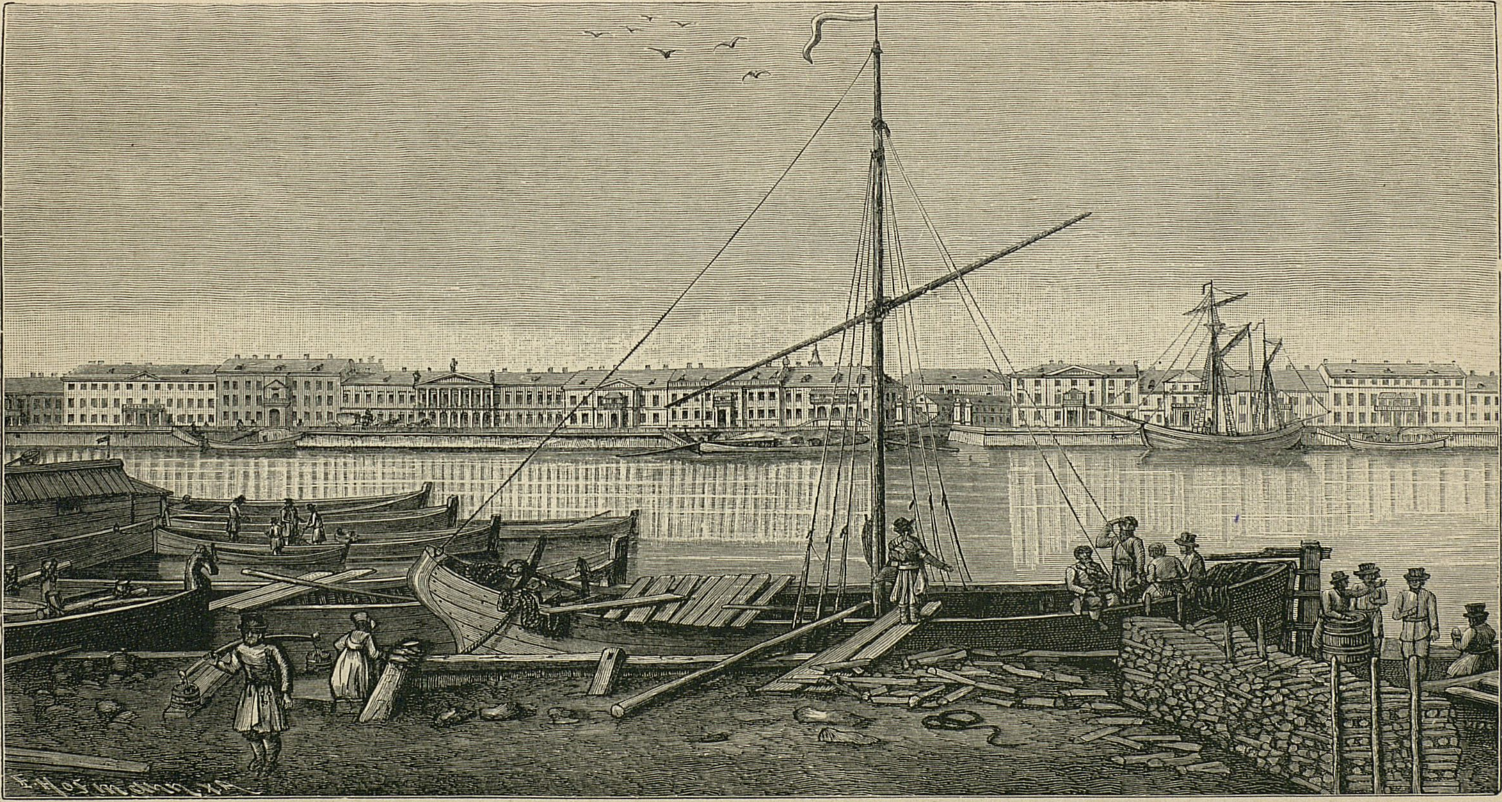


Памятникъ Петру Великому на площади у Инженернаго замка въ Петербургѣ.

Съ фотографическаго снимка.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, сталъ въ Петербургѣ гремѣть своими пирами домъ канцлера Безбородко. Домъ князя Александра Андреевича стоялъ въ Ново-Исаакіевской улицѣ;

прежде на этомъ мѣстѣ было подворье Курско-Знаменскаго монастыря. Безбородко купилъ его въ 1781 году за 6,000 р. Въ это время канцлеромъ были куплены для возникавшаго въ то время почтамта домъ графа Ягужинскаго за 30,000 рублей и еще два пустыя мѣста, принадлежащія профессору Урсиносу и нотаріусу Медеру. Домъ Безбородко блисталъ какъ внутреннимъ, такъ и наружнымъ великолѣпіемъ — на одну его картинную галлерею, какъ выражался потатарски канцлеръ, „чекъ акча вирды“, т. е. много денегъ пошло. Наружный видъ дома поражалъ своими четырьмя, стоявшими при входѣ, колоннами изъ полированнаго гранита, съ бронзовыми основаніями и капителями, мраморнымъ на верху балкономъ съ бронзовыми перилами, задняя часть котораго выходила на большую Исаакіевскую улицу. Князь обладалъ большимъ вкусомъ и пріобрѣталъ почти ежедневно новыя художественныя вещи и украшалъ ими свое жилище. По свойству построекъ его дома, какъ писалъ Реймерсъ[155]), видно, что онѣ возникали одинъ салонъ за другимъ, одна галлерея за другою. Особенно красивы были въ домѣ Безбородко столовая и танцовальная зала, великолѣпна была и большая парадная зала, съ колоннами подъ мраморъ, превосходно исполненная по проекту архитектора Гваренги. По обѣимъ сторонамъ этой залы стояли двѣ большія мраморныя вазы, сдѣланныя въ Римѣ, съ барельефными фигурами. По обѣимъ сторонамъ другихъ стѣнъ возвышались двѣ высокія, почти до потолка этажерки, сверху до низу уставленныя рѣдчайшимъ китайскимъ фарфоромъ. Въ комнатахъ была разставлена замѣчательная мебель, нѣкогда украшавшая дворцы французскихъ королей; въ началѣ революціи она была вывезена, и ее успѣлъ купить князь за большую цѣну. Въ числѣ комнатныхъ украшеній здѣсь были: бюро, жирандоли, вазы, урны, гобеленовыя занавѣсы и шелковыя матеріи на креслахъ любимаго кабинета несчастной Маріи-Антуанеты изъ Малаго Тріанона. Великолѣпная люстра изъ горнаго хрусталя, взятая изъ Palais-Royal'я герцога Орлеанскаго, и чрезвычайно рѣдкая мебель съ художественной инкрустаціею работы Шарля Буля, бронзовыя статуи работы Гудена и затѣмъ замѣчательная по своей большой величинѣ севрская ваза бирюзоваго цвѣта съ прекраснѣйшими украшеніями изъ бронзы и бѣлаго бисквита. Канцлеръ купилъ ее почти за безцѣнокъ, за 12,000 р. Рядомъ съ кабинетомъ съ мебелью несчастной королевы французской стояли превосходные севрскіе сервизы. Стѣны парадной спальни канцлера были обиты


E. Hofmann. x.a.

Видъ Англійской набережной съ Васильевскаго острова, въ концѣ прошлаго столѣтія.

Съ гравюры Патерсона 1796 года.

краснымъ бархатомъ и отдѣланы бронзовыми украшеніями; въ нишѣ здѣсь помѣщались бюстъ императора Павла I, а на двухъ сторонахъ двери два портрета императрицы и императора. Передъ бюстомъ Павла на цоколѣ стояло прекрасное серебряное атланто, съ медалями россійскихъ государей въ знакъ благодарности. Въ голубой бархатной гостиной висѣлъ портретъ императрицы Екатерины, работы Левицкаго. Государыня изображена во весь ростъ, стоитъ она подлѣ жертвенника, на которомъ курится ѳиміамъ изъ маковыхъ цвѣтовъ, а на столѣ возвышается пьедесталъ съ медалями ея царствованія; здѣсь же помѣщалась чаша работы Бунцеля. За этой комнатой находилась обыкновенная спальня князя, въ которой онъ и умеръ. Послѣ смерти канцлера, тамъ былъ поставленъ за рѣшеткою бюстъ покойнаго, изъ бѣлаго мрамора, работы Шубина. Замѣчательны особенно были въ спальнѣ 22 картины Вернета съ изображеніемъ по большей части морскихъ видовъ. Въ картинную галлерею входъ былъ изъ танцовальной залы, гдѣ при входѣ особенное вниманіе заслуживала статуэтка изъ бѣлаго карарскаго мрамора съ изображеніемъ амура работы Фальконета, подъ амуромъ виднѣлась слѣдующая надпись:

„Qui que tu sois, voici ton maître
Il l'est, le fut, ou doit l'être".

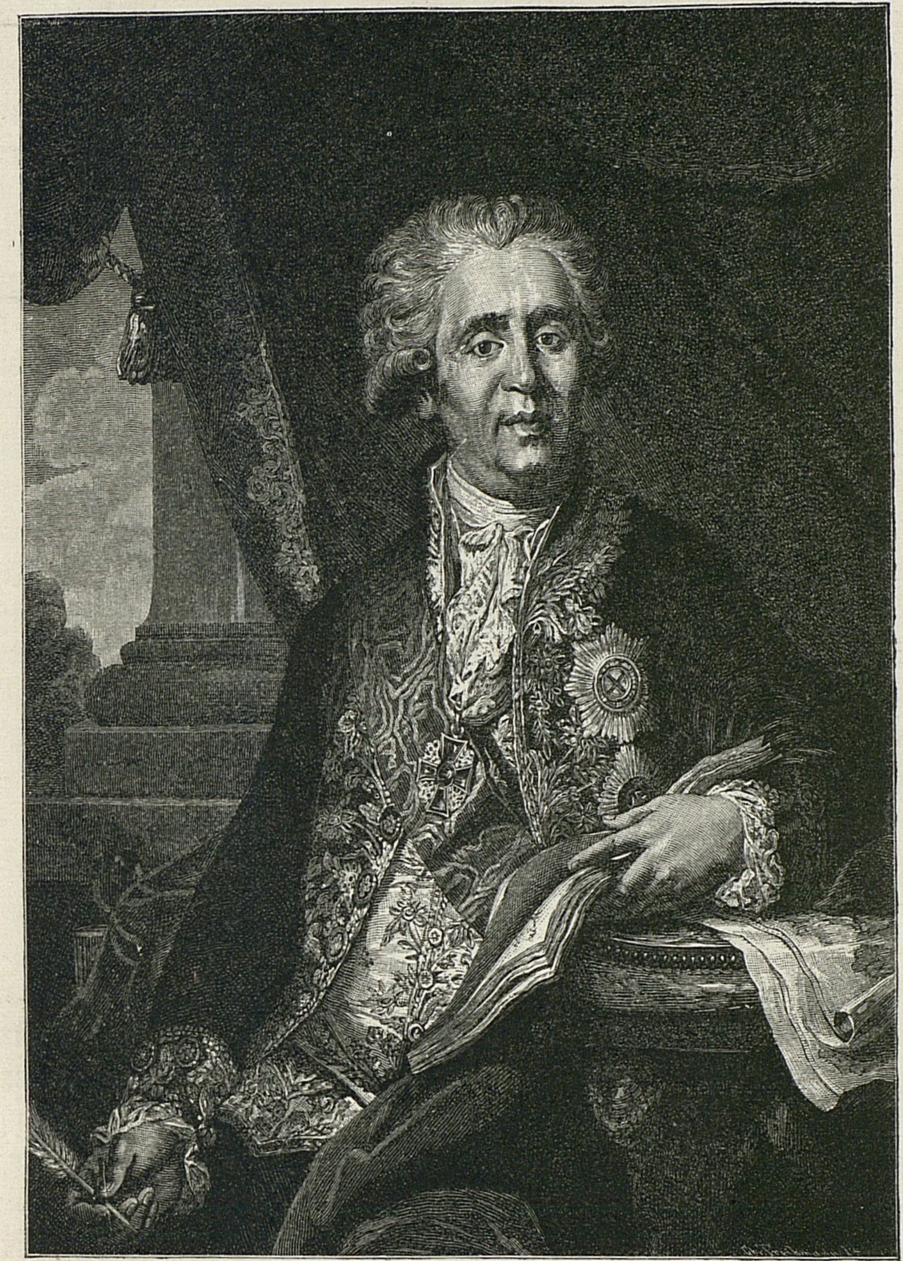
По смерти Безбородко, купидонъ достался его брату, И. А. Безбородко. Въ настоящее время эта статуя хранится въ императорскомъ Эрмитажѣ.

Въ каталогѣ галлереи Безбородко было 330 оригинальныхъ картинъ, большая часть которыхъ принадлежала нѣкогда герцогу Орлеанскому и частью послѣднему королю польскому. Помимо этихъ богатствъ, въ домѣ Безбородко было большое собраніе великолѣпныхъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣннѣйшихъ плато, особенно одно было необыкновенно изящно, съ изображеніемъ храма Геркулеса, съ колоннами изъ лаписъ-лазури. Затѣмъ еще въ нынѣшней церкви почтамта, помѣщающейся теперь въ бывшей танцовальной залѣ князя, имѣются древнія иконы: Спаситель въ Эммаусѣ, работы Рубенса, Положеніе Спасителя во гробъ, икона Страстей Господнихъ, великомученица Варвара, взятіе Богородицы на небо и еще нѣкоторыя. Во время управленія почтамтомъ княземъ А. Н. Голицынымъ, богослуженіе въ этомъ храмѣ отличалось необыкновенной торжественностью: церковь освѣщалась лампадами, а въ алтарѣ горѣли особенные свѣтильники, разливая неяркій свѣтъ, какъ въ римскихъ катакомбахъ, во времена первыхъ дней христіанства, также и хора пѣвчихъ не было видно. Стройное пѣніе неслось откуда-то издалека, невидимо. Домъ, въ которомъ жилъ Безбородко, можно было назвать цѣлымъ музеемъ. Канцлеръ не жалѣлъ денегъ на пріобрѣтеніе картинъ, статуй и другихъ рѣдкостей искусства.

Безбородко былъ самый привѣтливый и радушный хозяинъ; на его обѣдахъ, балахъ и праздникахъ собирались всѣ знатнѣйшіе иностранцы, первые сановники и образованные люди. Вельможа-холостякъ иногда устроивалъ вечера, которые ему обходились въ 50,000 рублей[156]). Во время такихъ празднествъ ставились горки золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ въ 6 футовъ вышиной и 3 фута въ ширину. Въ кругу людей близкихъ и родныхъ онъ былъ всегда веселъ, откровененъ и увлекателенъ, но на парадныхъ собраніяхъ нѣсколько неловокъ и тяжелъ. Терещенко (см. „Жизнь сановниковъ“) разсказываетъ про него, что онъ, являясь къ императрицѣ въ щегольскомъ французскомъ кафтанѣ придворнаго, нерѣдко не замѣчалъ осунувшихся чулковъ и оборвавшихся пряжекъ на своихъ башмакахъ. Гулялъ же по городу Безбородко всегда въ простомъ синемъ сюртукѣ, въ круглой шляпѣ и съ тростью, съ золотымъ набалдашникомъ. Графъ Комаровскій пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „На обѣдахъ его, кромѣ знатныхъ гостей, обыкновенное общество его состояло изъ живущихъ въ его домѣ. Ничего не было пріятнѣе слышать разговоръ Безбородко; онъ былъ одаренъ памятью необыкновенною и любилъ за столомъ много разсказывать, въ особенности о фельдмаршалѣ графѣ Румянцовѣ. Безбородко особенно покровительствовалъ своимъ землякамъ-малороссамъ; пріемная его была постоянно наполнена ими, пріѣзжавшими искать мѣстъ и опредѣлять дѣтей. Канцлеръ имѣлъ доброе сердце и никогда не отказывалъ просителямъ, хотя нерѣдко и забывалъ просьбы просителей. По разсказамъ, онъ имѣлъ привычку повторять послѣднія слова просителей: „не оставьте! не забудьте“. На просьбу одного просителя о дѣлѣ, которое должно было рѣшиться на другой день, „не забыть“, Безбородко отвѣчалъ: — „Не забуду, не забуду“. — „Да вы, графъ, забудете“, — слезно замѣчалъ его проситель. — „Забуду, забуду“, — подтверждалъ Безбородко, любезно отпуская просителя. Иногда онъ успокоивалъ просителя словами: „Будьте, батюшка, благонадежны“, которыя обыкновенно произносились настоящимъ малороссійскимъ выговоромъ“. Н. Григоровичъ (см. его книгу: „Канцлеръ Безбородко“) разсказываетъ нѣсколько анекдотовъ по этому случаю. Разъ, одинъ изъ названныхъ просителей серьезно обратился къ вельможѣ съ просьбою опредѣлить его въ должность театральнаго капельмейстера, „чтобы палочкой махать, да по шести тысячъ брать“; снисходительный сановникъ только ласково улыбался и объяснялъ просителю, что для маханья палочкой въ оркестрѣ и полученія шести тысячъ нужно знать музыку, хотя немножко. Другой разъ, работая у себя въ кабинетѣ, Безбородко услышалъ въ пріемной комнатѣ топанье ногъ и протяжное зѣваніе съ разными переливами голоса; осторожно взглянувъ въ полуотворенную дверь, онъ увидалъ толстаго земляка, съ добродушной физіономіей, явно соскучившагося отъ ожиданія. Вельможа улыбался, глядя изъ-за двери, какъ посѣтитель, не привыкшій ждать никогда, все потягивался, зѣвалъ, смотрѣлъ картины и, наконецъ, соскучившись окончательно, принялся ловить мухъ. Одна изъ нихъ особенно заняла малоросса, и онъ долго гонялся за ней изъ угла въ уголъ; улучивъ затѣмъ минуту, когда назойливое насѣкомое сѣло на огромной вазѣ, охотникъ поспѣшно размахнулся и хватилъ рукою. Ваза слетѣла съ пьедестала, загремѣла и разбилась въ дребезги. Гость поблѣднѣлъ и потерялся, а Безбородко вышелъ въ пріемную и, ударивъ по плечу малоросса, ласково сказалъ: „Чи, поймавъ?“. Иногда масса одолѣвавшихъ Безбородко просителей заставляла его уходить по черной лѣстницѣ, но и въ такихъ случаяхъ хитрые малороссы не терялись, и разъ одинъ изъ земляковъ Безбородко, не заставъ его дома, забрался въ его карету, стоявшую у крыльца. Канцлеръ былъ крайне удивленъ, найдя въ каретѣ просителя, но, узнавъ дорогой о нуждѣ земляка, сдѣлалъ ему угодное. Безбородко былъ большой любитель карточной игры и нерѣдко цѣлыя ночи проводилъ за зеленымъ столомъ; въ картежной игрѣ онъ не былъ счастливъ. Безбородко также очень любилъ пѣніе русскихъ пѣсенъ. У него почти жилъ тульскій купецъ Ив. Гавр. Рожковъ, сынъ знаменитаго нѣкогда барышника лошадьми и поставщика ихъ ко двору. Этотъ Иванъ Рожковъ обладалъ превосходнымъ голосомъ и до такой степени былъ мастеръ пѣть русскія пѣсни, что, какъ говоритъ С. П. Жихаревъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, вошелъ даже въ пословицу: „поетъ, какъ Рожковъ“, говорили про пѣвца, котораго хотѣли похвалить. Но даръ пѣсенъ былъ только второстепеннымъ качествомъ Рожкова, а главнымъ — были необыкновенное удальство, смѣлость и молодечество. Это-то и сблизило его съ тогдашними знаменитыми гуляками: графомъ В. Д. Зубовымъ, Л. Д. Измайловымъ, А. А. Безбородко. Разъ, эти господа держали за него пари въ тысячу рублей, что онъ, Рожковъ, на своемъ сибирскомъ иноходцѣ, въѣдетъ въ четвертый этажъ одного дома въ Мѣщанской, въ квартиру балетной танцовщицы Ол. Дм. Каратыгиной, дочери эконома театральнаго училища (послѣдняя жила съ канцлеромъ, впослѣдствіи она вышла замужъ за правителя его канцеляріи, статскаго совѣтника Н. Е. Ефремова, который за ней получилъ домъ и значительную сумму денегъ). Рожковъ не только въѣхалъ, но, выпивъ залпомъ бутылку шампанскаго, не слѣзая съ лошади, и тою же лѣстницею съѣхалъ обратно на улицу. Тысяча выигранныхъ рублей была наградою Рожкова. Этотъ подвигъ у петербургской Аспазіи передавалъ герой Жихареву слѣдующими словами: „Когда я взъѣхалъ къ ней въ фатеру, окружили меня гости, особъ до десяти будетъ, да и кричатъ: браво, Рожковъ! шампанскаго! И вотъ ливрейный лакей подаетъ мнѣ на подносѣ налитую рюмку; но барышня сама схватила эту рюмку и выпила не поморщась, примолвивъ: это за твое здоровье, а тебѣ подадутъ цѣлую бутылку“.

Любовь къ прекрасному полу въ тотъ вѣкъ была въ большой модѣ, и ею отличались почти всѣ придворные современники Безбородко. О жизни канцлера на его дачѣ въ Полюстровѣ и о существовавшемъ тамъ крѣпостномъ гаремѣ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ. Все сказанное нами о петербургскомъ домѣ Безбородко, богатомъ художественными коллекціями, не можетъ равняться съ московскимъ его домомъ по великолѣпію и роскоши. Послѣдній былъ купленъ императоромъ Павломъ и назывался Слободскимъ дворцомъ, отъ Нѣмецкой слободы, въ которой находится. По величинѣ и по внутреннимъ украшеніямъ онъ былъ первый въ Москвѣ. Путешественники, видѣвшіе Сенъ-Клу, утверждали, что въ украшеніи Безбородкина дворца и болѣе пышности, и болѣе вкуса. Послѣ смерти Безбородко, въ петербургскомъ его домѣ жилъ директоръ почтоваго департамента К. Булгаковъ. Это былъ тоже типъ вельможи прошлаго вѣка, и богатые аппартаменты канцлера жили опять жизнью придворнаго человѣка стараго времени. Должность Булгакова доставляла ему ежегоднаго дохода до 100,000 рублей, источникомъ котораго была подписка на иностранныя газеты.

Изъ домовъ нашей русской знати, отражавшихъ старинный блескъ царствованія Екатерины Великой, былъ извѣстенъ домъ еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ Малой Морской, на мѣстѣ, которое теперь занимаетъ гостинница „Грандъ



ALEXANDRE COMTE DE BESBORODKA
Grand Maitre de la Cour de Sa Majesté Imperiale de toutes les Russies
Son Conseiller privé Actuel Directeur general des postes Chevalier des Ordres de S.t André de S.t Alexandre Nevsky
et Grand Croix de celui de S.t Vladimir.
gravé d'après l'original dans sa collection peint par le professeur Lampi

Графъ А. А. Безбородко.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Лампи.

Отель", каменный двухъ-этажный домъ Сер. Вас. Салтыкова. Этотъ вполнѣ барскій домъ былъ построенъ итальянцемъ-архитекторомъ Вендрамини. Входъ въ него велъ прямо съ тротуара въ роскошныя, длинныя сѣни, между колонами которыхъ вѣчно пылалъ каминъ. Къ Салтыкову, по вторникамъ, собиралось высшее общество столицы на танцовальные вечера, на которыхъ игралъ его собственный бальный оркестръ. Эти вторники въ петербургскомъ обществѣ называли „Les mardis européens". Помимо вторниковъ, къ изысканному, богатому столу Салтыкова можно было имѣть свободный доступъ всякому дворянину, но должно было являться только во фракѣ. Салтыковъ былъ очень состоятельный человѣкъ, онъ владѣлъ богатѣйшей коллекціей табакерокъ, которыя, по большей части, были всѣ историческія, пріобрѣталъ онъ ихъ за дорогую цѣну въ Парижѣ и Лондонѣ, содержа съ этою цѣлью агентовъ за границей. Салтыковъ любилъ нюхать табакъ и каждый день бралъ новую табакерку, одну богаче другой, изъ своей коллекціи; онъ любилъ, чтобъ ихъ замѣчали, и тогда съ большимъ удовольствіемъ разсказывалъ исторію каждой. Въ его домѣ была также богатѣйшая библіотека, заключавшая всевозможныя книжныя рѣдкости. Салтыковъ былъ библіотафъ и не позволялъ даже никому прикасаться къ своимъ книгамъ; онъ каждый день ходилъ отъ 3-хъ часовъ до 6-ти по книжникамъ, гдѣ отбиралъ все, что ему казалось интереснымъ. Въ его библіотекѣ хранились подлинныя записки ювелировъ Бемеровъ по поводу ожерелья королевы Маріи-Антуанеты, съ раскрашеннымъ рисункомъ ожерелья въ его натуральную величину, съ описаніемъ всѣхъ его большихъ, пріобрѣвшихъ историческую извѣстность, алмазовъ. Помимо множества мелкихъ брилліантовъ, было семнадцать великолѣпныхъ брилліантовъ, почти въ орѣхъ величиною. Это была собственно не книга, но переплетенное собраніе тѣхъ судебныхъ документовъ, которые были напечатаны и изданы разными сторонами, замѣшанными въ этомъ знаменитомъ процессѣ объ ожерельѣ. Эти бумаги, переплетенныя въ два тома in quarto, съ портретами, картинами, замѣтками и разными пѣснями и стихотвореніями, иногда самаго непечатнаго свойства, и составляли это „Affaire du Collier". Второй томъ, озаглавленный „Suite de l'affaire du Collier", былъ еще курьезнѣе, онъ относился къ интригѣ и процессу нѣкоего Bette d'Etienville, выставляющаго себя бѣднымъ молодымъ парнемъ, котораго похитили и, съ повязкою на глазахъ, ввели къ прелестнымъ дамамъ и пригласили отыскивать для нихъ мужей;

принявшись за это дѣло, онъ былъ мало-по-малу одураченъ и отуманенъ, безъ всякаго сомнѣнія, стараясь одурачивать и отуманивать другихъ, гдѣ ни попало, и все это вслѣдствіе этого процесса объ ожерельѣ и того шума, который онъ надѣлалъ.

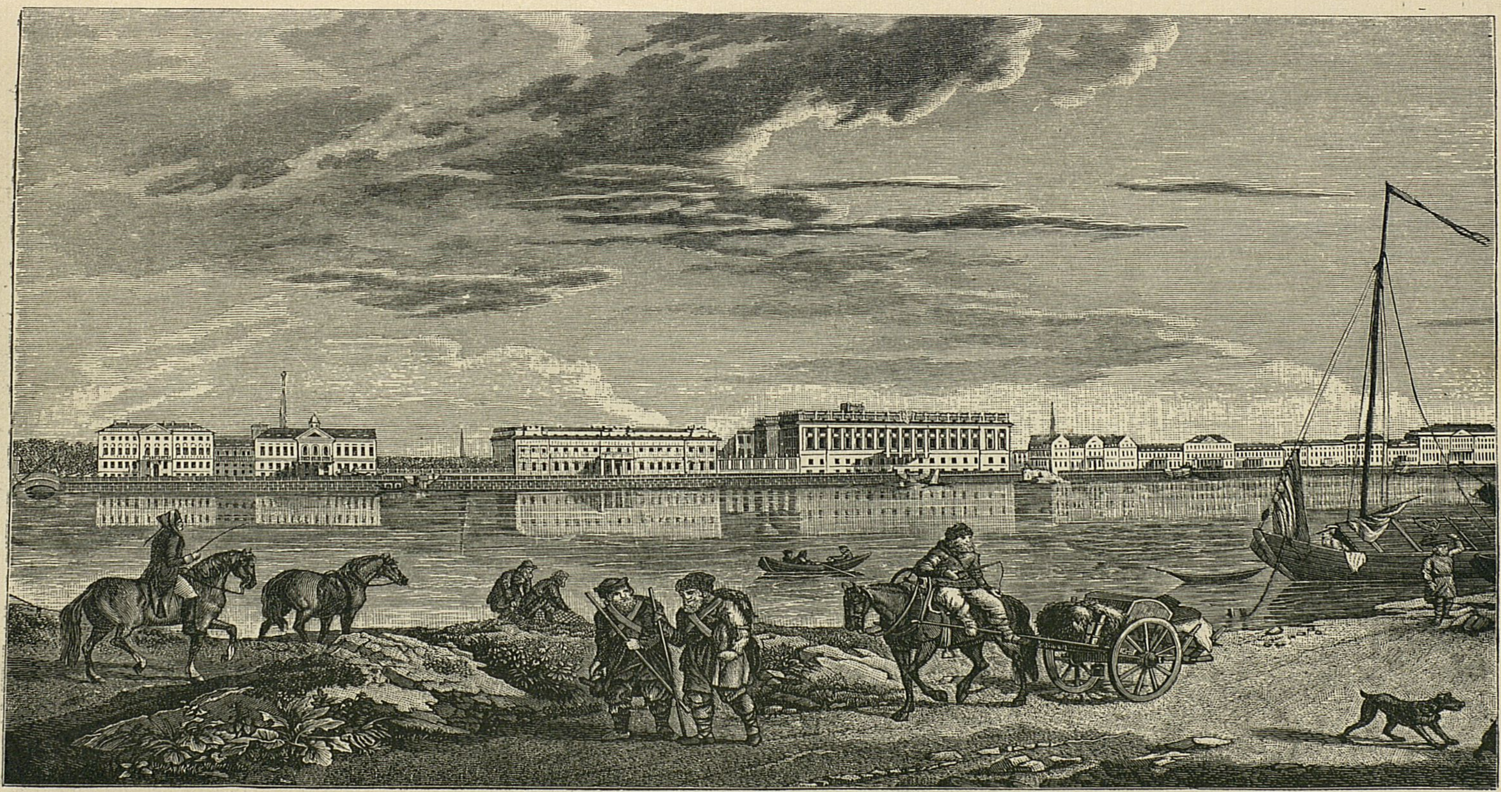
Салтыковъ очень любилъ разсказывать разныя невѣроятныя вещи изъ нашей новѣйшей исторіи, въ которыя очень искусно приплеталъ дѣйствительно совершившіеся факты. Нерѣдко эти разсказы выходили очень нецензурными. Но постоянный его гость, графъ Бенкендорфъ, нанимавшій себѣ квартиру близь Салтыкова, говаривалъ либеральному хозяину: „Покуда я живу возлѣ васъ, вы можете быть покойны". Въ тѣ годы, Салтыковъ, какъ и всѣ баре, розыгрывалъ роль недовольнаго. Въ дѣтствѣ Салтыковъ воспитывался вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола Александромъ Павловичемъ, и какъ-то, играя съ нимъ, забылся противъ своего высокаго товарища, и былъ удаленъ изъ дворца. Чиномъ онъ былъ только корнетъ. Наружность имѣлъ красивую, типъ стараго придворнаго барина, голову держалъ всегда внизъ, отчего казался горбатымъ. Онъ никогда нигдѣ не бывалъ, ни на балахъ, ни въ театрахъ, за исключеніемъ часовъ прогулки, остальное время проводилъ все въ своемъ кабинетѣ, который называлъ „мое инкогнито". Салтыковъ умеръ въ 1846 году. Послѣ его смерти все движимое и недвижимое его имѣніе было продано. Его богатая библіотека долго продавалась въ Москвѣ, у Готье [157]).

Дочь этого Салтыкова была пожалована во фрейлины въ 1826 году, и когда явилась во время коронаціи императора Николая Павловича въ Москвѣ, на балѣ, то обратила на себя общее вниманіе медальономъ, въ которомъ былъ вдѣланъ рѣдкій и извѣстный камей, исчезнувшій изъ придворной коллекціи въ пятидесятыхъ годахъ XVIII вѣка. Онъ достался ей отъ покойнаго дѣда, Елисаветинскаго камергера.

Въ той же Малой Морской, въ началѣ восьмисотыхъ годовъ, существовалъ еще одинъ барскій домъ, хотя не такой роскошной наружности, гдѣ самый высшій петербургскій кругъ встрѣчался съ второстепеннымъ и даже съ третьеклассньмъ. Люди всѣхъ состояній знали домъ Асафа Ивелича Арбенева, генералъ-аншефа въ отставкѣ. Честный и добрый старикъ былъ служакой при Екатеринѣ, оттого онъ казался очень страннымъ въ гостиныхъ, всѣ его манеры отзывались фронтомъ. Онъ долго командовалъ Измайловскимъ полкомъ и при Павлѣ вышелъ въ отставку. Жена его, Марѳа Ивановна, не смотря на свои преклонные года, очень любила молодиться и краситься и дѣлала это единственно для того, чтобы лучше понравиться мужу, съ которымъ они жили какъ голубки. Ей Державинъ посвятилъ слѣдующее восьмистишіе:

Ну же, муза! ну, ну, ну!
Настрой арфу,
Воспой Марѳу
Мнѣ, Арбенева жену.
Что Марѳа прекрасна,
Въ томъ муза согласна;
Что Марѳа умна,
Въ томъ муза скромна.

По словамъ Вигеля, знатные люди говорили, что ѣздятъ въ домъ Арбенева посмѣяться, а если бы сказать правду, то для того, чтобы повеселиться. Радушіе въ этомъ домѣ было старинное, всякій вечеръ наѣдетъ молодежь, домъ набьется биткомъ, все засмѣется, все запляшетъ; правда, зажгутся сальныя свѣчи, для прохлады разнесется квасъ; ужъ ничего прихотливаго не спрашивай въ угощеніи, но за то веселье, самое живое веселье, которое, право, лучше одной роскоши, замѣнившей его въ настоящее время.



Видъ набережной Невы и дома князя Г. Г. Орлова (нынѣ Мраморный дворецъ) въ концѣ прошлаго столѣтія.

Съ гравюры того времени Эйхлера.

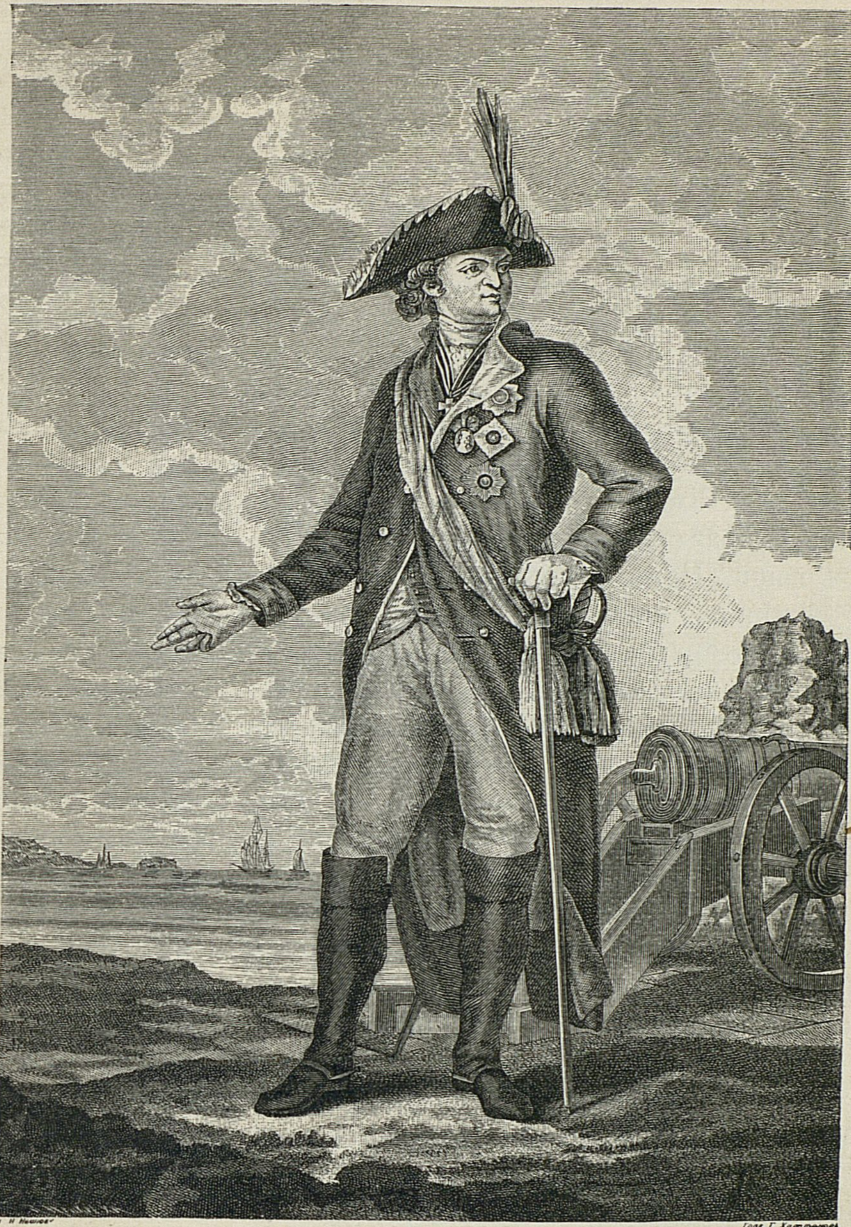
ГЛАВА XIII.

Таврическій дворецъ, или „Конногвардейскій домъ“.—Передѣлка дворца Потемкинымъ. — Празднованіе въ немъ взятія Измаила. — Приготовленія во дворцѣ къ большому празднеству. — Участіе Державина. — Празднество. — Число приглашенныхъ на праздникъ. — Убранство дворца. — Столы съ яствами. — Танцы и балетъ. — Печаль Потемкина. — Отъѣздъ его въ армію. — Платонъ Зубовъ. — Вѣсть о смерти Потемкина. — Подробности о его кончинѣ. — Стихи Державина на его смерть. — Горе императрицы. — Похороны Потемкина. — Церемоніалъ. — Дальнѣйшая судьба останковъ Потемкина. — Осмотръ могилы. — Описаніе склепа. — Коммиссія объ изслѣдованіи мѣста погребенія Потемкина. — Судьба Таврическаго дворца при императорѣ Павлѣ. — Модель Кулибинскаго моста. — Обитатели Таврическаго дворца въ царствованіе императора Александра I.

Въ ЧИСЛѢ памятниковъ блестящаго вѣка Екатерины II, на Воскресенскомъ проспектѣ сохранился Таврическій дворецъ, съ прежнимъ обширнымъ садомъ, каскадами, прудами, бесѣдками на островкахъ и другими украшеніями.

Первоначально Таврическій дворецъ былъ построенъ княземъ Потемкинымъ въ видѣ небольшаго дома, но вскорѣ, по присоединеніи Крыма, императрица Екатерина II приказала архитектору Старову вмѣсто прежняго дома построить роскошный дворецъ, на подобіе Пантеона, назвать его Таврическимъ, и затѣмъ подарила его великолѣпному князю Тавриды. Главное зданіе дворца сохранилось до сихъ поръ въ своемъ первоначальномъ видѣ; вышиною оно около шести саженъ, съ большимъ высокимъ куполомъ и перистилемъ изъ шести колоннъ, поддерживающихъ фронтонъ. Къ двумъ сторонамъ дворца пристроены флигеля, которые выведены до самой улицы; передъ дворцомъ обширная площадь, огражденная невысокою чугунною рѣшеткою. Внутреннее расположеніе дворца, вмѣстѣ съ пространствомъ между обоими флигелями, представляетъ одну огромную залу, въ срединѣ освѣщенную окнами, сдѣланными въ куполѣ; два ряда колоннъ придаютъ залѣ необыкновенно величественный видъ. Въ одной сторонѣ залы разставлены мраморныя статуи, на другой сторонѣ зимній садъ. Послѣ подарка, Екатерина купила дворецъ опять у Потемкина, заплативъ ему за него 460,000 рублей. А когда, въ февралѣ 1791 года, Потемкинъ прибылъ изъ Яссъ, увѣнчанный побѣдными лаврами, императрица, въ числѣ многихъ милостей и наградъ, подарила ему опять Таврическій дворецъ.

Здѣсь 28-го апрѣля 1791 года, Потемкинъ торжественно праздновалъ взятіе Измаила. По словамъ современниковъ, подаренный вторично Потемкину дворецъ, или, какъ его тогда называли, „Конногвардейскій домъ“, не былъ вполнѣ отдѣланъ: передъ главнымъ подъѣздомъ дворца тянулся заборъ, скрывавшій какія-то развалины (на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ башня общества водопроводовъ); по приказанію Потемкина, въ три дня былъ уничтоженъ заборъ, мѣсто расчищено и устроена обширная площадь до самой Невы. Здѣсь воздвигнуты были тріумфальныя ворота. Устройствомъ дворца, какъ и сочиненіемъ программы праздника, распоряжался самъ Потемкинъ. Въ приготовленіяхъ къ этому празднику принялъ участіе и Державинъ, который, по вызову Потемкина, написалъ для пѣнія на праздникѣ стихи. Это были четыре хора, тогда же и напечатанные въ большую четверку, безъ заглавнаго листа. Стихи шли въ такомъ порядкѣ: 1) для концерта „Отъ крылъ орловъ парящихъ“; 2) для кадрили „Громъ побѣды раздавайся“; 3) для польскаго „Возвратившись изъ походовъ“ и 4) для балета „Сколь твоими мы дѣлами“. Довольный хорами, Потемкинъ пригласилъ къ себѣ автора обѣдать и просилъ его составить описаніе праздника. Исполнивъ это желаніе князя, Державинъ самъ отвезъ ему свою работу; Потемкинъ пригласилъ его было остаться обѣдать, но, прочитавъ тетрадь и увидѣвъ, что въ описаніи нѣтъ никакихъ особенныхъ ему похвалъ и что ему отдана честь наравнѣ съ Румянцевымъ и гр. Орловымъ, разсердился и уѣхалъ со двора, пока Державинъ дожидался въ канцеляріи у секретаря его В. С. Попова[158]).



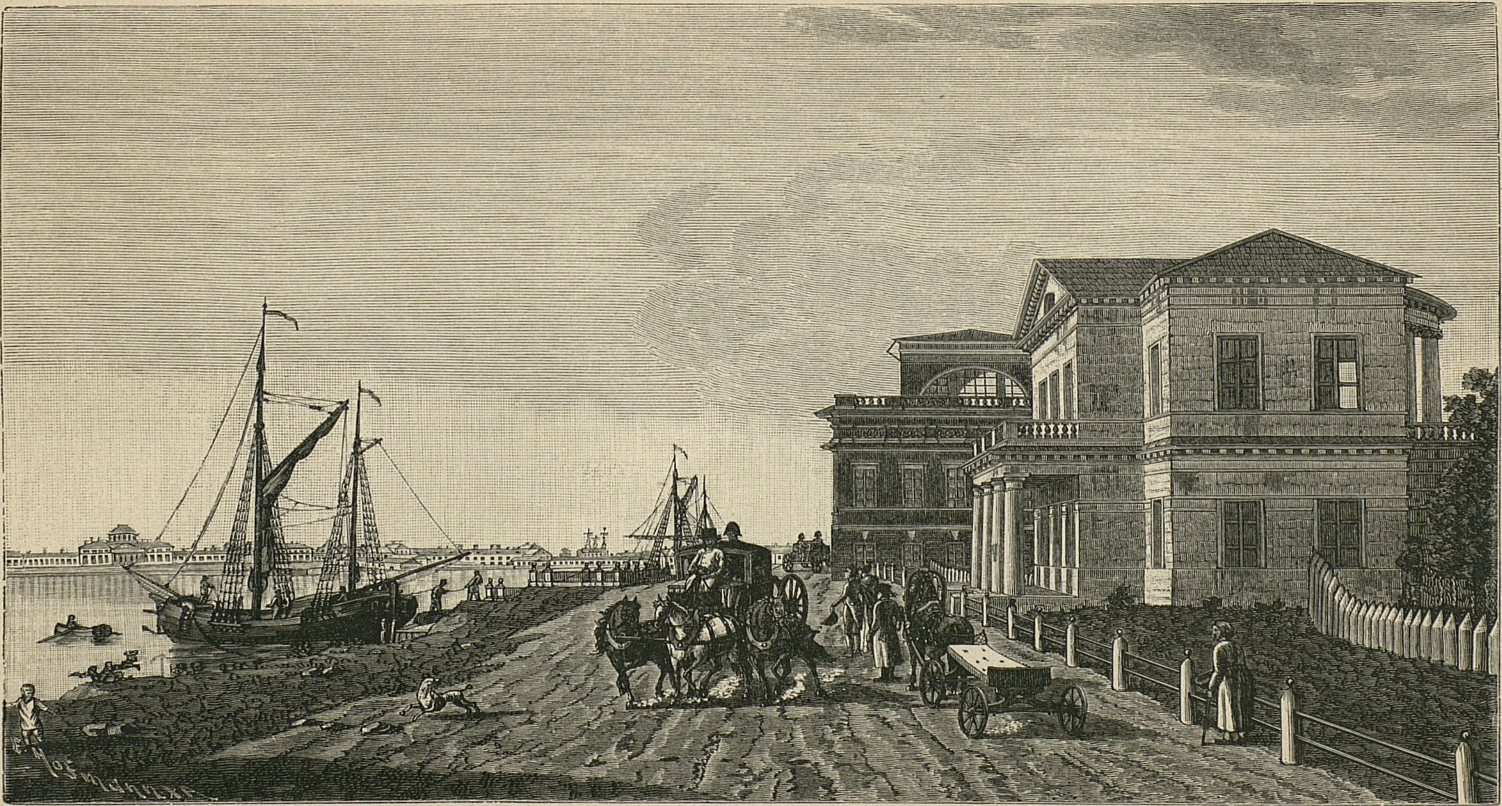
Изображеніе покойнаго Господина Генераль-фельдмаршала Князя Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго начальствовавшаго Россійскою Императорскою арміею на приступѣ и при взятьѣ Очакова Декабря 6 дня 1788 года.

Князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій.

Съ гравированнаго портрета Харитонова.

По слухамъ, сумма, затраченная на праздникъ, была баснословна. Для шкаликовъ и освѣщенія залъ дворца былъ скупленъ весь наличный воскъ, находившійся въ Петербургѣ, и за новой партіей былъ посланъ нарочный въ Москву; всего воску было куплено на 70,000 рублей. Масса всякаго рода художниковъ и мастеровъ, втеченіе нѣсколькихъ недѣль, трудились во дворцѣ за работами. Множество знатныхъ дамъ и кавалеровъ нѣсколько недѣль собиралось тамъ же, для разучиванія назначенныхъ имъ ролей, и каждая изъ этихъ репетицій походила на особое празднество,—такъ была она роскошна и пышна.

Въ назначенный день, въ пятомъ часу, на площади передъ Таврическимъ дворцемъ были построены качели, поставлены столы съ яствами, открыты разнаго рода лавки, въ которыхъ безденежно раздавали народу платье, обувь, шапки и тому подобныя вещи. Народъ во множествѣ толпился на площади. Богатые экипажи одинъ за другимъ подъѣзжали къ дворцу, на фронтонѣ котораго красовалась надпись, сдѣланная металлическими буквами, выражавшая благодарность Потемкина „великодушію его благодѣтельницы“. Императрица прибыла на праздникъ въ седьмомъ часу; передъ дворцемъ она была задержана толпой. Народу было объявлено, что раздача питей и одежды должна начаться въ то самое время, когда будетъ проѣзжать государыня. Но тутъ вышло недоразумѣніе: кто-то по ошибкѣ принялъ карету одного вельможи за экипажъ императрицы. Народъ крикнулъ: ура! и, не дожидаясь раздачи приготовленныхъ для него подарковъ, бросился расхватывать ихъ самъ. Произошла суматоха, давка, и настоящій экипажъ императрицы долженъ былъ остановиться, не доѣхавъ до площади, и простоять болѣе получаса. Наконецъ, императрица подъѣхала ко дворцу. Потемкинъ принялъ ее изъ кареты, а въ передней комнатѣ императрицу встрѣтилъ наслѣдникъ престола. Сопровождаемая всею императорскою фамиліею, Екатерина прошла на приготовленную для нея эстраду, по вступленіи на которую тотчасъ и начался балетъ, сочиненія знаменитаго тогдашняго балетмейстера Ле-Пика[159]). Въ балетѣ танцовали двадцать четыре пары изъ знаменитѣйшихъ фамилій, на подборъ красавицы и красавцы, одѣтые въ бѣлыхъ атласныхъ костюмахъ, украшенныхъ брилліантами, которыхъ въ итогѣ было на нѣсколько милліоновъ рублей! Распоряжались танцами великіе князья Александръ и Константинъ вмѣстѣ съ принцемъ Виртембергскимъ; въ концѣ балета самъ Пикъ отличился какимъ-то необыкновеннымъ соло.


E. Hofmann X.A.

Видъ Таврическаго дворца со стороны Невы.

Съ гравюры Патерсона 1806 года.

Всѣхъ приглашенныхъ на праздникѣ было три тысячи человѣкъ, и всѣ, какъ дамы, такъ и мужчины, были въ костюмахъ. На самомъ Потемкинѣ былъ алый кафтанъ и епанча изъ черныхъ кружевъ, осыпанная брилліантами, а на шляпѣ послѣднихъ было такъ много, что ему стало тяжело держать ее въ рукѣ, и онъ отдалъ ее своему адъютанту, который и носилъ ее за нимъ.

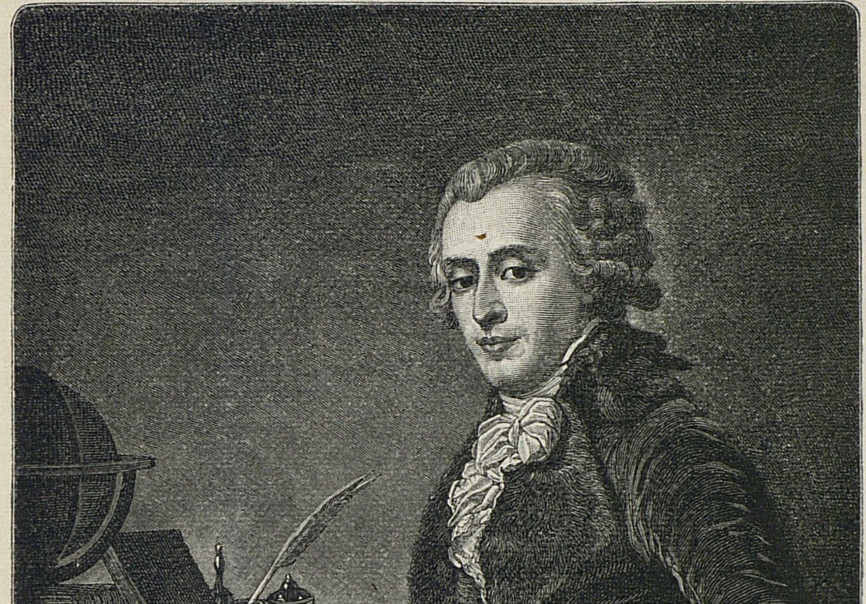
Обстановка и убранство дворца походили на волшебное воссозданіе одной изъ сказокъ „Тысячи одной ночи". Подъ куполомъ устроены были хоры, на которыхъ стояли невидимые снизу часы съ курантами, игравшіе поперемѣнно пьесы лучшихъ композиторовъ того времени. Здѣсь же помѣщалось триста человѣкъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Эстрада, предназначенная для императрицы, была покрыта драгоцѣннымъ персидскимъ шелковымъ ковромъ. Такія же эстрады были устроены вдоль стѣнъ, и на каждой изъ нихъ стояло по огромнѣйшей вазѣ изъ бѣлаго карарскаго мрамора на пьедесталѣ изъ сѣраго; надъ вазами висѣли двѣ люстры изъ чернаго хрусталя, въ которыхъ вдѣланы были часы съ музыкою. Люстры эти стоили Потемкину сорокъ двѣ тысячи рублей. (Купилъ онъ ихъ у герцогини Кингстонъ, урожденной миссъ Чодлей; эта герцогиня была извѣстна своею красотою, приключеніями и особенно по процессу съ мужемъ, изъ-за котораго едва не лишилась головы. Герцогиня пріѣхала въ Петербургъ въ 1777 году искать счастья, здѣсь она сошлась съ управляющимъ Потемкина, полковникомъ Гарновскимъ, купила на Невѣ себѣ имѣніе и поручила Гарновскому завѣдываніе имъ; впослѣдствіи она ѣздила въ Дрезденъ, гдѣ жила у вдовствующей курфюрстины, затѣмъ опять пріѣхала въ Петербургъ. Герцогиня умерла за границей, по смерти, всѣ ея недвижимыя имѣнія въ Россіи достались Гарновскому). Кромѣ большихъ люстръ, въ залѣ было еще пятьдесятъ шесть малыхъ люстръ и пять тысячъ разноцвѣтныхъ лампадъ. Считаютъ, что въ этотъ вечеръ горѣло всего 140,000 лампадъ и 20,000 восковыхъ свѣчъ. При входѣ въ залу, по обѣимъ сторонамъ дверей, были устроены ложи, драпированныя роскошными матеріями. Но особенною пышностію отличались комнаты, предназначенныя для игры императрицы, въ нихъ одни стулья и диваны стоили сорокъ шесть тысячъ рублей (съ этого праздника вошли въ особенную моду введенные Потемкинымъ диваны)[160]. Обои въ этихъ комнатахъ были гобелены, съ вытканными на нихъ изображеніями изъ исторіи Мордохея и Амана; здѣсь же стоялъ „золотой слонъ", въ видѣ часовъ передъ зеркаломъ (слонъ этотъ былъ въ 1829 году подаренъ императоромъ Николаемъ I персидскому шаху), обвѣшанный бахромами изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ; сидѣвшій на немъ автоматъ-персіянинъ, ударивъ въ колоколъ, подалъ сигналъ къ началу театральнаго представленія. На театрѣ были даны слѣдующія комедіи съ балетами „Les faux amants“ и „Смирнскій купецъ“; въ послѣдней продажными невольниками явились жители всѣхъ странъ, за исключеніемъ Россіи. Изъ театра императрица отправилась въ танцовальную залу. Балъ открылся при громѣ литавръ и грохотѣ пушекъ, подъ звуки польскаго

„Громъ побѣды раздавайся!
Веселися храбрый Россъ!“ и т. д.

Изъ большой залы былъ выходъ въ зимній садъ; садъ этотъ былъ чудомъ роскоши и искусства, и въ шесть разъ больше эрмитажнаго; тутъ былъ зеленый дерновый скатъ, густо обсаженный цвѣтущими померанцами, душистыми жасминами, розами; въ кустарникахъ виднѣлись гнѣзды соловьевъ и другихъ птицъ, оглашавшихъ садъ пѣніемъ. Между кустами были разставлены невидимыя для гуляющихъ курильницы и билъ фонтанъ изъ лавандовой воды. Посреди зимняго сада стоялъ храмъ изящной архитектуры, въ которомъ помѣщался бюстъ императрицы, изсѣченный изъ бѣлаго паросскаго мрамора. Императрица была представлена въ царской мантіи, держащею рогъ изобилія, изъ котораго сыпались орденскіе кресты и деньги. На жертвенникѣ была надпись: „Матери отечества и моей благодѣтельницѣ“. Передъ храмомъ виднѣлась зеркальная пирамида, украшенная хрусталями, а близь нея еще нѣсколько такихъ же пирамидъ поменьше. Всѣ окна залы были прикрыты искусственными пальмами, листья которыхъ были сдѣланы изъ разноцвѣтныхъ лампадъ. Изъ такихъ же лампадъ по газону были разставлены искусственные плоды: арбузы, ананасы, дыни и проч.

Настоящій садъ тоже былъ отдѣланъ великолѣпно; всюду виднѣлись кіоски, бесѣдки; ручейку, протекавшему въ саду по прямой линіи, дали извилистое теченіе и устроили мраморный каскадъ. Садъ горѣлъ тоже множествомъ огней и оглашался роговой музыкой и пѣніемъ хора пѣсенниковъ.

Въ двѣнадцатомъ часу поданъ былъ ужинъ. Столъ, на которомъ ужинала императрица съ августѣйшимъ семействомъ, былъ сервированъ золотой посудой; Потемкинъ самъ прислуживалъ государынѣ. Позади стола императрицы, былъ накрытъ другой столъ, на сорокъ восемь персонъ, для лицъ, участвовавшихъ въ балетѣ. Здѣсь же было поставлено еще четырнадцать



Князь П. А. Зубовъ.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Лампи.

столовъ амфитеатромъ. Гости проходили посрединѣ и садились за столы въ одинъ рядъ, лицомъ къ императрицѣ. Всѣ столы были освѣщены шарами изъ бѣлаго и цвѣтнаго стекла. Въ комнатѣ передъ заломъ находился столъ, на которомъ стояла суповая серебряная чаша необъятной величины, а по сторонамъ ея двѣ еще бо̀льшія вазы, доставленныя изъ имѣнія герцогини Кингстонъ. Въ другихъ комнатахъ было еще тридцать столовъ, да, кромѣ того, множество столовъ стояло вдоль стѣны, гдѣ гости ужинали стоя. Послѣ ужина балъ продолжался до утра. Императрица уѣхала во второмъ часу. Когда она уходила изъ залы, послышалось нѣжное пѣніе подъ органъ. Пѣли итальянскую кантату, слова которой были слѣдующія: „Здѣсь царство удовольствій, владычество щедротъ твоихъ; здѣсь вода, земля и воздухъ дышутъ твоей душой. Лишь твоимъ я благомъ живу и счастливъ. Что въ богатствѣ и почестяхъ, что въ великости моей, если мысль—тебя не видѣть, ввергаетъ духъ мой въ ужасъ? Стой и не лети ты, время, и благъ нашихъ не лишай насъ! Жизнь наша—путь печалей; пусть въ ней цвѣтутъ цвѣты“.

Екатерина выразила Потемкину свое живѣйшее удовольствіе за праздникъ. Потемкинъ упалъ къ ногамъ государыни, прижалъ ея руку къ губамъ, на глазахъ его были слезы. Императрица была растрогана и тоже плакала.

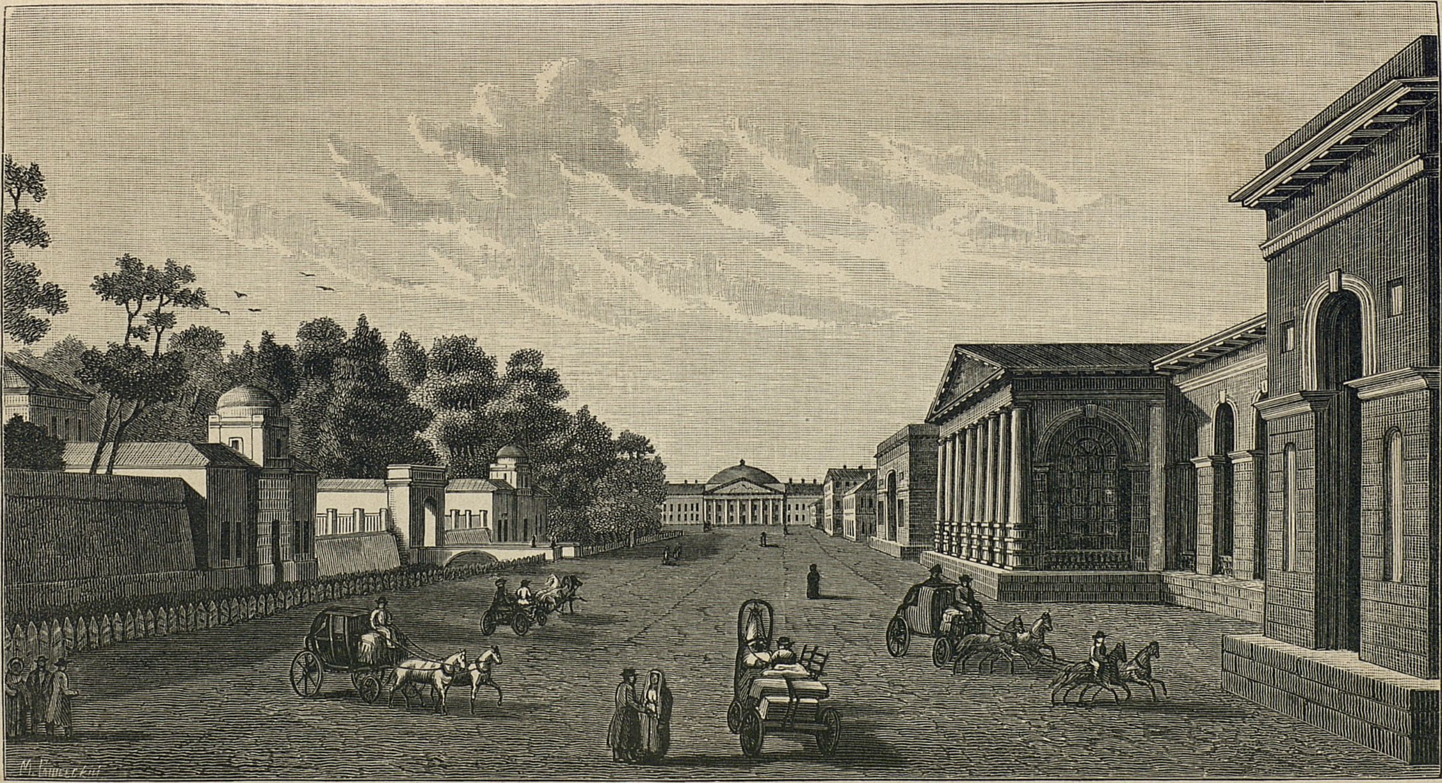
Замѣчательно, что о великолѣпномъ праздникѣ Потемкина не было упомянуто ни слова въ вѣдомостяхъ того времени. Причина такого молчанія заключалась въ начинавшемся могуществѣ другаго любимца, Пл. Зубова.

Послѣ этого праздника императрица еще разъ посѣтила Потемкина въ іюнѣ, а черезъ два мѣсяца и самъ владѣлецъ покинулъ дворецъ, чтобы не возвращаться уже сюда болѣе. Въ послѣдніе мѣсяцы жизни Потемкина, празднества уже его болѣе не развлекали. Малодушный страхъ смерти обуялъ его; онъ хандрилъ и тосковалъ. Императоръ Павелъ не любилъ Потемкина; у него ничего не было общаго съ нимъ, мнѣнія и убѣжденія одного шли въ разрѣзъ съ образомъ мыслей другаго. При вступленіи на престолъ, изъ бумагъ Потемкина онъ увидѣлъ, какъ много тотъ вредилъ ему въ мнѣніи императрицы.

Державинъ сказалъ о кончинѣ Потемкина:

„Чей одръ—земля, кровъ—воздухъ синь,
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты ли, счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды,
Не ты ли съ высоты честей
Внезапно палъ среди степей?“

Когда Екатерина II получила извѣстіе, что Потемкинъ очень боленъ, то поѣхала ко всенощной въ Невскую лавру и пожаловала



Видъ части Таврическаго сада, Преображенскихъ казармъ и манежа Конногвардейскаго полка.

Съ акварели В. Патерсона 1811 года.

въ церковь Благовѣщенія большое серебряное паникадило, золотую лампаду къ ракѣ св. Александра Невскаго и нѣсколько сосудовъ съ бриллiантами. Когда же пришла вѣсть, что Потемкина не стало, императрица заплакала и нѣсколько дней сильно грустила. Екатерина говорила про Потемкина: „Онъ имѣлъ необыкновенный умъ, нравъ горячiй, сердце доброе; глядѣлъ волкомъ, и потому не былъ любимъ, но, давая щелчки, благодѣтельствовалъ даже врагамъ своимъ. Трудно замѣнить его; онъ былъ настоящiй дворянинъ, его нельзя было купить. C'était mon élève, — писала она къ принцу Нассау-Зигену: — homme de génie, il faisait le bien à ses ennemis, et c'est par cela qu'il les désarmait“.

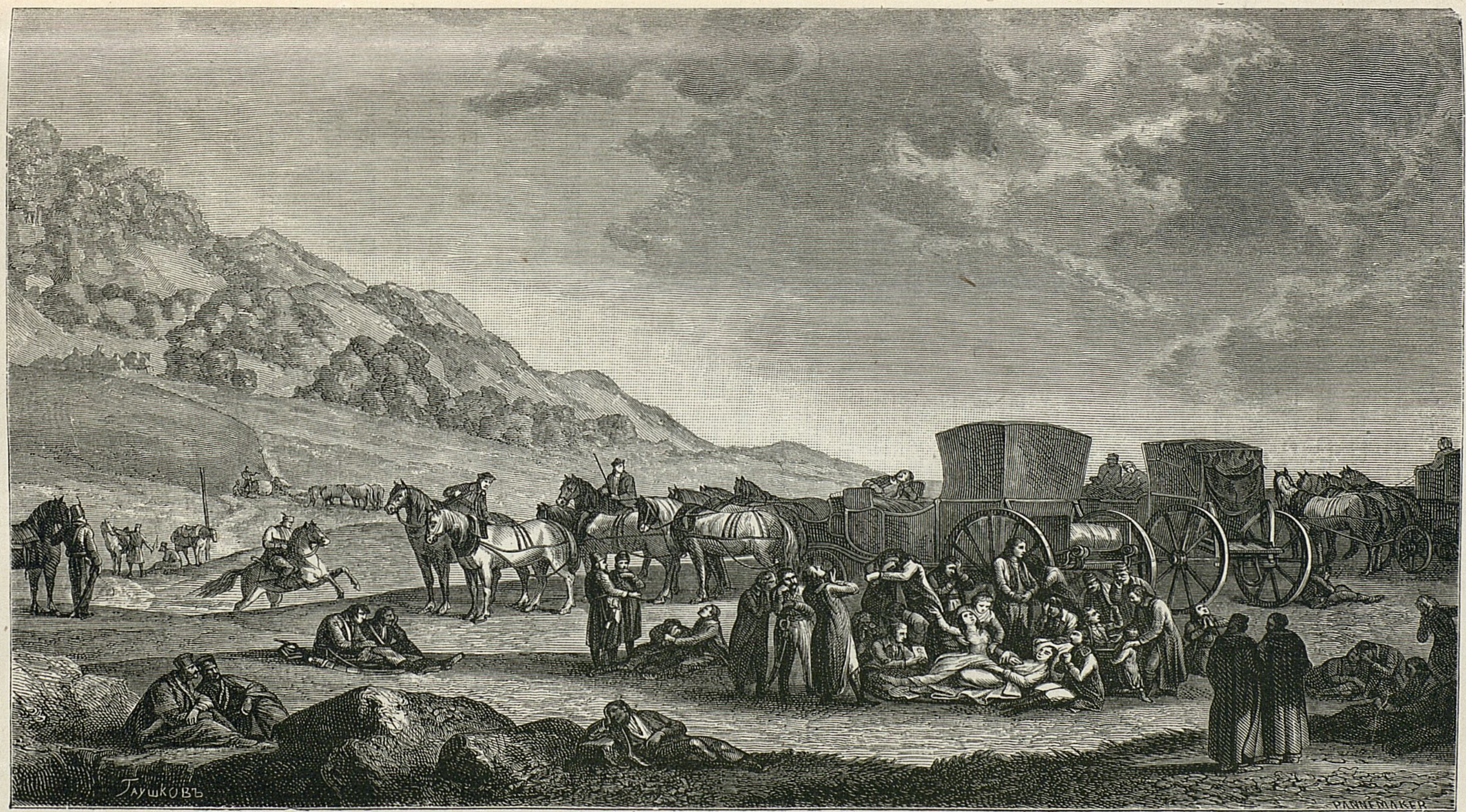
Потемкинъ умеръ 5-го октября 1791 года, на пути изъ Яссъ въ свой любимый Николаевъ; отъѣхавъ отъ станцiи 37 верстъ, онъ приказалъ остановиться.

— Будетъ теперь... — произнесъ онъ: — некуда ѣхать... я умираю! Выньте меня изъ коляски, я хочу умереть въ полѣ.

Его вынесли на постели и положили на траву; полежавъ болѣе трехъ четвертей часа, онъ сталъ отходить, вздохнулъ три раза и скончался. Одинъ изъ казаковъ, бывшихъ въ его свитѣ, положилъ покойному на глаза два мѣдные пятака, чтобы вѣки сомкнулись. Трупъ Потемкина, окруженный факелами, былъ привезенъ обратно въ Яссы. По прибытiи, тѣло было анатомировано и бальзамировано; на мѣстѣ кончины князя былъ оставленъ казацкiй пикетъ съ воткнутыми пиками и затѣмъ воздвигнутъ каменный круглый столбъ; столбъ этотъ существовалъ еще въ 1811 году.

Отпѣтое тѣло Потемкина стояло въ Яссахъ до ноября и затѣмъ было перевезено въ городъ Херсонъ и поставлено въ подпольномъ склепѣ крѣпостной церкви св. Екатерины. Гробъ оставался неопущеннымъ въ землю съ 23-го ноября 1791 года по 28-е апрѣля 1798 года. Жители Херсона здѣсь служили панихиды, и приходили, какъ разсказываютъ, поклониться праху Потемкина; то были преимущественно старообрядцы, которыхъ Потемкинъ вызвалъ изъ Турцiи. Дошедшiй до императора Павла слухъ, что тѣло Потемкина болѣе семи лѣтъ стоитъ не преданнымъ землѣ, вызвалъ распоряженiе похоронить его, какъ гласилъ указъ: „безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ же томъ мѣстѣ, въ особо вырытую яму, а погребъ засыпать и загладить землею такъ, какъ бы его никогда не было“. Все это подало основанiе молвѣ, быстро облетѣвшей Россiю и проникнувшей за границу, будто тѣло князя Потемкина изъ гроба вынуто и гдѣ-то во рву Херсонской крѣпости зарыто безслѣдно. Между тѣмъ, тѣло оставалось въ гробу неприкосновеннымъ; такъ, въ 1818 году[162]), при объѣздѣ епархіи, екатеринославскій архіепископъ Іовъ Потемкинъ, по родству, пожелалъ убѣдиться въ справедливости носившагося слуха; поэтому, ночью, 4-го іюля, въ присутствіи нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, поднялъ церковный полъ, проломалъ сводъ склепа и, вскрывъ гробъ, удостовѣрился въ присутствіи тѣла въ гробу. Говорятъ, что родственникъ вынулъ изъ склепа какой-то сосудъ и помѣстилъ въ свою карету; въ сосудѣ этомъ, по догадкамъ, находились внутренности покойнаго. Одни сказывали, что сосудъ отправленъ былъ въ сельцо Чижово, Смоленскаго уѣзда, на родину князя. Преданіе гласитъ, что, захвативъ изъ склепа сосудъ, іерархъ взялъ и портретъ императрицы Екатерины II, осыпанный брилліантами, лежавшій въ гробѣ. Въ 1859 году, по случаю внутреннихъ починокъ въ церкви, пять лицъ спустились чрезъ проломъ въ склепъ и, вынувъ изъ развалившагося гроба, засыпаннаго землею, черепъ и нѣкоторыя кости покойнаго, вложили ихъ въ особый ящикъ съ задвижкой и оставили въ склепѣ. Около того же времени, какъ разсказываютъ, изъ склепа взято все до послѣдней пуговицы, куски золотаго позумента и даже сняты полуистлѣвшія туфли съ ногъ Потемкина.

27-го августа 1874 года, коммиссія изъ нѣсколькихъ лицъ, при участіи уполномоченнаго отъ одесскаго Общества исторіи и древностей Н. Н. Мурзакевича, приступила къ изслѣдованію мѣста погребенія князя Потемкина. По вскрытіи пола въ церкви, обнаружился сводъ склепа, послѣдній оказался проломаннымъ въ двухъ мѣстахъ; изъ нихъ одно было заложено наглухо каменьями, а другое просто досками. Въ склепѣ найденъ деревянный ящикъ небольшой величины, въ немъ лежалъ цѣльный съ нижнею челюстью черепъ, съ выпиленною съ задней стороны треугольною частью и наполненный массою для бальзамированія; на затылкѣ черепа видны клочки темнорусыхъ волосъ; тутъ же лежало нѣсколько другихъ человѣческихъ костей. Здѣсь же, въ разрыхленной землѣ, найдены части истлѣвшаго деревяннаго ясеваго гроба и куски свинцоваго гроба, разрушеннаго, очевидно, не временемъ, а человѣческими руками; также остальныя кости съ истлѣвшими частями роскошнаго одѣянія, на которомъ три шитыя канителью звѣзды первой степени: Георгія, Владиміра и Андрея Первозваннаго. Тутъ же лежалъ небольшой желѣзный ломъ, куски


Глушковъ
PANNEMAKER

Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.

Съ гравюры Скородумова. Гравюра Панемакера въ Парижѣ.

позумента, бархата и нѣсколько серебряныхъ скобъ и подножій. Коммиссія положила: собрать всѣ кости покойнаго Потемкина и положить въ особый свинцовый ящикъ, отверстія въ сводѣ задѣлать, уложить на него мраморную надгробную доску, обнеся ее приличною чугунною рѣшеткою, а позументы, скобы, звѣзды уложить въ особый ящикъ, который оставить въ ризницѣ крѣпостнаго собора на память о покойномъ. Въ 1873 году, херсонское земство повѣсило въ церкви въ память князя Таврическаго небольшую мраморную доску съ надписью.

По смерти Потемкина, указомъ Екатерины, въ сентябрѣ 1792 года, дворецъ Потемкина объявленъ императорскимъ дворцомъ подъ именемъ Таврическаго. Дворецъ поступилъ въ казну и сдѣлался любимымъ мѣстопребываніемъ императрицы весною и осенью. Грибовскій въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ: „Государыня любила жить въ этомъ дворцѣ отъ того, что главный корпусъ его былъ въ одинъ этажъ, а государыня высокимъ входомъ не любила быть обезпокоена. Покои ея здѣсь были просторнѣе, чѣмъ въ Зимнемъ дворцѣ, особенно кабинетъ, въ которомъ она дѣла слушала“. Государыня этотъ дворецъ описывала Гриму въ своихъ письмахъ такъ: „На дворецъ этотъ пошла мода; онъ въ одинъ этажъ съ огромнымъ, прекраснымъ садомъ; вокругъ же все казармы по берегу Невы; напротивъ—Конногвардейскія, налѣво—Артиллерійскія, а позади сада—Преображенскія. Для осени и весны нельзя желать ничего лучшаго. Я живу направо отъ галлереи со столбами; такого подъѣзда, я думаю, нѣтъ еще нигдѣ на свѣтѣ. Александръ помѣщается налѣво. Правда, что прежде въ этомъ дворцѣ было не немного, а чрезвычайно сыро, такъ что изъ-подъ колоннъ въ залѣ текла вода и на полу стояли лужи; происходило это оттого, что фундаментъ залы былъ ниже уровня воды въ прудѣ. Но я помогла горю, приказавъ вырыть между домомъ и прудомъ сточную трубу и выложить ее камнемъ; труба идетъ вокругъ всего дома и такъ хорошо отводитъ воду, что теперь совсѣмъ нѣтъ сырости въ домѣ и не пахнетъ гнилью, какъ прежде“.

При императорѣ Павлѣ въ Таврическомъ дворцѣ царствовало полное запустѣніе. Второвъ [163]), посѣтившій его въ это время, пишетъ: „На развалины великолѣпнаго Таврическаго дворца взглянулъ я со вздохомъ. Видѣлъ обломанныя колонны, облупленныя пальмы, и теперь еще поддерживающія своды, а въ огромномъ залѣ, съ колоннадой, украшенной барельефами и живописью, гдѣ прежде царствовали утѣхи, пышность и блескъ, гдѣ отзывались звуки „Громъ побѣды раздавайся!“—что бы, вы думали, теперь?—Дымящійся лошадиный навозъ!.. Вмѣсто гармоническихъ звуковъ, раздается хлопанье бичей, а вмѣсто танцевъ бѣгаютъ лошади на кордѣ: залъ превращенъ въ манежъ! Романическій садъ понынѣ еще привлекаетъ всѣхъ для прогулки въ немъ. На бесѣдкахъ и храмикахъ стѣны и двери исписаны сквернословными стихами и прозой“.

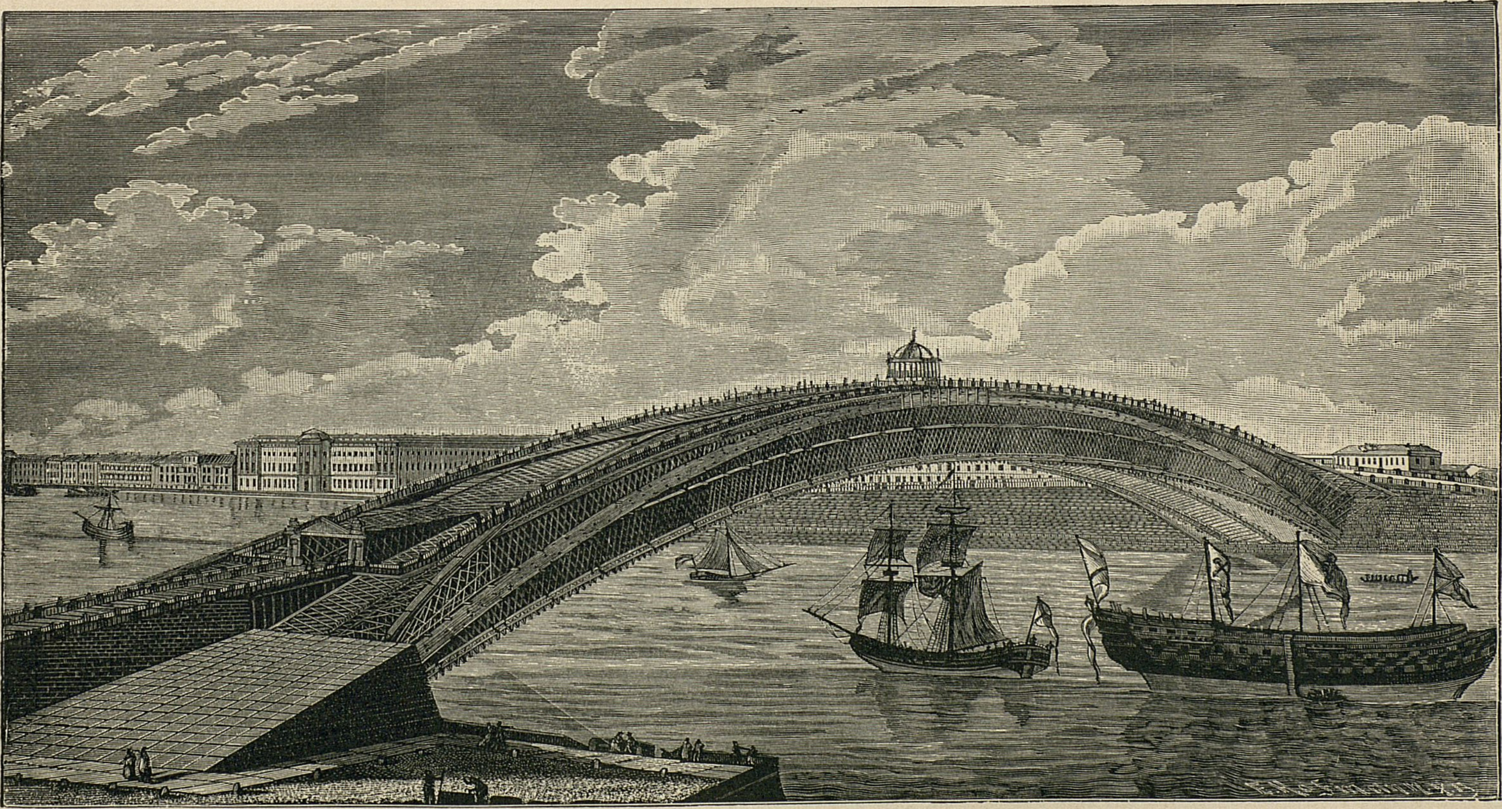
Тутъ поставлена,—продолжаетъ Второвъ,—черезъ одинъ прудъ славная модель механическаго моста для Невы. Кулибинъ дѣлалъ эту модель на дворѣ академіи наукъ впродолженіе четырехъ лѣтъ, на постройку которой Потемкинъ далъ ему тысячу рублей. Потемкинъ очень любилъ Ивана Петровича Кулибина за его честность и за его открытый, благородный характеръ. Прямота и откровенность, часто не нравившіяся въ другихъ людяхъ Потемкину, нравились въ Кулибинѣ. Онъ былъ радъ, что явился такой необыкновенный русскій самоучка. Потемкинъ говаривалъ, что онъ любитъ Кулибинымъ побѣсить нѣмцевъ. Модель моста была въ десять разъ менѣе противъ настоящаго предполагаемаго черезъ Неву моста. Дугообразный мостъ Кулибина предполагался деревянный. Онъ долженъ былъ имѣть 140 саженъ въ длину, состоять изъ 12,908 частей разной мѣры дерева, изъ 49,650 желѣзныхъ винтовъ и 5,300 желѣзныхъ же четырехъугольныхъ обоинъ. Онъ былъ бы связанъ и укрѣпленъ стоячими и лежачими рѣшетками, собранными изъ брусьевъ. Всѣ части, составляющія дугу, подкрѣплялись бы взаимно, и вся тяжесть моста имѣла бы только двѣ точки опоры на противоположныхъ берегахъ рѣки. Брусья, находящіеся у этихъ точекъ опоры, должны были имѣть шесть вершковъ ширины и столько же толщины. Въ срединѣ же свода, отъ нижнихъ частей строенія до горизонтальной линіи, вышина предполагалась въ 12 саженъ, чтò было бы достаточно для прохода кораблей съ мачтами и парусами. Для предохраненія моста отъ напоровъ сильнаго вѣтра были устроены двойныя рѣшетки. Начало въѣзда на мостъ предполагалось за 94 сажени отъ берега. Это можно было весьма удобно сдѣлать на Адмиралтейской сторонѣ, но на Васильевскомъ островѣ надобно бы было для этого снести зданія кадетскаго корпуса. Для избѣжанія этого, Кулибинъ придумалъ сдѣлать два въѣзда по берегу, изъ которыхъ одинъ начинался бы отъ зданія двѣнадцати колегій, а другой отъ первой линіи. Концы дуги должно было прикрѣпить къ каменнымъ прочнымъ фундаментамъ.

Модель моста была разсмотрѣна въ академіи 27-го декабря 1776 года. Кулибинъ предсталъ собранію ученыхъ и многочисленной толпѣ любопытныхъ, окружившихъ его постройку, твердо увѣренный въ правильности своихъ исчисленій; онъ выдержалъ испытаніе блистательно: на модель положили не 3,300 предполагаемыхъ пудовъ тяжести, а 5,700; по ней прошло еще пятнадцать человѣкъ рабочихъ одинъ за другимъ, и подъ средину ея подвѣсили гири на веревочкахъ. Въ такомъ положеніи модель простояла долгое время. Тогда написали всеподданнѣйшій докладъ императрицѣ, въ которомъ сказали, что мостъ, построенный по проекту Кулибина черезъ Неву, будетъ легко поднимать до 55,000 пудъ.

Въ царствованіе императора Александра I, другой такой же самоучка-инженеръ, мѣщанинъ Торговановъ, подалъ графу Милорадовичу проектъ устройства тунеля подъ Невою со стороны Адмиралтейской площади на Васильевскій островъ. Прочитавъ поданный проектъ, графъ сказалъ Торгованову, что онъ пустяки затѣваетъ. Торговановъ отвѣчалъ, что это можетъ быть славнымъ дѣломъ, достойнымъ Россіи, и что онъ за него отвѣчаетъ своею головою. Изобрѣтатель просилъ на колѣняхъ у графа, чтобы онъ, хотя ради курьёза, доложилъ государю о его проектѣ. Графъ доложилъ и вынесъ слѣдующую резолюцію: „Выдать Торгованову изъ кабинета 200 рублей и обязать его подпискою, чтобъ онъ впредь прожектами не занимался, а упражнялся въ промыслахъ, состоянію его свойственныхъ“.

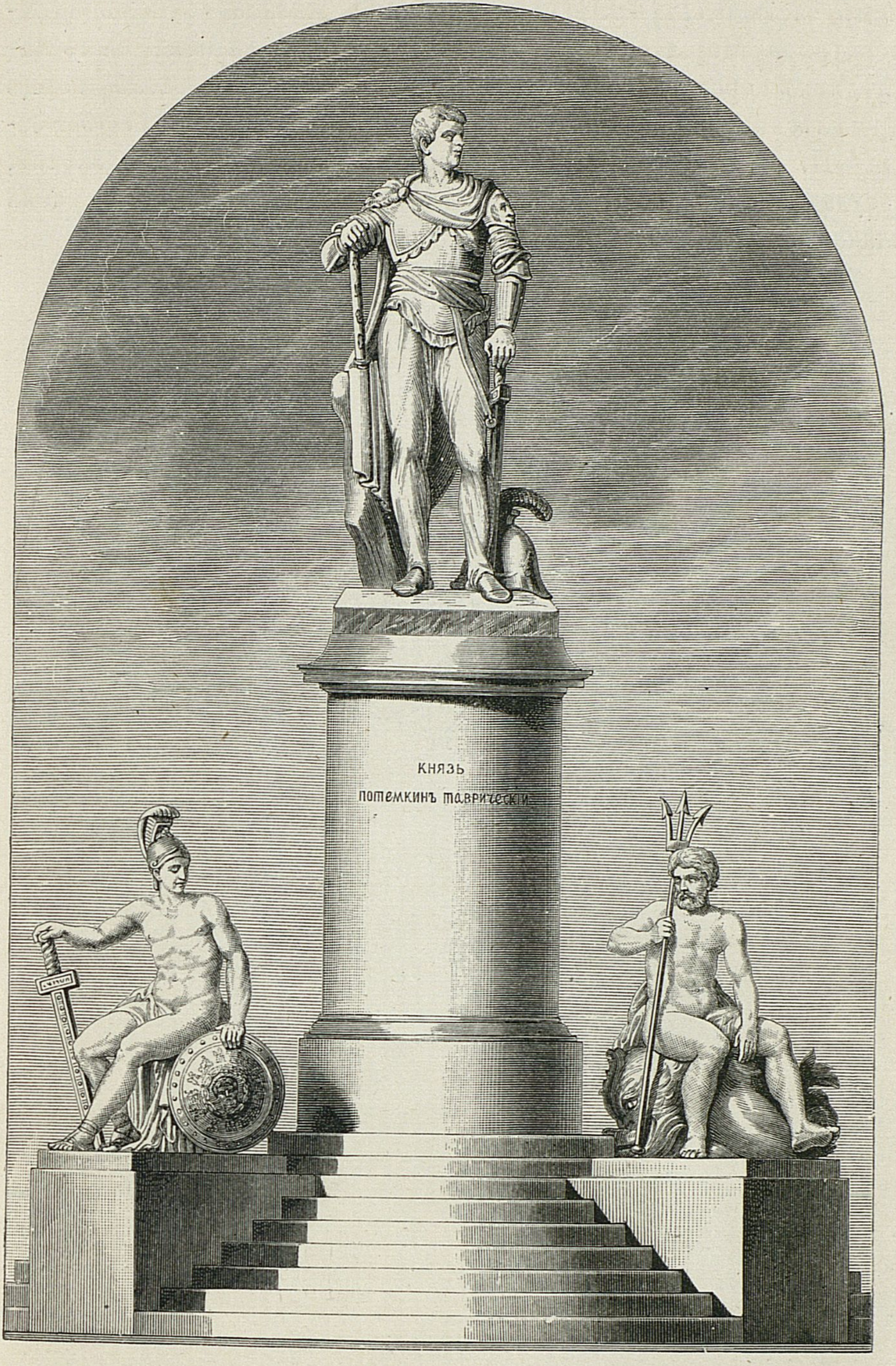
По кончинѣ императрицы Екатерины II, Павелъ повелѣлъ изъ Таврическаго дворца перенести всѣ находящіяся въ немъ драгоцѣнности, а паркетный полъ въ Михайловскій замокъ, и приказалъ называть его замкомъ, а смотрителя его—капитаномъ замка. Въ 1798 году, онъ велѣлъ въ замкѣ надъ церковью сдѣлать главу и поставить крестъ. Постройка купола не осуществилась по недостатку средствъ. Въ 1799 году 11-го апрѣля, Павелъ повелѣлъ передать Таврическій дворецъ подъ казармы лейбъ-гвардіи коннаго полка, а въ 1801 году сюда переведенъ былъ вновь сформированный тогда лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ и простоялъ здѣсь по май 1802 года; оттуда онъ былъ выведенъ на стоянку въ Павловскъ, а по окончаніи наполеоновскихъ войнъ переведенъ въ Царское Село, гдѣ квартируетъ и теперь.

Указомъ, даннымъ Александромъ I, замокъ велѣно переименовать во дворецъ и возвратить въ него всѣ драгоцѣнности изъ



Проектъ Кулибина одноарочнаго деревяннаго моста черезъ Неву.

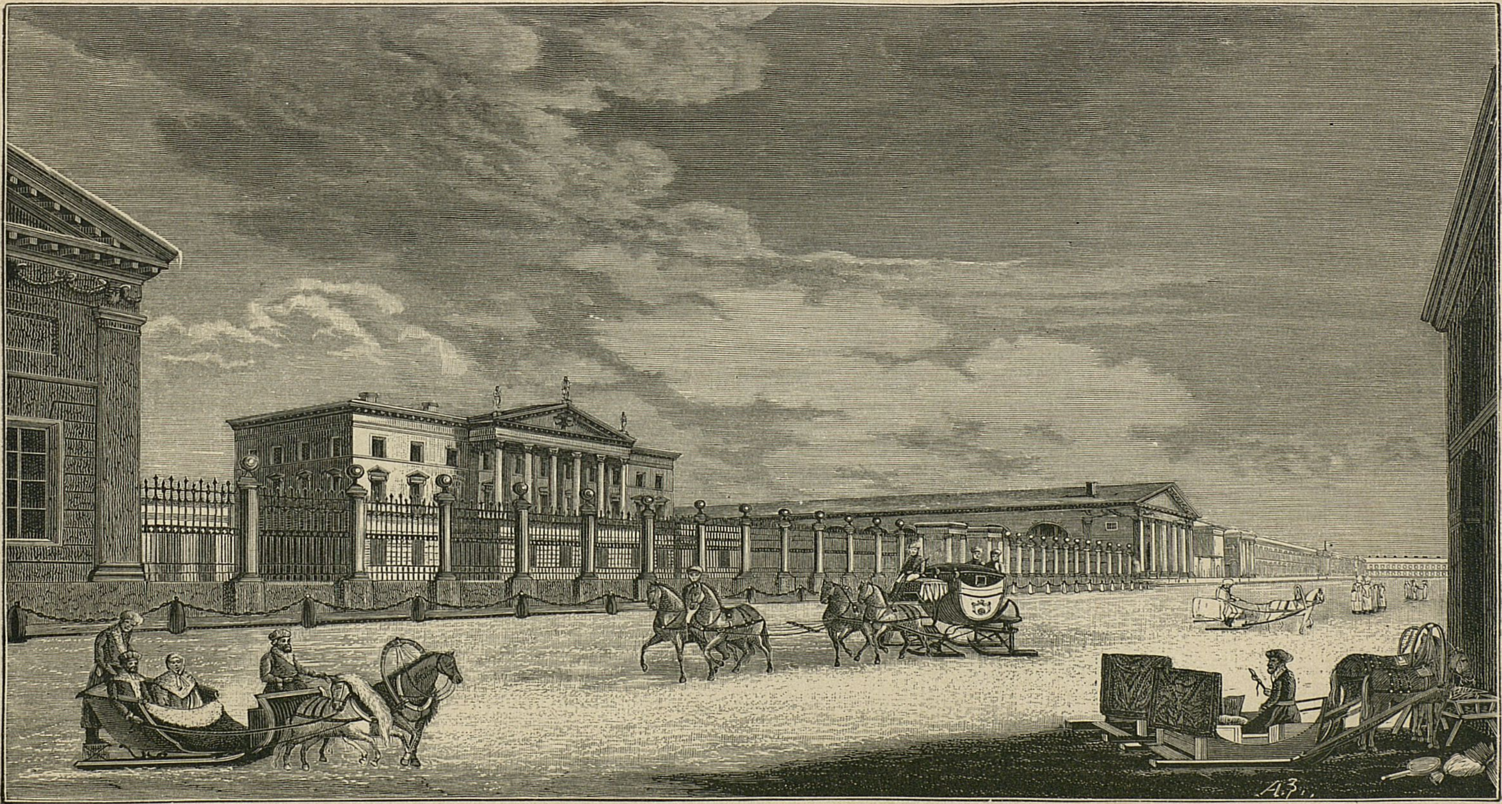
Съ гравюры 1799 года.


Князь
Потемкинъ Таврическій

Памятникъ Потемкину въ Херсонѣ.

Съ гравюры, приложенной къ „Русской Старинѣ“ 1875 г.

Михайловскаго замка. Императоръ Александръ I провелъ въ немъ часть осени 1803 года; временно живала въ немъ и императрица Марія Өедоровна. Въ 1829 году, въ немъ жилъ наслѣдникъ персидскаго престола Хозревъ-Мирза. Въ этомъ дворцѣ провелъ также послѣдніе годы и скончался исторіографъ Россіи—Н. М. Карамзинъ. Онъ умеръ въ маѣ мѣсяцѣ отъ чахотки; государь Николай Павловичъ ѣздилъ къ его праху и очень плакалъ.



Видъ зданія государственнаго банка въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.

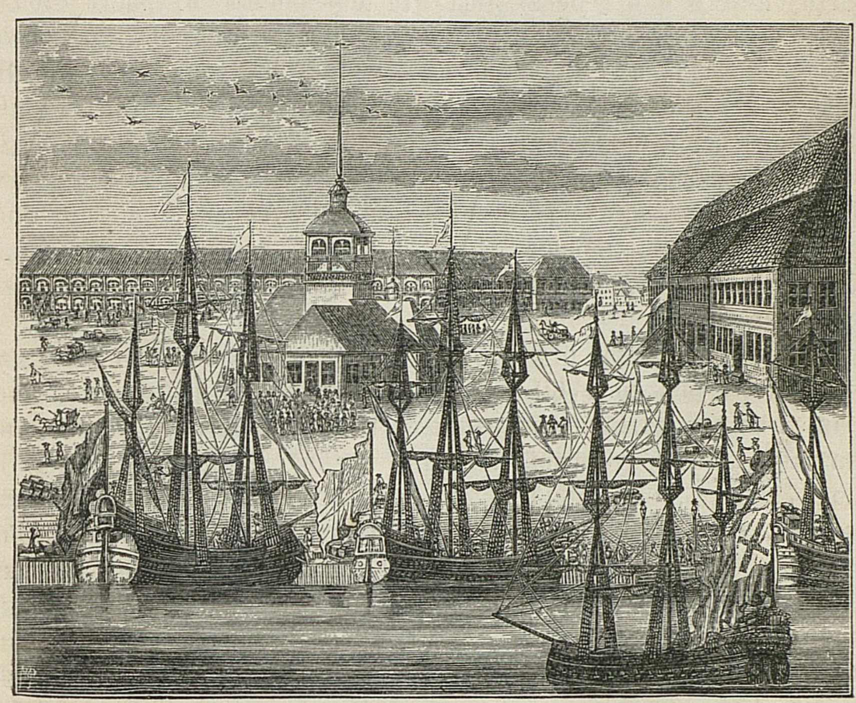
Съ гравюры Мальтона 1798 года.

ГЛАВА XIV.

Исторія Гостинаго двора. — Первые торговые ряды на Петербургской сторонѣ. — Разсказы Бергхольца. — Первая книжная лавка и первые книгопродавцы. — Названіе линій Гостинаго двора. — Мебельный рядъ. — Апраксинъ и Щукинъ дворы. — Серебряныя лавки. — Владѣлецъ ихъ Яковлевъ. — Сынъ его журналистъ. — Нападки на Яковлева семьи Каратыгиныхъ. — Гильдіи. — Именитые граждане. — Первый петербургскій городской голова Березинъ. — Купцы-милліонеры. — Богачъ Савва Яковлевъ. — Чудачество его дѣтей, мотовство и кутежи. — Петровскіе законы о чистотѣ улицъ. — Торговля въ деревянномъ Гостиномъ дворѣ. — Опера „Гостиный дворъ“. — Образъ жизни купца въ XVIII вѣкѣ. — Оригиналы прежняго времени: маіоръ Щегловскій и бригадиръ Брызгаловъ. — Прогулки замѣчательныхъ лицъ и разныхъ попрошаекъ по Гостиному двору. — Юродивая Аннушка. — Пустосвятка Макарьевна. — Проѣзды позорной колесницы съ преступниками. — Селивановъ, аророкъ скопцевъ. — Гостинодворскій зоилъ Булгаринъ. — Его рекламы. — Старинные торговые дома и торговцы старожилы. — Скрипичный мастеръ Батовъ. — Газовое освѣщеніе и отопленіе въ Гостиномъ. — Позднѣйшія перестройки лавокъ.

ПЕРВЫЕ торговые ряды въ Петербургѣ были построены въ 1705 году, на Петербургской сторонѣ, вблизи домика Петра Великаго, гдѣ теперь стоятъ дома церковно-служителей Петропавловскаго собора; по словамъ первой монографіи о Петербургѣ, отпечатанной въ 1713 году въ Лейпцигѣ, ряды заключали въ себѣ нѣсколько сотенъ грубо обтесанныхъ брусчатыхъ лавокъ безъ оконъ и печей. Эти лавки, въ ночь на 28-е іюля 1710 года, сгорѣли до-тла. На пожарѣ не обошлось безъ крупнаго грабежа. Чтобы наказать грабителей, вскорѣ по угламъ площади, занятой до пожара лавками, были построены четыре висѣлицы, на которыхъ повѣсили по жребію четверыхъ изъ числа двѣнадцати человѣкъ, принадлежащихъ частію къ гарнизону и уличенныхъ въ воровствѣ. Послѣ пожара 1710 года, мелочные торгаши воспользовались уцѣлѣвшими брусьями и досками и сколотили изъ нихъ противъ Кронверка, въ два ряда, шалаши. Это былъ первый въ Петербургѣ толкучій рынокъ, который народъ называлъ „татарскимъ таборомъ“. Воспоминаніе о немъ до сихъ поръ сохранилось въ названіи одного переулка „Татарскаго“, примыкающаго къ описываемой мѣстности. По словамъ другаго описанія Петербурга, изданнаго въ 1718 году во Франкфуртѣ, около этихъ шалашей толпилось всегда множество народа, отчего была такая тѣснота, что проходившіе тамъ должны были зорко смотрѣть за своими кошельками, шпагами, даже самыми шляпами и париками; все это, чтобы сохранить въ цѣлости, необходимо было носить въ рукахъ. Неизвѣстный авторъ разсказываетъ: „Однажды, гвардейскій полковникъ съ женою, проходя по рынку, не приняли нужныхъ предосторожностей, почему и возвратились домой — одинъ безъ шляпы и парика, а жена безъ фонтанжа. Это приключеніе съ ними случилось въ рынкѣ весьма просто: какой-то человѣкъ верхомъ на малорослой татарской лошаденкѣ, проѣзжая мимо помянутыхъ лицъ, стащилъ ихъ головные уборы особеннаго устройства вилами. Толпа, видя это, смѣялась и отпускала остроты, но никто не оказалъ содѣйствія къ возвращенію похищеннаго, и всѣ продолжали идти своей дорогой“. Вблизи этого рынка въ то время совершались казни, и выставлялись на каменномъ столбѣ и желѣзныхъ спицахъ тѣла казненныхъ. Здѣсь видѣлъ Бергхольцъ, рядомъ съ четырьмя другими головами, голову брата прежней царицы, урожденной Лопухиной, и голову сибирскаго воеводы, князя Гагарина; тѣло послѣдняго было повѣшено уже въ третій разъ. Лицо казненнаго было закрыто платкомъ, одежда его состояла изъ камзола, сверхъ котораго была надѣта бѣлая рубашка. Тѣла казненныхъ отдавались спустя нѣкоторое время родственникамъ для погребенія, головы же долгое время оставались на площади. На этой же площади прогуливались и выдѣлывали разные фокусы маски на уличныхъ маскарадахъ, длившихся иногда цѣлыя недѣли. Эта же площадь была свидѣтельницею разныхъ торжествъ по случаю побѣдъ надъ непріятелями.

Въ 1713 году, построенъ былъ другой гостиный дворъ, называвшійся долго „новымъ“. Онъ стоялъ на той же площади, шагахъ въ двухъ стахъ выше прежняго. Новый гостиный дворъ былъ обширное мазанковое строеніе въ два яруса, крытое черепицею, и съ большимъ дворомъ внутри, который пересѣкался поперегъ каналомъ. Во всю длину зданіе было перегорожено стѣною надвое, такъ что лавки выходили двойныя — однѣ на площадь, другія же на внутренній дворъ. Въ этомъ-то гостиномъ дворѣ помѣщалась первая книжная лавка въ Петербургѣ; въ ней продавались: печатные указы, азбуки учебныя (шесть денегъ каждая), „считаніе удобное“, т. е. таблица умноженія (по 5-ти алтынъ), затѣмъ изъ гравюръ: портреты „персоны“, т. е. царя, Шереметева, виды монастырей, Москвы и т. д. Бойче всѣхъ книгъ, въ тогдашнее время, здѣсь шелъ календарь Брюса; публика особенно цѣнила его за предсказанія. Вовсе не покупались и лежали въ лавкѣ книги: „Разговоры на голландскомъ и русскомъ языкахъ“, затѣмъ множество еще другихъ печатныхъ изданій. Какъ мало дорожили тогда книгами, объ этомъ есть множество свидѣтельствъ: такъ, въ конторѣ московской синодальной типографіи накопилось такое множество напечатанныхъ при Петрѣ Великомъ книгъ, не находившихъ покупателей, что въ 1752 году ихъ приказано сжечь. О равнодушіи тогдашняго общества къ



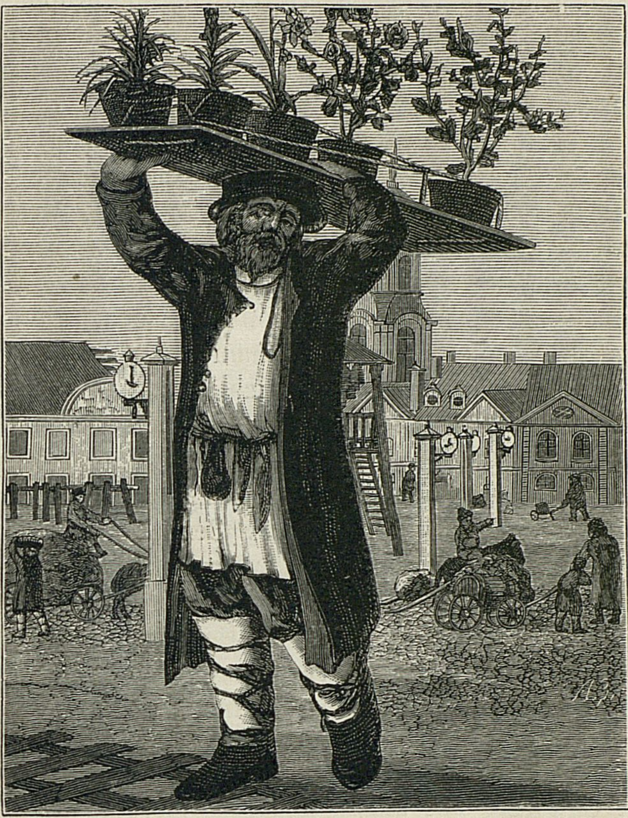
Гостиный дворъ въ началѣ прошлаго столѣтія.

Съ гравюры 1716 года.

книгамъ яркимъ примѣромъ является также и указъ 1750 года (см. „Полн. собр. зак.“, т. XIII, № 9,794), въ которомъ говорится: „что въ синодъ безпрекословно было представлено для истребленія множество книгъ и картъ, которыхъ представлять вовсе не слѣдовало“. Книги эти были послѣ свезены въ „де-сіансъ академію“. Позднѣе, впрочемъ, въ русскомъ обществѣ, особенно въ провинціи, явилась страсть хвастаться книжками, и нерѣдко сельскія библіотеки нашихъ баръ состояли изъ тысячъ томовъ, выточенныхъ изъ дерева. Вся эта деревянная мудрость стояла въ роскошныхъ шкафахъ, съ блестящею сафьянною накладкою на корешкахъ, и съ надписью: Racine, Voltaire, Encyclopedie и т. д. Въ это время въ быту дворянскомъ книги составляли послѣднюю вещь изъ всѣхъ вещей. Орловскій или тульскій помѣщикъ говаривалъ, что ослѣдить русака не то, что прочесть книгу. Книгу можетъ прочесть всякій, а петли русачьи по выбору бредутъ на разумъ; пороша дѣло, а книгу читаешь отъ бездѣлья. Съ почтенными помѣщиками думали тогда болѣе или менѣе всѣ одинаково.

Книжная лавка, о которой мы говорили, была единственная въ Петербургѣ до 1760 года; она управлялась факторомъ. Вторая книжная лавка была открыта г. Вейтбрехтомъ, носила она названіе „Императорской книжной лавки“. Затѣмъ уже съ 1785 по 1793 годъ, открылось около десяти новыхъ книжныхъ магазиновъ, гг. Клостермана, Еверса, братьевъ Гей, Миллера, Роспини, Логана и Герстенберга, затѣмъ Ив. Глазунова, Тимоѳея Полежаева, Василія Сопикова и Василія Алексѣевича Плавильщикова. Изъ всѣхъ книгопродавцевъ того времени, имя Плавильщикова отличается наибольшими заслугами въ области просвѣщенія. Ему принадлежитъ слава основателя первой русской библіотеки для чтенія: до него книги для чтенія можно было получать отъ книгопродавцевъ не по выбору читателей, а по волѣ послѣднихъ, которые и выдавали книги испорченныя или старыя. В. А. Плавильщиковъ [164]) прибылъ изъ Москвы въ Петербургъ въ 1788 году; онъ сперва взялъ въ аренду губернскую и послѣ театральную типографію, и затѣмъ открылъ первую книжную торговлю въ Гостиномъ дворѣ, въ лавкѣ подъ № 27-мъ. По словамъ современниковъ, его магазинъ представлялъ „тихій кабинетъ музъ, гдѣ собирались ученые и литераторы дѣлать справки, выписки и совѣщанія, а не разсказывать оскорбительные анекдоты и читать на отсутствующихъ эпиграммы и сатиры“. Всѣ почти литераторы безденежно пользовались его библіотекой, даже и послѣ его смерти (1823 г., 14-го августа), по духовному завѣщанію.

Открытіе первой библіотеки въ Петербургѣ состоялось 15-го сентября 1815 года. Первая же библіотека въ смыслѣ книгохранилища была основана Петромъ во дворцѣ въ Лѣтнемъ саду и затѣмъ передана въ академію, гдѣ съ 1728 года (25-го октября) и сдѣлалась доступной для общественнаго пользованія.



Уличный продавецъ цвѣтовъ въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.

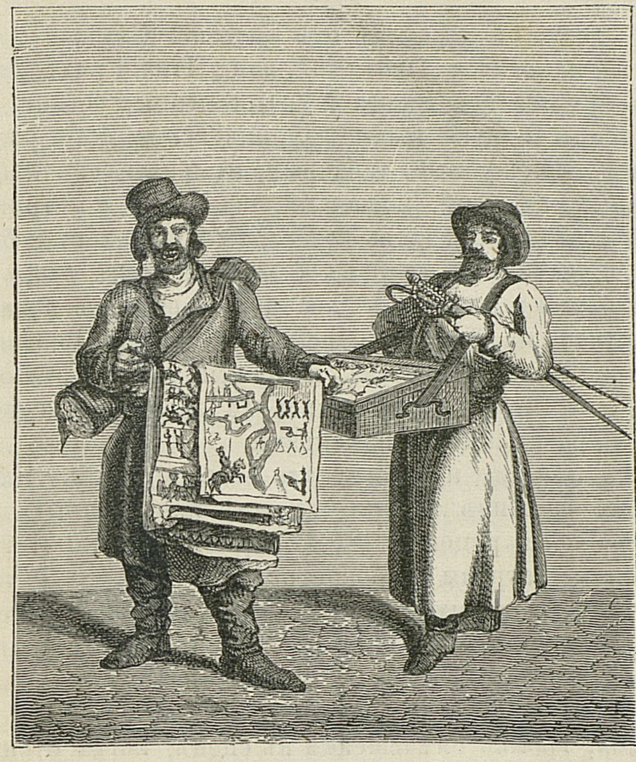
Съ гравюры того времени Шенберга.

Въ старомъ зданіи Гостинаго двора помѣщалась и биржа, которая позднѣе, въ 1725 году, перенесена въ особое строеніе передъ Гостинымъ дворомъ. Внѣ Гостинаго двора никому не дозволялось ни складывать, ни продавать товары. Зданіе принадлежало царю; для безопасности, у четырехъ угловъ и при воротахъ Гостинаго двора, стоялъ солдатскій караулъ. Этотъ Гостиный дворъ существовалъ до 1735 года, потомъ въ немъ хранилась полковая амуниція.

Что же касается до мѣста, гдѣ теперь стоитъ Гостиный дворъ, то сначала здѣсь, въ 1734 году, предполагалось устроить морской рынокъ, бывшій при Петрѣ на Адмиралтейской площади[165]), но, въ 1735 году, купцы, торговавшіе въ первоначальномъ Гостиномъ дворѣ, на Петербургской сторонѣ, просили, по случаю ветхости зданія, отвести имъ мѣста „на новоотведенномъ, вмѣсто морскаго рынка, мѣстѣ отъ Большой и другой прешпективныхъ дорогъ на 180 лавокъ земли, длиннику по обѣ стороны по 130 саженъ, поперечнику отъ новой прешпективы 107 саженъ, а въ заднемъ концѣ, что̀ явится по мѣрѣ“.

4-го іюля 1735 года, позволеніе было дано. Мѣсто въ указѣ опредѣлялось такъ: „отъ Адмиралтейства къ Невскому монастырю, по правую сторону прешпективной дороги, въ ширину отъ первыхъ шпренделей до двора Антона Девьера, а въ длину отъ Девьерова двора прорубленною прешпективною дорогою къ церкви Вознесенья Господня до переулка, который мимо Апраксина двора“. Гостиный дворъ построенъ былъ „коштомъ“ всего купечества для того, какъ говоритъ Н. Богдановъ (см. „Историч. географ. опис. Петербурга“, Спб., 1779 г.), что бывшій каменный Гостиный дворъ на Мойкѣ, у Зеленаго моста (Полицейскаго), отъ пожара, въ 1735 году, сгорѣлъ и, за неисправностью въ скоромъ времени отъ казны выстроиться не могъ. По словамъ Георги (см. „Описаніе С.-Петербурга 1794 года“), каменный Гостиный дворъ существующаго вида былъ начатъ строеніемъ въ 1755 году и оконченъ только въ 1785 году[166]). Онъ имѣетъ видъ косаго четыреугольника, длиною около 150 саженъ, шириною съ одной стороны въ 100 и съ другой — около 50 саженъ. Въ каждомъ его ярусѣ имѣется 170 лавокъ; онъ раздѣленъ на четыре линіи, изъ которыхъ каждая сохранила свое старинное названіе, показывающее прежнее назначеніе рядовъ. Такъ, сторона, обращенная къ Невскому, называется „Суконною линіею“, по Садовой — „Зеркальною линіею“, противъ Думы — „Большою Суровскою линіей“, а въ тылѣ — „Малою Суровскою линіею“. Подъ словомъ „суконной“ въ старину подразумѣвался всякій шерстяной товаръ; подъ словомъ „зеркальной“ — всякій свѣтлый товаръ, а „суровскимъ“, или, вѣрнѣе, „сурожскимъ“, называли всякій шелковый товаръ. Эта торговля получила свое названіе отъ Сурожскаго моря; на жаргонѣ гостинодворцевъ, продавцы суровскими товарами назывались „сурогами". Противъ Большой Суровской линіи, черезъ улицу, впослѣдствіи былъ построенъ „Бабій рядъ", или „Перинная линія"; здѣсь до сороковыхъ годовъ торговлей занимались однѣ женщины.

За Бабьимъ рядомъ, съ боку, былъ выстроенъ, въ 1800 году, купцомъ Нащокинымъ „Мебельный рядъ" и напротивъ его вытянулась „Банковская линія", или, постаринному, „Глазуновскія лавки", въ которыхъ засѣли мѣнялы. Далѣе, по Садовой, въ 1791 году, послѣ постройки ассигнаціоннаго банка, былъ сооруженъ „Москотильный рядъ". Москотильнымъ товаромъ въ русской торговлѣ называются краски, пряные коренья и аптекарскіе матеріалы. Это имя тоже очень древнее и перешло къ намъ отъ арабовъ, торговавшихъ въ Болгарахъ и Атели (нынѣшней



Торговцы лубочными картинами и стальными издѣліями въ Екатерининское время.

Съ офорта прошлаго столѣтія Гейслера.

Астрахани) этимъ товаромъ, получаемымъ изъ города Москота, или Муската.

Участокъ земли, пространствомъ болѣе 20,000 квадратныхъ саженъ, окаймленный съ одной поперечной стороны Большою Садовою улицей, съ противоположной—набережною рѣки Фонтанки, извѣстенъ, съ 1740 года, подъ именемъ „торговаго Апраксина двора"; это вполнѣ упроченный народный рынокъ съ кустарнымъ товаромъ.

Въ 1780 году, въ переулкѣ отъ Большой Садовой улицы къ Фонтанкѣ уже находился „Охотный", или „Птичій рядъ", гдѣ уже въ то время продавались живыя и битыя птицы, собаки, кошки, обезьяны, лисицы и другіе живые звѣри; здѣсь же были ряды: лоскутный, ветошный, шубный, табачный, мыльный, свѣчной, луковый, сѣдельный, нитяный, холщевый, шапочный и „стригольный рядъ", „гдѣ фельдшеры сидятъ для стриженія волосъ и бородъ". Рядомъ съ Апраксинымъ дворомъ былъ „Щукинъ дворъ"; тамъ торговали ягодами и плодами въ огромномъ, гуртовомъ видѣ.

Въ 1787 году, на Невской перспективѣ, подлѣ Большаго Гостинаго двора, былъ выстроенъ каменный въ три этажа домъ, гдѣ въ нижнемъ ярусѣ помѣстились 14 лавокъ съ серебромъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями.

Эти лавки нѣкогда принадлежали богатому купцу Яковлеву, сынъ котораго служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и писалъ театральныя рецензіи въ „Сѣверной Пчелѣ". Петербургскіе старожилы-театралы хорошо помнятъ его, ходившаго въ театръ всегда въ вицъ-мундирѣ. За строгій разборъ бенефиса актера В. А. Каратыгина, по приказанію министра двора кн. П. М. Волконскаго, онъ былъ выведенъ въ водевилѣ „Горе безъ ума" въ смѣшномъ видѣ и, по словамъ Каратыгиной [167]), былъ узнанъ всею публикой, громко смѣявшеюся въ сценѣ, когда отецъ водевильнаго рецензента, почтенный богатый купецъ, торгующій серебряными издѣліями, уговариваетъ сына не позорить его имени и не срамить себя самого статьями, писанными подъ хмѣлькомъ.

Не разбирай тогда актеровъ,
Когда тебя поразберетъ!

Старикъ оканчивалъ куплетъ словами:

Ну, братъ, я вижу, ты дуракъ
Восемьдесятъ-четвертой пробы.

Нападки были несправедливы. Яковлевъ былъ извѣстенъ, какъ честный критикъ, талантливый переводчикъ и остроумнѣйшій человѣкъ въ обыденной жизни. Остроуміе его въ городѣ вошло въ пословицу; остроты, каламбуры у него такъ и сыпались. Про него между товарищами сохранилось множество воспоминаній.

По несчастію, Яковлевъ не могъ похвалиться сильнымъ характеромъ и не былъ расположенъ оставить нѣкоторыхъ, вечернихъ привычекъ молодости, чтò и свело его въ могилу. Онъ умеръ 19-го іюля 1861 года. По разсказамъ, онъ писалъ свои фельетоны на службѣ въ канцеляріи, озаглавивъ ихъ титуломъ докладныхъ записокъ къ покойному министру финансовъ Егору Францовичу Канкрину.

За два года до постройки Гостинаго двора былъ данъ купечеству уставъ о гильдіяхъ. Преимущество гильдій единственно зависѣло отъ суммы объявленнаго капитала въ шестигласной думѣ. Объявившій капиталъ отъ одной тысячи до пяти тысячъ рублей принадлежалъ къ третьей гильдіи и могъ отправлять мелочной торгъ, держать трактиры, бани и т. д.

Внесшій капиталъ отъ 5-ти до 10,000 рублей принадлежалъ къ второй и торговалъ чѣмъ хотѣлъ, за исключеніемъ держать фабрики и имѣть торговлю на судахъ.

Заявившій капиталъ отъ 10,000 до 50,000 рублей и платящій съ этой суммы по одному проценту со ста принадлежалъ къ первой гильдіи и могъ отправлять иностранную торговлю и имѣть заводы и проч. Купцы же, объявившіе у себя капиталу болѣе 50,000 рублей, имѣвшіе свои корабли и производившіе вексельные обороты болѣе, чѣмъ на 100,000 рублей, или два раза избранные засѣдателями въ судахъ, носили званіе „именитаго гражданина“. Они могли ѣздить въ городѣ въ четыре лошади, имѣть загородные дома и сады, также заводы и фабрики, и наравнѣ съ дворянствомъ освобождались отъ тѣлеснаго наказанія.

Особенно богатыхъ купцовъ въ половинѣ XVIII столѣтія было очень немного. Всѣ разсказы о богатыхъ нашихъ именитыхъ гражданахъ представляютъ болѣе вымысла, нежели правды. Богатымъ въ то время былъ только дворъ и нѣкоторые царедворцы. При Екатеринѣ II всѣ высшіе государственные сановники торговали и пускались въ разныя спекуляціи. По словамъ Храповицкаго, въ это время самыми извѣстными винными откупщиками были: князь Ю. В. Долгорукій, князь С. Гагаринъ и князь Куракинъ. Трудно было купцамъ при такой сильной конкурренціи наживать капиталы. Богатѣли только такіе изъ нихъ, которые участвовали въ предпріятіяхъ вмѣстѣ съ вельможами.

Одно время, какъ разсказываетъ тотъ же Храповицкій, императрица хотѣла воспользоваться капиталами купцовъ, предлагая имъ за проценты чины и баронскій титулъ. Но этотъ проектъ, порученный генералъ-прокурору Соймонову, потерпѣлъ неудачу.

Извѣстному въ то время богачу, петербургскому городскому головѣ, А. Н. Березину, за постройку первой народной школы въ Петербургѣ, былъ предложенъ начальствомъ чинъ, но Березинъ отказался.

— Чинъ взять — пѣшкомъ носить его тяжело, а надобно возить его въ каретѣ; пусть онъ охотникамъ достанется, — отвѣтилъ онъ.

Въ концѣ царствованія Екатерины II, купцовъ-милліонеровъ уже было гораздо болѣе. Изъ числа такихъ славились своими богатствами: Шемякинъ, Лукинъ, Походяшинъ, Логиновъ, Яковлевъ, Гороховъ. Послѣдній въ Петербургѣ былъ на столько популяренъ, что заставилъ жителей забыть названіе улицы „Адмиралтейской“, на которой жилъ и торговалъ, и называть ее „Гороховою“, по своей фамиліи.

По преданію, онъ выстроилъ, въ 1756 году, первый каменный домъ въ этой мѣстности. Про купца Логинова, откупщика и пріятеля князя Потемкина, Державинъ разсказываетъ, что онъ разъ, устроивъ у себя зимой народный праздникъ, выставилъ народу такое количество водки, что на другой день полиція подобрала множество мертвыхъ тѣлъ. По смерти этого Логинова, долгъ его въ казну простирался до 2.000,000 рублей.

Другой такой же откупщикъ, Савва Яковлевъ, по уличной фамиліи Собакинъ, при вступленіи императрицы Екатерины II на престолъ, сталъ отказывать народу и не отпускать даромъ водку противъ повелѣнія государыни; народъ произвелъ буйство на улицахъ. Екатерина приказала объявить ему свое неудовольствіе. Опала Яковлева стала гласною въ столицѣ; народъ разсказывалъ на улицахъ, что государыня пожаловала ему чугунную пудовую медаль, съ приказаніемъ носить на шеѣ по праздникамъ. Державинъ на него написалъ стихотвореніе „Къ Скопихину“.

Вскорѣ государыня отправилась въ Москву для коронованія, слѣдомъ за ней поѣхалъ и Яковлевъ; на пути Екатерина примѣтила въ одномъ небольшомъ селеніи ветхую деревенскую церковь, грозившую разрушеніемъ, и приказала, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, напомнить ей о церкви. Яковлевъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ тотчасъ же возстановить храмъ и украсить богатыми вкладами. По окончаніи коронаціонныхъ праздествъ, государыня, на возвратномъ пути въ Петербургъ, проѣзжая это селеніе, была встрѣчена крестнымъ ходомъ съ колокольнымъ звономъ; императрица была удивлена такимъ быстрымъ и превосходымъ возобновленіемъ церкви и пожелала знать виновника.

Къ крайнему удивленію, ей представленъ былъ Яковлевъ; Екатерина выразила ему свою признательность, сказавъ: „Я забываю прошедшее“. Прибывъ въ Петербургъ, Яковлевъ покинулъ всѣ дѣла по откупамъ, вступилъ въ гражданскую службу и впослѣдствіи оставилъ ее съ чиномъ коллежскаго ассессора. Племянникъ этого Яковлева, Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ, отличался тоже крупною благотворительностью; онъ въ чинѣ корнета Конногвардейскаго полка былъ одинъ изъ всѣхъ оберъ-офицеровъ россійской арміи, который имѣлъ орденъ св. Владиміра на шеѣ; эту генеральскую награду онъ заслужилъ за то, что покрылъ желѣзомъ изъ своихъ сибирскихъ заводовъ всѣ казенныя строенія въ Москвѣ, пострадавшія во время историческаго пожара 1812 года.

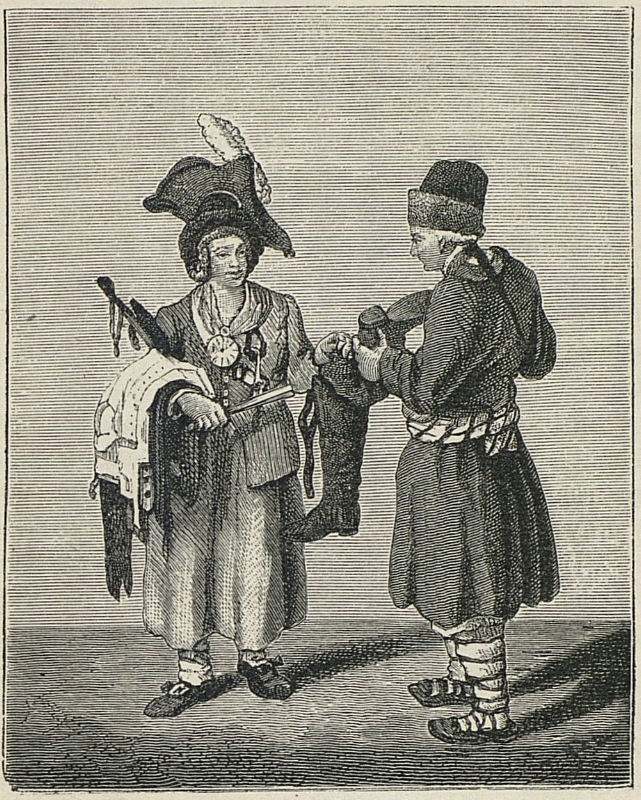
Въ 1850 году, этотъ же И. А. Яковлевъ пожертвовалъ милліонъ рублей серебромъ въ инвалидный капиталъ, растраченный правителемъ дѣлъ Комитета Раненыхъ Политковскимъ. Братъ его Савва отличался самодурствомъ мота. Онъ при содѣйствіи безграничнаго кредита, открытаго отцомъ, успѣвалъ проматывать болѣе милліона рублей въ годъ. Отецъ его говорилъ ему: „Савва! будешь у меня кость глодать, какъ положу тебѣ въ годъ на прожитье только сто тысячъ“. Савва служилъ въ Кавалергардскомъ полку и былъ одно время ремонтеромъ. По разсказамъ, онъ поставлялъ въ полкъ такихъ коней, какихъ никто не ставилъ. Служилъ онъ недолго, пьянство и скандалы заставили его выйдти изъ полка, особенно одинъ крупный скандалъ въ театрѣ ускорилъ его отставку: онъ бросилъ изъ боковой ложи дохлую кошку въ кулькѣ нѣмецкой актрисѣ Нерейтеръ. По выходѣ въ отставку, Савва предался самому непробудному пьянству; не находилось между пьяницами человѣка, который могъ бы перепить его. Мотовство и самодурство наконецъ значительно расшатали его баснословное богатство, онъ сталъ занимать деньги подъ векселя за подписью своего родственника, молодаго гвардейскаго полковника А. И. Угримова, съ своимъ поручительствомъ. Векселей такихъ выдано было болѣе чѣмъ на милліонъ рублей. Когда же пришло дѣло къ расплатѣ, Савва не призналъ своей подписи: Угримовъ былъ арестованъ и кончилъ жизнь самоубійствомъ въ тюрьмѣ (подробности этого дѣла изложены въ „Журн.

*

министерства юстиціи“ за 1861 годъ). Неповинная смерть пріятеля повліяла на самодура, и онъ въ припадкахъ сплина сталъ стрѣлять изъ пистолета по драгоцѣннымъ фигурамъ стараго саксонскаго и севрскаго фарфора, хранившимся въ богатыхъ покояхъ своего отца. Вскорѣ онъ, впрочемъ, утѣшился, сойдясь съ наѣздницею изъ цирка Лежара, Людовикою-Слопачинскою. Красавица, впрочемъ, не долго терпѣла его самодурства и промѣняла его на извѣстнаго тоже богача-красавца Вадковскаго, который и далъ Саввѣ публично въ циркѣ пощечину за какой-то неблаговидный поступокъ съ Слопачинской; Яковлева изъ цирка привезли въ обморокѣ домой, и такъ какъ онъ непремѣнно желалъ стрѣляться съ Вадковскимъ, то былъ подвергнутъ домашнему аресту. Послѣдній скандалъ на него подѣйствовалъ весьма сильно, онъ предался пьянству еще больше. По разсказамъ, „серебряный гробъ“ уже не сходилъ съ его стола, „гробомъ“ онъ называлъ кубокъ, сдѣланный формой обыкновеннаго гроба, въ который входила бутылка шампанскаго. Процессъ же питья изъ гроба былъ слѣдующій: въ концѣ каждой своей попойки онъ хриплымъ голосомъ кричалъ: „гробъ“!!! Въ тотъ же моментъ слуги вносили ящикъ съ шампанскимъ, одинъ за ними несъ на подносѣ кубокъ „гробъ“, а другой вносилъ заряженный пулею пистолетъ. Послѣ нихъ входилъ дворецкій и называлъ по имени одного изъ присутствовавшихъ гостей. Гость вставалъ и подходилъ къ хозяину; слуга подавалъ кубокъ, а хозяинъ поднималъ надъ головой гостя пистолетъ, гость долженъ былъ выпивать вино до дна и, поцѣловавъ хозяина, отправляться домой, если же гость не могъ уже осушить гроба и падалъ къ ногамъ Саввы, то онъ приказывалъ „похоронить мертваго“, чтò означало положить въ спальню на диванъ. Такъ, угостивъ всѣхъ гостей, хозяинъ самъ выпивалъ чашу, и успокоивался тутъ же на раздвижномъ своемъ стулѣ. Яковлевъ кончилъ жизнь самоубійствомъ: разъ прокричавъ „гробъ“ и осушивъ его до дна, повернулъ дуло пистолета себѣ въ ротъ, и прежде чѣмъ прислуга и гости успѣли вскрикнуть, раздался выстрѣлъ и Савва, обливаясь кровью, палъ никѣмъ не оплаканный.

Родной братъ покойнаго, извѣстный подъ именемъ „Корнета“, умеръ отъ скоротечной чахотки, съ мѣломъ въ рукѣ, отмѣчая на стѣнѣ, ежеминутно, припадки своей болѣзни (подробности эти беремъ изъ книги В. П. Бурнашева: „Чудодѣи“ и пр.).

Торговыя части Петербурга, гдѣ теперь стоятъ Гостиный и Апраксинъ дворы, въ половинѣ XVIII столѣтія были наполнены топями и болотами, такъ что въ дурную погоду не было возможности ни пройдти, ни проѣхать. Невскій проспектъ, на которомъ теперь красуется лицевой своею стороною Гостиный дворъ, получилъ свое названіе при императрицѣ Аннѣ (20-го апрѣля 1738 года); въ это время было постановлено: „по коммисскому разсужденію, впредь именовать Большую проспективу, что̀ слѣдуетъ отъ Адмиралтейства къ Невскому монастырю,—Невскою проспективою“. Невскій проспектъ былъ тогда не что иное, какъ длинная, терявшаяся въ отдаленіи аллея, вымощенная бревнами и обсаженная по обѣимъ сторонамъ деревьями. Проложили и работали надъ нею при Петрѣ плѣнные шведы; на обязанности ихъ было также мести ее каждую субботу. По улицамъ Петербурга предписывалась величайшая чистота; каждый домовладѣлецъ обязанъ былъ



Торговка старыми вещами и рекрутъ Екатерининскаго времени.

Съ офорта прошлаго столѣтія Гейслера.

противъ своего двора рано утромъ или вечеромъ, когда по улицамъ не было ни ѣзды, ни ходьбы, сметать съ мостковъ всякій соръ; а камни, которые выламывались впродолженіе дня, поправлять.

За неисполненіе этого правила взыскивался штрафъ, по двѣ деньги съ сажени въ ширину его двора. Особенно строго наказывались тѣ, кто вывозилъ на Неву и другія рѣки пометъ и соръ. За такіе проступки у знатныхъ—ихъ служители, а незнатные домовладѣльцы самолично, должны были быть биты кнутомъ и ссылаемы въ вѣчную каторжную работу. Постановлено было, чтобы всѣ торгующіе съѣстными принасами на улицахъ и въ лавкахъ „ходили въ бѣломъ мундирѣ по указу, а мундиры бы дѣлать по образцу, какъ въ мясномъ и рыбномъ рядахъ у торговыхъ людей“. Съ неисполнителей брали штрафъ, а товаръ отбирали „на великаго государя“.

Было также запрещено: „чтобъ никто никакого чину по малой рѣчкѣ Мьѣ и по другимъ малымъ рѣчкамъ и по каналамъ днемъ и ночью, на лошадяхъ, въ саняхъ и верхомъ, кромѣ пѣшихъ, отнюдь не ѣздилъ, того ради, что отъ коневаго помета засариваются оныя рѣчки и каналы“. Также замѣчено было, что извозчики въ Петербургѣ ѣздили на невзнузданныхъ лошадяхъ и топтали пѣшеходовъ, почему было постановлено за первую подобную вину—кошки, за вторую—кнутъ, за третью—ссылка на каторгу. „Имѣющимъ же охоту,—сказано въ указѣ,—бѣгать на рѣзвыхъ лошадяхъ въ запуски или въ закладъ, и тѣмъ людямъ такое бѣганіе позволяется чинить, выѣзжая въ Ямскую слободу“ и т. д.

Не менѣе интересно было, въ описываемое время, запрещеніе нищимъ шататься по улицамъ и просить милостыню, „понеже въ таковыхъ многіе за лѣностьми и молодые, которые въ работы и наймы не употребляются, милостыни просятъ, отъ которыхъ ничего добраго, кромѣ воровства, показать не можно“... Съ подавшихъ милостыню взыскивался штрафъ въ 5 рублей, потому что желающіе помогать бѣднымъ обязывались дѣлать пожертвованія на богоугодныя заведенія. Многое изъ вышеписаннаго недурно было бы принять въ соображеніе и въ настоящее время.

Въ деревянномъ Гостиномъ дворѣ, что̀ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго Гостинаго двора, торговали на ларяхъ, въ шалашахъ и въ разноску. Здѣсь нерѣдко происходили драки и даже разбои. По разсказамъ иностранцевъ, бывшихъ въ это время въ Петербургѣ, иногда и проѣздъ по преспективѣ отъ тѣсноты былъ невозможенъ, особенно отъ возовъ съ дровами и сѣномъ. Купцы того времени, или, вѣрнѣе, торгаши, пользовались весьма дурной славой. Въ то время явился даже обличитель купцовъ, Матинскій, написавшій комическую оперу „Санкпетербургскій Гостиной дворъ", гдѣ былъ выведенъ разными плутнями и мошенничествомъ нажившійся гостинодворецъ „Ѳерапонтъ Сквалыгинъ" и товарищъ въ его плутовскихъ продѣлкахъ, взяточникъ, подьячій „Крючкодѣй". Опера была дана въ первый разъ 26-го ноября 1783 года, на Царицыномъ лугу, на театрѣ Книпера и Дмитревскаго. Какъ гласила афиша, сочинена она: „путешествующаго по Италіи крѣпостнаго человѣка Матинскаго графа Ягужинскаго, музыка тоже Матинскаго". Опера имѣла необычайный успѣхъ и въ короткое время выдержала три изданія: въ 1791, 1792 и 1799 году.

Роль Сквалыгина игралъ актеръ Сем. Соколовъ, а Крючкодѣя—Ан. Крутицкій.

Образъ жизни купца XVIII вѣка, какъ говоритъ П. И. Страховъ [168]), былъ таковъ, что блаженство его состояло въ томъ, чтобы имѣть жирную лошадь, толстую жену, крѣпкое пиво, въ домѣ своемъ особенную свѣтелку, баню и садъ. Утромъ сидѣлъ онъ въ лавкѣ, гдѣ съ знакомыми и покупателями выпивалъ нѣсколько такъ называемыхъ „галенковъ" чаю. Послѣ обѣда спалъ три часа, а остальное время проводилъ съ пріятелями, играя въ шашки на пиво. Богатый купецъ имѣлъ свою пословицу, которая въ кругу его знакомыхъ замѣняла остроуміе, возбуждала смѣхъ и часто давала предлогъ къ выпивкѣ. Купцы за особенное качество ума считали безтолковость въ разговорахъ; рѣчь ихъ иногда дѣлалась совсѣмъ непонятной отъ излюбленной пословицы, которую они употребляли безъ всякой надобности, почти чрезъ нѣсколько словъ.

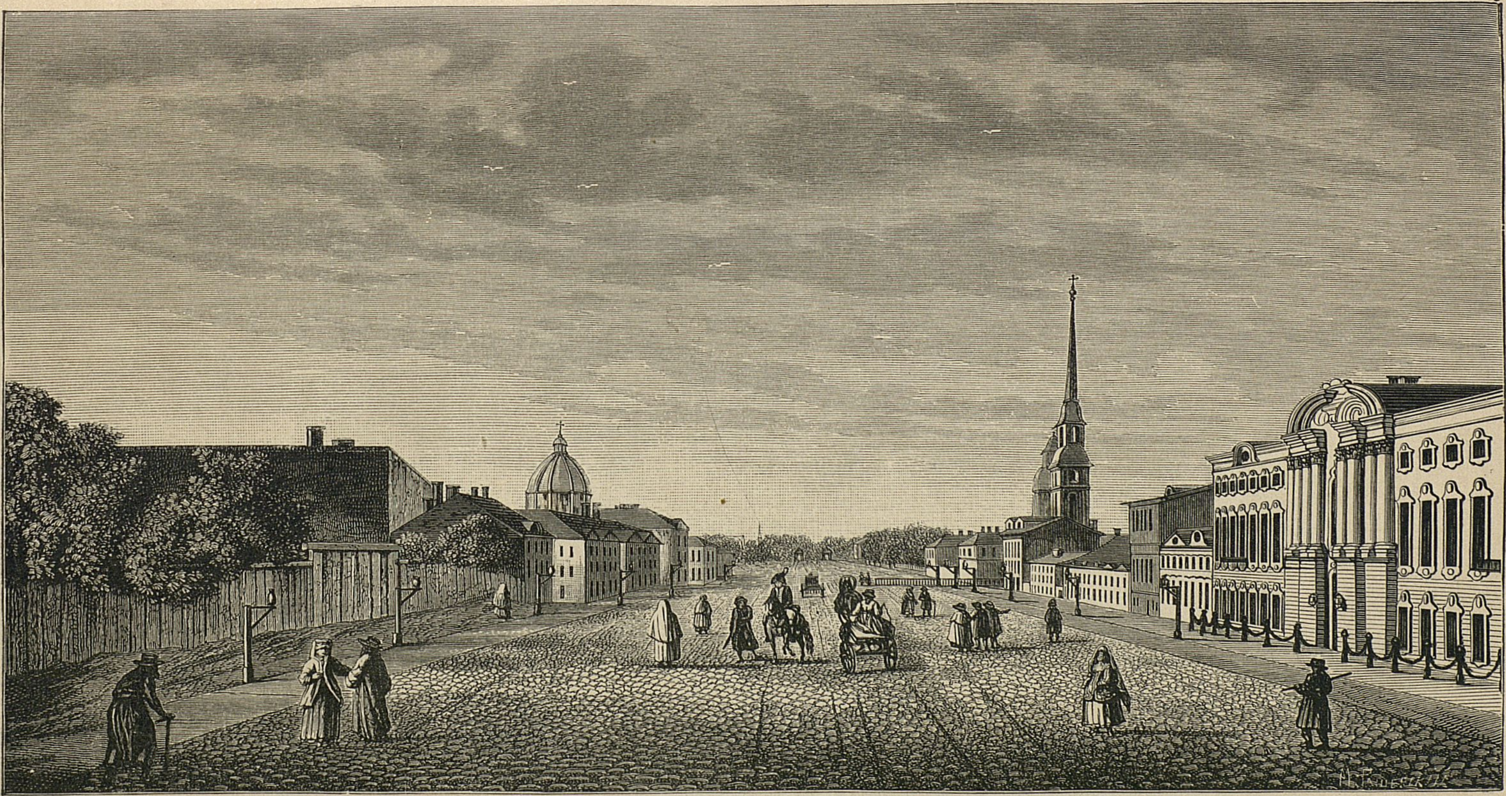
При первомъ съ кѣмъ нибудь свиданіи или знакомствѣ, купецъ тотчасъ старался закидать его пословицами и прибаутками, и тѣмъ дать знать, что онъ, какъ говорится, „самъ себѣ на умѣ". Купецъ всегда любилъ выпить, и помимо разныхъ семейныхъ празднествъ: именинъ, родинъ, крестинъ, искалъ случая напиться, особенно баня также еженедѣльно давала предлогъ къ пьянству и созывамъ гостей.

Лѣтомъ въ праздники купцы съ друзьями ѣздили за городъ съ пирогами, самоварами и водкою. Смотрѣніе кулачныхъ боевъ, медвѣжьей травли, катанья съ горъ составляли любимѣйшія зимнія удовольствія. Жены купцовъ не пили пива и не играли въ шашки, но хозяйка дома свою гостью отводила потихоньку въ спальню, какъ будто для разговора, и подносила ей тамъ по чарочкѣ тайкомъ, пока не напаивала допьяна.

Приказчики гдѣ нибудь въ отдѣльномъ жильѣ подражали хозяевамъ, съ тою только разницею, что напивались допьяна при игрѣ одного изъ товарищей на гусляхъ. Достоинство молодаго купеческаго сына состояло въ томъ, чтобы онъ умѣлъ твердо читать и писать и зналъ бы проворно выкладывать на счетахъ. Но тотъ считался съ большими способностями, кто умѣлъ быстро и звонко звать покупателя, скоро говорить, хвалить товаръ, божиться, обвѣшивать и присчитывать. Дочери богатыхъ купцовъ всегда составляли лакомый кусокъ для промотавшихся дворянъ. Было время, — говоритъ Страховъ, — что изъ Петербурга раззорившіеся моты на послѣднія деньги скакали въ Москву для поправленія своего состоянія женитьбою на нихъ. Видные и красивые осаждали милліоны какъ крѣпости, брали ихъ иногда хитростью, а иногда штурмомъ. Женившись на богачкѣ, изъ всей силы продолжали мотать по смерть, оставляя дѣтямъ при нищетѣ одно удовольствіе — вспоминать, что мать ихъ была милліонщица. Эти гордые бѣдняки представляли подобіе тѣхъ голыхъ вѣниковъ, которые домогались уваженія, выдавая свое происхожденіе отъ самаго древняго и густаго дуба!

Дѣдъ нынѣшняго купца носилъ русское платье, ходилъ „при бородѣ", лѣтомъ былъ въ чуйкѣ, зимою въ шубѣ. Жилъ онъ въ своемъ деревянномъ домикѣ гдѣ нибудь на „Пескахъ" или у „Владимірской"; видъ его былъ смирный, богобоязливый, почиталъ онъ послѣ Бога власть, поставленную отъ Бога, стоялъ почтительно за прилавкомъ, снявши шапку предъ благородною полиціею, боялся военныхъ, чиновниковъ, цѣлый вѣкъ обдергивался, суетился. Жену, дѣтей держалъ въ черномъ тѣлѣ и въ страхѣ Божьемъ. Умиралъ такой отецъ семейства, выносили его въ дубовой колодѣ ногами въ вороты на „Большую Охту", или на „Волково".

По смерти старика купца, всегда оказывался капиталъ значительный, наслѣдникъ его на мѣстѣ отческаго диконькаго домика выводилъ огромный домина и самъ облекался въ особенный варіантъ европейской моды, объ которой теперь едва сохранилось воспоминаніе: такой коммерсантъ носилъ длинный сюртукъ, вправляя брюки въ сапоги, и брилъ бороду. Платье его чистилъ старшій приказчикъ, но сапоги ввѣрялъ онъ сыну или мальчику. Чищеніе послѣднихъ требовало долгой работы и



Видъ Невскаго проспекта отъ Зеленаго (Полицейскаго) до Аничкова моста въ прошломъ столѣтіи.

Съ рисунка того времени Бенуа. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

особеннаго умѣнья. Вакса употреблялась восковая, накладывать ее на кожу нужно было понемножку, разогрѣвая дыханіемъ, затѣмъ сейчасъ же растирать и намазывать слѣдующій слой. Такое подравниваніе слоевъ отнимало много времени и могло быть благополучно окончено только опытною рукою. Сапожный глянецъ высоко цѣнился купцами.

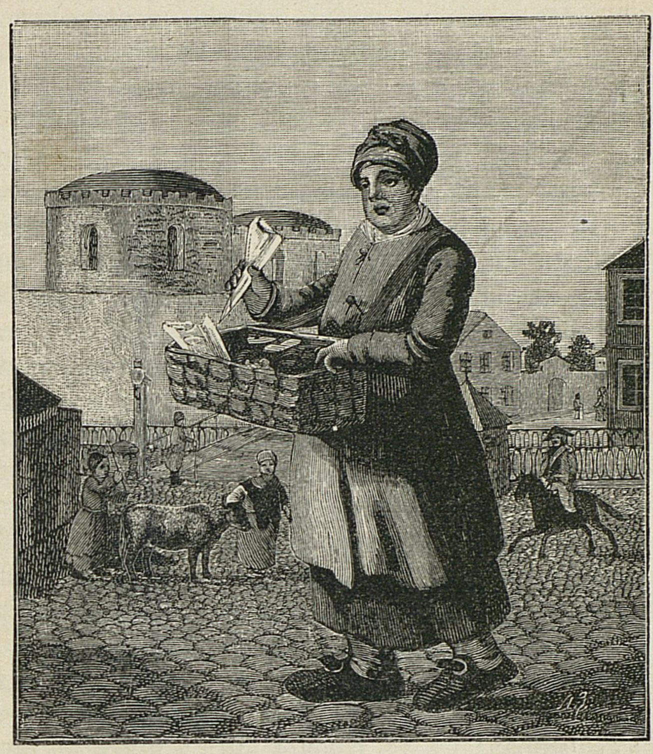
Вставалъ купецъ рано, и являлся въ лавку зимою вмѣстѣ съ первымъ проблескомъ свѣта, лѣтомъ онъ приходилъ въ шесть часовъ утра. Отпирая лавку, пили сбитень, съѣдали нѣсколько калачей и принимались за торговлю. Въ торговлѣ въ то время первое дѣло было зазвать къ себѣ покупателя и отбить послѣдняго у сосѣда. Потому молодцы съ зычнымъ голосомъ, неотвязчивые и умѣющіе въ зазывахъ своихъ насулить покупателю съ три короба, высоко цѣнились хозяевами. Когда покупатель въ лавку былъ зазванъ, торговецъ старался улестить его, отвести ему глаза, продать товаръ втридорога. На такія уловки нужна была опытность. Платье, походка, рѣчь покупателя тутъ все берется въ разсчетъ. Съ однимъ надобно кланяться, упрашивать, сдѣлать уступку „изъ уваженія“, съ другаго заломить сразу цѣну и вести себя гордо, не уступать копѣйки, третій, какъ, напримѣръ, мужичекъ требуетъ фамильярнаго обращенія: стукнуть по плечу, по животу, и „что ты, молъ, братъ, со своими торгуешься, со своего человѣка земляка лишняго не возьмемъ“. Съ духовенствомъ можно заговорить отъ писанія, слѣдуетъ подойдти подъ благословеніе, въ самой физіономіи выразить нѣкоторую святость.

Всякій товаръ надобно было показать лицомъ. Напримѣръ, матеріи торговецъ старался на прилавокъ накидать такую груду, что у покупателя разбѣгаются глаза. Кусокъ матеріи развертывался такъ, чтобы на него прямо падалъ свѣтъ и т. д. Купцы изъ лавокъ ходили обѣдать домой, и послѣ обѣда ложились отдыхать. Это былъ повсемѣстный обычай; спали купцы, затворивъ свои лавки; въ то время спали послѣ обѣда всѣ, начиная отъ вельможъ, до уличной черни, которая отдыхала прямо на улицахъ.

Не отдыхать послѣ обѣда считалось въ нѣкоторомъ смыслѣ ересью, какъ всякое отступленіе отъ прадѣдовскихъ обычаевъ. Когда смеркалось, купецъ запиралъ лавку замкомъ, потомъ прикрѣплялъ восковую печать и, помолившись, шелъ домой. При однообразіи торговой жизни въ рядахъ Гостинаго доставляла развлеченіе игра въ шашки; около почти каждой лавки стояла скамейка, на срединѣ которой была нарисована „шашельница“.

Около играющихъ иногда образовывалась цѣлая толпа зрителей, которые въ игрѣ принимали живѣйшее участіе, ободряли игроковъ и смѣялись надъ ихъ оплошностями. Въ игрѣ, какъ и въ торговлѣ, главное взять не столько знаніемъ, сколько хитростью, воспользоваться оплошностью противника. Зимой, въ морозные дни, приказчики грѣлись, схватываясь руками и похаживая посреди линіи, перегоняя другъ друга на сторону, или прозябнувшіе молодцы вступали двумя станами въ ратный бой и тянули веревку. Бывали въ то время такіе силачи, какъ жившій еще въ концѣ сороковыхъ годовъ шкатулочникъ—большой оригиналъ, „Евграфъ Егорычъ“, ходившій зимой и лѣтомъ въ большой боярской мѣховой шапкѣ; онъ, бывало, ухватится за одинъ конецъ веревки, и всѣ усилія противниковъ сдвинуть его съ мѣста пропадали даромъ.

Немало въ то время развлеченія доставляла торговцамъ и публика, гулявшая по линіямъ Гостинаго двора. Вѣроятно, теперь уже нѣтъ въ живыхъ гостинодворцевъ, которые бы помнили пріѣзжавшаго къ Гостиному двору въ каретѣ цугомъ высокаго мужчину въ черномъ доломанѣ съ металлическою мертвою головою на груди. Это былъ баронъ Жерамбо, гусаръ изъ полка наполеоновскихъ гусаровъ смерти. По разсказамъ, онъ велъ большую карточную игру, писалъ латинскіе стихи и былъ отчаянный бретеръ, загубившій не одну христіанскую душу на дуэли. Возбуждала здѣсь тоже общее любопытство своею ловкостью фигура стараго нѣмца съ длинными волосами на плечахъ; это былъ извѣстный въ свое время фокусникъ Апфельбаумъ, отмѣченный Гоголемъ въ одной изъ его повѣстей; затѣмъ памятны всѣмъ были Екатерининскій секундъ-маіоръ Щегловскій и Павловскій бригадиръ Брызгаловъ. Первый уже столѣтній старикъ, одѣтый въ мундиръ свѣтло-зеленаго цвѣта, съ красными отворотами, съ широкимъ золотымъ галуномъ, въ треугольной шляпѣ, съ большимъ бѣлымъ султаномъ, въ парикѣ, съ буклями, и съ тростью въ рукахъ, бодро еще ходилъ по линіи, заходя въ лавки, чтобъ отдохнуть и словоохотливо поболтать съ купцами о штурмѣ Бендеръ, о походѣ за границу во время Семилѣтней войны. Жизнь его была крайне интересна: онъ вступилъ въ службу солдатомъ при Елисаветѣ, сдѣлалъ походъ въ Семилѣтнюю войну, при штурмѣ Бендеръ находился въ арміи графа Панина. Въ 1777 году, былъ въ походѣ въ Судакскихъ горахъ, тамъ раненъ въ шею и въ голову стрѣлою и въ руку кинжаломъ, послѣ чего взятъ турками въ плѣнъ съ маіоромъ Зоричемъ, и находился въ Турціи четыре года, до заключенія мира. По возвращенiи изъ турецкаго плѣна былъ избранъ для сопровожденiя императрицы Екатерины изъ Кiева въ Херсонъ. Здѣсь, танцуя на балѣ у императрицы, онъ перемѣнилъ въ малороссiйской мазуркѣ четырехъ дамъ; государыня, смотря на ловкого танцора, въ знакъ удовольствiя рукоплескала; послѣ бала онъ былъ пожалованъ золотою табакеркою.



Уличная продавщица конфектъ въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго столѣтiя.

Съ гравюры того времени Шенберга.

Въ Таврической области, при переѣздѣ императрицы изъ Кинбурна, снесло бурею мостъ чрезъ протокъ Сиваша. Необходимо было устроить новый. Императрица спѣшила выѣхать, а еще неизвѣстно было, поспѣлъ ли мостъ; Щегловскiй былъ посланъ Потемкинымъ за 27 верстъ узнать, готовъ ли мостъ. Часа черезъ три, когда государыня сѣла за обѣденный столъ, онъ возвратился, загнавъ нѣсколько лошадей и проскакавъ 54 версты не болѣе, какъ въ три часа. Войдя въ столовую императрицы, гдѣ находился и Потемкинъ, Щегловскій, съ трудомъ переводя дыханіе, едва могъ промолвить:

— Ваша свѣтлость! мостъ поспѣлъ!

— Какъ?—сказала императрица:—онъ уже и съѣздилъ?—и такъ была довольна, что сняла съ руки своей богатый бриліантовый перстень и подарила Щегловскому. Въ слѣдующемъ году, онъ былъ пожалованъ золотою саблею и капитанскимъ чиномъ за храбрость, а за взятіе въ плѣнъ паши—орденомъ св. Георгія; потомъ онъ отчаянно дрался подъ стѣнами Очакова; за долгое сопротивленіе городъ былъ преданъ Потемкинымъ на три дня въ добычу побѣдителямъ. 18 солдатъ изъ отряда Щегловскаго возвратились къ нему съ мѣшками золота и, поощренные удачею, отправились снова на поискъ.

Тогда была ужасная зима: лиманъ замерзъ, войско въ лагерѣ укрывалось въ землянкахъ. Телѣги, кровати, все было пожжено; нечѣмъ было ни топить, ни сварить похлебки. Нѣсколько разъ возвращались съ мѣшками серебра и золота разгоряченные виномъ солдаты Щегловскаго, и разъ пошли и не вернулись болѣе. Щегловскій долженъ былъ въ скорости выступить; взять натасканныя сокровища не было возможности и даже опасно; заваливъ землянку съ сокровищами, онъ покинулъ Очаковъ. Съ тѣхъ поръ ему не удалось уже быть тамъ, и неизвѣстно, сохранились ли въ цѣлости его сокровища. Въ 1790 году, онъ получилъ ордеръ сдать турецкихъ плѣнныхъ поручику Никорицѣ. По прибытіи въ Яссы, Щегловскій получилъ рапортъ, что изъ числа плѣнныхъ девять турецкихъ офицеровъ бѣжали, и не прошло пяти дней, какъ за это упущеніе плѣнныхъ, даже безъ всякаго допроса и суда, онъ былъ, по повелѣнію Потемкина, въ кандалахъ отправленъ въ Сибирь, гдѣ и пробылъ 52 года въ ссылкѣ. Причина гнѣва и немилости князя Потемкина, по словамъ Щегловскаго, лежала въ особенномъ обстоятельствѣ. Онъ имѣлъ несчастіе понравиться одной польской княгинѣ, которая была предметомъ вниманія Потемкина. Въ 1839 году, императоръ Николай I повелѣлъ сосланнаго въ Сибирь Щегловскаго освободить и наградить тысячью рублями. Взявъ на шеститысячиверстный путь десять рублей деньгами и простившись съ 80-тилѣтней своей женой, Щегловскій отправился въ Петербургъ. Здѣсь въ дворцовыхъ сѣняхъ онъ упалъ къ ногамъ царя и на другой день получилъ триста рублей деньгами, а отъ императрицы—мундиръ полный формы маіорской одежды Екатерининскихъ временъ. Въ этой формѣ маіоръ былъ представленъ государю, и на вопросъ, за что былъ сосланъ въ Сибирь, отвѣчалъ: „За одну вину: потерпѣлъ за Еву!“

Въ 1843 году, стосемилѣтній бодрый старикъ, въ полномъ мундирѣ Екатерининскихъ временъ, присутствовалъ въ числѣ зрителей на парадѣ, на Суворовской площади, и, по милостивому вниманію императрицы, ему предложено было кресло. Какъ Елисаветинскій столѣтній рядовой, онъ получилъ въ сравненіи съ другими, бывшими на парадѣ, въ сто разъ болѣе—1,750 рублей.

Изъ разсказовъ и воспоминаній Щегловскаго, интересенъ разсказъ про извѣстнаго фаворита Екатерины, Зорича, который жилъ впослѣдствіи въ пожалованномъ императрицею мѣстечкѣ Шкловѣ, въ полной роскоши, среди наслажденій, какъ сатрапъ. Вотъ что разсказывалъ о немъ стосемилѣтній Щегловскій: „Храбрый маіоръ Зоричъ былъ окруженъ турками и мужественно защищался, но, когда, наконецъ, увидѣлъ необходимость сдаться, то закричалъ: „Я капитанъ-паша!“ Это слово спасло его жизнь. Капитанъ-паша у турокъ — полный генералъ, и его отвезли къ султану въ Константинополь. Здѣсь его важный видъ, осанка, разсказы, все побуждало султана отличить его и даже предложить ему перейдти въ турецкую службу, впрочемъ, съ тѣмъ, чтобы онъ перемѣнилъ вѣру. Но ни угрозы, ни пышныя обѣщанія не могли поколебать Зорича. И когда политическія обстоятельства перемѣнились, султанъ, желая склонить императрицу къ миру, согласился на размѣнъ плѣнныхъ, въ письмѣ своемъ поздравлялъ императрицу, что она имѣетъ такого храбраго русскаго генерала, какъ храбрый Зоричъ, который отвергъ всѣ его предложенія. Государыня велѣла справиться, и по справкамъ оказалось, что никакого генерала Зорича не было взято въ плѣнъ, а былъ взятъ маіоръ Зоричъ. Возвращенный въ Петербургъ Зоричъ былъ представленъ императрицѣ.

— Вы маіоръ Зоричъ? — спросила Екатерина.

— Я, — отвѣчалъ Зоричъ.

— Съ чего же, — продолжала императрица: — вы назвались русскимъ капитаномъ-пашею, вѣдь это полный генералъ?

— Виноватъ, ваше величество, для спасенія жизни своей, и чтобы еще имѣть счастіе служить вашему величеству.

— Будьте же вы генераломъ, — продолжала императрица: — турецкій султанъ хвалитъ васъ, и я не сниму съ васъ чина, который вы себѣ дали и заслужили.

И маіоръ былъ сдѣланъ генераломъ. У этого Зорича въ Шкловѣ давались лукулловскіе пиры, учреждались лѣтомъ поѣздки въ саняхъ по разсыпанной по дорогѣ соли и сожигался фейерверкъ, дѣланный нѣсколько мѣсяцевъ, одинъ павильонъ состоялъ изъ 50,000 ракетъ. Его крѣпостной балетъ былъ на столько хорошъ, что туда посылался вначалѣ царствованія Павла балетмейстеръ Вальберхъ, и привезены танцовщицы, и т. д.

Другой такой же свидѣтель прошедшаго вѣка бригадиръ Брызгаловъ ходилъ въ длиннополомъ русскомъ мундирѣ, ботфортахъ, крагенахъ, со шпагой назадъ и съ длинною тростью. Этотъ старикъ нѣкогда служилъ кастеляномъ въ Михайловскомъ дворцѣ и при Павлѣ исполнялъ должность смотрителя за подъемнымъ мостомъ; онъ рѣдко гулялъ одинъ, всегда его сопровождали дочь и два сына. Часто дѣти впереди несли его длинную трость. Зимой Брызгаловъ одѣвалъ волчью шубу на малиновомъ сукнѣ. Брызгаловъ былъ очень сварливаго нрава и вѣчно заводилъ ссоры съ купцами. Посѣщалъ также ежедневно Гостиный нѣсколько недѣль гостившій въ Петербургѣ извѣстный сподвижникъ Александра Благословеннаго, герцогъ Велингтонъ. Знаменитый гость разгуливалъ въ круглой шляпѣ и въ узкомъ, длинномъ черномъ плащѣ безъ рукавовъ (cols). Въ старину въ Гостиномъ дворѣ гуляли всѣ извѣстныя лица тогдашняго общества. Здѣсь меценатъ Н. И. Перепечинъ, директоръ банка, отыскалъ въ щепетильной лавкѣ, подъ № 67, молодаго сидѣльца Яковлева, впослѣдствіи знаменитаго трагическаго актера. Въ Гостиномъ же, на верхней линіи, осенью и зимою, въ дождливые и ненастные дни, гулялъ нашъ баснописецъ, Ив. Андр. Крыловъ. Онъ обходилъ Гостиный дворъ ежедневно пять разъ. Существуетъ анекдотъ про эти прогулки Ивана Андреевича: разъ, сидѣльцы, обыкновенно надоѣдавшіе своими криками всѣмъ гуляющимъ, атаковали Крылова.

— У насъ лучшіе мѣха[169]), пожалуйте-съ, пожалуйте-съ!— схватили его за руки и насильно втащили въ лавку.

Крыловъ рѣшился проучить рыночника.

— Ну, покажите же, что у васъ хорошаго?

Приказчики натаскали ему енотовыхъ и медвѣжьихъ мѣховъ. Онъ развертывалъ, разглядывалъ ихъ.

— Хороши, хороши, а есть ли еще лучше?

— Есть-съ.

Притащили еще.

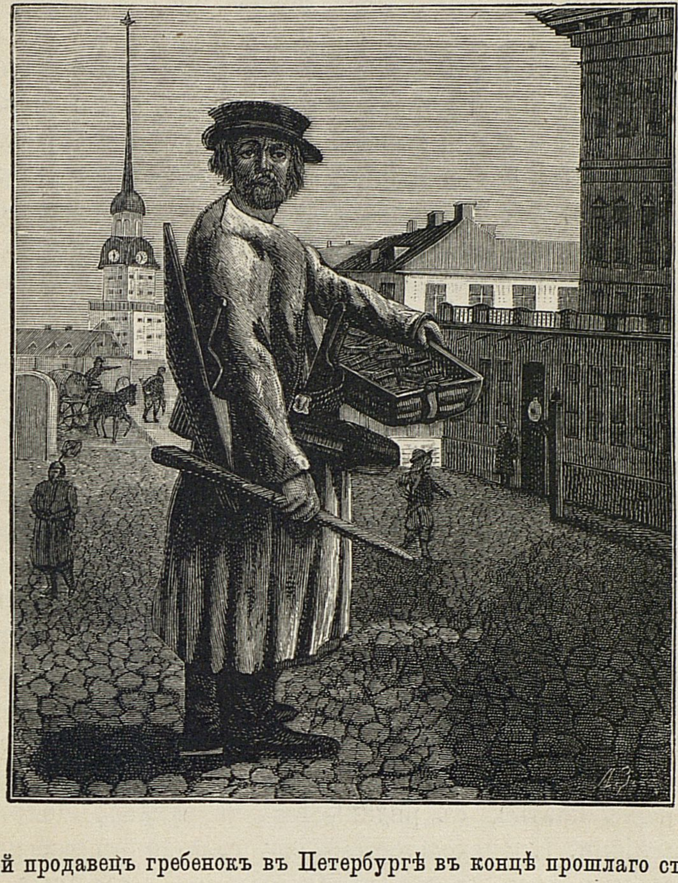
— Хороши и эти, да нѣтъ ли еще получше?

— Извольте-съ, извольте-съ!

Еще разостлали передъ нимъ нѣсколько мѣховъ. Такимъ образомъ онъ перерылъ всю лавку.

— Ну, благодарствуйте, — сказалъ онъ, наконецъ: — вижу у васъ много прекрасныхъ вещей. Прощайте!

— Какъ, сударь, да развѣ вамъ не угодно купить?



Уличный продавецъ гребенокъ въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Съ гравюры того времени Шенберга.

— Нѣтъ, мои друзья, мнѣ ничего не надобно; я прохаживаюсь здѣсь для здоровья, и вы насильно затащили меня въ вашу лавку.

Не успѣлъ онъ выйдти изъ этой лавки, какъ приказчики слѣдующей подхватили его.

— У насъ самые лучшіе, пожалуйте-съ! — и втащили въ свою лавку.

Крыловъ такимъ же образомъ перерылъ весь ихъ товаръ, похвалилъ его, поблагодарилъ торговцевъ за показъ и вышелъ. Приказчики уже слѣдующихъ лавокъ, перешептываясь между собою и улыбаясь, дали ему свободный проходъ. Они уже знали о его проказахъ изъ первой лавки, и съ тѣхъ поръ онъ свободно проходилъ по Гостиному двору и только раскланивался на учтивые поклоны и веселыя улыбки своихъ знакомыхъ сидѣльцевъ.

Утромъ по Гостиному двору, отъ созданія его до семидесятаго года, проходили цѣлыя безконечныя нити нищихъ; шли бабы съ грудными младенцами и съ полѣнами вмѣсто послѣднихъ; шелъ благородный человѣкъ, поклонникъ алкоголя, въ фуражкѣ съ кокардой, разсказывая публикѣ мнимую исторію своихъ бѣдствій; шелъ также пропойца-мастеровой, сбирали чухонки на свадьбу, гуляя попарно, со словами: „помогай невѣстѣ“; возили на розвальняхъ пустые гробы или крышку отъ гроба старухи, собирая на похороны умершему; шли фонарщики, сбирая на разбитое стекло въ фонарѣ. Ходилъ и нижній полицейскій чинъ съ кренделемъ въ платкѣ, поздравляя гостинодворцевъ съ своимъ тезоименитствомъ. Бродилъ здѣсь и нищенствующій поэтъ Петръ Татариновъ 170) съ акростихомъ на листѣ бумаги, изъ заглавныхъ буквъ котораго выходило: „Татаринову на сапоги“. Проходилъ и артистъ со скрипкой, наигрывая концертъ Беріо или полонезъ Огинскаго. Такой скрипачъ, бродившій въ концѣ сороковыхъ годовъ, былъ весьма недюжинный крѣпостной артистъ князя Потемкина. Брели, особенно передъ праздниками, разные калѣки, слѣпцы, уроды, юродивые, блаженные, странники и странницы; между послѣдними долго пользовалась большою симпатіей у торговцевъ старушка лѣтъ шестидесяти, въ черномъ коленкоровомъ платьѣ, съ ридикюлемъ въ рукахъ, полнымъ разными даяніями. Происхожденіемъ она была изъ княжескаго рода, воспитывалась чуть ли не въ Смольномъ и говорила пофранцузски и понѣмецки. Звали ее „Аннушкой“ и Анной Ивановной. Въ молодости она имѣла жениха гвардейскаго офицера, который женился на другой. Обманутая невѣста покинула Петербургъ и только спустя нѣсколько лѣтъ явилась опять въ столицу, но только уже юродивою. Одѣтая всегда почти въ лохмотья, она ходила по городу, собирала милостыню и раздавала ее другимъ. На улицѣ заводила ссоры, бранилась съ извозчиками и нерѣдко била ихъ палкой. Жила она у одного богатаго купца, а больше на Сѣнной, у священника, о. Василія Чулкова, тоже очень замѣчательнаго духовнаго отца, вышедшаго въ первую холеру изъ простаго званія, популярнѣйшаго священника между простонародіемъ и купцами. Аннушка отличалась прозорливостью и предсказаніями. Разъ, встрѣтившись въ Невской лаврѣ съ однимъ архимандритомъ, она предсказала ему полученіе епископскаго сана; дѣйствительно архимандритъ вскорѣ получилъ епископство, и былъ сдѣланъ викаріемъ въ Петербургѣ. Впослѣдствіи онъ помѣстилъ Аннушку въ охтенскую богадѣльню, подъ вымышленной фамиліей Ложкиной. Въ богадѣльнѣ она не жила. Не задолго до своей смерти, она пришла на Смоленское кладбище, принесла покровъ и, разостлавъ на землю, просила протоіерея отслужить панихиду по рабѣ Аннѣ. Когда панихида была отслужена, она покровъ пожертвовала въ церковь съ тѣмъ, чтобы имъ покрывали бѣдныхъ умершихъ, и просила протоіерея похоронить ее на этомъ мѣстѣ. При погребеніи ея присутствовали тысячи народа.

Въ числѣ разныхъ пустосвятокъ, бродившихъ по Гостиному двору, обращала на себя вниманіе толстая баба, лѣтъ сорока, называвшая себя „голубицей оливаной“. Носила эта голубица черный подрясникъ, съ широкимъ ременнымъ поясомъ; на головѣ у ней была іерейская скуфья, изъ-подъ которой торчали распущенные длинные волосы; въ рукахъ у нея былъ пучекъ восковыхъ свѣчей и большая трость, которую она называла „жезломъ іерусалимскимъ“. На шеѣ у нея были надѣты четки съ большимъ крестомъ и образъ, вырѣзанный на перламутрѣ. Народъ и извозчики звали ее „Макарьевной“ и „вдовицей Ольгой“. Говорила она иносказательно, и все больше текстами; на купеческихъ свадьбахъ и поминкахъ она играла первую роль и садилась за столъ съ духовенствомъ. Занималась она также лѣченіемъ, оттирая купчихъ разнымъ снадобьемъ въ банѣ; кругъ дѣйствій „Макарьевны“ не ограничивался однимъ Петербургомъ, она по годамъ живала въ Москвѣ, затѣмъ посѣщала Нижегородскую ярмарку, Кіевъ и другіе города. По разсказамъ, она выдала свою дочь за квартальнаго надзирателя, давъ ему въ приданое тысячъ двадцать. Подчасъ „Макарьевна“ жила очень весело, любила подъ вечерокъ кататься на лихачахъ, выбирая такого, который помоложе и подюжѣе.

Немало также толковъ и разговоровъ вызывали у гостинодворцевъ утреннія провозки преступниковъ на Конную площадь; въ то время такія экзекуціи случались довольно часто; тѣлесныя наказанія производились публично: по обыкновенію преступника везли рано утромъ на позорной колесницѣ, одѣтаго въ длинный, черный суконный кафтанъ и такую же шапку, на груди у него висѣла черная деревянная доска съ надписью крупными бѣлыми буквами о родѣ преступленія; преступникъ сидѣлъ на скамейкѣ спиною къ лошадямъ, руки и ноги его были привязаны къ скамейкѣ сыромятными ремнями. Позорная колесница слѣдовала по улицамъ, окруженная солдатами съ барабанщикомъ, который билъ при этомъ особенную глухую дробь. Въ отдѣльномъ фургонѣ за нимъ ѣхалъ, а иногда шелъ пѣшкомъ палачъ, въ красной рубашкѣ подъ конвоемъ солдатъ, выпрашивая у торговцевъ подачки на косушку водки.

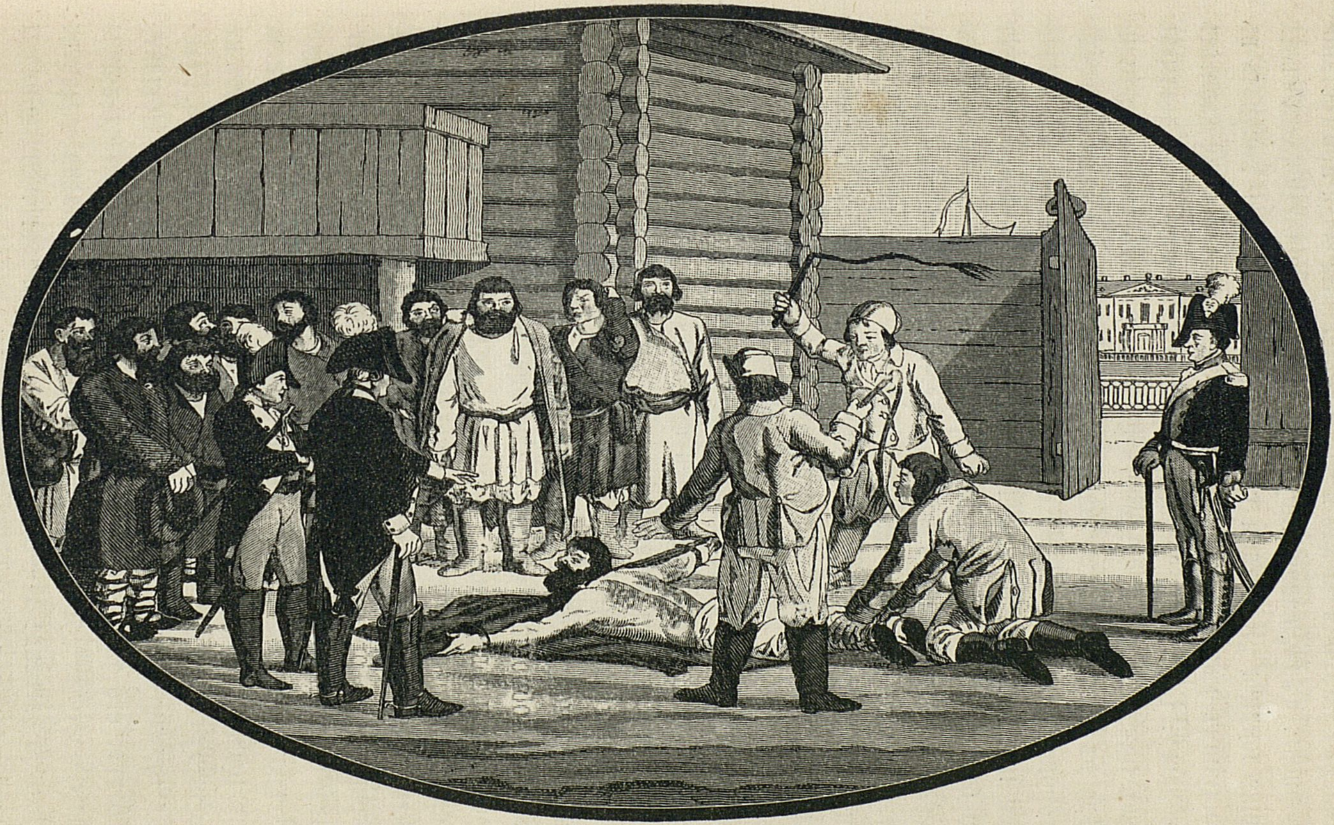
По прибытіи позорной колесницы къ мѣсту казни, преступника вводили на эшафотъ; здѣсь къ нему первый подходилъ священникъ и напутствовалъ его краткою рѣчью, давалъ поцѣловать крестъ. Затѣмъ чиновникъ читалъ приговоръ. Тюремные сторожа привязывали его къ позорному столбу; снимали съ него верхнее платье и передавали осужденнаго въ руки палачамъ. Эти разрывали ему какъ воротъ рубашки, такъ и спереди рубашку до конца, обнажая по поясъ, клали преступника на кобылу, прикрѣпляя къ ней руки и ноги сыромятными ремнями; затѣмъ палачи брали плети, становились въ ногахъ преступника и ждали приказа начать наказаніе. Начиналъ сперва стоявшій съ лѣвой стороны палачъ; медленно поднимая плеть и съ крикомъ: „берегись, ожгу!“—наносилъ ударъ, за нимъ билъ другой и т. д. При наказаніи наблюдалось, чтобы удары слѣдовали въ порядкѣ, съ промежутками.

По окончаніи казни, отвязывали виновнаго, накидывали на спину рубашку и послѣ наложенія клеймъ надѣвали шапку, сводили подъ руки съ эшафота, клали на выдвижную доску съ матрасомъ въ фургонѣ въ наклонномъ положеніи и вмѣстѣ съ фельдшеромъ отвозили въ тюремную больницу. При посылкѣ на каторгу палачемъ вырывались ноздри нарочно сдѣланными клещами. Ворамъ ставились на щекахъ и на лбу знаки: „воръ“, и затѣмъ ихъ затирали порохомъ.

Въ 1801 году, императоръ Александръ I, вступивъ на престолъ, отмѣнилъ какъ знаки, такъ и пытку; въ указѣ было сказано: „самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, должно быть изглажено навсегда изъ памяти народной“.

По гостинодворскимъ преданіямъ, въ маломъ Гостиномъ ряду, или въ ямщиковыхъ лавкахъ (рядомъ съ Думской улицей, нынѣшній мебельный рядъ), нерѣдко видѣли въ началѣ нынѣшняго столѣтія довольно тучнаго, вялаго, семидесятилѣтняго старика, извѣстнаго распространителя скопческой ереси, Кондратія Селиванова; по разсказамъ, его всегда сопровождалъ Солодовниковъ, въ то время еще приказчикъ богатаго купца-сектанта Сидора Ненастьева; впослѣдствіи сыновья Солодовникова были извѣстные петербургскіе богачи. Про Селиванова старожилы разсказывали много таинственнаго и чудеснаго: говорили, что онъ предсказываетъ будущее, а этого уже было достаточно, чтобы привлекать суевѣрную публику. Петербургскія барыни толпами пріѣзжали къ этому пророку, чтобы послушать пророчества. Селивановъ жилъ у купца Ненастьева, въ Басковомъ переулкѣ, близь артиллерійскихъ казармъ, второй домъ отъ угла. Здѣсь нерѣдко стояло по десяти каретъ, заложенныхъ, по тогдашнему обыкновенію, четвернями и шестернями. Даже такія особы, какъ министръ полиціи Балашовъ и петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, не брезговали бесѣдовать съ этимъ старцемъ и получать отъ него благословеніе. Селивановъ принималъ гостей, лежа на пуховикахъ на кровати, въ батистовой рубашкѣ, подъ пологомъ съ кисейными занавѣсками и золотыми кистями; комната, гдѣ онъ лежалъ, была устлана цѣльнымъ большимъ ковромъ, на которомъ были вытканы лики крылатыхъ юношей. Впослѣдствіи Селивановъ жилъ въ своемъ домѣ, построенномъ для него Солодовниковымъ въ Литейной части, близь Лиговки. Это былъ первый въ Петербургѣ скопческій корабль, или, какъ его называли скопцы, „Новый Іерусалимъ“. Въ этотъ храмъ стекались скопцы со всѣхъ концовъ Россіи. Приходившій встрѣчалъ самое широкое гостепріимство. Лица, приставленныя къ пришлецамъ, незамѣтно выпытывали отъ послѣднихъ про ихъ домашнія нужды и обстоятельства и затѣмъ все передавали Селиванову, который этимъ при разговорахъ съ ними и пользовался. Такимъ образомъ, слава лжепророка росла, какъ и усердныя приношенія въ его кассу, казначеемъ которой былъ Солодовниковъ. Селивановъ въ своемъ кораблѣ прожилъ до 1820 года, т. е. до ссылки его въ монастырь. Въ этомъ кораблѣ была устроена зала, гдѣ могло радѣть болѣе шестисотъ человѣкъ. Построена она была въ два свѣта и раздѣлена на двѣ части глухою перегородкой, въ одинъ этажъ. Въ одной половинѣ радѣли мужчины, въ другой женщины. Надъ этой перегородкой была устроена ложа, въ родѣ каѳедры, подъ балдахиномъ, гдѣ сидѣлъ Селивановъ, одѣтый въ короткое зеленое шелковое полукафтанье. Молящіеся кружились внизу, одѣтые въ двойныхъ бѣлыхъ рубашкахъ. Въ одной изъ комнатъ, примыкающихъ къ храму, помѣщалось всегда до десятка и болѣе молодыхъ, блѣднолицыхъ мальчиковъ; здѣсь они излѣчивались отъ той операціи, которая дѣлала ихъ на вѣкъ дискантами. „Настало златое время воскресенія“,—говорили скопцы. Полиція знала обо всемъ, что дѣлается въ этомъ домѣ; она знала, что число скопцовъ въ Петербургѣ значительно умножается. Никакихъ, однако, мѣръ для пресѣченія распространяющагося зла предпринимаемо не было; въ это время еще не существовало никакихъ узаконеній противъ скопчества; на эту секту смотрѣли снисходительно, на основаніи принципа вѣротерпимости въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Народъ же на скопцовъ смотрѣлъ благодушно, и въ шутку называлъ ихъ „масонами“.

Въ эпоху фельетоновъ Ѳ. Булгарина Гостиный дворъ переживалъ много тревогъ. Отзывы его о магазинахъ, по большей части, появлялись всегда передъ праздниками. Начиналъ онъ ихъ всегда колко и ядовито для гостинодворца и потомъ переходилъ въ хвалебный тонъ; обыкновенно въ это время миѳическое лицо его бесѣдъ, г. Добровъ, спрашивалъ [171]): „Итакъ, скажите намъ что нибудь о Гостиномъ дворѣ?“ — „На это надобно много времени,— отвѣчалъ Ѳадей Венедиктовичъ:— и я обѣщаю предпринять особое путешествіе въ Гостиный дворъ, въ которомъ я, однако жъ, не люблю часто прохаживаться“.—„Какъ! вы такой приверженецъ Гостинаго двора, всегдашній его защитникъ и поборникъ!“—возражалъ г. Добровъ. —„Это правда, но я не люблю безпрестанныхъ вопросовъ: „чего вамъ угодно-съ? чего вамъ надо-съ?“ Это вѣжливое „съ“, превращаясь въ несносное для ушей шипѣнье, изгоняетъ изъ-подъ прекрасныхъ сводовъ Гостинаго двора всякаго любопытнаго посѣтителя. Неужели купцы думаютъ, что, перебѣгая дорогу, снимая шляпу, кланяясь и дѣлая неумѣстные вопросы съ шиканьемъ въ концѣ рѣчи, можно заставить человѣка войдти въ лавку и купить ненужную вещь“... Въ другомъ мѣстѣ Булгаринъ писалъ: „Однажды, проходя по зеркальной линіи, увидѣлъ я въ одной изъ лавокъ серебряную табакерку, имѣвшую видъ собачки.—Что хочешь за эту вещь?—спросилъ я приказчика или хозяина, не знаю.—Тридцать пять рублей, — отвѣчалъ купецъ.— Дамъ пять,—сказалъ я въ шутку, и пошелъ. Въ двадцати шагахъ отъ лавки, мальчикъ догналъ меня и, подавая табакерку, сказалъ: „Извольте-съ! пожалуйте пять рублей“. Я заплатилъ и ужаснулся: я предложилъ цѣну въ шутку и



Наказаніе плетью въ тайной канцеляріи въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ акварели прошлаго вѣка Гейслера. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

угадалъ настоящую цѣну. Спрашиваю: сколько бы я потерялъ, если бъ въ этой пропорціи ошибался по двадцать четыре раза въ годъ, запасаясь всѣмъ нужнымъ въ Гостиномъ дворѣ!!“ Иногда Булгаринъ писалъ и болѣе непріятныя вещи про гостинодворцевъ. Такъ, какая нибудь дѣвица Полина отписивала своей пріятельницѣ: „Я хотя и патріотка, но не люблю покупать въ Гостиномъ дворѣ. Для меня несносенъ этотъ обычай зазывать въ лавку. Бѣда быть неопытной; запросятъ здѣсь въ двадцать разъ болѣе настоящей цѣны, заплатишь гораздо дороже; я присѣла въ лавкѣ и раздавила блинъ, которой положилъ на стулѣ второпяхъ завтракавшій сидѣлецъ. Другой разъ моей знакомой при выходѣ изъ лавки икорникъ провелъ черту лоткомъ по бѣлому салопу!“ Гостинодворцы знали, что̀ это значитъ, и несли дары изъ своихъ лавокъ къ сердитому фельетонисту. Слѣдующіе уже отзывы о лавкахъ были въ иномъ родѣ: „Гдѣ вы мнѣ совѣтуете купить часы?—спрашивалъ тотъ же г. Добровъ, или дѣвица Полина.—Во всякомъ магазинѣ Гостинаго двора ихъ множество... здѣсь вамъ поручатся за цѣлый годъ за исправность проданной вещи. Если вамъ угодно купить цѣпочку, перчатки и даже брилліанты, то ступайте въ лавку К—ва. Его вещи уважаются даже за границею, а въ пробѣ золота и добротѣ камней вы можете вѣрить его слову! — Я давно намѣреваюсь украсить мой кабинетъ нѣсколькими бронзовыми вещами,—говорилъ г. Добровъ: — здѣсь въ Гостиномъ три магазина славятся бронзовыми товарами, а именно“...—слѣдуютъ фамиліи купцовъ. Если Булгаринъ чувствовалъ особенную признательность къ владѣльцу магазина, то писалъ: „Я видѣлъ однажды чиновника, украшеннаго орденами, который дружески бесѣдовалъ въ магазинѣ съ купцомъ, своимъ сотоварищемъ по училищу. Я знаю нѣсколько случаевъ, въ которыхъ школьные друзья выручали изъ несчастія старыхъ своихъ товарищей, принадлежавшихъ къ высшему сословію“. Часто реклама была и такого сорта: „Главная отличительная черта этого магазина — честность. Пошлите ребенка, его такъ же примутъ, какъ вельможу, и за одинакую цѣну отпустятъ товары. Сею добродѣтелью издавна славится мѣховой магазинъ Л—ыхъ. Здѣсь находятся драгоцѣнные плоды дикой промышленности сыновъ зимы, камчадала, алеута и канадца, т. е. великолѣпная и вмѣстѣ спасительная одежда, заимствованная человѣкомъ отъ животныхъ, щедро надѣленныхъ природою предохранительными средствами отъ дѣйствій климата; отъ оконечностей сѣверо-восточныхъ береговъ Америки, черезъ всю пространную Сибирь, Китай, Европу и Соединенные Штаты простираются отрасли обширной торговли гг. Лем—хъ. Покупателю у нихъ ненадобно быть знатокомъ, чтобы избѣгнуть обмана“ и т. д.—„Продолжайте, продолжайте!—восклицаетъ г. Добровъ:—я всегда съ удовольствіемъ слушаю разсказы о честности купцовъ“...

Въ двадцатыхъ годахъ, пользовалась большою популярностью лавка купца Ко—ва, торговавшаго, какъ значилось на вывѣскѣ, „разными минераліями и антиквитетами“. Лавка этого продавца была цѣлый драгоцѣнный, рѣдкій музей: картины, оружіе, фарфоръ, драгоцѣнные камни и нумизматическія диковинки. Иностранецъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ, рѣдко уѣзжалъ, не видавъ его любопытныхъ товаровъ; правда, въ то время не было моды на амфоры временъ Сарданапала, вазы Анибала и кровати Маріи Медичи и т. д. Тогда болѣе была мода на отечественныя диковинки. Такъ, за мѣдную монету съ надписью „гроши“ 1724 года платили 600 рублей; за другую такую же рѣдкую монету, четыреугольной формы, съ гербами по угламъ и въ срединѣ со словами: „цѣна рубль. Екатеринбургъ, 1725 года“, и затѣмъ надпись кругомъ: „Первая плата изъ мѣди Верхотурскихъ Ляминскихъ заводовъ, которые построены при воеводѣ господинѣ Беклемишевѣ“,—было заплачено 3,000 рублей; первую купилъ купецъ Лаптевъ (авторъ рѣдкой книги „Опытъ старинной русской дипломатики“); вторую—извѣстный литераторъ тѣхъ временъ П. П. Свиньинъ.

На Суконной линіи былъ еще другой такой торговецъ—антикварій Дергаловъ; торговалъ онъ орденами и особенно музыкальными инструментами: у него, напримѣръ, были всевозможныя скрипки, начиная отъ кремонскихъ Андреа и Николо Амати, Франческо Руджіери, Гварнери до Антопіо Страдивари; были скрипки и основателей этихъ школъ; также тирольскія: Якова Штайнера, Клотца, Гваданини и Маджини изъ Бресчіи и т. д. Но особенно хорошія тогда продавались у него скрипки работы нашихъ петербургскихъ мастеровъ Іосифа Вахтера Штейнингера и русскаго Страдиваріуса, Ивана Андреевича Батова. Скрипки Батова новыя продавались отъ 500 до 800 рублей ассигнаціями за штуку, старыя же, т. е. давно сдѣланныя, цѣнились отъ 1,000 до 2,000 рублей. Его произведенія отличались необыкновенно тонкой работой и имѣли много общаго съ инструментами Жозефа Гварнеріуса; дерево прекраснаго качества, лакъ чрезвычайно гибкій, превосходнаго оттѣнка, не уступающій лаку Страдиваріуса; размѣръ скрипки Батова былъ не великъ; очертанія правильны; своды декъ не очень высоки и понижались мало-помалу до самыхъ усовъ; внутреннія части сдѣланы изъ ели хорошаго качества. Былъ у него одинъ только недостатокъ—нижняя дека въ центрѣ имѣла значительную толщину, что̀ сильно вредило звучности инструмента, ослабляя гибкость деки и препятствуя свободному распространенію звуковыхъ волнъ. Скрипки Батова такъ близко подходили къ произведеніямъ Жозефа Гварнеріуса, что всѣ, по большей части, покупались за границу, или продавались въ Петербургѣ за работу этого итальянскаго мастера.

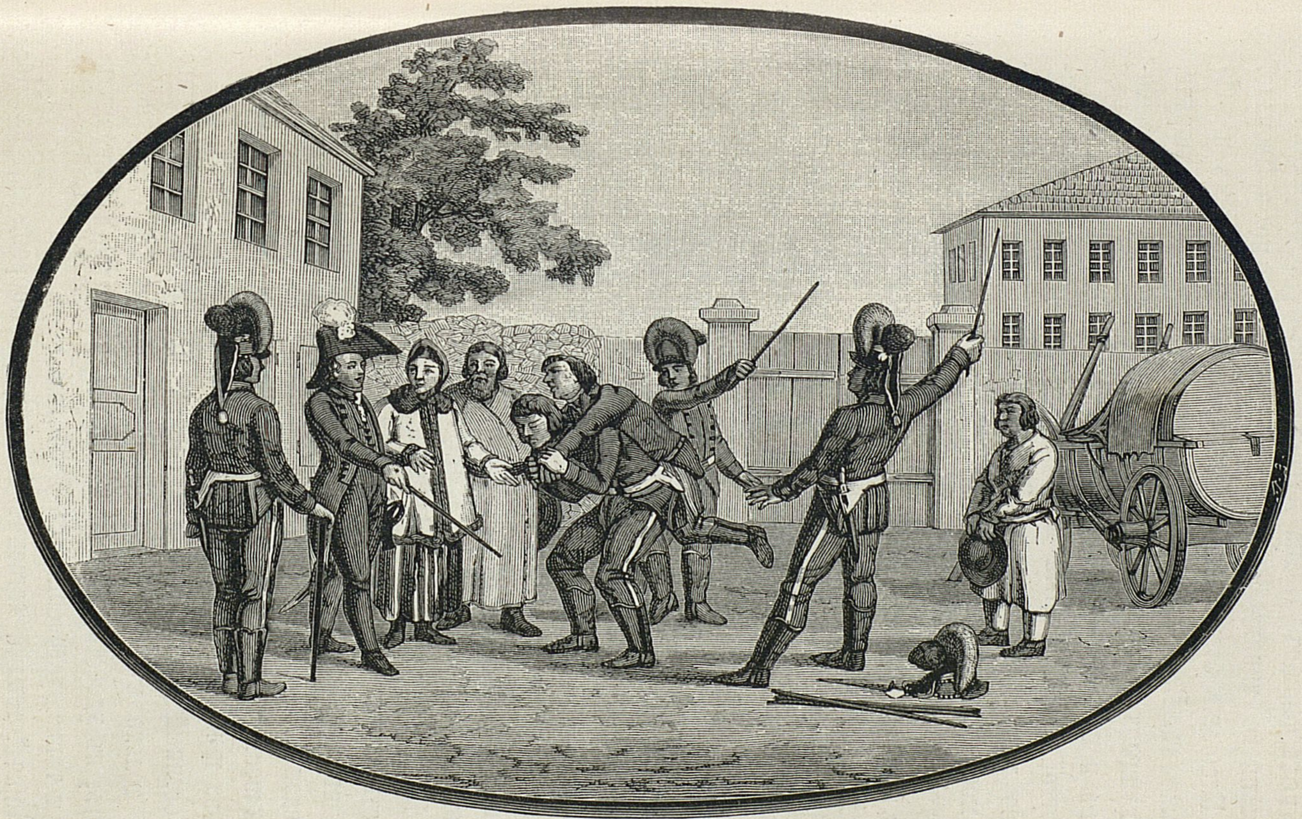
Вотъ нѣкоторыя собранныя нами подробности о жизни этого мастера. Батовъ былъ крѣпостной графа Н. П. Шереметева, родился онъ въ 1767 году, учился ремеслу у инструментальнаго мастера въ Москвѣ Владимірова. Въ бытность свою еще ученикомъ, Батовъ отличался тѣмъ, что всѣ его издѣлія были сдѣланы съ необыкновенною точностію и чистотою; въ мастерской Владимірова онъ снялъ копію съ одной старинной скрипки съ богатой рѣзьбой, такъ что ее никто не отличилъ отъ настоящей. Батовъ за это выигралъ большой закладъ. Оставивъ своего учителя, Батовъ уѣхалъ въ деревню графа Шереметева, гдѣ и снабжалъ прекрасными инструментами капеллу графа. Вскорѣ графъ переѣхалъ на житье въ Петербургъ, куда вытребовалъ Батова, гдѣ и опредѣлилъ его для изученія новаго тогда мастерства—дѣлать фортепіано. Батовъ попалъ къ фортепіанщику Гауку и черезъ годъ уже умѣлъ дѣлать фортепіано. Батовъ, не смотря на большіе заказы, никогда не принималъ работъ безъ позволенія своего барина. Графъ позволялъ ему дѣлать только музыкантамъ. Всѣ знаменитые виртуозы того времени пользовались его работами и отдавали ему полную справедливость. Такимъ образомъ, его заказчиками были: Гантошкинъ, знаменитый скрипачъ и балалаешникъ князя Потемкина; по преданію, Батовъ сдѣлалъ ему по дружбѣ такую балалайку изъ старой, вырытой изъ могилы, гробовой доски, что за нее впослѣдствіи чесменскій герой, графъ А. Г. Орловъ, предлагалъ ему тысячу рублей; давальцами Батова были и всѣ иностранцы: Дицъ, Фодоръ, Френцель, Роде, Бальо, Лафонъ, Ламаръ, Бореръ, Ромбергъ и другіе. Въ 1814 году, Батовъ поднесъ императору Александру I-му (которому и прежде неоднократно исправлялъ инструменты) скрипку своей работы; три мѣсяца онъ безостановочно и неутомимо дѣлалъ ее. По свидѣтельству знатоковъ, эта скрипка была nec pluc ultra совершенства въ отдѣлкѣ. Государь щедро наградилъ мастера. Послѣ этой скрипки Батовъ занялся устройствомъ новой віолончели и, трудясь безъ отдыха болѣе пяти мѣсяцевъ, окончилъ ее съ успѣхомъ. Віолончель эта, по словамъ Батова, красовалась и тѣломъ, и душею. Знаменитый віолончелистъ Бернгардъ Ромбергъ даже не вѣрилъ первое время, что она была сдѣлана Батовымъ, и отдавалъ за нее свою старинную итальянскую. Эту віолончель мастеръ впослѣдствіи поднесъ своему барину, графу Дм. Ник. Шереметеву, который за нее далъ ему вольную со всѣмъ его семействомъ. Втеченіе своей дѣятельной жизни Батовъ сдѣлалъ: 41 скрипку, 3 альта, 6 віолончелей и, по просьбамъ друзей, 10 гитаръ; контрбасы онъ дѣлалъ только въ мастерской Владимірова, считая эту работу неблагодарною и почти никогда не оцѣненною по справедливости. Множество знаменитыхъ итальянскихъ скрипокъ были имъ реставрированы и спасены отъ преждевременнаго уничтоженія; уваженіе его къ старинным мастерамъ было безпредѣльно. Работая много лѣтъ сряду, онъ особенно обращалъ вниманіе на заготовленіе хорошаго дерева, на которое нерѣдко употреблялъ значительныя деньги, покупая его даже въ вещахъ, какъ, напримѣръ, въ дверяхъ, старинныхъ воротахъ и т. д. У него до послѣднихъ дней сохранялись запасы такого дерева, заготовленные еще въ царствованіе Екатерины II. Онъ умеръ въ 1839 году, оставивъ сыновьямъ не деньги, а дерево и разные рецепты для дѣланія лака и разные лекалы, шаблоны, прорѣзи и множество полезныхъ приспособленій, извлеченныхъ изъ результатовъ болѣе пятидесятилѣтней постоянной практики. Послѣ его смерти осталась одна віолончель и двѣ неоконченныя скрипки, которыя купилъ за большія деньги одинъ итальянецъ банкиръ и увезъ за границу.

Въ тридцатыхъ годахъ, въ Гостиномъ дворѣ книжныхъ лавокъ было счетомъ восемь: Тюленева, Глазунова, Плавильщикова, Исакова, Фарикова, Свѣшникова (двѣ), Воробьева и Сленина. Отецъ послѣдняго торговалъ винами, но, видя въ сынѣ страсть къ книжному дѣлу, открылъ ему книжную лавку; И. В. Сленинъ немолодыхъ уже лѣтъ выучился французскому и нѣмецкому языкамъ; сперва онъ торговалъ въ Гостиномъ вмѣстѣ съ братомъ. Но въ 1817 году основалъ другой еще магазинъ, гдѣ и занялся изданіемъ „Исторіи“ Карамзина (второе изданіе восемь томовъ и первое XI тома). Изданіе это ему обошлось въ 165,000 руб. Сленинъ замѣчателенъ тѣмъ, что не издалъ ни одного романа, пѣсенника и т. д.

Имена старыхъ купцовъ безпрестанно исчезаютъ изъ списковъ купечества; насчитать много купцовъ, чей дѣдъ и отецъ были купцами 1-й гильдіи, едва ли возможно; у насъ купеческая фамилія почти всегда кончается со смертью основателя фирмы. Одно время богатые купцы тянулись въ дворянство [172]), хлопотали о полученіи чиновъ и спѣшили во что бы то ни стало родниться съ знатными дворянскими фамиліями; такъ извѣстный симбирскій заводчикъ Твердышевъ весь свой громадный капиталъ роздалъ своимъ дочерямъ, которыхъ повыдалъ замужъ за генераловъ и князей. Большія имѣнія Пашковыхъ, Шепелевыхъ, Баташевыхъ, князей Бѣлосельскихъ, есть не что иное, какъ клочки огромнѣйшаго капитала, составленнаго этимъ купцомъ. Впрочемъ, были и исключенія. Такъ, Прок. Акин. Демидовъ выдалъ своихъ дочерей за фабрикантовъ-купцовъ, не смотря на то, что самъ уже былъ дворяниномъ. Когда же одна изъ его дочерей объявила, что пойдетъ замужъ только за дворянина, то Демидовъ велѣлъ прибить къ воротамъ дома доску съ надписью, что у него есть дочь дворянка, и потому не желаетъ ли кто изъ дворянъ на ней жениться? Случайно проходившій въ это время мимо чиновникъ Станиславскій первый прочелъ это объявленіе, явился къ Демидову, сдѣлалъ предложеніе и въ тотъ же день былъ обвѣнчанъ съ его дочерью. Получившихъ дворянство купцовъ и торговавшихъ послѣ весьма немного; изъ такихъ извѣстны фирмы: Кусовыхъ, Погребова, Глазуновыхъ, кажется, и только.

Кусовъ первый завелъ транзитную торговлю и имѣлъ свои корабли. Кусовъ отличался большою благотворительностью; императоръ Александръ Павловичъ часто ѣзжалъ къ нему запросто въ гости съ императрицею. Домъ его стоялъ у Тучкова моста, послѣ смерти онъ завѣщалъ его въ казну для постройки на этомъ мѣстѣ Маріинской больницы. Кусовъ былъ масономъ и служилъ въ ложѣ „Астреи“ казначеемъ; у него былъ сынъ, полковникъ Кавалергардскаго полка. Лѣтъ двадцать тому назадъ, родъ Кусовыхъ получилъ баронство.

Родоначальникъ фамиліи Кусовыхъ былъ Василій Григорьевичъ, уроженецъ Троицко-Сергіевскаго посада, онъ въ 1766 году переписался въ петербургское купечество. Ив. Вас. былъ патріархомъ русскаго купечества. Слово его было вѣрный вексель, совѣтъ — законъ. Когда хоронили его, то все купечество было на ногахъ, самые почетнѣйшіе несли гробъ на рукахъ. Послѣ него осталось сто семнадцать живыхъ членовъ его семейства. Въ



Наказаніе фухтелями въ XVIII столѣтіи.

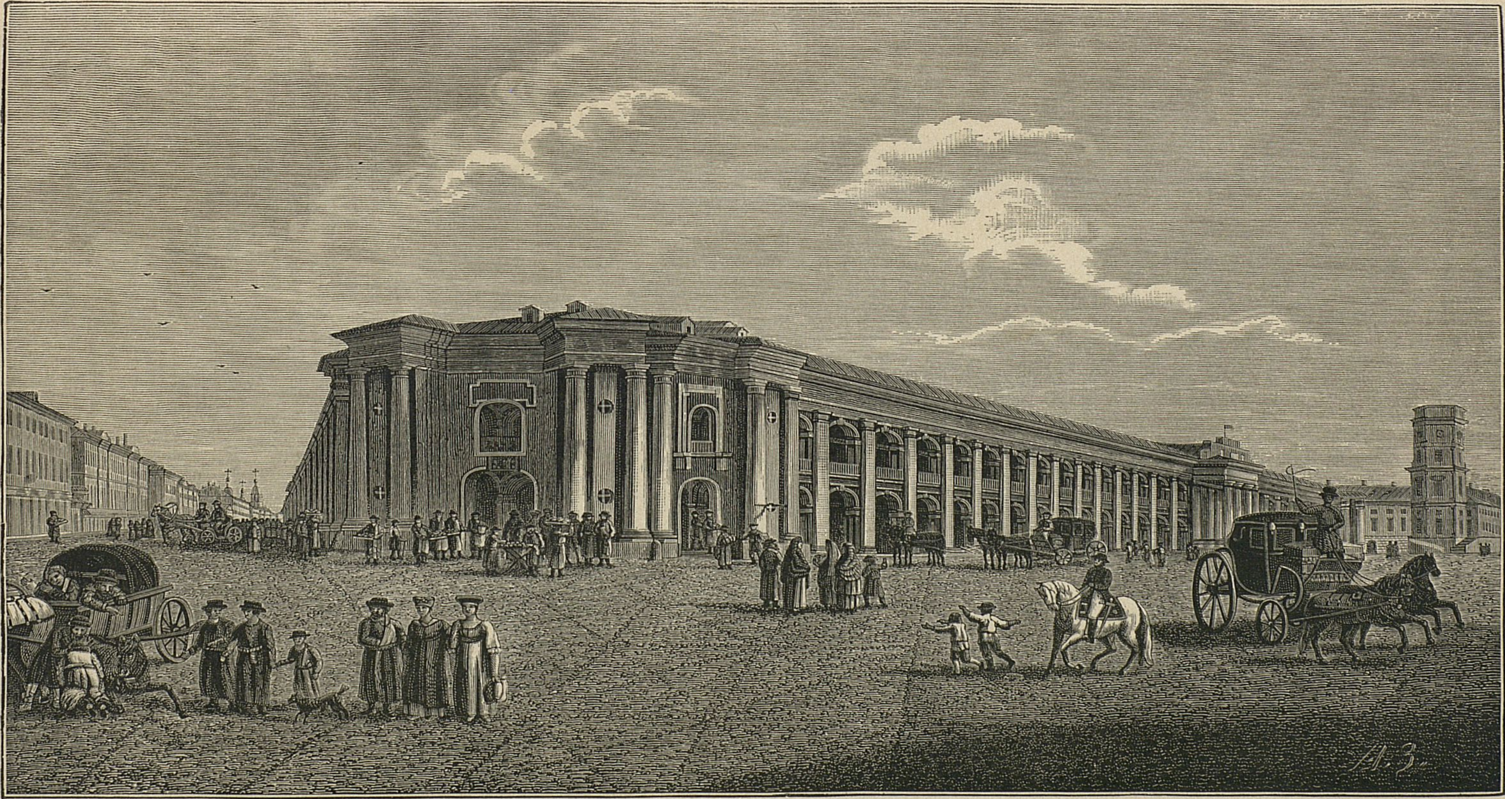
Съ офорта прошлаго вѣка Гейслера.

праздники за столъ Ив. Вас. садилось до восьмидесяти его родныхъ, помимо разныхъ артистовъ, чиновниковъ и т. д. Старшіе сыновья его, Алексѣй и Николай, продолжали портовую торговлю подъ фирмою „Ивана Кусова сыновья“, не взирая на то, что были въ чинахъ и орденахъ, слѣдовательно и дворяне. Домъ Кусовыхъ отличался необыкновеннымъ радушіемъ и хлѣбосольствомъ. Встарину такъ жили не только богачи и дворяне, но и купцы чуть-чуть зажиточные; теперь ужъ все это переходитъ въ преданіе!

Другой такой богатый купецъ, Жербинъ, вышелъ въ дворянство также очень давно. Торговалъ онъ лѣсомъ у Калинкина моста, гдѣ и имѣлъ великолѣпный домъ, роскошная зала въ которомъ въ два свѣта отдѣлана была съ царскою роскошью. Одинъ изъ наслѣдниковъ Жербина владѣетъ теперь большими домами на Михайловской площади; по преданію же, первый купецъ въ Петербургѣ, получившій дворянство, былъ Меншиковъ (его наслѣдники тоже извѣстные петербургскіе домовладѣльцы); возведенъ онъ былъ въ это званіе за услуги, оказанныя его дѣдомъ, московскимъ купцомъ, царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ; въ числѣ царскихъ наградъ въ его роду сохранялся серебряный кубокъ, пожалованный дѣду царевною Софьей. Самый старѣйшій купеческій домъ, торгующій въ Гостиномъ дворѣ, это домъ Погребова; онъ основанъ въ 1781 году. Въ этомъ домѣ есть два рѣдкихъ сотрудника, гг. А. П. Зайцевъ и П. П. Гласковъ, которые въ недалекомъ будущемъ будутъ праздновать свое пятидесятилѣтнее пребываніе въ стѣнахъ этого торговаго дома; изъ просуществовавшихъ сто лѣтъ купцами извѣстны фамиліи гг. Меншуткиныхъ и Лейкиныхъ. Изъ старожиловъ Гостинаго двора намъ называли г. А. Сергѣева, торговавшаго въ Суровской линіи болѣе шестидесяти лѣтъ, затѣмъ Ив. Ив. Ванчукова, П. Ѳ. Самохвалова и на Суконной линіи г. Масляникова.

Гостиный дворъ со дня постройки не измѣнилъ наружнаго вида, только къ Невскому проспекту онъ въ 1886 году передѣланъ; къ удобству магазиновъ много содѣйствовала пневматическая топка, устроенная съ 1837 года.

Первый теплый магазинъ былъ купца Бобренкова, на Малой Суровской линіи. При постройкѣ Гостинаго двора будущее отопленіе лавокъ строителемъ было предусмотрѣно, и въ каждомъ номерѣ были выведены дымовыя трубы; на случай же пожара, внутри Гостинаго былъ выкопанъ обширный прудъ для воды. До 1803 года, въ Гостиномъ дворѣ на линіи передъ лав-



Видъ Гостинаго Двора въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ акварели Патерсона 1804 года.

ками были устроены шкафы; кромѣ того, что отъ нихъ на галлереѣ была тѣснота, прохожіе еле проходили, рвали платье и т. д., но еще наемщики лавокъ терпѣли и ту невыгоду, что хозяева лавокъ отдавали лавку въ наймы одному, а шкапъ — другому. Наемщику лавки отъ этого происходилъ подрывъ въ торговлѣ. Въ 1803 году, торговцы подали жалобу тогдашнему военному губернатору, графу Толстому; узнавъ о жалобѣ, лавковладѣльцы явились съ просьбой; лавковладѣльцамъ отказали. Въ дѣло даже былъ пущенъ подкупъ въ 25 т. руб., кому слѣдовало (см. Записки В. Н. Гетуна, „Истор. Вѣст.“, янв., 1880, стр. 283). Дѣло доходило до императора Александра I. Государь рѣшилъ оставить только тѣ шкапы, которые на углахъ противъ лавокъ устроены въ стѣнахъ и не мѣшаютъ проходу, а прочіе всѣ снять, нимало не медля, галлерею очистить и впредь ее ничѣмъ не загромождать.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Гостиный дворъ имѣлъ пять гранитныхъ ступенекъ при входѣ; съ поднятіемъ тротуара и мостовой, послѣднія ушли въ землю. Стѣны Гостинаго, какъ и фундаментъ, отличаются необыкновенною прочностію; что же касается фундамента кладовыхъ внутри двора, то онъ сдѣланъ изъ одного крупнаго булыжника и при кладкѣ новыхъ этажей всегда требуетъ передѣлки.

Газовое освѣщеніе въ Гостиномъ уже явилось въ сороковыхъ годахъ. Владѣльцы лавокъ долго не рѣшались проводить его, ихъ сильно пугали частые взрывы и пожары отъ газа; проведеніе газа въ Петербургѣ было предпринимаемо въ 20-хъ годахъ. Первый освѣтился газомъ главный штабъ, затѣмъ, въ 1825 году, только-что построенный гр. Милорадовичемъ въ самое короткое время, очень красивый деревянный театръ у Чернышева моста, фасадомъ на Фонтанку (гдѣ теперь зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ). Цѣна лавки (стѣнъ) въ Гостиномъ, лѣтъ 30 назадъ, не превышала двѣнадцати тысячъ руб., теперь же на Большой Суровской линіи доходитъ до 80,000 рублей. Наемъ въ годъ прежде ходилъ не дороже 600 руб., теперь 4, 5 и 6 тысячъ. Наибольшимъ количествомъ лавокъ владѣютъ въ Гостиномъ гг. Е. Е. Кукановъ и Миняевъ; у перваго, по слухамъ, вмѣстѣ съ кладовыми ихъ 18-ть номеровъ. Внутри Гостинаго, параллельно наружному зданію, идетъ второй рядъ лавокъ, вмѣщающій въ себѣ кладовыя, а также лавки съ желѣзными и мѣдными издѣліями; въ среднемъ дворѣ помѣщается важня (большіе вѣсы) и столовая.

Въ 1853 году, чуть-чуть Гостиный дворъ не утерялъ своей вѣковой наружности съ Невскаго проспекта; въ этомъ году, подпоручикъ Нелидовъ выхлопоталъ дозволеніе впереди Суконной линіи построить новое зданіе съ магазинами; на это позволеніе комитетъ Гостинаго двора принесъ жалобу военному генералъ-губернатору, П. Н. Игнатьеву, и доказалъ указомъ, даннымъ 21 мая 1758 года императрицею Елисаветою, „что земля противъ Суровской линіи не есть сосѣдственное ему мѣсто, а есть непремѣнная принадлежность выстроенныхъ по этой линіи лавокъ, опредѣленная для свободнаго проѣзда къ нимъ, а потому въ отношеніи чистоты и мощенія и освѣщенія впродолженіе 90 лѣтъ содержится на средства владѣльцевъ лавокъ“.

Въ 1881 году, было еще другое посягательство на перестройку Гостинаго двора: какая-то французская компанія предлагала свои услуги.

ГЛАВА XV.

Большой театръ. — Спорный вопросъ о днѣ его открытія. — Празднество открытія театра. — „Il monde della luna“. — Содержаніе пьесы. — Постройка театра. — Наружное и внутреннее его устройство. — Реймерсъ и Георги о днѣ его открытія. — Полицеймейстеръ Чулковъ и сатира на него Копьева. — Постановка пьесъ при Екатеринѣ II. — „Начальное управленіе Олега“. — Актеры и рецензенты стараго времени. — Актрисы Семенова и Жоржъ. — Пожаръ Большаго театра. — Перестройка его. — Открытіе послѣ перестройки.

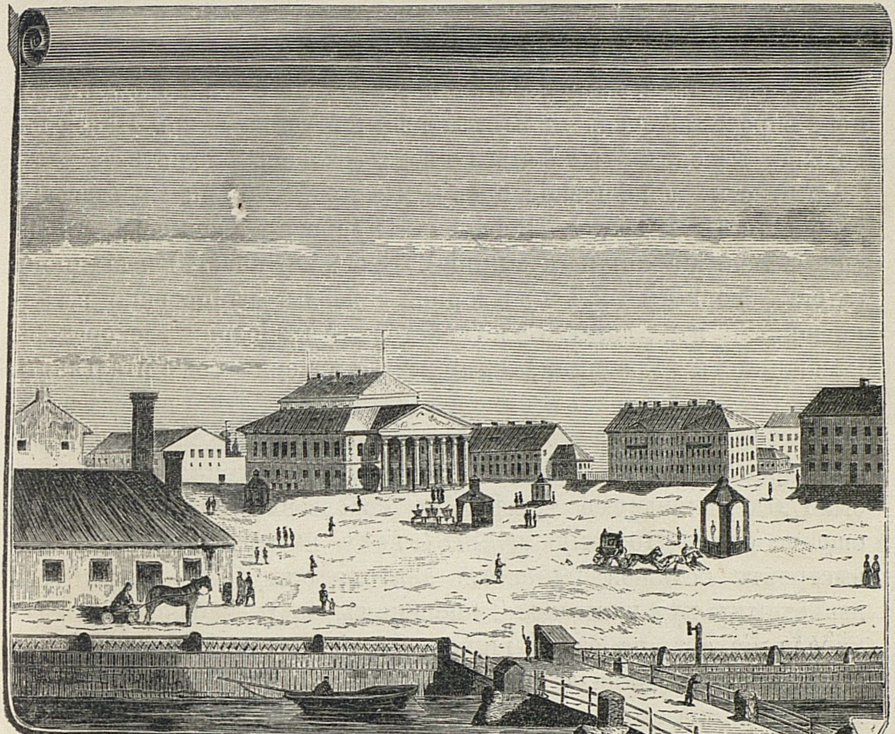
ВОПРОСЪ о днѣ открытія петербургскаго Большаго театра до сихъ поръ является спорнымъ. Одни (и въ томъ числѣ дирекція императорскихъ театровъ, праздновавшая столѣтіе Большаго театра 21 октября 1883 года) говорятъ, что театръ открытъ въ 1783 году; по нашему же мнѣнію, сто лѣтъ ему вышло только въ 1884 году, и это мнѣніе основывается на слѣдующихъ источникахъ:

„Описаніе С.-Петербурга“, 1794 г., стр. 96; Ив. Пушкаревъ: „Описаніе С.-Петербурга“, ч. III, стр. 120; князь А. Шаховской: „Лѣтопись русскаго театра“, эпоха II, стр. 1; „Театралъ“, карманная книжка любителей театра, Спб., 1853 г., стр. 117, и многіе другіе. Всѣ эти источники говорятъ, что Большой театръ открытъ не въ 1783 г., а въ 1784 г.[173]).

Кромѣ того, мы просматривали всѣ повременныя изданія 1783 года на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и нигдѣ не могли найдти дня открытія названнаго театра. Удивительнѣе всего, что такіе люди, какъ П. Н. Араповъ и Н. И. Гречъ, цѣлую жизнь собиравшіе всѣ свѣдѣнія по исторіи нашего театра, не знали вѣрно года и дня открытія. Гречъ въ своей статьѣ „Взглядъ на исторію русскаго театра“, напечатанной въ „Русской Таліи“ 1825 года, говоритъ, что Большой каменный театръ былъ открытъ въ 1783 году. П. Н. Араповъ, въ воей „Лѣтописи“, прямо перепечатываетъ это извѣстіе, и затѣмъ эта величайшая невѣрность повторяется нѣсколько разъ въ разныхъ „Театральныхъ Альманахахъ“ и доходитъ въ ошибкѣ до нашихъ дней.

Наиболѣе послѣдовательный изъ лѣтописцевъ нашего театра князь Шаховской первый сообщаетъ, что каменный театръ былъ открытъ въ 1784 году итальянской оперой: „Il monde della luna“, „На лунѣ“. Приводимъ здѣсь интересную замѣтку объ этой оперѣ музыкальнаго критика М. М. Иванова; по словамъ его, опера принадлежала перу двухъ знаменитостей своего времени—Гольдони и композитору Паэзіелло, или, правильнѣе, Паизіелло. Послѣдній долго жилъ въ Петербургѣ, гдѣ занималъ мѣсто дирижера въ оперѣ и инспектора театральныхъ оркестровъ. Днемъ открытія театра былъ день коронаціи императрицы. Объ этомъ ясно сказано на заглавномъ листѣ пьесы Гольдони, напечатанной 174) въ Петербургѣ (у Брейткопфа): „На лунѣ“—веселое театральное праздество, имѣющее быть представленнымъ въ новомъ каменномъ императорскомъ театрѣ по случаю дня перваго открытія, назначеннаго на торжественный день коронованія ея императорскаго величества Екатерины II“. Отсюда видно, что, во-первыхъ, съ празднованіемъ юбилея дирекція опоздала ровно на мѣсяцъ, ибо Екатерина короновалась 22-го сентября 1762 года, а, во-вторыхъ, что Р. Вагнеръ, взявъ для своихъ оперъ обозначеніе Bühnenweihfestspiel, только вернулся къ старому и пустилъ въ ходъ выраженіе, употреблявшееся итальянцами въ театральномъ мірѣ задолго до него. Итакъ, нѣтъ ничего новаго подъ луною: ни промаховъ театральныхъ дирекцій, ни употребленія театральныхъ терминовъ.

Комедія „На лунѣ“ была написана Гольдони сперва въ трехъ актахъ. Но такъ какъ торжественный спектакль не можетъ очень долго продолжаться, то пьесу передѣлали, составивъ изъ нея одно довольно большое дѣйствіе въ пяти картинахъ. Паизіэлло раньше пріѣзда въ Петербургъ написалъ и далъ въ Неаполѣ оперу на этотъ же сюжетъ, подъ названіемъ „Проведенный легковѣрный“. Для открытія же петербургскаго театра онъ сочинилъ совсѣмъ новую музыку. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ хоровъ, ансамблей, дуэтовъ и инструментальныхъ интермедій, размѣровъ неособенно значительныхъ по обычаю времени. Содержаніе пьесы слѣдующее. Молодой человѣкъ, Эклитико, ухаживаетъ за Кларисой, дочкою нѣкоего Буонафеде, любителя послѣднихъ словъ науки. Увлеченіе наукой не мѣшаетъ ему держать дочерей подъ замкомъ. Но давно уже извѣстно, что взрослыхъ дѣвушекъ не спрячешь, а человѣкъ идетъ къ погибели именно путемъ своихъ увлеченій. На увлеченіи старика Эклитико строитъ планъ соединенія съ возлюбленной. Вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ Эрнестомъ, влюбленнымъ въ другую дочь старика, Фламинію, ему удается одурачить легковѣрнаго Буонафеде. Онъ убѣждаетъ его, что ему, въ качествѣ астролога, удалось войти въ сообщеніе съ луною и получить приглашеніе переселиться туда навсегда. Буонафеде, видѣвшій уже въ телескопъ Эклитико разныя диковинныя туманныя картины, поддается раскинутымъ сѣтямъ и желаетъ сопровождать своего молодаго



Площадь Большаго театра.

Съ рѣдкой гравюры того времени. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

друга на луну. Ему даютъ сонныхъ капель и переносятъ въ садъ Эрнеста, гдѣ устроивается рядъ волшебныхъ сценъ: старику поютъ деревья, эхо говоритъ на разные голоса, пастушки танцуютъ съ нимфами и т. д. Буонафеде въ восторгѣ и проситъ только, чтобы и дочерей его перенесли въ очаровательный лунный міръ. Желаніе его исполняется, а монархъ луны, изображаемый слугою Эрнеста, приказываетъ Буонафеде обвѣнчать молодежь. Обманъ, въ заключеніе, конечно, раскрывается, но исправить его немыслимо, и Буонафеде остается покориться своей судьбѣ.

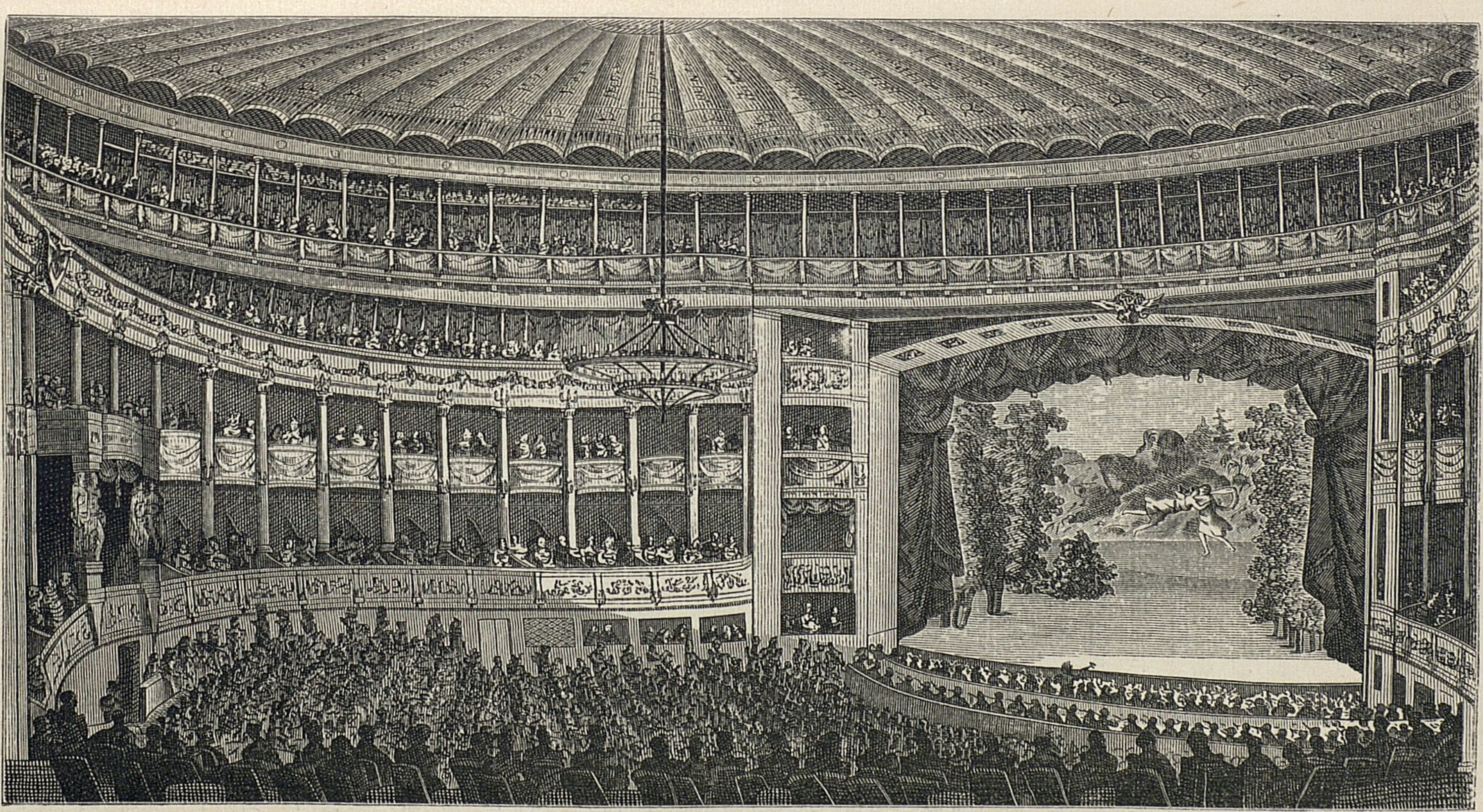
Такова эта незамысловатая пьеса. Нѣкоторыя положенія въ ней, впрочемъ, очень милы и забавны. Музыка оперы Паизіэлло должна, вѣроятно, находиться въ театральной библіотекѣ.

Артисты, исполнявшіе оперу „На лунѣ", были: Бальдассаре Маркетти (Буонафеде), Бернуччи (Клариса), Фермольи (Эклитико), Бен. Маркетти (Фламинія), Брокки (Эрнестъ) и Маццони (слуга). Хористы—изъ придворной капеллы. Танцовщики и танцовщицы — итальянцы. Балетмейстеръ Анджіолини, декораторы и машинистъ—Градицци, Бигарри и Домпьери—тоже итальянцы.

Вотъ что говоритъ Реймерсъ (авторъ извѣстнаго труда о Петербургѣ на нѣмецкомъ языкѣ) объ основаніи Большаго театра: „Ко времени восшествія на престолъ Екатерины въ столицѣ было два маленькихъ театра, но собственно опернаго театра еще не было. Поэтому въ 1784 году императрица приказала выстроить большой каменный театръ; онъ былъ воздвигнутъ извѣстнымъ художникомъ Тишбейномъ, подъ наблюденіемъ генерала Бауера, на одной широкой площади, на правой сторонѣ Николаевскаго канала, недалеко отъ Матросской церкви, но хотя величина его была довольно значительна, однако скоро онъ сталъ слишкомъ малъ для быстро возроставшаго населенія города. Внутренность театра, вмѣщавшаго до 3,000 чел., неоднократно передѣлывалась. Сначала царская ложа находилась на срединѣ, какъ разъ въ уровень съ эстрадой, такъ что для сидѣвшихъ въ ней всякая перспектива въ декораціяхъ исчезала, что было причиной частыхъ оптическихъ обмановъ. При Павлѣ амфитеатръ уничтожили и все очищенное мѣсто заняли подъ кресла и партеръ, а царскую ложу, которая до той поры находилась напротивъ эстрады, перенесли въ первый рядъ ложъ. Въ началѣ настоящаго царствованія, театръ снаружи былъ увеличенъ, а внутри передѣланъ совершенно и превосходно разукрашенъ французскимъ архитекторомъ Томо [175]). Въ первомъ ряду ложъ, теперь значительно выдвинутыхъ впередъ, находится и царская ложа; по желанію монарха, вполнѣ согласному съ обычнымъ благородствомъ образа мыслей Александра, она ничѣмъ не отличается отъ прочихъ. Самая театральная зала, съ тѣхъ поръ какъ ее освѣтили аргантовыми лампами и украсили великолѣпной люстрой, представляетъ величественное сооруженіе, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы своему назначенію, если бы не одинъ важный ея недостатокъ: отсутствіе резонанса; въ ложахъ, расположенныхъ напротивъ эстрады, голоса актеровъ едва слышны". Затѣмъ онъ описываетъ внѣшность театра и площадь. „Въ хорошихъ актерахъ для національнаго театра чувствовался до сихъ поръ рѣшительный недостатокъ",—продолжаетъ онъ,—„чтобы помочь этому, монархиня учредила въ 1785 году въ одномъ изъ зданій на лѣвомъ берегу Невы, недалеко отъ императорскаго Лѣтняго сада, императорское Театральное училище". Эта связь между учрежденіемъ Большаго національнаго театра и Театральнымъ училищемъ еще болѣе говоритъ въ пользу того, что Большой театръ дѣйствительно основанъ въ 1784 году. При Екатеринѣ II учрежденія возникали въ извѣстной системѣ, и недостатокъ актеровъ тотчасъ же долженъ былъ сказаться, и тотчасъ же учреждена и Театральная школа, наполнявшаяся преимущественно изъ воспитанниковъ и воспитанницъ Воспитательнаго Дома.

Реймерсъ напечаталъ свою книгу спустя двадцать лѣтъ со дня открытія театра, слѣдовательно ошибки въ такомъ важномъ фактѣ, какъ основаніе Большаго театра, не могло быть уже потому, что авторъ былъ современникомъ этого событія. Книга Реймерса не скороспѣлая компиляція, а серьёзный трудъ. Другой очевидецъ этого же событія, Георги, говоритъ въ своей книгѣ: „Повелѣніемъ Екатерины Вторыя построенъ оный въ 1784 году подъ смотрѣніемъ славнаго театральнаго живописца Тишбейна и подъ главнымъ надзираніемъ г. генералъ-поручика Бауера. Снаружи представляетъ оный громадное зданіе величественнаго вида. Надъ главнымъ входомъ стоитъ изображеніе сидящія Минервы изъ карарскаго мрамора, съ ея символами, а на щитѣ надпись: Vigilando quiesco (покоясь продолжаю бдѣніе). Все зданіе опредѣлено для комедій, трагедій, оперъ, концертовъ и маскарадовъ. Поелику въ комедіи и трагедіи требуется, чтобъ можно было явственно слышать говоренное и различать черты лицъ актеровъ, то и неудобно было сдѣлать залу весьма великую. Для достиженія же перваго отверстіе театра сдѣлано столь велико, какъ обширность мѣста позволяла. Императорская ложа находится въ срединѣ, противъ театра, въ горизонтѣ онаго и такъ, что всѣ перспективныя линіи въ оной смыкаются, отчего разнообразныя представленія здѣсь наиболѣе плѣняютъ. Подъ кровлей находятся четыре большія водохранилища съ восьмью мѣхами и двумя насосами; сверхъ того, въ этомъ зданіи 8 крылецъ и 16 выходовъ, которые всѣ имѣютъ взаимную связь между собою. Ради громовыхъ ударовъ сдѣланъ при семъ театрѣ профессоромъ Кольрейфомъ громовой отводъ, гдѣ копіе Минервы управляетъ молніею".

„На прекрасной обстроенной площади около театра, во время святой недѣли, бываютъ качели для увеселенія черни, и стоятъ шесть бесѣдокъ изъ дикаго камня, коихъ предметъ и построеніе равенъ съ находящимися на Дворцовой площади. На послѣднихъ зимою раскладывается огонь для кучеровъ, стоящихъ на улицѣ во время съѣзда". Здѣсь же смѣнялись гвардейскіе караулы и во время торжественныхъ празднествъ давались народу жареные быки и били фонтаны съ виномъ. Въ этихъ же бесѣдкахъ въ дни тезоименитства императрицы производились поздравленія музыкою и барабаннымъ боемъ. Цѣны на мѣста въ Большомъ театрѣ установлены были въ слѣдующемъ порядкѣ: за ложу 1 яруса 12 р., за кресло сначала по 2 р., потомъ 2 р. 50 к., входъ въ партеръ стоилъ рубль мѣдью. Креселъ всего въ то время было три ряда; въ кресла садились одни старики, первые сановники государства; офицеры гвардіи и всѣ порядочные люди помѣщались въ партерѣ, на скамьяхъ. Въ ложахъ втораго яруса нерѣдко можно было видѣть старыхъ женщинъ, съ чулкомъ въ рукахъ, и купцовъ-стариковъ въ атласныхъ халатахъ, съ семьей подомашнему. Въ эту эпоху спектакли начинались обыкновенно въ 5 часовъ и кончались не позднѣе десятаго часа; цензура пьесъ была подвѣдомственна с.-петербургскому оберъ-полицеймейстеру и совершалась очень немногосложно. Въ канцеляріи полицеймейстера, куда собиралось множество всякаго народа: кто съ прошеніемъ, кто забранный на улицѣ за пьянство или буйство, приходили и авторы съ рукописями, просмотръ которыхъ совершался очень быстро, на ходу. Тутъ же оберъ-полицеймейстеръ прочитывалъ ихъ и подписывалъ. Особенно отличался своею грубостью въ концѣ царствованія Екатерины и въ началѣ царствованія Павла полицеймейстеръ Чулковъ. Разъ, осыпая насмѣшками извѣстнаго въ то время остряка-поэта А. Д. Копьева, автора комедіи „Лебедянская ярмарка", пришедшаго



Видъ зала Большаго театра въ Екатерининское время.
Съ весьма рѣдкой гравюры прошлаго столѣтія. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

къ нему по дѣлу, онъ сталъ приставать къ нему со словами: „Говорятъ, что ты пишешь стихи? Напиши же сейчасъ мнѣ похвальную оду, вотъ перо и бумага“. — „Хорошо“, — отвѣчалъ Копьевъ, подошелъ къ столу и написалъ:

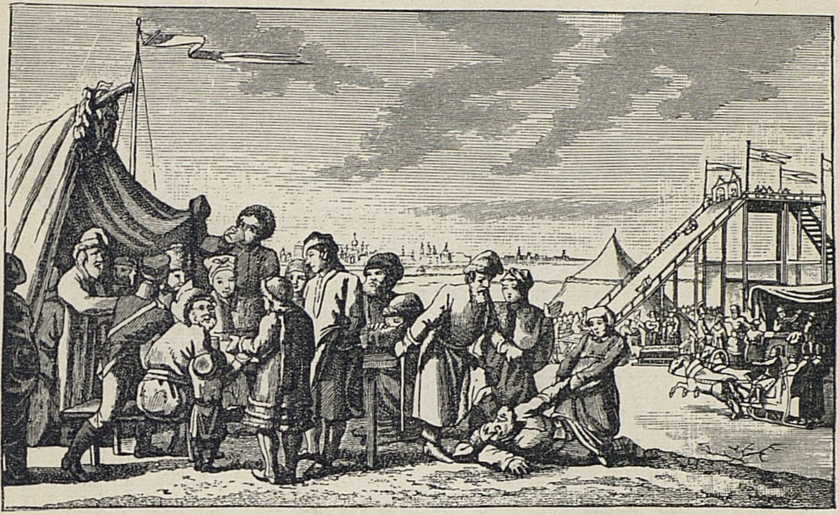
Отецъ твой Чулокъ,
Мать твоя тряпица,
А ты самъ...
Что за птица?

Въ царствованіе Екатерины, объ актерахъ и театрѣ говорили въ обществѣ съ большимъ интересомъ; въ то время еще существовали записные театралы изъ людей всѣхъ слоевъ общества; тогда первое представленіе какой нибудь трагедіи, комедіи или оперы возбуждало всеобщій интересъ и порождало всюду толки и сужденія. Новая пьеса была тогда настоящею новостью; въ бенефисы брали старыя пьесы, и зрители являлись. Тогдашнее однообразіе репертуара и привычка зрителя къ однообразію всего сценическаго были почти изумительны; теперь невозможно понять, какъ доставало терпѣнія десять, двадцать разъ смотрѣть одно и то же. Такое же однообразіе было и въ самой игрѣ актеровъ. Театральныя традиціи переходили отъ одного къ другому. Всѣ актеры и хорошіе, и дурные постоянно тогда пѣли или читали, но не говорили. У хорошихъ выходило лучше, у худыхъ хуже, но манера была у всѣхъ общая и одинаковая, да и стихи и проза того времени не позволяли отъ нея отступленія.

Обстановка пьесъ и костюмировка того времени тоже не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ нынѣшнимъ. Смѣшно было смотрѣть на бѣдность декорацій, машинъ и одежды. Герои всѣ тогда являлись въ какихъ-то однообразныхъ балахонахъ. Бывали, впрочемъ, исключенія, но такія существовали только на Эрмитажномъ театрѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1788 году были пожалованы императрицею роскошные костюмы и весь гардеробъ ея двухъ царственныхъ предшественницъ для великолѣпнаго представленія „Олега“.

Вотъ заглавіе этой піесы: „Начальное управленіе Олега, подражаніе Шекспиру, безъ сохраненія ѳеатральныхъ обыкновенныхъ правилъ, въ 5 дѣйствіяхъ. Музыка соч. Сартія, съ его же объясненіемъ, переведеннымъ Н. Львовымъ, Спб., 1791 года“. Это, по своему времени, роскошное изданіе сочиненія Екатерины II не было въ продажѣ. По слухамъ, эта величайшая библіографическая рѣдкость теперь надняхъ отыскана въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ экземпляровъ.

Содержаніе пьесы относится къ вѣку великаго князя Рюрика, когда онъ при концѣ жизни, оставляя сына своего Игоря въ несовершеннолѣтнемъ возростѣ, передалъ княженіе шурину своему, урманскому князю Олегу. Театръ представляетъ мѣсто, гдѣ соединяются рѣки Москва, Яуза и Неглинная. Являются бояре новгородскіе, кіевляне, вожди и народъ. Жрецы подносятъ первый камень для заложенія города Москвы. Затѣмъ происходитъ торжественный обрядъ заложенія города и отъѣздъ Олега въ Кіевъ. Второе дѣйствіе открывается шествіемъ угровъ черезъ Кіевъ. Театръ представляетъ лугъ на берегу Днѣпра. На противоположной сторонѣ рѣки видна часть города; на первомъ планѣ сцены шатры княжескіе, Олегъ съ Игоремъ принимаютъ кіевскихъ бояръ, пришедшихъ съ жалобою, будто бы Аскольдъ, князь кіевскій, не соблюдаетъ вѣры предковъ и измѣняетъ праотцовскіе обычаи. Олегъ отрѣшаетъ Аскольда отъ княженія и отдаетъ его подъ стражу. Третіе дѣйствіе самое интересное. Театръ представляетъ великолѣпную палату княжескаго дома въ Кіевѣ. Двѣ боярыни свахи вводятъ подъ руки нареченную невѣсту Игоря, изборскую княжну Прекрасу. Сваха сажаетъ Прекрасу за дубовый столъ, за скатертьми бранными; четыре боярыни-свахи и четыре сидячія боярыни помѣщаются по обѣимъ сторонамъ сцены на лавкахъ; затѣмъ свахи наряжаютъ



Народное гулянье на Невѣ въ Екатерининское время.

Съ офорта прошлаго столѣтія Нютгейля. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Прекрасу, надѣваютъ на нее верхнее русское платье и накрываютъ покровомъ съ убрусцемъ, украшеннымъ золотомъ, жемчугомъ. Затѣмъ садятся по мѣстамъ, появляется Олегъ и нарекаетъ Прекрасу Ольгою. Дѣйствіе оканчивается балетомъ и торжественнымъ шествіемъ къ вѣнцу.

Въ четвертомъ дѣйствіи представленъ Константинополь. На заднемъ планѣ сцены видна городская стѣна и шатры Олеговыхъ войскъ. Олегъ осаждаетъ городъ, остается побѣдителемъ и заключаетъ съ Леономъ, царемъ константинопольскимъ, достославный миръ.

Въ пятомъ дѣйствіи театръ представляетъ внутренность императорскаго дворца въ Константинополѣ. Императоръ Леонъ, царица Зоя и Олегъ идутъ рядомъ; передъ ними стража греческая и придворные сановники и царедворцы Олега. Хоръ поетъ:

Коликой славой днесь блистаетъ
Сей градъ съ прибытіемъ твоимъ!
Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаетъ
Въ пространномъ зданіи своемъ,
Но воздухъ наполняетъ плескомъ
И нощи тьму отъемлетъ блескомъ.

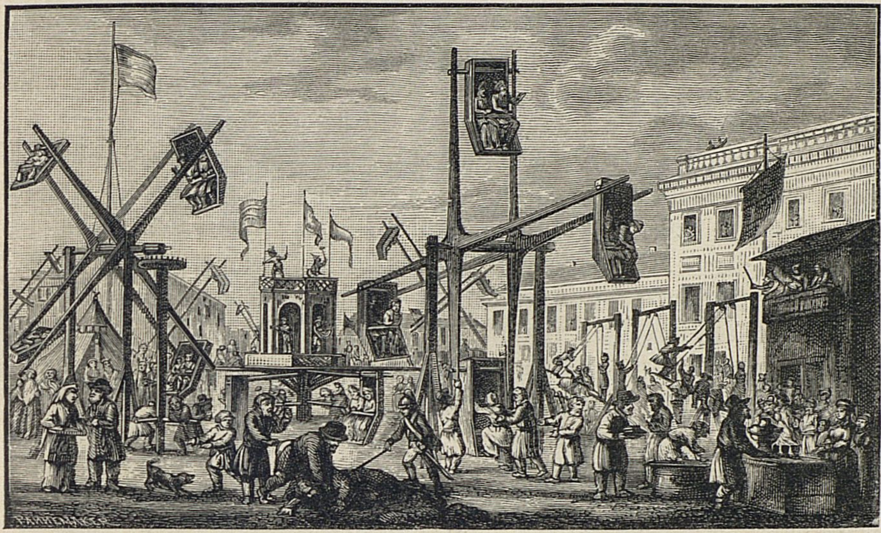
Стихи эти были взяты изъ сочиненій Ломоносова. Замѣчательно, что стихи эти были еще пѣты и въ 1826 году, при нѣкоторыхъ торжествахъ, во время коронаціи императора Николая. Въ послѣдней сценѣ представленъ ипподромъ константинопольскій. Леонъ, Зоя и Олегъ сидятъ на возвышенномъ мѣстѣ. Начинаются разныя игрища: бѣгъ, борьба, конскія ристалища, и оканчивается все балетомъ.

Постановка этой піесы стоила около 15,000 рублей.

Театръ временъ Екатерины можно было назвать отраженіемъ тогдашняго утонченнаго тона, источникомъ изящества, стиля и т. д. Театры, какъ и актеры, въ то время были мастера при случаѣ сложить мадригалъ и расшаркаться по всѣмъ правиламъ салона. На сценѣ какъ ни была пламенна любовь Федры, Андромахи или Роксаны, но онѣ всегда умѣли сохранить въ обращеніи пріемы придворныхъ. Федра, Андромаха, Роксана, испуская духъ, произносили правильные періоды и умирали съ подобающимъ чиномъ...

Старые театральные рецензенты были тоже учтивые и вѣжливые люди, всѣ ихъ печатные отзывы объ игрѣ артистовъ были писаны на тему мадригаловъ; передъ именами первыхъ артистовъ непремѣнно ставили ласкательные эпитеты: единственный, незабвенный, славный и т. д., а нѣкоторыхъ величали и виршами, напримѣръ: „Вальберхова Дидона достойна трона“.

Какъ мы уже замѣтили, закулисная жизнь и разные анекдоты артистовъ возбуждали общее любопытство и переходили отъ одного къ другому въ ежедневныхъ разсказахъ. Въ десятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, поклонники артистокъ Семеновой и Вальберховой гонялись за каретами этихъ актрисъ, останавливали ихъ на улицѣ, выражая имъ свое обожаніе, и нерѣдко заводили ссоры съ противниками за превосходство каждой изъ нихъ. Про Семенову современники говорили, что эта актриса обладала всѣмъ тѣмъ, что только можетъ имѣть женщина, посвящающая себя театру. Мода на вечера съ чтеніемъ Семеновой была на столько велика, что ей платили по 500 рублей и болѣе за вечеръ. Нелединскій, въ своей книгѣ „Хроника недавней старины“, пишетъ: „Для забавы твоей матери я пригласилъ къ себѣ Семенову. Она декламировала роли: Аріаны, Герміоны, Ксеніи изъ „Эдипа“ Озерова; подарокъ былъ 500 рублей. Вчера Семенова декламировала у графа Строгонова, гдѣ имѣла большой успѣхъ. Завтра она будетъ у Вяземскихъ“ и т. д. Про игру этой артистки говорили, что она прежде отличалась необыкновенною простотою и естественностью, но



Народныя увеселенія въ Петербургѣ въ Екатерининское время.

Съ гравюры Ходовецкаго, сдѣланной съ рисунка съ натуры Майера.

съ пріѣздомъ въ Петербургъ знаменитой французской актрисы Жоржъ, она рабски стала подражать послѣдней и „запѣла растянутою декламаціею“. Эта неслыханная до того на русской сценѣ дикція сильно понравилась публикѣ, и Семеновой стали восхищаться еще болѣе, чѣмъ прежде, провозгласивъ ее первою актрисою въ свѣтѣ.

Но если Жоржъ и пѣла, то у этой артистки, пріѣхавшей въ 1808 году въ Петербургъ, двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, во всемъ блескѣ своей красоты и силѣ таланта, были минуты истиннаго вдохновенія въ роляхъ Федры, Меропы, Клитемнестры, Семирамиды и пр. Жоржъ, сводившая съ ума весь Парижъ и прославившаяся связью съ Наполеономъ I [176]), вызвала цѣлую бурю восторга въ петербургскомъ обществѣ. Первый дебютъ г-жи Жоржъ на Большомъ театрѣ былъ 13-го іюля 1808 года, въ трагедіи Расина „Федра“. Вотъ что пишетъ о ней въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ неизвѣстный театральный критикъ характернымъ языкомъ прошлаго столѣтія: „Къ намъ пріѣхала изъ Парижа новая актриса, г-жа Жоржъ, которая можетъ включена быть въ малое число славныхъ трагическихъ лицъ. Всеобщая молва о ея дарованіяхъ заставила меня съ лорнетомъ въ рукахъ замѣчать въ театрѣ всѣ ея движенія, голосъ, взгляды. Г-жа Жоржъ, лѣтъ 22-хъ дѣвица, роста большаго, стройна, прекрасна собою, волосы черные, окладъ лица греческій и по тому самому съ перваго уже появленія вселяетъ въ зрителяхъ охоту ее видѣть, замѣчать... Къ тому же всѣ ея тѣлодвиженія ловки, игривы, какъ говорятъ живописцы. Словомъ, для кисти и рѣзца она лучшій образецъ. Голосъ у нея свободный, громкій, выговоръ внятный; многіе замѣчали, будто она слишкомъ уже протяжно говоритъ, даже поетъ; но забыли, что самое лицо, ею представленное, того требовало; извѣстно намъ, что такъ произносили на театрахъ древнихъ, въ родѣ которыхъ сія трагедія писана. На этотъ самый случай фернейскій драматургъ пишетъ, чтобы отнюдь не произносить стихи какъ прозу, онъ даже бранитъ тѣхъ, которые дерзаютъ сей языкъ великихъ людей унижать обыкновеннымъ выговоромъ: повѣримъ ему въ этомъ, онъ не лгалъ, когда касалось до вкуса. Къ тому же, какъ я замѣчалъ, актриса въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ употребляла протяжное произношеніе, когда того требовало ея положеніе, страсти, перемѣна разговора... Нужно только предувѣдомить нашихъ молодыхъ актрисъ, чтобы онѣ съ большею осторожностью принимали такой напѣвъ... Пожалуй, иная пропоетъ намъ трагедію на голосъ „Nel cor piu non mi sento“. Далѣе критикъ говоритъ: „пора мнѣ слѣдовать за Федрою отъ перваго ея явленія въ трагедіи до послѣдняго“, и слѣдуетъ за игрой артистки, разбирая ее очень толково, съ знаніемъ дѣла. Заканчивая свой разборъ, критикъ описываетъ нарядъ г-жи Жоржъ: „Одежда актрисы, — говоритъ онъ, — соотвѣтствовала представляемому лицу; на головѣ царская повязка или діадема золотая; бѣлое золотомъ шитое покрывало; бѣлая съ золотою бахрамою туника, на плечахъ мантія, руки обнаженныя, на нихъ запястья, или браслеты. Въ пятомъ дѣйствіи она была безъ повязки и покрывала, волосы вверхъ забранные. Нѣкоторые зрители желали, чтобы она распустила свои волосы, но они, конечно, позабыли, что въ древнія времена при какихъ либо несчастіяхъ или горестяхъ не распускали волосъ, а напротивъ совсѣмъ ихъ обрѣзывали“.

Въ 1802 году, Большой театръ былъ перестроенъ архитекторомъ Томо. Онъ сгорѣлъ въ ночь на 1-е января 1811 года, и въ 1818 году былъ возобновленъ архитекторомъ Модюи. Для открытія давали прологъ князя Шаховскаго: „Меркурій на часахъ“. Р. М. Зотовъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: „Подобнаго литературнаго паденія я не запомню. Представлена была застава на Парнасѣ и Меркурій со строгимъ разборомъ пропускалъ въ нее разные роды пьесъ. Публикѣ показалось, что авторъ выставилъ личности, и ошикала пьесу самымъ жестокимъ образомъ. Изъ 129 пьесъ Шаховскаго имѣли подобную участь только драмы „Лилія Нарбонская“ и трагедія „Роксана“.

Въ 1826 году, Большой театръ былъ перестроенъ архитекторомъ Кавосомъ и значительно поднятъ для возвышенія потолка залы и для удобства машинъ на сценѣ, устроенныхъ машинистомъ Роллеромъ.

Открытіе послѣдовало, 26-го октября 1836 года, первымъ представленіемъ оперы „Жизнь за Царя“ М. И. Глинки. Съ этого времени на Большомъ театрѣ стали происходить только оперныя и балетныя представленія; впрочемъ, въ пятидесятыхъ годахъ, давали и небольшіе водевили, для съѣзда публики, иногда передъ балетами. Въ 1856 году, 30-го августа, въ Большомъ театрѣ состоялся торжественный столѣтній юбилейный спектакль въ память обнародованія указа объ учрежденіи россійскаго театра.

ГЛАВА XVI.

Михайловскій замокъ, жилище императора Павла I.—Легенда о построеніи дворца.—Распорядители надъ постройками.—Работы днемъ и ночью. — Анекдотъ и стихи Копьева.—Торжественная закладка замка.—Жизнь императора Павла въ Зимнемъ дворцѣ. — Парады и разводы. — Балетныя танцовщицы на парадѣ. — Анекдотъ.—Наружное и внутреннее великолѣпіе замка. — Полная реформа военнаго быта. — Первые дни царствованія императора. — Строгости и новые порядки. — Разсказъ А. И. Тургенева.—Внутреннее убранство дворца.—Картины.—Серебряныя балюстрады.—Обѣдъ государя.—Разсказы современниковъ.—Шутъ императора „Иванушка“.—Анекдотъ изъ Гатчинской жизни.—Гарнизонная служба въ Михайловскомъ замкѣ.—Перемѣны въ арміи.—Опочивальня императора.—Разсказы А. Коцебу. — Комната, въ которой скончался императоръ.—Присутственный день въ Павловское время.—Судьба Михайловскаго замка.—Инженерный замокъ.—Хлыстовскій корабль.

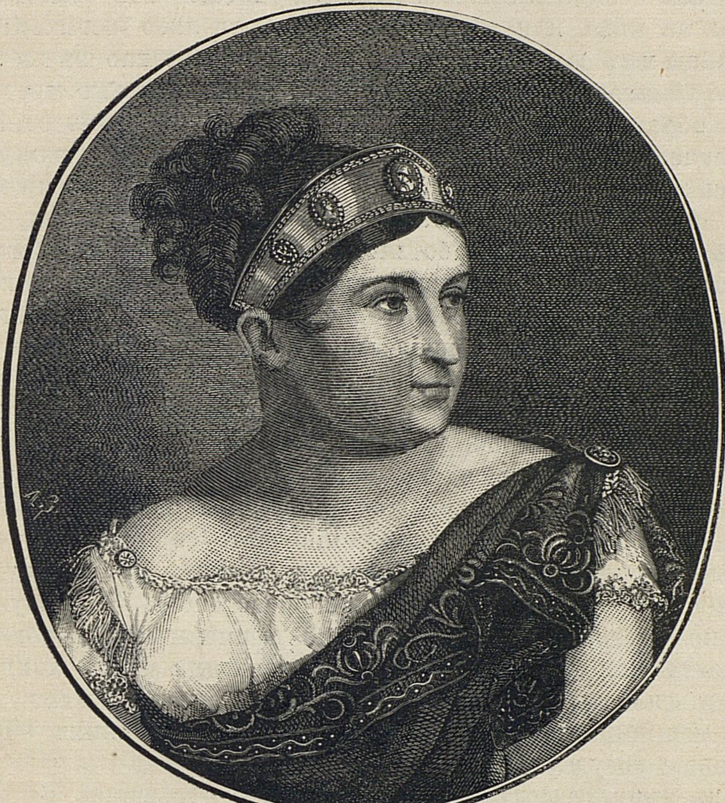
НА МѢСТѢ, гдѣ находился деревянный Лѣтній дворецъ императрицы Елисаветы, „въ третьемъ саду“, императоръ Павелъ, въ 1796 году приказалъ выстроить Михайловскій замокъ. Дворецъ этотъ сохранялся только какъ послѣдній памятникъ Елисаветинской эпохи; всѣ ею основанные дворцы въ царствованіе Екатерины обращены въ богоугодныя и другія заведенія. Причину постройки новаго дворца тогда въ Петербургѣ объясняли какимъ-то загадочнымъ случаемъ. Извѣстно, что Павелъ Петровичъ принадлежалъ къ масонству177), онъ вѣрилъ въ сны и предзнаменованія. Разсказъ его о видѣніи ему его прадѣда, Петра I, приводится многими его современниками; также извѣстенъ и сонъ его предъ днемъ вступленія на престолъ, переданный въ запискахъ графа Растопчина. Ему снилось, что его три раза поднимаетъ къ небесамъ какая-то невѣдомая сила. Сонъ его накапунѣ смерти тоже описанъ [178]). Тутъ ему привидѣлось, что ему на спину надѣваютъ узкій парчевой кафтанъ, и съ такимъ усиліемъ, что онъ готовъ былъ закричать отъ боли. Постройка дворца также находится въ прямой связи съ этой вѣрой въ видѣнія. Вотъ какъ разсказывали тогда объ этомъ случаѣ. Однажды солдату, стоявшему въ караулѣ при Лѣтнемъ дворцѣ, явился въ сіяніи юноша и сказалъ оторопѣвшему часовому, что онъ, архангелъ Михаилъ, приказываетъ ему идти къ императору и сказать, чтобы на мѣстѣ этого стараго Лѣтняго дворца былъ построенъ храмъ во имя архистратига Михаила. Солдатъ донесъ о бывшемъ ему видѣніи по начальству, и когда объ этомъ доложили императору, онъ отвѣтилъ: „Мнѣ уже извѣстно желаніе архангела Михаила; воля его будетъ исполнена“. Вслѣдъ за этимъ онъ распорядился о постройкѣ новаго дворца, при которомъ должна быть построена и церковь во имя архистратига Михаила, и самый дворецъ было приказано называть Михайловскимъ замкомъ. Главнымъ распорядителемъ всѣхъ работъ назначенъ сперва тайный совѣтникъ В. С. Поповъ, потомъ гофмаршалъ, графъ Тизенгаузенъ. Первымъ архитекторомъ былъ Бренна, помощниками его: Руско, Соколовъ, Насоновъ и Пилниковъ; къ нимъ еще было прикомандировано нѣсколько архитекторскихъ учениковъ и нѣсколько каменныхъ мастеровъ и учреждена была „особая экспедиція для строенія“, которой отпускалась изъ кабинета и казначейства единовременно сумма въ 791,200 руб. и ежегодно по 1.173,871 р. 10 к., втеченіе трехлѣтняго срока; экспедиціи было вмѣнено въ обязанность, чтобы зàмокъ былъ оконченъ вчерпѣ непремѣнно въ 1797 году. При такой поспѣшности работы производились и днемъ, и ночью; очевидцы разсказывали, что въ ночное время работы освѣщались факелами и фонарями; рабочихъ ежедневно на работахъ было отъ 2,500 до 6,000 человѣкъ, не считая тутъ мастеровъ и надзирателей. Матеріалы доставлялись тоже съ большою поспѣшностью и, кромѣ заготовляемыхъ по подрядамъ, для зàмка были разобраны каменныя галлереи дворца въ Пеллѣ и перевезены сюда, а также брали мраморъ и камни отъ строившагося въ ту пору Исаакіевскаго собора, который послѣ того и стали достроивать изъ кирпича.

Извѣстный въ то время своими проказами, стихами и остротами, Алек. Данил. Копьевъ, написалъ на эту тему стихотвореніе [179]·

„Се памятникъ двухъ царствъ,
Обоимъ столь приличный:
Основа его мраморна,
А верхъ его кирпичный“.

Императоръ Павелъ за это стихотвореніе приказалъ въ тотъ же день зачислить его въ одинъ изъ армейскихъ полковъ солдатомъ. Н. И. Гречъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что Чулковъ палъ вмѣстѣ съ Архаровымъ за непомѣрное вздорожаніе сѣна въ Петербургѣ, вслѣдствіе его глупыхъ распоряженій. На ихъ паденіе Копьевъ нарисовалъ каррикатуру: Архаровъ лежалъ въ гробу, выкрашенномъ новою краскою полицейскихъ будокъ (черною и бѣлою полосою); вокругъ него стояли свѣчи въ новомодныхъ уличныхъ фонаряхъ, у гроба же Архарова стоялъ Чулковъ и утиралъ глаза сѣномъ. Копьевъ, помимо своихъ остротъ, былъ извѣстенъ въ Петербургѣ и худобою своей малокормленной четверни. Однажды онъ ѣхалъ по Невскому, а отецъ поэта Пушкина шелъ пѣшкомъ по тому же направленію. Копьевъ предлагаетъ довезти его. „Благодарю,—отвѣчаетъ тотъ,—но не могу: я спѣшу“. Подъ старость Копьевъ занимался подрядами и торгами и отличался скупостью и неопрятностью.

26-го февраля, въ пятомъ часу, происходила торжественная закладка Михайловскаго замка съ церемоніею, на которой присутствовалъ самъ государь съ императрицею и все августѣйшее семейство. Императоръ съ императрицею по выходѣ изъ кареты шествовали въ сопровожденіи придворныхъ, иностранныхъ посланниковъ и всего двора; государь былъ встрѣченъ архіереемъ Иннокентіемъ и всѣмъ столичнымъ духовенствомъ. Процессія остановилась у мраморнаго камня, приготовленнаго для закладки съ высѣченною на немъ надписью: „Въ лѣто 1797-е, мѣсяца февраля, въ 26 день, въ началѣ царствованія государя императора и всея Россіи самодержца Павла Перваго, положено основаніе зданію Михайловскаго замка его императорскимъ величествомъ и супругою его государынею императрицею Маріею Ѳеодоровною“. По обѣимъ сторонамъ камня были поставлены богато убранные столы, на которыхъ на серебряныхъ блюдахъ лежали серебряныя лопатки съ именами ихъ величествъ, известка, яшмовые камни, на подобіе кирпича, съ вензелями императора и супруги его, серебряный молотокъ съ надписью и на особыхъ столикахъ разныя новыя монеты, золотыя и серебряныя. Послѣ молебна и пушечной пальбы съ крѣпости, началась закладка замка. Государю подносили: лопатку кол. сов. Пушкинъ, известь архитекторъ Соколовъ, камень дѣйств. статск. совѣтн. Ходневъ, блюдо съ монетою графъ Тизенгаузенъ. Императрицѣ известь



Екатерина Семеновна Семенова.

Съ гравированнаго портрета Уткина.

подавалъ архитекторъ Бренна, камень подполковникъ и капитанъ Михайловскаго замка Жандръ; великимъ князьямъ и княжнамъ архитекторы: гг. Баженовъ, Ильинъ, Крокъ и Зайцевъ.

По восшествіи на престолъ, императоръ Павелъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ; здѣсь у него въ первое время въ нижнемъ этажѣ, подъ однимъ изъ корридоровъ дворца, было устроено большое окно, въ которое всякій могъ бросать свои прошенія на имя императора. Павелъ самъ хранилъ у себя ключъ отъ этой комнаты и никогда не манкировалъ отправляться въ нее каждое утро въ семь часовъ, гдѣ собиралъ прошенія, собственноручно ихъ помѣчалъ и затѣмъ прочитывалъ ихъ самъ или заставлялъ одного изъ своихъ статсъ-секретарей читать ихъ себѣ вслухъ. Отвѣты на нихъ или рѣшенія всегда были либо написаны, либо подписаны имъ самимъ и затѣмъ сообщены печатно въ газетахъ. Это все дѣлалось безъ замедленія. Иногда просителю предписывалось обратиться въ какое либо вѣдомство и затѣмъ извѣстить его величество о результатѣ этого обращенія. Этимъ путемъ, по словамъ современниковъ, было обнаружено много несправедливостей. Императоръ особенно не любилъ взяточничества, лжи и обмана и крайне былъ заботливъ о правосудіи. Малѣйшее колебаніе въ исполненіи его приказаній, малѣйшая неправильность на службѣ влекли за собою строжайшій выговоръ и даже наказаніе безъ всякаго различія лицъ. Императоръ иногда легко приходилъ въ гнѣвъ отъ малѣйшаго противорѣчія; въ дѣйствительности Павелъ былъ человѣкъ доброжелательный и великодушный, склонный прощать обиды, готовый каяться въ своихъ ошибкахъ. Нерѣдко государь оплакивалъ свою вспыльчивость, но, къ несчастью, не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы побѣдить себя. Въ его царствованіе часто за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ офицеры прямо съ парада отсылались въ другіе полки на большія разстоянія. Это случалось довольно часто, и въ то время всѣ офицеры имѣли обыкновеніе носить свои бумажники всегда съ деньгами за пазухой, чтобы не остаться безъ копѣйки на случай внезапной ссылки. Часто также вспышки гнѣва императора кончались однимъ смѣхомъ самого же государя.

Разъ, при разводѣ, императоръ, прогнѣвавшись на одного гвардейскаго офицера, закричалъ: „Въ армію, въ гарнизонъ его!“ Исполнители подбѣжали къ офицеру, чтобы вывесть его изъ фронта. Убитый отчаяніемъ офицеръ громко сказалъ: „Изъ гвардіи да въ гарнизонъ! ну, ужъ это не резонъ!“ Императоръ расхохотался. „Мнѣ это понравилось, господинъ офицеръ,—сказалъ онъ,—прощаю васъ“.

Михайловскій замокъ былъ готовъ въ 1800 году, и 8-го ноября состоялось его освященіе, одновременно съ освященіемъ и его церкви. Освященіе отличалось большою торжественностью. Государь и великіе князья ѣхали верхомъ. Государыня и великія княжны и первые чины двора ѣхали въ церемоніальныхъ каретахъ, отъ Зимняго дворца къ замку, между выстроенными полками, при колокольномъ звонѣ по всему городу. Церковь освящалъ митрополитъ Амвросій въ сослуженіи со всѣмъ святѣйшимъ синодомъ. Митрополитъ послѣ освященія удостоился получить отъ Павла въ награду бриллiантовый іерусалимскій крестъ [179]).

Наружное великолѣпіе замка при основаніи его было очень разукрашено; на всѣхъ фасадахъ красовались мраморныя статуи, вазы и разныя фигуры, служащія теперь украшеніемъ Зимняго дворца. Замокъ представлялъ образецъ архитектуры итальянскаго возрожденія; его тогда окружали рвы съ подъемными мостами, брустверы, чугунныя рѣшетки и т. д. Замокъ имѣлъ двадцат бронзовыхъ пушекъ двадцати-фунтоваго калибра, со всѣми снарядами, разставленныхъ въ разныхъ мѣстахъ на платформахъ. Внѣшній видъ замка — четыреугольникъ, въ поперечникѣ сорока девяти саженъ. Внутри замка три двора, въ срединѣ главный, въ видѣ осмиугольника, къ Фонтанкѣ имѣющій форму пятиугольника и на углу къ Царицыну лугу — треугольный. Входъ въ замокъ чрезъ трое воротъ: Воскресенскія, съ портиками и колоннами полированнаго гранита съ украшеніями изъ пудожскаго камня, ведутъ на главный дворъ; на этотъ дворъ позволялось въѣзжать лишь членамъ императорскаго семейства и посланникамъ; Рождественскія, чугунныя, со стороны Большой Садовой улицы и Зачатейскія ворота, съ Фонтанки. Наружные фасады замка неодинаковы, и каждый принадлежитъ къ особому ордену. Главный фасадъ изъ краснаго и сѣраго мрамора, подвалы и нижній этажъ выстроены изъ тесанаго гранита; остальныя части стѣнъ окрашены въ красноватый цвѣтъ, происхожденіе котораго, по достовѣрному преданію, приписывается рыцарской любезности императора; говорятъ, что одна изъ придворныхъ дамъ явилась однажды въ перчаткахъ этого цвѣта, и что императоръ послалъ одну изъ этихъ перчатокъ въ образецъ составителю этой краски. Говорятъ, что послѣ окраски замка въ этотъ цвѣтъ многіе петербургскіе домовладѣльцы поспѣшили окрасить и свои дома въ такой колеръ.

По сторонамъ Воскресенскихъ воротъ стояли двѣ большія пирамиды съ трофеями, вензелями и медальонами. Сверхъ карниза возвышается фронтонъ, украшенный историческимъ барельефомъ изъ пудожскаго камня; надъ фронтономъ мраморный аттикъ и императорскій гербъ, поддерживаемый двумя фигурами

Славы. Двѣ ниши, въ нижнемъ этажѣ, по обѣимъ сторонамъ средняго выступа украшены двѣнадцатью колоннами іоническаго ордена. Главный карнизъ и парапетъ изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, какъ и фризъ, на которомъ бронзовыми буквами надпись: „Дому твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней“. Противоположный этому главному фасадъ, обращенный къ Лѣтнему саду, имѣетъ большое крыльцо изъ сердобскаго мрамора, на которомъ размѣщены десять дорическихъ колоннъ, поддерживающихъ балконъ; на самой серединѣ фасада возвышается аттикъ съ лѣпными украшеніями; по сторонамъ спуска назначено было поставить колоссальныя бронзовыя статуи Венеры и Геркулеса фарнезскаго. На третьемъ фасадѣ, къ Фонтанкѣ, сдѣланъ полуциркульный выступъ съ шестью колоннами дорическаго ордена, архитравомъ, карнизомъ, фризомъ и балюстрадомъ, окружающимъ балконъ. Надъ выступомъ куполъ и сторожевая башня съ древкомъ, которое назначено было для подниманія штандарта, когда государь находился въ замкѣ. Къ Большой Садовой улицѣ, четвертый фасадъ былъ съ обширнымъ высокимъ крыльцомъ изъ сѣраго гранита длиною въ 14 саженъ, шириною въ пять, служащимъ для входа въ церковь. На двухъ углахъ крыльца поставлены были вазы, по бокамъ входа — четыре мраморныя половинчатыя колонны; въ нишахъ перваго этажа — лѣпныя украшенія, а втораго — статуи, изображающія Вѣру и Надежду; надъ окнами втораго этажа, гдѣ теперь окна 3-го этажа,—барельефы четырехъ евангелистовъ изъ бѣлаго карарскаго мрамора; на аттикѣ по бокамъ изображенія св. апостоловъ Петра и Павла, а по срединѣ вызолоченный крестъ, на карнизѣ лѣпныя ангельскія головки. Куполъ, четыре канделябра надъ колонною и шпицъ были вызолочены. 27-го августа 1840 года, въ 9 часовъ утра этотъ церковный шпицъ сгорѣлъ отъ молніи.

Михайловскій замокъ окружала каменная стѣна вышиною въ сажень; къ замку отъ Большой Садовой вели три липовыя и березовыя аллеи, посаженныя еще при императрицѣ Аннѣ; каждая изъ нихъ упиралась въ желѣзныя ворота, украшенныя императорскими вензелями; передъ замкомъ разстилался обширный плацъ, окаймленный съ обѣихъ сторонъ садами. На плацу былъ поставленъ и освященъ вмѣстѣ съ Михайловскимъ замкомъ памятникъ Петру Великому. Императоръ изображенъ въ римской тогѣ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ правой рукѣ. На монументѣ надпись: „Прадѣду правнукъ 1800 г.“ Мысль соорудить этотъ памятникъ принадлежитъ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, предполагавшей поставить его на Васильевскомъ островѣ, на площади коллегій (гдѣ теперь университетъ); отлитъ онъ былъ въ царствованіе Елисаветы Петровны графомъ Растрелли, или, вѣрнѣе, литейщикомъ Мартилли. Въ царствованіе Екатерины Второй онъ лежалъ на берегу Невы у Исаакіевскаго моста подъ навѣсомъ, и только по повелѣнію Павла поставленъ на настоящее мѣсто. На другой сторонѣ плаца возвышаются два каменныхъ двухъ-этажныхъ павильона, предназначенные тогда для жилья дворцовыхъ служителей; теперь здѣсь помѣщается фехтовальный классъ и гальваническое заведеніе.

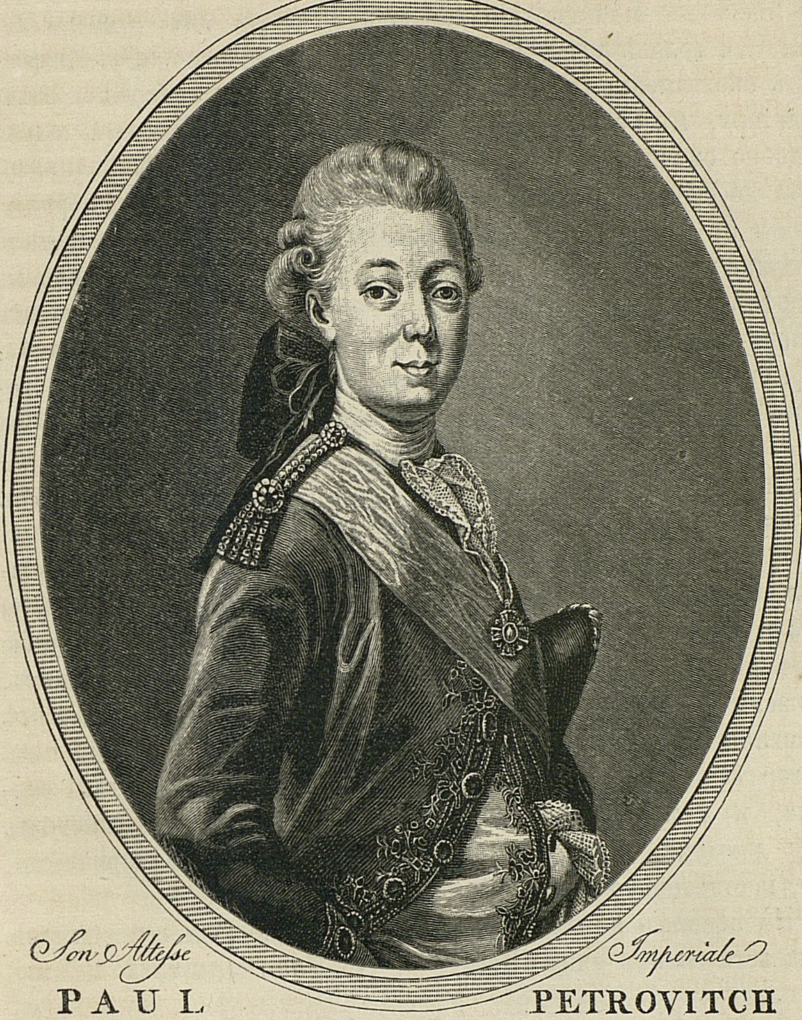
Отъ павильоновъ шла широкая кленовая аллея, раздѣляя съ одной стороны Михайловскій манежъ и съ другой зданіе бывшей берейторской школы. Оба эти зданія принадлежатъ ко времени Павла; они тогда входили въ черту рѣшетки, отдѣлявшей пространство, занятое садами и дворцомъ императорскимъ, и простиравшееся отъ Симеоновскаго моста по Караванной и Итальянской до Екатерининскаго канала. Плацъ передъ главнымъ фасадомъ замка назывался Коннетабльскимъ; здѣсь происходили смотры и парады, страсть къ которымъ у императора Павла доходила до крайнихъ предѣловъ,—даже балетныя танцовщицы были не изъяты одно время отъ этого удовольствія. А. М. Каратыгина въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ: „Разъ Берилова (извѣстная танцовщица) съ моею матушкой пошли посмотрѣть разводъ у дворца. Государь увидѣлъ, узналъ ихъ и, подъѣхавъ къ нимъ, спросилъ: „какъ онѣ очутились тутъ?“ На отвѣтъ, что имъ очень нравится это зрѣлище, Павелъ Петровичъ только улыбнулся. Каково же было общее удивленіе и смущеніе, когда вслѣдъ затѣмъ въ театральную дирекцію присланъ былъ высочайшій приказъ, чтобы всѣ балетные артисты присутствовали при каждомъ разводѣ войскъ у дворца!“

Императоръ Павелъ ввелъ полную реформу военнаго быта и завелъ прусскіе военные порядки. Суворовъ говорилъ: русскіе всегда били пруссаковъ; такъ чего жъ тутъ перенимать? Когда Суворовъ получилъ палочки для мѣры солдатскихъ косъ и буклей, то сказалъ: „Пудра не порохъ, букли не пушки, коса не тесакъ, я не нѣмецъ, а природный руссакъ“. Слова эти повели къ разрыву между императоромъ и фельдмаршаломъ. Гораздо ранѣе, когда еще въ Гатчинѣ Павелъ сталъ вводить новые порядки, то Екатерина называла ихъ „обрядами неудобоносимыми“. По словамъ Болотова, Измайловскій полкъ, которымъ командовалъ Константинъ Павловичъ, въ одну ночь изучилъ новые пріемы фронтовой службы и тѣмъ доставилъ такое удовольствіе императору, что онъ заплакалъ отъ радости. Муфты и шубы были изгнаны изъ гвардіи, мундиръ, прежде стоившій 120 рублей, при немъ обходился въ 22 рубля. Служба въ гвардіи при Екатеринѣ была самая легкая, офицеры, стоявшіе на караулѣ, одѣвались въ халаты, случалось иногда и такъ, что жена надѣвала мундиръ мужа и несла за него службу. Въ шведскую войну полковница Меллинъ замѣнила мужа, надѣвъ мундиръ и ставъ передъ войсками. Въ Павловское время мундиры были широки и свободны, узкіе и обтянутые явились въ царствованіе Александра I, за то букли, косы и треуголки доводили солдатъ до слезъ. Если солдатъ готовился къ параду, то еще съ вечера долженъ причесать голову, намазать ее саломъ и обсыпать мукой. Для солдатъ вмѣсто пудры отпускалась ржаная мука. Причесанный солдатъ ночь спалъ сидя, чтобы не измять буклей; бывали случаи, что и крысы отъѣдали косы у сонныхъ. Такъ же неудобны были для солдатъ огромныя треугольныя шляпы. Когда на ученьѣ скомандуютъ бѣглымъ шагомъ, такъ шляпы и летятъ съ головъ. На ученье тогда наряжалась особая команда для подбиранія шляпъ.

А. М. Тургеневъ въ своихъ запискахъ (см. Рус. Стар., 1886) разсказываетъ, какія онъ долженъ былъ перетерпѣть страданія по поводу этихъ военныхъ реформъ, когда его приготовляли къ дежурству при дворѣ въ одинъ изъ первыхъ дней новаго царствованія; вотъ что онъ говоритъ:

„Въ 5 часовъ утра, я былъ уже на ротномъ дворѣ; двое гатчинскихъ костюмеровъ, знатоковъ въ высшей степени искусства обдѣлывать на головѣ волоса по утвержденной формѣ и пригонять амуницію по уставу, были уже готовы; они мгновенно завладѣли моею головою, чтобы оболванить ее по утвержденной формѣ, и началась потѣха. Меня посадили на скамью посрединѣ комнаты, обстригли спереди волосы подъ гребенку, потомъ одинъ изъ костюмеровъ, немного чѣмъ менѣе сажени ростомъ, началъ мнѣ переднюю часть головы натирать мелко истолченнымъ мѣломъ; если Богъ благословитъ мнѣ и еще 73 года жить на семъ свѣтѣ, я этой продѣлки не забуду!

„Минутъ 5 или много 6 усерднаго тренія головы моей костюмеромъ привело меня въ такое состояніе, что я испугался, полагалъ, что мнѣ приключилась какая либо немощь: глаза мои видѣли комнату, всѣхъ и все въ ней находившееся вертящимися.



Son Alteſse *Imperiale*

PAUL PETROVITCH

GRAND DUC

de Ruſsie. &c. &c. &c.

Dedié a Son Alteſse Imperiale

MADAME LA GRANDE DUCHESSE,

Par Son tres Humble et tres Obeisant Serviteur *Gab^l. Scorodoumoff*

Publiſhed as the Act directs 22^d. April 1781.

Великій князь Павелъ Петровичъ въ 1781 году.

Съ гравированнаго портрета Скородумова.

Милліоны искръ летали во всемъ пространствѣ, слезы текли изъ глазъ ручьемъ. Я попросилъ дежурнаго вахмистра остановить на нѣсколько минутъ дѣйствіе г. костюмера, дать отдыхъ несчастной головѣ моей. Просьба моя была уважена, и г. профессоръ оболваненія головъ по формѣ благоволилъ объявить вахтмейстеру, что сухой продѣлки на головѣ довольно, теперь только надобно смочить да засушить; я вздрогнулъ, услышавъ приговоръ костюмера о головѣ моей. Начинается мокрая операція. Чтобы не вымочить на мнѣ бѣлья, вмѣсто пудромантеля, окутали рогожнымъ кулемъ; костюмеръ сталъ противъ меня ровно въ разрѣзѣ на двѣ половины лица и, набравъ въ ротъ артельнаго квасу, началъ изъ устъ своихъ, какъ изъ пожарной трубы, опрыскивать черепозданіе мое; едва онъ увлажилъ по шву головы, другой костюмеръ началъ обильно сыпать пуховкою на голову муку во всѣхъ направленіяхъ; по окончаніи сей операціи, прочесали мнѣ волосы гребнемъ и приказали сидѣть смирно, не ворочать головы, дать время образоваться на головѣ клестеръ-корѣ; сзади въ волоса привязали мнѣ желѣзный, длиною 8 вершковъ, прутъ для образованія косы по формѣ, букли придѣлали мнѣ войлочныя, огромной натуры, посредствомъ согнутой дугою проволоки, которая огибала черепъ головы и, опираясь на немъ, держала войлочные фальконеты съ обѣихъ сторонъ, на высотѣ половины уха. Къ 9 часамъ утра составившаяся изъ муки кора затвердѣла на черепѣ головы моей, какъ изверженная лава вулкана, и я подъ симъ покровомъ могъ безущербно выстоять подъ дождемъ, снѣгомъ нѣсколько часовъ, какъ мраморная статуя, поставленная въ саду“.

На первыхъ порахъ такія реформы поглощали все вниманіе начальствующихъ лицъ. Извѣстно, что Павелъ шутить не любилъ...

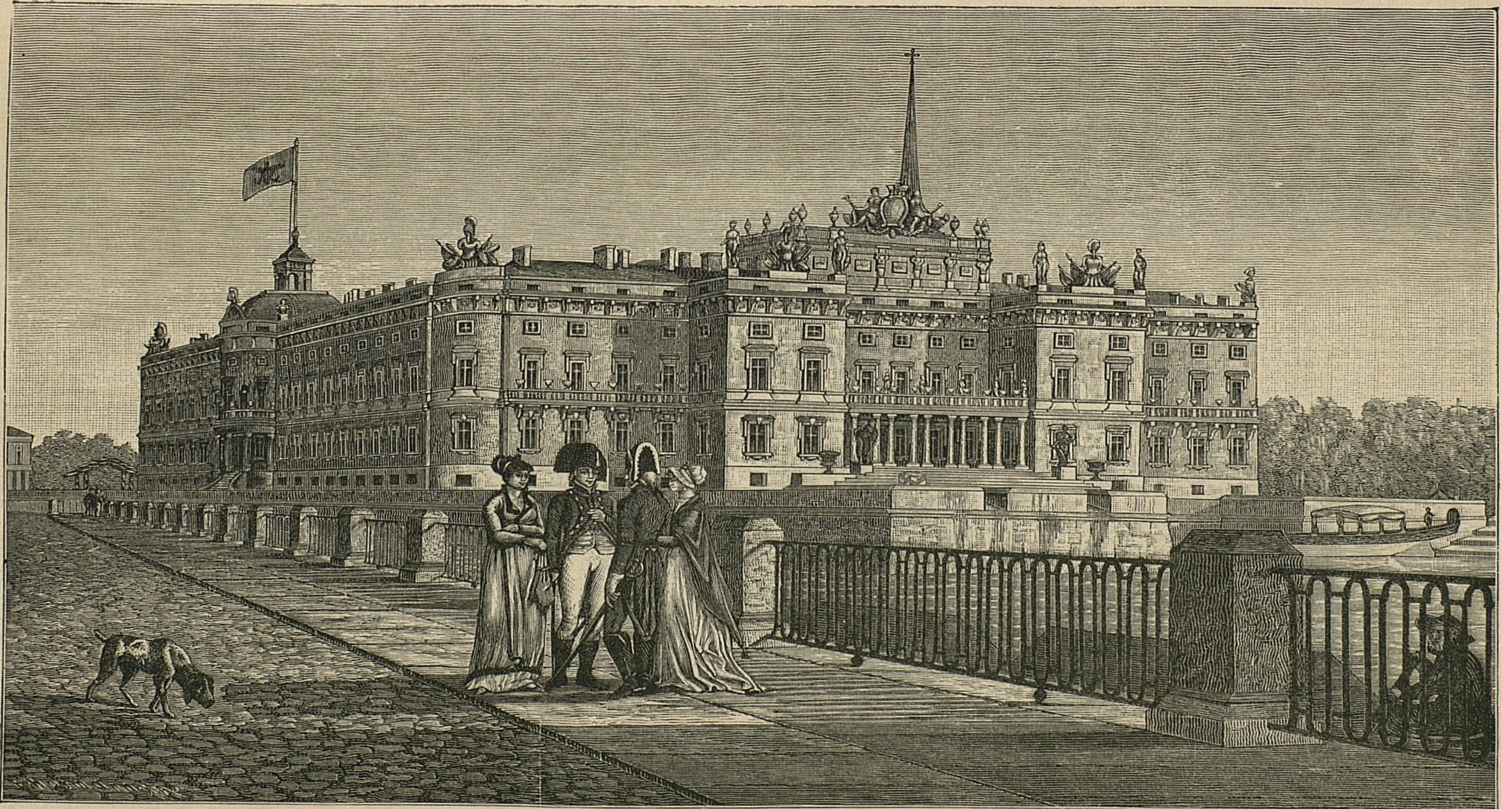
Во внутренность Михайловскаго дворца вели четыре большія лѣстницы и двѣ меньшихъ размѣровъ. Гранитныя ступеньки парадной лѣстницы подымаются между двумя балюстрадами изъ сѣраго сибирскаго мрамора и пилястрами изъ полированной бронзы. Наверху лѣстницы стояли на часахъ два гренадера, лѣстницы наружно запирались большими стеклянными дверями. Наверху же, у входа, были великолѣпныя краснаго дерева двери, украшенныя бронзой. Правая дверь вела въ парадныя комнаты императора; но, помимо этихъ дверей, можно было войдти изъ передней налѣво въ овальную залу, въ которой дежурило тридцать солдатъ, съ однимъ офицеромъ. Этотъ караулъ постоянно смѣнялся изъ одного и того же полка, между тѣмъ какъ другіе караулы во дворцѣ исполняли солдаты изъ другихъ полковъ.

Въ передней овальной комнатѣ стоялъ бюстъ шведскаго короля Густава-Адольфа, на потолкѣ былъ плафонъ весьма плохой работы Смуглевича, здѣсь же висѣли шесть картинъ историческаго содержанія работы гг. Шебуева и Угрюмова и двѣ картины англійскаго художника Аткинсона.

Въ этой залѣ впослѣдствіи было выставлено тѣло императора; лежало оно на парадной постели, ногами къ окнамъ. Н. И. Гречъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: „Я разъ десять ходилъ въ Михайловскій замокъ и могъ видѣть только подошвы его ботфортъ и поля широкой шляпы, надвинутой ему на лобъ. Едва войдешь въ дверь, указывали на другую, съ увѣщаніемъ: „извольте проходить“. Императора Павла похоронили наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, 23-го марта. Когда везли его тѣло, то по обѣимъ сторонамъ улицъ стояли войска въ безпорядкѣ, съ большими интервалами.

Слѣдующая тронная зала имѣла до двѣнадцати саженъ въ длину и около пяти въ ширину; стѣны залы были обиты зеленымъ бархатомъ, затканнымъ золотомъ, въ ней помѣщалась огромная печь въ тринадцать аршинъ, вся обдѣланная бронзою, и стоялъ тронъ, обитый краснымъ бархатомъ, богато затканный и вышитый золотомъ, надъ нимъ виднѣлся гербъ Россіи, окруженный гербами царствъ: Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и т. д. Вокругъ всей залы висѣли гербы остальныхъ городовъ и областей Россіи и знамена Мальтійскаго ордена. Въ этой залѣ помѣщалось самое большое зеркало во всемъ дворцѣ, вылитое въ Петербургѣ, на стеклянномъ заводѣ. Изъ тронной залы шла галлерея арабескъ, послѣднія были работы Пьетро Скотти; далѣе широкія зеркальныя двери вели въ галлерею Лаокоона; четыре великолѣпныхъ гобелена украшали стѣны этой комнаты, съ изображеніемъ сценъ изъ священнаго писанія, здѣсь же стояли мраморныя статуи: Амура и Психеи, Діаны и Эндиміона; въ концѣ этой галлереи дежурили на стражѣ два унтеръ-офицера лейбъ-гвардіи, съ эспонтонами въ рукахъ; они охраняли входъ въ овальную гостинную, убранную съ необыкновенной роскошью; мебель въ ней была обита бархатомъ огненнаго цвѣта, съ серебряными кистями и шнурами. Эта гостинная была смежна съ обширною мраморною залою, въ которой стоялъ караулъ мальтійскихъ кавалеровъ; зала имѣла въ длину пятнадцать саженъ, пять въ ширину и семь въ вышину. Она была построена въ два яруса, стѣны ея были раздѣланы съ инкрустаціями изъ чернаго мрамора и бронзы. На одномъ изъ концовъ залы былъ устроенъ оркестръ изъ бѣлаго мрамора, съ балюстрадою изъ полированной бронзы, на которой стояло десять большихъ бронзовыхъ канделябръ, въ формѣ вазъ. Потолокъ былъ еще не додѣланъ— въ Римѣ писался „Парнасъ“, который предназначался для украшенія потолка. Въ концѣ залы находилась обширная ниша, черезъ нее былъ ходъ въ круглую тронную залу, стѣны которой были обтянуты краснымъ бархатомъ, затканнымъ золотомъ. Окна были тоже завѣшаны такою же матеріею, за исключеніемъ одного изъ цѣльнаго стекла, въ массивной серебряной рамѣ.

Тронъ, стоявшій въ этой залѣ, отличался отъ того, который стоялъ въ первой тронной залѣ, лишь количествомъ ступенекъ: у перваго было восемь ступенекъ, у этого только три. Девять люстръ изъ чистаго серебра, отчасти матоваго и отчасти полированнаго, украшали эту залу. Большая люстра была вышиною въ четыре аршина съ четвертью, восемь другихъ по три аршина съ половиною; работалъ эти люстры датчанинъ фонъ-Баухъ. Плафонъ былъ расписанъ художникомъ Карломъ Скотти „en camée“. Не задолго до своей смерти, императоръ Павелъ приказалъ красный бархатъ замѣнить желтымъ съ серебрянымъ шитьемъ, и въ углахъ этой комнаты должны были явиться медальоны, лавровые вѣнки изъ массивнаго серебра, и мастерамъ уже было отпущено съ монетнаго двора сорокъ пудовъ серебра; изъ этой залы была дверь, которая вела во внутренніе апартаменты императрицы, въ кабинетъ и парадную спальню; стѣны комнаты были отдѣланы подъ мраморъ и обрамлены золотыми гирляндами; за балюстрадою изъ массивнаго серебра, длиною въ тринадцать аршинъ и вѣсомъ въ четырнадцать пудовъ [180]), стояла кровать, украшенная золотою рѣзьбою подъ свѣтло-голубымъ бархатнымъ балдахиномъ, подхваченнымъ серебряными шнурами и кистями. Каминъ въ этой комнатѣ былъ отдѣланъ аметистами и другими драгоцѣнными камнями. Зала рядомъ служила и столовою, и концертною комнатою, въ ней играли постоянно великіе князья; изъ этой комнаты былъ ходъ въ тронную залу императрицы. Тронъ государыни стоялъ на одной ступенькѣ и былъ гораздо меньше, чѣмъ тронъ императора; около тронной залы императрицы была галлерея Рафаэля, которая получила названіе отъ четырехъ превосходныхъ ковровъ „en haute lice“, покрывавшихъ почти во всю длину одну изъ четырехъ стѣнъ. Это были копіи съ превосходныхъ картинъ, находящихся въ Ва-



Видъ Михайловскаго замка со стороны Лѣтняго сада.

Съ гравюры Патерсона 1801 года.

тиканѣ. За этой галлереей шла продолговатая четырехъ-угольная зала, въ которой находилась прекрасная античная статуя Вакха и затѣмъ нѣсколько новѣйшихъ бюстовъ, статуй, древнихъ вазъ, барельефовъ и саркофаговъ. Къ залѣ этой соприкасалась караульная комната, гдѣ постоянно дежурилъ взводъ конногвардейцевъ.

Во внутренніе аппартаменты императора и императрицы вела дверь изъ Рафаэлевой галлереи; прихожая была расписана просто и украшена семью картинами работы Ванъ-Лоо, изображавшими сцены изъ жизни св. Григорія. Вторая комната была тоже самой простой обдѣлки: бѣлая съ золотыми разводами, въ поляхъ стѣнъ представлены ландшафты и виды дворца. На плафонѣ была изображена сцена изъ жизни Клеопатры, когда она на пиру бросаетъ жемчужину въ уксусъ. Въ третьей комнатѣ стѣны были разрисованы ландшафтами Мартынова, представляющими виды дворцовъ Гатчинскаго и Павловскаго. Въ шести шкафахъ изъ краснаго дерева заключалась библіотека императора. Въ этой комнатѣ стоялъ караулъ изъ лейбъ-гусаровъ. Потайная дверь вела отсюда въ кухню, исключительно назначенную для государева стола, въ которой готовила кушанье кухарка-нѣмка. Незадолго передъ смертью, онъ велѣлъ устроить точно такую же кухню въ Зимнемъ дворцѣ, рядомъ со своими жилыми аппартаментами. Павелъ приказалъ отказать всѣмъ дворцовымъ подрядчикамъ и велѣлъ покупать для дворца всѣ припасы на рынкѣ, по рыночнымъ цѣнамъ. Расходы дворца тотчасъ же значительно сократились.

Императоръ говорилъ, что если каждый частный человѣкъ не лишенъ удовольствія обѣдать въ своей семьѣ, то зачѣмъ лишаться его государю. Поэтому онъ положилъ за правило, чтобы члены его семейства обѣдали всегда съ нимъ вмѣстѣ, и особые столы во дворцѣ были уничтожены. Изгоняя роскошь при дворѣ и желая пріучить подданныхъ къ умѣренности, онъ назначилъ число кушаньевъ по сословіямъ, а у служащихъ по чинамъ: маіору опредѣлено было имѣть за столомъ три кушанья. Як. Кульневъ[181]), впослѣдствіи извѣстный генералъ, служилъ тогда въ Сумскомъ гусарскомъ полку и не имѣлъ почти никакого состоянія. Павелъ, увидя его гдѣ-то, спросилъ:—„Господинъ маіоръ, сколько у васъ за обѣдомъ подаютъ кушаньевъ?“—„Три, ваше императорское величество“.—„А позвольте узнать, господинъ маіоръ, какія?“—„Курица плашмя, курица ребромъ и курица бокомъ!“—отвѣчалъ Кульневъ. Павелъ расхохотался.

Не смотря на извѣстную всѣмъ воздержность въ пищѣ императора Павла, обѣденный столъ его убирался роскошно, и въ особенности изобиловалъ десертомъ. Вотъ какъ описываетъ столъ императора Павла старый его пажъ К. К. Бошнякъ [182]). Ровно въ извѣстный часъ императоръ въ сопровожденіи всѣхъ лицъ императорской фамиліи, съ ихъ воспитателями, вступалъ въ столовую. Онъ шелъ обыкновенно впереди всѣхъ съ императрицею. Грозно кругомъ оглядываясь, онъ отрывистымъ движеніемъ снималъ съ рукъ краги, которые вмѣстѣ съ шляпой принималъ дежурный камеръ-пажъ. За столомъ царило глубокое молчаніе, прерываемое иногда государемъ, да воспитателемъ графомъ Строгановымъ, дерзавшимъ иногда вступать въ споръ съ Павломъ. Случалось, когда царь былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа, къ столу призывался придворный шутъ „Иванушка“, изумлявшій иногда самого Павла смѣлостью своихъ рѣчей. Этотъ Иванушка нерѣдко былъ отличнымъ орудіемъ для лицъ, которыя хотѣли обратить на кого нибудь гнѣвъ или милость монарха. Отъ себя онъ ничего не выдумывалъ, но какъ попугай повторялъ выученное, причемъ, при вопросѣ, отъ кого онъ слышалъ какую нибудь черезчуръ смѣлую выходку, указывалъ не на тѣхъ, кто его дѣйствительно научилъ, а на лицъ, о которыхъ его учителя нарочно запрещали ему говорить, зная навѣрно, что ихъ-то имена онъ и назоветъ. Однажды государь, выслушивая его далеко не глупые отвѣты на вопросъ: „что отъ кого родится“, обратился къ Иванушкѣ: „Ну, Иванушка, а отъ меня что родится?“ Шутъ, нимало не оробѣвъ, бойко отвѣтилъ: „Отъ тебя, государь, родятся чины, кресты, ленты, вотчины, сибирки, палки“.... Разгнѣванный этимъ отвѣтомъ государь приказалъ немедленно бѣднаго шута наказать палками. Съ трудомъ могли его умилостивить, и все ограничилось лишь тѣмъ, что дурака удалили изъ Петербурга. (Шута этого впослѣдствіи хорошо знали въ Москвѣ, гдѣ онъ короталъ дни свои въ домѣ извѣстной красавицы Н. В. Нащокиной. И у нея тоже, пользуясь положеніемъ невмѣняемости, онъ часто заставлялъ гостей своей хозяйки глотать горькія пилюли). По окончаніи стола, Павелъ, снявъ со стола вазы съ остатками конфектъ и бисквитовъ, бросалъ послѣдніе въ уголъ зала, видимо забавляясь, какъ пажи, толкая и обгоняя другъ друга, старались набрать какъ можно болѣе лакомствъ.

Императоръ послѣ обѣда всегда садился въ большія кресла и отдыхалъ, если онъ жилъ лѣтомъ въ Гатчинѣ или Петергофѣ, то всегда прямо у растворенныхъ дверей балкона. Въ это время вся окрестность замирала въ молчаніи; махальные отъ дворцоваго караула выставлялись по улицамъ, ѣзда въ городѣ прекращалась. Разъ въ такую-то пору, какъ разсказываетъ В. И. Даль, пробираясь по направленію ко дворцу, пажъ Яхонтовъ вздумалъ пошалить и, вскочивъ на простѣнокъ къ окну, изъ котораго глядѣли фрейлины, во все безумное горло пустилъ сигналъ: „Слушай!“ Можно себѣ представить, какая тревога поднялась во дворцѣ; императоръ вскочилъ и позвонилъ: „Кто кричалъ слушай?“—спросилъ онъ внѣ себя. Вышедшій бросился искать въ караулкѣ. Послѣдовалъ второй, третій и четвертый звонокъ и опять спросъ, кто кричалъ, но виновнаго не находили. Коменданта уже давно дрожь пробрала до костей; онъ кидается на колѣни передъ карауломъ и умоляетъ солдатъ: „Братцы, спасите, возьми кто нибудь на себя, мы умилостивимъ послѣ государя, не бойтесь, отстоимъ, онъ добръ, сердце отляжетъ!“.. Гвардеецъ выходитъ изъ фронта и говоритъ смѣло: „Я кричалъ, виноватъ“. Чуть не на рукахъ вносятъ мнимаго виноватаго къ государю. „Ты кричалъ: слушай?“—говоритъ Павелъ.—„Я кричалъ, ваше императорское величество!“—„Какой у него славный голосъ! въ унтеръ-офицеры его и сто рублей за потѣху“.

Павелъ не ѣлъ скоромнаго по средамъ и пятницамъ; въ его время посты въ обществѣ рѣдко соблюдались. Императоръ, разъ будучи доволенъ на смотру войсками, наградилъ ихъ деньгами и, сверхъ того, велѣлъ роздать солдатамъ и офицерамъ рыбы. Такъ какъ это случилось въ рождественскій постъ, то многіе видѣли въ этой раздачѣ намекъ на соблюденіе поста. Императоръ былъ религіознаго направленія: онъ издалъ указъ о неработаніи въ воскресенье и о соблюденіи этого дня; затѣмъ указъ (3 декабря 1796 года) объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія судимыхъ за уголовныя преступленія священнослужителей; въ этомъ указѣ, между прочимъ, было сказано: „Чинимое судимымъ изъ священническаго сана наказаніе, въ виду тѣхъ самыхъ прихожанъ, кои получатъ отъ нихъ спасительныя тайны, располагаетъ народныя мысли къ презрѣнію священническаго сана“. Императоръ Павелъ сталъ первый давать приходскому духовенству наперсные кресты и другіе орденскіе знаки.

Въ той же третьей комнатѣ, гдѣ стоялъ шкапъ съ книгами и была потайная дверь въ кухню, имѣлась еще другая потайная дверь, которая вела въ небольшую комнату, гдѣ дежурилъ иногда караулъ лейбъ-гусаровъ. Къ этой комнаткѣ примыкала витая лѣстница, которая вела на дворъ, гдѣ у двери стоялъ одинъ часовой.

Изъ библіотеки была дверь въ спальню императора. Павелъ въ ней часто сиживалъ днемъ, и здѣсь же онъ скончался [183]). Передъ смертью Павелъ велъ жизнь скучную и одинокую. Онъ сидѣлъ въ запертомъ Михайловскомъ замкѣ, охраняемомъ, какъ средневѣковая крѣпость. Единственныя прогулки императора ограничивались тѣмъ, что называлось „третьимъ Лѣтнимъ садомъ“, куда не допускался никто, кромѣ него самого, императрицы и ближайшей его свиты. Аллеи этого сада постоянно очищались отъ снѣга для зимнихъ прогулокъ верхомъ. Гарнизонная служба въ Михайловскомъ замкѣ отправлялась какъ въ осажденной крѣпости. Послѣ пробитія вечерней зари, немногія особы допускались въ замокъ по малому подъёмному мостику [184]), который опускался только для нихъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ плацъ-адъютантъ замка. Онъ былъ обязанъ доносить лично императору о всякомъ чрезвычайномъ происшествіи въ городѣ, напримѣръ, о пожарѣ и т. п. Караулы въ замкѣ содержали поочередно гвардейскіе полки. Внизу, на главной гауптвахтѣ находилась рота со знаменемъ, капитаномъ и двумя офицерами. Въ бельэтажѣ расположенъ былъ внутренній караулъ, который наряжался только отъ одного лейбъ-баталіона Преображенскаго полка. Павелъ особенно любилъ этотъ баталіонъ и помѣстилъ его въ зданіи Зимняго дворца, смежномъ съ Эрмитажемъ, отличилъ офицеровъ и солдатъ богатымъ мундиромъ—первыхъ съ золотыми вышивками вокругъ петлицъ, а рядовыхъ петлицами, обложенными галуномъ по всей груди. Гатчинскіе же баталіоны были одѣты совершенно попрусски: въ короткихъ мундирахъ съ лацканами, въ черныхъ штиблетахъ; на гренадерахъ были шапки, какъ теперь у Павловскаго полка, а на мушкатерахъ маленькія треугольныя шляпы безъ петлицы, только съ одною пуговкою. Офицеры этихъ баталіоновъ до вступленія еще императора Павла на престолъ одѣвались крайне неряшливо, въ поношенные мундиры, нерѣдко перекрашенные. Офицеры сюда поступали изъ кадетовъ морскаго корпуса, оказавшіеся неспособными къ морской службѣ. По вступленіи Павла на престолъ, имъ была обмундирована вся армія въ новую форму.

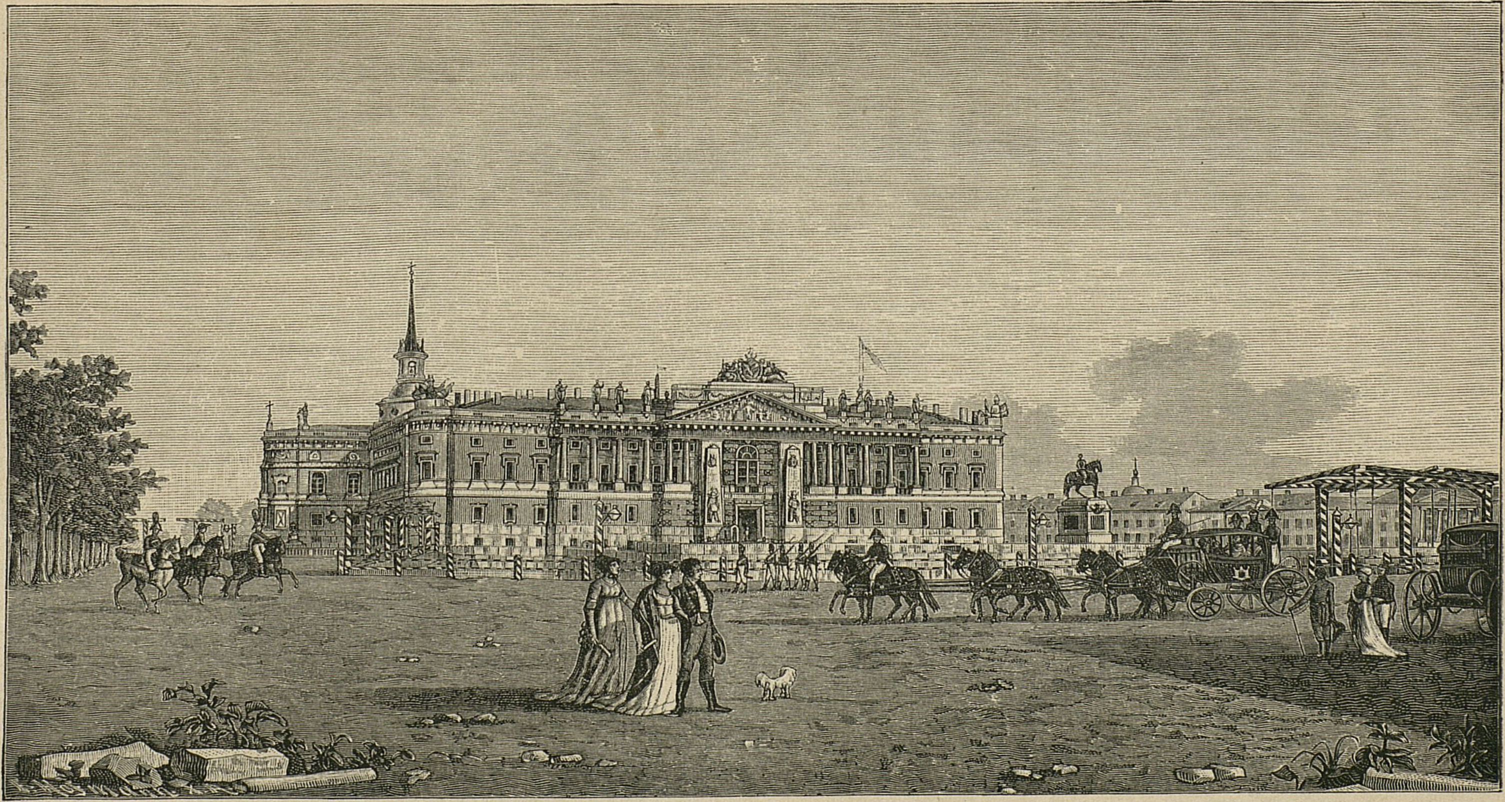
Вотъ описаніе павловскаго новаго костюма: онъ состоялъ изъ длиннаго и широкаго мундира толстаго сукна, не съ отложнымъ, а лежащимъ воротникомъ и съ фалдами, которыя спереди совсѣмъ почти сходились, изъ шпаги между этими фалдами, воткнутой сзади, изъ ботфортовъ съ штибель-манжетами или штиблетъ чернаго сукна, изъ низкой сплюснутой треугольной шляпы, узкаго галстука, которымъ офицеры казались почти удавленными, перчатокъ съ огромными раструбами, простаго дерева форменной палки съ костянымъ набалдашникомъ и, наконецъ, изъ двухъ насаженныхъ надъ ушами буколь съ длинною, туго проволокой и лентой перевитою косой. Исключая кавалеріи, всѣ одѣты были въ мундиры одинаковаго цвѣта, но за то отвороты и обшлага были розовые, абрикосовые, песочные, кирпичные, всѣхъ въ мірѣ цвѣтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были сдѣланы и такія перемѣны безчисленныя толпы гвардейскихъ сержантовъ и вахмистровъ: потребовали на службу, и многіе малолѣтніе за неявкою исключены вовсе изъ полковъ. При одномъ Преображенскомъ полку тогда числилось до 2,000 такихъ лицъ, во всей же гвардіи до 20,000. Бывало въ Екатерининское время, что получали полковыя свидѣтельства на дѣтей, еще не родившихся. Такіе военные люди въ дѣтствѣ достигали порядочныхъ чиновъ. Жихаревъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ о Горяйновѣ, который еще въ пансіонѣ имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника. При Екатеринѣ приписанныхъ къ гвардейскимъ полкамъ производили въ армію нѣсколькими чинами выше. Павелъ сталъ выпускать въ армію однимъ чиномъ выше. Онъ хотѣлъ лейбъ-баталіонъ отдѣлить отъ Преображенскаго полка и переименовать „лейбъ-компаніей“, т. е. исключительной стражей, охраняющей его особу; адъютантъ этого лейбъ-баталіона Аргамаковъ исправлялъ должность плацъ-адъютанта дворца и имѣлъ право даже почью входить въ царскую спальню.

Спальня Павла была довольно большая комната; множество картинъ работы Верне, Вувермана и Вандермейлена украшали ея стѣны. По рединѣ комнаты стояла маленькая походная кровать безъ занавѣсокъ, за простыми ширмами (кровать эту послѣ смерти императора хранила въ своей спальнѣ, въ Павловскѣ, вдовствующая императрица), надъ кроватью была картина съ изображеніемъ ангела, работы Гвидо-Рени, и висѣли: шпага, трость и шарфъ его величества, въ углу портретъ стариннаго рыцаря знаменоносца, работы Жанъ Ледюка, также на одной изъ стѣнъ этой комнаты висѣла картина, изображавшая всѣ военные мундиры русской арміи. Павелъ всегда спалъ въ бѣломъ полотняномъ камзолѣ съ рукавами, въ ногахъ его лежала любимая его собака „Шпицъ“; императоръ особенно любилъ собакъ, не разбирая породъ, и иногда простая дворняшка была его фаворитомъ. Шишковъ разсказываетъ, что въ Павловскѣ, во дворцѣ, во время вечернихъ отдохновеній императора на половинѣ императрицы, простая дворная собака лежала всегда на шлейфѣ платья государыни. Павелъ очень любилъ этого пса, бралъ его на парады и въ театръ, гдѣ онъ сидѣлъ въ партерѣ на заднихъ лапкахъ и смотрѣлъ на игру актеровъ. Въ день смерти императора, собака эта, никуда прежде не отлучавшаяся, вдругъ пропала.

Письменный столъ императора въ спальнѣ былъ замѣчательной работы, онъ стоялъ на колоннахъ изъ слоновой кости съ бронзовыми капителями, два подсвѣчника изъ слоновой же кости на кубахъ изъ янтаря поддерживали четыре пасты, изображающія императора, императрицу и великихъ князей. Эти подсвѣчники, какъ и столъ, были сдѣланы подъ наблюденіемъ самой императрицы. Тогда увѣряли, что въ спальнѣ императора былъ трапъ и нѣсколько потаенныхъ дверей. Августъ Коцебу [185]), у котораго мы заимствовали описаніе нѣкоторыхъ комнатъ дворца, говоритъ: „Могу засвидѣтельствовать неточности этихъ показаній: великолѣпный коверъ, покрывавшій полъ, исключалъ возможность существованія ихъ, сверхъ того печь стояла не на ножкахъ и слѣдовательно подъ нею не было свободнаго пространства, какъ многіе увѣряли“. Въ спальнѣ, правда, было двое дверей, скрытыхъ занавѣсью: одна вела въ извѣстный чуланчикъ, другою запирался шкапъ, въ который складывались шпаги офицеровъ, взятыхъ подъ арестъ. Проходъ изъ библіотеки въ спальню состоялъ изъ двухъ дверей, и, благодаря необыкновенной толщинѣ стѣнъ, между этими двумя дверьми оставалось пространство, достаточное для того, чтобы могли устроить направо и налѣво двѣ другія потаенныя двери. Тутъ онѣ дѣйствительно были: дверь направо служила къ тому, чтобы запирать помѣщеніе для знаменъ, дверь налѣво открывалась на потаенную лѣстницу, черезъ которую можно было спуститься въ апартаменты императора, находившіеся въ нижнемъ этажѣ.

Въ царствованіе императора Александра II на собственныя суммы его величества устроена была здѣсь домовая церковь во имя св. Павла; въ ней замѣчателенъ иконостасъ рѣзной работы изъ дуба. По преданію, покойный императоръ разъ въ годъ пріѣзжалъ сюда и уединенно молился.

Императоръ Павелъ вставалъ въ пять часовъ утра, умывался и обтиралъ лице льдомъ; въ шесть часовъ онъ принималъ государственныхъ людей съ докладами, въ восемь часовъ конча-



Видъ Михайловскаго дворца со стороны главнаго фасада.

Съ акварели Патерсона 1804 года.

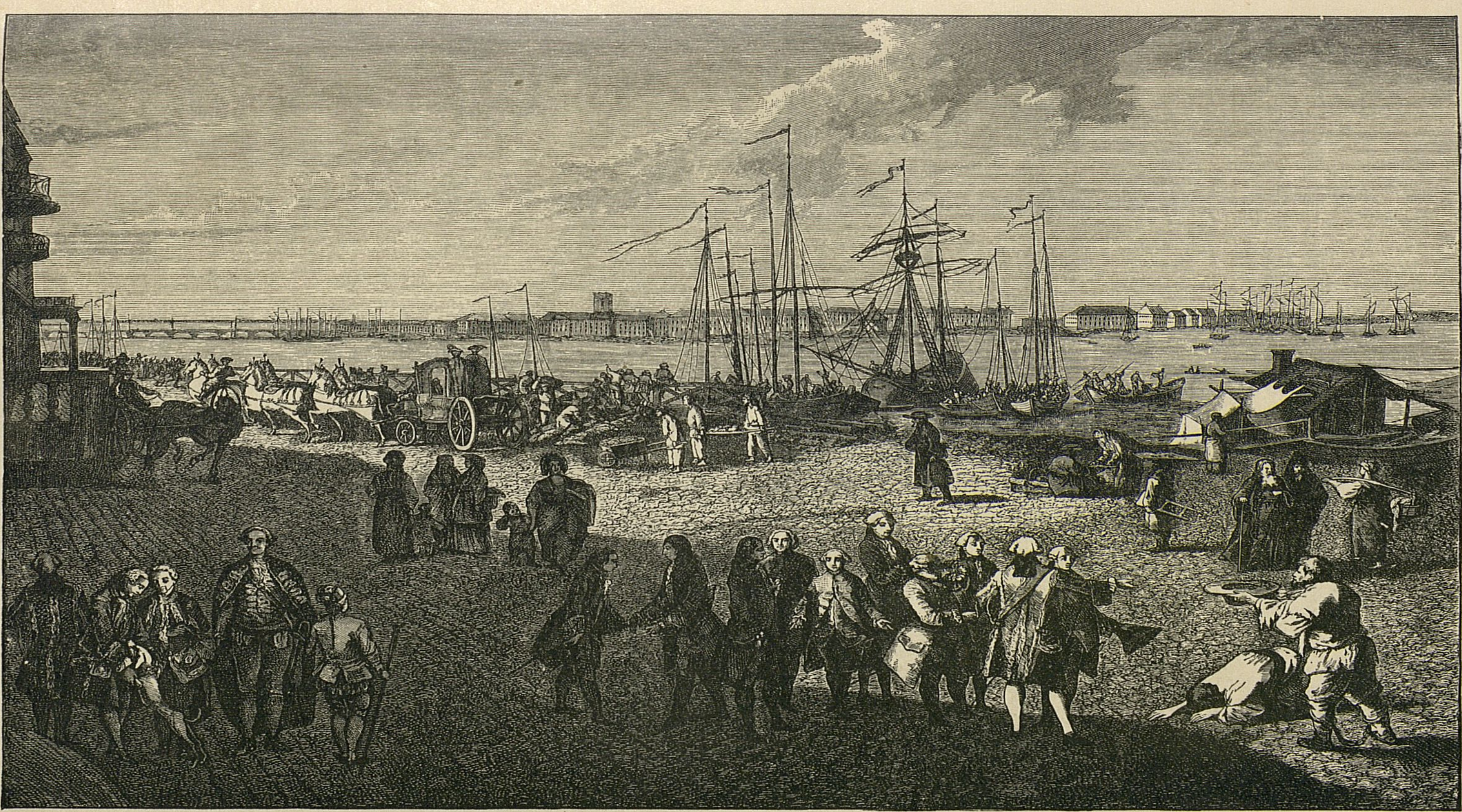
лась аудіенція министровъ, въ двѣнадцать часовъ онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ семействомъ, послѣ обѣда онъ отдыхалъ немного и затѣмъ отправлялся по городу на прогулку. Послѣ вечерней прогулки у императора во дворцѣ бывало частное домашнее собраніе, гдѣ императрица, какъ хозяйка дома, сама разливала чай. Императоръ ложился спать иногда въ восемь часовъ вечера и вслѣдъ за этимъ во всемъ городѣ гасили огни. По разсказамъ современниковъ, жители Петербурга старались всячески скрывать ночью свѣтъ въ окнахъ, завѣшивая и запирая послѣднія ставнями.

Присутственный день въ Павловское время начинался въ пять часовъ утра, во всѣхъ канцеляріяхъ и коллегіяхъ въ это время уже горѣли свѣчи на столахъ, и сенаторы уже съ восьми часовъ утра сидѣли за краснымъ столомъ. Запущенія дѣлъ особенно въ сенатѣ императоръ не терпѣлъ; онъ помнилъ, что послѣ кончины Екатерины II въ немъ осталось болѣе чѣмъ 30,000 нерѣшенныхъ дѣлъ; желаніе императора было, чтобы и въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ его государства указы и его повелѣнія исполнялись быстро. Въ его время курьеры ѣздили изъ Петербурга въ Москву менѣе чѣмъ въ двое сутокъ, такихъ курьеровъ тогда было до 120 человѣкъ.

Богато убранныхъ покоевъ въ Михайловскомъ замкѣ, помимо описанныхъ нами, было еще нѣсколько въ нижнемъ этажѣ; здѣсь много дорогихъ вещей помѣщалось въ комнатахъ, обдѣланныхъ деревомъ. Этимъ способомъ обивки стѣнъ деревомъ была устранена сырость, которая покрывала всѣ стѣны и потолки дворца. По разсказамъ современниковъ, слѣды разрушающей сырости въ большой залѣ, въ которой висѣли картины, не смотря на постоянный огонь въ каминахъ, виднѣлись въ видѣ полосъ льда сверху до низу по угламъ и потолку. На столько былъ сыръ дворецъ, что въ первый разъ, когда императоръ далъ въ немъ балъ, въ комнатахъ стоялъ такой туманъ отъ зажженныхъ восковыхъ свѣчей, что вездѣ была густая мгла, и тысячи свѣчъ мерцали, какъ тусклые фонари на улицѣ. Гостей можно было съ большимъ трудомъ различить въ концѣ каждой изъ залъ; они какъ тѣни двигались въ потемкахъ. Всѣ дамскіе наряды и уборы отсырѣли, и въ полутьмѣ казались одного цвѣта. Дворецъ для всѣхъ былъ крайне неудобенъ, безпрестанно было нужно проходить по корридорамъ, въ которыхъ дулъ сквозной вѣтеръ.

Въ числѣ особенно драгоцѣнныхъ вещей въ замкѣ было нѣсколько великолѣпныхъ севрскихъ вазъ, люстра изъ превосходнаго хрусталя, стоившая 20,000 руб., нѣсколько вазъ работы петербургскаго фарфороваго завода, затѣмъ большая каменная изъ краснаго порфира и нѣсколько оригинальныхъ картинъ Греза, одна Рубенса, восемь пейзажей Щедрина, съ видами: Павловска, Гатчины и Петергофа. Два прекрасныхъ плафона, писанныхъ И. П. Скоти, изображающихъ одинъ Кефала и Прокриду, а другой Венеру, выходящую изъ водъ; затѣмъ нѣсколько картинъ Анжелики Кауфманъ, Карло Марати и множество еще другихъ. По разсказамъ, крыша на дворцѣ была изъ чистой мѣди, подоконники мраморные, а ручки у оконъ бронзовыя, изящной работы. Обычай снимать шляпы далеко еще до дворца, съ переѣздомъ императора въ Михайловскій замокъ, былъ отмѣненъ. Новый обычай, по словамъ современниковъ, было вывести тогда очень трудно. Полицейскіе офицеры стояли на углахъ улицъ, ведущихъ къ Михайловскому замку, и убѣдительнѣйше просили прохожихъ не снимать шляпъ, а простой народъ даже били за такое выраженіе почтенія. Когда государь жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, то прохожіе должны были снимать шляпу при выходѣ на Адмиралтейскую площадь съ Вознесенской и Гороховой улицъ. Ни морозъ, ни дождь не освобождали отъ этого. Кучера, правя лошадьми, обыкновенно брали шляпу или шапку въ зубы. Императоромъ также былъ установленъ этикетъ, чтобы при встрѣчѣ съ нимъ мужчины выходили изъ своихъ экипажей и отдавали честь, а дамы выходили на подножку только экипажа. Говорили тогда, что императоръ нарочно придумалъ такой сопряженный съ неудобствами обычай, чтобы вывести изъ моды шелковые чулки и башмаки, въ которыхъ тогда щеголяли всѣ мужчины. Очень понятно, что въ грязь и снѣгъ мужчинамъ было очень неудобно выходить изъ экипажа. Павелъ вводилъ ботфорты, онъ былъ врагъ роскоши, а шелковые чулки въ то время стоили въ три раза дороже, чѣмъ куль муки въ девять пудовъ. При дворѣ былъ введенъ также и другой этикетъ Павломъ: при встрѣчѣ, мужчины должны были становиться передъ государемъ на колѣни и цѣловать у него руку.

По смерти императора Павла, дворъ вскорѣ покинулъ Михайловскій замокъ и въ томъ же году, по повелѣнію Александра I, замокъ поступилъ въ гофъ-интендантское вѣдомство, а мебель, статуи, картины и прочія вещи отосланы отсюда для храненія въ Таврическій, Мраморный, Зимній дворцы и въ императорскій кабинетъ. Большая половина бель-этажа дворца оставалась пустою, въ остальной помѣщалась конюшенная контора



Осмотръ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ работъ на набережной Невы въ 1775 году.

Съ гравюры прошлаго столѣтія Ле-Ба, сдѣланной съ картины Ле-Пренса.

и конская экспедиція; въ нижнемъ этажѣ жили: генералы Дибичъ, Сухтеленъ, архитекторъ Камеронъ, придворные служители и чиновники, всего до 900 человѣкъ. Затѣмъ, здѣсь же доживалъ свой вѣкъ старый кастелянъ замка Иванъ Семеновичъ Брызгаловъ. Въ 1840 году, онъ бродилъ еще по Петербургу бодрымъ девяностолѣтнимъ старцемъ, въ однополомъ мундирѣ, ботфортахъ и крагенахъ, съ тростью въ сажень, въ шляпѣ съ широкими галунами. Брызгаловъ былъ родомъ изъ крестьянъ, и дослужился при Павлѣ до чина маіора; въ замкѣ онъ наблюдалъ за своевременнымъ подниманіемъ и опусканіемъ подъёмныхъ мостовъ.

Михайловскій замокъ служилъ императору Павлу I-му резиденціей только сорокъ дней.

Послѣ смерти императора Павла, много перемѣнъ произошло какъ снаружи, такъ и внутри церкви. Многія украшенія, какъ, напримѣръ, вазы, стоявшія снаружи и внутри, сняты, нѣтъ изображеній апостоловъ, стоявшихъ на аттикѣ, нѣтъ канделябръ, въ простѣнкахъ перваго и втораго этажей, серебряныхъ царскихъ дверей и лампадъ, золотой лампады и позолоты въ куполѣ. Въ 1822 году, дворецъ, до того времени называвшійся Михайловскимъ, былъ переименованъ въ Инженерный замокъ; до этого года въ замкѣ и въ принадлежащихъ къ нему зданіяхъ въ разное время помѣщались многія учрежденія. Такъ, здѣсь стоялъ лейбъ-гвардіи жандармскій полуэскадронъ, былъ институтъ слѣпыхъ, комитетъ по благотворительной части, канцелярія министра духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія.

Въ наружной сторонѣ Михайловскаго замка со дня постройки не сдѣлано особенно важныхъ измѣненій, за исключеніемъ того, что мраморныя статуи и другія фигуры сняты и отправлены въ другіе дворцы и уничтожены укрѣпленія и подъёмные мосты. Отъ прежнихъ внутреннихъ украшеній осталась теперь одна только „Тронная зала“ съ другою круглою комнатою, да еще въ нѣкоторыхъ комнатахъ сохранилась на потолкахъ живопись.

Въ 1817 году, въ Михайловскомъ замкѣ былъ открытъ тайною полиціею въ квартирѣ жены полковника Татаринова, урожденной Буксгевденъ, „Хлыстовскій корабль“. Къ этому хлыстовскому обществу принадлежали кн. А. Н. Голицынъ, В. М. Поповъ, Лабзинъ, богатый помѣщикъ Дубовицкій, князь Энгалычевъ и др. Здѣсь утромъ, по воскресеньямъ, къ Татариновой собиралось до 40 человѣкъ, и при этомъ совершались хлыстовскія сборища. Солдатка Осипова показала, что ее, приведя въ квартиру Татариновой, положили въ постель, затѣмъ она была приведена въ безпамятство; къ ней ввели человѣка, котораго назвали пророкомъ, и онъ ей говорилъ что-то не совсѣмъ понятное. Въ этомъ хлыстовскомъ кораблѣ купцы первой гильдіи Фроловъ и Тименковъ достигали такой быстроты въ круженіи, что гасили свѣчи и люстры. Разсѣянное общество Татариновой тайно продолжало существовать до конца тридцатыхъ годовъ.

ГЛАВА XVII.

Театръ въ старину. — Его репертуаръ. — Примадонны. — Крѣпостные артисты. — Опера-буффъ. — Указъ о сохраненіи благочинія въ театрахъ. — Первые вызовы артистовъ. — Метаніе кошельковъ. — Первый вызовъ автора. — Начало поспектакльной платы. — Доступъ артистовъ въ дома меценатовъ. — Домъ А. И. Оленина. — Кутежи. — Актеры: Яковлевъ и Пономаревъ. — Директоры театровъ: Юсуповъ, Нарышкинъ, Тюфякинъ и другіе. — Цыганскіе хоры. — Ихъ исторія. — Иванъ Соколовъ. — Цыганская Каталани Стеша. — Солистки позднѣйшаго времени.

ТЕАТРЪ въ царствованіе Екатерины всегда былъ полонъ, всѣ лучшія мѣста были заняты по абонементу. Кресла такъ и назывались годовыми; креселъ всего было три ряда, стоили они два рубля съ полтиною; въ нихъ садились одни старики, первые сановники государства; офицеры гвардіи и всѣ порядочные люди помѣщались въ партерѣ на скамьяхъ, за рубль мѣсто. Публика въ ложахъ отличалась полнѣйшею патріархальностью, нерѣдко можно было видѣть женщинъ въ чепчикахъ съ чулкомъ и купцевъ въ атласныхъ халатахъ, съ семьей, подомашнему.

Мода держать актрисъ на содержаніи процвѣтала, какъ и ратованіе за пріятелей-актеровъ. Всѣ люди образованнаго класса дѣлились на театральныя партіи. Такъ, въ 1800 годахъ, существовали партіи Семеновой и Вальберховой. За каретами ихъ бѣгали, останавливали ихъ, выражали имъ свои похвалы и ссорились на улицѣ за превосходство каждый своей актрисы.

Въ концѣ царствованія Екатерины, русскій репуртуаръ сталъ оскудѣвать отечественными произведеніями и сталъ обогащаться переводными итальянскими пьесами и, наконецъ, „опера-буффъ“, наша теперешняя оперетка, вполнѣ овладѣла русскимъ театромъ.

Первыми русскими опереточными артистками были: „Лизанька“ (Сандунова), „Дуняша“ (Янковская), „Наталья“ и „Маша“ (Айвазовы). Эти артистки вскружили головы всей придворной и гвардейской молодежи. Театральный критикъ того времени, князь Шаховской, писалъ: „Эти артистки не дарованіемъ дѣйствовали, а облетомъ искрометнаго взгляда по всѣмъ зоркимъ глазамъ и самонадѣяннымъ сердцамъ“.

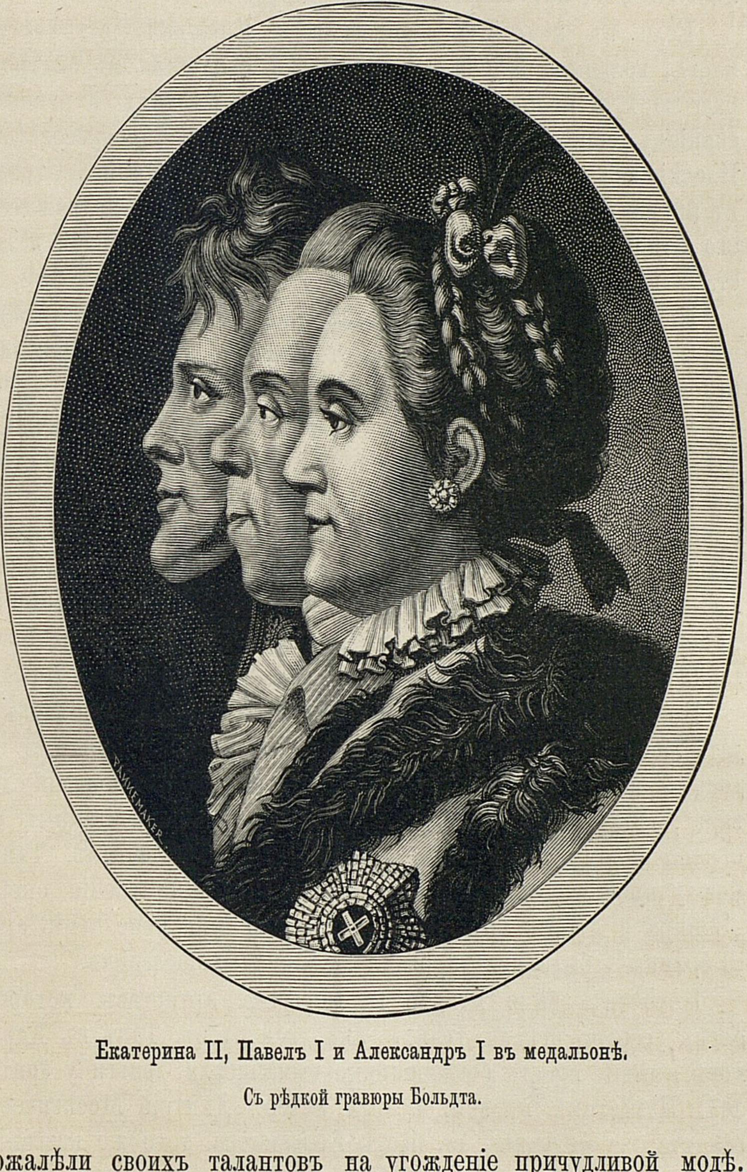
Позднѣе, чтобы поддержать оперу-буффъ, была вызвана въ Петербургъ актриса домашняго театра Д. Столыпина — В. Б. Новикова, извѣстная въ Москвѣ подъ именемъ „Вареньки Столыпинской“. Актриса эта очень понравилась публикѣ, но не удержала паденія оперетки на русской сценѣ. Изъ Столыпинскихъ крѣпостныхъ артистокъ извѣстныя были: Бутенброкъ, до замужества Лисицына; по характерному выраженію критика того времени: это была баба плотная, бѣлая и румяная, но зубы — уголь углемъ, пѣла она очень недурно; изъ опереточныхъ актеровъ былъ извѣстенъ Уваровъ, превосходный пѣвецъ.

Передъ фамиліей крѣпостныхъ артистовъ на афишѣ не ставилась буква г., т. е. господинъ или госпожа, и когда они зашибались, чтò случалось нерѣдко, то имъ дѣлался выговоръ особаго рода.

Но въ старину нерѣдко и начальство зависѣло отъ подчиненныхъ артистовъ. Разъ вышелъ такой случай: по желанію кого-то изъ сильныхъ міра былъ назначенъ спектакль, но въ самый день представленія вбѣгаетъ къ директору режиссеръ и заявляетъ, что спектакль идти не можетъ, такъ какъ первый пѣвецъ совсѣмъ безъ зубовъ.—Какъ это случилось?—спрашиваетъ изумленный директоръ.—Онъ разломилъ верхнюю челюсть.—Какое несчастіе!—Не особенное,—отвѣчаетъ режиссеръ:—онъ послалъ ее къ дантисту и дня черезъ три ее починятъ.—Очень понятно, что при современныхъ успѣхахъ дантистики, подобный казусъ не можетъ случиться.

Про народившуюся въ то время оперетку князь Шаховской писалъ: „Опера-буффъ пріучила толпу къ безотчетному удовлетворенію лѣнивой праздности, пустодѣльнымъ шутовствомъ и чувственной потѣхой глазъ и ушей отвлекла отъ благородныхъ наслажденій ума и сердца драматическаго театра не только зрителей, но и писателей, могущихъ сдѣлать пользу ему и русскому слову“.

Кромѣ И. А. Дмитревскаго, Вьени, ученаго секретаря медицинской академіи, В. И. Хомякова, и другіе стихотворцы не пожалѣли своихъ талантовъ на угожденіе причудливой модѣ. „Діанино древо“, „Рѣдкая вещь“, „Школа ревнивыхъ“, „Венеціанская ярмарка“, „Хитрая любовница“ и другія буффонства торжественно насмѣхались надъ опустѣлостью разумнѣйшаго,



Екатерина II, Павелъ I и Александръ I въ медальонѣ.

Съ рѣдкой гравюры Больдта.

благороднѣйшаго и полезнѣйшаго изъ всѣхъ общественныхъ увеселеній. Нашу, или насильственно привитую къ намъ, оперу-буффъ можно назвать развратительницей цѣломудрія русскаго театра. Въ ней появились, какъ говаривали наши предки, „гнилыя слова“, или экивоки.

Если въ комедіяхъ Фонвизина и Княжнина встрѣчались иногда вольные намеки, то они легко скользили въ быстромъ разговорѣ, а не принуждали безчиннымъ смѣхомъ и рукоплесканіемъ скромность краснѣть, а невинность интересоваться. Плоскіе обиняки заразили комедіи Клушина, Эмина. Страсть къ цинизму перешла и къ актерамъ. Сандуновъ и подражатель его Сторожевъ объясняли зрителямъ взглядомъ, улыбкой и жестами всю сальность авторовъ.

Подобныя выходки принудили дирекцію употребить строгія мѣры, для удержанія артистовъ отъ такого безчиннаго промысла рукоплесканій!

Указъ, изданный въ 1782 году, о сохраненіи въ публичныхъ зрѣлищахъ должнаго благочинія, подвергалъ нарушителей строгой отвѣтственности; въ то время игра и пѣніе артистовъ хотя и приводили зрителей въ восторгъ, но не вызывали тѣхъ оглушительныхъ вызововъ и неистовыхъ bis, свирѣпствующихъ въ наше время. Жихаревъ говоритъ (см. „Отечественныя Записки“, 1859 г., „Дневникъ чиновника“), что въ 1802 году вызовъ актера былъ такимъ происшествіемъ, о которомъ недѣлю толковали въ городѣ.

Но несомнѣнно, что въ то время существовалъ обычай кидать любимымъ артистамъ на сцену кошельки съ деньгами. О достовѣрности этого факта свидѣтельствуетъ „Драматическій словарь“, изданный въ 1787 году и недавно перепечатанный въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ А. С. Суворинымъ. Тамъ, между прочимъ, сказано, что въ первое представленіе оперы „Земира и Азоръ“ пѣвица Соколовская, при исполненіи аріи „Горлицы“, была аплодирована метаніемъ кошельковъ.

Впрочемъ, было немало въ то время артистовъ, которые очень усердно искали такихъ аплодисментовъ. Такъ въ Харьковѣ актеры просто безцеремонно выманивали деньги у зрителей. Извѣстный провинціальный актеръ Дмитрій Москвичевъ, представляя мельника, въ пьесѣ Аблесимова, того же названія, на сценѣ позволялъ себѣ такія, напримѣръ, вольности, распѣвая куплеты:

Я вамъ, дѣтушки, помога,
У Сабурова денегъ много.

Сабуровъ, извѣстный богачъ, сидѣвшій въ первомъ ряду, только улыбался... и больше ничего. Москвичевъ, чтобы поправить свою ошибку, пѣлъ снова:

Я вамъ, дѣтушки, помога,
У Карпова денегъ много.

Рукоплесканія подтверждали, что актеръ пѣлъ правду, но Карповъ не кидалъ на сцену кошелька, а только утерся и покраснѣлъ. Москвичеву надобно было добиться своего, и онъ снова запѣлъ:

Я вамъ, дѣтушки, помога,
У Манухина денегъ много.

Манухинъ былъ богатый купецъ, богачу это понравилось, и вслѣдъ за припѣвомъ на сцену къ ногамъ актера летѣлъ кошелекъ, актеръ подымалъ его и трижды кланялся. Всѣ смѣялись находчивости артиста, и часто подобныя сцены повторялись.

Про первый дебютъ этого Москвичева разсказываютъ „Харьковскія Вѣдомости“ слѣдующее. Москвичевъ, разъ исполняя въ Харьковѣ роль трубочиста въ пьесѣ „Князь-трубочистъ“, выпалъ на сцену изъ камина, упалъ, приподнялся... и остолбенѣлъ! не можетъ выговорить ни слова, и приготовился уже бѣжать со сцены.

Причиной испуга былъ губернаторъ Орловскаго намѣстничества, сидѣвшій въ театрѣ, въ первомъ ряду креселъ. Актеръ Москвичевъ былъ въ орловской губернской ротѣ сержантомъ и, тайно оставивъ знамена орловскаго губернскаго Марса, предложилъ услуги харьковской Таліи; явясь на сцену и замѣтивъ губернатора, онъ постигнулъ всѣ послѣдствія побѣга и потерялся совсѣмъ. Но бывшій начальникъ сжалился надъ нимъ и, чтобы не лишать публики удовольствія, закричалъ ему: „Не робѣй, Дмитрій, не робѣй! Продолжай, не бойся ничего“. И Дмитрій оправился и благополучно кончилъ пьесу ко всеобщему удовольствію. Въ тотъ же вечеръ оба губернатора кончили на бумагахъ, что сержантъ Москвичевъ переведенъ на службу изъ орловской роты въ харьковскую.

Обычай вызова автора въ первый разъ случился въ 1784 году, во время представленія „Рослава“ Княжнина. Въ этотъ спектакль, по окончаніи трагедіи, публика вошла въ такой восторгъ, что единогласно потребовала выхода автора на сцену. Это требованіе поставило Княжнина въ недоразумѣніе, изъ котораго выручилъ его актеръ Дмитревскій, вышедшій на сцену передъ публикой со словами: „что для автора восхитительно лестное благоволеніе публики, но такъ какъ его въ театрѣ нѣтъ, то онъ, въ качествѣ его почитателя и друга, осмѣливается за него принести благодарность публикѣ“.

Съ этого времени, когда пьеса имѣла успѣхъ, принято было за обыкновеніе вызывать автора.

Въ старину также существовалъ обычай дѣлать со сцены анонсы къ публикѣ о предстоящихъ спектакляхъ и бенефисахъ. Обыкновенно это дѣлалось такъ. Послѣ первой сыгранной пьесы или предъ послѣднимъ дѣйствіемъ выходилъ второстепенный актеръ, почтительно кланялся и называлъ день и театръ, на которомъ будетъ играна такая-то пьеса. При представленіи пьесъ многосложныхъ (à grand spectacle), какъ, напримѣръ, комедіи „Мѣщанинъ во дворянствѣ“, одной изъ первыхъ пьесъ, игранной на петербургскомъ театрѣ еще въ 1758 году, гдѣ требовалось много людей и принадлежностей на сценѣ, при объявленіи назначалась за входъ всегда двойная цѣна. Комедія „Мѣщанинъ во дворянствѣ“ была торжествомъ актера Крутицкаго.

Въ старое время актеры, помимо жалованья, получали деньги на квартиру и на гардеробъ, также имъ давали казенныя дрова. Такъ первая артистка драматической труппы получала восемь сажень дровъ ежегодно. Кромѣ этого, еще существовало правило отпускать актерамъ по двѣ восковыя свѣчи, отчего и произошло названіе argent feu.

Начало поспектакльной платы въ нашей драматической труппѣ относится къ 1810 году. Въ это время знаменитая актриса Семенова первая начала получать ее. Въ 1802 году, былъ изданъ указъ, чтобы бенефисы были впредь назначаемы однимъ отличнымъ актерамъ, представляющимъ первыя роли. До этого времени переводчики и авторы многихъ пьесъ получали бенефисы. Обыкновеніе же давать утренніе спектакли на масляницѣ началось въ 1827 году. Первый такой спектакль былъ данъ на сырной недѣлѣ въ субботу. Шла вторая часть „Днѣпровской Русалки“.

Въ старину спектакли начинались обыкновенно въ пять часовъ и кончались не позднѣе десятаго часа. Императоръ Павелъ, не любившій, чтобы спектакли были продолжительны, въ 1800 году, 25-го апрѣля отдалъ приказъ, чтобы представленія, даваемыя на публичномъ театрѣ, не продолжались болѣе какъ до 8 часовъ вечера, разумѣя начало ихъ непремѣнно въ 5 часовъ по полудни.

Выдающіеся артисты имѣли доступъ на вечера извѣстныхъ меценатовъ того времени: Л. А. Нарышкина, Н. Б. Юсупова, А. С. Строгонова, А. Н. Оленина.

Даровитыя актрисы, великосвѣтскія дамы, художники, актеры, музыканты, литераторы — всѣ встрѣчались въ домахъ этихъ вельможъ вмѣстѣ съ государственными мужами и знатью. Всѣ были какъ въ родномъ домѣ. Дачи ихъ были публичными садами, столъ открытъ для всѣхъ разъ представленныхъ, балы давались почти для всего города.

Домъ А. Н. Оленина соединялъ все, что было замѣчательнаго въ Петербургѣ по части литературы и искусства. Здѣсь Озеровъ читалъ въ первый разъ свою трагедію „Эдипъ въ Аѳинахъ“; тутъ раздавались роли артистамъ: Яковлеву, Шушерину, Семеновой; здѣсь писалъ свои чудныя декораціи Гонзаго и строилъ свои театральныя машины славный механикъ, итальянецъ Бриганцій.

Про Гонзаго разсказывали, что его декораціи заставляли зрителя забываться и поражали удивительнымъ соблюденіемъ перспективы и необыкновенной прелестью композиціи; онъ первый писалъ декораціи прямо на полу, не картинною живописью, а наброcомъ и толстою кистью и часто растушевывалъ просто ногою, и это ножное маранье при искусственномъ освѣщеніи превращалось въ полное очарованіе. Его декораціи въ театрѣ Фенниче въ Венеціи, во время карнаваловъ, выставлялись какъ образецъ возможнаго совершенства сценической живописи; одна изъ его декорацій года четыре тому назадъ была еще цѣла на сценѣ Александринскаго театра, въ Петербургѣ.

Въ домѣ же Оленина читалъ свои басни И. А. Крыловъ и жилъ по нѣсколько недѣль въ его Пріютинѣ, обитая въ особомъ домикѣ, называемомъ „Крыловскою кельею“ (въ 1849 году, когда Пріютино принадлежало доктору Адамсу, были еще слѣды этого домика, служившаго сараемъ для картофеля). Здѣсь же И. А. Крыловъ ставилъ свои пьесы на домашнемъ театрѣ этого вельможи.

Домашніе спектакли въ это время были въ большой модѣ; извѣстный въ лѣтописяхъ русскаго театра князь Шаховской говоритъ, что, участвуя почти каждый день на такихъ спектакляхъ, ему приходилось учить по двѣ роли заразъ гдѣ нибудь въ караулѣ въ Новой Голландіи или Новомъ Адмиралтействѣ.

Актеры часто сходились къ любителямъ театра; въ то время жили на англійскую или древнерусскую стать, и возліянія Бахусу приносились ежедневно. Особенно отличались этимъ гусары и молодые богатые купцы: попасть въ ихъ общество — запоятъ! Въ загородныхъ трактирахъ: въ Красномъ Кабачкѣ, въ Желтеньскомъ, въ Екатерингофѣ, на Крестовскомъ островѣ, происходили настоящія оргіи! Зимою туда, бывало, катятъ сотни саней, лѣтомъ пріѣзжаютъ на катерахъ съ музыкою и пѣсенниками. Заѣхавъ въ трактиръ, шампанское спрашивали ящиками, а не бутылками. Вмѣсто чаю пили пуншъ. Музыка, пѣсенники, плясуны и мертвая чаша! Тогда все это считалось молодецкою забавою.

Молодежь искала знакомства съ актерами и, по тогдашнему обычаю, подчивала ихъ до-нельзя. Такимъ образомъ на гибельную стезю были увлечены почти всѣ лучшіе наши актеры: Яковлевъ, Рыкаловъ, Пономаревъ, Сандуновъ, Воробьевъ. Про Яковлева разсказывали, что, когда онъ разогрѣвался веселою бесѣдою и пѣнистою влагою, то пѣлъ духовныя пѣсни Бортнянскаго или принимался декламировать различныя трагедіи и такъ увлекался, что воображалъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ герой, и разъ, возвращаясь съ попойки, на вопросъ часоваго у заставы, кто онъ такой, отвѣчалъ: князь московскій Дмитрій Донской; на другой день по рапорту узнали, кто этотъ московскій князь, и, разумѣется, помылили ему порядкомъ голову. Также любимымъ собесѣдникомъ на такихъ попойкахъ былъ комическій актеръ Пономаревъ, неподражаемый въ роляхъ подьячихъ и слугъ.

Пономаревъ пѣлъ плачевнымъ голосомъ жалобу объ уничтоженіи питейнаго дома на Стрѣлкѣ (на Васильевскомъ островѣ, вблизи Биржи), куда собирались преимущественно закоренѣлые подьячіе того времени. Пономаревъ былъ первымъ пѣвцомъ куплетовъ, онъ появлялся въ дивертисементахъ, одѣтый въ свѣтло-зеленый мундиръ, въ красномъ камзолѣ, красномъ исподнемъ платьѣ и въ низкой треугольной шляпѣ, какъ тогда одѣвались подьячіе (могила этого актера донынѣ цѣла, невдалекѣ отъ могилы П. А. Каратыгина, на Смоленскомъ кладбищѣ).

Про Сандунова разсказывали, что онъ былъ добрякъ, какихъ мало, и отличался съ старшимъ своимъ братомъ, извѣстнымъ переводчикомъ „Разбойниковъ" Шиллера и сенатскимъ секретаремъ, — большимъ остроуміемъ.

Разъ, заспоривъ о чемъ-то, въ пылу спора послѣдній сказалъ брату: „Тутъ, сударь, толковать нечего, вашу братью всякій можетъ видѣть за рубль мѣдью!"

— Правда, — отвѣчалъ актеръ: — за то вашей братіи безъ красненькой и не увидишь!

Князь Н. Юсуповъ, о которомъ мы выше упомянули, былъ назначенъ директоромъ императорскихъ театровъ въ 1791 году; по счету это былъ седьмой, а по управленію театрами первый: онъ привелъ въ порядокъ всѣ дѣла дирекціи, уволилъ нѣсколькихъ актеровъ, учредилъ до сихъ поръ здравствующую театральную контору и передѣлалъ партеръ, сдѣлавъ мѣста за креслами. На него тогда явилась эпиграмма:

Юсуповъ, нашъ директоръ новый,
Партеръ въ раекъ пересадилъ,
Актеровъ лучшихъ распустилъ
И публику сковалъ въ оковы.

Но эти оковы, или, вѣрнѣе, перегородки, долго не просуществовали.

Разсказывали, что какой-то толстякъ-силачъ взялъ рядомъ оба билета въ партерѣ, выломилъ желѣзную перегородку и такъ просидѣлъ весь спектакль.

Юсуповъ очень слѣдилъ за порядкомъ. Одна изъ актрисъ, по капризу, вздумала сказаться больною. Князь приказалъ, чтобъ ее не безпокоить: кромѣ доктора, никого къ ней не пускать. Больная выздоровѣла на другой же день.

При немъ оклады были значительно увеличены: балетмейстеръ Канціани получалъ жалованья 5,500 руб., танцоръ Пикъ 6,500 руб., танцоръ Гіанфонелли 3,400 руб. и то же жалованье получали многіе изъ русскихъ: Ив. Вальбергъ, Троф. Слепинъ, В. Балашевъ и др.; танцовщицѣ Росси при немъ платили 5,000 руб.

Въ послѣднее время своего управленія кн. Юсуповъ соблюдалъ очень строго казенный интересъ и даже принялъ на свой счетъ дорогихъ итальянскихъ пѣвцовъ и понесъ большой убытокъ. Съ этой труппой прибылъ извѣстный въ Россіи капельмейстеръ Кавосъ. При Юсуповѣ инспекторы репертуарной части выбирались изъ актеровъ пополугодно, изъ которыхъ въ 1794 году были Крутицкій и Гамбуровъ. Преемникомъ князя Юсупова, въ царствованіе императора Павла I, былъ оберъ-камергеръ Нарышкинъ. Это былъ вполнѣ русскій вельможа великолѣпнаго двора Екатерины, меценатъ и хлѣбосолъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова: его обѣды и праздники гремѣли въ Петербургѣ.

На дачѣ и въ городѣ его столъ былъ открытъ для всѣхъ званыхъ и незваныхъ. Онъ былъ отцомъ всѣхъ артистовъ, и въ устахъ его: „господа, прошу васъ“ — значило болѣе всякихъ приказаній, а: „господа, я недоволенъ“—приводило всѣхъ въ отчаяніе, а слово: „благодарю“—возбуждало полный восторгъ.

Въ домѣ его толпилось все, что отличалось умомъ или талантомъ: шитый камзолъ вельможи здѣсь стоялъ рядомъ съ кургузымъ сюртукомъ какого нибудь разночинца; всѣ были какъ въ родномъ домѣ.

Особенно роскошны выходили у него праздники на его дачѣ по Петергофской дорогѣ. На этихъ праздникахъ сюрпризы встрѣчали публику на каждомъ шагу. Всѣ театральныя труппы участвовали въ празднествахъ и, конечно, не даромъ, а за весьма приличное награжденіе.

Разъ такой праздникъ удостоилъ императоръ Александръ Павловичъ своимъ присутствіемъ и въ разговорѣ при прощаніи, полюбопытствовавъ узнать, во чтò обошелся праздникъ, спросилъ Нарышкина.—„Кажется, двадцать пять или тридцать рублей“,—отвѣчалъ вельможа.—„Что за пустяки!“—„Божусь вамъ, ваше величество! листъ вексельной бумаги, который я подписалъ за расходы, обошелся мнѣ не дороже этихъ денегъ“...

Въ 1812 году, во время войны, Нарышкину кто-то хвалилъ храбрость его сына, находившагося въ арміи, говоря, что онъ, занявъ одну позицію, храбро отстоялъ ее отъ непріятеля.

— Это уже наша фамильная черта,—сказалъ Нарышкинъ:—что займутъ, того не отдадутъ!

Разъ при закладкѣ одного корабля государь спросилъ Нарышкина:—„Отчего ты такъ невеселъ?“—„Нечему веселиться,—отвѣчалъ Нарышкинъ:—вы, государь, въ первый разъ въ жизни закладываете, а я каждый день“.

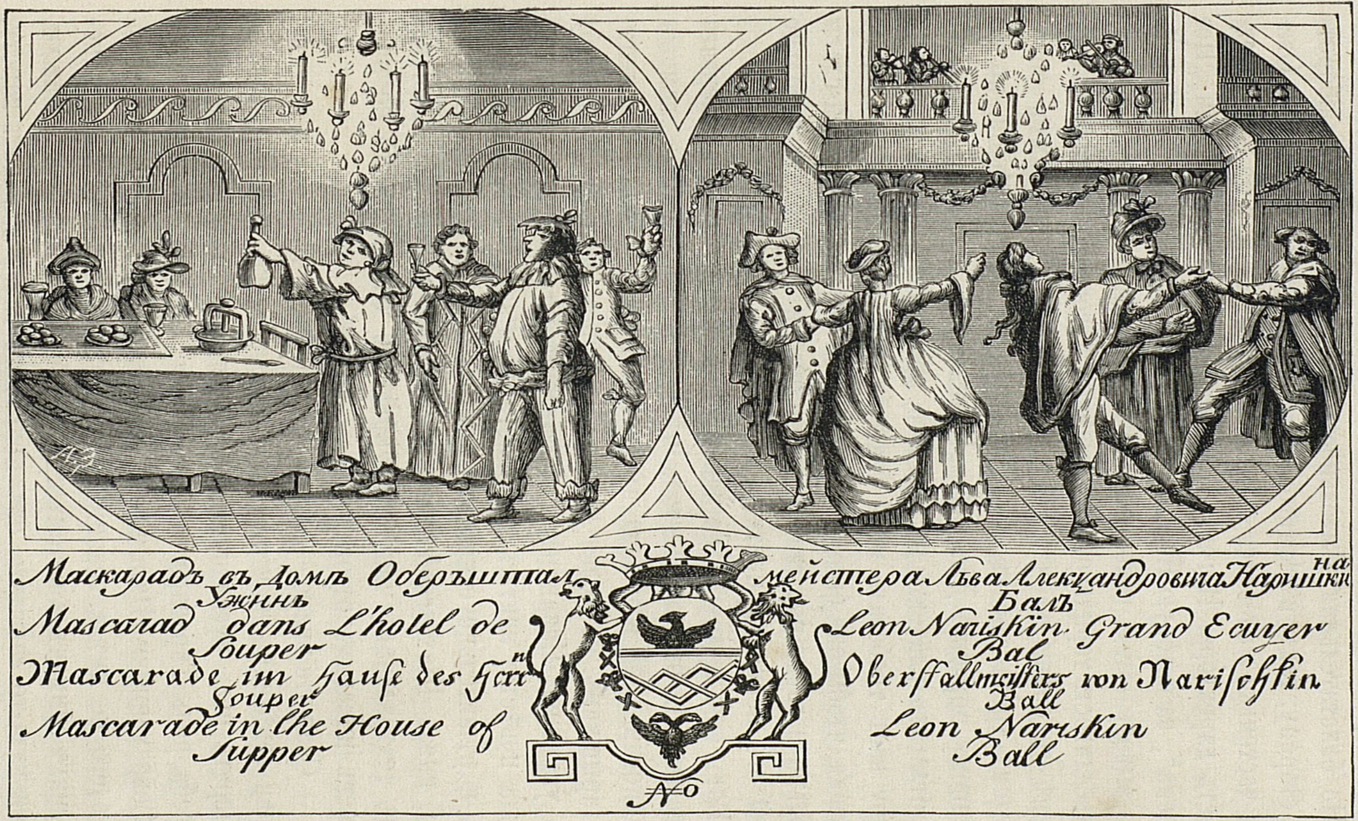
— Онъ живетъ открыто,—отозвался императоръ объ одномъ придворномъ, который давалъ балы чуть ли не каждый день.

— Точно такъ, ваше величество,—возразилъ Нарышкинъ:—у него два дома въ Москвѣ безъ крышъ.

Одинъ старикъ вельможа жаловался Нарышкину на свою каменную болѣзнь.—„Вамъ нечего бояться,—сказалъ Нарышкинъ:—всякое деревянное строеніе на каменномъ фундаментѣ долго живетъ“.

Министръ финансовъ хвалился Нарышкину, что онъ сжегъ много ассигнацій.—„Нечего хвалиться,—сказалъ Нарышкинъ:—онѣ, какъ фениксъ, возродятся изъ пепла“.

Нарышкинъ славился также своимъ крѣпостнымъ хоромъ великолѣпной музыки. Домъ его называли тогда въ Петербургѣ „Новыми Аѳинами“.



Маскарадъ въ домъ Оберъшталмейстера Льва Александровича Нарышкина
Ужинъ Балъ
Mascarad dans L'hotel de Leon Nariskin Grand Ecuyer
Souper Bal
Mascarade im Hauſe des Herrn Oberſtallmeiſters von Nariſchkin
Souper Ball
Mascarade in the House of Leon Nariskin
Supper Ball
№

Пригласительный билетъ на маскарадъ къ оберъ-шталмейстеру Л. А. Нарышкину.

Факсимиле съ подлинника, находящагося у Е. Н. Тевяшова.

Петербургскіе театры во время директорства Нарышкина достигли значительнаго совершенства. Ему также много способствовалъ и его помощникъ, извѣстный въ лѣтописяхъ русскаго театра, князь Шаховской.

Но блистательная дѣятельность Нарышкина имѣла и оборотную сторону: такъ, извѣстный въ то время драматургъ В. А. Озеровъ частенько жаловался въ письмахъ къ Оленину на несправедливость директора. И говоря о постановкѣ своей трагедіи „Поликсена“, за которую Нарышкинъ обѣщалъ заплатить 3,000 рублей „выводу“ (т. е. гонорара), но не заплатилъ: „Послѣднюю несправедливость терплю отъ Александра Львовича,—писалъ онъ,— не онъ ли обѣщалъ, что дастъ предписаніе требуемыхъ сочинителемъ трехъ тысячъ, послѣ втораго ея представленія, по заведенному порядку. Два раза „Поликсена“ играна. Почему жъ онъ отлагалъ платежъ до третьяго представленія? Убѣдительно прошу васъ требовать моей трагедіи отъ дирекціи обратно, не допущая, чтобы она была въ третій разъ играна. Для моей славы довольно и двухъ представленій, для имени Нарышкина довольно и сей его неправды противъ меня“.

Вотъ еще и другой случай. За нѣсколько дней до перваго представленія оперы „Леста“, пѣвица Болина вышла замужъ за чиновника М. и подала просьбу объ увольненіи ея со сцены, но Нарышкинъ, не желая лишиться актрисы, оставилъ ея просьбу безъ уваженія. Наканунѣ представленія молодая чиновница получила повѣстку явиться на репетицію. Разумѣется, она не явилась и рѣшительно отказалась отъ роли. Помощникъ Нарышкина, князь Шаховской, извѣстный своею вспыльчивостью, послалъ театральнаго чиновника объявить ея мужу, что не принимаетъ никакихъ отговорокъ.

— Скажите князю,—отвѣчалъ супругъ:—что жена моя титулярная совѣтница и что я въ такомъ только случаѣ позволю ей играть роль русалки, если его сіятельство согласится взять на себя роль Тарабара.

Современники Нарышкина разсказывали, что расточительность его не имѣла границъ, и онъ частенько нуждался въ небольшихъ суммахъ, а потому кругомъ былъ въ долгахъ. Однажды, желая куда-то съѣздить, онъ приказалъ слугѣ заложить карету, и тотъ, понявъ приказаніе барина въ кредитномъ смыслѣ, заложилъ ее какому-то ростовщику.

Остроты, каламбуры и шутки Нарышкина долго жили въ памяти петербургскаго общества. Самъ императоръ Павелъ Петровичъ очень любилъ Нарышкина и прощалъ ему самыя смѣлыя его выходки.

Разъ въ театрѣ, во время балета, государь спросилъ Нарышкина, отчего онъ не ставитъ балетовъ со множествомъ всадниковъ, какіе прежде давались часто.

— Невыгодно, ваше величество! Предмѣстникъ мой ставилъ такіе балеты, потому что, когда лошади дѣлались негодны для сцены, онъ могъ ихъ отправлять на свою кухню... и... съѣсть.

Предмѣстникъ его, князь Юсуповъ, былъ татарскаго происхожденія.

Балетъ въ управленіе Нарышкина театрами процвѣталъ. Танцовщикъ Дюпоръ, приглашенный имъ изъ Парижа, получалъ за каждое представленіе по 1,200 рублей за спектакль, или въ годъ 60,000 рублей (180,000 франковъ по тогдашнему курсу).

При Нарышкинѣ, въ 1812 году, былъ еще опредѣленъ вице-директоромъ театровъ дѣйствительный камергеръ князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ.

Первоначально званіе вице-директора было только почетное мѣсто, но впослѣдствіи, когда Нарышкинъ уѣхалъ за границу, управленіе театрами было ввѣрено князю Тюфякину, который оказался весьма хорошимъ хозяиномъ, такъ что въ 1814 году, по возвращеніи главнаго директора, долги дирекціи были уплочены собственными своими средствами.

Съ тѣхъ поръ подобнаго чуда уже не было. Но тогда оно послужило поводомъ къ составленію знаменитой инструкціи вице-директору, по которой ему поручалась вся хозяйственная часть театровъ, и съ тѣхъ поръ съ 1826 года дѣйствительно долговъ не было.

Князь Тюфякинъ, хотя и былъ человѣкъ образованный, но далеко не похожъ на своего гуманнаго предшественника. Обращеніе съ артистами у него доходило до самоуправства, а съ артистками, особенно молодыми, до полнаго цинизма. Особенно свирѣпъ былъ князь до обѣда. Чтобы дать понятіе о замашкахъ, мы приведемъ два случая изъ закулисной хроники, разсказанной его современникомъ. Однажды, онъ замѣтилъ восьмилѣтняго воспитанника театральнаго училища, пробѣжавшаго позади сцены во время какого-то дѣйствія балета. Князь выскочилъ изъ своей директорской ложи, схватилъ мальчика и подбилъ ему глазъ своей большой подзорной трубкой (тогда небольшихъ биноклей еще не было, и театралы посѣщали театры съ большими, длинными трубками въ рукахъ).

Другой случай былъ въ драматической труппѣ. Актеръ Булатовъ, принятый на сцену изъ чиновниковъ девятаго класса, отказался отъ неподходящей къ его амплуа роли. За такую дерзость князь приказалъ посадить его на съѣзжую и продержалъ тамъ съ недѣлю.

Князь платилъ щедро за переводы пьесъ и давалъ весьма крупныя цифры разовыхъ нѣкоторымъ артисткамъ. Такъ, своей фавориткѣ, нѣмецкой пѣвицѣ, г-жѣ Миллеръ-Бендеръ, онъ платилъ за каждое представленіе по 300 рублей.

При немъ былъ установленъ общій абонементъ для русскихъ и французскихъ спектаклей въ Большомъ театрѣ; дневной абонементъ тогда доходилъ до тысячи рублей въ вечеръ.

Тюфякинъ отличался набожностью и каждый праздникъ ходилъ въ Казанскій соборъ. Въ 1812 году, въ этомъ соборѣ съ нимъ случился довольно серьёзный эпизодъ, причемъ онъ чуть-чуть не поплатился жизнью.

Въ грозный годъ Отечественной войны, простой народъ останавливалъ на улицѣ каждаго, имѣвшаго привычку говорить по-французски, подозрѣвая въ шпіонствѣ всякаго. Князь Тюфякинъ, стоя въ соборѣ, увидалъ своего пріятеля и заговорилъ съ нимъ пофранцузски. Вблизи стоявшіе молельщики обратили на это вниманіе, стали перешептываться, переглядываться и тѣсниться къ разговаривающимъ. Кто-то далъ знать квартальному; тотъ, пробившись сквозь толпу, учтиво попросилъ князя послѣдовать за нимъ къ главнокомандующему генералу Вязьмитинову. Князь сперва обидѣлся и не хотѣлъ идти, но угрозы и шумъ толпы заставили повиноваться, и князь, сопутствуемый толпою въ нѣсколько сотъ человѣкъ, послѣдовалъ въ Большую Морскую, въ домъ генералъ-губернатора. Толпа по дорогѣ все возростала; всѣ твердили, что поймали важнаго шпіона. Расположеніе толпы было самое враждебное, и безъ конвоя полиціи дѣло кончилось бы весьма печально. Генералъ Вязьмитиновъ князя выпустилъ изъ другихъ воротъ дома, а къ толпѣ выслалъ полицеймейстера Чихачева, съ объясненіемъ, что приведенный человѣкъ былъ вовсе не шпіонъ, а русскій природный князь.

Въ 1816 году, князь Тюфякинъ остался однимъ главнымъ директоромъ. Онъ возвысилъ всѣ цѣны на мѣста въ театрахъ (кромѣ райка), и кресла съ 2 руб. 50 к. вдругъ увеличилъ до 5 руб. ассиг. Сначала публика начала роптать, и кресла часто бывали пусты, но мало-по-малу всѣ привыкли къ такой надбавкѣ.

Въ 1817 году, при князѣ Тюфякинѣ былъ открытъ возобновленный архитекторомъ Модюи Большой театръ.

Въ этомъ же году, былъ выписанъ знаменитый хореграфъ Дидло, отецъ самаго блистательнаго періода существованія нашей балетной труппы. Съ нимъ были приглашены танцоры: Антоненъ, получавшій 25,000 руб. жалованья ежегодно, и потомъ Веланжъ, которому платили по 20,000 руб. въ годъ.

Около этого же времени русскій театръ понесъ крупную потерю. Князь Шаховской, по личнымъ неудовольствіямъ съ княземъ Тюфякинымъ, вышелъ въ отставку. На мѣсто его сперва былъ назначенъ переводчикъ „Весталки", дѣйствительный статскій совѣтникъ Волковъ, но онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ него занялъ его мѣсто извѣстный тогда московскій литераторъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, который по любви къ театральному искусству принесъ немалую пользу театру, служа на этой должности.

Князь Тюфякинъ провелъ послѣдніе годы жизни своей въ Парижѣ. Когда русскимъ приказано было выѣхать изъ Парижа, Поццо-ди-Борго исходатайствовалъ у императора Николая позволеніе ему остаться въ немъ, по причинѣ болѣзни. Князь Тюфякинъ былъ очень плохаго здоровья. Веронъ, французскій писатель и содержатель парижской оперы, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что онъ посѣтилъ Тюфякина въ день смерти его. Князь очень страдалъ и страданіями былъ ослабленъ. Завидя Верона, онъ съ трудомъ выговорилъ: „А Плонкетъ (извѣстная танцовщица) танцуетъ ли сегодня?" Вотъ автонадгробное слово, которое произнесъ себѣ бывшій директоръ императорскихъ театровъ.

Послѣ князя Тюфякина назначенъ былъ директоромъ Аполлонъ Александровичъ Майковъ.

Отставка князя Тюфякина произошла вслѣдствіе доноса на него за весьма небрежное содержаніе театральнаго училища.

Назначенные для осмотра князь Волконскій и графъ Милорадовичъ нашли, что въ училищѣ царствовалъ величайшій безпорядокъ: простыни и одѣяла были грязныя, старыя, въ заплаткахъ, бѣлье на дѣтяхъ тоже; комнаты не чищены, не метены; вездѣ пыль, грязь и духота; обѣдъ дѣтей самый бѣдный, провизіи недостаточно на сто человѣкъ; однимъ словомъ, все было найдено въ самомъ дурномъ видѣ, результатомъ чего и было увольненіе князя Тюфякина.

Подъ управленіемъ Майкова положеніе артиста было крайне незавидное. Произволъ царилъ надъ его личностью безгранично. Князь Вяземскій въ своихъ запискахъ разсказываетъ про этого Майкова, когда онъ еще былъ московскимъ директоромъ театровъ: „Насъ забавляло смотрѣть, какъ нѣкоторые изъ актеровъ на сценѣ, въ самомъ пылу дѣйствія или любовнаго объясненія, однимъ глазомъ ни на минуту не смигнутъ съ директорской ложи, чтобы видѣть, доволенъ ли ихъ игрою директоръ Майковъ“.

Майковъ, будучи директоромъ петербургскихъ театровъ, чуть не загубилъ въ конецъ извѣстнаго трагика В. А. Каратыгина за то только, что онъ въ его присутствіи, въ театральной залѣ, позволилъ себѣ прислониться къ столу. Трагикъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Грозили отдать въ солдаты, и только мольбы и слезы матери у ногъ графа Милорадовича, тогдашняго генералъ-губернатора, спасли участь артиста.

При Майковѣ же былъ высланъ изъ столицы извѣстный театралъ и литераторъ Катенинъ за то, что онъ осмѣлился шикать въ театрѣ бездарной молодой актрисѣ Семеновой. При немъ же пострадалъ другой молодой литераторъ, хорошей фамиліи, имѣвшій неосторожность напечатать свой водевиль, на заглавномъ листѣ котораго была представлена сцена изъ пьесы, гдѣ книгопродавецъ кланяется автору; съ намѣреніемъ или случайно, авторъ былъ похожъ на князя Шаховскаго, друга директора, а книгопродавецъ на г. Майкова, а потому, по жалобѣ Майкова, всесильный тогда графъ Милорадовичъ отправилъ автора подъ арестъ.

Также одинъ изъ зрителей вздумалъ однажды въ театрѣ шикать Ежовой (актрисѣ, которая долгое время пользовалась покровительствомъ князя Шаховскаго), и такъ какъ оказалось, что шикавшій — иностранный подданный, то графъ Милорадовичъ, тоже по просьбѣ Майкова, выслалъ его за границу...

Про князя Шаховскаго, этого театральнаго заправителя въ началѣ нынѣшняго столѣтія, ходила въ публикѣ слѣдующая эпиграмма, сочиненная однимъ изъ арзамазцевъ:

„Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза балладъ,
Онъ маленькихъ ежей родитель,
И имъ не радъ“.

Майковъ жилъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ изъ Москвы, въ двухъ уборныхъ въ Большомъ театрѣ, въ одной изъ которыхъ была сдѣлана канцелярія, а въ другой спальная и пріемная комната начальника. Парадные же обѣды и завтраки этотъ директоръ давалъ у танцовщицы Азаревичевой, съ которой былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

На рукахъ этого директора скончался извѣстный герой, графъ Милорадовичъ, рыцарь безъ страха и упрека, бывшій во всю свою военную жизнь болѣе двухсотъ разъ въ огнѣ, не получивъ ни одной раны, и павшій отъ руки убійцы на Сенатской площади въ роковой день 14 декабря.

Въ этотъ день графъ завтракалъ у Азаревичевой, откуда былъ вызванъ на площадь, гдѣ и былъ смертельно раненъ пулею, которую въ тотъ же вечеръ показывалъ Майкову, говоря: „Вотъ что послѣ твоего сытнаго завтрака не могу переварить“.

Умирая, графъ Милорадовичъ успѣлъ написать къ государю двѣ строчки, ходатайствуя Майкову о пенсіи, которая вскорѣ и послѣдовала вмѣстѣ съ отставкой.

Послѣ Майкова былъ назначенъ статскій совѣтникъ Остолоповъ, вскорѣ же послѣ назначенія умершій.

На мѣсто его поступилъ князь П. С. Гагаринъ; онъ также управлялъ театромъ очень недолго, кончивъ жизнь весьма печально, въ припадкѣ бѣлой горячки.

На мѣсто послѣдняго былъ назначенъ братъ его, князь Сергѣй Сергѣевичъ Гагаринъ. Выборъ былъ самый удачный, и дѣла театра пошли съ той минуты блистательно. Въ его управленіе стали платить аккуратно артистамъ жалованье и подрядчикамъ деньги за поставки; прежде него по нѣсколько мѣсяцевъ ни тѣ, ни другіе ничего не получали.

Въ то время разсказывали слѣдующій анекдотъ: танцоръ Дембровскій всякій день ходилъ къ управляющему конторою Гемниху просить жалованье, и тотъ все отвѣчалъ: „Зайдите завтра“. Однажды, придя въ контору и отворивъ дверь въ присутствіе, онъ заглянулъ туда и спросилъ только: „Прикажете завтра прійдти?“

Князь Гагаринъ былъ человѣкъ въ высшей степени добрый, благородный и привѣтливый, хотя имѣлъ наружность довольно гордую и даже суровую. Но подъ этою наружною корою скрывалось самое доброе и великодушное сердце. Всѣмъ онъ дѣлалъ добро, зла — никому и никогда. Безпристрастіе его въ дѣлахъ службы было образцовое. Не выходя ни копѣйкою изъ предписаннаго штата, князь Гагаринъ не могъ съ небольшими средствами заплатить старыхъ долговъ дирекціи. Онъ просилъ прибавки къ содержанію театровъ и не получилъ ея. Три года боролся онъ съ этимъ труднымъ положеніемъ. Въ его время управленія ужасный годъ первой холеры посѣтилъ столицу и заставилъ закрыть театры на нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, въ 1833 году, онъ просилъ опять прибавку артистамъ; просьба его не была исполнена, и онъ подалъ въ отставку.

На мѣсто его былъ назначенъ прибывшій изъ Москвы церемоніймейстеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, дѣятельность котораго еще въ памяти у многихъ, и до сихъ поръ служащихъ при театрѣ.

Цыганское хоровое пѣніе стало входить у насъ въ моду во времена Екатерины II; первые цыгане-пѣвцы выписаны были чесменскимъ героемъ, графомъ А. Г. Орловымъ, изъ Молдавіи. Молдавія считается колыбелью этого кочующаго племени; многіе историки предполагаютъ, что цыгане переселились сюда изъ Индіи въ 1417 году, во время Александра Добраго. Толпы цыганъ изъ Молдавіи распространились по Валахіи, Трансильваніи, Венгріи и шли далѣе по Европѣ. Цыгане приписывали себѣ египетское происхожденіе, и потому венгерцы называли ихъ „фараоновымъ отродьемъ“. Въ разныхъ странахъ цыганъ называютъ различно. Французы зовутъ ихъ Bohemiens, англичане — Gypsies, испанцы — Gitanos, голландцы — Heydens (идолопоклонники), датчане и шведы — татарами; но, за исключеніемъ этихъ названій, другіе народы называютъ ихъ однимъ именемъ, съ небольшой разницей: такъ русскіе зовутъ цыганами, турки — чингене, персіяне — цингарами; въ Германіи называютъ Zigeuner, молдаване — Cigani, поляки — Zigani и т. д. Несомнѣнно, что всѣ эти названія имѣютъ одну этимологію, измѣняясь лишь по мѣстному произношенію слова „цинкали“, какъ иногда именуютъ себя испанскіе цыгане. Сами себя цыгане обыкновенно называютъ „романи“; слово это посанскритски значитъ „мужья“; нѣкоторые называютъ себя „романичель“ (сынъ жены) и „ромъ“ (т. е. люди); у московскихъ цыганъ употребительно также слово „чавалы“; послѣднее значитъ въ переводѣ „ребята“. Кочующіе цыгане въ религіи крайне шатки; они сообразуются съ вѣрой и обрядами не только страны, но даже города и деревни, гдѣ поселились; цыгане нерѣдко крестятъ одного и того же ребенка въ десяти мѣстахъ; часто и двадцатилѣтніе цыгане принимаютъ снова крещеніе. Цыгане вѣрятъ въ переселеніе душъ и утверждаютъ, какъ буддисты, что ихъ души, переходя изъ одного тѣла въ другое, пріобрѣтаютъ такую чистоту, послѣ которой могутъ наслаждаться совершеннымъ спокойствіемъ. Не зная религіи, они не знаютъ и брачныхъ союзовъ; у нихъ нѣтъ законнаго обряда свадьбы. Четырнадцатилѣтній мальчикъ беретъ первую попавшуюся ему дѣвушку, даже изъ родныхъ, и женится на ней. При этомъ случаѣ новобрачные разбиваютъ кувшинъ, какъ было у Гренгуара и Эсмеральды, и бракъ совершенъ. Цыгане легко переносятъ голодъ и стужу; нерѣдко ихъ шатры можно встрѣтить раскинутые на снѣгу. До шестнадцатаго года въ Молдавіи цыганъ ходитъ почти голый. Существуетъ слѣдующій анекдотъ: во время холодной зимы нагой цыганенокъ жаловался, что ему очень холодно: „На, дитятко,—отвѣчала ему мать:—веревку, опояшься ею, тебѣ будетъ теплѣе“.

Цыганское племя принадлежитъ, конечно, къ красивѣйшимъ племенамъ, и между дѣтьми часто встрѣчаются лица почти кисти „Мурилльо“; но цыганъ, на сколько онъ красивъ въ молодыхъ лѣтахъ, на столько ужасенъ подъ старость. Между цыганами есть немало и уродовъ. Это случается оттого, что супруги при ссорѣ дерутся дѣтьми; отецъ беретъ малютку и бьетъ имъ жену, а жена хватаетъ другаго ребенка и отражаетъ имъ удары. Цыгане, живущіе въ Москвѣ и Петербургѣ, представляютъ отдѣльное, исключительное явленіе въ цыганскомъ мірѣ, они давно уже пріобрѣли себѣ мѣсто въ гражданскомъ обществѣ: это уже не бродяги, не отчужденные люди, неспособные понимать удобства осѣдлой жизни.

Современные физіологи увѣряютъ, что потребность къ бродяжничеству у нихъ является вслѣдствіе большаго малокровія всей цыганской расы. Цыгане не могутъ жить внѣ своихъ семействъ, хотя бы ихъ осыпали золотомъ. Старый кочевой цыганъ броситъ всѣ житейскія удобства и уйдетъ въ родныя палатки. Кочевая жизнь, палаточный дымъ необходимы цыгану, какъ вода необходима рыбѣ, воздухъ птицѣ. Даже петербургскіе и московскіе цыгане, давно отвыкшіе отъ жизни номадовъ, и тѣ не живутъ въ домахъ каменныхъ, а выбираютъ себѣ деревянные, тамъ имъ легче дышется.

Въ Петербургѣ цыганъ селится на Пескахъ, на Черной рѣчкѣ, въ Москвѣ живетъ онъ въ Грузинахъ; въ комнатахъ у него, когда вы войдете, васъ поразитъ какая-то пустота, вы не увидите многихъ необходимыхъ вещей въ домашнемъ быту, цыганъ не привыкъ заводиться хозяйствомъ, два-три стула, столъ-калѣка, деревянная большая кровать со множествомъ подушекъ, пуховиковъ, нѣсколько грязныхъ ребятишекъ въ запачканныхъ рубашкахъ—вотъ и весь его домашній скарбъ; разные диваны, кресла, цыганъ называетъ вздоромъ, отъ котораго дѣлается только тѣсно въ комнатахъ. Цыганъ всякое занятіе для себя считаетъ унизительнымъ и потому все свое время проводитъ въ бездѣйствіи, за исключеніемъ двухъ-трехъ дней въ недѣлѣ, когда онъ выѣзжаетъ на конную для продажи лошадей. Тутъ онъ въ своей сферѣ, бѣгаетъ, кричитъ, божится, бранится и неотвязчиво пристаетъ къ покупателю. Въ сумерки онъ идетъ домой, оттуда идетъ съ семьей въ трактиръ, здѣсь начинаются жаркіе споры, крики и т. д. Черезъ часъ, два, семья расходится, женщины ѣдутъ въ загородный ресторанъ, гдѣ проводятъ время до утра, поджидая посѣтителей. Самъ же глава семьи заваливается спать, или брянчитъ на гитарѣ, лежа на кровати. Гостей слушать цыганъ въ ихъ трактиры встарину ѣздило множество. Самые постоянные изъ нихъ носили кличку „гулякъ", такой гость являлся каждый день въ трактиръ, пилъ здѣсь донское, бросалъ деньги цыганкамъ за пѣсни, давалъ и половому на водку по синенькой, кланялись ему тамъ чуть ли не въ землю, величали „сіятельствомъ"; по обыкновенію, это былъ гусарскій корнетъ въ отставкѣ или просто помѣщикъ, проживающій безъ дѣла въ столицѣ, по вольности дворянства. Одѣтъ былъ такой гость въ гусарскую венгерку, кисетъ съ табакомъ висѣлъ у него за пуговицей, носилъ онъ предлинные усы и военную фуражку. Этотъ гость не всегда благополучно сходилъ съ лѣстницы изъ трактира. Самый же желанный гость у цыганъ появлялся, какъ метеоръ, вдругъ; появленіе послѣдняго производило въ трактирѣ цѣлую революцію. Гость этотъ былъ веселаго званія, купеческій сынъ или приказчикъ богатаго пріѣзжаго купца; иногда заѣзжалъ загулявшій купецъ древляго благочестія, одѣтый въ длинную сибирку и въ сапоги бутылками; послѣдній посѣтитель денегъ въ пьяномъ видѣ не жалѣлъ и кидалъ ихъ пригоршнями, билъ посуду, зеркала, дѣлалъ и другія безобразія. Существовалъ еще разрядъ гостей, который являлся къ нимъ періодически; пріѣзжалъ такой гость съ пріятелемъ, смирно садился къ столу, требовалъ графинъ сотерну и полчетверки табаку. Гость этотъ былъ студентъ сороковыхъ годовъ, тоже цыганъ, только литературный. Заѣзжалъ онъ сюда, чтобы, вдали отъ театральнаго хлама и всякихъ эстетическихъ тонкостей, послушать простымъ, отзывчивымъ сердцемъ, подъ хриплое гитарное арпеджіо, поразительныя, по пѣвучести и по сердечности общаго тона, цыганскія пѣсни, въ которыхъ то звучитъ тоскливый разгулъ погибшаго счастья, то слышится въ ноющихъ звукахъ безпредѣльная женская ласка.

Цыганская мелодія прямо идетъ въ душу, и неудивительно, что цыганка „Таня“ доводила Пушкина своими пѣснями до истерическихъ припадковъ, а другой поэтъ, Языковъ, лежалъ у ея ногъ. Про цыганку Таню существуетъ разсказъ, что сама знаменитая Каталани, слушая ее, плакала, и разъ, снявъ съ себя дорогую кашемировую шаль, подарила своей соперницѣ, сказавъ: „Эту шаль прислали мнѣ, какъ несравненной пѣвицѣ, но я вижу, что она слѣдуетъ вамъ болѣе, нежели мнѣ“.

Въ прошломъ столѣтіи, какъ хорошій оркестръ, такъ и цыганскій хоръ составляли необходимую принадлежность каждаго знатнаго вельможи. Графъ А. Г. Орловъ первый приказалъ собрать цыганъ для хора. Цыгане эти были приписаны къ находящемуся въ 20 верстахъ отъ Москвы селу Пушкину. Хоръ этотъ забавлялъ вельможъ Екатерины и услаждалъ досуги свѣтлѣйшаго князя Потемкина, Зубова и Зорича. Первымъ начальникомъ этого хора былъ Иванъ Трофимовъ. Впослѣдствіи хоръ получилъ вольную, и когда насталъ достопамятный 1812 годъ, то весь наличный мужской персоналъ поступилъ въ ряды гусаръ и уланъ. Старики и женщины жертвовали деньгами. Самая небольшая изъ пожертвованныхъ суммъ была 500 руб. ассигнаціями, тогда большія деньги. Иванъ Трофимовъ извѣстенъ какъ ревностный собиратель русскихъ пѣсенъ. Въ его хорѣ образовалась знаменитая цыганская Каталани „Стеша“, которую въ 1817 году нарочно ѣздили слушать въ Москву изъ всѣхъ концовъ Россіи. Жихаревъ разсказываетъ, что въ этомъ хорѣ былъ цыганъ-плясунъ; немолодой, необычайной толщины, плясалъ онъ въ бѣломъ кафтанѣ, съ золотыми позументами. Это былъ мастеръ своего дѣла, чрезвычайно искусный и даже краснорѣчивый въ своихъ тѣлодвиженіяхъ. Онъ какъ будто и не плясалъ, а такъ просто, стоя на мѣстѣ, пошевеливалъ плечами, повертывая въ рукахъ шляпу, изрѣдка причикивая и притопывая по временамъ одною ногою, а между тѣмъ выходило прекрасно: ловко, живо, благородно. Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ Жихаревъ говоритъ, что одинъ поручикъ, встрѣтивъ какую-то барышню, хотѣлъ тотчасъ же увезти ее, но не удалось. Начальство узнало объ этой продѣлкѣ, и молодецъ былъ посаженъ подъ арестъ. На этотъ случай тотчасъ же сложили пѣсню на голосъ: „Пряди, моя пряха“, которую записной цыганофилъ Андрей Новиковъ ввелъ въ моду подъ названіемъ: „Вѣрныя примѣты“.

Всѣ ѣздили слушать ее. Цыганка Степанида, что твой соловей, такъ и разливалась; пѣсня начиналась:

„Ахъ зачѣмъ, поручикъ,
Сидишь подъ арестомъ,
Въ горькомъ заключеніи,
Колодникъ безшпажный?“ и т. д.

Послѣ двѣнадцатаго года въ Москвѣ вошли въ большую моду парадные обѣды въ трактирахъ съ цыганами; на такихъ обѣдахъ за столомъ всѣ блюда (а ихъ было не менѣе ста) подавались въ русскомъ вкусѣ и всѣ носили особый національный отпечатокъ. Для полноты картины, хозяйка трактира, украшенная золотыми парчевыми тканями, жемчугами и брилліантами, помѣщалась во главѣ стола, съ намалеванными какъ у куклы лицемъ, шеею и руками; этотъ способъ раскрашиванія тѣла тогда существовалъ еще въ неприкосновенномъ видѣ съ незапамятныхъ временъ. Прислуги было до сорока человѣкъ, всѣ мужчины съ бородами, въ желтыхъ, красныхъ и пестрыхъ рубашкахъ, съ приподнятыми рукавами, такъ что половина рукъ оставалась обнаженными. Тутъ же находился мальчикъ, который игралъ на органѣ; послѣдній за это платилъ хозяину трактира нѣсколько сотъ рублей, такъ великъ былъ доходъ, получаемый имъ съ посѣтителей трактира за музыку.

За такими обѣдами, послѣ кофе, призывался по обыкновенію хоръ цыганъ, одѣтыхъ очень красиво, цыганки были въ своихъ расшитыхъ золотомъ шаляхъ, пристегнутыхъ къ одному плечу, въ серьгахъ изъ разныхъ мелкихъ золотыхъ монетъ. По словамъ иностранцевъ, онѣ плясали свои танцы съ такимъ огнемъ, что напоминали пляшущія фигуры Геркуланума! Живость пляски у нихъ доходила до изступленія, тѣлодвиженія ихъ, сопровождаемыя прерывающимися возгласами, производили такое дикое и сверхъестественное дѣйствіе, что мудрено было бы вообразить ихъ обитателями нашей сонной планеты!

По смерти Ивана Трофимова, начальникомъ цыганскаго хора былъ его племянникъ, Илья Осиповъ Соколовъ. По словамъ фельетониста сороковыхъ годовъ, это былъ блистательный остатокъ цыганской веселой старины; онъ, семидесятилѣтній старикъ въ 1847 году, еще плясалъ какъ 18-лѣтній юноша и одушевлялъ своимъ голосомъ хоръ и публику, у него въ хорѣ были отличные образцы и типы цыганской красоты. Примадонна его табора, Танюша, какъ мы уже упоминали, сводила всѣхъ съ ума. Другая племянница Ильи Соколова, Аннушка, славилась какъ плясунья въ венгеркѣ. Илья Соколовъ управлялъ своимъ хоромъ болѣе сорока лѣтъ, онъ первый далъ цыганскимъ пѣснямъ извѣстные законы музыки; его пѣсни: „Хожу я по улицѣ“, „Гей вы, улане“, или передѣланная имъ русская пѣсня: „Слышишь ли, мой сердечный другъ“, до сихъ поръ живутъ и поются цыганами. Въ его хорѣ славились также солистки; сестра его Марья Осиповна пѣла хорошо русскую пѣсню: „Не одна ли въ полѣ дороженка“. Не менѣе извѣстна была и дочь его Лиза, по прозванью Косая; она пѣла превосходно „Коровушку“ и „Чоловікъ сіѣ жито“. О хорѣ Ильи Соколова находимъ въ воспоминаніяхъ А. Мартынова слѣдующее. Когда, въ 1843 году, въ Москву пріѣхалъ Листъ, чтобъ дать нѣсколько концертовъ, въ честь его былъ устроенъ обѣдъ въ лѣтнемъ помѣщеніи нѣмецкаго клуба; пѣли цыганы, хоръ Соколова; Листъ приходилъ въ восторгъ отъ ихъ пѣсенъ, послѣ обѣда снялъ съ себя ордена, уложилъ ихъ въ карманъ и весь отдался цыганамъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ даннаго Листу обѣда, назначается его концертъ въ Большомъ театрѣ, начало объявлено въ 8 часовъ, зала театра полнымъ полнехонька, ждутъ великаго піаниста, назначенный часъ наступилъ, но Листъ не показывается; вотъ четверть, вотъ половина девятаго, а Листа нѣтъ и нѣтъ, публика въ смущеніи. Еще нѣсколько минутъ, и Листъ быстрыми шагами входитъ на сцену, садится за рояль и, проигравъ мотивъ изъ цыганской пѣсни: „Ты не повѣришь, какъ ты мила“, которой и въ программѣ не значилось, начинаетъ импровизировать варіаціи. Публика, разумѣется, была въ восторгѣ отъ этой неожиданности, затѣмъ концертъ продолжался. Въ первомъ же антрактѣ объяснилось, что Листъ передъ концертомъ заѣхалъ къ цыганамъ и до того увлекся ихъ пѣніемъ, что позабылъ о своемъ концертѣ.

На послѣднемъ его концертѣ, въ числѣ слушателей находился въ полномъ составѣ цыганскій хоръ Ильи Соколова, которому Листъ прислалъ билеты.

Всѣ ученики Ильи Соколова выходили хорошими подражателями своего наставника; изъ послѣднихъ особенно извѣстны были: Иванъ Васильевъ и братъ перваго дирижера Петръ Соколовъ, хорошій исполнитель цыганскихъ національныхъ пѣсенъ и пляски съ шляпой. У него въ хорѣ была красавица „Катя“, вмѣстѣ съ красотой обладавшая чуднымъ контральто, она неподражаемо пѣла русскую пѣсню: „Сарафанчикъ-растегайчикъ“; въ честь „Кати“, въ Москвѣ въ трактирахъ пошли въ моду пироги „растегаи“. Не менѣе извѣстны были и племянники его: Матвѣй и Григорій Соколовы; послѣдній любимъ былъ особенно въ Москвѣ.

Пользовалась большимъ успѣхомъ и жена его, Марья Николаевна, пѣвшая впослѣдствіи у Дорота. Двоюродные братья его, Сергѣй и Матвѣй Соколовы, извѣстны были больше въ провинціи, на ярмаркахъ: въ Лебедяни, Коренной, въ Полтавѣ и Харьковѣ; у нихъ превосходная была пѣвица „Паша“, неподражаемо исполнявшая русскую пѣсню: „Мнѣ моркотно, молоденькѣ“; затѣмъ пользовались успѣхомъ еще двѣ пѣвицы: Анюта, по прозванію „Пучекъ“, и Елизавета Турчиха. Не менѣе былъ извѣстенъ въ провинціи и хоръ В. В. Шишкина; въ этомъ хорѣ славились солистки: Настя, Паша, Стеша и Варя. Изъ нихъ вторая превосходно исполняла романсъ Гурилева: „Тройка мчится, тройка скачетъ“. Позднѣе въ этомъ хорѣ были еще двѣ пѣвицы: Анна Терентьевна и Наташа; первая была замѣчательная красавица, пѣла превосходно малороссійскую пѣсню: „Ой, чумаче, чумаче“; вторая славилась какъ неподражаемая исполнительница теперь забытаго романса: „Полюби ты меня, не скажу я про то“. У него же въ хорѣ была превосходная плясунья Груша и еще другая Марѳуша Татарка. Изъ мужскаго персонала тамъ былъ превосходный октавистъ Николай Шишкинъ. Въ пятидесятыхъ годахъ, явился Иванъ Васильевъ, ученикъ Ильи Соколова; это былъ большой знатокъ своего дѣла, хорошій музыкантъ и прекрасный человѣкъ, пользовавшійся дружбой многихъ московскихъ литераторовъ, какъ, напримѣръ, А. Н. Островскаго, Ап. Н. Григорьева и др. У него за бесѣдой послѣдній написалъ свое стихотвореніе, положенное впослѣдствіи на музыку Ив. Васильевымъ. Вотъ слова этого ненапечатаннаго романса:

„Двѣ гитары за стѣной зазвенѣли, заныли, —
О мотивъ любимый мой, старый другъ мой, ты ли?
Это ты: я узнаю ходъ твой въ ге минорѣ
И мелодію твою въ частомъ переборѣ.
Чимбирякъ, чимбирякъ, чимбиряшечки,
Съ голубыми вы глазами, мои душечки!“...

Самъ Иванъ Васильевъ былъ хорошій баритонъ, его романсы въ то время имѣли большой успѣхъ и распѣвались всѣми; вотъ нѣкоторыя его композиціи: „Дружбы нѣжное волненье“, „Тебя ль забыть“, и другія.

Въ хорѣ Васильева славилась сестра его, Любовь Васильевна, пѣвшая превосходно русскую пѣсню: „Я вечеръ своего дружка“, и романсъ: „Густолиственныхъ кленовъ аллея“. У Ивана Васильева особенно процвѣтали квартетное пѣніе и тріо; первое soprano пѣла жена „Аграфена“, второе „Маша“, по прозвищу „Козликъ“; послѣдняя исполняла особенно хорошо вмѣстѣ съ „Грушей“ пѣсенку „Охъ болитъ“ на перекличку и русскую пѣсню: „Не будите меня, молоду“. Такой улыбки и мимики, говорятъ старые цыгане, какъ у Груши, теперь и не встрѣтишь. „Маша“ извѣстна была болѣе какъ „вторка“. Въ цыганскомъ „тріо“ былъ хорошъ теноръ „Михайло“, братъ Груши, пѣвецъ богатый умѣньемъ фразировать каждое слово.

Весь персоналъ хора какъ женскій, такъ и мужской у Ивана Васильева былъ вполнѣ прекрасенъ; особенно выдавались у него старухи: „Матрена Сергѣевна“, необыкновенно лихо исполнявшая съ хоромъ пѣсню: „Въ темномъ лѣсѣ“; весьма красиво у нея выходила при паузахъ трель. Она же не менѣе типично плясала, скинувъ шапочку, мазурку: „Улане, улане“, и дѣлала съ легкостью дѣвченки во время пѣнія вихремъ „кругъ“. За ней стояла еще другая плясунья, старуха „Алена“, хромая, по прозванію „Бурбукъ“; она обладала превосходнымъ хоровымъ голосомъ, лицомъ была очень некрасива, но типична, и особенно смѣшила всѣхъ широкою усмѣшкою своего большаго и некрасиваго рта. Изъ мужскаго персонала въ этомъ хорѣ былъ превосходный теноръ, красавецъ цыганскаго типа, „Петръ Алексѣевъ“, по прозванью „Бирка“, онъ пѣлъ превосходно пѣсню Бантышева „Молодость“ и мн. др. Славился также у него октавистъ, по прозванію „Скипидаръ“, горчайшій пьяница, и другой тоже октавистъ, братъ Ивана Васильева, Николай, цыганъ красавецъ, по прозвищу „Хапило“. Въ 1860 году, во второй пріѣздъ Ивана Васильева въ Петербургъ къ Излеру, у него появилась превосходная пѣвица (контральто) „Маня“, пѣвшая съ большимъ успѣхомъ романсъ Ив. Васильева: „Я, цыганка, быть княгиней не хочу“. Это solo, съ акомпанементомъ хора, какъ говорятъ сами цыгане, теперь невозможно; затѣмъ очень нравились публикѣ пѣтые ею романсъ: „Его ужъ нѣтъ“, и тріо: „Собирайтесь, дѣвки красны“; въ это время въ хорѣ выступила пѣвица „Матрена“, голосъ mezzo soprano.

Въ этихъ же годахъ, пѣлъ въ Петербургѣ другой хоръ московскихъ цыганъ Петра Соколова, брата знаменитаго Ильи. Этотъ хоръ славился „венгерской“ и удалой цыганской пляской; особенно былъ превосходенъ плясунъ „Егоръ“, исполнявшій съ женой своей дикую молдаванскую цыганскую пляску съ саблей. Изъ пѣвицъ у Соколова извѣстны были soprano „Саша“ и „Варя“. Послѣдняя особенно прекрасно пѣла пѣсню „Травушка“ и романсъ: „Не хочу я, не хочу“; Саша исполняла хорошо деревенскую пѣсню: „Ленъ, ты, мой ленъ“. Изъ мужчинъ у него былъ знаменитый крамбамбулистъ „Иванъ Пугаевъ“, его „Тужуръ фидель и сансуси“ вызывалъ цѣлую бурю рукоплесканій.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и въ началѣ семидесятыхъ, выдающихся хоровъ и пѣвицъ не было, хотя и существовали хоры Григорія Соколова, въ Москвѣ же славились тѣ же старинныя пѣвицы Маня и Александра Ивановна; еще выдавалась осмысленной фразировкой и выразительной мимикой Марья Николаевна Пузина. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ Петербургѣ явилась „Паша“, съ замѣчательнымъ контральто, при типичной цыганской красотѣ; пѣніе ея отличалось весьма своеобразной щеголеватостью фразировки. Эта пѣвица пѣла въ хорѣ извѣстнаго цыганскаго композитора Родіона Аркадьевича Калабина, въ „Ташкентѣ“. Она вскорѣ сошла со сцены, выйдя замужъ за помѣщика. За послѣдніе годы хорошихъ цыганскихъ хоровъ не было, и если и появлялись какіе, то, по цыганскому выраженію, „безъ картинъ“, т. е. безъ красавицъ-цыганокъ.

Въ наше время, въ Петербургѣ получилъ большую извѣстность хоръ молодаго, но опытнаго дирижера Н. И. Шишкина. Въ его хорѣ пользовался громаднымъ успѣхомъ теноръ „Димитрій“, прозванный цыганскимъ Рубини. Въ женскомъ персоналѣ выдѣляется сестра Димитрія, Ольга Андреевна, затѣмъ Маня, по прозванію „Цыпочка“, и молодая пѣвица „Леночка“, исполняющая необыкновенно своеобразно, съ гибкими переливами молодаго свѣжаго голоса, очень граціозную по мелодіи венгерку: „Соцо Гриша“, и затѣмъ другой еще романсъ: „Очи черныя“; въ хорѣ Н. И. Шишкина также пользуются большимъ успѣхомъ: Ольга Петровна, по прозванію „Лётка“, и еще другая пѣвица Александра Васильевна Хлѣбникова, съ весьма сильнымъ контральто. Самъ Н. И. Шишкинъ извѣстенъ также какъ виртуозъ на гитарѣ.

Въ Москвѣ поютъ за послѣднее время два хора цыганъ: Николая Хлѣбникова и Ѳедора Соколова; у перваго извѣстны пѣвицы: Паша Ратничиха, Саша Вѣтерочекъ и Ольга Дмитріевна Разорва; первая превосходно исполняетъ пѣсню „Вьюшки“, вторая пѣсню: „Попляши, Настенька, попляши, милая моя“, и третья — „Доля моя“; въ этомъ хорѣ превосходенъ плясунъ Алексѣй. Въ хорѣ Соколова хороши пѣвицы: „Сергѣевна“ и „Ѳеша“, а затѣмъ „Малярка“, превосходная вторка.

ГЛАВА XVIII.

Общественныя увеселенія; дешевая жизнь въ Петербургѣ, дешевизна жизненныхъ припасовъ; привозъ на биржу гастрономическихъ товаровъ; привозъ гувернантокъ.— Увеселительные сады. — Гулянья на островахъ: Елагиномъ и Крестовскомъ, и на Черной рѣчкѣ. — Петергофская дорога, Шлиссельбургскій трактъ, сады откупщиковъ, кулачные бои, азартная игра въ карты, шуллера. — Концерты и музыкальныя собранія, клубы, публичные балы и маскарады. — Балы, танцы, вечера вельможъ-меценатовъ; оргіи купцовъ. — Гостиницы, ледяныя горы и качели на масляницѣ, число гуляющихъ и экипажей; моды и модники прежняго времени. — Сатиры на моды, непомѣрная роскошь, указъ какъ должно ѣздить всякому, гоненіе на моду при Павлѣ I, франты и франтихи.

ВЪ НАЧАЛѢ текущаго столѣтія и въ концѣ прошедшаго, наши публичныя увеселенія кипѣли жизнью и не были такъ безцвѣтны и вялы, какъ теперь; правда, и жизнь въ Петербургѣ въ то время была баснословно дешевая. Первый, напримѣръ, въ столицѣ домъ графа Шереметева, на Фонтанкѣ, отдавался въ наймы за четыре тысячи рублей. Лучшая квартира въ восемь-десять комнатъ, на лучшей улицѣ, стоила не дороже двадцати рублей въ мѣсяцъ; фунтъ говядины стоилъ полторы и двѣ копѣйки, полтеленка рубль, курица пять копѣекъ, десятокъ яицъ двѣ копѣйки, пудъ масла коровьяго 2 рубля, пудъ свѣчей сальныхъ два рубля, овса четверть восемьдесятъ копѣекъ, пудъ сѣна три копѣйки, дровъ березовыхъ сажень семьдесятъ копѣекъ, хлѣбъ бѣлый въ полфунта двѣ копѣйки, бутылка шампанскаго вина полтора рубля, портера англійскаго двадцать пять копѣекъ, пива двѣ копѣйки, десятокъ апельсиновъ двадцать пять копѣекъ, лимоновъ три копѣйки. По цѣнѣ высоко стоялъ только одинъ сахаръ, и то оттого, что былъ заграничный: цѣна рафинада была за фунтъ два и три рубля. Особенна высока цѣна была послѣ двѣнадцатаго года; въ это время во многихъ домахъ подавали самый послѣдній сортъ сахара, называвшійся „лумпъ“; онъ былъ неочищенный, желто-соломеннаго цвѣта; лучшаго сорта сахаръ назывался „мелюсъ“, а второй сортъ носилъ имя полурафинада. Наемная карета съ четверкою лошадей въ мѣсяцъ стоила шестьдесятъ рублей. За обѣдъ въ первомъ трактирѣ съ пивомъ платили у Френцеля на Невскомъ, рядомъ съ домомъ графа Строгонова, и въ трактирѣ „Мысъ Доброй Надежды“, въ Большой Морской, тридцать копѣекъ. За два рубля можно было имѣть самый гастрономическій обѣдъ съ десертомъ и виномъ въ Демутовомъ трактирѣ у Юге. У Фельета въ маскарадѣ платили за жаренаго рябчика тридцать копѣекъ, за бутылку краснаго бордоскаго вина ту же цѣну. Раннею весною любимѣйшимъ мѣстомъ гулянья всего фешенебельнаго Петербурга былъ Невскій проспектъ и Адмиралтейскій бульваръ; также и биржа въ это время года дѣлалась всеобщимъ сходбищемъ; открытіе навигаціи и прибытіе перваго иностраннаго корабля составляли эпоху въ жизни петербуржца.

Биржевая набережная и лавки тогда превращались въ цѣлыя импровизированныя померанцовыя и лимонныя рощи, съ роскошными пальмовыми, фиговыми и вишневыми деревьями въ полномъ цвѣтѣ. Рощи эти населяли златокрылыя и сладкогласныя пернатыя экзотическихъ странъ; ботаникъ, лошадиный, птичій и собачій охотники, каждый здѣсь находилъ себѣ богатую пищу.

Привезенные на корабляхъ англійскіе буцефалы въ виду многочисленной публики выгружались и подымались на блокахъ въ деревянныхъ ящикахъ и моментально обступались знатоками-покупателями.

Въ лавкахъ за накрытыми столиками пресыщались гастрономы устрицами, только-что привезенными съ отмелей въ десять дней извѣстнымъ въ то время голландскимъ рыбакомъ, на маленькомъ ботикѣ, въ сообществѣ одного юнги и большой собаки.

Коренастый голландецъ, въ чистой кожаной курткѣ и въ бѣломъ фартукѣ, съ простымъ обломкомъ ножа въ рукахъ, спѣшилъ удовлетворить желаніе своихъ многочисленныхъ гостей, быстро вскрывая на тарелкахъ своихъ жирныхъ затворницъ. Молодой юнга сновалъ между столами, съ подносомъ, уставленнымъ стаканами съ свѣжимъ пѣнящимся англійскимъ портеромъ.

Спеціалисты по части прекраснаго пола любовались хорошенькими розовыми личиками въ соломенныхъ шляпкахъ, пугливо выглядывающими изъ маленькихъ окошечекъ трехъ-мачтоваго корабля. Грузъ этотъ предназначался въ лучшіе барскіе дома и состоялъ изъ нѣмокъ, швейцарокъ, англичанокъ, француженокъ, на извѣстныя должности гувернантокъ, нянекъ, боннъ и т. д. Интересныя плѣнницы ждали своихъ будущихъ хозяевъ и полицейскаго чиновника для прописки паспортовъ.

Первый общественный увеселительный садъ открылся весною въ 1793 году на Мойкѣ (теперь Демидовскій домъ трудящихся); учредилъ его поддиректоръ императорскихъ театровъ, баронъ Ванжура; увеселительный садъ именовался „Вокзалъ въ Нарышкиновомъ саду“.

Здѣсь каждую среду и въ воскресенье давались праздники, балы, танцовальные вечера и маскарады съ платою по рублю съ персоны. Увеселенія начинались съ 8 часовъ вечера; посѣтители могли приходить въ маскахъ и безъ маски. Въ залѣ, предназначенной для танцевъ, играло два оркестра музыки: роговой и бальный. На открытомъ театрѣ давали пантомимы и сожигали потѣшные огни. Иногда здѣсь шли и большія представленія, какъ, напримѣръ, „Капитана Кука сошествіе на островъ съ сраженіемъ, поставленнымъ фехтмейстеромъ Мире“, или „Новый годъ индѣйцевъ“, народныя пляски и т. д. При этихъ представленіяхъ публика платила два рубля.

Здѣсь показывали свое искусство, какъ гласила афиша того времени, и путешествующіе актеры, и мастера разныхъ физическихъ, механическихъ и другихъ искусствъ, музыканты горлыс, на органахъ и лютнѣ, искусники разныхъ тѣлодвиженій, прыгуны, сильные люди, великаны, мастера верховой ѣзды, люди со львами и другими рѣдкими звѣрьми, искусными лошадьми, художники искусственныхъ потѣшныхъ огней и т. д.

Нарышкинскій вокзалъ не просуществовалъ долго, скоро онъ закрылся, хотя его артисты, по словамъ современниковъ, имѣли въ началѣ великій успѣхъ. Вообще лѣтнихъ частныхъ увеселительныхъ садовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія было гораздо болѣе, чѣмъ теперь. Первымъ въ ряду ихъ безспорно стоялъ императорскій Лѣтній садъ, затѣмъ другой въ Литейной части, подъ названіемъ „Итальянскій“.

Въ этихъ садахъ въ праздничные и воскресные дни играла императорская роговая музыка.

Былъ также въ городѣ „Вольфовъ садъ“ при оспопрививательномъ домѣ, потомъ славился еще „Фридериксовъ“ при ситцевой фабрикѣ. Затѣмъ извѣстны были загородные сады: Аптекарскій, или Ботаническій, потомъ графа К. Гр. Разумовскаго на Крестовскомъ островѣ; въ этомъ саду, у каменнаго охотничьяго замка, для увеселенія публики, закидывалась тоня для ловли рыбы; тутъ же находился трактиръ, гдѣ угощали прохожихъ напитками и кушаньями. Каменный островъ съ своими тѣнистыми аллеями былъ также однимъ изъ любимѣйшихъ народныхъ садовъ; гдѣ теперь стоитъ лѣтній дворецъ в. к. Екатерины Михаиловны, въ то время былъ разведенъ графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ прелестный увеселительный садъ въ голландскомъ вкусѣ, съ каналами, выложенными известковымъ камнемъ, съ бесѣдками для охотниковъ, съ увеселительными тонями и другими барскими затѣями.

На Елагиномъ островѣ, или, какъ его прежде называли, на Мельгуновомъ островѣ, публика тоже пользовалась самымъ широкимъ гостепріимствомъ отъ владѣльца, гофмаршала И. П. Елагина.

Здѣсь строго было приказано дворецкому угощать всѣхъ желающихъ обѣдомъ и ужиномъ.

Въ праздничные дни въ саду играла музыка, ломались паяцы и пускались увеселительные потѣшные огни.

Въ Выборгской части существовали сады: графа Ал. Сер. Строгонова и графа А. А. Безбородко.

Въ Строгоновскомъ саду въ праздничные дни происходили танцы на открытомъ воздухѣ; раскинуты были палатки, гдѣ угощали также даромъ виномъ и яствами.

Существовалъ также увеселительный садъ на островѣ Кругломъ, передъ самымъ главнымъ устьемъ Невы, напротивъ Подзорнаго дворца. Здѣсь, впрочемъ, бралась плата за входъ съ человѣка по 25 к., а за все лѣто по два рубля съ полтиной.

Любимыми удовольствіями петербуржцевъ считались также прогулки по Невѣ въ шлюпкахъ и большихъ лодкахъ, въ 3, 4, 6, 10 паръ веселъ, съ ловкими гребцами, одѣтыми въ голландскія куртки. Въ лѣтнія ночи такія шлюпки были видны ежеминутно, съ гребцами, распѣвающими пѣсни и играющими на рожкахъ.

Шлюпки эти содержались присутственными мѣстами для перевоза черезъ Неву, когда не было мостовъ.

Въ „Красномъ Кабачкѣ“, въ „Жолтенькомъ“, въ Екатерингофѣ, происходили настоящія оргіи. На катерахъ съ музыкою и пѣсенниками, на тройкахъ, на лихихъ рысакахъ туда съѣзжалась публика. Заѣхавъ же въ трактиръ, спрашивали шампанское не бутылками, а цѣлыми ящиками. Вмѣсто чаю пили пуншъ. Цыгане, крикъ, шумъ и мертвая чаша! Въ старину все это считалось молодецкою забавою.

На Петергофской дорогѣ существовалъ великолѣпный садъ А. Л. Нарышкина у Красной мызы, простиравшійся чуть ли не на 7 верстъ, тоже доступный для публики. Здѣсь даже была выставлена при входѣ доска съ надписью: „Приглашаемъ всѣхъ городскихъ жителей воспользоваться свѣжимъ воздухомъ и прогулкою въ саду, для разсыпанія мыслей и соблюденія здоровья“.

По Шлиссельбургскому тракту были загородные великолѣпные сады, съ свободнымъ входомъ для всѣхъ: князя Вяземскаго, Зиновьева, Апраксина, Потемкина, Шереметева и многихъ другихъ.

Для дальнихъ прогулокъ существовали уже въ полной царственной красѣ императорскіе и великокняжескіе дворцы и сады: Петергофъ, Ораніенбаумъ, Гатчина, Царское Село, Павловскъ и прочіе.

Нѣкоторые откупщики и богатые люди давали праздники въ своихъ садахъ, ничуть не отличавшіеся отъ царскихъ праздниковъ. Такъ, въ двадцатыхъ годахъ, недалеко отъ Большаго Охтенскаго перевоза, жилъ богачъ Ганинъ, извѣстный своими лукулловскими праздниками, своимъ садомъ и затѣями. Онъ нерѣдко давалъ праздники въ своемъ саду, стоившіе ему не менѣе пяти тысячъ рублей. По приказу его, какъ по волшебству, созидались изъ зелени и цвѣтовъ въ саду его множество храмовъ, бесѣдокъ, роскошно иллюминованныхъ разноцвѣтными фонарями и венеціанскими люстрами.

Въ каждой изъ этихъ бесѣдокъ для гостей былъ сервированъ роскошный ужинъ. Вся крѣпостная прислуга этого барина при такихъ случаяхъ была закостюмирована: женщины—нимфами, наядами, сильфидами, мужчины — геніями и силенами, дѣти—амурами. Сильфиды прислуживали у стола, наяды разливали вина, фавны носили кубки и блюда съ яствами. Сатиры и нимфы съ амурами въ это время кружились въ веселыхъ пляскахъ. Музыка, пѣсни, бенгальскіе огни придавали всему этому видъ полнаго очарованія.

Нерѣдко, впрочемъ, природа помрачала эти пиршества на открытомъ воздухѣ. Небо покрывалось тучами, громъ заглушалъ музыку, а сильный дождь разводилъ вино. Картина общей, внезапной сумятицы выходила пресмѣшная. Стихія тѣшилась, и непризнанные боги и богини промокали до костей, у сильфидъ вѣтеръ срывалъ тюники, амуры теряли башмаки, нимфы вязли въ грязи, а бѣднымъ фавнамъ и сатирамъ нечѣмъ было даже промочить горло.

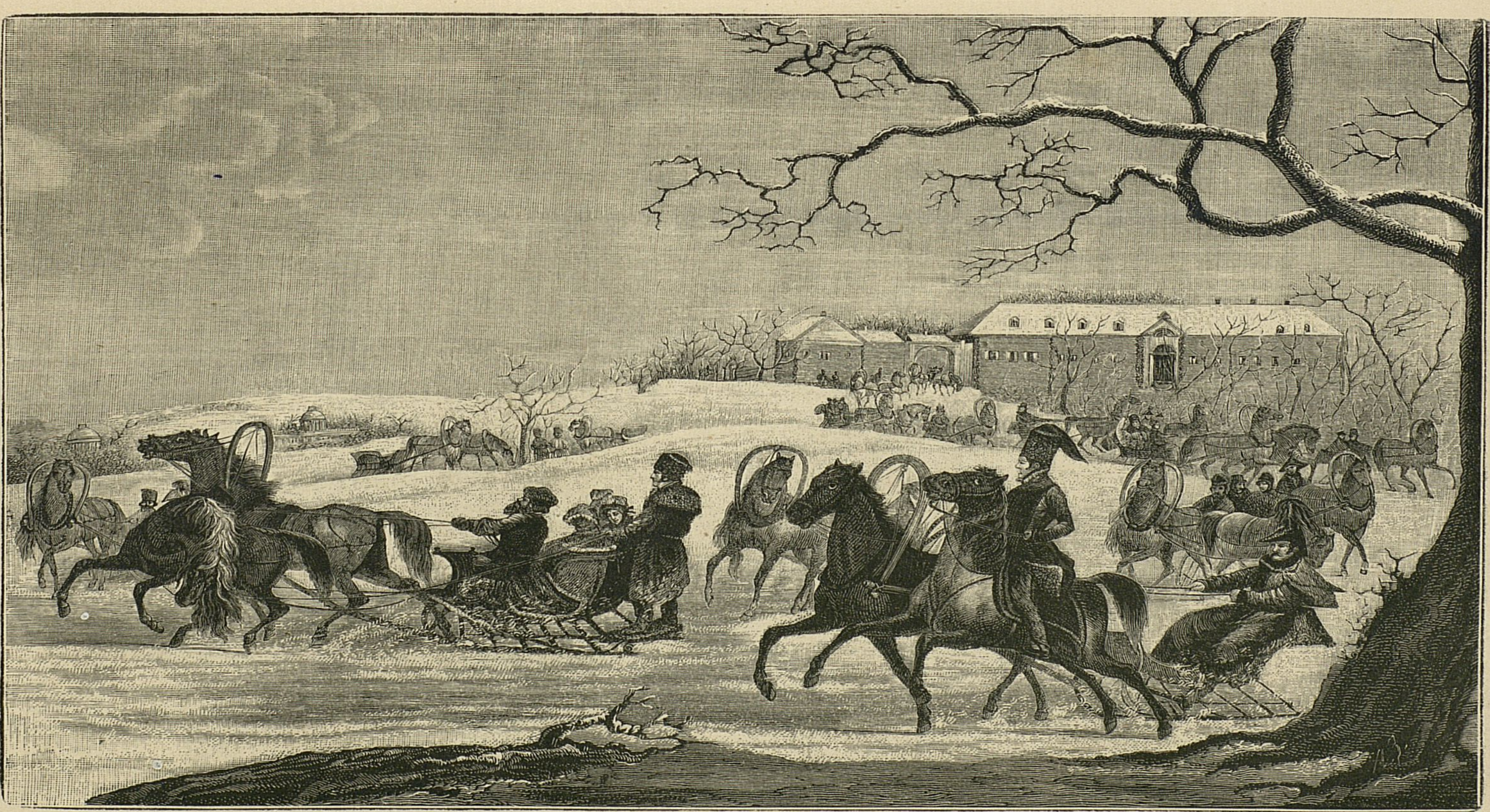
Въ старину наши баре, давая такіе роскошные праздники, часто не думали о расплатѣ за нихъ, а давали ихъ прямо въ кредитъ.

Гулянье перваго мая обыкновенно праздновалось въ Екатерингофѣ; въ этотъ день въ рощѣ разбивались нарядныя палатки и устроивались кавалькады. Сколько народу, сколько разгульной веселости, шуму, гаму, музыки, пѣсенъ, плясокъ и проч. было тамъ.

Богатые вельможи дѣлали свои палатки изъ турецкихъ дорогихъ шалей, въ палаткахъ на столахъ стояла роскошная трапеза, рядомъ помѣщались оркестры дворовыхъ музыкантовъ. Сколько щегольскихъ модныхъ каретъ и древнихъ прапрадѣдовскихъ колымагъ и рыдвановъ, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасныхъ коней и тощихъ старыхъ клячъ, прелестнѣйшихъ кавалькадъ и прежалкихъ всадниковъ можно было встрѣтить тамъ. Всюду азіатская роскошь. Впрочемъ мѣстами проглядывала и непокрытая голь и нищета. Нерѣдко изъ-за богатой палатки виднѣлся чуть-чуть прикрытый рогожей и тряпками шалашъ съ единственными украшеніями: дымящимся самоваромъ и простымъ пастушескимъ рожкомъ для акомпанемента поющихъ и пляшущихъ поклонниковъ алкоголя.

Вельможи, пріѣзжая сюда со свитою въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, пировали по три и по четыре дня; передъ ихъ палатками плясали и пѣли пѣсенники-цыгане въ бѣлыхъ кафтанахъ съ золотыми позументами. Здѣсь же на потѣху народу завязывался кулачный бой, въ который вступая, по русскому обычаю, соперники троекратно цѣловались и обнимались. Побѣдителемъ на такихъ бояхъ долго славился цѣловальникъ Гордѣй.

Кулачные бои происходили также каждое воскресенье на Невѣ, въ великомъ посту; боролись и дрались охтяне съ фабричными стекляннаго и фарфороваго завода.



Загородныя зимнія катанья (въ «Красный Кабачокъ») въ Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ современной гравюры.

Что же касается до боевъ на зеленомъ полѣ, то въ старину они въ Петербургѣ процвѣтали. Петербургскіе старожилы, вѣроятно, еще помнятъ, какъ на одной изъ главныхъ, самыхъ многолюдныхъ улицъ, въ двухъ угловыхъ, стоявшихъ одинъ противъ другаго и ярко освѣщенныхъ домахъ, почти каждый вечеръ кипѣла очень сильная, азартная игра и манила проѣзжающихъ по улицѣ то направо, то налѣво.

Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, одинъ изъ содержателей такихъ домовъ выстроилъ себѣ въ Петербургѣ великолѣпный домъ, окруженный садомъ (домъ этотъ принадлежитъ теперь одному изъ нашихъ богатыхъ князей). Въ его кабинетѣ, между разными картинами, висѣла золотая рамка съ вставленною въ нее пятеркой, въ знакъ признательности, что она рутировала ему въ штосъ, который онъ когда-то металъ на какой-то ярмаркѣ и выигралъ милліонъ рублей.

Въ старину было немало баръ, принадлежавшихъ къ высшему кругу общества, съ которыми даже въ коммерческія игры садились играть не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы они никогда не тасовали и не сдавали картъ, и они покорялись этому требованію съ величайшимъ хладнокровіемъ.

Концерты и музыкальные вечера въ Петербургѣ начались въ 1772 году; въ этомъ году былъ учрежденъ первый музыкальный клубъ изъ трехъ сотъ членовъ, вносившихъ каждый по десяти рублей въ годъ на содержаніе оркестра. По два раза въ недѣлю назначались въ клубѣ музыкальные вечера, стеченіе публики на нихъ было многочисленное.

Каждую зиму также составлялось одно англійское и одно нѣмецкое купеческое общество для баловъ; послѣднія давались въ домѣ Нарышкина, у барона Ванжура (теперь домъ Демидова, на Мойкѣ).

Публичные балы и маскарады въ началѣ нынѣшняго столѣтія славились у Фельета. Здѣсь высшее петербургское общество освобождалось отъ оковъ этикета и вполнѣ предавалось веселости и даже шалости, конечно, не выходя изъ предѣловъ приличія.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, славились придворные маскарады въ Зимнемъ дворцѣ. Болѣе тридцати тысячъ билетовъ раздавалось желающимъ быть въ этомъ маскарадѣ, которому не было подобнаго по разнообразію костюмовъ и многочисленности посѣтителей.

Съ восьми часовъ вечера, безконечный рядъ великолѣпныхъ комнатъ дворца открывался и въ какой нибудь часъ наполнялся пестрою толпою купцовъ и лавочниковъ, съ окладистыми бородами, въ длиннополыхъ сибиркахъ и въ круглыхъ шляпахъ, съ женами ихъ и дочерями, въ парчевыхъ и шелковыхъ платьяхъ, въ алмазахъ и жемчугахъ.

Грузины, черкесы, армяне, татары въ національныхъ костюмахъ, офицеры, иностранное посольство въ парадной одеждѣ и присутствіе монарха съ высочайшею фамиліею и дворомъ дѣлало этотъ маскарадъ вполнѣ торжественнымъ. Государь являлся всегда привѣтливымъ хозяиномъ и удостоивалъ нѣкоторыхъ посѣтителей разговоромъ и вниманіемъ.

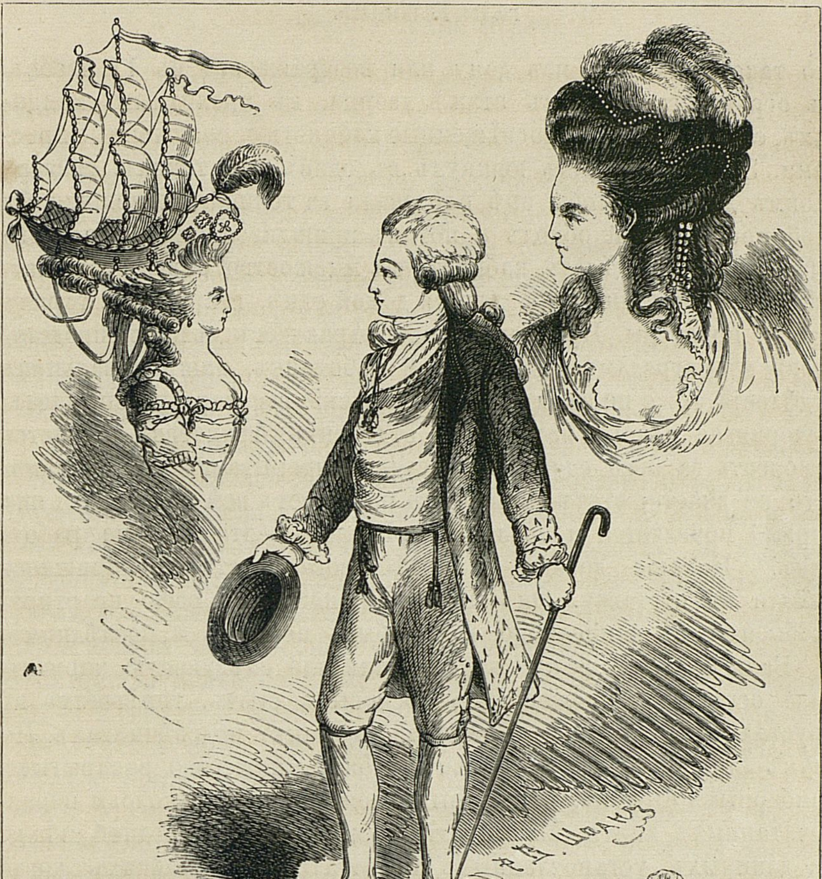
Во время маскарада раздавался желающимъ чай, медъ, разныя лакомства и закуски. Въ маскарадахъ царствовалъ необыкновенный порядокъ, сохранялся онъ безъ содѣйствія полиціи, которая сюда не допускалась.

Особенно многолюденъ былъ маскарадъ наканунѣ Новаго года; въ этотъ вечеръ весь дворъ являлся одѣтый въ домино и совершалъ процессію черезъ всѣ покои дворца, затѣмъ дворъ ужиналъ въ Эрмитажѣ. Народу во дворцѣ собиралось нѣсколько тысячъ, въ томъ числѣ немало бараньихъ тулуповъ. И надъ всей этой многотысячной массой высилась высокая фигура императора Николая, въ треугольной шляпѣ съ развѣвающимися перьями.

Также блестящіе маскарады давались и въ дворянскомъ собраніи, и въ Большомъ театрѣ; особенно на масляницѣ и также раннею весною ежегодно такъ называемый маскарадъ съ лотереею-томбола.

Въ этомъ маскарадѣ, въ часъ ночи, на особой эстрадѣ, при звукахъ трубъ, розыгрывали разныя галантерейныя вещи. Этимъ маскарадомъ оканчивались бальныя и маскарадныя собранія петербургской публики до осени.

При императорѣ Александрѣ I было въ обыкновеніи спрашивать имя того, кто первый входилъ въ маскарадъ, и у послѣдняго, кто его покидалъ; имена этихъ господъ на другое утро докладывали императору. По поводу этого обыкновенія вышелъ слѣдующій курьезный случай. Одинъ начальникъ отдѣленія военнаго министерства, состоявшаго подъ управленіемъ графа Аракчеева, никогда еще не бывалъ ни въ маскарадѣ, ни въ театрѣ; всю жизнь онъ ложился спать въ 10 часовъ вечера и вставалъ вмѣстѣ съ курами. Сестра его жены пріѣзжаетъ изъ провинціи въ Петербургъ, и обѣ дамы просятъ, чтобы старикъ ѣхалъ съ ними въ маскарадъ. На свое несчастіе онъ соглашается; онъ не зналъ,



Моды въ Россіи въ 1779 году.

Уборъ а-ла-бельпуль.
Расцвѣтающая пріятность.

Счастливый щеголь.

Раскрытыя прелести.
Прелестная простота.

Съ рисунка, приложеннаго къ журналу „Модное ежемѣсячное сочиненіе“, изд. 1779 г.

чтò такое выходить изъ дому или возвращаться въ 11 часовъ. Въ огромномъ нижнемъ этажѣ дворца, въ проходныхъ комнатахъ, есть маленькіе, неосвѣщенные кабинетцы, снабженные креслами. Этотъ господинъ юркнулъ въ одинъ изъ такихъ, сказавъ своимъ дамамъ, чтобы онѣ слѣдовали за толпой, совершили бы свой маскарадный обходъ и потомъ пришли за нимъ. Но этого имъ не удалось сдѣлать, кабинетцовъ множество, давка страшная. Дамы въ отчаяніи отправляются домой однѣ, старика же утромъ будятъ полотеры. Проходитъ годъ; Аракчеевъ дѣлаетъ представленіе къ наградамъ. Его лучшій работникъ, нашъ начальникъ отдѣленія, тоже не забытъ. Представленіе государь утверждаетъ, вычеркивая одного начальника отдѣленія. Аракчеевъ рѣшается замолвить за него слово, но государь прерываетъ его: „Вы ничего не знаете; этотъ чиновникъ посѣщаетъ всѣ маскарады; онъ первый появляется и послѣдній уѣзжаетъ — это уже не работникъ!“ Никакіе доводы не подѣйствовали: старику пришлось выйдти въ отставку. Онъ только и покидалъ свою квартиру, чтобы идти въ канцелярію, гдѣ и былъ первымъ и послѣднимъ.

Балы богатыхъ вельможъ представляли слѣдующую картину. Залъ освѣщался множествомъ восковыхъ свѣчъ, горѣвшихъ въ хрустальныхъ люстрахъ и мѣдныхъ стѣнныхъ подсвѣчникахъ. По двумъ сторонамъ залы, у стѣнъ, стояло множество раскрытыхъ ломберныхъ столовъ, на которыхъ лежало по двѣ колоды нераспечатанныхъ картъ. Музыканты размѣщались у передней стѣны, на длинныхъ, установленныхъ амфитеатромъ скамейкахъ: когда гостей съѣжалось довольно, то музыка открывала балъ польскимъ при торжественныхъ случаяхъ съ акомпанементомъ хора пѣвчихъ. Протанцовавъ минутъ пять, знатнѣйшія пожилыя особы садились за карты, а вмѣсто нихъ начинали отличаться молодые. Употребительнѣйшіе танцы въ то время были: полонезъ, а-ла-грекъ, англійскій променадъ, альманъ, хлопушка, уточка, экосезы, мазурка, котильонъ, матрадуры, галопадъ, минуэты en deux и en quatre. Во всѣхъ этихъ танцахъ соблюдали всѣ правила, выдѣлывая каждое па самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Извѣстные до этого времени стройные круги хороводовъ, веселые плетни, метелицы, буйные трепаки, казачки, камаринскія танцовались только уже въ провинціи.

Во время танцевъ старики и старушки за карточными столами потѣшались въ вистъ три-три, рокамболь, макао, рестъ, квинтичъ, басстъ, шнипъ-шнапъ-шнуръ, кучки, а-ла-мушъ, юрдонъ (самая азартная игра, отъ которой произошло извѣстное выраженіе „проюрдонился“), тентере, панфилъ, ерошки или хрюшки, никитишны и т. д.

Вельможи вѣка Екатерины щеголяли роскошью своихъ баловъ. Но и семейные вечера нашихъ баръ, даваемые запросто, отличались торжественностью и великолѣпіемъ; про графа А. Г. Орлова разсказываютъ его современники, что онъ еженедѣльно давалъ вечера, на которые съѣзжались всѣ званые и незваные. Самъ могучій хозяинъ встрѣчалъ гостей, сидя въ передней гостиной вмѣстѣ съ нѣкоторыми почетными лицами, распивая чай и другіе напитки. Здѣсь всѣ были веселы, громко смѣялись и разсказывали другъ другу новости.

На такихъ вечерахъ въ десятомъ часу накрывался ужинъ кувертовъ на двѣсти. На одномъ столѣ ставился сервизъ серебряный, на другомъ изъ саксонскаго фарфора; за первымъ столомъ служила прислуга все старая, въ сѣдинахъ, за вторымъ суетились молодые оффиціанты. Подавали аршинныя стерляди, судаки изъ собственныхъ прудовъ; спаржу толщиною чуть ли не въ добрую дубину изъ своихъ огородовъ; телятину бѣлую, какъ снѣгъ, выхоленную въ люлькахъ на своемъ же скотномъ дворѣ. Персики и ананасы были также изъ своихъ оранжерей; даже вкусное вино изъ ягодъ, въ родѣ шампанскаго, было домашняго приготовленія. Хозяинъ почти никогда не садился за столъ, а только заботился о гостяхъ. Послѣ ужина, который обыкновенно кончался въ одиннадцатомъ часу, по знаку хозяина музыканты играли русскую пѣсню: „Я по цвѣтикамъ ходила“, подъ звуки которой дочь графа, разодѣтая въ богатѣйшій русскій сарафанъ, плясала порусски. Гости тоже усердно за ней пускались въ плясъ. Въ половинѣ втораго танцы прерывались, и хозяинъ возглашалъ: „пора по домамъ!“, музыка умолкала и всякій торопился убраться домой, ранѣе поблагодаривъ радушнаго хозяина, который коротко знакомыхъ обнималъ, другихъ дружески трепалъ по плечу, у дамъ цѣловалъ ручки и всѣмъ говорилъ не иначе, какъ „ты“. При разъѣздѣ, почти вся улица была запружена экипажами. Кучерамъ раздавали по калачу и разносили по стакану пѣнника.

Особенно роскошны выходили разныя празднества и домашніе спектакли у извѣстнаго петербургскаго богача Всеволода Андреевича Всеволожскаго, даваемые имъ на своей мызѣ „Рябово“. Имѣніе этого Креза стоило ему многихъ милліоновъ рублей. Къ сожалѣнію, слѣды былаго великолѣпія и былой роскоши этого барича теперь уже не существуютъ. Изящный дворецъ, съ оранжереями, густыми подстриженными французскими ленотровскими аллеями, съ каналами, водоемами и прочими затѣями, обвалился, заросъ и проданъ по частямъ. Барскій домъ этого магната состоялъ изъ 160 комнатъ, расположенныхъ въ двухъ этажахъ. Въ Рябово съѣжалось изъ Петербурга ко дню именинъ хозяина 24-го октября болѣе пятисотъ человѣкъ гостей. Для всѣхъ гостей устроены были особыя помѣщенія, причемъ были приняты мѣры, чтобы привычки и обычаи каждаго гостя и гостьи не встрѣтили ни малѣйшаго стѣсненія; празднованіе длилось трое сутокъ. Въ рябовскомъ манежѣ давались костюмированные турниры, карусели, на которые выѣзжали рыцари въ латахъ. Обѣды этого Креза славились на всю Россію. Разварные осетры, полученные по почтѣ съ Урала, подавались цѣликомъ въ паровомъ котлѣ; послѣдній, обернутый массою салфетокъ, подавали четверо дюжихъ кухонныхъ мужиковъ, одѣтыхъ въ бѣлыхъ какъ снѣгъ русскихъ рубахахъ. На театрѣ играли крѣпостные актеры и актрисы Всеволожскаго, составлявшіе у него довольно многочисленную труппу. Эта же рябовская труппа, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполняла и обязанности хора пѣвчихъ въ домашней церкви и отчасти музыкантовъ во время баловъ. Въ заключеніе спектакля ставился особенный прологъ, который разыгрывали родственники и близкіе знакомые хозяина. За прологомъ слѣдовало представленіе въ лицахъ, также гостями, различныхъ шарадъ, загадокъ, каламбуровъ, логогрифовъ, омонимовъ, анаграмъ и т. д. Во время ужина въ столовую то и дѣло являлись различные персонажи, въ костюмахъ одинъ другаго забавнѣе и замысловатѣе. Шатался около столовъ какой-то господинъ съ краснымъ носомъ въ шутовскомъ нарядѣ; онъ былъ украшенъ надписью „Gastronome ambulant“. Этотъ гастрономъ преловко допивалъ не допитыя рюмки у гостей, доѣдалъ объѣдки и т. д. Нѣсколько старыхъ французскихъ эмигрантовъ въ шитыхъ шелковыхъ и глазетовыхъ кафтанахъ, въ розовыхъ чулкахъ и башмакахъ, съ стразовыми пряжками и съ напудренными париками, важно нюхали здѣсь табакъ и очень забавно толковали о временахъ Регентства и Людовика XVI. Извѣстный въ то же время богачъ, чудакъ Ганинъ, почти полуидіотъ, надъ которымъ такъ часто подсмѣивался Измайловъ въ своемъ „Благонамѣренномъ“, давалъ также спектакли въ своемъ загородномъ домѣ, на которыхъ, впрочемъ, всегда исполнялись безграмотныя пьесы самого хозяина. Здѣсь между актерами являлся самъ творецъ этихъ бездарностей, исполнявшій всегда роль львицы на четверенькахъ. Про этого Ганина въ то время ходило много анекдотовъ. Императоръ Александръ Павловичъ, бывши наслѣдникомъ, разъ возвращался на яхтѣ съ командою гвардейскаго экипажа и съ роговою музыкою Д. Л. Нарышкина. Проѣзжая по Невѣ мимо дачи Ганина, въ довольно значительномъ разстояніи отъ берега, онъ увидѣлъ на берегу цѣлую вереницу голыхъ людей. Полагая, что эти люди вышли изъ находившейся здѣсь же бани Ганина, или изъ публичной купальни, государь нашелъ эту прогулку въ одеждѣ прародителей неприличною и велѣлъ одному изъ бывшихъ при немъ адъютантовъ отправиться на берегъ и сдѣлать объ этомъ распоряженіе. Но каково было удивленіе адъютанта, когда онъ, подъѣзжая къ берегу, увидѣлъ, что хороводы голыхъ людей были не что иное, какъ рядъ Ганинскихъ алебастровыхъ статуй, ни съ того, ни съ сего выкрашенныхъ по распоряженію владѣльца въ свѣтлорозовый цвѣтъ. Во избѣжаніе подобнаго рода недоразумѣній, тогдашній оберъ-полицеймейстеръ, Гладкій, приказалъ ихъ выбѣлить.

На домашнихъ спектакляхъ нашихъ баръ давали и французскія комедіи. Изъ Франціи, какъ извѣстно, въ то время нахлынуло къ намъ, вмѣстѣ съ эмигрантами, волокитство и любезности петиметровъ; С. Н. Глинка въ своихъ запискахъ пишетъ: „Модный московскій свѣтъ, на ряду съ петербургскимъ, размежевался на два отдѣленія: въ одномъ отличались англоманы, въ другомъ — галломаны. Въ Петербургѣ было болѣе англомановъ, въ модныхъ домахъ появились будуары, диваны, и съ ними начались истерики, мигрени, спазмы и такъ далѣе. По ночамъ кипѣлъ банкъ, тогда уже ломбарды болѣе и болѣе наполнялись закладомъ крестьянскихъ душъ. Быстры и внезапны были переходы отъ роскоши къ разоренію. Въ большомъ свѣтѣ завелись мѣнялы, днемъ разъѣзжали они въ каретахъ по домамъ, съ корзинками, наполненными разными бездѣлками, и промѣнивали ихъ на чистое золото и драгоцѣнные каменья, а вечеромъ увивались около тѣхъ счастливцевъ, которые проигрывали свое имѣніе, и выманивали у нихъ послѣднія деньги. Въ утренніе разъѣзды и на обѣды ѣздили съ гайдуками, скороходами, на быстрыхъ четверняхъ и шестерняхъ; тогда ѣзда парою называлась мѣщанскою ѣздою“.

Въ 1800 году, въ Петербургѣ дома были небольшіе, деревянные, и только въ самомъ центрѣ города каменные. Мосты, исключая Каменнаго и Казанскаго, были тоже деревянные, даже на Невскомъ дома были почти всѣ деревянные, какъ и церковь Казанской Божіей Матери. Тротуаровъ тоже не было, а были досчатыя дорожки. О богатыхъ гостинницахъ даже не было помина. Иногородные, пріѣзжая въ Петербургъ, останавливались по старинному русскому обычаю у своихъ родныхъ и знакомыхъ, а для богачей нанимали въ городѣ заблаговременно квартиры. Магазиновъ съ иностранными товарами было всего три; убранство магазиновъ отличалось полной простотой, богатые товары лежали на полкахъ или шкафахъ изъ простаго выкрашеннаго дерева. Но годовые заборы товаровъ изъ этихъ магазиновъ нѣкоторыми барскими домами выходили на нѣсколько десятковъ тысячъ. Такъ, извѣстный богачъ, графъ Б—скій, чтобы разсчитаться съ англійскимъ магазиномъ, долженъ былъ отдать свой домъ въ уплату долга. Самыми модными магазинами также были „Нюренбергскія лавки", слава которыхъ гремѣла по всей Россіи. Здѣсь было все, отъ булавки до дорогой ткани; помѣщались онѣ на Невскомъ, въ домѣ католической церкви.

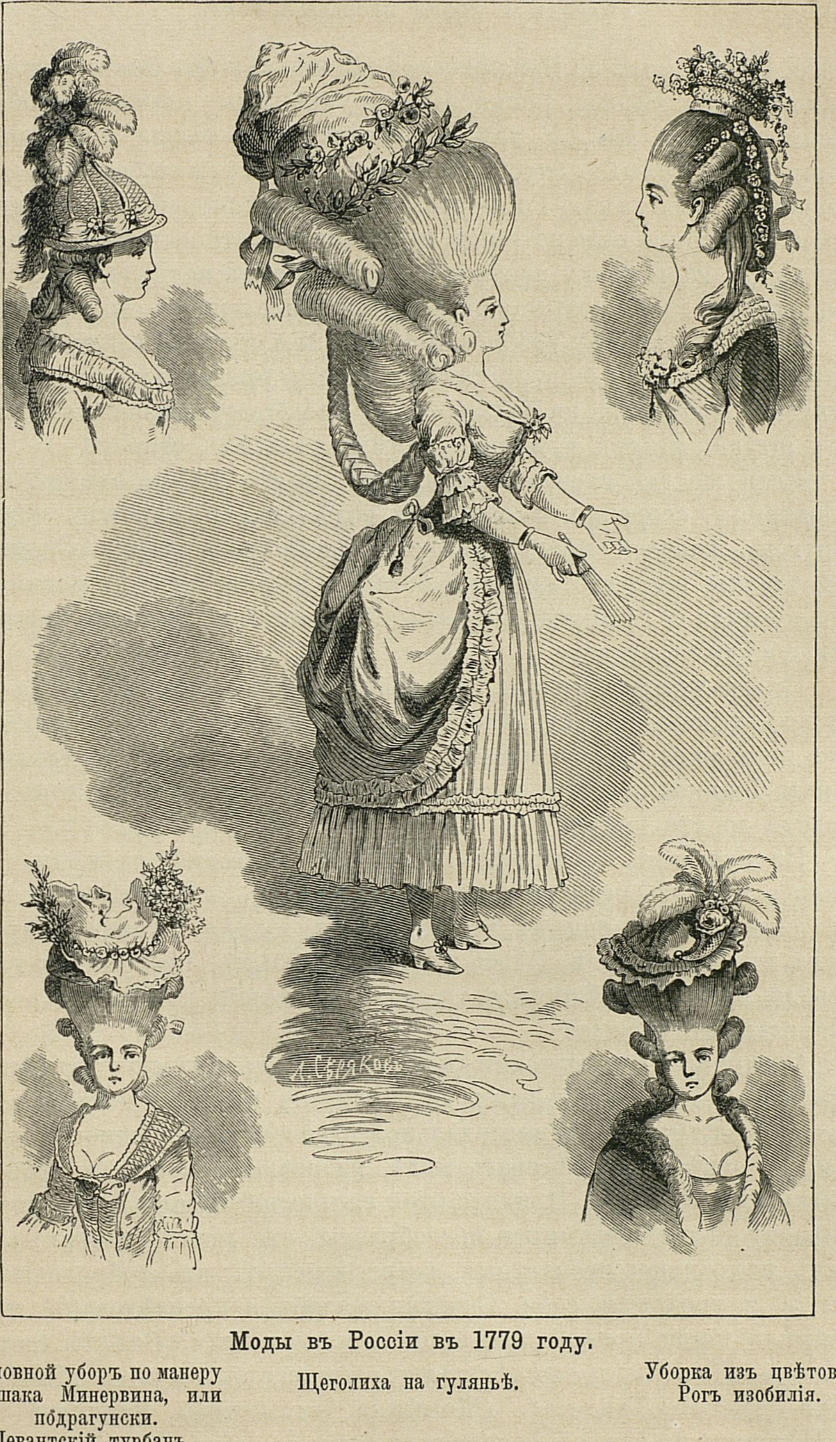
Зимою строили ледяныя горы и учреждались парадныя катанья въ саняхъ; дамы сидѣли съ кавалерами въ бархатныхъ шубахъ съ соболями или въ атласныхъ съ золотыми бранденбургами. Лошади были подъ фартуками, украшались перьями, и арабъ, или егерь, позади держалъ зажженный факелъ. Такой щегольской поѣздъ тянулся цугомъ и заѣзжалъ къ знакомымъ, гдѣ пили чай, ужинали и т. д.

Ледяныя горы во время масляницы въ Петербургѣ строили обыкновенно на Охтѣ, на Крестовскомъ островѣ и на Невѣ, передъ дворцомъ. Ледяныя горы дѣлали до восьми и болѣе саженъ въ вышину. Простой народъ катался съ нихъ на лубкахъ, ледянкахъ и на саняхъ.

Такія же горы устроивались и на дворахъ нашихъ богатыхъ баръ, гдѣ дамы въ собольихъ шубкахъ неслись съ горной зеркальной поверхности и составляли кадрили и экосезы съ кавалерами.

Вокругъ невскихъ горъ строились сараи, въ которыхъ показывали разныхъ животныхъ, давалась кукольная комедія, китайскія тѣни, пляски на канатѣ и т. д. Поѣздки на Крестовскій островъ, въ Красный Кабачекъ, составлялись цѣлымъ обществомъ. Сама императрица нерѣдко принимала участіе въ такихъ забавахъ и ѣздила въ большихъ саняхъ, къ которымъ для свиты привязывали еще попарно 14 или 16 маленькихъ санокъ. Въ большія сани закладывали двѣнадцать прекрасныхъ лошадей, великолѣпно убранныхъ; вечеромъ у каждыхъ санокъ зажигали разноцвѣтные фонари; зрѣлище выходило великолѣпное.

Какъ горы зимою, такъ лѣтомъ качели привлекали толпы народа. Качели строились къ Святой недѣлѣ и оставались все



Моды въ Россіи въ 1779 году.

Головной уборъ по манеру
шишака Минервина, или
по́драгунски.
Левантскій турбанъ.

Щеголиха на гуляньѣ.

Уборка изъ цвѣтовъ.
Рогъ изобилія.

Съ рисунка, приложеннаго къ журналу „Модное ежемѣсячное сочиненіе“, изд. 1779 г.

лѣто. Ставили ихъ на Исаакіевской площади, и онѣ были: круглыя, маховыя, подвѣсныя, росписныя, и украшены разными изображеніями и флагами. У качелей воздвигались также деревянныя горы, съ которыхъ спускались по покатымъ желобамъ на маленькихъ колясках. Горы эти вошли въ употребленіе съ того времени, когда императрица приказала выстроить въ Ораніенбаумѣ двѣ горы, одну противъ другой, и такъ искусно, что, спускаясь съ одной, подымаешься нечувствительно на другую.

Вокругъ качелей разбивались шатры для продажи крѣпкихъ напитковъ, разносчики на каждомъ шагу предлагали лакомства, закуски; фокусники на балконахъ и паяцы дурачились, выдѣлывая штуки; музыка и пѣсни гремѣли со всѣхъ сторонъ.

Если же гдѣ случалась драка или шумъ, то, по приказу императрицы, ссорящихся обливали водою изъ пожарныхъ трубъ. Кругомъ качелей прогуливалось въ пышныхъ, великолѣпныхъ костюмахъ все, что ни есть богатаго и знатнаго въ столицѣ. Въ послѣдніе дни праздника обыкновенно императорская фамилія посѣщала гулянье.

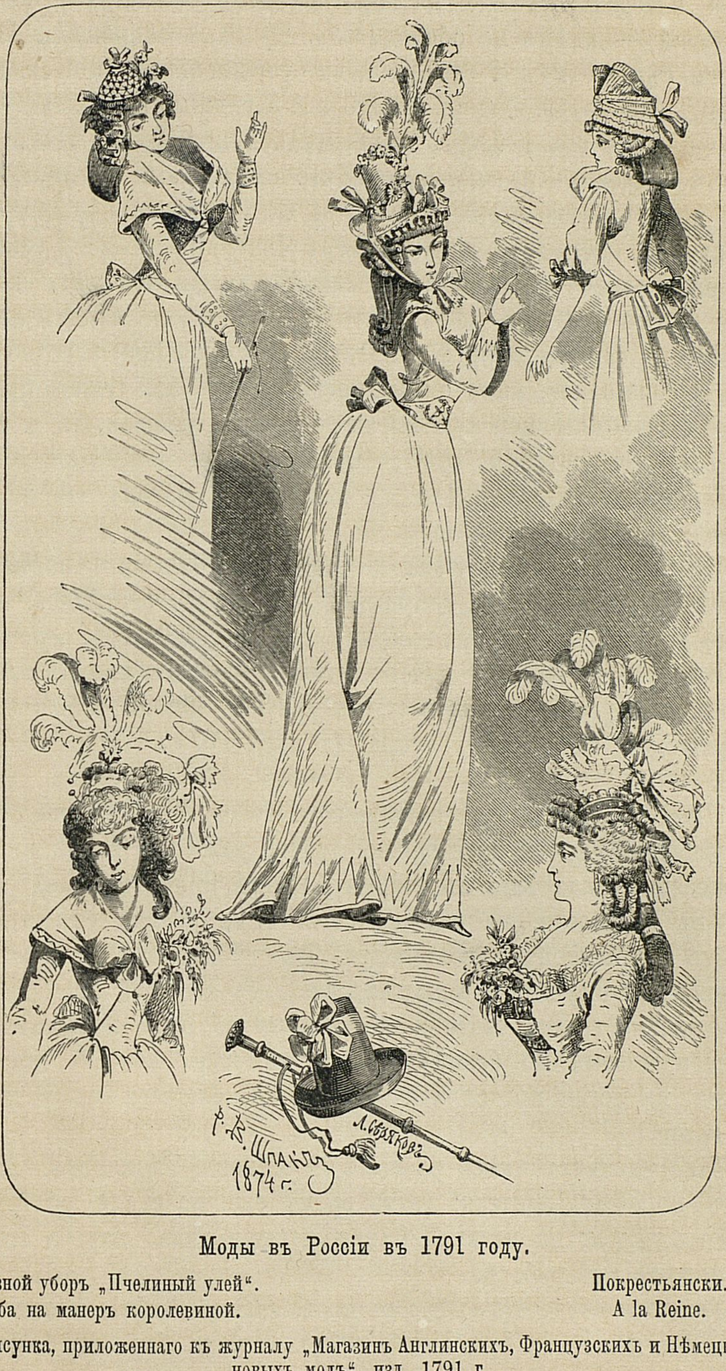
Въ двадцатыхъ годахъ, въ субботу, здѣсь считалось болѣе четырехъ тысячъ каретъ. Число это по тому времени казалось почти невѣроятнымъ, если взять во вниманіе, что въ царствованіе Анны Іоанновны въ цѣломъ Петербургѣ число каретъ едва доходило до ста штукъ.

На бульварѣ и тротуарѣ вдоль Исаакіевской площади толпились жители средняго класса и любовались на проѣзжающихъ на четверкахъ вороныхъ, въ экипажахъ Іохима, лучшаго каретника въ Петербургѣ. Здѣсь же въ стройныхъ, пестрыхъ рядахъ стояли купцы и мѣщане съ женами и дѣтьми въ богатыхъ національныхъ одеждахъ.

Самые прихотливые наряды и уборы перешли къ намъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ эти года понемногу начала у насъ ослабѣвать привязанность къ національной одеждѣ; въ особенности женщины поспѣшили слѣдовать модѣ, избравшей своимъ мѣстопребываніемъ Парижъ. Прихоти этой капризной богини въ то время бывали до того безумны и несообразны, что просто удивительно, какъ находились несчастныя, готовыя испытывать добровольную пытку и уродовать себя. Сколько жалобъ и преслѣдованій претерпѣли наши прабабушки и со стороны печати. Вмѣстѣ съ появленіемъ модныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ въ родѣ „Библіотеки Дамскаго Туалета“, „Магазина Англійскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ Модъ“, явились и сатирическія сочиненія, цѣль которыхъ, какъ гласила публикація въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1791 года, „состояла въ томъ, дабы предъявить вредъ, причиняемый модою, роскошью и вертопрашествомъ и прочими пороками, которые видны во многихъ сценахъ нынѣшней жизни“. Къ такимъ, нелишеннымъ дозы остроумія, книгамъ принадлежала изданная въ Москвѣ, въ 1791 году, „Переписка моды“, содержащая письма безрукихъ модъ, размышленія неодушевленныхъ нарядовъ, безсловесныхъ чепцовъ, чувствованія мебели, каретъ, записныхъ книжекъ, пуговицъ, старозавѣтныхъ манекъ, кунташей, шлафоровъ, тѣлогрѣй и проч. Книга вышла безъ имени автора, но изъ предисловія видно, что она принадлежитъ издателю „Сатирическаго Вѣстника“, слѣдовательно одному изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ прежнихъ литературныхъ дѣятелей—П. И. Страхову. Въ своемъ предисловіи послѣдній говоритъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ правда или, поученому, истина сдѣлалась непріятнѣе для глазъ ѣдкаго дыма, то она должна, чтобы не быть узнанною, являться въ свѣтъ не иначе, какъ инкогнито, или въ платьѣ навыворотъ. Многіе изъ авторовъ заставляли мыслить и философствовать чертей и духовъ, а иные и звѣрей, то для чего бы и намъ не заставить чувствовать знаменитыя и особенно модныя платья, уборы и вещи“. Моду авторъ представляетъ такою сильною властительницею и особою, къ покровительству которой прибѣгаютъ всѣ люди. Въ концѣ онъ выражаетъ желаніе, чтобы всѣ тѣ, которые здѣсь по необходимости названы и наряжены смѣшнымъ образомъ, могли бы хотя нѣсколько научить юношество любить истину въ настоящемъ ея видѣ, открыть глаза и убѣдить ихъ во вредѣ, причиняемомъ модами, роскошью, вертопрашествомъ и другими пороками, которые являются повсюду въ современномъ обществѣ.

Книга начинается письмами „Моды“ къ „Непостоянству“; затѣмъ идутъ различныя просьбы отъ разныхъ старинныхъ головныхъ уборовъ, въ родѣ: кокошника съ перепелами, собольей бархатной шапочки корабликомъ, рогатой шапки, отъ колпакомъ шапки, чепца бармотика, нахтышъ чепца, отъ криваго чепца съ шишкой и т. д. Приводимъ отвѣтъ письма моды къ стариннымъ уборамъ: „Mesdames! Ваша бономи и семплисите заставили меня такъ смѣяться, что я едва отъ того не лопнула: Фуй! фуй! Какъ вы меня уморили! Сюръ-монъ-онеръ, вы, видно, презабавныя твари! Одни ваши имена: кокошникъ съ перепелами... шапочка корабликомъ... рогатая шапка-чепецъ бармотикъ... Косой съ шишкою... Ну! Совершенно я интересуюсь васъ видѣть и узнать персонально. Опредѣлить въ подлинный свой штатъ я васъ не могу, ибо нынѣ вмѣсто кокошника съ перепелами на головахъ прекраснаго пола находятся цѣлые страусы. Старинныя женскія головы, можетъ быть, любили плавать, и потому нужны были шапочки корабликами, но нынѣшнія головы имѣютъ единственнымъ своимъ основаніемъ воздушную стихію, и потому любятъ вѣтренность и пареніе по воздуху. Рогатая шапка также не можетъ быть употребляема, ибо нынѣ на мужскихъ лбахъ рога только терпимы“ и т. д. Интересно также прошеніе „Карточной игры“, чтобы повысить слѣдующія денежныя игры: банкъ, рестъ, квинтичъ, вентъ-энь, кучки, юрдонъ, гора, макао, и ввести во всеобщее употребленіе новыя игры: штосъ, три и три, рокамболь, и затѣмъ перемѣстить въ службу солидныхъ людей карточныя игры: ломберъ, вистъ, пикетъ, тентере, а-ла-мушъ, и уволить въ уѣзды и деревни слѣдующія: панфиль, тресетъ, басетъ, шнипъ-шнапъ-шнуръ, марьяжъ, дурачки съ паръ, дурачки въ навалку, дурачки во всѣ карты, ерошки или хрюшки, три листка и семь листовъ; а игры въ „носки“ и „никитишны“ отпустить въ чистую отставку. Далѣе идутъ письма: отъ женскаго башмачка стерлядкою къ ботину, отъ шляпы а-ла-шарлотъ — къ шляпѣ а-лондросманъ и шляпкѣ корнету. Въ письмахъ „отъ бюро къ комоду“ и „отъ комода къ бюро“ описывается „жизнь“ моднаго вертопраха, „бездарнаго писца“, т. е. литератора, „прелестницы“ и „корыстолюбиваго судьи“. Въ этихъ письмахъ авторъ доказываетъ, что люди бываютъ сами причиной своихъ заблужденій и пороковъ; онъ говоритъ, что „вертопрашество“, „торговыя дарованія“, умноженіе прелестницъ и корыстолюбивыхъ судей, обязано происхожденіемъ своимъ любви къ деньгамъ, необходимымъ для поддержанія роскоши, сообразующейся съ законами моды.

Непомѣрная роскошь въ семисотыхъ годахъ на столько была сильна, что императрица Екатерина II вынуждена была издать манифестъ, съ постановленіемъ, какъ должно было ѣздить каждому. Двумъ первымъ классамъ опредѣлялось ѣздить цугомъ съ двумя вершниками; 3, 4, 5 классамъ — только цугомъ; 6, 7 и 8 классамъ — четвернею; оберъ-офицерамъ — парою; не имѣющимъ офицерскихъ чиновъ—верхомъ, въ одноколкѣ или въ саняхъ въ одну лошадь. Ливреи по указу также были разныя: лакеи двухъ первыхъ классовъ имѣли басоны по швамъ; 3, 4 и 5 классовъ — по борту; 6-го — на воротникахъ, обшлагахъ и по камзоламъ;


Р. В. Шпакъ
1874 г.
Л. Серяковъ

Моды въ Россіи въ 1791 году.

Головной уборъ „Пчелиный улей“. Покрестьянски.
Роба на манеръ королевиной. A la Reine.

Съ рисунка, приложеннаго къ журналу „Магазинъ Англинскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ новыхъ модъ“, изд. 1791 г.

7 и 8 классовъ — только на воротникахъ и обшлагахъ; оберъ-офицерамъ—ничѣмъ не обкладывать. Купцамъ запрещены были кареты съ золотыми и серебряными украшеніями; допускались кареты, одноколки и сани, просто выкрашенныя подъ лакъ. Отступленія отъ этихъ формъ наказывались штрафами. Позье въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что придворный ювелиръ Дюваль не слѣдовалъ этому правилу и ѣздилъ по городу на трехъ лошадяхъ. Генералъ-полицеймейстеръ Чичеринъ объявилъ сенату, что на докладъ его словесный, какой штрафъ положить повелѣно будетъ золотыхъ дѣлъ мастеру Дювалю, что ѣздитъ не по званію его, ея императорское величество высочайше изустно повелѣть соизволила, какъ оный присвоилъ себѣ изъ чужаго права, то есть штабъ-офицерскую впряжку лишней лошади, то и взыскать съ него штрафу три доли изъ оклада, подлежащаго ко взысканію, а четвертой доли не взыскивать, потому что не все полное право присвоилъ...

На экипажи въ то время не обращали большаго вниманія, только бы лошади были запряжены, да колеса вертѣлись, одно выше другаго на полъ-аршина, хомуты изъ ремешковъ, веревокъ; на козлахъ, по болѣзни кучера, сидѣлъ иногда и поваръ съ щетинистою бородою, въ нагольномъ тулупѣ; назади портной, въ ливреѣ изъ солдатскаго сукна, въ картузѣ, съ платочкомъ на шеѣ.

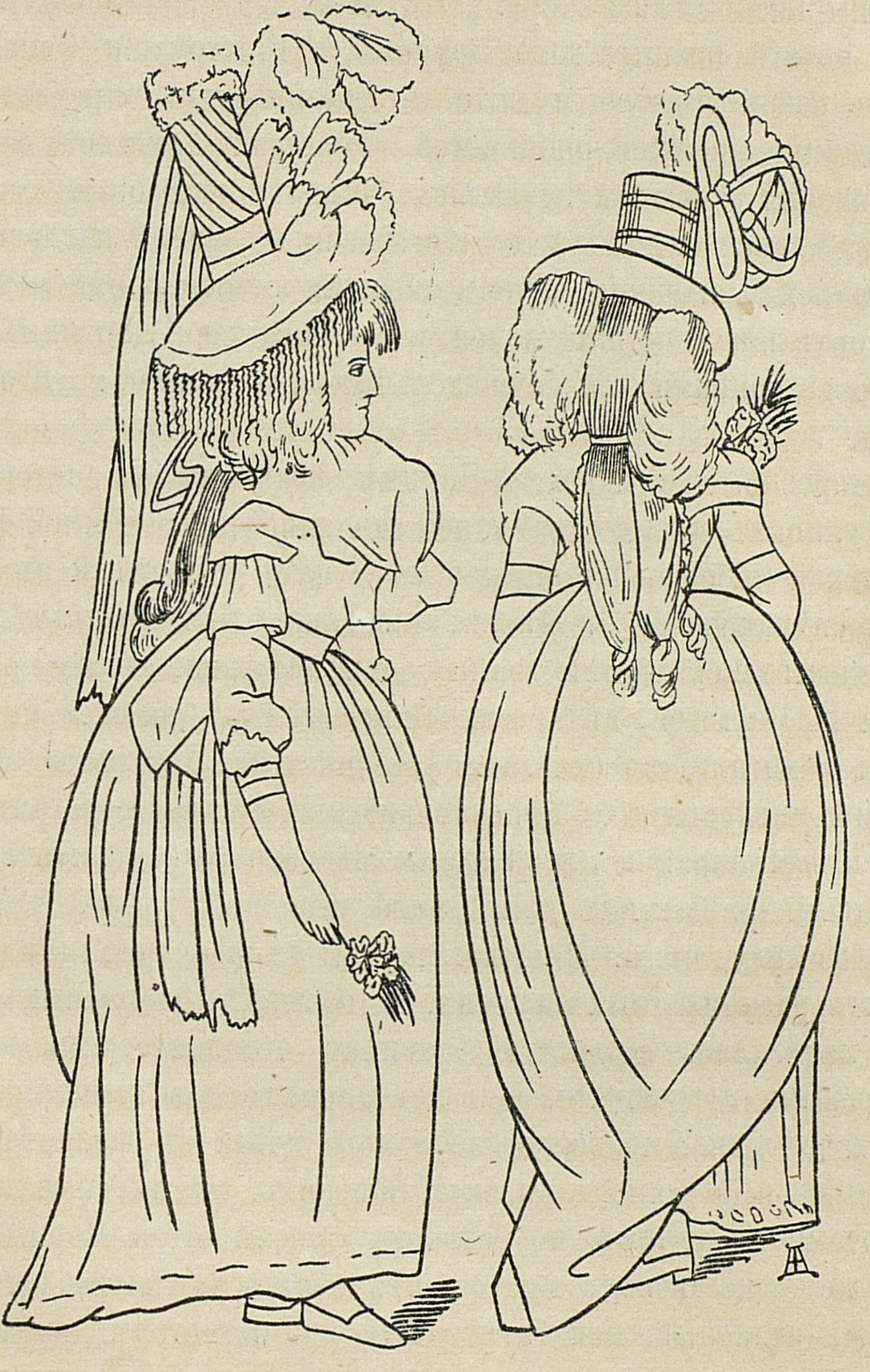
Люди богатые ѣздили четверкою и шестеркою; въ наше время не увидишь кареты шестеркою, кромѣ развѣ въ какой нибудь процессіи. Такая ѣзда въ старину, кромѣ приписываемой страсти къ пышности, на самомъ дѣлѣ была только слѣдствіемъ весьма непріятной необходимости. Въ тѣ времена ѣздили шестернею, потому что съ меньшимъ числомъ лошадей можно было увязнуть въ грязи; часто и шести лошадей было недостаточно; лошади, взятыя по большей части изъ-подъ сохи у крестьянина, не могли предохранить семейной колымаги отъ увязанія въ грязи.

На гуляньяхъ смѣсь разныхъ берлиновъ, рыдвановъ, колымагъ, поражала зрителя; въ то время еще не знали ресоръ, и кареты дѣлали на пазахъ. Самая лучшая такая карета стоила не дороже ста рублей.

Около шестидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, сталъ входить костюмъ à la française у всѣхъ нашихъ баръ въ большую моду. Онъ дѣлался изъ разныхъ матерій: изъ бархата, плиса и шелковой матеріи; при немъ всегда носили шпагу, которая прицѣплялась такъ, что приподымала талію и торчала концомъ кверху. Камзолы, шитые золотомъ и шелками, были почти всегда голубаго, малиноваго, коричневаго и зеленаго цвѣтовъ; темныхъ цвѣтовъ не носили. Придворный и бальный нарядъ былъ слѣдующій: цвѣтной кафтанъ, штаны бѣлые, атласные или гроденаплевые, иногда черные, застегнутые ниже колѣна пряжками серебряными, а иногда и съ дорогими каменьями; камзолъ шитый золотомъ, блестками или шелками, иногда изъ глазета, бархата; волосы причесаны и напудрены,—послѣдняя операція для франта того времени обходилась не менѣе двухъ, трехъ часовъ въ сутки. Битыхъ два часа ему припекали волосы разнаго рода щипцами, чтобы они держались à l'oiseau royal или à la grecque. Потомъ страдалецъ пряталъ лицо въ бумажную маску, чтобы не задохнуться въ облакахъ надушенной пудры, носившихся около него; позднѣе стали волосы прятать въ мѣшокъ (bourse); перчатки шелковыя; часы съ короткой цѣпочкой, на которой привѣшены одна или двѣ печати; бѣлье тонкое, манжеты шитыя или кружевныя; знатные носили ихъ изъ богатѣйшаго кружева, продававшагося по баснословной цѣнѣ; у Пл. Зубова кружева стоили болѣе 30,000 рублей; галстухъ бѣлый батистовый, накрахмаленный, повязанный невысоко; носили и дѣланные галстухи; послѣ революціи французской галстухи совсѣмъ исчезли изъ употребленія; считалось болѣе красивымъ носить шею и часть груди открытыми, но они вскорѣ у насъ снова вошли въ моду и ихъ начали дѣлать самыхъ большихъ размѣровъ, такъ что голова почти уходила въ нихъ. Чулки носили шелковые, бѣлые и полосатые, башмаки съ пряжками серебряными, иногда осыпанными стразами. Позднѣе вмѣсто камзола стали носить жилеты; точно также и прическа стала мѣняться: нѣкоторые носили букли и косы, другіе стригли коротко волосы и оставляли косу. Такую стрижку волосъ называли а-ла-вьержъ (à la vierge).

Послѣ французской революціи ввелись въ моду жабо выше подбородка, остриженныя головы à la Titus, à la guillotine, лорнеты и коротенькія косы flambeau d'amour. Императрицѣ Екатеринѣ такіе франты очень не нравились. Она приказала Чичерину нарядить всѣхъ будочниковъ въ ихъ нарядъ и дать имъ къ руки лорнеты. Франты послѣ того быстро исчезли. Къ описанному наряду необходима была и треугольная шляпа, которую носили прежде подъ мышкой, чтобы не смять волосъ. Въ 1785 году, явилась голландская и цилиндрическая англо-американская шляпа. И тогда только додумались, что шляпа существуетъ для того, чтобы носить ее на головѣ; въ это же время стали носить двое часовъ на длиннѣйшихъ цѣпочкахъ, которыя болтались по ногамъ, и вмѣстѣ съ этой модой между мужскимъ и женскимъ костюмомъ водворяется странное смѣшеніе: женщины носятъ камзолы, жилеты, жабо, мужскія рубашки, за то мужчины начинаютъ носить муфты. Въ рукахъ щеголя того времени непремѣнно должна была быть соболья или сдѣланная изъ длинной шерсти украинскихъ овецъ бѣлая муфта, называемая „манька“. Эти муфты составляли необходимую принадлежность во время прогулокъ пѣшкомъ, и всякій, имѣя ихъ въ рукѣ, входилъ даже въ гостиныя. Зимнее верхнее платье были шубы, почти такія же, какъ нынче, только съ той разницею, что ихъ крыли иногда шелковой матеріею, а иногда китайкой, и опушали бобромъ. Чиновники носили, кромѣ шубъ, „киреи“ и „винчуры“. Киреи крыли бархатомъ, казимиромъ и плисомъ; ихъ дѣлали съ небольшимъ мѣховымъ воротникомъ и съ рукавами. Винчуры носили богатые баре, потому что они дѣлались изъ дорогихъ мѣховъ; особенно славились драгоцѣнные мѣха волковъ туруханскихъ. У графа А. М. Мамонова была такая шуба, стоящая ему 15,000 рублей. Шапки носили зимою съ бобровыми околышками, шириною вершковъ въ пять, крытыя бархатомъ и съ большой шелковой кистью; чиновники носили бобровые и собольи картузы. Сапоги употребляли козловые; лакированные появились только въ 1800 году.

Съ воцареніемъ императора Павла I появились гоненія и указы противъ французскихъ модъ. Въ 1797 году, указомъ наистрожайше подтверждено, чтобы никто въ городѣ, кромѣ треугольныхъ шляпъ и обыкновенныхъ круглыхъ шапокъ, никакихъ другихъ не носилъ; затѣмъ позднѣе воспрещалось съ подпиской всѣмъ, въ городѣ находящимся, ношеніе фраковъ, жилетовъ, башмаковъ съ лентами, а также не увертывать шеи безмѣрно платками, галстухами или косынками, а повязывать ее приличнымъ образомъ, безъ излишней толстоты. Въ 1800 году, было обязательно для всѣхъ жителей Россійской имперіи, какъ состоявшихъ на службѣ, такъ и бывшихъ въ отставкѣ съ какимъ бы то ни было мундиромъ, военнымъ морскимъ или гражданскимъ, носить длиннополый прусской формы мундиръ, ботфорты, крагены, шпагу на поясницѣ, шпоры съ колесцами, трость почти въ сажень, шляпу съ широкими галунами и напудренный парикъ съ длинною косою.



Дамскія моды 1789 года.

По выраженію Державина, въ это время зашумѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и будто по завоеваніи города ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ.

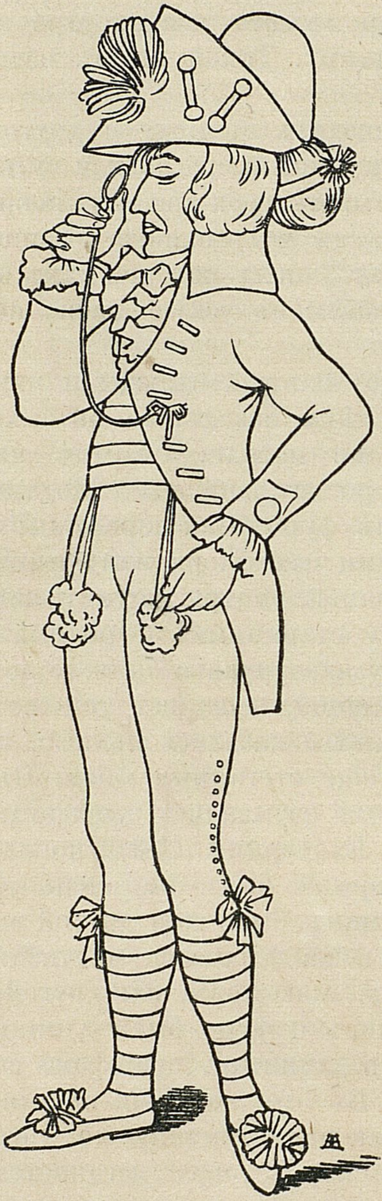
Съ воцареніемъ императора Александра мгновенно все измѣнилось.

Булгаринъ разсказываетъ: „Откуда-то вдругъ явилось у всѣхъ платье новаго французскаго покроя „à l'incroyable“, представлявшее собой рѣзкую и даже до каррикатуры преувеличенную реакцію прежней ощипанной, кургузой прусской формы. Въ прическѣ франтовъ появились какіе-то невѣдомые „oreilles de chien“, „эсперансы“ и, къ невыразимому ужасу павловскихъ блюстителей благочинія, первые модники вмѣсто форменной трости вооружились, по парижской республиканской картинкѣ, сучковатыми дубинами съ внушительнымъ названіемъ: „droit de l'homme“.

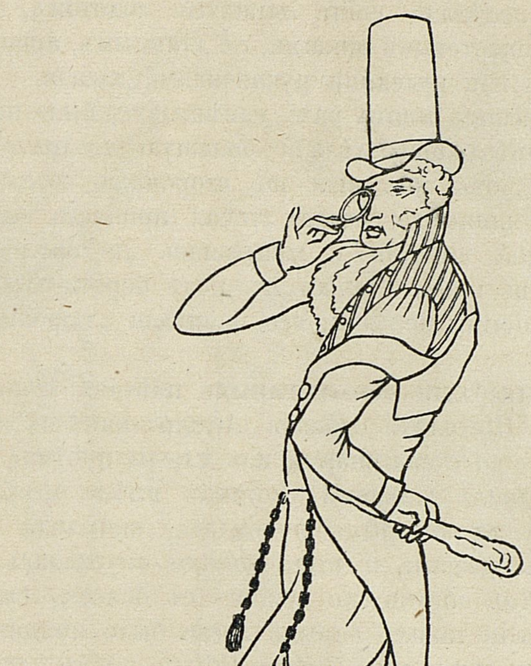
Интересно, что первымъ такимъ франтомъ на петербургскихъ улицахъ появился въ такой отчаянно-вольнодумной формѣ и съ такой либеральной палкой въ рукахъ извѣстный въ исторіи просвѣщенія М. Л. Магницкій. Такіе „невѣроятные“ львы тогда назывались „петиметрами“; они щеголяли также въ шляпахъ à la Robinson, въ чрезвычайно узкихъ брюкахъ съ узорами по бантамъ, въ сапогахъ à la husard. Портныхъ въ Петербургѣ иностранныхъ было только два, а самая дорогая фрачная пюсовая пара, изъ лучшаго англійскаго сукна, и панталоны, съ узорами по бантамъ à la husard, стòили 30 рублей, чтò считалось весьма дорого. Мужскіе наряды въ это время стали дѣлать изъ разноцвѣтныхъ суконъ, а также въ парадныхъ случаяхъ надѣвались бархатные фраки съ металлическими и перламутровыми пуговицами, при панталонахъ изъ кашемира или шелковаго трико, но всегда не одного цвѣта съ фракомъ, надѣваемыхъ подъ сапоги въ видѣ ботфортъ, съ желтыми иногда отворотами по утрамъ, но безъ нихъ послѣ обѣда. Черный галстухъ не существовалъ при фракѣ, а былъ въ употребленіи бѣлый, или атласный, или батистовый, съ батистовой рубашкой, манжетами и накрахмаленными брызжами; позже стали носить черные атласные галстухи съ брилліантовыми булавками, и это называлось американскою модою. Въ это же время стали появляться изрѣдка нынѣшнія брюки сверхъ сапоговъ со штрипками; называли ихъ тогда „веллингтонами“; первый ихъ ввелъ въ Петербургѣ извѣстный герцогъ Веллингтонъ, генералиссимусъ союзныхъ державъ и россійскій фельдмаршалъ, пожалованный императоромъ Александромъ I въ самый день Ватерлооскаго сраженія. Этотъ же герцогъ также ввелъ въ Петербургѣ въ моду свой узкій, длинный черный плащъ безъ рукавовъ, плотно застегнутый, въ которомъ онъ каждое утро прогуливался по Адмиралтейскому бульвару. Такой плащъ назывался въ то время воротникомъ (cols).

Въ это время входитъ въ моду и другой еще плащъ „à la Quiroga“, самый старинный; его носили чуть ли не римляне; имъ можно было обвертывать себя три раза вокругъ тѣла; вмѣстѣ съ нимъ стали входить въ моду сапоги со шпорами и усы, а также шляпы „à la Bolivar“, поля которой такъ были широки, что невозможно было пройдти въ узкую дверь, не обнажая своей головы.

Что касается до женской одежды и нарядовъ, бывшихъ въ употребленіи сто лѣтъ назадъ, то разныхъ кофтъ и шушуновъ въ то время не носили. Самымъ наряднымъ женскимъ платьемъ были „фуро“ и „роброны“. Мода эта держалась весьма долго, но въ фасонѣ фуро были перемѣны; иногда обшивали его блондами, накладками изъ флера или дымкой, а также серебряной и золотой бахрамой, смотря по тому, какая лучше подходила къ матеріи. Лифъ у старинныхъ фуро былъ очень длинный и весь въ китовыхъ усахъ; рукава были до локтя и обшитыя блондами, передъ распашной, юбка изъ той же матеріи, изъ которой фуро; чтобы платье казалось полнѣе, надѣвали фижмы изъ китовыхъ усовъ и еще стеганныя юбки. Въ 1793 году, были въ модѣ платья, которыя назывались „молдаванами“ (любимый нарядъ императрицы Екатерины II-й); носили также еще сюртучки, лифъ у которыхъ былъ не очень длинный, рукава въ обтяжку, юбка къ нимъ была изъ другой матеріи; если сюртучекъ атласный, то юбка флеровая, на тафтѣ. Къ сюртучку надѣвали камзольчикъ, глазетовый или другой, только изъ дорогой матеріи; у сюртучковъ и фуро были длинные шлейфы. Умѣнье граціозно управлять длиннымъ шлейфомъ считалось признакомъ аристократичнымъ. Въ это же время появляется „corps“—ужасная машина, сжимающая женщину до того, что она превращается въ статую; скоро „corps“ изгоняется корсетомъ, фижмы также перестаютъ носить, а замѣнили ихъ des „bouffantes“, которыя дѣлались изъ волосяной матеріи; кромѣ того, чтобы сдѣлать платье пышнѣе, употреблялось проклеенное полотно, называемое „la criarde“. Эта ткань шумѣла страшнымъ образомъ при малѣйшемъ движеніи. Модные цвѣта носили слѣдующія



Франтъ 1790 года.



Франтъ 1792 года.

названія: цвѣтъ заглушеннаго вздоха (soupir etouffé), совершенной невинности (candeur parfaite), сладкой улыбки (doux sourire), нескромной жалобы (plainte indiscrête) и т. д.

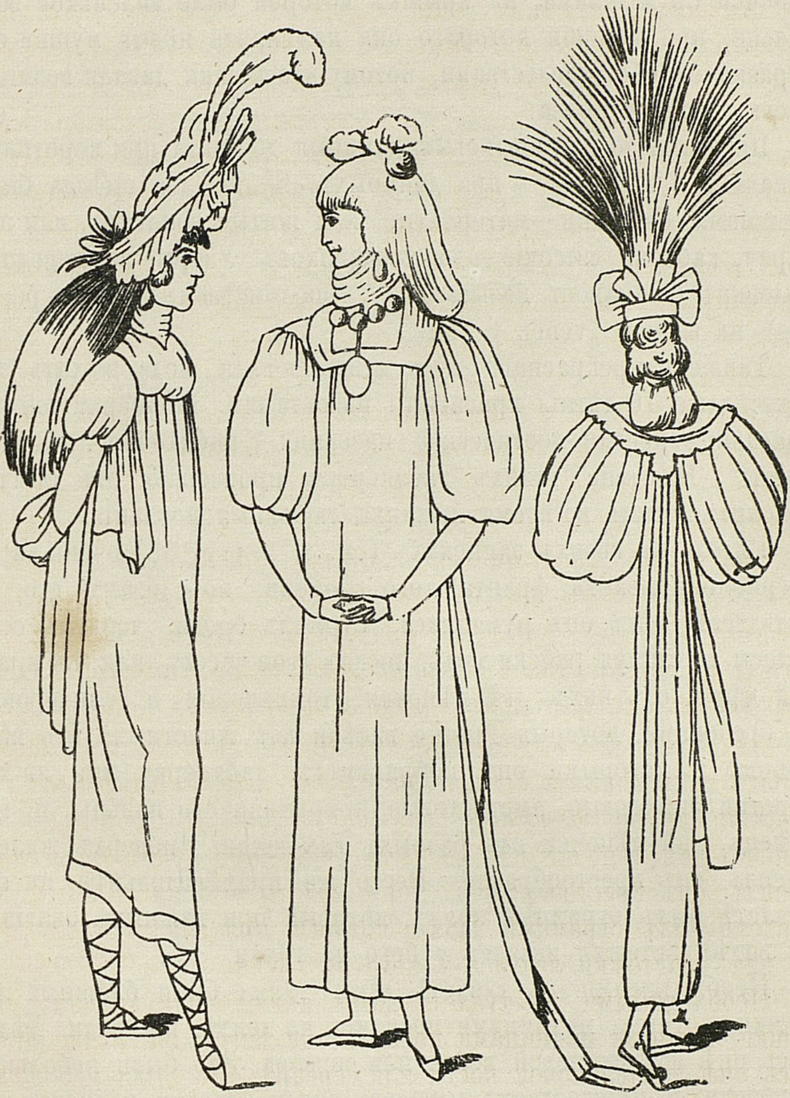
Ко двору надѣвали робы, вышитые золотомъ, каменьями, шелкомъ, съ глазетовыми юпками, съ длиннымъ, аршина въ полтора, хвостомъ или русскими рукавчиками назади.

Прическа волосъ много разъ измѣнялась; была низкая и высокая, посрединѣ головы дѣлали большую квадратную буклю; будто батарея, отъ нея шли по сторонамъ косыя крупныя букли, назади шиньонъ; всякая такая прическа была не менѣе полуаршина вышины и называлась „le chien couchant“; накладывали на голову также въ родѣ берета уборъ съ цвѣтами и страусовыми перьями; его называли „тюрбанъ“ и „шарлотта“.

Пудру употребляли всевозможныхъ цвѣтовъ: сѣренькую, бѣлую, палевую. Щеголиха одѣвала „пудеръ-мантель“ и держала длинную маску со стеклышками изъ слюды противъ глазъ, парикмахеръ пудрилъ дульцемъ. Богатые имѣли особые шкафы, внутри пустые, въ которыхъ пудрились; щеголиха влѣзала въ него, затворяла дверцы, и пыль нѣжно опускалась на голову. Фижмы, обшитые обручи, по аршину съ боковъ, сжимали одѣтую даму; издали такихъ барынь легко было принять за бочку или шлюпку съ парусами. Смѣшно было видѣть такихъ двухъ франтихъ въ большомъ четырехмѣстномъ берлинѣ. Онѣ корчились, прическа возносилась до имперіала, а огромныя фижмы торчали изъ оконъ кареты.

Искусство разрисовывать себѣ лицо было доведено до невѣроятности: дамѣ неприлично было являться въ обществѣ не нарумянившись; мало того, надобно было раскрашиваться до того, чтобы природныя черты лица совершенно скрывались подъ прикрасами. Иногда, какъ разсказываютъ современники, дамы сурмили брови такъ неловко, что одна бровь была толще, выше или ниже другой.

Налѣпляли тафтяныя мушки, начиная отъ величины гривенника до маленькой блестки. Эти мушки размножались до безчисленности; вырѣзывать ихъ и размѣщать по лицу было хитрымъ искусствомъ. Онѣ имѣли разныя имена, смотря по своей фигурѣ и по той части лица, на которую налѣплялись; мушка, обыкновенно вырѣзанная звѣздочкою, на срединѣ лба, называлась величественною, на вискѣ, у самаго глаза—страстною, на носу—наглою, на верхней губѣ—кокетливою, у праваго глаза—



Моды 1797 года.

тиранъ, крошечная на подбородкѣ—„люблю, да не вижу“, на щекѣ—согласіе, подъ носомъ—разлука.

Модница того времени не выѣзжала въ общество безъ коробочки съ мушками, на крышкѣ которой было маленькое зеркальце, при помощи котораго она налѣпляла новыя мушки сообразно съ обстоятельствами, потому что мушки давали возможность говорить молча.

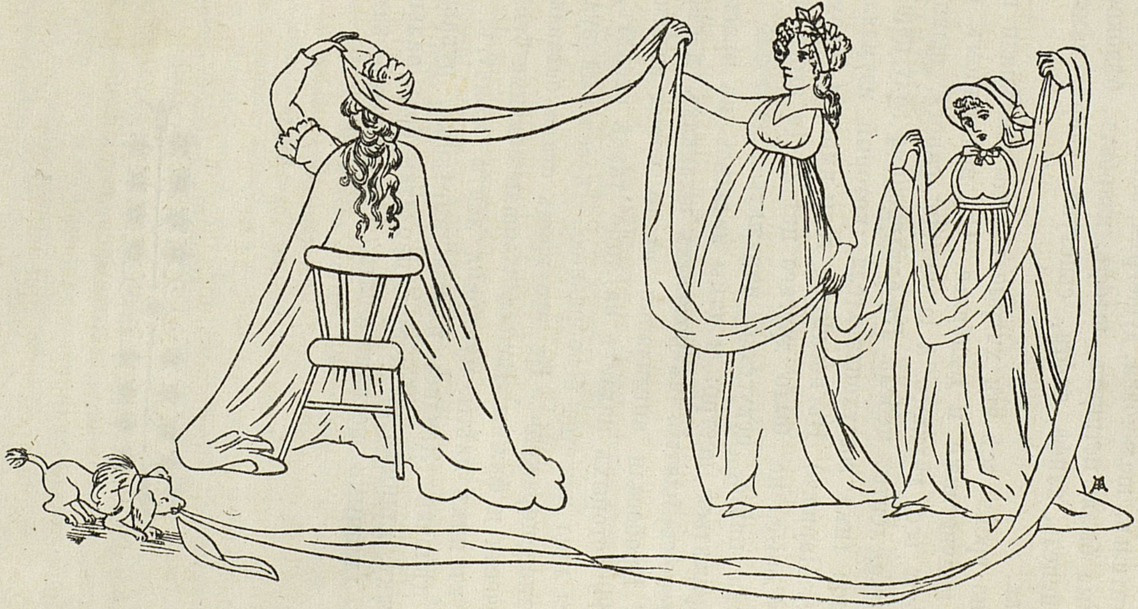
Перчатки носили шелковыя, длинныя до локтя при короткихъ рукавахъ и короткія — при длинныхъ. Чулки для выѣзда были шелковыя, башмаки—матерчатые, или шитые золотомъ, или изъ парчи, каблуки высокіе—до 3 вершковъ. Узоры на передней половинѣ башмаковъ назывались „вѣроломствомъ“ (coups perfides), на задней „venez y voir“.

Также у прекраснаго пола существовала мода нюхать табакъ; даже 16-лѣтнія красавицы нюхали его; табакерки юныхъ красавицъ носили поэтическое названіе: „кибиточки любовной почты“. Названіе такихъ табакерокъ произошло отъ обычая волокитъ класть во время нюханья любовныя посланія.

Вигель въ своихъ запискахъ (см. т. 2, стр. 83) очень характерно описываетъ франта того времени; по словамъ его, въ пятьдесять лѣтъ онъ румянился, сурмилъ брови, чернилъ себѣ волосы и, слѣдуя рабски модѣ, носилъ двое часовъ, или, по крайней мѣрѣ, отъ нихъ двѣ цѣпочки, томпаковыя и семилоровыя съ брелоками, которыя длинно висѣли изъ жилетныхъ его кармановъ и которыми онъ побрякивалъ; табакерки изъ яшмы, перстни бирюзовые, аметистовые, покрывали его пальцы, и, наконецъ, двѣ цѣпочки изъ разныхъ камешковъ, поверхъ жилета носилъ онъ крестообразно. Всего же примѣчательнѣе въ его туалетѣ былъ огромный лаллъ, который при важныхъ оказіяхъ въ видѣ застежки являлся у него на груди.

Необходимыми въ туалетѣ дамы также были блошныя ловушки, которыя модницами носились на лентѣ, на груди. Дѣлались онѣ изъ слоновой кости или серебра. Это были небольшія трубочки со множествомъ дырочекъ снизу глухихъ и вверху открытыхъ. Внутрь ихъ ввертывался стволикъ, намазанный медомъ или другою липкою жидкостью.

Жемчугъ употреблялся при нарядномъ платьѣ; считалось за стыдъ показаться въ собраніе безъ жемчуга на шеѣ. Называли жемчугъ „перло“. Брилліанты были исключительно принадлежностью высшаго круга общества. Самые модные духи были для богатыхъ „усладительные“, т. е. розовое масло и душистая цедра.



Моды 1797 года.

Теплая одежда была тоже разнообразна: „шубка длинный рукавъ“, у которой одинъ рукавъ былъ обыкновенной длины, а другой висѣлъ до полу. Шубы эти надѣвали въ парадныхъ случаяхъ. Затѣмъ была эпанча разныхъ фасоновъ, салопы, польки, мантильи, шельмовка, душегрѣй, шамлукъ, кантусъ. Матеріи модныя были: петинетъ, штофъ, изарбатъ, бѣлокосъ, грезетъ, транцепель, капфа, тафта, свистунъ, счиръ, камка и голевая камка.

Въ одно время всѣ эти хитрые наряды замѣняли простые: неглиже, полунеглиже и дезабилье. Съ появленіемъ въ 1811 году кометы все дѣлалось à la cométe: сапоги, шляпки, экипажи, платье, ленты, мебель. Въ слѣдующемъ году пошли цвѣта à la Deghen (имя воздухоплавателя, который изумлялъ въ то время весь Парижъ). Въ послѣдніе годы имперіи, кромѣ le bleu de Marie-Louise, не было другаго цвѣта. До этого излюбленнаго всѣми цвѣта, искусство наряжаться состояло въ томъ, чтобы наряжаться пестро: и дамы являлись въ красныхъ шаляхъ, зеленомъ платьѣ, въ розовыхъ шляпкахъ и сѣрыхъ ботинкахъ. Пробовали англичанки въ то время ввести зеленые вуали, отъ которыхъ падаетъ на лицо такой отсвѣтъ, что всякая краса лица кажется безобразною,—и зеленый вуаль потерпѣлъ полное пораженіе. Въ это время стали оставлять пудреныя прически и фижмы. Волоса убирали мелкими буклями, прикалывая къ нимъ цвѣты, пунцовыя ленты, жемчугъ, склаважи, золотыя цѣпочки. Явились платья вырѣзныя, рукава короткіе въ обтяжку, длинныя шелковыя перчатки безъ пальцевъ, башмаки съ длинными носками опять „стерлядкою“, какъ въ старину.

ПРИМѢЧАНІЯ И ССЫЛКИ НА ГЛАВНѢЙШІЕ ИСТОЧНИКИ.

1) Слово newa или newo на финскомъ языкѣ означаетъ болото.

2) См. „Полное собраніе лѣтописей“, т. V, стр. 225, т. VII, стр. 211.

3) См. Миллера „Sammlung Russ. Geschichte“ и его же „Ежемѣсячныя сочиненія“, мартъ, 1755 г.

4) 14-го апрѣля 1625 года, словолитчику Петру Соловну (von Solovn) въ Стокгольмѣ выдана была грамота на званіе русскаго типографщика.

5) См. соч. Я. Грота: „Петербургскій край до Петра Великаго“.

6) См. „Абевега русскихъ суевѣрій“, соч. М. Чулкова, Спб., 1786 г.

7) Изъ охтенскихъ поселянъ по указу Екатерины II (17-го декабря 1764 г.) поступило 20 человѣкъ плотниковъ изъ вѣдомства Адмиралтействъ-коллегіи въ вѣдѣніе императорскихъ театровъ, для исправленія машинъ и декорацій, по опытности ихъ въ этого рода работахъ. Такихъ театральныхъ охтянъ до сихъ поръ числится при театрахъ болѣе 25-ти человѣкъ; работы, на основаніи указа 1764 года, производятся при театрахъ ежедневно круглый годъ. Работникамъ полагается четыре оклада, по выслугѣ 30-ти лѣтъ имъ полагается отставка и полный пенсіонъ. Изъ среды ихъ выбирается одинъ старостой.

8) „Первыя русскія вѣдомости“, Спб., 1855 г., стр. 202.

9) Положивъ основаніе Петербурга въ 1703 году, Петръ озаботился о выгравированіи карты Ингерманландіи. Это дѣло было исполнено состоявшимъ въ его службѣ голландцемъ, Адріаномъ Шхонбекомъ, который вырѣзалъ на мѣди карту подъ названіемъ: „Географическій чертежъ надъ Ижерскою землею съ своими городами, уѣздами, погостами, церквами, часовнями і деревнями, со всѣми стоящими озерами, рѣками і потоками и прочая. Грыдыровалъ Адріанъ Шхонбекъ“. На этой картѣ Петербурга еще нѣтъ и, къ сожалѣнію, граверомъ не означенъ годъ.

10) Рѣка Сестра составляла границу у новгородцевъ.

11) См. Устрялова: „Исторія Петра Великаго“, и Пекарскаго: „Петербургская Старина“.

12) См. „Описаніе С.-Петербурга въ 1710 и 1711 гг.“.

13) См. „Городскія поселенія въ Россійской Имперіи“, Спб., 1864 г.

14) При Петрѣ улицы не имѣли названій; впервые онѣ получили названія въ 1737 году.

15) Работа предстояла гигантская: по исчисленію, каналовъ приходилось прорыть 259 верстъ, а укрѣпленія возвести на 17-ти верстахъ.

16) См. „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“, ч. CIV, стр. 38.

17) См. „Петербургъ въ 1720 году“, „Русская Старина“.

18) См. „Петербургъ въ 1720 году“. Записки поляка очевидца. „Русская Старина“, 1879 года.

19) Послѣ него завѣдовалъ работами архитекторъ Христофоръ Кондратовъ, затѣмъ строилъ архитекторъ прусской земли Ѳедоръ Швердъ-Ѳегеръ, послѣ этого строеніе лавры было поручено архитектору Михаилу Земцову, при немъ былъ коммиссаромъ Петръ Еропкинъ (казненный вмѣстѣ съ Волынскимъ въ 1740 году), затѣмъ уже былъ архитекторомъ итальянецъ Фосати и, послѣ него, Николай Жирардъ; впослѣдствіи, при Екатеринѣ II, строилъ главный соборъ архитекторъ Старовъ.

20) Причина такой медленной постройки была та, что рабочія руки отвлекались на постройку Смольнаго и Аничковскаго дворца.

20б) Читай 33 примѣчаніе: соч. Н. Костомарова „Очеркъ быта великорусскаго народа“.

21) Историкъ Соловьевъ, см. т. XXV, стр. 140, ошибочно говоритъ, что Петръ III погребенъ въ Духовской церкви.

22) См. „Полн. Собр. Закон.“, № 11,599.

23) См. „Историческ. статистическ. описаніе С.-Петербургск. епархіи“, т. VI, стр. 89.

24) О перенесеніи тѣла Петра III, Павелъ издалъ указъ 9-го ноября 1796 года.

25) См. „Русскій Архивъ“, 1872 г., стр. 150.

26) См. „Исторія Россійской іерархіи“, Амвросія, ч. 2, стр. 242.

27) По другимъ свѣдѣніямъ, барона Унгерништернберга.

28) См. „Русскій Архивъ“, 1872 г., стр. 690.

29) Де-Сангленъ (см. „Русская Старина“, XII, стр. 483) говоритъ, что Орловъ несъ за гробомъ корону; то же самое подтверждаетъ и Лубяновскій въ своихъ воспоминаніяхъ, см. „Русскій Архивъ“, 1872 г., стр. 150.

30) Вѣроятно, Гречъ видѣлъ мостки по льду. Трудно повѣрить, чтобы Нева въ декабрѣ, при сильныхъ морозахъ, не была еще подъ льдомъ.

31) См. о вторичномъ погребеніи Петра III въ „Русскомъ Архивѣ“, 1872 г., стр. 2,071.

32) См. „Екатерининскій пажъ“ — альманахъ на 1850 годъ, Москвитянина, стр. 67.

33) См. Н. Костомарова: „Очеркъ быта великорусскаго народа“.

34) См. „Русская Старина“, стр. 201, т. XX.

35) Домъ этотъ послѣ принадлежалъ сенатору А. У. Болотникову, затѣмъ камергеру И. Д. Асташеву. За послѣдніе годы онъ переходилъ въ руки многихъ владѣльцевъ.

36) См. Тихонравова: „Матеріалы для біографіи Ломоносова“.

37) Будучи адъюнктомъ, онъ жилъ на Васильевскомъ островѣ, при химической лабораторіи; однажды, осенью, вечеромъ, пошелъ онъ гулять къ заливу по Большому проспекту Васильевскаго острова. На возвратномъ пути, когда уже стало смеркаться, онъ проходилъ лѣсомъ по прорубленному проспекту, какъ вдругъ изъ кустовъ выскочили три матроса и напали на него. Ни души не было видно кругомъ. Онъ съ храбростію сталъ обороняться отъ этихъ трехъ разбойниковъ и такъ ударилъ одного изъ нихъ, что онъ не только не могъ встать, но долго не могъ опомниться. Другаго онъ ударилъ по лицу, тотъ весь въ крови кинулся въ лѣсъ, а

третьяго уже ему нетрудно было одолѣть. Онъ повалилъ его и пригрозилъ, что тотчасъ же его убьетъ, если онъ не скажетъ, что онъ хотѣлъ съ нимъ дѣлать; разбойникъ сознался, что только хотѣлъ ограбить и потомъ отпустить.—„А, каналья,— сказалъ Ломоносовъ: — такъ я же тебя ограблю!“ И воръ долженъ былъ снять съ себя все и связать своимъ же поясомъ въ узелъ и отдать ему. Положивъ узелъ на плечи, онъ принесъ его домой, и на другой день объявилъ о матросахъ въ Адмиралтействѣ.

38) Вотъ начало этой сатиры:

„Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ;
Будешь въ корпусѣ учитель,
Будешь вѣчный капитанъ.
Будешь, — и судьбы гласили, —
Ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ;
Лѣсъ и горы повторили:
Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ“.

39) И еще двухъ подобныхъ нравственныхъ книгъ, напечатанныхъ въ С.-Петербургѣ въ 1780-хъ годахъ.

40) На могилѣ сестры Полторацкаго—Агаѳоклеи, умершей въ 1815 году и погребенной здѣсь же, въ лаврѣ, находимъ эпитафію, сочиненную В. А. Жуковскимъ и не вошедшую въ его собраніе сочиненій; вотъ она:

„Какъ радость чистая, сердца влекла она;
Какъ непорочная надежда расцвѣтала!
Была невинность ей въ сопутницы дана,
И младость ей свои всѣ блага обѣщала.
Но жизнь ея — призракъ! Плѣнилъ насъ и исчезъ.
Лишь плачущимъ о ней гласитъ ея могила,
Что совершенное судьба опредѣлила
Не для земли, а для небесъ“.

41) Въ монументѣ вдѣланъ портретъ его и надъ нимъ ноты изъ оперы „Жизнь за царя“: „Славься же, славься, святая Русь“.

42) См. подробности объ Деласкари въ книгѣ С. Н. Шубинскаго: „Разсказы о русской старинѣ“.

43) См. „Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи“, т. VIII, стр. 511. Разсказъ этотъ записанъ со словъ извѣстнаго иподіакона Прохора.

44) См. „Русскій Архивъ“, 1875 г., т. II, стр. 174.

45) Лѣтомъ, на своей дачѣ, на Невѣ.

46[a]) См. Историко-статистическія свѣдѣнія о Петербургской эпархіи; описаніе Невскаго монастыря.

46) Первый оберъ-комендантъ Петербурга былъ Брюсъ, погребенный противъ алтаря въ крѣпости; первый губернаторъ Петербурга — князь Меншиковъ, а вице-губернаторъ—Яковъ Ник. Корсаковъ; первый петербургскій оберъ-полицеймейстеръ былъ Девіеръ.

47) Первое заселеніе лѣваго берега Невы небольшимъ числомъ иностранцевъ и служителей морскаго вѣдомства началось въ 1705 году. Иностранцы строили себѣ дома въ верху по теченію рѣки отъ Адмиралтейства, а служители въ противоположную сторону — внизъ по теченію.

48) См. „Записки графини Блудовой“.

49) Часы Сердюкова доставилъ въ Екатерингофскій дворецъ инженерный генералъ Сакеръ. Прочія же вещи были поднесены графу М. А. Милорадовичу потомками прежнихъ владѣльцевъ при ремонтировкѣ дворца.

50) См. его: „Театральныя воспоминанія“, Спб., 1859 г., стр. 61.

51) См. Пекарскій: „Петербургская Старина“, стр. 147.

52) См. Ал. Гречъ: „Весь Петербургъ въ карманѣ“.

53) Въ Кронштадтѣ, 23-го іюня 1764 года, сгорѣло въ три часа до 1,300 домовъ.

54) 12-го мая 1820 года, былъ большой пожаръ въ Царскомъ Селѣ, уничтожившій лицей и большую часть дворца, съ церковью. 9-го іюля 1876 года, другой большой пожаръ въ Кронштадтской гавани. Во время этого пожара большую услугу оказалъ капитанъ Гортонъ англійскаго линейнаго корабля „Глостера“, на которомъ прибылъ герцогъ Девонширскій.

55) См. замѣтку П. Бартенева, „Русскій Архивъ“, 1877 г., кн. III, стр. 228.

56) По другимъ разсказамъ, дымъ во дворцѣ былъ замѣченъ за три для до пожара, и въ эти дни скороходы то и дѣло бѣгали по комнатамъ дворца съ курильницами, чтобы ароматомъ духовъ заглушить дымный запахъ.

57) См. „Русскій Архивъ“, 1865 г., стр. 1692.

58) Архивъ съ драгоцѣннымъ собраніемъ историческихъ актовъ и документовъ, начиная съ 1768 года, помѣщавшійся надъ главною гауптвахтою, благодаря распорядительности статсъ-секретаря Леонтьева, въ количествѣ 69 большихъ шкафовъ, былъ перенесенъ въ цѣлости сперва на площадь, противъ Салтыковскаго подъѣзда, затѣмъ отвезенъ въ нанятый для этого частный домъ.

59) И. Лыжинъ (см. „Русскій Архивъ“, 1868 г., стр. 847) говоритъ, что работы на оледенѣвшей крышѣ производились плохими ломами и тупыми топорами.

60) Графъ Браницкій тотчасъ послѣ пожара просилъ позволить ему пожертвовать милліонъ, одинъ мѣщанинъ приносилъ весь плодъ своей бережливости—1,500 рублей.

61) 9-го ноября, театры по высочайшему повелѣнію были закрыты. 24-го ноября былъ первый спектакль въ пользу бѣдныхъ, пострадавшихъ отъ наводненія; давали трагедію „Пожарскій“ и „Принцесса Требизондская“, комедія-балетъ кн. Шаховскаго. См. „Записки Каратыгина“, стр. 125.

62) См. свящ. Опатовича: „Смоленское кладбище“.

63) Подобныхъ сценъ Мартыновъ видѣлъ множество; такъ онъ описываетъ: „У сосѣда моего, Гоф..., въ подвалѣ плавали двѣ утонувшія женщины, у другаго сосѣда, Геракова, потонуло семь человѣкъ; одна изъ этихъ жертвъ подноситъ ко лбу своему руку, съ тремя сложенными перстами, чтобъ перекреститься; другая — держитъ въ рукѣ двадцатипятирублевую бумажку“ и т. д.

64) Теперь дворцовая церковь во имя св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

65) М. Ф. Полторацкій, возведенный въ дворянство при Елисаветѣ, которая лично сочинила его гербъ, былъ первымъ директоромъ придворной пѣвческой капеллы, умеръ въ 1790 году въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

66) Кабинетская улица ведетъ отъ Разъѣзжей улицы къ 3-й линіи Семеновскаго полка, пересѣкаетъ Ивановскую (на углу Кабинетской прежде находился С.-Петербургскій университетъ); теперь университетское зданіе обращено въ Синодальное подворье.

67) См. „Сѣверная Пчела“, 1857 г., № 230, описаніе Аничковскаго дворца.

68) См. „Описаніе церкви Александра Невскаго въ собственномъ его императорскаго величества дворцѣ“, протоіерея Никандра Брянцева.

69) 28-го февраля 1752 года, въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ явилась публикація: „При канцеляріи святѣйшаго синода каждыя недѣли, въ пятокъ, по полудни, продаваться будетъ священнаго писанія Библія, которая начата по природноблагочестивѣйшему усердію, при жизни вседражайшаго родителя Петра Великаго и ея императорскаго величества, отъ святѣйшаго синода всеподданнѣйше поднесена. Духовнымъ и знатнѣйшимъ въ Петербургѣ и находящимся въ рангахъ военныхъ и штатскихъ, и купечеству всякому изъ нихъ желающихъ купить по пяти рублевъ книгу, токмо для всякаго его самого по единой съ имянною запискою“ и т. д.

70) Артиллерійская школа была близь Пушечнаго двора и Сергіевской церкви, на углу Захарьевской и Литейной. См. планъ С.-Петербурга 1728 года.

71) Только при Павлѣ Фонтанка вошла въ черту города.

72) Приписываемая этому же архитектору церковь св. Николая Морскаго, построена по плану архитектора Чевакинскаго и Башмакова.

73) Съ 1744 года встрѣчается постоянное различіе между большою и малою церквами; вѣроятно, въ этихъ годахъ на половинѣ императрицы была устроена другая церковь. Въ 1749 году, государыня приказала поставить надъ большою церковью пять, а надъ малою одну главу. Но Растрелли представилъ проектъ о невозможности помѣстить на крышѣ большой церкви болѣе трехъ глухихъ главъ. Императрица утвердила проектъ Растрелли. Въ придворной соборной церкви на подвижномъ амвонѣ, на оборотной его сторонѣ, находится мѣдная дощечка, съ надписью: „Устроенъ 1762 г., возобновленъ 1837 г.“; слѣдовательно, годъ освященія храма считается съ помѣщенія императорскаго семейства во дворцѣ.

74) Алек. Фил. Кокориновъ, род. 29-го іюля 1729 г., умеръ 9-го марта 1774 г., родился въ Сибири, ученикъ графа Растрелли, первый директоръ императорской академіи художествъ и строитель зданія.

75) Людовикъ-Каравакъ, гасконецъ, первоначально занимался миніатюрною живописью; лучшіе такіе портреты его списаны съ Бирона и его жены. Помощники его были русскіе живописцы: Андр. Матвѣевъ, Мих. Негрубовъ, Ѳед. Воробьевъ, Ив. Мелеховъ и Мих. Бѣляковъ. Иностранныхъ художниковъ при немъ было двое: Барталомеа Тарсія и Гезель. Каравакъ пользовался особеннымъ всеобщимъ уваженіемъ, чего въ то время не удостоивался почти ни одинъ художникъ. Живописецъ по декоративной части еще былъ при немъ Гуэрра и машинистъ Джибелли. (75 примѣчаніе относится къ стр. 154, строкѣ 13-й).

76) Послѣ пожара Зимняго дворца, бывшаго въ 1837 году, храмъ вновь освященъ 25-го мая 1839 года, во имя того же образа, митрополитомъ кіевскимъ Филаретомъ.

77) Потомъ бывшій епископомъ псковскимъ.

78) Извѣстный переводчикъ „Корана“ и авторъ комедій: „Такъ и должно“ и „Точь въ точь“, и многихъ другихъ сочиненій за подписью „Михалево“ (названіе его деревни), сдѣлался извѣстенъ еще императрицѣ Елисаветѣ слѣдующимъ образомъ: однажды, передъ обѣдомъ, прочитавъ какую-то нѣмецкую молитву, которая ей очень понравилась, императрица пожелала перевести ее порусски. Шуваловъ сказалъ императрицѣ: „Есть у меня человѣкъ, который изготовитъ вамъ переводъ къ концу обѣда“, и тотчасъ отослалъ молитву къ Веревкину. За обѣдомъ еще принесли переводъ. Онъ такъ понравился императрицѣ, что она наградила переводчика 20,000 рублями. Веревкинъ былъ другомъ Фонвизина и Державина.

79) Scherer, ч. 1, стр. 125.

80) Настоящая каменная церковь заложена была 2-го августа 1761 года и окончена и освящена 9-го апрѣля 1783 года.

81) Сынъ мужика, Дм. Шепелевъ, началъ свою карьеру смазкою колесъ придворныхъ каретъ при Петрѣ, послѣ былъ вагенмейстеромъ при Петрѣ II, получилъ александровскую ленту; сынъ его, гвардіи маіоръ, при Екатеринѣ былъ въ немилости, и только сынъ послѣдняго имѣлъ значительный чинъ и богатства.

82) По разсказамъ старожиловъ, въ послѣднихъ трехъ окнахъ этого дома была спальня Петра Великаго, въ которой онъ скончался. Прн постройкѣ новаго зданія на этомъ мѣстѣ, какъ передавалъ современникъ Екатерины II, старый дворцовый унтеръ-офицеръ, умершій въ 40-хъ годахъ, государыня приказала въ землю зарыть плиту съ надписью.

83) Надъ скатомъ этимъ, въ 1804 году, помѣщена французская галлерея картинъ.

84) См. „Возобновленіе Зимняго дворца“, А. Башуцкаго, Спб., 1839 г.

85) Существуетъ разсказъ: „Разъ, разговаривая съ преосвященнымъ Платономъ, Дидро ему шутя сказалъ:—Вѣдь Бога нѣтъ!—Что жъ, вы не новость говорите,—отвѣтилъ послѣдній:—гораздо ранѣе васъ сказалъ царь Давидъ: „рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“.

86) См. его книгу: „Черты Екатерины Великой“, Спб., 1819 г., и „Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великой“, Спб., 1832 г.

87) Чучело этого коня и сѣдло государыни до настоящаго времени хранятся въ конюшенномъ музеѣ.

88) См. „Семейство Разумовскаго“, соч. А. Васильчикова.

89) См. Кокса: „Travels into Poland Russia“ etc.

90) Въ 1790 и 1794 году, Екатерина пожертвовала для украшенія собора Невской лавры собраніе картинъ фламандской школы, въ числѣ которыхъ была и эта картина работы Рубенса; тамъ же на горнемъ мѣстѣ изъ этихъ картинъ: „Благовѣщеніе“, работы Рафаэля Менгса; „Вознесеніе“, Рубенса; „Спаситель, благословляющій“, Вандейка, и много другихъ.

91) Основой этой коллекціи послужило собраніе изъ 4,500 экземпляровъ античныхъ геммъ, принадлежавшихъ нѣкогда маркизу дю-Шатель.

92) См. „Русскій Архивъ“, 1870 г., стр. 1155.

93) См. „Русскую Старину“, 1872 г., т. V.

94) Когда капельмейстеръ Чимароза сдѣлалъ въ первый разъ предложеніе этой артисткѣ ѣхать въ Россію, то Габріэль запросила 12,000 рублей жалованья въ годъ на всемъ готовомъ. Чимароза ей отвѣтилъ, что фельдмаршалы его государыни не получаютъ такого оклада. Габріэль ему отвѣчала: „Ваша великая государыня можетъ дѣлать фельдмаршаловъ сколько ей угодно, а Габріэль одна въ свѣтѣ“.

95) Маркези, кастратъ, пѣлъ высокимъ голосомъ женскаго регистра, выходилъ на сцену въ роляхъ женскихъ.

96) Тоди—пѣвица-красавица, не имѣвшая соперницъ въ Европѣ. Извѣстна была своей связью съ графомъ Безбородко.

97) Мандини—извѣстный баритонъ-красавецъ. Про него писалъ графъ Ростопчинъ (см. „Русскій Архивъ“, 1876 г., ч. 4): „Наши дамы обезумѣли. Пѣвецъ оперы-буффъ Мандини доводитъ ихъ до крайнихъ дурачествъ. Изъ-за него онѣ спорятъ, завистничаютъ, носятъ девизы, которые онъ имъ раздаетъ. Княгиня Долгорукая апплодируетъ ему одна, внѣ себя кричитъ изъ своей ложи: „фора“, „браво“, а княгиня Куракина съ восторгомъ разсказываетъ, что Мандини провелъ у нея вечеръ въ шлафрокѣ и „ночномъ колпакѣ“; жена его, парижанка, легкомысленная женщина, повсюду принята ради мужа“.

98) Марокети, или Маркети, очень талантливый буффъ, славился въ то время комическою игрою и пѣніемъ; его ученикъ былъ Як. Степ. Воробьевъ. Онъ первый изъ русскихъ артистовъ пѣлъ поитальянски и въ роляхъ комическихъ обладалъ необыкновенно сообщительною веселостью. Дочь его была замужемъ за И. И. Сосницкимъ.

99) Гонзаго, родомъ изъ Турина, ученикъ Гальмани, прославился своими декораціями въ Венеціи, откуда и былъ вызванъ въ Петербургъ. Онъ первый постигнулъ тайну театральной живописи и началъ писать декораціи не какъ комнатныя фрески, тщательно отдѣланныя во всѣхъ подробностяхъ, но прямо на полу, на разостланномъ холстѣ, и не картинною живописью, а набросомъ и нерѣдко наливомъ красокъ, часто растушеванныхъ ногою, и это ножное маранье при искусномъ освѣщеніи превращалось въ божественные виды, съ воздушною далью и красотами луннаго и солнечнаго свѣта. Его декораціи, писанныя имъ для театра Фениче въ Венеціи, во время карнаваловъ выставлялись, какъ образецъ возможнаго совершенства сценической живописи. Эти декораціи всегда возбуждали крики публики: „E vive Gonzago!“ Лѣтъ восемь тому назадъ мы видѣли его работы декорацію, она висѣла на послѣдней стѣнѣ Александринскаго театра, изображала она видъ замка, и уже лѣтъ двадцать не употреблялась, какъ декорація. По разсказамъ, она давалась въ „Гамлетѣ“. Нѣкоторыя изъ его декорацій еще недавно были цѣлы въ подмосковномъ селѣ князя Юсупова.

100) Бригонци — поэтъ, механикъ и архитекторъ Царскосельскаго театра, потомъ неудачный строитель фундамента государственнаго банка на Садовой, послѣднее предпріятіе довело его до сумасшествія, въ припадкѣ котораго онъ бросился въ Фонтанку изъ Лѣтняго сада. По смерти его императрица Екатерина запретила употребленіе на Эрмитажномъ театрѣ машинъ и различныхъ проваловъ.

101) Напечатанная въ 1772 г. (см. „С.-Петерб. Вѣдом.“, 13-го ноября 1772 г.), продавалась она по 70 коп. за экземпляръ.

102) См. „С.-Петерб. Вѣстникъ“, 1779 г., сент., ст. Штелина.

103) Въ Екатерининское время, въ аристократическомъ обществѣ были въ большомъ обыкновеніи спектакли изъ лицъ высшаго общества. Тогда славились двѣ труппы благородныхъ артистовъ: одна играла у графини Головкиной, другая — у княгини Долгорукой; въ первой извѣстны были своею игрою: сама графиня Головкина, дѣвица Конноръ, Растопчинъ, князь П. М. Волконскій и Окуловъ; во второй—графъ П. А. Шуваловъ, баронъ Строгановъ, графъ Комаровскій и извѣстный посолъ римскаго императора, графъ Кобенцель. Онъ имѣлъ прекрасный талантъ къ театру. Про него ходилъ анекдотъ: „Однажды послѣ спектакля графъ пріѣхалъ домой такъ утомленный, что легъ въ постель нераздѣвшись. Едва онъ заснулъ, какъ камердинеръ его будитъ и вводитъ курьера, пріѣхавшаго къ нему отъ имени императора. Графъ Кобенцель вскочилъ съ постели. Курьеръ, увидя его съ насурмеными бровями, нарумяненнымъ, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, сказалъ: „Это не посолъ, а какой-то шутъ!“

Существуетъ разсказъ, что безсмертный творецъ „Недоросля“, Д. И. Фонвизинъ, тоже обладалъ рѣдкимъ сценическимъ талантомъ подражать всякому голосу и представлять въ смѣшномъ видѣ каждаго. Императрица Екатерина, по совѣту графа Н. И. Панина, позвала его въ Эрмитажъ, гдѣ онъ и представилъ фельдмаршала, гр. Разумовскаго, князя Голицына, князя Вяземскаго и Фил. Ал. Кара, спорившихъ за вистомъ, а г. Бецкаго—разсуждавшаго о казенныхъ заведеніяхъ: Воспитательномъ домѣ и Ломбардѣ, безпрестанно останавливая ихъ игру, — такъ искусно, будто сами тутъ находились. Государыня смѣялась много, и сказала Фонвизину, что остается довольна новымъ съ нимъ знакомствомъ.

*

104) Когда князь Бѣлосельскій былъ взятъ изъ полковниковъ въ камеръ-юнкеры, то онъ, по словамъ В. С. Попова (извѣстнаго статсъ-секретаря Екатерины II), благодарилъ государыню и за себя, и за полкъ за избавленіе отъ худаго полковника.

105) Бальтазаръ Галуппи, итальянецъ, былъ вызванъ Екатериною въ Россію старикомъ 63-хъ лѣтъ, онъ нашелъ нашъ оркестръ въ очень печальномъ видѣ, не умѣвшимъ отличить простыхъ оттѣнковъ piano и forte.

106) См. разсказы графини Головиной, записанные княземъ Вяземскимъ.

107) Въ императорскомъ эрмитажѣ, въ залѣ разныхъ камней, теперь помѣщаются не менѣе этихъ замѣчательные часы, извѣстные подъ названіемъ „Стасеровы“; видомъ они представляютъ древній греческій храмъ. Музыка въ нихъ раздѣлена на два оркестра и состоитъ изъ сочиненій Моцарта и Гайдна. Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія часы эти розыгрывались въ лотерею въ Петербургѣ, гдѣ они и были сдѣланы. Въ этихъ годахъ, въ Либавѣ жила бѣдная старушка, вдова пастора Герольта. Разъ осенью, вечеромъ, проѣзжаетъ черезъ этотъ городъ русскій офицеръ, слѣдовавшій въ нашу армію за границу. Онъ проситъ пріюта у старушки, та радушно принимаетъ его, угощаетъ ужиномъ и даетъ на ночь спальню. При отъѣздѣ она не беретъ съ него никакой платы, офицеръ проситъ хотя на память отъ него принять лотерейный билетъ, купленный имъ за пять рублей въ Петербургѣ, и отъ души желаетъ ей на него выиграть розыгрываемые въ 80,000 рублей часы. Билетъ этотъ старушка беретъ и кладетъ за зеркало, гдѣ онъ долго валяется всѣми забытый. Между тѣмъ, лотерея была розыграна, и въ третій разъ былъ объявленъ выигрышный нумеръ, но счастливецъ не являлся. Какъ-то къ пасторшѣ зашелъ почтмейстеръ и, замѣтивъ лотерейный билетъ, полюбопытствовалъ посмотрѣть, не выигралъ ли онъ, и тотчасъ узналъ, что на него палъ выигрышъ. Старушка долго отыскивала добраго офицера, подарившаго ей билетъ, но послѣдній, вѣроятно, погибъ на войнѣ. Пасторша, наконецъ, рѣшилась продать часы, которые и были куплены нашимъ Эрмитажемъ за 20,000 рублей, съ производствомъ пожизненной пенсіи по тысячѣ рублей въ годъ. (107 примѣчаніе относится къ стр. 212, строкѣ 32-й).

108) Все время царствованія Екатерины, ее преслѣдовала мысль о покореніи Турціи. Она даже заказала медаль, на одной сторонѣ которой представленъ былъ: Константинополь въ огнѣ, падаютъ минареты и мечети въ развалинахъ, надъ всѣмъ этимъ сіялъ крестъ въ облакахъ и видна была надпись: „Потщитеся, и низринется“; на другой сторонѣ: „Божіею милостію Екатерина II, имп. самод. Всероссійская, заступница вѣрнымъ“, и другая надпись: „Поборнику православія“. Государыня всегда мечтала о возрожденіи грековъ и славянъ. Она дала новое имя дому Романовыхъ, окрестя своего внука Константиномъ, и приставила къ нему няньку-гречанку и камердинера-грека (гр. Курута). Она также учредила греческій кадетскій корпусъ и Херсонскую епархію.

109) Екатерина II приказала ихъ дѣлать въ 16 рублей изъ пуда, въ томъ уваженіи, что колывано-вознесенскіе сибирскіе заводы въ пудѣ мѣди содержатъ до 1 золотника золота и 31 золотникъ серебра, а отдѣленіе этихъ благородныхъ металловъ стоило дорого.

110) Въ царствованіе Екатерины II, по разсчету монетнаго двора, всего въ обращеніи серебра было на 80 милліоновъ рублей, золота немного болѣе, какъ на одинъ милліонъ рублей, и мѣдной монеты на 47 милліоновъ рублей.

111) Для размѣна на наличныя деньги были учреждены два промѣнные банка въ Петербургѣ и Москвѣ.

112) См. соч. Попова: „О балансѣ торговомъ“, Спб., 1831 г.

113) Мѣдь въ то время покупали въ Москвѣ по 7 рублей за пудъ.

114) При постройкѣ Царскосельской желѣзной дороги, станцію предполагали сдѣлать на Фонтанкѣ, на углу Введенскаго канала, гдѣ былъ домъ и мѣсто г. Парланда; послѣдній, впрочемъ, не сошелся въ цѣнѣ съ Обществомъ.

115) Издержки за каждую сажень каменной одежды обходились: сперва 182 руб., подъ конецъ цѣна дошла до 300 руб., всего пространства считалось до 3,000 саженъ.

116) Названіе дано отъ Прачешнаго двора.

117) См. „Русскій Архивъ“ 1886 года, № 3, стр. 370.

118) Всѣхъ такихъ масонскихъ ложъ въ Петербургѣ съ 1787 по 1826 годъ существовало до двадцати. Про эти ложи въ городѣ ходило немало таинственныхъ разсказовъ; простонародіе говорило, что въ нихъ творится одно нечистое, что тамъ вызываютъ бѣсовъ, дѣлаютъ заклинанія и т. д. Слово „фармазонъ“ считалось большимъ ругательствомъ. Вотъ названія ложъ, существовавшихъ въ столицѣ: „Безсмертія“ (открытая въ 1787 году), въ числѣ братьевъ здѣсь были лица и духовнаго званія; „Розенкрейцерская“ (основана въ 1791 году) подъ управленіемъ О. А. Поздѣева; „Соединенныхъ друзей“ (1802 годъ) основана Жеребцовымъ; въ 1805 году ложа Александра „des gekrönten Pelikans“, мастеръ Розенштраухъ; въ 1808 году „Умирающаго Сфинкса“ подъ управленіемъ Лабзина; въ 1809 году „Палестины“ и „Елизаветы къ Добродѣтели“, великимъ мастеромъ былъ богатый тульскій помѣщикъ А. С. Сергѣевъ; въ 1810 году „Петра къ Истинѣ“ и „Владиміра къ Порядку“, первою управлялъ Элизенъ, второю — Беберъ; въ 1814 году „Св. Георгія“, основана была въ Мобежѣ, мастеромъ былъ А. И. Тургеневъ; въ 1815 году „Пламенѣющей Звѣзды“, мастеръ баронъ Корфъ; въ этомъ же году, была основана „Великая ложа Астрея“, мастеръ Остерманъ-Толстой; въ томъ же году — „Ложа избраннаго Михаила“, мастеръ гр. Ѳ. П. Толстой; затѣмъ „Трехъ Добродѣтелей“, подъ управленіемъ Павла Ланскаго; въ 1817 году ложа „Сѣверныхъ Друзей“ и „Соединенныхъ Друзей“, въ послѣдней былъ мастеръ французскій эмигрантъ Оде-Сіонъ, инспекторъ классовъ въ Пажескомъ корпусѣ. Собранія друзей происходили въ подземельѣ Мальтійской церкви, подземный ходъ изъ которой велъ чуть ли не на Фонтанку; подземелье это, если не ошибаемся, существуетъ еще до сихъ поръ. Въ 1817 году, была еще основана въ Петербургѣ ложа „Дубовой Долины“; въ 1818 году „Ложа Орла Россійскаго“, мастеромъ стула въ которой былъ князь Ив. Ал. Гагаринъ; въ этомъ же году была открыта ложа „Орла Бѣлаго“, гдѣ мастеромъ стула былъ графъ Ад. Ржевускій и послѣ него Олешковичъ; въ этомъ же году была открыта ложа „Орфея“, мастеромъ въ ней былъ графъ Гр. И. Чернышевъ.

Въ 1822 году, вышло первое запрещеніе масонскихъ ложъ и въ 1826 году явилось подтвержденіе этого запрещенія.

119) См. „Истор.-статистич. свѣдѣнія Спб. епархіи“, 1873 г., стр. 389.

120) См. „Воспом. Д. Благово“, стр. 14.

121) См. „Памятникъ протекшихъ временъ“.

122) См. его „Записки о императрицѣ Екатеринѣ“.

123) См. „Жизнь Державина“, стр. 65.

124) Мѣсто, которымъ владѣло Троицкое подворье, выходило въ глубь къ нынѣшней Владимірской улицѣ.

125) Послѣ этого Марта стала именоваться Екатериною Алексѣевною Михайловою: Екатериною — по своей воспріемной матери, царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и Алексѣевной — по своему воспріемнику, которымъ былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, а Михайловой потому, что эту фамилію, какъ извѣстно, носилъ самъ царь, въ честь своего державнаго дѣда.

126) Умерла въ 1733 году.

127) Нынѣшняя Троицко-Сергіевская пустыня.

128) Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій, бывшій священникъ украинской вотчины цесаревны Елисаветы, села Понорницы. Мѣстечко Понорница, Черниговской губерніи, Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, отобрано было у Шафирова.

129) См. его книгу „Russische Günstlinge“.

130) См. „Матеріалы для исторіи Пажескаго корпуса“, графа Милорадовича, Кіевъ, 1876 г.

131) Манштейнъ въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ: „Со времени Петра I вошло въ обыкновеніе при дворѣ много пить. Однако же, сего сказать нельзя о времени императрицы Анны, поелику она не могла видѣть пьянаго человѣка. Только одному Куракину было позволено пить, сколько ему хотѣлось. Но, чтобы не предали вовсе въ забвеніе столь старинный обычай много пить, 29-го января, день восшествія императрицы на престолъ обыкновенно посвящался Бахусу, т. е. пьянству. Въ сей день, каждый придворный, стоя предъ ея величествомъ на колѣняхъ, обязанъ былъ выпить большой бокалъ венгерскаго вина“.

Но едва ли когда с.-петербургская администрація такъ заботилась о возвышеніи казенныхъ интересовъ въ ущербъ народной нравственности и народнаго благосостоянія, какъ въ царствованіе Анны Ивановны. Жадный къ деньгамъ Биронъ, стоявшій во главѣ управленія, злонамѣренно спекулировалъ на наживу, опираясь на историческую слабость русскаго народа. Намѣреніе же извлекать казенные интересы изъ распространенія въ народѣ пьянства выразилось во многихъ печатныхъ указахъ того времени. Такъ, указомъ 21-го апрѣля 1734 года запрещалось подъ опасеніемъ штрафа продавать въ Петербургѣ въ трактирахъ и вольныхъ домахъ вывозимую изъ-за моря гданскую водку, дабы не было остановки въ продажѣ казенныхъ дорогихъ россійскихъ водокъ и казнѣ ея величества убытку не происходило. Указомъ 30-го января 1736 года устроены были отъ казны для усиленія продажи вина выставки на всѣхъ островахъ. На этихъ выставкахъ вино продавалось въ чарки, полукружки, кружки, четверти и т. д. Для сбора денегъ выставлены солдаты изъ людей добрыхъ, чтобы продажа производилась безъ обмѣровъ, а деньги опускали бы они въ ящики за печатями. Всѣхъ вольныхъ домовъ или кабаковъ было въ 1736 году 120; въ томъ же году, было прибавлено еще 10 кабаковъ на Петербургской сторонѣ.

132) См. М. И. Семевскаго: „Царица Прасковья“.

133) Вотъ имена этихъ первыхъ охотниковъ: Вабершенцъ, Миллеръ, Вильсонъ, Броунъ, Жанъ Дюбуа и Люисъ Жое. Англичане получали жалованье по 280 руб., нѣмцы по 180 руб. и французы по 200 руб. Для травли звѣрей были собаки борзыя англійскія „хорты“ и „тарсіеры“, „биклосы“, и затѣмъ были собаки для труфли. Клички собакъ были: Отланъ, Скозырь, Трубей, Гальфестъ—въ числѣ болѣе сорока разныхъ породъ собакъ, было до 20-ти русскихъ разныхъ породъ.

134) См. Штретера: „Путеводитель Петербурга“, 1822 года.

135) У Державина былъ еще другой домъ въ Петербургѣ, на Сѣнной площади; онъ отдавалъ его въ наймы подъ съѣзжую; полиція неисправно ему платила, и онъ не разъ жаловался на то графу Палену, петербургскому военному губернатору. Прежде онъ жилъ въ немъ, здѣсь у него былъ сосѣдомъ извѣстный И. И. Голиковъ, тогда еще откупщикъ петербургскій, впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ извѣстность изданіемъ „Дѣяній Петра Великаго“.

136) Академикъ Гротъ разсказываетъ: „Когда я, въ концѣ 1859 года, посѣтилъ этотъ домъ, главныя комнаты верхняго этажа занималъ тогда епископъ Станесскій;

кабинетъ поэта служилъ столовою; надъ венеціанскимъ окномъ была прибита дощечка изъ бѣлаго мрамора, съ надписью: „Здѣсь былъ кабинетъ Державина“.

137) См. соч. Державина, съ примѣч. Грота, часть I, стр. 440: „Почто же, мой второй сосѣдъ!“ и проч.

138) И, ахъ, сокровища Тавриды
На баркахъ свозишь въ пирамиды
Средь полицейскихъ ссоръ?

139) См. „Церковь Успенія Божіей Матери, что̀ на Сѣнной“, статья протоіерея Іоанна Образцова.

140) См. статью: „Столѣтіе Гостинаго двора“, въ „Новомъ Времени“, за 1885 г

141) При Петрѣ улицы мостились хворостомъ.

142) Этотъ первый черезъ Неву мостъ былъ устроенъ на плашкоутахъ, число послѣднихъ было около 30.

143) Впослѣдствіи эту модель Фальконетъ уничтожилъ, послѣ ссоры съ Бецкимъ. Другой первый опытъ этого художника, по пріѣздѣ въ Петербургъ, былъ — отлить изъ бронзы фигуру, вытаскивающую изъ ноги терновую иглу.

144) См. „Monument élevé à la gloire de Piérre le Grand par le comte Marin Carbouri de Ceffaloni“, Paris, 1777.

145) Интересная жизнь этого авантюриста и отравителя своихъ трехъ женъ описана въ „Разсказахъ о русской старинѣ“, С. Н. Шубинскаго, Спб., 1871 г.

146) Къ 21-му февраля камень былъ отвезенъ на 1 версту 126 саженъ.

147) Содержаніе его съ тремя подмастерьями обошлось конторѣ строенія домовъ и садовъ въ 25,882 рубля.

148) На статую употреблено 11,001 пудъ 1 фунтъ бронзы и, сверхъ того, для равновѣсія лошади пошло 250 пудовъ желѣза.

149) Эту роговую музыку оркестровалъ придворный музыкантъ, Марешъ; онъ первый разъ игралъ при дворѣ императрицы Елисаветы, въ 1753 году.

150) См. „Нарожденіе царицы Гремиславы“. Ода посвящена Л. А. Нарышкину.

151) Графъ д'Артуа, послѣ бывшій французскій король Карлъ X, жилъ въ Петербургѣ, на Большой Морской, въ домѣ Левашова (впослѣдствіи Донауровой) и въ этомъ домѣ получилъ печальное извѣстіе о судьбѣ Людовика XVI. Графъ д'Артуа въ этотъ вечеръ долженъ былъ быть на праздникѣ, данномъ Екатериной въ честь его пріѣзда, но праздникъ обратился въ трауръ. На другой день, въ католической церкви происходила торжественная панихида. Державинъ на этотъ случай написалъ оду: „Звукъ слышу муссикійскій въ стонѣ“ и проч.

152) Въ 1860-хъ годахъ, было установлено закономъ, что вышина дома не должна превосходить ширину улицы, гдѣ онъ стоитъ, и не быть выше 11-ти саженъ и не менѣе 5½ аршинъ. Это мудрое постановленіе теперь позабыто.

153) См. Грота: „Жизнь Державина“.

154) См. „Записки Блудовой“.

155) См. его книгу: „Петербургъ въ исходѣ XVIII столѣтія“.

156) См. книгу: „Князь Безбородко“, соч. Н. Григоровича.

157) См. „Русск. Архивъ“ за 1877 годъ.

158) См. „Записки Державина“.

159) Имя этого танцмейстера сохранилось въ Павловскѣ, въ названіи „Пиковаго переулка“, гдѣ послѣдній имѣлъ свою дачу.

160) См. письма Екатерины къ Гримму.

161) См. „Hermann“, VII, 109.

162) См. „Русскую Старину“, 1875 г., т. XVI.

163) См. „Русскій Вѣстникъ", 1875 г.: „Отецъ и сынъ", статья де-Пуле.

164) В. А. Плавильщиковъ былъ родной братъ П. А. Плавильщиквва, извѣстнаго актера и автора многихъ театральныхъ пьесъ. У него былъ еще третій братъ, А. А. Плавильщиковъ, статскій совѣтникъ, извѣстный тоже своею ученой дѣятельностью.

165) На этомъ мѣстѣ во времена Петра по праздничнымъ днямъ собирались разные мастеровые, крестьяне и т. д.; подгулявъ въ кружалѣ (кабакѣ), они разбивались на двѣ стороны и вступали въ кулачный бой. Обыкновенно, такія схватки происходили съ дикими криками и не безъ серьёзнаго кровопролитія. Иностранцы, видя, что въ подобные безпорядки не вмѣшивалась полиція, думали, что они допускались для пріученія молодыхъ людей къ бою, чтобы изъ нихъ впослѣдствіи выходили хорошіе солдаты.

166) По другимъ источникамъ, съ 1780 года; послѣднее извѣстіе надо считать болѣе близкимъ къ правдѣ.

167) См. „Воспоминанія Алекс. Мих. Каратыгиной".

168) П. И. Страховъ (1757—1813 гг.), профессоръ опытной физики, другъ Еф. Ив. Кострова, секретарь Хераскова и извѣстный переводчикъ и сотрудникъ изданій Н. Ив. Новикова.

169) Въ то время, на верхней линіи было 24 мѣховыя лавки, торговали еще два травяника, Гокашкинъ и Балашовъ, и затѣмъ помѣщалось еще 18 мебельныхъ лавокъ; въ одной изъ послѣднихъ, подъ № 123, купецъ Хабаровъ продавалъ и отдавалъ на прокатъ маскарадные костюмы.

170) Петръ Татариновъ, авторъ множества патріотическихъ стихотвореній, во время Крымской войны, поэмы „Пассажъ" и затѣмъ водевиля „Папиросы съ сюрпризами".

171) См. „Литературный Листокъ", 1824 г., мартъ, № 5; „Сѣверный Архивъ" и „Сѣверную Пчелу".

172) Аблесимовъ написалъ въ своемъ журналѣ „Собраніе забавныхъ басенъ", Спб., 1781 г., слѣдующую эпиграмму на такихъ купцовъ:

„Престранное то дѣло:
Купечество свое кидаетъ ремесло,
Пускаяся изъ нихъ иные смѣло,
Собой умножить чтобъ военное число,

Повидимому, ясно:
И всякъ степенный мужъ объ ономъ мнитъ согласно;
Дала судьба имъ хлѣбъ, такъ дай же имъ и честь,
У нихъ де ужъ теперь довольно денегъ есть"...

173) Кстати сообщаемъ, что деревянный Александринскій театръ былъ построенъ въ 1801 году, а каменный, въ нынѣшнемъ видѣ, въ 1832 году; Михайловскій—въ 1833 году; Каменноостровскій—въ 1827 году.

174) Она напечатана на итальянскомъ языкѣ, безъ русскаго перевода. Обычай печатать итальянскія либретто на двухъ языкахъ явился гораздо позже.

175) У Пушкарева названъ Томономъ этотъ Томо (Tomeau).

176) Вотъ одинъ анекдотъ изъ жизни этой актрисы. Однажды, желая доказать свою привязанность къ императору, она вздумала попросить у него портрета. Наполеонъ, взявъ горсть брилліантовъ и двадцати-франковую монету съ своимъ изображеніемъ, подалъ ихъ актрисѣ: „Le voici,—сказалъ онъ:—et que ceci vous contente".

177) Павелъ былъ введенъ въ нѣсколько масонскихъ ложъ своимъ наставникомъ, графомъ Панинымъ, который былъ членомъ во многихъ масонскихъ ложахъ.

178) См. „Memoires of the baroness Oberkirch".

179) Стихи эти де-Сангленъ приписываетъ моряку Акимову.

179б) Кавалерами Мальтійскаго ордена пожалованы были всѣ придворные священники гораздо ранѣе, въ 1798 году.

Одинъ митрополитъ Гавріилъ не принялъ Мальтійскаго ордена; онъ говорилъ, что русскому архіерею неприлично вступать въ католическій орденъ. Гавріилъ былъ первымъ митрополитомъ с.-петербургскимъ; онъ управлялъ епархіей долѣе всѣхъ, бывшихъ послѣ него (1770—1801 гг.) митрополитовъ, исключая нынѣшняго митрополита Исидора.

180) Работалъ эту балюстраду серебряныхъ дѣлъ мастеръ Бухъ, исправлявшій должность датскаго агента во время царствованія Екатерины II. Императрица одно время подозрѣвала его, что онъ сообщалъ ея разговоры въ Копенгагенъ.

181) См. его разсказъ: „Русская Старина", 1874 г.

182) См. „Русская Старина", январь, 1882 г.

183) Стулъ и столикъ, у котораго сиживалъ Павелъ, стоитъ во дворцѣ, въ Павловскѣ, въ комнаткѣ близь парадныхъ сѣней, во второмъ этажѣ, у окна.

184) Мостикъ этотъ снятъ вскорѣ послѣ воцаренія Александра I.

185) См. „Достопамятный годъ моей жизни".

КОНЕЦЪ.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ КНИГѢ „СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ“.

А.

Авраамій, инокъ Александро-Невской лавры, прожившій 115 лѣтъ, 40.

Аграѳена, пѣвица цыганскаго хора, 403.

Азаревичъ, танцовщица, 395.

Айвазовы („Наталья“ и „Маша“), актрисы, 380.

Аксаковъ, Серг. Тимоѳеев., писатель, 256.

Алабердеевъ, С. А., оберъ-шталмейстеръ, 250.

Алабуевъ, штыкъ-юнкеръ, учитель артиллерійской школы, 144.

Александра Александровна, великая княжна, 24.

Александра Ѳеодоровна (Шарлотта-Фредерика-Луиза-Вильгельмина, принцесса прусская), императрица, 98, 140, 177.

Александръ I Павловичъ, императоръ, 42—44, 104, 126—128, 139, 177, 193, 214, 230, 231, 287, 302—304, 330, 336—338, 341, 347, 388, 413, 414, 417.

Александръ II Николаевичъ, императоръ, 98, 233, 374.

Александръ Ярославовичъ Невскій Святой, великій князь владимірскій, 21, 22, 46.

Алексій, схимонахъ Александро-Невской лавры, бесѣдовавшій съ Александромъ I, 42—44.

Алексѣй, танцоръ цыганскаго хора Хлѣбникова, 404.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, 12, 231.

Алексѣева, Екатер. Ив., камчадалка, прислуга Екатерины II, 174.

Алена („Бурбукъ“), старуха-плясунья цыганскаго хора, 403.

Амвросій (Подобѣдовъ), митрополитъ новгородскій и петербургскій, 361.

Андреевъ, Иларіонъ, священникъ Ямской Предтеченской церкви, 142.

Аничковъ, М. О., подполковникъ, основатель Аничковской слободы, 133, 234.

Анна Ивановна, императрица, 56—58, 72, 145, 152, 232, 241, 242, 244, 363.

Анна Леопольдовна (Елисавета-Екатерина-Христина, принцесса брауншвейгъ-люнебургская), правительница Россіи, 24.

Анна Петровна, царевна, 24.

Анна Терентьевна, пѣвица-красавица цыганскаго хора, 402.

Аннушка:

— (Анна Ивановна), юродивая, 328, 329.

— Цыганка-танцовщица, 400.

Антоненъ, танцоръ, 393.

Антоній (Рафальскій), петербургскій митрополитъ, 45.

Анюта („Пучекъ"), пѣвица цыганскаго, хора, 402.

Апраксины:

— Гр. Ѳедоръ Ѳедоров., ген.-лейтен., 237.

— Степ. Ѳедор., генералъ-фельдмаршалъ, 63, 74.

Апфельбаумъ, фокусникъ, 322.

Аракчеевъ, гр. Алексѣй Андреев., генералъ-отъ-кавалеріи, военный министръ, 414.

Араповъ, Пименъ Никол., писатель и театралъ, 38.

Арбеневы:

— Асафа Ивеличъ, генералъ-аншефъ, 287, 288.

— Марѳа Ив., 287, 288.

Аргамаковъ, адъютантъ лейбъ-баталіона Преображенскаго полка, 373.

Арескинъ, лейбъ-медикъ, 34.

Архаровъ, Никол. Петр., петербургскій генералъ-губернаторъ, 358.

Асташевы:

— В. И., 274.

— И. Д., камергеръ, 274.

Б.

Балашовъ, В., танцоръ, 89, 387.

Батовъ, Ив. Андреев., знаменитый русскій фабрикантъ скрипокъ, 335—337.

Баратынскій, Евгеній Абрамов., поэтъ, 38.

Бастидонъ, португалецъ, камердинеръ Петра III, тесть поэта Державина, 169.

Бауръ, Ѳед. Вилимов., генералъ-поручикъ, 227.

Безбородко:

— Александ. Андреев., свѣтл. князь, дѣйств. тайн. совѣтн., государств. канцлеръ, 193, 279.

— Кн. Клеопатра Ильиниш. См. Лобанова-Ростовская.

Бенкендорфъ, гр. Александ. Христофоровичъ, ген.-адъют., шефъ корпуса жандармовъ, 120, 121.

Березинъ, А. Н., петербургскій городской голова, 314.

Берилова, Наст. Парѳентьев., придворная танцовщица, 40.

Бестужевъ-Рюминъ, гр. Алексѣй Петр., генералъ-фельдмаршалъ, государственн. канцлеръ, 141.

Бецкій, Ив. Ив., дѣйствит. тайн. сов., президентъ акад. художествъ, 24, 33, 172, 174, 266.

фонъ-**Биронъ:**

— Густавъ, генералъ, 64.

— Іоганъ-Эрнстъ, герцогъ курляндскій, регентъ и правитель Россіи, 56—58.

Богдановичъ, Ипполитъ Ѳедоров., писатель, 162.

фонъ-**Болесъ**, спичечный и столярный мастеръ, 233.

Болина, оперная пѣвица, 390.

Бонъ, Джироламо, „комедіяльныхъ дѣлъ мастеръ", 156.

Бренна, архитекторъ, 357.

Бриганцій, театральный механикъ, 385.

Брызгаловъ, Ив. Семен., бригадиръ, кастелянъ Михайловскаго замка, 322, 326, 377.

Брюсъ:

— Гр. Яковъ Александр., ген.-аншефъ, главнокомандующій С.-Петербурга, 204.

— Романъ Вилимов., ген.-лейт., петербургскій оберъ-комендантъ, 13, 52.

Будашевъ, посланный на государеву службу въ Ижерскій погостъ, 4.

Булатовъ, актеръ, 392.

Булгаковъ, директоръ почтоваго департамента, 284.

Булгаринъ, Ѳаддей Венедикт., литераторъ и журналистъ, 332, 334, 335.

Бутенброкъ, рожд. Лисицына, крѣпостная артистка Столыпина, 380.

Бутурлинъ, Ив. Ив., „князь папа", 52.

Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе, князья:

— Александръ Михаил., оберъ-шенкъ, 240.

— Зинаида Александ. См. Волконская.

Бѣляевъ, мичманъ гвард. экипажа, спасавшій людей въ наводненіе 1824 г., 120, 121.

В.

Вадковскій, славившійся хоромъ роговой музыки, 70.

Вальбергъ, Ив. Ив., главный балетмейстеръ императорскихъ театровъ, 387.

Вальберхова, актриса, 353, 379.

Ванжура, баронъ, 209.

Варлаамъ, въ мірѣ Вас. Антип. Высоцкій, архимандритъ, духовникъ Екатерины I и Анны Ивановны, 241, 242.

Варя:

— Пѣвица цыганскаго хора Соколова 403.

— Солистка цыганскаго хора Шишкина, 402.

Васильевъ, Николай, ученикъ зодчаго гр. Растрелли, 151.

фонъ-деръ-**Вейде**, Адамъ Адамов., инженеръ, генералъ, 40.

Веланжъ, танцоръ, 393.

Веллингтонъ, Артуръ Веллеслей, герцогъ, князь Ватерлооскій, генералиссимуссъ союзныхъ державъ, 428, 429.

Венедиктъ (Коптевъ), іеродіаконъ Невскаго монастыря, инквизиторъ, 48.

Веревкинъ, офицеръ, гадальщикъ на картахъ, 170.

Вильбуа, Никита Петр., контръ-адмиралъ, 257.

Віельгорскій, графъ, 272.

Воейковъ, Александ. Өедор., писатель и журналистъ, 261.

Возницынъ, Александръ, капитанъ морской службы, принявшій іудейскую вѣру, 146.

Волковъ, дѣйств. стат. сов., помощникъ директора императорскихъ театровъ, 393.

Волконская, княг. Зинаида Александр., рожден. княж. Бѣлосельская-Бѣлозерская, 240.

Волынскій, Артемій Петр., кабинетъ-министръ, 250.

Воробьевъ, Яковъ Степанов., актеръ, 386.

Воронихинъ, Андрей Никиф., профессоръ архитектуры, 40.

Воронцовы:

— Гр. Мих. Илар., канцлеръ, 243.

— Гр. Ром. Илар., канцлеръ, 35, 252.

— Елисав. Романов., камеръ-фрейлина, фаворитка Петра III, 170.

— Марөа Ив., рожд. Сурмина, по первому браку кн. Долгорукая, 252.

— Мих. Сем., свѣтлѣйшій князь, фельдмаршалъ, генер. отъ инфант., ген.-адъютантъ, кавказскій намѣстникъ, 35.

Воронцовы-Дашковы, графы:

— Алек. Кирил., 273.

— И. И., 272, 273, 279.

Всеволожскій, Всевол. Андреев., дѣйств. камергеръ, петербургскій крезъ, 415, 416.

Вяземскіе, князья:

— Александ. Алексѣев., дѣйств. тайн. совѣтн., генералъ-прокуроръ, 33.

— Петръ Андреев., поэтъ и критикъ, 38.

Г.

Гавріилъ (Петровъ), петербургскій митрополитъ, 46, 47, 168.

Гагарины, князья:

— Богданъ, орѣховскій намѣстникъ и воевода, 4.

— Матв. Петр., губернаторъ Сибири, 306.

— П. Серг., директоръ императорскихъ театровъ, 395.

— С., винный откупщикъ, 313.

— Сергѣй Серг., директоръ императорскихъ театровъ, 395.

Гамбуровъ, актеръ, 387.

Ганинъ, знаменитый богачъ, 409, 410, 416.

Ганнибалъ, Авраамъ Петр., генералъ-аншефъ, прадѣдъ поэта Пушкина, 34.

Гарнеръ, банкиръ, 217.

Гарновскій, Михаилъ, полковникъ, 256, 257, 293.

Гваренги, архитекторъ, 172, 173.

Гедеоновъ, Александ. Мих., дѣйств. стат. сов., директоръ императорскихъ театровъ, 396.

Гемнихъ, управляющій театральною конторою, 395.

Герардъ, инженеръ-генералъ, 19, 102.

Германъ, полковникъ, оказавшій помощь въ наводненіе 1824 г., 121.

Гика, валахскій и молдавскій князь, 34, 35.

Гіанфонелли, танцоръ, 387.

Глинка, Мих. Ив., композиторъ, 40, 55.

Глѣбовъ, А. И., генералъ-прокуроръ, 248.

Гнѣдичъ, Никол. Ив., писатель, 36, 38.

Голашевская, купчиха, раскольница, 230.

Голенищевъ-Кутузовъ, Илларіонъ Матв., 102.

Голиковъ, Ив. Ив., авторъ исторіи Петра Великаго, 268.

Голицыны, князья:
— Александ. Никол., ст.-секр., оберъ-прокуроръ св. синода, главноупр. дѣл. иностр. исповѣд. и министръ народ. просв., впослѣд. канцлеръ россійск. орденовъ, 230.
— А. М., 24.
— Евдокія Мих., рожд. Измайлова, 45, 46.
— П. А., секундъ-маіоръ Измайловскаго полка, 205.

Головины:
— Гр. Ѳедоръ Алексѣев., генералъ-адмиралъ, 18, 74.
— Оберъ-камергеръ, 12.
Головкинъ, гр. Гавр. Ив., государств. канцлеръ и сенаторъ, 52.
Гольдони, итальянскій композиторъ, 344.
Гонзаго, декораторъ, 385.
Гордѣевъ, ваятель академіи художествъ, 267.
Гордѣй, цѣловальникъ, кулачный боецъ, 410.
Гороховъ, одинъ изъ популярнѣйшихъ купцевъ, 314.
Григорій (Постниковъ), петербургскій митрополитъ, 45.
Григорьевъ, Ап. Н., писатель, 402.

Груша:
— Пѣвица цыганскаго хора Ивана Васильева, 403.
— Танцовщица цыганскаго хора Шишкина, 402.
Густавъ IV, король шведскій, 276.

Д.

Даргомыжскій, Александ. Сергѣев., композиторъ, 40.
Деденевъ, Алексѣй, петербургскій домовладѣлецъ, 243.
Делагарди, гр. Яковъ, шведскій полководецъ, 5.
Деламотъ, архитекторъ, 172.
Дембровскій, танцоръ, 395.
Демидовъ, Прок. Акин., знаменитый заводчикъ, 338.
Дергаловъ, торговецъ-антикварій, 335.

Державины:
— Гавр. Романов., поэтъ, министръ юстиціи, 32, 169, 238, 240, 253—256, 273, 288, 290, 296, 314.
— Ек. Як., рожденная Бастидонъ, супруга поэта, 39, 253.
Дидло, знаменитый хореграфъ, 393.
Димитрій (Сѣченовъ), митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, 168.
Дмитревскій, Ив. Аф., актеръ, 200, 201, 383, 384.
Дмитрій, пѣвецъ хора Шишкина, цыганскій Рубини, 404.
Долговъ, подрядчикъ по устройству набережной р. Фонтанки, 225, 226.
Долгорукіе, князья:
— Вас. Владим., стольникъ, впослѣд. генералъ-фельдмаршалъ, 24.
— Ю. В., винный откупщикъ, 313.
Достоевскій, Ѳедоръ Мих., писатель, 38.
Дрезденша, содержательница увеселительнаго заведенія, 147.

Дубянскіе:
— Камергеръ, 242.
— Ѳедоръ, протоіерей, духовникъ Елисаветы Петровны, 141, 146, 242.
Дюваль, придворный ювилеръ, 424.
Дюкъ-Серра-Капріоли, неаполитанскій посланникъ въ Петербургѣ, 230.
Дюпоръ, танцоръ, 391.

Е.

Евграфъ Егоровичъ, шкатулочникъ-силачъ, 322.
Егоръ, танцоръ цыганскаго хора Соколова, 403.
Ежова, актриса, фаворитка кн. А. А. Шаховскаго, 394.
Екатерина I Алексѣевна, императрица, 51, 54, 72, 74, 84, 108, 241, 243.
Екатерина II Алексѣевна, императрица, 26, 29—32, 46, 47, 52, 56, 72, 88, 89, 110, 112, 113, 138, 146, 166, 169, 170, 172—187, 189, 192—216, 221, 229, 240, 258, 263—265, 267, 289, 290, 292—297, 300, 314, 323, 325, 344, 346, 347, 350, 363, 418, 420, 422, 425, 429.
Екатерина Павловна, великая княгиня, 139.
Елагинъ, Ив. Перф., директоръ театра, президентъ главной масонской ложи, 33, 408.

Елисавета Александровна, великая княжна, 33.

Елисавета Петровна, императрица, 18, 24, 72—74, 80, 102, 134, 136, 141, 146, 156—158, 161, 168, 181, 182, 186, 225, 226, 246.

Елисавета („Турчиха“), пѣвица цыганскаго хора, 402.

Ерсманъ, Бенуа, литейный мастеръ, 266.

Ж.

Жерамбо, баронъ, офицеръ наполеоновскихъ гусаровъ смерти, 322.

Жербинъ, богатый купецъ, 340.

Жоржъ, французская артистка, 354, 355.

Жуковскій, Вас. Андреев., поэтъ, 38, 92.

З.

Завадовскій, гр. Петръ Вас., директоръ ассигн. банка, министръ народн. просвѣщ. и презид. департ. законовъ въ госуд. совѣтѣ, 193, 238—240.

Зановичи, графы, два брата, поддѣлыватели ассигнацій, 223.

Захаровъ, Анд. Дмитр., архитекторъ, 20.

Земцовъ, архитекторъ, 134.

Зоричъ, Семенъ Гавр., генер.-лейт., фаворитъ Екатерины II, 224, 325.

Зотовы:

— Захаръ, камердинеръ Екатерины II, 29, 30.

— Кон. Ник., контръ-адмиралъ, 52.

— Никита Моисеев., дьякъ челобитнаго приказа, учитель Петра I, впослѣд. графъ и тайный совѣтникъ, 12.

Зубовъ, кн. Платонъ Александр., генералъ-адъютантъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, членъ государств. совѣта, 30, 253, 296, 425.

И.

Иванушка, придворный шутъ, 370.

Иванъ III Антоновичъ, императоръ, 56, 161.

Иванъ Васильевъ, начальникъ цыганскаго хора, 401—403.

Илія, новгородскій инокъ XVI вѣка, истребитель язычества въ Ижорской землѣ, 8.

Имсенъ, аптекарь, предвидѣвшій наводненіе 1824 г., 128.

Иннокентій (Борисовъ), архіепископъ херсонскій, 33.

I.

Іовъ (Потемкинъ), екатеринославскій архіепископъ, 298.

Іосифъ II, императоръ австрійскій, 70, 189.

К.

Кавосъ, архитекторъ, 355.

Калабинъ, Родіонъ Аркадьев., цыганскій композиторъ, 404.

Кампенгаузенъ, Бальтазаръ Бальтазаров., государственный контролеръ, 236.

Канціани, балетмейстеръ, 387.

Каравакъ, Л., художникъ, 154.

Карамзинъ, Никол. Мих., исторіографъ, 38, 304.

Каратыгины:

— Васил. Андреев., трагикъ, 394.

— Ол. Дм., балерина (впослѣд. **Ефремова**), 284.

Карбури (онъ же графъ **Цефалони**), придумавшій перевозку камня для памятника Петру I, 265.

Карелинъ, Сила Дементьев., капельмейстеръ, управлявшій хоромъ Вадковскаго, 72.

Карлъ:

— XII, шведскій король, 6.

— XIII, шведскій король, 276.

Катенинъ, Пав. Александр., писатель, 394.

Катя, пѣвица-красавица цыганскаго хора, 401.

Кельбергъ, кассиръ ассигнаціоннаго банка, 238—240.

Кингстонъ, графиня, 256, 257, 293.

Климовъ, аудиторъ, спасшій 12 человѣкъ въ наводненіе 1824 г., 121.

Княжнинъ, актеръ, 383.

Козловы:

— Ив. Ив., поэтъ-слѣпецъ, 38.

— Парикмахеръ Екатерины II, 179.

Кокошкинъ, Ѳедоръ Ѳедор., писатель, 393.

Коллотъ, французженка-скульпторъ, 266, 267.
Копьевъ, Алек. Данил., острякъ-поэтъ, 384, 350, 358.
Копѣйкинъ, скряга, отказывавшій въ помощи во время наводненія 1824 г., 124.
Корфъ, баронъ (впослѣд. графъ), Модестъ Андреев., статсъ-секретарь, членъ госуд. совѣта, 38.
Костровъ, Ермилъ Ив., поэтъ, 164.
Кочубей, гр. Викт. Павл., министръ внутр. д., впослѣд. предсѣд. госуд. совѣта, 229.
Кошелевъ, Р. М., шталмейстеръ, 243.
Краніортъ, шведскій генералъ, 10.
Крутицкій, актеръ, 387.
Крыловъ, Иванъ Андреев., баснописецъ, 36, 38, 217, 326—328, 385.
Ксенія (Григорьевна Петрова, жена придворнаго пѣвчаго), юродивая, 158, 159.
Кузьминъ, секретарь Екатерины II, 174.
Кулибинъ, Ив. Петр., механикъ, 301, 302.
Кульневъ, Яковъ Петр., генер.-маіоръ, 369.

Куракины, князья:
— Александ. Борисов., вице-канцлеръ, потомъ посолъ въ Парижѣ, 244.
— Винный откупщикъ, 313.
Кусовы:
— Вас. Григ., купецъ-благотворитель, 338.
— Ив. Вас., „патріархъ русскаго купечества“, 338, 340.

Л.

Ланской, Александ. Дмитр., фаворитъ Екатерины II, 204.
Лау, капельмейстеръ, управлявшій хоромъ Потемкина, 70.
Левашевъ, В. И., генералъ, 214, 216.
Леклеръ, Петръ, колокольный мастеръ, 232.
Леманъ, содержатель балагана на Адмиралтейской площади, 91, 92.
Леночка, пѣвица цыганскаго хора Шишкина, 404.
Лестокъ, гр. Германъ, лейбъ-медикъ Елисаветы Петровны, 63, 246—248.
Лисицына, актриса. См. Бутенброкъ.
Листъ, Францъ, композиторъ, 401.
Лихутьевъ, князь, разбойникъ, 144.
Лобановы-Ростовскіе, князья:
— Александ. Яков., генералъ-адъютантъ, 278, 279.
— Клеопатра Ильин., рожденная Безбородко, 278.
Логиновъ, богатый купецъ, откупщикъ, пріятель кн. Потемкина, 314.
Ломоносовъ, Мих. Вас., академикъ, писатель, 35, 36, 159, 160—162.
Лонгиновъ, Мих. Никол., тайн. совѣт., начальникъ главн. управ. по дѣл. печати, библіографъ, 38.
Лужковъ, Алексѣй Ив., коллеж. ассес., унтеръ-библіотекарь, 213.
Любовь Васильевна, пѣвица цыганскаго хора, 402.

М.

Магницкій, Мих. Леонт., дѣйств. стат. совѣт., попечитель Казанск. учебн. округа, 428.
Магнусъ II, король шведскій, 4.
Майковъ, Аполлонъ Александр., директоръ императорскихъ театровъ, 393, 394.

Макарій:
— Архіепископъ новгородскій, впослѣд. митрополитъ московскій, 8.
— (Хворостинъ), іеромонахъ, оберъ-инквизиторъ при св. синодѣ, 48.
Макарьевна (вдовица Ольга), пустосвятка, 329.
Малышевъ, Ѳома, ефрейторъ, подвергавшійся опасности въ наводненіе 1824 года, 121.
„Малярка“, пѣвица цыганскаго хора Соколова, 404.
Мамоновъ, гр. А. М., 426.
Мамонтовъ, Иванъ, капитанъ, 142.

Маня:
— Пѣвица цыганскаго хора Васильева, 403.
— („Цыпочка“), пѣвица цыганскаго хора Шишкина, 404.
Марешъ, капельмейстеръ, основатель хора роговой музыки, 70.
Маринъ, С. Н., флигель-адъютантъ Александра I, стихотворецъ, 39.
Марія Александровна, великая княжна, 24, 33.
Марія Алексѣевна, царевна, 12.
Марія Ѳеодоровна (Доротея-Софія-Ав-

густа-Луиза, принцесса виртембергская), вторая супруга императора Павла I, 304.

Мартели, Александръ, мастеръ „штукатурной композиціи“, 154.

Мартинели, смотритель картинной галлереи въ Эрмитажѣ, 213.

Мартыновъ, Ив. Ив., профессоръ и журналистъ, 117, 118, 120.

Марѳуша („Татарка“), танцовщица цыганскаго хора Шишкина, 402.

Матинскій, авторъ комической оперы „Санктпетербургскій Гостинный дворъ“, 319.

Матрена, пѣвица цыганскаго хора, 403.

Матрена Сергѣевна, старуха-пѣвица цыганскаго хора, 403.

Маша („Козликъ“), пѣвица цыганскаго хора, 403.

Меллинъ, полковница, замѣнявшая мужа по службѣ, 364.

Мелиссино, Петръ Ив., ген.-отъ-артил., директоръ артиллер. и инженер. кадет. корпуса, 34.

Меншиковы:
- — Гаврила, корабельный мастеръ, 64.
- — Кн. Александръ Данилов., генералиссимусъ, 12, 22, 51, 52, 74, 170, 269, 270.
- — Купецъ, получившій одинъ изъ первыхъ дворянство, 340.

Миллеръ, мичманъ, спасавшій людей въ наводненіе 1824 г., 121.

Миллеръ-Бендеръ, нѣмецкая пѣвица, 392.

Милорадовичъ, гр. Мих. Андреев., петерб. воен. ген.-губернаторъ, 80—82, 90, 114, 128, 302, 395.

фонъ-**Минихъ,** гр. Бурхардъ-Христофоръ, ген.-фельдмаршалъ, 206.

Михайло, пѣвецъ цыганскаго хора, 403.

Михаилъ (Десницкій), петербургскій митрополитъ, 45.

Михаилъ Павловичъ, великій князь, 98.

Мишель, столяръ, украшавшій рѣзьбою Зимній дворецъ, 154.

Модерахъ, генералъ, строитель Аничкова моста, впослѣд. пермскій губернаторъ, 236.

Модюи, Антоанъ-Франсоа, архитекторъ, 104, 355.

Монферанъ, Огюстъ Рикаръ, архитекторъ, 81.

Москвинъ, Емельявъ Яков., основатель богадѣльни при церкви Сампсонія Страннопріимца, 25.

Москвичевъ, Дмитрій, провинціальный актеръ, 382, 383.

Мошковъ, Петръ, домашній расходчикъ при дворѣ Екатерины I, 64.

Мусоргскій, Мод. Петр., композиторъ, 40.

Мятлевъ, директоръ ассигнаціоннаго банка, 238.

Н.

Нарцисъ, негръ-шутъ Петра III, 169.

Нарышкины:
- — „Ближній стольникъ“, 250.
- — Кир. Ал., 12.
- — Левъ Александр., оберъ-шталмейстеръ, 208, 387—391.
- — М. А., супруга Сем. Кирил., 273.
- — Семенъ Кирил., генералъ-аншефъ и оберъ-егермейстеръ, 187, 273.

Насоновъ, архитекторъ, 257.

Настя, солистка цыганскаго хора Шишкина, 402.

Наталія Алексѣевна:
- — (Августа-Вильгельмина, принцесса гессенъ-дармштадская), первая супруга Павла Петровича, 24.
- — Царевна, дочь Алексѣя Михайловича, 24, 25, 33.

Наташа, пѣвица цыганскаго хора Шишкина, 402.

Неплюевъ, генералъ, орловскій богачъ, 191, 192.

Нестеровъ, сенатскій оберъ-фискалъ, 48.

Никаноръ (Клементьевскій), петербургскій митрополитъ, 45.

Николай („Хапило“), октавистъ цыганскаго хора, 403.

Николай Николаевичъ Старшій, великій князь, 140.

Николай I Павловичъ, императоръ, 90, 92, 94, 96—99, 138—140, 304, 324, 412.

Новикова, В. Б., актриса („Варенька Столыпинская“), 380.

Новосильцева, Е. В., фрейлина императрицы Екатерины II, 31.

О.

Озеровъ, Владисл. Александр., драматургъ, 385, 390.

Оленинъ, Алексѣй Никол., директоръ публич. библіотеки и президентъ акад. художествъ, 38, 385.

Олешевъ, А. В., литераторъ, предводитель двор. Вологодскаго намѣстничества, 39.

Ольга Андреевна, пѣвица цыганскаго хора, 404.

Ольга Дмитріевна („Разорва“), пѣвица цыганскаго хора Хлѣбникова, 404.

Ольга Павловна, великая княжна, 24.

Ольга Петровна („Лётка“), пѣвица цыганскаго хора, 404.

Орловъ-Чесменскій, гр. Алексѣй Григ., генералъ-аншефъ, 28, 396, 399, 415.

Остерманъ, гр. Ив. Андреев., госуд. канцлеръ, 211.

Остолоповъ, стат. сов., директоръ императорскихъ театровъ, 395.

Офренъ, учитель драматическаго искусства, 200.

П.

Павелъ I Петровичъ, императоръ, 27, 28, 30, 32, 45, 72, 80, 161, 187, 200, 229, 243, 296, 297, 302, 356—377, 384, 390, 426.

Паизіелло, оперный дирижеръ и инспекторъ театральныхъ оркестровъ, 344—346.

фонъ-деръ-**Паленъ,** петербургскій генералъ-губернаторъ, 80.

Пальчиковъ, Филиппъ, корабельный мастеръ, строитель Вознесенской церкви, 64.

Памфиловъ, духовникъ Екатерины II, 146.

Панаевъ, Владим. Ив., писатель, 38.

Панинъ, гр. Никита Ив., оберъ-гофмейстеръ, наставникъ вел. кн. Павла Петр., впослѣд. госуд. канцлеръ, 24, 33.

Патермуфій, монахъ-молчальникъ, 40.

Паша:

— Пѣвица цыганскаго хора Калабина, 404.

— Пѣвица цыганскаго хора Соколова, 402.

— (Ратничиха), пѣвица цыганскаго хора Хлѣбникова, 404.

— Солистка цыганскаго хора Шишкина, 402.

Перекусихина, Мар. Сав., камеръ-юнгфера Екатерины II, 29, 30.

Перфильевъ, крестьянинъ, сожженный живымъ за поджигательство, 145.

Петровы:

— Ксенія Григор., юродивая. См. **Ксенія.**

— Коллеж. совѣт., библіотекарь Екатерины II, 213.

— Михаилъ, часовой Преображ. полка, не оставлявшій своего поста въ наводненіе 1824 г., 121.

— Петръ, крестьянинъ, сожженный живымъ за поджигательство, 145.

Петръ I Алексѣевичъ, императоръ, 8—10, 12—18, 21, 22, 26, 51, 52, 54, 55, 59, 74, 76, 77, 82, 102, 105, 106, 108, 222, 227, 224, 263—269, 276.

Петръ II Алексѣевичъ, императоръ, 84, 85, 102.

Петръ Алексѣевъ („Бирка“), пѣвецъ цыганскаго хора, 403.

Петръ III Ѳедоровичъ (Карлъ-Петръ Ульрихъ, герцогъ голштейнъ-готторпскій), русскій императоръ, 26—29, 74, 165, 166, 168—170, 175, 248, 261.

Петръ Петровичъ, царевичъ, 24.

Пикъ, танцоръ, 387.

Пилниковъ, архитекторъ, 357.

Плавильщиковъ, Вас. Алексѣев., книгопродавецъ, основатель первой библіотеки для чтенія, 308.

Плетневъ, Петръ Александр., академикъ, писатель, 38.

Погребовъ, старѣйшій торговый домъ въ Гостинномъ дворѣ, 340.

Пономаревъ, комическій актеръ, 386.

Поповы:

— Любимый камердинеръ Екатерины II, 177, 178.

— Статсъ секретарь Екатерины II, 216.

Потемкинъ-Таврическій, свѣтлѣйш. князь Григорій Александр., ген.-фельдм., новорос. ген.-губернаторъ, 70, 138, 191, 220, 224, 264, 289—301, 324.

Потоцкая, графиня, фрейлина Екатерины II, 196.

Прасковья Ѳедоровна (Салтыкова), супруга царя Ивана Алексѣевича, 24, 26, 244.

Прокоповичъ, архіепископъ. См. Ѳеофанъ.

Пугаевъ, Иванъ, пѣвецъ цыганскаго хора, 404.

Пузина, Марья Никол., пѣвица цыганскаго хора, 404.

Пушкинъ, Сергѣй Льв., отецъ поэта 358.

Р.

Разумовскіе, графы:

— Алексѣй Григ., генералъ-фельдмаршалъ, морганатическій супругъ Елисаветы Петровны, 24, 134, 137, 138, 141.

— Кириллъ Григ., президентъ акад. наукъ, послѣдній гетманъ Малороссіи, 70, 137, 187.

Растрелли, гр., знаменитый зодчій, 134, 136, 151, 156—158.

Рейзеръ, капитанъ-командиръ, 268.

Ренъ, первый комендантъ Петропавловской крѣпости, 13.

Репнины, князья:

— Никол. Вас., генералъ-фельдмаршалъ, 28.

— Н. И., 205.

Ржевская, „князь-игуменья“, 52.

Роджерсонъ, докторъ, 30.

Рожковъ, Ив. Гавр., тульскій купецъ, 283, 284.

Роспини, физикъ и механикъ, 128.

Росси, архитекторъ, 138.

Ротари, гр. Пьетро, придворный живописецъ, 242.

Рубанъ, Вас. Григ., ученый и поэтъ, 267.

Руско, архитекторъ, 357.

Рыкаловъ, актеръ, 386.

С.

Салтыковы:

— Гр. Ив. Петр., генералъ-фельдмаршалъ, 28.

— Сер. Вас., 286, 287.

Самборскій, Андрей Аѳан., священникъ, 168.

Сандуновы:

— („Лизанька“), актриса, 380.

— Сила Никол., актеръ, 382, 386.

Саша:

— („Вѣтерочекъ“), пѣвица цыганскаго хора Хлѣбникова, 404.

— Пѣвица цыганскаго хора Соколова, 403, 404.

Селивановъ, Кондратій, скопческій ересіархъ, 331.

Семенова, Екатер. Семен., артистка, 353, 354, 379, 384.

Семилоровъ, купецъ, отказывавшій въ помощи во время наводненія 1824 года, 124.

Сенъ-Лоранъ, художникъ, украшавшій барельефами Зимній дворецъ, 154.

Серафимъ (Гоголевскій), петербургскій митрополитъ, 45.

«Сергѣевна», пѣвица цыганскаго хора Соколова, 404.

Сердюковъ, вышневолоцкій купецъ, строитель шлюзовъ, 76, 77.

Симонъ (Тодорскій), архіепископъ псковскій, законоучитель Петра III, 168.

Скавронскій, гр. Карлъ Самойлов., 64. 187.

Скрыдловъ, капитанъ, спасшій 100 человѣкъ въ наводненіе 1824 г., 121.

Сленинъ, И. В., книгопродавецъ, издатель серьезныхъ книгъ, 337.

Слепинъ, Троф., танцоръ, 387.

Соколовская, оперная пѣвица, 382.

Соколовы:

— Архитекторъ, 357.

— Григорій, пѣвецъ цыганскаго хора, 401.

— Илья Осип., начальникъ цыганскаго хора, 400, 401.

— Лиза (Косая), пѣвица цыганскаго хора, 401.

— Марья Никол., пѣвица цыганскаго хора, 402.

— Марья Осип., солистка цыганскаго хора, 400.

— Матвѣй, пѣвецъ цыганскаго хора, 401, 402.

— Петръ Ив., членъ и секретарь академіи наукъ, 120.

— Петръ, пѣвецъ и танцоръ, начальникъ цыганскаго хора, 401, 403.

— Сергѣй, пѣвецъ цыганскаго хора, 402.

— Ѳедоръ, начальникъ цыганскаго хора, 404.

Солодовниковы, богатые купцы, 331.

Сперанскій, гр. Мих. Мих., государств. секретарь, 229.

Станиславъ II Августъ (графъ Понятовскій), король польскій, 64.

Старовъ, Ив. Егор., архитекторъ, 40 173, 289.

Степанида, пѣвица цыганскаго хора, 399.

Стеша:

— Пѣвица цыганскаго хора Трофимова, 399.

— Солистка цыганскаго хора Шишкина, 402.

Страховъ, Никол. Ив., литераторъ и журналистъ, 421.

Строгоновъ, гр. Александ. Серг., дипломатъ, 80, 408.

Строевъ, И. П., 52.

Суворовъ-Рымникскій, гр. Александръ Вас., князь италійскій, генералиссимусъ, 24, 32, 33, 66, 179, 363.

Сумароковъ, Александ. Петр., писатель, 35, 161, 162.

Сысинъ, Иванъ, крестьянинъ, спасшій 4 женщинъ въ наводненіе 1824 г., 121.

Сѣровъ, Александ. Никол., композиторъ и писатель, 40.

Т.

Таня, примадонна цыганскаго хора, 339, 400.

Татариновы:

— Екатерина, жена подполковника, сектантка, 377, 378.

— Петръ, нищенствующій поэтъ, 328.

Татищевъ, Вас. Никит., историкъ, 237, 245.

Твердышевъ, симбирскій заводчикъ, 338.

Тепловъ, статсъ-секретарь, 34.

Тимоѳей Архипычъ, юродивый, 245.

Тишбейнъ, художникъ, строитель Большаго театра, 346.

Томо, Томасъ, придворный архитекторъ, 346, 355.

Торговановъ, инженеръ-самоучка, 302.

Торкель, Кнутсонъ, опекунъ шведскаго короля Биргера II, основатель крѣпости Ландскрона (Вѣнецъ Края) на берегу р. Невы, 3.

Трезинъ, Андрей, архитекторъ, строитель Александро-Невской лавры, 22, 152.

Трофимовъ, Иванъ, начальникъ цыганскаго хора, 399, 400.

Тузовъ, Василій, издатель „Поденьщины", 161.

Турчаниновъ, П. И., протоіерей, регентъ митрополичьяго хора, 49.

Тюфякинъ, кн. Петръ Ив., дѣйствит. камергеръ, директоръ театровъ, 391—393.

У.

Уваровъ, опереточный пѣвецъ, 380.

Угримовъ, А. И., полковникъ, 315.

Уленгутъ, гробовой мастеръ, учредитель „танцъ-клоба", 218.

Ушаковъ, Андрей Ив., генералъ-аншефъ, начальникъ тайной канцеляріи, 24, 40, 145, 249.

Ф.

Фази, часовщикъ, 264, 265.

Фальконетъ, Этьенъ-Морисъ, французскій скульпторъ, 263, 266.

Фельтенъ, коллеж. совѣтн., архитекторъ, 157, 267.

Фензельтъ, придворный живописецъ, 213.

Фонвизинъ, Денисъ Ив., писатель, 38.

Фохтъ, Гаспаръ, садовникъ, устроившій Лѣтній и Аптекарскій сады, 55.

Фризіусъ, купецъ г. Ніеншанца, пожалованный шведскимъ королемъ званіемъ дворянина и прозвищемъ **Фризенгеймъ,** 6.

Х.

Хайловъ, литейный мастеръ, надзиравшій за отливкою статуи Петра I, 266.

Хвостовъ, гр. Дмитр. Ив., поэтъ, 82, 127.

Хлѣбниковы:

— Александра Вас., пѣвица цыганскаго хора, 404.

— Николай, начальникъ цыганскаго хора, 404.

— Петръ Кирил., генер.-лейтенантъ, 39, 40.

Храповицкій, Александ. Вас., статсъ-секретарь, писатель, 38, 180, 193, 194.

Ц.

Цельбрехтъ, Соломонъ, художникъ, украшавшій барельефами Зимній дворецъ, 154.

Ч.

Чевакинскій, архитекторъ, 166.

Чемесовъ, Евграфъ Петр., граверъ, 40.

Черкасовъ, баронъ, почтмейстеръ, 141.

Чернышевы:

— Гр. Зах. Григ., ген.-фельдмаршалъ, бѣлорусскій ген.-губерн., впослѣд. москов. градоначальникъ, 244.

— Ив. Григ., ген.-фельдмаршалъ, президентъ адм.-коллегіи и членъ акад. наукъ, 24.

— Петръ Григ., дѣйств. тайн. совѣтникъ, сенаторъ, 244.

Чертковъ, задорный игрокъ, 216.

Чичеринъ, Никол. Ив., генералъ-аншефъ, петерб. ген.-полицеймейстеръ, 202, 424, 425.

Чулковы:

— Василій, популярнѣйшій священникъ, 328, 329.

— Петербургскій полицеймейстеръ, 348, 350, 358.

Ш.

Шанинъ, Ѳедоръ, „архитектургіи гезель“, сотрудникъ зодчаго гр. Растрелли, 151.

Шаргородскій, гофъ-интендантъ, 134.

Шафировъ, баронъ Петръ Пав., дѣйств. тайн. совѣт., дипломатъ, 52.

Шаховскіе, князья:

— Алекс. Алекс., драматическій писатель, 355, 390, 393, 394.

— Ал. Ив., 237.

— Як. Петр., конференцъ министръ и сенаторъ, 143, 237, 238.

Шемякинъ, Никита, купецъ, откупщикъ, 138.

Шепелевъ, Д. А., гофмейстеръ, 243.

Шереметевы, графы:

— Борисъ Петр., генералъ-фельдмаршалъ, 8, 34, 276.

— Никол. Петр., дѣйств. тайн. совѣтн., оберъ-камергеръ, 34.

де-ла-**Шетарди,** Жакъ Троти, маркизъ, французскій посланникъ въ Петербургѣ, 246.

Шешковскій, Степ. Ив., тайн. сов., начальникъ тайн. розыскной канцеляріи, 40.

Шишкины:

— В. В., начальникъ цыганскаго хора, 402.

— Николай, октавистъ цыганскаго хора, 402, 404.

Шишковъ, Александ. Семен., ген.-адъют., вице-адмиралъ, презид. росс. академіи и министръ народ. просв., 34.

Штелинъ, Яковъ, дѣйств. ст. сов., директоръ отдѣленія изящн. искусствъ при академіи наукъ, 35, 36, 261.

Шубинъ, граверъ, 40.

Шуваловы, графы:

— Андрей Петр., дѣйств. тайный совѣт., 34, 35.

— Ив. Ив., дѣйств. тайн. сов., оберъ-камергеръ, попечитель Москов. университета, 24, 33, 159—162, 180, 181, 211.

— М. Е., супруга Петра Ив., 137.

— Петръ Ив., ген.-фельдмаршалъ, 137, 248.

Шумскій, актеръ, 221.

Шушеринъ, Яковъ Емельян., актеръ, 385.

Щ.

Щегловскій, Вас. Романов., 40.

Щегловскій, секундъ-маіоръ, 322—326.

Щербина, Никол. Ѳедор., поэтъ, 38.

Ю.

Юсуповъ, кн. Никол. Борисов., директоръ императорскихъ театровъ, 385, 387.

Я.

Ягужинскій, гр. Пав. Ив., кабинетъ-министръ, 24, 33.

Яковлевы:

— А. А., дѣйствительный камергеръ, 274.

— Алексѣй Семен., трагикъ, 326, 385, 386.

— Богатый купецъ, 312.

— Сынъ предъидущаго, чиновникъ и театральный рецензентъ, 312, 313.

— Ив. Алексѣев., корнетъ Конногвардейскаго полка, 315, 316.

— Савва Алексѣев., кавалергардскій офицеръ, 315, 316.

— Савва (Собакинъ), откупщикъ, впослѣд. коллеж. ассесоръ, 258, 314.

Янковская („Дуняша“), актриса, 380.

Ѳ.

Ѳедоръ (Михайловичъ), посыльный Екатерины II, 177.

Ѳеодосій (Янковскій), петербургскій архіепископъ, 141.

Ѳеофанъ (Прокоповичъ), архіепископъ новгородскій, 241.

„**Ѳеша**“, пѣвица цыганскаго хора Соколова, 404.

УКАЗАТЕЛЬ

МѢСТНОСТЕЙ, ЗДАНІЙ И ПРОЧ.,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ КНИГѢ „СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ“.

Avista, древнее названіе Выборгской стороны, 6.

Адмиралтейство, 16—20.

Андреевскій рынокъ, на Васильевскомъ островѣ, 89.

Antolala, названіе мѣстности, занимаемой нынѣ Волковымъ кладбищемъ, 6.

Дворцы:

— Аничковскій, 134, 136—140, 151.
— Анненгофъ, 73.
— Анны Ивановны, 55, 56.
— Анны Петровны, 233.
— Въ Лѣтнемъ саду, 50, 54, 58—60.
— Домикъ Петра Великаго, 13, 50, 52, 54.
— Екатерингофскій, 50, 74, 76—83.
— Екатерины I (лѣтній), 72, 73.
— Елисаветгофъ, 73.
— Елисаветы Петровны, 55, 356.
— Зимній, 94, 96—99, 151—158, 165, 166, 170, 172, 173, 359, 360.
— Михайловскій (нынѣ Инженерный), замокъ, 72, 228, 356—363, 366—377.
— Подзорный, 74, 76.
— Сергія Александровича, прежде Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, 133, 237.
— Сытный, 227.
— Таврическій, 289—290, 292—296, 300, 302.
— У Полицейскаго моста, 73, 74.
— Царицы Прасковьи Өедоровны, 244.
— „Цесаревнинъ“, 134.

Дворы:

— Апраксинъ, 99, 100, 237, 312.
— Ауроксовъ, 233.
— Волынскаго у Лиговскаго канала, 62.
— Волынскаго у Обуховскаго моста, 62, 251.
— Галерный, 269.
— Гостинный на Васильевскомъ островѣ, 88.
— Гостинный на Мойкѣ, у Зеленаго (Полицейскаго) моста, 85, 310.
— Гостинный на Невскомъ проспектѣ, 88, 89, 310, 311, 318, 326, 328, 332, 334, 337, 340—342.
— Гостинный на Троицкой площади, 85, 305—310.
— Звѣровой, 60, 232.
— Лукьяновъ, 134.
— Почтовый, 60.
— Слоновый, 61, 62, 233.
— Старый Егерскій, 62.
— Щукинъ, 99, 200, 312.
— фонъ-Болеса, спичечнаго и столярнаго мастера, 233.

Деревни:

— Афтово, на Петергофской дорогѣ, 128.

— Враловцина, на мѣстѣ нынѣшней Гагаринской пристани, 7.
— Keme-joki, около нынѣшнихъ казармъ Измайловскаго полка, 6.
— Лахта, близь устья Невы, 6.
— Спасское, на мѣстѣ, гдѣ теперь Смольный монастырь, 6.

Дома частныхъ лицъ:

— Адамса, 385.
— Апраксиныхъ, графовъ, 63, 144, 152.
— Арбенева, А. И., 287.
— Асташева, В. И., 274.
— Баура, Ѳ. В., 227.
— Безбородко, кн. А. А., 279—282, 284.
— Безобразова, впослѣд. раскольницы Голашевской, 230.
— Бестужева-Рюмина, 270.
— Бирона, Густава, 64.
— Борха, впослѣд. Кларка, 274.
— Боткина, С. П., 276.
— Брюса, графа, 204.
— Брюса, Р. В., 52.
— Булатовой, генеральши, 90.
— Бутера-Радали, 270.
— Бутурлина, И. И., 52, 220.
— Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, прежде кн. Шаховскаго, 133, 134, 240.
— Венинга, 276.
— Вильбуа, 257.
— Волконскаго, князя, 204.
— Волынскаго, А. П., 250.
— Вонлярлярскаго, 277.
— Воронцова, гр. М. И., нынѣ Пажескій корпусъ, 151, 243.
— Воронцова, гр. Р. И., 252.
— Воронцова-Дашкова, 270.
— Ганина, 416, 417.
— Гарновскаго, 256, 257.
— Глѣбова, А. И., 248, 249.
— Голашевской, 230.
— Голицыной, кн., 230.
— Головкина, гр. Г. И., 52.
— Громова, 230.
— Деденева, нынѣ помѣщеніе для духовенства Аничковской дворцовой церкви, 243.
— Державина, 253.
— Дубянскаго, протоіерея, 134, 242.
— Дурново, 274.
— Дюка Серра Капріоли, потомъ Громова, нынѣ кн. Голицыной, 230.
— Жербина, 340.
— Жеребцова, 274.
— Захарова, впослѣд. поэта Державина, 253.
— Звѣркова, — первый пятиэтажный домъ въ Петербургѣ, 276.
— Зиновьева, 134, 242.
— Зотова, К. Н., 52.
— Зубовыхъ, гр., 253.
— Игнатьева, графа, 63.
— Келя, 276.
— Кормедона, гофъ-интенданта, впослѣд. Бирона и протоіерея Дубянскаго, нынѣ Зиновьева, 134, 242.
— Кочубея, гр. В. П., 229.
— Кошелева, Р. М., 243.
— „Крыловская келья“ при домѣ А. Н. Олениной, 385.
— Куракина, кн. А. Б., 244.
— Лаваля, гр. А. И., нынѣ Полякова, 270.
— Ланского, впослѣд. Кошелева, а затѣмъ кн. Волконскаго, 204.
— Левашова, 276.
— Лестока, 63, 246.
— Лобанова-Ростовскаго, 274, 278.
— Меншикова, Гаврилы, корабельнаго мастера, 64.
— Меншикова, кн. А. Д., 52.
— Меншикова, впослѣд. Миниха, Остермана и Бестужева-Рюмина, 269, 270.
— Миниха, 270.
— Митусова, сенатора, 274.
— Мольо, 276.
— Мошкова, Петра, 64.
— Мятлева, впослѣд. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, 240.
— Нарышкина, Д. Л., 233.
— Нарышкиной, М. А., 273.
— Неплюева, 227.
— Нечаева, купца, 54, 55.
— Оленина, А. Н., 385.
— Орлова, 151.
— Остермана, 270.
— Остермана-Толстаго, гр. А. И., впослѣд. кн. Бутера-Родали, нынѣ гр. И. И. Воронцова-Дашкова, 270.
— Пальчикова, Филиппа, 64.
— Пашковой, нынѣ министерства двора, 229.
— Перекусихиной, М. С., 276.
— Полежаева, 274.
— Полякова, 270.
— Потемкина, 276.
— Потоцкаго, С. С., 270.
— „Пріютино“, А. Н. Оленина, впослѣд. доктора Адамса, 385.

— Разумовскаго, нынѣ Воспитательнаго дома, 151.
— Роджерсона, 276.
— Садофьева, купца, 231.
— Салтыкова, С. В., 286.
— Селиванова, Кондратія, 331.
— Сироткиной, 172.
— Скавронскаго, графа, 64.
— Строгановыхъ, графовъ, 151.
— Строева, И. П., 52.
— Струбинскаго, В. И., 231.
— Таирова, 261.
— Татищева, В. Н., 237.
— Татищева, гр. Н. А., нынѣ Шереметева, 273.
— Ходнева, тайн. совѣт., 231.
— Чернышевыхъ, 244.
— Чичерина, впослѣд. Косиковскаго, нынѣ Елисѣва, 202, 218.
— Шафирова, бар. П. П., 52.
— Шаховскаго, кн. Ал. Ив., 134, 237.
— Шаховскаго, кн. В. А., 274.
— Шепелева, Д. А., 243.
— Шереметева, гр. Б. П., нынѣ англійская церковь, 273, 276.
— Шереметева, на Фонтанкѣ, 144, 233, 405.
— Штелина, 261.
— Штиглица, 276.
— Шувалова, гр. И. И., 136, 159, 160.
— Юсупова, 276.
— Юшкова, 276.
— Ягужинскаго, 280.
— Якимова, Ѳедора, нынѣ Сироткиной, 172.
— Яковлева, С. Я., 258, 259.

Енисари, названіе островка, на которомъ заложена Петропавловская крѣпость, 9.

Загородные трактиры:

— Екатерингофскій, 386, 409.
— Желтенькій, 386, 409.
— Красный Кабачокъ, 386, 409.
— На Крестовскомъ островѣ, 386.

Каналы:

— Екатерининскій, 102.
— Красный, 63.
— Крюковъ, 269.
— Лиговскій, 55.
— Обводный, 102, 104.

Кеме, предполагаемое названіе р. Фонтанки, 6.

Кладбища:

— Александро-Невской лавры, 34, 35 38—42.
— Вознесенское, 80.
— Волково, 6.
— Екатерингофское, 80.
— Смоленское, 126.

Койвисари, прежнее названіе Петербургской стороны, 4, 9.

Korpi-saari, прежнее названіе Аптекарскаго острова, 6.

Крѣпости:

— Ландскрона (Вѣнецъ края), на мѣстѣ нынѣшней Александро-Невской лавры, 3.
— Ніеншанцъ или Шлотбургъ, на правомъ берегу Невы, 6, 8.
— Петропавловская (старинное названіе мѣстности—Енисари), 9, 10, 12, 13.
— Шлиссельбургъ (въ древности — Орѣшекъ, во время принадлежности шведамъ—Нотебургъ), 3, 4.

Монастыри и подворья:

— Александро-Невская лавра, 6, 21, 22, 24—26, 32—35, 38—42, 45—49, 241.
— Курско-Знаменское подворье, 280.
— Троице-Сергіевск. монастырь близь Петергофа, 241, 242.
— Троицкое подворье, 240—242.

Мосты:

— Аничковъ, 62, 133, 234, 236.
— Исакіевскій, 263.
— Казанскій, 417.
— Каменный, 417.
— На р. Ждановкѣ, 236.
— Пантелеймоновскій, 228.
— Петровскій, 133.
— Симеоновскій, 233.

Набережныя:

— Англійская (прежде Галерная), 269—274, 276, 277.
— Биржевая, 406.
— Гагаринская, 6.
— Караванная, 233.
— Фонтанки, 225, 226.

Ніенъ, русскій торговый городокъ на Охтѣ, 6.

Острова:

— Аптекарскій (старинное названіе „Korpi-saari“), 6.

— Буянъ, 108.
— Васильевскій (прежде Преображенскій), 14, 84, 102, 104, 133.
— Голодай, 6.
— Гутуевскій, 81.
— Елагинъ или Мельгуновъ, 402.
— Енисари, старинное названіе островка, на которомъ заложена Петропавловская крѣпость, 9.
— Каменный, 408.
— Круглый, 408.
— Петербургская сторона (старинное названіе „Койвисари“ или Березовый островъ), 4, 9, 133.
— Подзорный (Овчій), 76.

Памятники Петру Великому:
— на Исакіевской площади, 263—269.
— предъ Инженернымъ замкомъ, 362.

Perykasaari (земля, смѣшанная съ навозомъ), прежнее названіе мѣста между Мойкою и Фантанкою, 6.

Площади:
— Адмиралтейская, 202.
— Брумберговая, 199.
— Дворцовая, 204.
— Коннетабльскій плацъ, 363.
— Обуховская, 260.
— Слоновая, 62.
— Сѣнная, 259—261.
— Царицынъ лугъ (Потѣшное поле, Марсово поле), 60, 66, 68, 202.

Предмѣстья Петербурга:
— Александро-Невское, 133.
— Аничковская слобода, 133.
— Казачья слобода, 145.
— Лифляндское, 132, 133.
— Московское, 133.

Rihtiowa, названіе мѣстности, занимаемой нынѣ Александро-Невскою лаврою, 6.

Рѣки:
— Нева, 101, 102, 104—106, 108—110, 112—124, 126—131, 187.
— Охта, 5.
— Фонтанка, 6, 132, 133, 144, 225—227.

Рябово, мыза В. А. Всеволожскаго, 415, 416.

Sabola, названіе мѣстности въ нынѣшней Рождественской части, 6.

Сады:
— Аптекарскій ботаническій, 55, 252, 408.
— Безбородко, гр. А. А., на Выборгской, 408.
— Вольфовъ, 408.
— Воронцова, М. И., 243.
— Ганина, близъ Охтенскаго перевоза, 409.
— Екатерингофская роща, 410.
— Елагина, И. П., на Елагиномъ или Мельгуновомъ островѣ, 408.
— „Императрицынъ“, 72.
— Итальянскій, 408.
— Лѣтній, 55, 60, 65—70, 109, 110, 408.
— Нарышкина, А. Л., у Красной мызы, 409.
— Нарышкинскій на Мойкѣ, 407.
— На Каменномъ островѣ, 408.
— На Кругломъ островѣ, 408.
— Разумовскаго, гр. К. Г., на Крестовскомъ островѣ, 408.
— Строганова, гр. А. С., на Выборгской, 408.
— Фридериксовъ, 408.

Театры:
— Александринскій, 136, 138.
— Большой, 89, 343—355, 393, 394.
— Малый, 138.
— Малый въ Зимнемъ дворцѣ, 198.
— Нѣмецкій, 89.
— У Чернышева моста, 89.
— Эрмитажный, 197, 198, 350.

Улицы:
— Аптекарскій переулокъ, 63.
— Большая Милліонная, прежде Троицкая, Нѣмецкая и Греческая, 204.
— Воскресенскій проспектъ, 25.
— Гороховая, прежде Адмиралтейская, 314.
— Графскій переулокъ, 242.
— Дворянская, 13.
— Загородный проспектъ, 54.
— Зелейная, 13.
— Итальянскія, 233.
— Казачій переулокъ, 249.
— Конный переулокъ, 260.
— Монетная, 13.
— Мошковъ переулокъ, 64.
— Невскій проспектъ, 204, 317, 318.
— Посадская, 13.
— Пушкарская, 13.
— Ружейная, 13.
— Татарскій переулокъ, 306.
— Хамовая, нынѣ Моховая, 231, 232.

Usadissa-saari, названіе мѣстности между Невою и Мойкою, 6.

Учрежденія правительственныя и общественныя и ихъ зданія:

— Вольно-экономическое Общество, 252.

— Военное министерство, 278.

— Военно-сиротское заведеніе (потомъ Павловскій корпусъ, впослѣд. Константиновское училище), 252.

— Воспитательный домъ, 151.

— Демидовскій домъ трудящихся, 407.

— Екатерининскій институтъ, 233.

— Измайловскія казармы, 256.

— Калинкинская больница, 261.

— Коммерческое Общество, 274.

— Маріинская больница, 233.

— Обуховская больница, 250.

— Пажескій корпусъ, 151, 227, 243, 244.

— Правительствующій Сенатъ, 270.

— Публичная библіотека, 136.

— Римско-католическая коллегія, 253.

— Смольный монастырь, 6, 151.

— Тайная канцелярія (нынѣ министерст. финан.), 136.

— Театральное училище, 347.

— Технологическій институтъ, 250—252.

— Третье Отдѣленіе, 229.

— Училище Правовѣдѣнія, 227.

— Эрмитажъ, 89, 172, 192, 193, 197, 209.

Хирвисари, названіе мѣстности, гдѣ теперь биржа, 9.

Церкви:

— Аничковскаго дворца (носившая названія Воскресенской, Кабинетской, Капитульской, Александро-Невской), 136—139.

— Архистратига Михаила въ казармахъ Московскаго полка, 249.

— Благовѣщенія въ Александро-Невской лаврѣ, усыпальница многихъ царственныхъ особъ и знаменитыхъ лицъ, 21, 24, 26, 32, 33.

— Владимірской Божіей Матери, 137, 172.

— Вознесенія, 64.

— Воскресенія въ Волынскомъ дворѣ, 252.

— Воскресенія въ домѣ царицы Натальи Алексѣевны, 25.

— Воскресенія въ срединѣ адмиралтейской башни, 18.

— Въ домѣ гр. Шереметева, 233.

— Въ зданіи почтамта, 281.

— Зимняго дворца (Вознесенская, а потомъ Спаса Нерукотвореннаго образа), 166.

— Казанской Божіей Матери, 417.

— Константина и Елены въ Константиновскомъ училищѣ, 252, 253.

— Михайловскаго замка: *а*, замковая 361, 377; *б*, въ бывшей спальнѣ Павла I, 374.

— Петропавловскій соборъ, 13.

— Преображенія (соборъ всей гвардіи), 90.

— Преображенія въ домѣ протоіерея Дубянскаго, 242.

— Сампсона Страннопріимца, 25.

— Св. апостола Матѳія на Петербургской сторонѣ, 13.

— Св. Лазаря въ Александро-Невской лаврѣ, 25, 33.

— Св. Пантелеймона „въ палатѣхъ Партикулярной верфи“, 228.

— Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы, 231, 232.

— Сошествія св. Духа въ Александро-Невскй лаврѣ, 45.

— Троицкій соборъ въ Александро-Невской лаврѣ, 24, 46, 47.

— Троицкій соборъ на Петербургской сторонѣ, 13.

— Успенія въ домѣ царицы Прасковьи Ѳедоровны, 241.

— Успенія на Сѣнной, 258, 259.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ КНИГѢ „СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ“.

ПОРТРЕТЫ.

Александръ I Павловичъ, императоръ, съ рѣдкой гравюры Больдта, 381.

Безбородко, Александ. Андреев., свѣтлѣйшій князь, дѣйствит. тайный совѣтникъ, государственный канцлеръ, съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Лампи, 285.

Бецкій, Ив. Ив., дѣйствит. тайный совѣтникъ, президентъ академіи художествъ, съ гравированнаго портрета Дюпюи, 271.

Державинъ, Гавр. Романов., поэтъ, министръ юстиціи, съ гравированнаго портрета Розанова, 255.

Екатерина II Алексѣевна, императрица: *а)* съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ, 203; *б)* въ домашнемъ платьѣ, съ весьма рѣдкой гравюры прошлаго столѣтія, сдѣланной по наброску съ натуры членомъ англійскаго посольства Уиенсомъ, 239; *в)* съ рѣдкой гравюры Больдта, 381.

Елисавета Петровна, императрица: *а)* съ гравированнаго портрета Чемесова, 135; *б)* съ гравированнаго портрета Вагнера, 245.

Зоричъ, Семенъ Гавр., генералъ-маіоръ, фаворитъ Екатерины II, съ гравированнаго портрета Осипова, 223.

Зубовъ, кн. Платонъ Александр., генералъ-адъютантъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, членъ государств. совѣта, съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Лампи, 295.

Лестокъ, Германъ, лейбъ-медикъ императрицы Елисаветы Петровны, съ рѣдкаго гравированнаго портрета прошлаго столѣтія, 247.

Павелъ Петровичъ, императоръ: *а)* въ 1781 году, съ гравированнаго портрета Скородумова, 365; *б)* съ рѣдкой гравюры Больдта, 381.

Петръ III Ѳедоровичъ (Карлъ-Петръ-Ульрихъ, герцогъ Гольштейнъ-Готторпскій), русскій императоръ, съ гравюры Рокотова, сдѣланной съ портрета, писаннаго Тейхеромъ, 167.

Потемкинъ-Таврическій, свѣтлѣйшій князь Григ. Александр., генералъ-фельдмаршалъ, новороссійскій генералъ-губернаторъ, съ гравированнаго портрета Харитонова, 291.

Разумовскій, гр. Алексѣй Григ., генералъ-фельдмаршалъ, морганатическій супругъ императрицы Елисаветы Петровны, 143.

Семенова, Екатерина Семен., актриса, съ гравированнаго портрета Уткина, 359.

Сумароковъ, Александ. Петр., писатель, съ гравированнаго портрета Зейферта, 165.

Татищевъ, Вас. Никит., русскій историкъ и лексикографъ, съ портрета, принадлежащаго Н. И. Путилову, 231.

Шуваловъ, гр. Ив. Ив., дѣйствит. тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, фаворитъ императрицы Елисаветы Петровны, съ рѣдчайшаго гравированнаго портрета Чемесова, 159.

КАРТИНЫ.

Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, съ гравюры Скородумова, 299.

Наводненіе въ Петербургѣ:
- — въ 1717 году, съ нѣмецкой гравюры того времени, 103.
- — въ 1824 году, на дворцовой площади *(на отдѣльномъ листѣ)*, 122.
- — 7 ноября 1826 г., 107.

Осмотръ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ работъ на набережной Невы въ 1755 году, съ гравюры прошлаго столѣтія Ле-Ба, сдѣланной съ картины Ле-Пренса *(на отдѣльномъ листѣ)*, 376.

Пожаръ въ Петербургѣ въ 1737 году, съ нѣмецкой гравюры того времени, 87.

Спускъ корабля на Невѣ въ концѣ XVIII столѣтія, съ рисунка прошлаго вѣка Патерсона *(на отдѣльномъ листѣ)*, 130.

ВИДЫ МѢСТНОСТЕЙ И РАЗНЫХЪ СООРУЖЕНІЙ.

Адмиралтейство и дворцовая площадь: *а)* во время шествія слоновъ, присланныхъ персидскимъ шахомъ, съ акварели Воробьева *(на отдѣльномъ листѣ)*, 64; *б)* съ гравюры 1716 года, 19.

Александро-Невская лавра, съ гравюры 1716 года, 22.

Англійская набережная въ концѣ прошлаго столѣтія, съ гравюры Патерсона 1796 года *(на отдѣльномъ листѣ)*, 280.

Арсеналъ и Литейный дворъ, съ гравюры Мальтона 1798 года *(на отдѣльномъ листѣ)*, 278.

Городская застава въ царствованіе Николая I, съ гравюры того времени, 235.

Государственный банкъ въ концѣ прошлаго столѣтія, съ гравюры Мальтона 1798 года *(на отдѣльномъ листѣ)*, 304.

Гостиный дворъ: *а)* въ началѣ прошлаго столѣтія, съ гравюры 1716 года, 307; *б)* въ началѣ нынѣшняго столѣтія *(на отдѣльномъ листѣ)*, 340.

Гротъ въ Лѣтнемъ саду въ Петровское время, съ весьма рѣдкой гравюры, 69.

Дворцовая набережная въ началѣ прошлаго столѣтія, съ гравюры того времени *(на отдѣльномъ листѣ)*, 276.

Дворцовая площадь и адмиралтейство, съ акварели Воробьева *(на отдѣльномъ листѣ)*, 64.

Дворцы:
- — Аничкинъ: *а)* въ срединѣ прошлаго столѣтія, съ гравюры Бодуэна *(на отдѣльномъ листѣ)*, 138; *б)* въ началѣ нынѣшняго столѣтія, съ акварели Сабожа 1821 г. *(на отдѣльномъ листѣ)*, 144.
- — Зимній: *а)* при Петрѣ Великомъ, съ гравюры 1716 года, 153; *б)* въ первой половинѣ XVIII столѣтія, съ гравюры того времени Махаева, 155; *в)* новый Зим-

ній дворецъ, отстроенный въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны, съ акварели прошлаго столѣтія Бенуа, 171.
— Лѣтній въ XVIII столѣтіи, нынѣ не существующій, съ гравюры прошлаго вѣка Махаева, 71.
— Михайловскій: *а)* со стороны главнаго фасада, съ акварели Патерсона 1804 года *(на отдѣльномъ листѣ)*, 372; *б)* со стороны Лѣтняго сада, съ гравюры Патерсона 1801 г. *(на отдѣльномъ листѣ)*, 368.
— Мраморный (бывшій до́мъ князя Г. Г. Орлова), 288.
— „Подзорный", построенный Петромъ Великимъ при устьѣ Фонтанки для наблюденія за входящими въ Неву кораблями, съ гравюры Штелина *(на отдѣльномъ листѣ)*, 80.
— Таврическій, съ гравюры Патерсона 1806 г. *(на отдѣльномъ листѣ)*, 292.

Дома въ Петербургѣ (типы), съ старинныхъ гравюръ, 11.

Домикъ Петра Великаго:
— наружный видъ, съ гравюры Аткинсона начала нынѣшняго столѣтія, 53.
— внутренній видъ въ настоящее время, 57.
— внутренность часовни въ настоящее время, 59.

Екатерингофъ въ Петровское время, съ гравюры 1716 года, 79.

Залъ Большаго театра, съ весьма рѣдкой гравюры прошлаго столѣтія, 349.

Исаакіевская площадь со стороны Большой Морской улицы, съ рисунка того времени Патерсона *(на отдѣльномъ листѣ)*, 256.

Исаакіевскій мостъ и часть города отъ адмиралтейства до сената, съ рисунка Патерсона 1794 г. *(на отдѣльномъ листѣ)*, 264.

Литейный дворъ и арсеналъ, съ гравюры Мильтона *(на отдѣльномъ листѣ)*, 278.

Лѣтній садъ и дворецъ въ Петровское время, съ гравюры 1716 года, 67.

Лѣтній садъ съ „Гротомъ", съ гравюры Ходжеса *(на отдѣльномъ листѣ)*, 60.

Малый театръ (французскій), съ акварели Сабожа 1821 г. *(на отдѣльномъ листѣ)*, 144.

Манежъ Конногвардейскаго полка, Преображенскія казармы и Таврическій садъ, съ акварели Патерсона 1811 года *(на отдѣльномъ листѣ)*, 296.

Мостъ чрезъ р. Неву, деревянный, одноарочный, по проекту Кулибина, съ гравюры 1799 года *(на отдѣльномъ листѣ)*, 302.

Набережная Невы и домъ князя Г. Г. Орлова (нынѣ Мраморный дворецъ), съ гравюры Эйхлера *(на отдѣльномъ листѣ)*, 288.

Невскій проспектъ: *а)* въ срединѣ прошлаго столѣтія, съ гравюры Бодуэна *(на отдѣльномъ листѣ)*, 138; *б)* отъ Зеленаго (Полицейскаго) до Аничкова моста въ прошломъ столѣтіи, съ рисунка Бенуа *(на отдѣльномъ листѣ)*, 320.

Памятники:
— Петру Великому: *а)* у Инженернаго замка, 279; *б)* на Сенатской площади, при открытіи его въ 1782 году, съ гравюры Мельникова, сдѣланной съ рисунка того времени Давыдова *(на отдѣльномъ листѣ)*, 270.
— Потемкину въ Херсонѣ, съ гравюры, приложенной къ „Русской Старинѣ" 1875 года, 303.

Петербургъ въ первоначальномъ его видѣ, съ гравюры Боденера, 5.

Петропавловская крѣпость въ концѣ XVIII столѣтія, съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры Уреніусомъ, 111.

Площадь Большаго театра, съ рѣдкой гравюры, 345.

Преображенскія казармы, Таврическій салъ и манежъ Конногвардейскаго полка, съ акварели Патерсона 1811 года *(на отдѣльномъ листѣ)*, 296.

Сѣнная площадь въ началѣ нынѣшняго столѣтія, съ офорта Иванова 1814 года *(на отдѣльномъ листѣ)*, 260.

Таврическій садъ, Преображенскія казармы и манежъ Конногвардейскаго полка, съ акварели Патерсона 1811 года *(на отдѣльномъ листѣ)*, 296.

Фонтанка близь устья и часть Лѣтняго сада съ „Гротомъ“, съ гравюры Ходжеса *(на отдѣльномъ листѣ)*, 60.

Церкви:
— Исаакіевскій соборъ, съ рисунка Патерсона, 256.
— Казанскій соборъ, съ гравюры Дорміэ, 125.
— Спаса на Сѣнной площади, 260.
— Троицкій соборъ въ первоначальномъ видѣ, съ современной гравюры, 7.

Эрмитажный театръ, съ гравюры прошлаго столѣтія, 199.

БЫТОВЫЕ РИСУНКИ.

Городскіе сторожа: *а)* ночью, съ гравюры Аткинсона, 91; *б)* днемъ, съ гравюры прошлаго столѣтія, 93.

Крестьянинъ въ XVIII столѣтіи, съ гравюры Дальстена, 147.

Моды въ концѣ XVIII столѣтія:
— Головной уборъ пчелиный улей; роба на манеръ королевиной; покрестьянски; a la Reine, 423.
— Дамскія моды 1789 года, 427.
— Моды 1797 года, 433, 435.
— Счастливый щеголь; уборъ а ла бельпуль; расцвѣтающая пріятность; раскрытыя прелести; прелестная простота, 413.
— Франтъ 1790 года, 430.
— Франтъ 1792 года, 431.
— Щеголиха на гуляньѣ; головной уборъ по манеру шишака Минервина, или подрагунски; левантскій турбанъ изъ цвѣтовъ; рогъ изобилія, 419.

Наказанія въ Россіи въ XVIII столѣтіи:
— Фухтелями, съ офорта Гейслера, 339.
— Плетью, въ тайной канцеляріи, съ акварели Гейслера, 333.

Народное гулянье на Невѣ въ Екатерининское время, съ офорта прошлаго столѣтія Нютгейля, 351.

Народныя увеселенія въ Петербургѣ въ Екатерининское время, съ гравюры Ходовецкаго, сдѣланной съ рисунка Майера, 353.

Петръ I и Екатерина I, катающіеся въ шнявѣ по Невѣ, съ современной гравюры Зубова, 1716 года, 15.

Рекрутъ въ Екатерининское время, съ офорта прошлаго столѣтія Гейслера, 317.

Роговая музыка, съ рѣдкой гравюры Набгольца, 75.

Священникъ и слѣпой нищій съ вожакомъ, съ гравюры Шефнера, конца прошлаго столѣтія, 25.

Типы монаховъ, съ гравюры Аткинсона, начала нынѣшняго столѣтія, 23.

Уличные продавцы въ Петербургѣ:
— блиновъ, 117.
— гребенокъ, 327.
— зелени, 119.
— конфектъ, 324.
— лубочныхъ картинъ и стальныхъ издѣлій, 311.
— пряниковъ, 43.
— сбитня, 115.
— старыхъ вещей, 317.
— цвѣтовъ, 309.

Ѣзда въ экипажахъ:
— въ городскомъ возкѣ съ форейторами и выѣздными гусарами, съ гравюры Аткинсона, начала нынѣшняго столѣтія, 37.

— въ извозчичьихъ саняхъ: *а)* съ гравюры Аткинсона, 95; *б)* съ гравюры Шефнера, 189.
— на дрожкахъ, съ гравюры прошлаго вѣка Набгольца, 275.
— въ придворныхъ экипажахъ, 185.
— въ барскихъ саняхъ: *а)* съ гравюры Шефнера, 195; *б)* съ гравюры Хаттенбергера, 207.
— загородныя катанья (въ „Красный Кабачокъ“), въ началѣ нынѣшняго столѣтія, *(на отдѣльномъ листѣ)*, 410.

РАЗНЫЯ ГРАВЮРЫ.

Ассигнація пятирублевая Екатерининскаго времени, факсимиле оригинала, 219.
Голова статуи Петра I, находящейся на Сенатской площади, съ гравюры Генрикеца 1772 года, 268.
Грѣлка предъ Зимнимъ дворцомъ, устроенная по приказанію Екатерины II, съ акварели Гейслера, 175.
Камень-громъ, 264.
Катафалкъ, воздвигнутый въ Петропавловскомъ соборѣ надъ гробами Петра III и Екатерины II, по рисункамъ Бренна, съ весьма рѣдкой картины Майера *(на отдѣльномъ листѣ)*, 30.
Монеты Екатерининскаго времени: 1, рубль 1763 г.; 2, рубль 1766 г.; 3, рубль послѣднихъ лѣтъ царствованія; 4, мѣдная сибирская монета; 5, крымская серебряная монета; 6, копѣйка 1765 г.; 7, монета, выбитая въ 1772 г., во время занятія Молдавіи, 215.
Планъ Петербурга въ 1705 году, со снимка, приложеннаго къ „Исторіи Петра Великаго“ Устрялова *(на отдѣльномъ листѣ)*, 6.
Пригласительный билетъ на маскарадъ къ оберъ-шталмейстеру Л. А. Нарышкину, факсимиле съ подлинника, 389.

2007085502